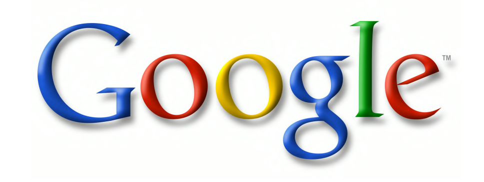

VE RI
TAS

С. В. ЕШЕВСКІЙ

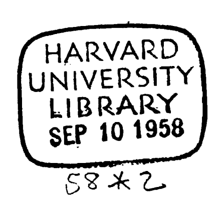
СОЧИНЕНІЯ

ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА И БІОГРАФІЕЙ ЕГО, СОСТАВЛЕННОЙ

К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ

МОСКВА
Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ
1900

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА, ВЪ МОСКВѢ.
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. № 5.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Въ предлагаемомъ томѣ собраны статьи С. В. Ешевскаго по русской исторіи.

Ешевскій извѣстенъ, какъ профессоръ всеобщей исторіи, ученикъ и преемникъ Грановскаго и Кудрявцева, какъ даровитый представитель ихъ каѳедры, авторъ спеціальныхъ изслѣдованій и статей по среднимъ вѣкамъ. Но на ряду съ этимъ Ешевскій былъ также спеціалистъ и по русской исторіи; раньше, чѣмъ онъ былъ приглашенъ въ Московскій университетъ по смерти Грановскаго, онъ былъ профессоромъ русской исторіи въ Казани: въ то время и позднѣе, въ Москвѣ, занявъ уже каѳедру всеобщей исторіи, онъ работалъ надъ различными вопросами русской исторіи,—въ началѣ въ связи съ читанными имъ курсами, затѣмъ для журнальныхъ статей. И хотя русская исторія являлась не главною, второю спеціальностью Ешевскаго, его немногочисленныя и отчасти недоконченныя работы въ этой области отличаются тѣми же крупными достоинствами, какъ и его работы по всеобщей исторіи, онѣ имѣли научное значеніе и литературный интересъ для своего времени, не утратили ихъ и въ наши дни.

*Когда нѣкоторыя статьи Ешевскаго по русской исторіи печатались уже по его кончинѣ, лѣтъ черезъ десять послѣ того времени, какъ онѣ были написаны, издатели считали необходимымъ дѣлать оговорки, указывали, что статьи эти еще не устарѣли, что, несмотря на протекшее уже тогда десятилѣтіе со времени ихъ составленія, онѣ содержатъ цѣнныя указанія и пр. Эти оговорки объясняются отчасти тѣмъ, что извѣстность Ешевскаго, какъ профессора всеобщей исторіи, заслоняла то, что и по русской исторіи онъ былъ также спеціалистъ; но еще болѣе эти оговорки зависѣли отъ увѣренности въ быстромъ ростѣ русской исторической науки. Но вотъ, скоро уже минетъ тридцать пять лѣтъ со смерти Ешевскаго, уже болѣе сорока лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ была написана имъ большая часть его статей по русской исторіи *), но и теперь статьи эти сохраняютъ свой интересъ, свое значеніе, и перепечатка ихъ вовсе не требуетъ оправданій, многихъ оговорокъ, серіозныхъ поправокъ.*

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ приводитъ отзывъ самого Ешевскаго,

---

*) *Только одна статья относится къ шестидесятымъ годамъ, одна къ сороковымъ, остальныя писаны въ пятидесятыхъ годахъ.*

который смотрѣлъ на свои труды, какъ на „бутъ" подъ зданіе образованія родной страны; но въ этихъ словахъ выразилась только скромность ученаго и его беззавѣтная преданность дѣлу просвѣщенія. Конечно, труды Ешевскаго по русской исторіи не внесли въ науку новыхъ началъ и обширныхъ запасовъ неизвѣстнаго матеріала, не образовали особой школы, но если ужъ брать сравненіе изъ области архитектуры, мы должны бы говорить здѣсь не о бутѣ, а о фундаментѣ: Ешевскій, несомнѣнно, въ своихъ немногочисленныхъ статьяхъ по русской исторіи выдвинулъ нѣсколько важныхъ вопросовъ, намѣтилъ основы необходимаго изслѣдованія, и его статьи могутъ быть поставлены въ связь съ нѣкоторыми крупными работами послѣдующихъ десятилѣтій.

Ниже, въ „библіографическихъ примѣчаніяхъ" даны краткія указанія на отношеніе статей Ешевскаго къ послѣдующей исторической литературѣ, здѣсь же сдѣлаемъ общую характеристику трудовъ его по русской исторіи. По отношенію къ фактическимъ даннымъ они не устарѣли: правда, съ тѣхъ поръ напечатано очень много разнообразныхъ матеріаловъ, но они не опровергаютъ, а лишь дополняютъ, распространяютъ сказанное у Ешевскаго, изслѣдованія котораго не требуютъ въ общемъ исправленія; если бы и теперь изслѣдователь поставилъ себѣ ту или иную изъ темъ Ешевскаго для подобнаго же популярнаго изложенія, какими задавался покойный профессоръ, онъ могъ бы ограничиться почти тѣмъ же основнымъ матеріаломъ, какимъ пользовался Ешевскій. Еще менѣе, конечно, устарѣли труды Ешевскаго по отношенію къ постановкѣ и способу изслѣдованія: статьи его по русской исторіи проникнуты тѣмъ научнымъ методомъ, тѣмъ живымъ историческимъ пониманіемъ, какіе отличаютъ вообще всѣ его произведенія. Наконецъ, вполнѣ нестарѣющія достоинства статей Ешевскаго заключаются въ талантливости изложенія, въ жизненности картинъ и характеристикъ,—достоинства, далеко не частыя въ нашей исторической литературѣ.

Статьи Ешевскаго по русской исторіи живо отражаютъ даровитую личность ученаго изслѣдователя и профессора, неразрывно связавшаго память о своей недолгой жизни съ исторической каѳедрой двухъ университетовъ.

Въ настоящемъ изданіи помѣщены четыре статьи, не вошедшія въ собраніе „Сочиненій С. В. Ешевскаго", изданное въ 1870 г., а также перепечатанъ отрывокъ изъ его воспоминаній. О рукописяхъ Ешевскаго, которыми пользовалось настоящее изданіе, сказано въ „библіографическихъ примѣчаніяхъ".

В. Якушкинъ.

Ярославль
15 ноября 1899 г.

СОЧИНЕНІЯ

С. В. ЕШЕВСКАГО

ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ.

СТЕПАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЕШЕВСКІЙ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Степанъ Васильевичъ Ешевскій родился 2-го февраля 1829 г. Онъ былъ сынъ кологривскаго (Костромской губерніи) помѣщика Василія Ивановича и жены его Александры Васильевны, урожденной Перфильевой. Первое дѣтство его прошло частью въ деревнѣ, частью въ уѣздномъ городѣ. Росъ онъ больнымъ; по его собственному свидѣтельству, въ одномъ изъ писемъ изъ-за границы, онъ былъ до пяти лѣтъ безъ ногъ и безъ языка. Проѣзжій медикъ, остановившійся въ Кологривѣ по дорогѣ въ Сибирь, помогъ ему. Съ болѣзненною нервностью мальчикъ соединялъ живость характера и способность къ ученію. Въ 1838 г. (скорѣе въ 1839 г.) онъ поступилъ въ костромскую гимназію, гдѣ былъ всегда изъ лучшихъ учениковъ. По его разсказу я знаю, что еще въ Костромѣ онъ, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ (дѣло было въ VI классѣ), задумалъ составить на основаніи учебника и читаемыхъ книгъ (читать онъ любилъ всегда и въ эту пору читалъ по большей части путешествія) историческій словарь; въ основаніе этого словаря они клали азбучный указатель къ книгѣ Кайданова. Строгое наказаніе мальчика за дѣтскую шалость и намѣреніе Василія Ивановича перейти на службу въ Нижній побудили этого послѣдняго взять сына изъ костромской гимназіи. Чтобы не терять времени, мальчикъ ходилъ въ кологривское училище, гдѣ его помнитъ С. В. Максимовъ. Въ 1842 г. В. И. Ешевскій перешелъ на службу въ Нижній. Степанъ Васильевичъ, послѣ приготовленія у одного изъ учителей, въ началѣ учебнаго 1842—43 г. поступилъ въ нижегородскую гимназію. Живо помню, какъ осенью 1842 г. къ намъ въ III классъ въ урокъ латинскаго языка привели тщедушнаго, худого мальчика, котораго тутъ же и проэкзаменовалъ учитель. Мальчикъ этотъ былъ Ешевскій, и тогда уже поражавшій болѣзненнымъ видомъ. Онъ отвѣчалъ хорошо и поступилъ въ IV классъ, гдѣ хорошо учился и скоро сталъ первымъ въ своемъ классѣ. Съ этихъ поръ начинаются мои личныя воспоминанія, хотя, впрочемъ, мы сблизились болѣе въ то время, когда

Ешевскій былъ уже въ V классѣ. Первымъ поводомъ къ нашему знакомству были приватные уроки греческаго языка, которые мы втроемъ (Ешевскій, я и М. И. Ч. одноклассный съ Ешевскимъ) брали у нашего директора, бывшаго когда-то профессоромъ греческаго языка. Добрый, теперь уже покойный, М. Ф. Гр. былъ охотникъ учить по-гречески, училъ даромъ, но, къ сожалѣнію, весьма неаккуратно и по своей грамматикѣ, безтолковой и скучной. Никто изъ учениковъ не выучился по-гречески ни у насъ въ гимназіи, ни въ университетѣ, гдѣ онъ былъ профессоромъ. Ешевскій не составлялъ исключенія въ этомъ случаѣ.

Гимназія нижегородская съ пансіономъ, при ней открытымъ (пансіонъ этотъ преобразованъ былъ въ институтъ только въ 1844—45 г.), считалась, если не лучшимъ, то однимъ изъ лучшихъ заведеній въ казанскомъ округѣ. То время, о которомъ мы теперь говоримъ, было завершеніемъ стараго періода его существованія, послѣднимъ временемъ полнаго господства старой педагогіи. Съ открытіемъ института потребовался для двухъ заведеній двойной комплектъ учителей, и потому пріѣхало много новыхъ лицъ изъ Казани и изъ петербургскаго педагогическаго института; пріѣзжіе привезли съ собою новое обращеніе и новые педагогическіе пріемы. Эту перемѣну ощутило на себѣ наше поколѣніе. Когда мы поступили въ гимназію, господствовала полная патріархальность. Каждую субботу сѣкли лѣнивыхъ, для чего директоръ являлся съ особою торжественностью въ классъ и вызывалъ по списку своихъ жертвъ; учителя дрались въ классѣ, одинъ учитель математики (умершій лѣтъ около 30 тому назадъ) бралъ ученика за волосы и тащилъ его черезъ классъ отъ доски къ скамейкамъ и отъ скамеекъ къ доскѣ; другой учитель географіи и русскаго языка въ первомъ классѣ, замѣтивъ, что мальчикъ грызетъ ногти, велѣлъ ему взять въ ротъ кусокъ мѣлу; онъ же заставлялъ двухъ виновныхъ учениковъ таскать другъ друга за волосы. Въ преподаваніи были тоже курьезы. Урокъ неизмѣнно задавался слѣдующимъ образомъ: учитель читалъ по книгѣ то, что надо выучить, а ученики, слѣдя по своимъ книгамъ, зачеркивали то, что учитель пропускалъ въ чтеніи; если въ программѣ (составленной въ Казани) было что-нибудь не входившее въ учебникъ, тогда учитель доставалъ, откуда Богъ послалъ, недостающее. Самымъ блистательнымъ образчикомъ того, что бывало въ гимназіяхъ, служитъ одинъ изъ нашихъ учителей математики (тоже умершій теперь), который ни разу—я учился у него года четыре—ни самъ не говорилъ въ классѣ, ни учениковъ не спрашивалъ. Легко представить, каковы были успѣхи въ математикѣ! Ломоносовское раздѣленіе слога на высокій, средній и низкій, источники изобрѣтенія и хріи господствовали въ той теоріи словесности, которая преподавалась намъ по Кошанскому. Между учителями той эпохи были, впрочемъ, и очень порядочные. Такимъ былъ учитель латинскаго языка Е. Т. Лѣтницкій (у котораго, впрочемъ, Ешевскій учился мало), доводившій учениковъ до V-го

класса. Постоянное вниманіе, постоянное повтореніе стараго, педантическое требованіе точности въ отвѣтахъ и упражненіяхъ были очень полезны для учениковъ; полное знаніе того круга предметовъ, въ которыхъ вращалось преподаваніе, умѣніе отвѣтить на всѣ вопросы учениковъ, тактъ, съ которымъ держалъ себя учитель,—все внушало къ нему уваженіе и ставило его выше насмѣшекъ. Самымъ лучшимъ учителемъ того времени былъ П. И. Мельниковъ, у котораго Ешевскій учился съ IV класса до окончанія курса. П. И. Мельниковъ мало занимался самымъ преподаваніемъ: рѣдко говорилъ въ классѣ, никогда не слушалъ отвѣтовъ учениковъ, не исполнялъ самыхъ основныхъ началъ педагогіи. Говорятъ, что въ началѣ своей педагогической дѣятельности онъ усиленно работалъ для классовъ; но по неопытности требовалъ слишкомъ многаго съ учениковъ. Египетскія династіи по Шамполіону, философскіе взгляды на паденіе Западной Римской имперіи (составленныя для этого свои записки онъ напечаталъ тогда же въ „Литературной Газетѣ"), персидская исторія въ эпоху Сассанидовъ входили въ его преподаваніе. Неудача этихъ требованій охладила его: онъ впалъ въ рутину; но, если случалось ему замѣчать, что кто-нибудь изъ учениковъ интересуется историческими вопросами, онъ говорилъ съ нимъ по цѣлымъ часамъ, звалъ его къ себѣ на домъ, давалъ книги, спрашивалъ о прочитанномъ, толковалъ и, такимъ образомъ, поддерживалъ интересъ. Говорилъ онъ всегда превосходно, книги выбиралъ интересныя. Оттого многіе ему чрезвычайно обязаны, а между этими многими въ особенности Ешевскій и я.

Въ 1844 г. открылся институтъ. Я, бывшій пансіонеромъ, перешелъ въ это новое заведеніе, и на годъ мы разстались съ Ешевскимъ; но въ этотъ годъ мы часто видались по праздникамъ и въ вакаціи; то онъ заходилъ ко мнѣ, то я къ нему. Тогда мы показывали другъ другу свои первые литературные опыты: Ешевскій писалъ стихи, я больше прозу. Ешевскій былъ строгимъ критикомъ этихъ опытовъ и, по правдѣ, очень справедливымъ. Стихи Ешевскаго были очень гладки, хотя и не показывали особаго поэтическаго дарованія. Черезъ годъ на одной изъ тѣхъ литературныхъ бесѣдъ, о которыхъ рѣчь будетъ дальше, Ешевскій читалъ свои стихи, между прочимъ одно стихотвореніе „Къ звѣздѣ". Директоръ гимназіи (не тотъ, о которомъ говорилось выше, а другой) замѣтилъ: „Надѣюсь, что ваша звѣзда не съ волосами" (т.-е. что стихотвореніе писано не къ женщинѣ): такъ ревниво охраняли тогда насъ даже отъ свѣжаго юношескаго чувства, которое придаетъ полную прелесть воспоминанію молодыхъ лѣтъ. Тогда же Ешевскій познакомилъ меня съ ихъ новымъ учителемъ словесности. Этотъ учитель былъ человѣкъ безспорно даровитый и намъ послѣ стараго преподаванія словесности казался чѣмъ-то особеннымъ. Какъ учитель, онъ былъ хорошъ тѣмъ, что требовалъ тщательной обработки слога и изученія образцовыхъ писателей; въ его воззрѣніяхъ на литературу было много своеобразнаго, но далеко не всегда

правильнаго; къ тому же, кромѣ знанія словесности русской и отчасти французской, онъ не обладалъ никакими знаніями; даже Байрона, которому онъ поклонялся, можетъ быть, иногда и чрезмѣрно, онъ зналъ по французскому переводу. Ешевскій имѣлъ съ нимъ впослѣдствіи столкновеніе, которое показываетъ, какъ рано развились въ немъ требованія, гораздо болѣе серьезныя, чѣмъ требованія самого учителя: онъ писалъ сочиненіе о Фритіофѣ и занялся отыскиваніемъ въ доступныхъ ему книгахъ свѣдѣній о норманахъ и ихъ жизни, а учитель желалъ опредѣленія отношеній Тегнеровой поэмы къ теоріи и гладкаго изложенія. Ешевскій кинулъ тетрадь, учитель разсердился; едва уладили дѣло.

Въ 1845 г. Ешевскій перешелъ въ VII классъ, а я, оставивъ институтъ, былъ переведенъ отцомъ въ гимназію. Здѣсь мы были почти неразлучны: вмѣстѣ ходили по коридору гимназіи; сходились по вечерамъ, то у него, то у меня, то въ знакомыхъ семействахъ и преимущественно въ одномъ, гдѣ радушно принимали гимназистовъ потому, что дѣти были тоже въ гимназіи. Много мы толковали въ это время и много спорили; я былъ въ обаяніи отъ Бѣлинскаго и отъ Григорьева (странное сопоставленіе, возможное только въ молодые года), я бредилъ Жоржъ Зандомъ. Ешевскій мало вѣрилъ первому, никогда не читалъ второго; впрочемъ, начиналъ сдаваться третьей; въ университетскіе годы онъ много читалъ ея романовъ и горячо заступался за нихъ. Его занятія были серьезнѣе моихъ: я весь предался чтенію литературному почти исключительно, перечитывалъ старыхъ и новыхъ русскихъ писателей, читалъ Жоржъ Занда, Гюго, Гёте; а онъ предпочиталъ чтеніе историческое: такъ я знаю, что въ эту пору онъ прочелъ Баранта: „Histoire des ducs de Bourgogne“ и готовилъ къ акту свое сочиненіе: „О пребываніи Петра Великаго въ Нижнемъ“, которое сначала прочитано было на литературной бесѣдѣ, потомъ на актѣ и, наконецъ, напечатано въ „Нижегородскихъ Вѣдомостяхъ“. Сочиненіе это, написанное подъ руководствомъ П. И. Мельникова, показало направленіе молодого автора: простота изложенія посреди господствующей въ гимназіяхъ и даже въ литературѣ—дѣло было въ 40-хъ годахъ—витіеватости, добросовѣстное пользованіе всѣмъ, что было указано, ясно говорили, что авторъ не остановится на полпути. Литературныя бесѣды, на одной изъ которыхъ прочитано это сочиненіе, введены были переведеннымъ незадолго передъ тѣмъ въ С.-Петербургъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа М. Н. Мусинымъ-Пушкинымъ. Каждый мѣсяцъ назначалась такая бесѣда, и для нея одинъ изъ учениковъ VI и VII классовъ долженъ былъ приготовить сочиненіе; сочиненіе это читалось въ присутствіи другихъ учениковъ и всего гимназическаго начальства; кто изъ учениковъ хотѣлъ, тотъ могъ возражать; завязывался споръ. Этотъ диспутъ, записанный учителемъ вмѣстѣ съ сочиненіемъ, посылался въ Казань на разсмотрѣніе профессора словесности; отчеты профессора о достоинствахъ присылаемыхъ отовсюду сочиненій печатались въ „Начальственныхъ распоря-

женіяхъ“ (тогдашній журналъ округа). Съ трепетомъ ждалъ каждый изъ нихъ, что-то скажетъ К. К. Фойхтъ объ его сочиненіи. При такомъ порядкѣ бесѣды эти—что ясно само собою—должны были имѣть въ себѣ много театральнаго, подготовленнаго: дѣйствительно, для нѣкоторыхъ учениковъ возраженія приготовлялъ учитель; сказанное негладко выглаживалось въ письменномъ изложеніи: бывало, послѣ бесѣды приготовляешь сочиненіе для отсылки въ Казань и сочиняешь на досугѣ отвѣты на возраженія, иногда даже послѣ придуманные учителемъ; все это потомъ еще чиститъ и выглаживаетъ учитель. Въ 1846 г. наше начальство, желая доказать, что гимназія не пала послѣ отдѣленія института, на что намекали въ актовой рѣчи этого послѣдняго заведенія, затѣяло пригласить на бесѣду губернскаго предводителя и губернатора. Сочиненіе было мое: „Борисъ Петровичъ Шереметевъ“. Сочиненіе понравилось, и тогда сдѣлали второй опытъ: Ешевскій читалъ свое сочиненіе: „О мѣстничествѣ“. Эти-то бесѣды описалъ П. И. Мельниковъ въ „Нижегородскихъ Вѣдомостяхъ“, которыя онъ тогда редактировалъ. Описаніе это перепечатано въ „Москвитянинѣ“ 1846 г., а потомъ А. С. Гацискимъ въ „Ниж. Вѣд.“ 1865 г. (№ 23, статья: „Воспоминаніе о С. В. Ешевскомъ“). Это описаніе не совсѣмъ безпристрастно уже и потому, что авторъ статьи былъ главнымъ руководителемъ бесѣды, такъ какъ темы были историческія; тѣмъ не менѣе дѣло передается довольно близко къ правдѣ. Дѣйствительно, мы серьезно готовились къ своимъ сочиненіямъ; прочитывали всѣ доступные намъ источники; готовились оба, какъ авторъ сочиненія, такъ и оппонентъ, и скрывали другъ отъ друга возраженія, что, впрочемъ, не мѣшало всей остальной обстановкѣ быть подготовленною. При такой подготовкѣ понятно, что сочинитель могъ отвѣчать и на стороннія возраженія. Помню я, на бесѣдѣ Ешевскаго одинъ изъ присутствующихъ (теперь уже покойный П. П. Григорьевъ) сдѣлалъ возраженіе, на которое Ешевскій могъ отвѣчать цитатой изъ „Полнаго собранія законовъ“. Готовился онъ для своего сочиненія много: прочелъ два тома мѣстническихъ дѣлъ, изданныхъ П. И. Ивановымъ (въ „Русскомъ Сборникѣ“ Московскаго историческаго общества), пересмотрѣлъ въ „Полномъ собраніи законовъ“ акты царствованія Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича, Акты Археогр. экспедиціи и т. п. „Симбирскаго Сборника“ тогда еще, кажется, не выходило или, по крайней мѣрѣ, не было въ Нижнемъ. Ешевскій писалъ мнѣ изъ Казани, что онъ тамъ прочелъ эту книгу. Въ этомъ же году Ешевскій и я впервые попробовали преподавательской дѣятельности: П. И. Мельниковъ получилъ на мѣсяцъ отпускъ, и въ продолженіе этого мѣсяца его уроки въ старшихъ классахъ были заняты учителями, а въ меньшихъ (III и IV) отданы мнѣ и Ешевскому; Ешевскій велъ свой классъ, сколько помню, и дѣльно и строго. Такъ проходила наша гимназическая жизнь. Ешевскій много читалъ; но онъ не зарывался въ книги; по своему веселому, подвижному характеру, онъ и не могъ этого сдѣлать; у него

иногда прорывались чисто-дѣтскіе порывы шалости, которые придавали ему много привлекательности. Онъ былъ молодъ въ полномъ смыслѣ слова и не корчилъ изъ себя солиднаго человѣка: любилъ потанцовать, поболтать, а иногда и пошалить, но какъ шалятъ дѣти. За-то знаніями своими онъ стоялъ далеко выше уровня лучшихъ даже гимназистовъ, думаю, и теперешняго времени: выходя изъ гимназіи, онъ былъ хорошо знакомъ съ русскою литературой, читалъ кое-что по-французски (по-нѣмецки онъ выучился уже послѣ университета; еще на III-мъ курсѣ онъ говорилъ мнѣ: „Начну читать, а передо мною встаетъ Андрей Андреевичъ, ну и кинешь книгу“. Андрей Андреевичъ Г., теперь покойный, былъ нашъ нѣмецкій учитель, который во всѣхъ оставилъ такое же благодарное воспоминаніе), читалъ много историческихъ книгъ и порядочно зналъ по-латыни. Твердая и вѣрная память, быстрота и живость соображенія отличали его уже и тогда. Когда онъ писалъ, онъ не выдѣлывалъ своихъ фразъ, оттого я шутя называлъ слогъ его *лапидарнымъ*; но тѣмъ не менѣе его изложеніе всегда было дѣльно и толково. Оглядываясь назадъ на это давноминувшее время, конечно можно быть недовольнымъ многимъ въ нашемъ первоначальномъ образованіи; можно сказать, что въ занятіяхъ нашихъ не было методы, что, узнавая много, мы узнавали какъ-то случайно и безсвязно: мы были всѣ—какъ часто любилъ говорить Ешевскій—самоучки. Тѣмъ не менѣе мы многое знали, хотя отъ случайности пріобрѣтенія между нужнымъ много было и ненужнаго; а, главное, мы получили любовь къ знанію, стремленіе къ труду и уваженіе къ наукѣ, проникались тѣмъ, вначалѣ смутнымъ, благоговѣніемъ къ ея высшему вмѣстилищу, университету, которое сопровождало насъ во всю жизнь. Думаю, что этимъ благомъ съ избыткомъ выкупается безпорядочность нашего образованія, бывшая естественнымъ слѣдствіемъ того состоянія науки и общества, при которомъ совершалось наше развитіе. За эти блага можно поблагодарить руководителей нашей молодости и литературу, которая насъ воспитала.

Въ іюнѣ 1846 г. Ешевскій кончилъ гимназическій курсъ. Ему хотѣлось ѣхать въ Москву; но воля отца, кажется, не безъ вліянія бывшаго тогда въ Нижнемъ профессора Н. А. Иванова, побудила его ѣхать въ Казань. Казанскій университетъ переживалъ въ то время лучшую пору своего существованія: въ I отдѣленіи философскаго факультета (по нынѣшнему историко-филологическій факультетъ) и въ факультетѣ юридическомъ было нѣсколько хорошихъ профессоровъ; но выше всѣхъ ихъ стоялъ Н. А. Ивановъ. Недавняя могила приняла въ себя этого замѣчательнаго человѣка, и я не могу удержаться, чтобы не сказать о немъ нѣсколькихъ словъ. Обширный и многосторонній умъ, громадная память и необыкновенный даръ слова отличали его, какъ профессора. Онъ мало сдѣлалъ для науки; но въ этомъ виновата была преимущественно та обстановка, которую онъ нашелъ въ Казани: буйные, дикіе нравы господствовали въ студенчествѣ этого полувосточнаго города; и почти то же можно

сказать и о нравахъ профессоровъ, а отчасти и всего общества казанскаго той эпохи, когда Ивановъ началъ свою дѣятельность. Но этого мало: университетъ былъ бѣденъ профессорами. Иванову пришлось занять нѣсколько каѳедръ: онъ читалъ въ одно время русскую исторію и древности (едва ли это не единственный профессоръ, за исключеніемъ харьковскаго Успенскаго, который читалъ русскія древности), всеобщую исторію, да еще съ особымъ курсомъ для юристовъ, и исторію философіи. Во всѣхъ этихъ предметахъ Ивановъ старался приносить съ собою самостоятельное знаніе, и оттого ему недоставало времени выработать что-нибудь до той степени, чтобы выработанное могло быть напечатано. Печатно Ивановъ извѣстенъ мало, отчасти и оттого, что лучшее его сочиненіе, „Россія", появилось подъ чужимъ именемъ, да еще подъ именемъ, непользовавшимся въ литературѣ почетною извѣстностію. Тѣмъ не менѣе по замыслу, да частью и по исполненію это книга замѣчательная. Молодой человѣкъ, только что кончившій курсъ въ Казани, гдѣ исторію слушалъ у Булыгина, большого чудака, отчасти скептика, человѣка, судя по нѣкоторымъ статьямъ и по разсказамъ, весьма неглупаго, но мало образованнаго и мало даровитаго, этотъ-то молодой человѣкъ, побывъ немного въ Дерптѣ, почитавъ кое-что, задумалъ перестроить русскую исторію: онъ первый поставилъ ее въ среду исторіи другихъ славянскихъ народовъ и связалъ съ общею исторіей Европы. Къ сожалѣнію, книга оканчивается на смерти Ярослава Владиміровича; но самый планъ долженъ когда-нибудь пробудить даровитаго человѣка, заставить его поработать и осуществить то, что бродило въ головѣ молодого дерптскаго студента, и что онъ покусился осуществить со всею дерзостью молодости, не подозрѣвающей ни обширности предмета, ни слабости еще неопытныхъ силъ. Эта книга, встрѣченная привѣтомъ Шафарика, была погребена для русской публики громовою рецензіей О. М. Бодянскаго въ „Московъ. Наблюдателѣ". Впослѣдствіи въ одномъ изъ примѣчаній къ своей докторской диссертаціи О. М. воздалъ должное этой книгѣ; но было уже поздно: его рѣзкую статью въ журналѣ прочли всѣ, а диссертацію читали весьма немногіе. Отъ того или отъ другого—все равно, но этотъ замѣчательно-даровитый человѣкъ не оставилъ по себѣ замѣтнаго слѣда. Позднѣйшія поколѣнія строго осудили Иванова: отголосокъ этихъ сужденій можно видѣть въ „Воспоминаніяхъ о С. В. Ешевскомъ" А. С. Гацискаго. Дѣйствительно, Ивановъ послѣднихъ годовъ не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ былъ быть. Грустное чувство овладѣваетъ невольно, когда подумаешь о томъ, что разныя обстоятельства, вольныя и невольныя вины отнимали у русской мысли и русской науки не менѣе дѣятелей, чѣмъ и самая смерть. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, Ивановъ былъ въ полной славѣ.

Ешевскій, пріѣхавъ въ Казань и выдержавъ съ честью вступительный экзаменъ, отъ котораго ученики нашей гимназіи не были избавлены и въ Казани, сдѣлался студентомъ 1-го курса 1-го отдѣленія философскаго

факультета и слушалъ, между прочимъ, профессора Иванова, читавшаго всѣмъ курсамъ всеобщую исторію. По недостатку времени Ивановъ принялъ такую систему: онъ собиралъ всѣ четыре курса въ одну аудиторію и читалъ имъ то пропедевтику исторіи (обозрѣніе литературы исторической и вспомогательныхъ наукъ), то древнюю, то среднюю, то новую исторію. Такимъ образомъ, каждый студентъ выслушивалъ полный курсъ исторіи, хотя и не всегда въ систематическомъ порядкѣ. Когда Ешевскій былъ на первомъ курсѣ, Ивановъ читалъ пропедевтику. Въ предшествующій разъ онъ читалъ пропедевтику блистательно: въ живыхъ очеркахъ, характеризуя тотъ или другой родъ источниковъ, ту или другую вспомогательную науку, онъ приводилъ въ восторгъ слушателей. Студенты старшихъ курсовъ передавали Ешевскому (это я слышалъ отъ него самого) о той лекціи, которую Ивановъ посвятилъ пѣснямъ и которую заключилъ словами Шиллера: „Der böse Mensch kann keine Lieder haben". Къ сожалѣнію, на этотъ разъ пропедевтика имѣла совсѣмъ другой характеръ: Ивановъ вздумалъ прочесть каталогъ историческихъ сочиненій. Ешевскій нѣсколько разъ въ своихъ письмахъ возвращается къ этимъ лекціямъ: „Вообрази, что въ одной его лекціи было 260 собственныхъ именъ. Суди же, какова память", писалъ онъ мнѣ въ первое полугодіе. „Пропедевтика быстро идетъ къ совершенству, писалъ онъ передъ переходнымъ экзаменомъ: теперь ея 78 лекцій, и если положить круглымъ числомъ по 5 собственныхъ именъ на каждую лекцію (впрочемъ, это minimum), то можешь представить, какой громадный итогъ проклятыхъ именъ, которыми надо набить голову къ наступающему торжеству экзаменовъ. Vanitas vanitatum et omnia vanitas". Не довольствуясь собственными именами и названіями сочиненій, Ивановъ вносилъ еще иногда и оглавленія сочиненій; такъ, напримѣръ, знаменитыя сочиненія Вассія De scriptoribus graecis и De scriptoribus latinis удостоены были этой чести; а такъ какъ ихъ оглавленія состоятъ тоже изъ именъ писателей, то запасъ именъ еще умножился. Прибавлю, впрочемъ, что были и характеристики: я помню превосходную лекцію о Гиббонѣ, которую читалъ въ тетрадяхъ Ешевскаго. Всю эту мудрость надо было прочитывать не только къ экзамену, но еще къ репетиціи, которая бывала послѣ Рождества. Ешевскій съ честью сдалъ репетицію. Возвратясь изъ Нижняго послѣ Святой, писалъ онъ мнѣ: „Пріѣхалъ въ Казань, комната пуста: все вынесено точно послѣ нашествія непріятельскаго. Первый день былъ посвященъ приведенію въ порядокъ комнаты и отчасти головы, впрочемъ, преимущественно первой. На другой день Нижній изъ головы вонъ, лекціи въ руки; двѣ ночи напролетъ не спалъ. За этотъ безпримѣрный подвигъ на репетиціи Ивановъ сказалъ sic (въ юношескихъ письмахъ Ешевскій часто вставлялъ не только слова, но и фразы по-латыни): „весьма благодаренъ г. Ешевскій", и поставилъ 5+ одному изъ всего факультета. Сицевую викторію я отпраздновалъ, пройдя галопомъ отъ университета до дому". Послѣднія слова вовсе не

фраза: Ешевскій въ ту пору готовъ былъ дѣйствительно пробѣжать галопомъ; ходилъ же онъ цѣлую ночь по Казани, отыскивая будочника, который заснулъ, чтобы забросить его алебарду на будку съ цѣлью привести въ затрудненіе этого стража „съ сѣкирою, въ бронѣ сермяжной"; выворачивалъ же онъ другою ночью маленькія деревца на Черномъ Озерѣ (казанское гулянье) вверхъ кореньями;—такія шалости были совершенно въ его духѣ. Шутка, мистификація чрезвычайно нравились ему въ тѣ далекіе годы. Впрочемъ, неистощимый запасъ веселости и юмора, къ сожалѣнію, омраченный болѣзненностью, сохранилъ онъ и въ послѣдніе страдальческіе дни свои. Ивановъ благоволилъ къ Ешевскому съ самаго его пріѣзда: даже первое время онъ, пока Ивановъ не пріѣзжалъ, останавливался на его квартирѣ и здѣсь прочелъ большую рѣдкость, докторскую диссертацію Иванова: De cultus popularis in Russia ortu et progressu. Послѣ удачной репетиціи благоволеніе усилилось, и Ивановъ указалъ ему для дополненія къ тому, что онъ уже читалъ о происхожденіи варяговъ, на сочиненія Байера и Memoriae populorum. Самъ Ешевскій въ то время приходилъ въ восторгъ отъ славянской теоріи Венелина и, когда былъ въ Нижнемъ, давалъ мнѣ читать „Скандинавоманію". На лѣтней вакаціи онъ предполагалъ заняться сводомъ мнѣній о варягахъ и писалъ мнѣ: „Мнѣ хочется сначала собрать всѣ извѣстія восточныхъ, византійскихъ и западныхъ писателей о варягахъ, а потомъ представить всѣ мнѣнія о нихъ, расположивъ эти мнѣнія по сектамъ". Мысль эта, впрочемъ, не была осуществлена, быть можетъ, по той причинѣ, о которой говоритъ онъ въ концѣ письма: „Ради Аллаха, не говори объ этомъ Павлу Ивановичу (Мельникову), а то, я предчувствую, что онъ скажетъ, что прежде, нежели браться за такое предпріятіе, надо лучше моего знать исторію". Для насъ это невыполненное предпріятіе важно потому, что показываетъ, какъ добросовѣстно хотѣлъ все знать Ешевскій еще въ такой ранней молодости (тогда ему было только 18 лѣтъ). Другимъ занятіемъ Ешевскаго въ Казани была нумизматика: онъ вывезъ оттуда небольшое собраніе монетъ и нѣсколько старинныхъ французскихъ книгъ объ этомъ предметѣ. Это было началомъ его археологическихъ занятій, получившихъ впослѣдствіи такое видное мѣсто въ ряду его трудовъ. У Ешевскаго страсть къ собиранію предметовъ древности была не только результатомъ пониманія ихъ важности, но и просто страстью антикварія: онъ любовался каждымъ предметомъ, который пріобрѣталъ. Отличительною чертой его было то, что никогда и ничего онъ не дѣлалъ хладнокровно, только для отбыванія обязанности; но во все вносилъ страстность своей природы, клалъ часть своей души; оттого, быть можетъ, онъ и сгорѣлъ такъ рано... Изъ другихъ профессоровъ перваго курса могъ бы принести пользу Ешевскому Тхоржевскій, учившій по-гречески (въ Казань поступали совершенно незнающіе этого языка, ибо изъ гимназій округа преподаваніе его было введено только въ одну, 1-ю казанскую); но, къ сожалѣнію, онъ

учился у Тхоржевскаго только годъ, да и то по болѣзни не всегда бывалъ на лекціи. „Къ несчастію, писалъ мнѣ Ешевскій, я не слыхалъ его объясненія глаголовъ и вызубрилъ *τύπτω* наизусть“. Ни Н. М. Благовѣщенскаго, ни В. И. Григоровича, читавшихъ на старшихъ курсахъ, не слушалъ Ешевскій и, разумѣется, не слушалъ юристовъ, между которыми блисталъ тогда Д. И. Мейеръ.

Лѣтнюю вакацію Ешевскій провелъ въ Нижнемъ, гдѣ былъ тогда Ивановъ, ревизовавшій нашу гимназію, и эллинистъ Фатеръ. Ивановъ, узнавъ о томъ, что Ешевскій собирается перейти въ Москву, началъ уговаривать его остаться въ Казани, выставлялъ на видъ то, что по выходѣ онъ можетъ остаться при университетѣ, и что онъ, Ивановъ, надѣется имѣть его своимъ адъюнктомъ. Ешевскій не поддался, однако, этимъ убѣжденіямъ и твердо рѣшился ѣхать въ Москву. Фатеръ, говорившій только по-нѣмецки и по-латыни, скучалъ въ Нижнемъ; Ивановъ познакомилъ съ нимъ Ешевскаго, который сопровождалъ его въ прогулкахъ и, не зная по-нѣмецки, долженъ былъ говорить по-латыни, что и было для него самого чрезвычайно полезно.

Въ іюлѣ я уѣхалъ въ Москву; Ешевскій пріѣхалъ вскорѣ послѣ меня. Когда кончились мои вступительные экзамены, а лекціи еще не начинались, мы съ Ешевскимъ собрались къ Троицѣ; наняли телегу въ одну лошадь и двое сутокъ тащились до Троицы; здѣсь пробыли день, поклонились святынѣ и въ ризницѣ Лавры впервые познакомились съ памятниками церковной древности. Назадъ ѣхали также двое сутокъ, ѣхали, разумѣется, шагомъ и часто шли пѣшкомъ. Всю эту дорогу Ешевскій былъ необыкновенно веселъ: длинная перспектива будущаго развивалась передъ нами радужная и заманчивая; сколько смѣху, шутокъ, остротъ! Всѣ дорожныя неудобства только усиливали нашу веселость: помню, что разъ пришлось намъ спать поочередно на узкой лавочкѣ, и какъ мы были довольны этимъ обстоятельствомъ! Такъ молоды мы были, такъ намъ было весело! Въ Москвѣ мы шатались по Кремлю, смотрѣли, что было доступно нашимъ средствамъ, и проводили въ прогулкахъ лѣтніе вечера. Москва и Кремль повѣяли на насъ своею старою историческою жизнью. Какое-то чувство восторга и благоговѣнія къ старинѣ пробивалось въ нашихъ разговорахъ. Съ юношескимъ негодованіемъ смотрѣли мы на перестройки старыхъ зданій и пристройки къ нимъ: намъ больно было видѣть, что новая жизнь коснулась исторической святыни. Я поселился у своихъ родныхъ на Прѣснѣ, Ешевскій у своей тетки въ Хамовникахъ. Мы видѣлись каждый день, иногда оставались ночевать другъ у друга; а иногда тотъ, у котораго другой былъ въ гостяхъ, шелъ провожать почти что всю дорогу и возвращался домой одинъ. О чемъ тутъ не было переговорено! Но главный вопросъ, который занималъ насъ, былъ: что-то скажетъ намъ университетъ, тогда гремѣвшій по всей Россіи? Съ нѣкоторыми изъ профессоровъ мы были знакомы по сочиненіямъ: оба мы прочли „Волинъ,

Іомбургъ и Винету“ *Грановскаго* (еще изъ Казани Ешевскій писалъ мнѣ съ восторгомъ объ этой статьѣ), *С. М. Соловьева:* „Объ отношеніяхъ Новгорода къ великому князю“ и тогдашнюю новинку, на которую мы съ жадностью кинулись по пріѣздѣ въ Москву, „Исторію родовыхъ отношеній между князьями Рюрикова дома“. Помню, какъ по дорогѣ, во Владимірѣ, попался мнѣ листокъ газеты съ извѣстіемъ о диспутѣ Соловьева и съ краткимъ изложеніемъ книги: новый міръ, казалось, откроется передо мною, когда прочту книгу. Въ Москвѣ я прочелъ полемику между Соловьевымъ и Погодинымъ; я немедленно сталъ на сторонѣ Соловьева и тогда же досталъ себѣ его лекціи. Слѣдя за журналами, мы читали и статьи профессоровъ: оба мы чуть не наизусть знали статью *К. Д. Кавелина:* „Юридическій бытъ древней Россіи“, которою открывался „Современникъ“ 1847. Ешевскаго познакомилъ съ нею профессоръ Казанской духовной академіи Морошкинъ, котораго онъ очень полюбилъ въ Казани и о которомъ съ жаромъ говорилъ мнѣ въ это первое время. *С. П. Шевырева* и *Ѳ. И. Буслаева* мы тоже знали: перваго и по журнальнымъ статьямъ, и по „Теоріи поэзіи“, съ которою я былъ близко знакомъ, и по только что появившейся „Исторіи русской словесности“, а послѣдняго по его книгѣ „О преподаваніи отечественнаго языка“, которая для меня тогда была мало понятна. *М. Н. Каткова* оба мы знали, какъ переводчика „Ромео и Юліи“ и автора нѣсколькихъ журнальныхъ статей, изъ которыхъ съ особымъ наслажденіемъ читалась статья о Саррѣ Толстой. „Элементы и формы“ не дошли ни до Нижняго, ни до Казани, да едва ли мы были въ состояніи тогда понять эту книгу, какъ слѣдуетъ. Все это были имена, извѣстныя намъ; но рядомъ съ ними произносились два другія имени, какъ надежда будущаго: изъ-за границы пріѣхали *П. Н. Кудрявцевъ* и *П. М. Леонтьевъ*. Мы и не подозрѣвали тогда, что Кудрявцевъ былъ авторомъ тѣхъ изящно-грустныхъ и поэтически-задушевныхъ повѣстей, которыя подъ подписью А. Н. и А. Нестроевъ плѣняли насъ въ современныхъ журналахъ; мы не знали тогда, что граціозная статья „О Венерѣ Милосской“ (въ Отеч. Зап., а послѣ въ Пропилеяхъ) принадлежала тому же перу.

Но вотъ лекціи открыты: мы выслушали щегольски-обточенную и тщательно приготовленную лекцію Шевырева, слышали лекціи новыхъ профессоровъ, присутствовали при открытіи филологической семинаріи, при чемъ Шевыревъ произнесъ цицероновскою латынью привѣтственную рѣчь и закончилъ ее словами: floreant, floreant apud nos studia philologica! Здѣсь позволю себѣ остановиться и сказать нѣсколько словъ о Московскомъ университетѣ въ ту эпоху, когда наша alma mater была общимъ чаяніемъ почти всего, что было мыслящаго въ Россіи, верховнымъ ареопагомъ въ дѣлѣ науки. Московскій университетъ, когда мы вступили въ него, блисталъ плеядою талантовъ въ разныхъ родахъ и разныхъ направленіяхъ: Соловьевъ и Шевыревъ, Катковъ и Рѣдкинъ, Грановскій и Крыловъ,

Кавелинъ и Морошкинъ, Кудрявцевъ и Чивилевъ — что можетъ быть противоположнѣе по таланту и направленію, по складу ума и характера? Но надъ всѣмъ этимъ разнообразіемъ умовъ, характеровъ и даже направленій подымалось одно общее свойство. Если въ Московскомъ университетѣ возникла распря, то причину надо было искать не въ томъ, что профессора добивались какихъ-нибудь матеріальныхъ выгодъ и ставили другъ другу западни, а въ разницѣ направленій: одинъ считалъ вреднымъ то, что другой признавалъ полезнымъ; тогда вся Россія это знала и вѣрила Московскому университету. Если одна тяжелая исторія разнеслась въ это время по лицу земли русской, то въ той же исторіи сказалось со стороны университета столько высоко-благороднаго, горячаго, молодого чувства, что не Московскій университетъ обвинило на этотъ разъ русское мыслящее общество, узнавшее исторію; даже въ то время, когда сѣкира положена была у корня дерева, когда закрыты были нѣкоторыя каѳедры, а другія сужены и число студентовъ уменьшено до нормы 300 человѣкъ (кромѣ медиковъ), и тогда къ Московскому университету можно было вполнѣ отнести слова поэта:

Ты твердо свѣточъ свой держалъ.

Вотъ отчего такъ дорогъ намъ всѣмъ день 12-го января, день нашего общаго духовнаго рожденія: всѣ мы повиты и взлелѣяны духомъ этого высоко-нравственнаго времени въ жизни Московскаго университета! Мнѣ скажутъ, можетъ быть: отчего Московскій университетъ выпустилъ мало людей ученыхъ, да и тѣмъ приходилось многому доучиваться собственными средствами и навсегда страдать недостаткомъ тѣхъ или другихъ знаній? Не стану спорить, зная все это горькимъ опытомъ не только на себѣ, но и на многихъ близкихъ людяхъ, но все-таки отвѣчу, что Московскій университетъ выпустилъ много просвѣщенныхъ людей и что между дѣятелями настоящаго времени, начиная отъ высшихъ ступеней и до самыхъ скромныхъ, немало воспитанниковъ этого университета, или учениковъ его бывшихъ воспитанниковъ, или, по крайней мѣрѣ, людей, въ юности читавшихъ и перечитывавшихъ то, что писано его членами. Едва ли много найдется людей нашего поколѣнія, которые были бы свободны отъ прямого или косвеннаго вліянія Московскаго университета. На Московскій университетъ нашего времени есть и еще одно обвиненіе: въ немъ, говорятъ, преобладало западное направленіе, онъ не былъ чисто-русскимъ. Въ этомъ обвиненіи есть своя доля правды: дѣйствительно, въ университетѣ число даровитыхъ представителей европейскаго направленія было больше, чѣмъ славянофиловъ; дѣйствительно, сочувствіе было болѣе на ихъ сторонѣ уже и потому, что самымъ своимъ существованіемъ они представляли протестъ несочувственному для многихъ настроенію, господствовавшему тогда въ оффиціальныхъ сферахъ. Нельзя не видѣть въ этомъ сла-

бой стороны тогдашняго общества, а не одного университета, но нельзя однако не признать, что, западный или русскій, этотъ университетъ того времены принесъ значительную пользу, воспитывая нравственно цѣлое поколѣніе. Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что нѣкоторые изъ видныхъ представителей славянофильства вышли изъ того же университета, и что многіе обратились къ этому ученію впослѣдствіи; но и тѣ и другіе не помянутъ, мы убѣждены въ томъ, лихомъ своихъ студенческихъ лѣтъ.

Перейдемъ теперь къ преподаванію исторіи, которое ближе интересуетъ насъ по отношенію къ Ешевскому. Четыре профессора преподавали исторію въ то время, когда мы пріѣхали въ Москву: Грановскій, Кудрявцевъ, Соловьевъ и Кавелинъ. Съ изящною личностью Грановскаго въ недавнее время поэтически-ярко познакомилъ публику А. В. Станкевичъ. Сочиненіе это, имѣющее всю прелесть современныхъ записокъ, живо переноситъ читателя въ ту эпоху, въ кабинетъ Грановскаго и въ кружокъ людей, связанныхъ съ нимъ тѣсною дружбой. Но для пониманія Грановскаго въ университетѣ, для оцѣнки его вліянія на студентовъ книга г. Станкевича даетъ гораздо менѣе, чѣмъ для оцѣнки его личности. Быть можетъ, не оттого ли произошла неясность въ этомъ отношеніи, что въ превосходной книгѣ г. Станкевича между лицами, окружавшими Грановскаго, слишкомъ мало мѣста дано П. Н. Кудрявцеву? Эти два лица дополняютъ другъ друга, ихъ единодушіе, взаимное уваженіе и вѣрное пониманіе другъ друга должны бы служить благотворнымъ примѣромъ и новому поколѣнію профессоровъ: „Грановскій даровитѣе меня“, вполнѣ искренно говорилъ Кудрявцевъ. „Кудрявцевъ ученѣе меня“, говорилъ Грановскій. Такая оцѣнка совершенно соотвѣтствуетъ дѣйствительности: точно, Грановскій былъ даровитѣе, точно, Кудрявцевъ былъ ученѣе. Различіе характеровъ соотвѣтствовало различію талантовъ: открытый, веселый характеръ Грановскаго такъ же мало похожъ былъ на задумчивый, сосредоточенный характеръ Кудрявцева, какъ ясное, образное, античноизящное изложеніе Грановскаго, поражающее умѣньемъ при сжатости сказать все, что нужно для полноты образа, и ничего не оставляющее въ туманѣ, непохоже было на обширное, полное самыхъ дробныхъ психологическихъ соображеній изложеніе Кудрявцева. Если на лекціяхъ Грановскаго увлекалъ насъ быстрый, художественный очеркъ цѣлыхъ эпохъ и народовъ, то у Кудрявцева мы слѣдили внимательно за тонкимъ разборомъ характеровъ. Торжествомъ его были лекціи о блаженномъ Августинѣ и Лютерѣ; помню, что очерку внутренняго развитія Лютера посвящено было пять лекцій. Передъ нами во всей полнотѣ прошла борьба, совершавшаяся въ душѣ этихъ двухъ великихъ личностей, завершившаяся для одного переходомъ въ христіанство, для другого отторженіемъ отъ Рима. Переходя къ изображенію внѣшнихъ дѣйствій и отношеній къ явленіямъ, совершающимся въ человѣческомъ обществѣ, а не въ душѣ человѣка, Кудрявцевъ уже не былъ такъ счастливъ, хотя и съ этой сто-

роны можно указать превосходныя страницы въ „Судьбахъ Италіи“, гдѣ опять-таки лучше всего выходитъ характеристика папы Григорія Великаго. Типическимъ выраженіемъ особенностей таланта Кудрявцева можетъ служить его книга: „Римскія женщины по Тациту“ и въ особенности разборъ „Эдипа царя“. Эта статья, небольшая по объему, невольно останавливаетъ вниманіе стройнымъ раскрытіемъ психологическихъ мотивовъ, лежащихъ въ глубинѣ Софокловой драмы. Я думаю, что нигдѣ съ такою яркостью не вышли всѣ достоинства, и, можетъ быть, недостатки Кудрявцева: любя вдумываться во всѣ оттѣнки, онъ слишкомъ долго останавливалъ читателя на разъясненіи этихъ оттѣнковъ. Эта особенность придавала его изложенію значительную долю неопредѣленности; съ другой стороны, мѣсто первоначальнаго образованія сообщило ему нѣкоторую долю реторики, отъ которой онъ не могъ до конца вполнѣ освободиться; онъ даже говорилъ довольно цвѣтисто, чего никогда не замѣчали въ Грановскомъ.

Въ продолженіе нашего университетскаго курса Грановскій постоянно читалъ древнюю исторію, а среднюю и новую они читали поочередно. Въ чтеніи ихъ была замѣтна большая разница: курсъ Грановскаго (среднюю исторію мнѣ удалось слушать и у того, и у другого) былъ всегда законченнымъ, ровнымъ во всѣхъ частяхъ; у Кудрявцева были любимыя лица и любимыя эпохи, на которыхъ онъ останавливался съ большею подробностью и внося свое сочувствіе: иногда при такомъ изложеніи слишкомъ односторонне представлялись историческія лица, они какъ-то обращались въ представителей идеи. Такъ, слѣдя за борьбой, совершавшеюся въ душѣ Лютера-монаха, профессоръ совершенно оставилъ въ сторонѣ веселаго, женатаго Лютера-реформатора и, насколько помню, недостаточно ясно указалъ на причины, почему лютеранство получило характеръ религіи образованнаго меньшинства. Съ понятнымъ неодобреніемъ представляя иконоборческія и анабаптистскія движенія въ Германіи XVI в., профессоръ не объяснилъ ихъ появленія. Вообще за очерками лицъ и развитіемъ мысли терялись у него политическія общественныя отношенія; знакомя насъ съ характерами гуманистовъ и мистиковъ, съ подробностями ученія послѣднихъ, съ упадкомъ римской куріи подъ вліяніемъ гуманизма, съ ея вопіющими злоупотребленіями, Кудрявцевъ не указывалъ ни устройства Священной Римской имперіи, ни взаимнаго отношенія сословій. Словомъ, реформація представлялась исключительно религіознымъ и умственнымъ переворотомъ, а не общественнымъ явленіемъ, являлась торжествомъ просвѣщенія надъ невѣжествомъ. Можетъ быть, такая культурная точка зрѣнія объясняется отчасти и обстоятельствами того времени; позднѣе П. Н. обратилъ свою мысль и на политическую сторону исторіи: всѣмъ извѣстно, что одно время онъ велъ политическое обозрѣніе въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Но, во всякомъ случаѣ, эта стихія умственнаго движенія постоянно была у него преобладающею. Европейская цивилизація

неизмѣнно казалась ему верхомъ развитія. Отсюда происходятъ и его непониманіе русской исторіи, и противодѣйствіе славянофильской партіи, и, наконецъ, нерасположеніе къ комедіи Островскаго, такъ ярко высказавшееся въ его статьяхъ въ „От. Зап.“. На русскую жизнь онъ смотрѣлъ съ отрицательной стороны, видѣлъ въ ея особенности одну только дикость. „Изученіе русской исторіи совращаетъ людей съ прямого пути“, сказалъ онъ разъ мнѣ лично въ одномъ памятномъ для меня разговорѣ. Любя Россію отвлеченно, желая ей добра по своему, непоколебимо благодушный, Кудрявцевъ, романтикъ и мистикъ по натурѣ, относился даже съ нѣкоторымъ, какъ бы несвойственнымъ ему, ожесточеніемъ ко всему, что не напоминало Европы. Знающіе его повѣсти вспомнятъ, что главная ихъ тема—гибель симпатическаго лица въ удушающей, невѣжественной и грубой обстановкѣ. Такимъ образомъ, повѣсти его были отрицательнаго направленія, хотя отрицаніе ихъ выражалось въ иной формѣ, чѣмъ позднѣйшее отрицаніе: грубо-грязныхъ картинъ не любилъ изящный Кудрявцевъ. По поводу одной повѣсти онъ сказалъ въ рецензіи: „когда публика наша лакомится такимъ неопрятнымъ блюдомъ, какъ Адамъ Адамовичъ“, и т. д. Его повѣсти были грустными элегіями, нѣсколько однообразными вслѣдствіе постоянно мрачнаго колорита. Къ нимъ превосходно идетъ названіе одной изъ нихъ: „Безъ разсвѣта“. Характеристично слѣдующее обстоятельство: въ Италіи, потерявъ жену, что было для него смертельнымъ ударомъ, Кудрявцевъ писалъ повѣсть. Въ этой поэтической формѣ выражались вообще его грустныя минуты. Грановскій былъ болѣе его русскимъ человѣкомъ: чуткая, художественная природа подсказывала ему, что въ русской жизни есть свои особенности, что будущность русскаго народа велика, что русскій историкъ на многое долженъ взглянуть иначе, чѣмъ европейскій, и что взглядъ его будетъ правильнѣе. Не Грановскій ли первый (не изъ славянофиловъ) высказалъ то мнѣніе, что намъ нужно перестроить исторію Византіи (это сказано въ его статьѣ о книгѣ Медовикова)? Въ послѣдніе годы онъ сталъ собирать книги по русской исторіи и читалъ все новое и кое-что старое: быть можетъ, многое перестроилось бы въ его воззрѣніяхъ, если бы онъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ. Г. Станкевичъ указалъ уже, какъ онъ относился къ Крымской кампаніи; я, съ своей стороны, имѣлъ случай слышать отъ Грановскаго многое, что записано въ книгѣ г. Станкевича. Такимъ образомъ, эти два профессора взаимно дополняли другъ друга и сходились между собою въ томъ, что для обоихъ исторія имѣла воспитательный характеръ; оба въ своемъ изложеніи старались дѣйствовать преимущественно на нравственное чувство, и за это имена обоихъ будутъ навѣки памятны.

Далѣе мы будемъ имѣть случай разсказать, какъ Кудрявцевъ способствовалъ личнымъ занятіямъ студентовъ; а теперь замѣчу только, что, при доступности обоихъ, мы охотнѣе ходили къ Кудрявцеву и от-

кровеннѣе говорили съ нимъ: добродушный, снисходительный, задумчивый Кудрявцевъ не такъ пугалъ, какъ остроумный, блестящій Грановскій, котораго остроты, при всей его мягкости, страшили робкихъ юношей. Я остановился оттого такъ долго на Кудрявцевѣ, что онъ былъ прямымъ, непосредственнымъ учителемъ Ешевскаго. Русскую исторію преподавалъ тогда только что начинавшій С. М. Соловьевъ, и рядомъ съ нимъ исторію русскаго права читалъ К. Д. Кавелинъ, въ изложеніи котораго исторія права обращалась въ исторію общественнаго быта съ преобладаніемъ юридическаго элемента: онъ даже начиналъ свою исторію (въ курсѣ 1847—48 г., послѣднемъ изъ читанныхъ въ Москвѣ) изложеніемъ общественнаго, юридическаго и религіознаго быта древнихъ славянъ. Подъ вліяніемъ его чтеній у многихъ молодыхъ людей сложилось убѣжденіе, что исторія права есть самая важная часть исторіи, что смѣна институтовъ и понятій юридическихъ вполнѣ выражаетъ собою все историческое движеніе. Впрочемъ, мнѣніе это тогда высказывалось и за университетскими стѣнами. Подъ вліяніемъ подобнаго мнѣнія зашелъ я разъ въ (1847 г.) къ М. П. Погодину и началъ развивать ему эту мысль. Выслушалъ меня М. П. и отвѣтилъ мнѣ одною фразой, вѣрность и глубину которой я понялъ только гораздо послѣ: „А св. Сергія куда вы дѣнете съ вашимъ юридическимъ характеромъ?“ Въ самомъ дѣлѣ, куда дѣть св. Сергія, т.-е. всю нравственную, всю религіозную сторону общественнаго сознанія? Но тогда мы не поняли этого слова и увлекались одностороннимъ, но стройнымъ развитіемъ, которое представлялось намъ въ лекціяхъ Кавелина. До сихъ поръ еще свѣжо для меня то впечатлѣніе, которое я выносилъ изъ этихъ лекцій, полныхъ юиошескаго пыла, свѣжихъ и яркихъ. Профессоръ былъ тогда почти такъ же молодъ, какъ и его студенты, и оттого его воодушевленіе электрическою искрой сообщалось студентамъ. Общій смыслъ всей русской исторической жизни, еще до сихъ поръ запечатанный семью печатями, казался намъ уже постигнутымъ: мы вѣрили тому, что этотъ смыслъ, выраженный завѣтною смѣной трехъ началъ, родового, вотчиннаго и государственнаго, вполнѣ передавался намъ изящною рѣчью одного изъ самыхъ изящныхъ профессоровъ, котораго мнѣ случалось слышать. Ешевскій не былъ обязанъ слушать Кавелина, но иногда заходилъ въ его аудиторію и зачитывался его статьями. Обаяніе на всѣхъ было полное. Преподаваніе С. М. Соловьева, и тогда уже болѣе строгое и точное, менѣе сильно дѣйствовало на насъ, хотя мы оба аккуратно посѣщали и тщательно записывали его лекціи. Преподаваніе это, приноровленное къ уровню большинства, и чисто фактическое, давало мало новаго намъ, порядочно уже знакомымъ съ историческою литературой, отчасти знавшимъ и источники. Только спеціальные курсы, читанные профессоромъ на IV курсѣ историко-филологическаго факультета, сообщили много новаго: такъ, въ одинъ годъ было прочитано время первыхъ Романовыхъ, въ другой Петръ, въ третій время послѣ Петра,

кажется, до Екатерины. Это былъ послѣдній годъ Ешевскаго въ университетѣ.

Изъ предметовъ, близко связанныхъ съ исторіей, Ешевскій выслушалъ два курса П. М. Леонтьева, о греческой миѳологіи въ связи съ искусствомъ (впослѣдствіи П. М. читалъ другой курсъ, сравнительной миѳологіи) и о римскихъ древностяхъ, курсъ О. М. Бодянскаго, курсъ исторіи философіи М. Н. Каткова и два курса С. П. Шевырева исторіи всеобщей и русской литературы. Сколько я помню, изъ этихъ курсовъ особенное впечатлѣніе оставили курсъ римскихъ древностей и исторіи философіи. Римскія древности (преимущественно общественныя и государственныя) приносили, кромѣ богатства фактовъ и легкости систематическаго изложенія, одну чрезвычайно плодотворную мысль: онѣ наглядно представляли существенную важность такъ называемой внутренней исторіи, преимущественно экономической, на которую тогда у насъ обращали еще такъ мало вниманія. Думаю, что въ позднѣйшей дѣятельности Ешевскаго это впечатлѣніе ранней молодости далеко не осталось безплоднымъ. Для меня, выслушавшаго уже курсъ римскаго права, было въ лекціяхъ Леонтьева чрезвычайно много новаго и свѣжаго именно потому, что онъ выдвинулъ на первый планъ экономическій вопросъ. Эти лекціи легли впослѣдствіи въ основаніе рѣчи, произнесенной профессоромъ въ одномъ изъ торжественныхъ собраній Московскаго университета. Лекціи М. Н. Каткова имѣли въ ту эпоху особое обаяніе: онъ излагалъ намъ стройно и изящно Шеллингову систему миѳологіи; всѣ дивились необыкновенному умѣнью сжатыми и рѣзкими чертами наглядно передавать самыя отвлеченныя представленія; съ этой стороны особенно ярко помнится лекція, въ которой передано было ученіе Шеллинга о первой порѣ религіознаго сознанія, о поклоненіи богу ходячаго неба (Урану, Сварогу). Изъ этихъ лекцій вынесли мы сознаніе историческаго значенія религіознаго процесса, его вліянія на судьбу и развитіе человѣчества, его первостепенной важности исторической. Здѣсь преимущественно научились мы понимать, какъ стройно все связано въ поступательномъ движеніи; отъ системы можно отказаться, можно понимать такъ или иначе это движеніе; но отрицать его уже нельзя. Таковы были наши учителя и таково было ученіе, которое мы выносили изъ нашихъ студенческихъ лѣтъ. Многое было отвлеченно въ ту эпоху, многое неприложимо къ жизни, многое не годилось для русскаго общества; но мысль привыкала къ работѣ, смотрѣла съ разныхъ сторонъ на одно и то же явленіе, и вырабатывалось убѣжденіе въ томъ, что только разностороннее воззрѣніе можетъ привести къ истинѣ. Нельзя остановиться только на одной ступени развитія; но нельзя же не сказать, что та ступень, которую мы тогда переживали, была въ высшей степени плодотворна для насъ, и святыя впечатлѣнія молодости никогда не изгладятся изъ памяти.

Студенчество въ наше время не представляло той корпораціи, кото-

рая существовала раньше и которую стремились, но безплодно, возсоздать позднѣе. Ешевскій, пріѣхавшій изъ Казани, гдѣ въ то время студенты были тѣсно связаны между собою, гдѣ существовала между студентами взаимная помощь и студенчество составляло своего рода масонство, гдѣ были у студентовъ общія пѣсни, сборникъ которыхъ былъ и у Ешевскаго, не могъ надивиться разрозненности московскихъ студентовъ, главною причиной которой была, разумѣется, ихъ многочисленность, но на которую сильное вліяніе имѣла обширность столицы и разобщеніе ея кружковъ. Въ наше время только студенты одного курса (и то не на всѣхъ факультетахъ: юристовъ перваго курса въ 1847—48 г. было 200 человѣкъ) сходились между собою. Первымъ звеномъ соединенія было обыкновенно добываніе лекцій къ экзамену: при множествѣ предметовъ каждый записывалъ только одинъ, много два, остальное доставалось; общихъ студентскихъ пирушекъ не бывало, и повеселиться сходились люди только знакомые. Оттого скоро образовывались небольшіе кружки, которые иногда знакомились между собою частью на вечеринкахъ у случайныхъ товарищей по гимназіи, по родству и т. п., частью въ пріемные дни у нѣкоторыхъ профессоровъ. Студенты тогда были вообще двухъ родовъ: одни занимались, другіе кутили и рѣдко бывали на лекціяхъ, хотя между этими послѣдними были часто очень даровитые, на экзаменахъ опережавшіе другихъ. Мы оба были знакомы болѣе съ людьми перваго рода, и студенческія вечеринки были не часты между нами. Когда мы сходились, разговоръ принималъ болѣе или менѣе серьезный оборотъ: толковали о томъ, что кому случилось прочитать, спорили. Часто разговоръ переходилъ на тогдашнее волненіе умовъ, котораго, особенно въ качествѣ запретнаго плода, никто изъ насъ хорошенько не понималъ, и оттого многое дѣйствовало обаятельно, а спросить у старшихъ не всегда было возможно: или получишь уклончивый отвѣтъ, или никакого не получишь. Впрочемъ, сколько я теперь помню, Ешевскій тогда мало интересовался современными вопросами.

Здѣсь, однако, я забѣжалъ впередъ, къ 1849 г., а когда мы начали нашу московскую жизнь, былъ 1847 г. Самое начало 1848 г. только ошеломило насъ, и мы ровно ничего не понимали: въ эту эпоху мы даже газетъ не читали постоянно. Ешевскій тогда занимался преимущественно русскою исторіей: курсовымъ его сочиненіемъ для С. П. Шевырева было разсужденіе о заслугахъ Ломоносова въ русской исторіи. Гдѣ теперь это сочиненіе, не знаю; помню только, что въ немъ было обращено вниманіе на толкованіе разныхъ мѣстъ источниковъ историками до Ломоносова и послѣ него. Особенно много хлопотъ стоило Ешевскому знаменитое мѣсто Олегова договора: „ижена *(иже на* или *и жена)* убившаго“, и пр. Я познакомился тогда съ М. П. Погодинымъ и познакомилъ съ нимъ Ешевскаго. Къ нему мы обратились за совѣтомъ, какъ начать занятія? „Читайте Шлецера“, сказалъ Погодинъ, и вотъ мы принялись читать Шле-

цера; читали его мѣсяца три и, прочитавъ, говорили о прочитанномъ, запоминали, соображали съ тѣмъ, что уже знали. Тогда Ешевскій завелъ себѣ книгу, въ которой сталъ собирать тексты русскихъ и иностранныхъ лѣтописцевъ, касающіеся русской исторіи. Впрочемъ, дѣло остановилось, сколько помню, на Игорѣ. Въ томъ же 1847 г. М. П. указалъ намъ еще работу: его занималъ вопросъ о томъ, съ какого времени начинается разница въ спискахъ лѣтописей, и потому онъ считалъ нужнымъ сличить извѣстія первыхъ двадцати лѣтъ послѣ 1111 г., гдѣ стоитъ Селивестрова приписка. Это сличеніе взяли мы на себя; проработали много, но работа оказалась неудовлетворительною, потому, разумѣется, что самые пріемы для насъ были неясны: мы сдѣлали сводъ однородныхъ извѣстій по всѣмъ напечатаннымъ спискамъ, а надо было ярче обозначить разницу. Словомъ, дѣло остановилось на черновой работѣ.

Кромѣ занятій по русской исторіи, Ешевскій въ ту эпоху читалъ много латинскихъ поэтовъ, въ особенности Виргилія и Плавта, котораго тогда комментировалъ покойный Шестаковъ. Ешевскій прочелъ въ зиму всего Плавта. По-гречески онъ не занимался, не имѣя предварительной подготовки, да и требованія были велики: Гофманъ задалъ ему написать объ условномъ и желательномъ наклоненіи въ Одиссеѣ; Ешевскій написалъ это сочиненіе (по-латыни) съ помощью синтаксиса самого Гофмана и двухъ грамматикъ, при чемъ угодилъ профессору тѣмъ, что сохранилъ его мысль о субъективномъ значеніи одного изъ этихъ наклоненій и объективномъ другого. Хорошій баллъ Гофмана былъ ему щитомъ отъ дурныхъ балловъ на старшихъ курсахъ: такъ онъ и не выучился по-гречески, о чемъ сильно жалѣлъ. Въ срединѣ года мы поселились вмѣстѣ; я привезъ изъ деревни довольно большое (для студента) собраніе книгъ по русской исторіи и помню, что Ешевскій тогда принялся читать записки XVIII в. (Шаховского, Данилова, Грибовскаго, Манштейна), которыя нашлись въ этомъ собраніи. Всеобщею исторіей Ешевскій еще не думалъ заниматься тогда: Грановскій читалъ въ этомъ году только въ началѣ, а потомъ захворалъ и пересталъ ходить на лекціи; Кудрявцевъ въ началѣ какъ-то мало нравился, и я помню, что Ешевскій, только готовясь къ экзамену, почувствовалъ большое уваженіе къ его преподаванію и сталъ говорить о немъ иначе, чѣмъ въ началѣ курса, когда, впрочемъ, Кудрявцевъ отталкивалъ слишкомъ мелочно-подробнымъ изложеніемъ переселенія народовъ и совершеннымъ отклоненіемъ широкихъ картинъ, въ которыхъ Грановскій былъ художникомъ; въ преподаваніи Кудрявцева, какъ и въ лицѣ его, надо было всмотрѣться, чтобы оно начинало нравиться. Перешедши на III курсъ, Ешевскій познакомился съ Кудрявцевымъ, который обратилъ на него вниманіе на переходномъ экзаменѣ, убѣдившись по отвѣтамъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, не только заучивающимъ лекціи, но и думающимъ объ ихъ содержаніи. Подъ вліяніемъ Кудрявцева, Ешевскій сталъ заниматься среднею исторіей и началъ ее съ эпохи Меровинговъ: блестящіе

очерки Августина Тьерри указали ему главный источникъ, Григорія Турскаго; Кудрявцевъ настаивалъ тоже на томъ, чтобы этотъ лѣтописецъ былъ изученъ. Томъ Букетовскаго собранія добытъ, и Ешевскій засѣлъ за чтеніе его; дѣлалъ выписки, составлялъ указатель предметовъ.

Работалъ онъ неутомимо: живо помню, какъ часто онъ цѣлую ночь не гасилъ своей свѣчи. Вмѣстѣ съ изученіемъ Григорія Ешевскій читалъ французскихъ историковъ, изображавшихъ эту эпоху: Августина Тьерри, Гизо, Легюеру, Форіеля, и дѣлалъ изъ нихъ выписки. Такъ подготовлялось его кандидатское разсужденіе „Григорій Турскій", во введеніи къ которому замѣтно сильное вліяніе Гизо; въ этомъ введеніи разсматриваются три главные элемента новаго міра: Римъ, варвары и христіанство; затѣмъ слѣдовала біографія Григорія и исторія времени по его сочиненію. Знакомство съ источниками (кромѣ Григорія, прочитаны были и другіе лѣтописцы этого тома Букетовскаго собранія) и съ литературой, живое и правильное изложеніе обратили на себя вниманіе и Грановскаго, съ которымъ вслѣдствіе того и сблизился Ешевскій по окончаніи курса. На III-мъ же курсѣ Ешевскій, занимаясь преимущественно средними вѣками, читалъ и римскихъ историковъ: тогда были прочитаны Тацитъ, Аммiанъ Марцелинъ и Scriptores Historiae Augustae; тогда же прочитано было нѣсколько сочиненій по другимъ частямъ средней исторіи (исключительно французскихъ), между прочимъ Гиббонъ. Усиленныя занятія разстроили его здоровье, и безъ того слабое, и лѣтомъ 1849 г. онъ поѣхалъ въ башкирскую степь пить кумысъ, взявши съ собою кое-какія книги по всеобщей исторіи (беллетристовъ онъ читалъ мало, и то почти исключительно поэтовъ).

Я помню, какъ оживленно разсказывалъ Ешевскій по возвращеніи, о степи и верховой ѣздѣ, какъ юмористически представлялъ степное гостепріимство: сованіе въ ротъ кусковъ мяса, въ знакъ уваженія и т. п. Онъ возвратился, совсѣмъ поправившись; но осенью этого года постигъ его нравственный ударъ, который снова пошатнулъ его здоровье, хотя еще усиленнѣе заставилъ его приняться за работу; онъ все болѣе и болѣе дѣлался спеціалистомъ, не только исторіи, но и извѣстнаго періода, времени Меровинговъ. Еще раньше въ нашихъ разговорахъ высказывалъ онъ ту мысль, что только долгое и пристальное изученіе одного предмета дѣлаетъ человѣка человѣкомъ, и что начинать непремѣнно надо съ частностей. Этому воззрѣнію онъ остался вѣренъ всю жизнь и нерѣдко, завлекаясь тѣмъ или другимъ вопросомъ, снова возвращался къ своимъ любимымъ Меровингамъ, видя въ этой порѣ, и совершенно основательно, начало новой европейской жизни; главныя его занятія ограничивались, такимъ образомъ, періодомъ послѣднихъ римскихъ императоровъ и первыхъ варварскихъ королей. Этому періоду посвященъ и конченный его трудъ: „К. С. Аполлинарій Сидоній" и предполагавшаяся докторская диссертація о Брунегильдѣ, для которой онъ, между прочимъ, много работалъ въ па-

рижской библіотекѣ. Ему же посвящены были три года его университетскихъ чтеній въ Москвѣ. Этимъ принятымъ, такъ сказать, на себя обязательствомъ Ешевскій сдерживалъ свою пылкую, впечатлительную природу: интересовало его въ сущности очень многое, и даже, желая знать все для него интересное тщательно и добросовѣстно, онъ вдавался иногда и въ другіе вопросы съ тѣмъ же жаромъ, съ которымъ занимался главнымъ. Отсюда происходитъ видимое противорѣчіе, многихъ заставлявшее думать, что въ сущности онъ раскидывался; но такое воззрѣніе несправедливо. Сознавая ясно, что ни одного историческаго вопроса нельзя изучить отрѣшенно отъ другихъ, Ешевскій занимался иногда многимъ; могъ и увлекаться по природѣ своей; но постоянно возвращался къ одному. Дальше мы увидимъ, что многія занятія его обусловливались и внѣшними обстоятельствами. Другіе, наоборотъ, считали Ешевскаго по природѣ узкимъ спеціалистомъ, вслѣдствіе того, что по разсудку онъ старался ограничить себя извѣстною спеціальностью. Такой взглядъ тоже ошибоченъ. Ешевскій, повторяю, интересовался очень многимъ: что̀ бы любопытнаго ни попадалось ему на пути, онъ непремѣнно остановится и начнетъ добиваться смысла; но онъ умѣлъ ограничивать свои увлеченія. Вѣроятно, въ то время уже сложился у него планъ вести преподаваніе исторіи постепенными спеціальными курсами, ибо и тогда уже онъ не разъ говаривалъ, что тѣмъ или другимъ займется послѣ, и удивлялъ тѣхъ изъ нашихъ товарищей, которые интересовались преимущественно ближайшими къ намъ эпохами, своимъ упорнымъ пребываніемъ въ среднихъ вѣкахъ. Если бы онъ зналъ по-гречески, онъ, можетъ быть, началъ бы съ греческой исторіи; но при знаніи только латинскаго языка онъ не могъ и итти иначе. Конечно, много значитъ также и вліяніе Кудрявцева.

Въ 1850 году Ешевскій кончилъ курсъ и осенью того же года получилъ мѣсто преподавателя исторіи въ младшихъ классахъ московскаго Николаевскаго института. Скоро явились и другіе уроки. Черезъ годъ писалъ онъ ко мнѣ въ деревню: „У меня теперь 18 уроковъ въ недѣлю, и не знаю, отъ непривычки или отъ чего-нибудь другого, но я устаю страшно. Лучшее время тратишь на эти обязательныя занятія и приходишь домой съ усталою головой, часто совершенно неспособный для своихъ занятій. При томъ еще обстоятельство, которое мнѣ ужасно досадно. Вездѣ древняя исторія. Наконецъ, это несносно: на Солянкѣ и въ Воспитательномъ домѣ, на Тверскомъ бульварѣ и у Арбатскихъ воротъ повторять одно и то же. Еще счастье, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно уклониться отъ общей схемы и дать себѣ волю поговорить, не стѣсняясь узенькими рамками преподаванія. Такіе случаи, впрочемъ, рѣдки. Я стараюсь помогать чѣмъ-нибудь этому несносному положенію. Напримѣръ, я принялъ за правило, передъ каждымъ урокомъ въ институтѣ изъ римской исторіи, прочитывать соотвѣтствующія главы изъ Тита Ливія и т. п.“. Такъ серьезно смотрѣлъ онъ на свое дѣло. Онъ не говоритъ въ этомъ

письмѣ, но я навѣрное знаю, что всѣ лучшіе учебники были имъ перечитаны; далѣе самъ онъ въ томъ же письмѣ говоритъ, что одолѣлъ Шлоссера и читаетъ „Vorträge über die alte Geschichte" Нибура. Уроки его были чрезвычайно интересны; онъ старался внушать ученицамъ любовь къ занятіямъ: давалъ книги, заставлялъ дѣлать письменные отчеты, составлялъ самъ для нихъ записки. Эти записки были готовы къ печати, но не явились по случайнымъ обстоятельствамъ. Уроки, утомляя его физически и, быть можетъ, подрывая здоровье, въ нравственномъ отношеніи были до извѣстной степени полезны; самый успѣхъ уже ободрялъ и вызывалъ на новые труды. Эти уроки дали ему возможность запасаться книгами: „Ты вѣрно удивишься, писалъ онъ ко мнѣ осенью 1852 года, когда я скажу тебѣ, что у меня по всеобщей исторіи болѣе 300 томовъ на выборъ: весь Форіель, Тьерри, Гизо, Нибуръ, Гротъ, Маколей, Ранке и т. д. Это единственная хорошая сторона моей рабочей жизни".

Съ 1851 года начинается его литературная дѣятельность статьей о трудѣ П. Н. Кудрявцева, помѣщенной въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ"; подробная рецензія этой книги назначалась для „Современника", и первая половина ея, заключающая въ себѣ изложеніе книги съ нѣкоторыми замѣчаніями, между прочимъ, о характерѣ Ѳеодориха, котораго Кудрявцевъ слишкомъ идеализировалъ и котораго Ешевскій вводитъ въ рядъ другихъ варварскихъ вождей, подчинившихся римскому вліянію, была доставлена, весной 1851 года, въ редакцію. Осенью этого года вотъ что писалъ мнѣ Ешевскій: „Я передалъ первую статью (сокращенную и нѣсколько измѣненную) Панаеву, который далъ *честное слово* мнѣ и потомъ Т. Н. Г., что она будетъ напечатана тотчасъ же по полученіи. Я ждалъ и не посылалъ второй статьи. Кончилось дѣло тѣмъ, что первая осталась въ кладовой „Современника", вторая у меня въ конторкѣ. Я не получалъ ни малѣйшаго извѣстія отъ редакціи. Говорилъ только Т. Н. (Грановскій), который очень оскорбленъ этимъ поступкомъ, что редакція находитъ эту статью слишкомъ серьезною для нашей публики, для которой потребны легкія статьи, въ родѣ писемъ о русской журналистикѣ новаго поэта, достойно замѣнившаго Дружинина". А между тѣмъ для этой второй статьи, долженствовавшей заключать въ себѣ разборъ нѣкоторыхъ вопросовъ, поднятыхъ Кудрявцевымъ въ его книгѣ, преимущественно вопроса о происхожденіи средневѣковой общины, употреблено было Ешевскимъ много труда: „почти все лѣто, говоритъ онъ въ томъ же письмѣ, т.-е. до конца іюля, я проработалъ надъ второю статьей о „Судьбахъ Италіи". Написавши ее въ первый разъ, я изорвалъ, когда прочиталъ критику Тимоѳея Николаевича (Грановскаго въ „Отеч. Зап.", вошла и въ „Сочиненія"), и передѣлалъ совершенно или, лучше сказать, написалъ снова. Не думай, впрочемъ, чтобы рецензія Т. Н. заставила меня перемѣнить свои мысли о развитіи городовъ въ Италіи. Мнѣ кажется, онъ мало обратилъ вниманія на новыя изслѣдованія. Слишкомъ занятый авто-

ритетомъ Савиньи, онъ всѣ доказательства беретъ изъ его же книги, между тѣмъ какъ, мнѣ кажется, самъ Савиньи теперь поискалъ бы новыхъ въ защиту своего мнѣнія". Такое сужденіе о Грановскомъ въ то время могло бы показаться дерзостью. Такъ великъ былъ авторитетъ Грановскаго! Ешевскому дѣлаетъ большую честь, что въ этомъ случаѣ онъ не сталъ на сторонѣ Грановскаго. Нѣсколько раньше, Ешевскаго постигла другая литературная неудача: онъ написалъ статью о русскихъ пѣсняхъ, въ которой, подъ вліяніемъ начинавшихся тогда толковъ о миѳологіи, хотѣлъ представить, отчасти исторически, состояніе двоевѣрія въ русскомъ народѣ. Статья эта была доставлена въ „Отеч. Зап." и не напечатана, не помню подъ какимъ предлогомъ. Въ 1852 г. его статьи уже появляются въ „Отеч. Зап.". Тогда онъ напечаталъ обозрѣніе исторической литературы за 1851 г. и рецензію лекціи Грановскаго. Первою статьей онъ самъ былъ очень недоволенъ, хотя она была не хуже статей подобнаго рода, помѣщавшихся въ журналахъ, а для начинающаго была и очень хороша, хотя, правда, статья его о книгѣ г. Рославскаго въ „Моск. Вѣдомостяхъ" была лучше по изложенію, такъ какъ въ обозрѣніи исторической литературы замѣтна торопливость. Въ жизни Ешевскаго, сколько я знаю по его письмамъ и по разсказамъ, это время было хорошимъ временемъ, хотя къ этой же порѣ относится утрата нѣкоторыхъ дружески-связанныхъ съ нимъ лицъ. Вообще онъ былъ любимъ и родными, и тѣми семьями, гдѣ онъ давалъ уроки, и литературнымъ кружкомъ, къ которому примкнулъ. Центромъ этого кружка, въ которомъ постоянно жилъ Кудрявцевъ, куда часто являлся Грановскій и гдѣ бывали всѣ, кромѣ славянофиловъ, была въ то время умная женщина, отличавшаяся большою начитанностью, много видѣвшая. Въ ея пріятномъ обществѣ можно было не всегда играть въ карты, что въ то время составляло поневолѣ развлеченіе многихъ умныхъ людей. Были въ этомъ кружкѣ нѣкоторыя крайности западнаго направленія; но тогда онѣ не такъ рѣзко поражали, какъ поразили бы теперь. Но за-то въ этомъ кружкѣ строго осуждалась легкость, пустозвонство, выражалось уваженіе къ наукѣ и серьезной литературѣ, употреблялись всѣ усилія не пасть нравственно, словомъ, жилъ тотъ духъ Московскаго университета, о которомъ я уже говорилъ.

Труды преподавательскіе, срочная литературная работа, приготовленія къ магистерскому экзамену, для котораго онъ читалъ страшно много, сломили его здоровье, и въ началѣ 1853 г. онъ вытерпѣлъ сильную горячку. Мысль его до того была занята всѣмъ читаннымъ въ послѣднее время, что, по свидѣтельству родственницы его, часто навѣщавшей больного, въ бреду онъ все разсказывалъ содержаніе книги Гуртера: „Geschichte Innocenz III". Медленно выздоравливая, Ешевскій провелъ лѣто въ Нижнемъ, и осенью этого же года былъ назначенъ адъюнктомъ по каѳедрѣ русской исторіи и русской статистики въ Ришельевскій лицей на

мѣсто Н. Н. Мурзакевича, получившаго должность директора этого лицея. Вмѣстѣ съ Ешевскимъ поѣхали туда же два другіе молодые профессора, А. В. Лохвицкій и А. М. Богдановскій, которые и составили свой особый кружокъ. Тяжела была на первое время жизнь москвичей въ новомъ для нихъ городѣ: жалованье незначительное, книгъ нѣтъ. Вотъ что писалъ Ешевскій П. Н. Кудрявцеву по этому поводу: „Здѣшняя библіотека хуже гимназической; да и то, что есть, испорчено. Здѣсь городъ промышленный, и потому въ самомъ лицеѣ образовалась своего рода промышленность. Всѣ лучшія статьи въ журналахъ вырваны и украдены. Отъ этой бѣды не ушелъ даже горный журналъ, несмотря на то, что онъ сданъ въ библіотеку неразрѣзаннымъ. Стыдно сказать, что въ этомъ главную роль играютъ не студенты. И теперь еще остался одинъ главный промышленникъ такого рода. Частью по моему требованію, журналы, лежащіе въ профессорской, заковали въ станки. Если не поможетъ, придется приковывать ихъ, какъ средневѣковыя библіи на цѣпь. Такимъ образомъ Сергѣй Михайловичъ (Соловьевъ) обезпечилъ меня главными источниками". С. М. прислалъ Ешевскому изъ Москвы всѣ важнѣйшія изданія Археограф. Коммиссіи. Соединеніе двухъ разнородныхъ предметовъ было тоже тяжело для Ешевскаго. „Вотъ уже два съ половиной мѣсяца,—пишетъ онъ въ томъ же письмѣ,—какъ я читаю лекціи, и до сихъ поръ не могу привыкнуть къ своему положенію. Право, безсовѣстно наложить на молодаго преподавателя шесть часовъ и два совершенно разные предмета. Все время уходитъ только на то, чтобы сколько-нибудь приготовиться къ лекціи, чтобы прочитать ее, не краснѣя передъ слушателями. Писать лекціи нѣтъ никакой возможности. Я составляю только самый подробный конспектъ изъ статистики. Изъ русской же исторіи не успѣваю и того дѣлать. Страшно неловкое положеніе. Изъ статистики я учусь въ одно время съ студентами. Недавно былъ у меня одинъ студентъ третьяго курса, оставленный на второй годъ Мурзакевичемъ, и въ разговорѣ высказалъ мнѣ общее удивленіе курса, отчего я цѣлыя 16 лекцій читалъ о народонаселеніи. Я объяснилъ причину: передъ начатіемъ лекцій я зналъ объ этомъ предметѣ столько же, сколько и они. Я рѣшился читать статистику подробно, собирая и сводя все, что могу найти въ офиціальныхъ источникахъ, и, мнѣ кажется, только этимъ путемъ мнѣ удастся совладать съ предметомъ". Что не пройдено, то предполагалъ Ешевскій заставить студентовъ приготовить по книгѣ И. Я. Горлова. Полный курсъ онъ намѣренъ былъ составить только черезъ два года. Конспекта я не нашелъ въ бумагахъ покойнаго; но нашелъ много выписокъ, замѣтокъ, указаній статей этнографическихъ и статистическихъ, относящихся, очевидно, къ этому времени.

Курсъ исторіи тоже стоилъ большихъ работъ; курсъ этотъ потому былъ въ особенности затруднителенъ Ешевскому, что онъ долженъ былъ быть общимъ, обнимать всю русскую исторію до послѣдняго времени и

оканчиваться, если не ошибаюсь, въ теченіе одного года. Ешевскій не довелъ курса до конца и, кажется, прочелъ только до Петра В., остановившись долго па литературѣ исторіи и на бытѣ славянъ русскихъ. Сколько помню, по тетрадкамъ, которыя я когда-то проглядывалъ у одного изъ одесскихъ студентовъ того времени, курсъ этотъ былъ составленъ подъ сильнымъ вліяніемъ еще недавнихъ лекцій С. М. Соловьева: родовыя отношенія князей занимали главное мѣсто въ изложеніи періода удѣльнаго; въ изложеніи литературы Ешевскій тоже былъ подъ вліяніемъ Соловьева. Не безъ вліянія на Ешевскаго, какъ и на многихъ въ то время, оставался и Н. В. Павловъ, котораго оба мы часто встрѣчали у П. Н. Кудрявцева въ 1849 г., когда Павловъ пріѣзжалъ въ Москву держать экзаменъ и защищать свою докторскую диссертацію; въ этой диссертаціи Павловъ доводитъ теорію родового быта до послѣдней крайности. Его сужденія о тѣхъ или другихъ произведеніяхъ исторической литературы казались очень основательными. Въ Кіевѣ, проѣзжая въ Одессу, Ешевскій тоже видѣлся съ Павловымъ. Это вліяніе, впрочемъ, прошло скоро, не оставивъ и слѣда. Въ изложеніи миѳологіи, какъ я убѣдился изъ разговоровъ съ Ешевскимъ, онъ старался подвести результаты появлявшихся тогда трудовъ Кавелина, Аѳанасьева, Буслаева, Срезневскаго подъ Шеллингову схему. Шеллингова философія миѳологіи была, какъ я уже сказалъ, распространена у насъ преподаваніемъ Каткова. Чтобы познакомиться съ нею поближе, мы читали лекціи Шеллинга, записанныя Кудрявцевымъ, такъ какъ книги самого Шеллинга еще не появлялось тогда. Посреди трудовъ преподавательскихъ Ешевскій не оставлялъ своихъ собственныхъ работъ и готовилъ матеріалы для диссертаціи. Сначала онъ колебался между двумя предметами: Сидоніемъ Аполлинаріемъ и Брунегильдой; въ началѣ учебнаго года онъ писалъ Кудрявцеву, что думаетъ остановиться на Брунегильдѣ. Но въ концѣ года рѣшился оставить эту тему потому, что она все расширялась въ его представленіи: ему хотѣлось свести здѣсь поэтическіе разсказы съ дѣйствительностью историческою, что сдѣлано было Амедеемъ Тьерри для Аттилы. Обширность изслѣдованій для такой задачи заставила его обратиться къ другой темѣ, для которой у него былъ уже собранъ достаточный запасъ матеріала. Съ этимъ-то матеріаломъ въ маѣ 1854 года Ешевскій пріѣхалъ въ Москву и приступилъ къ магистерскому экзамену, половина котораго и была окончена въ маѣ.

Лѣто Ешевскій провелъ въ Нижнемъ, гдѣ написалъ первую главу своего Сидонія. Осенью написано было остальное, и началось печатаніе, которое окончено только въ мартѣ 1855 г.; диспутъ же былъ 12-го апрѣля. Дѣло затянулось отъ разныхъ причинъ, между прочимъ, оттого, что тогдашній деканъ С. П. Шевыревъ просматривалъ диссертацію весьма медленно, занятый трудами по приготовленію юбилея и потомъ, опасаясь то того, то другого мѣста, обращался нерѣдко къ помощи профессора бо-

гословія П. М. Терновскаго, который, впрочемъ, былъ очень благосклоненъ къ книгѣ. Ешевскій разсказывалъ иронически о своихъ препирательствахъ съ Шевыревымъ, а дѣло все-таки двигалось медленно. Затруднительно было вначалѣ и то, на какія деньги печатать, но это затрудненіе устранилъ Т. Н. Грановскій, доставившій деньги на изданіе. Пока книга печаталась, срокъ отпуска истекалъ, изъ Одессы звали Ешевскаго, онъ не ѣхалъ, и въ это время, хотя еще не было въ виду мѣста, твердо рѣшился не возвращаться въ Одессу. Вслѣдствіе того онъ цѣлый годъ не имѣлъ службы.

„К. С. Аполлинарій Сидоній"—самое обработанное, самое лучшее изъ сочиненій Ешевскаго. Время, которое онъ выбралъ, и самое лицо занимали его много лѣтъ: я уже сказалъ, что еще въ университетѣ онъ преимущественно занимался этимъ временемъ, и даже, когда у С. П. Шевырева были студенческіе литературные вечера, Ешевскій, бывшій тогда на III-мъ курсѣ, читалъ свою статью о Сидоніи. Потому и неудивительно, что книга, написанная въ такой короткій срокъ, вышла такъ удовлетворительна. Сочиненіе это сразу поставило своего автора на видное мѣсто въ немногочисленномъ кругу лицъ, занимавшихся всеобщею исторіей. На диспутѣ Грановскій и Кудрявцевъ встрѣтили его большими похвалами; самыя возраженія, сколько теперь помню, были только частныя. Рецензенты, профессоръ Делленъ (въ „Отчетахъ по присужденію Демидовскихъ премій"), П. Н. Кудрявцевъ (въ „Отеч. Зап."), Е. М. Ѳеоктистовъ (въ „Современ.") отнеслись къ ней чрезвычайно благосклонно. Словомъ, книга имѣла успѣхъ, и успѣхъ вполнѣ заслуженный.

Книга Ешевскаго, названная эпизодомъ изъ литературной и политической исторіи Галліи V в., даетъ гораздо болѣе, чѣмъ обѣщаетъ: это полная картина хаотическаго состоянія Галліи въ ту эпоху. Съ замѣчательнымъ искусствомъ выбрано такое лицо, около котораго можно было сгруппировать всѣ черты быта того времени. Аристократъ и литераторъ, политическій дѣятель и епископъ, Сидоній въ жизни своей сталкивался со всѣми разнородными элементами того общества, въ которомъ дѣйствовалъ, и всѣ они отразились въ его сочиненіяхъ: онъ былъ въ сношеніяхъ съ литераторами, съ аристократами, съ римскими императорами, съ варварскими королями и съ высшими представителями христіанскаго міра, епископами. Для полнаго пониманія и полной оцѣнки его необходимо было представить въ отдѣльности всѣ эти моменты, что и исполнено чрезвычайно удачно, безъ всякой натяжки. Описаніе молодости Сидонія вызываетъ картину жизни высшаго общества Галліи и тогдашней наџіи и литературы, которыхъ онъ самъ былъ лучшимъ представителемъ; политическая дѣятельность Сидонія требуетъ для объясненія своего характеристики послѣднихъ императоровъ, для которой важнымъ матеріаломъ являются его же панегирики и письма; его епископство вводитъ автора въ кругъ тогдашняго духовенства и вызываетъ характеристику направленія

его духовной дѣятельности, представляющей въ то же время противоположность съ направленіемъ свѣтской литературы; героическая защита Оверни вызываетъ характеристику варваровъ и ихъ врага Экдиція, „послѣдняго римлянина и перваго рыцаря", по счастливому выраженію Ешевскаго. Таково внѣшнее расположеніе книги, вполнѣ соотвѣтствующее ея внутреннему содержанію. Главнымъ центромъ остается Сидоній. Въ изученіи и изображеніи Сидонія сказался ученикъ Кудрявцева: высоко-нравственное начало поставлено тутъ мѣриломъ личности: ни блестящая защита Оверни, ни относительное литературное достоинство произведеній Сидонія, ни то обстоятельство, что безъ его произведеній мы многаго бы не знали, не спасли его отъ строгаго приговора. Но приговоръ не оказывается несправедливымъ, потому что рядомъ съ слабохарактернымъ Сидоніемъ является римлянинъ стараго закала, Экдицій: его-то энергическому вліянію приписываетъ авторъ и дѣятельность Сидонія по защитѣ Оверни. Этимъ вѣроятнымъ предположеніемъ онъ избѣгаетъ раздвоенія характера, что необходимо было признать, приписывая заслугу подвига самому Сидонію. Съ другой стороны, рисуя положеніе общества, авторъ снимаетъ съ характера Сидонія часть обвиненія, ибо объясняетъ, какъ тяжелы были условія жизни въ то время, когда люди высшаго нравственнаго закала дорожили легкомысленнымъ Сидоніемъ, когда въ дружескихъ сношеніяхъ съ нимъ были представители строго-христіанской мысли, и онъ оставался полуязычникомъ. Въ связи съ этимъ облегчающимъ обстоятельствомъ стоитъ и другое—характеръ тогдашняго образованія, чисто-внѣшняго и реторическаго; картина этого образованія чрезвычайно удалась Ешевскому. Надъ всѣми этими достоинствами книги подымается еще одно: автору удалось ясно выставить тѣ черты разрушающагося общества, въ которыхъ сказываются начала новой жизни; онъ указываетъ намъ вліяніе епископовъ на королей варварскихъ, обаяніе на нихъ римской образованности, указываетъ въ укрѣпленіяхъ галло-римской аристократіи зародыши феодальныхъ замковъ. Нѣсколько разъ мысль о томъ, что въ тотъ моментъ мы присутствуемъ не при смерти, а при перерожденіи общества, высказывается прямо; не прямо она составляетъ главную мысль всей книги и главное ея достоинство (это было указано П. Н. Кудрявцевымъ). Намъ могутъ сказать, что эта мысль старая. Конечно, такъ; но, пользуясь трудами своихъ европейскихъ учителей, результаты которыхъ онъ, впрочемъ, провѣрилъ большою самостоятельною работой, Ешевскій могъ высказать эту мысль и смѣлѣе и увѣреннѣе, могъ показать ее на самыхъ фактахъ. Читая его книгу, нигдѣ не видѣли мы, чтобы онъ слѣдовалъ одному какому-нибудь изъ европейскихъ ученыхъ; даже тамъ, гдѣ онъ принимаетъ чье-нибудь мнѣніе, онъ принимаетъ его не вслѣдствіе увлеченія тѣмъ или другимъ авторитетомъ, а съ полнымъ знаніемъ дѣла. Выбранный имъ предметъ представлялъ самъ собою трудно преоборимое препятствіе, пониманіе языка самого Сидонія; препятствіе это въ значительной степени было

побѣждено: извлеченія изъ Сидонія переданы ясно и даже часто изящно. Профессоръ Делленъ, указывая на ошибки въ переводѣ многихъ выраженій, признаетъ трудность задачи, надъ которою останавливались лучшіе латинисты не только у насъ, но и въ Европѣ. Я самъ знаю, какъ Ешевскій прибѣгалъ иногда къ помощи знатоковъ латинскаго языка въ Москвѣ и предоставляемъ былъ собственымъ средствамъ. Слѣдовательно, трудъ Ешевскаго въ этомъ отношеніи заслуживаетъ полнаго вниманія и уваженія. Находилось еще одно возраженіе противъ „Сидонія Аполлинарія“: строгіе пуристы науки считали его недостаточно ученымъ, т.-е. ставили въ вину легкость изложенія и то обстоятельство, что тема взята слишкомъ широко, и, стало-быть, не все принадлежитъ личнымъ изслѣдованіямъ автора. На такое возраженіе отвѣтилъ Ешевскій въ своемъ предисловіи: „Для русской публики подобныя монографіи могутъ принести болѣе существенную пользу, нежели спеціальныя изысканія, относящіяся къ одному какому-нибудь событію, тѣмъ болѣе, что и въ настоящемъ случаѣ не исключалась возможность собственныхъ частныхъ изслѣдованій“. Мнѣ остается только прибавить къ этому, что вся книга есть плодъ собственнаго добросовѣстнаго изученія источниковъ и критическаго отношенія къ трудамъ иностранныхъ писателей. На вопросъ: зачѣмъ же взятъ предметъ, уже значительно обработанный въ Европѣ, а не такой, который бы имѣлъ болѣе близкое отношеніе къ намъ?—отвѣчать можетъ все вышесказанное о тогдашнемъ настроеніи университета и о личномъ развитіи Ешевскаго. Думаю, что этимъ объясняется многое: иначе незачѣмъ было бы такъ долго останавливаться на подробностяхъ университетскаго преподаванія.

Осенью 1855 г. Ешевскій былъ выбранъ въ Казанскій университетъ на каѳедру русской исторіи, гдѣ ему пришлось замѣнить своего бывшаго наставника Иванова. Еще не успѣлъ Ешевскій уѣхать въ Казань, какъ умеръ Грановскій. Факультетъ тогда же выбралъ Ешевскаго, и онъ поѣхалъ съ полною надеждой пробыть въ Казани не болѣе полугода, т.-е. дочитать до конца 1855—56 академическаго года. „Первый и, дай Богъ, послѣдній курсъ русской исторіи,—писалъ онъ ко мнѣ въ декабрѣ 1855 г.,—въ Казанскомъ университетѣ мнѣ хотѣлось бы прочитать какъ можно получше, такъ, что если, какъ пишетъ П. Н. (Кудрявцевъ), меня и разведутъ съ русскою исторіей, чтобы разстаться съ нею подружески. Имѣя въ виду переходъ въ Москву, мнѣ можно читать, не столько стѣсняясь разными условіями“. Но переходъ этотъ затянулся: съ одной стороны, Казанскій университетъ не хотѣлъ выпускать отъ себя даровитаго дѣятеля, въ чемъ соглашался съ нимъ и тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, исходя изъ той точки зрѣнія, что даровитые профессора нужны повсюду; съ другой стороны, нашлись люди, которые внушили ему мысль о возможности найти другого преподавателя для Москвы. Попытка эта не удалась, и покойный Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, съ своимъ постояннымъ благодушіемъ, отказался отъ нея, когда узналъ ея невозможность, а

Ешевскаго все-таки опредѣлили не ранѣе того, какъ онъ вышелъ въ отставку и пріѣхалъ служить въ Александровскій сиротскій корпусъ.

Въ Казани Ешевскій пробылъ полтора года, до октября 1857 года. Впечатлѣніе, произведенное лекціями Ешевскаго на студентовъ, передано словами брошюры А. С. Гациснаго: „Въ началѣ января 1856 г. вошелъ въ Ивановскую аудиторію, скамейки которой ломились отъ громаднаго числа студентовъ, собравшихся изъ любопытства послушать новаго профессора, молодой, худой, невысокаго роста человѣкъ и, сказавши слушателямъ, стоя на ступеняхъ каѳедры, маленькое привѣтствіе, вслѣдъ затѣмъ вошелъ на каѳедру и началъ первую свою лекцію. То былъ *Степанъ Васильевичъ Ешевскій*.

„По окончаніи лекціи всѣ мы были какъ будто ошеломлены. Мы не могли дать себѣ строгаго отчета, что это такое: черезчуръ ли хорошо, или уже никуда не годно?

„Передъ нами лилась увлекательная въ высшей степени и, вмѣстѣ съ тѣмъ, простая, безъ всякихъ реторическихъ прикрасъ и цвѣтовъ краснорѣчія, живая и умная рѣчь. Насъ поражалъ этотъ прямой, ничѣмъ неподкупленный взглядъ на вещи, какъ онѣ есть.

„Интересъ, возбужденный лекціями С. В. Ешевскаго, былъ громаденъ. Аудиторіи другихъ профессоровъ стали пустѣть; даже студенты медицинскаго факультета, никогда не появлявшіеся въ такъ называемыхъ *общихъ* аудиторіяхъ, стали тутъ своими людьми. Да и какъ возможно было не предпочесть чтенію С. В. Ешевскаго чтеніе какого-нибудь другого профессора, когда мы отъ него почти впервые слышали голосъ истины. Уже нѣсколькихъ словъ первой его лекціи, начинавшейся такъ: „Исторія XVIII стол. въ Россіи—исторія славная, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и печальная, потому что дѣятели этой эпохи оставались безъ твердой почвы подъ собою; они чувствовали свой разрывъ съ прошедшимъ и отсутствіе историческихъ преданій; они не имѣли ясныхъ, сознательныхъ цѣлей для своей дѣятельности; но XVIII вѣкъ не безполезно прошелъ для насъ, и мы напрасно легкомысленно оставляемъ въ забвеніи труды предшественниковъ нашихъ“, уже нѣсколькихъ этихъ словъ было достаточно, чтобы заставить насъ полюбить исторію, такъ какъ въ ней мы начали видѣть не одни научные панегирики и вѣчно розовый цвѣтъ, а исторію“.

Такіе же восторженные отзывы о казанскихъ лекціяхъ Ешевскаго удавалось мнѣ слышать и отъ другихъ студентовъ того времени. Вообще, несмотря на то, что въ Казани Ешевскій былъ такъ недолго, онъ оставилъ по себѣ самую хорошую память, что понятно уже потому, что многое слышалось въ первый разъ съ каѳедры и что студенты тѣмъ юношескимъ инстинктомъ, который рѣдко и не надолго обманывается громкими фразами, поняли, какъ много любви къ наукѣ и добросовѣстности въ своихъ занятіяхъ приносилъ къ нимъ молодой профессоръ. Эти качества были тѣмъ дороже, что между старыми профессорами многіе,

даже богато одаренные, отъ разныхъ причинъ, между которыми не послѣднее мѣсто занимаетъ умственная атмосфера недавняго прошлаго, поддались рутинѣ и читали лекціи только во исполненіе обязанности по старымъ тетрадкамъ.

Курсъ, который читалъ Ешевскій въ 1856 г., былъ продолженіемъ курса, начатаго Ивановымъ. Ивановъ довелъ до воцаренія Елизаветы Петровны; Ешевскій излагалъ ея царствованіе. Этотъ курсъ (см. „Очеркъ царствованія Елиз. Петр.“, въ настоящемъ изданіи) до выхода соотвѣтствующихъ томовъ „Исторіи Россіи“ могъ считаться лучшимъ обзоромъ этой эпохи. Въ письмѣ ко мнѣ, разсказывая, что русскія книги онъ нашелъ всѣ въ Казани и, между прочимъ, и журналы старыхъ годовъ, въ которыхъ разсѣяно много статей касательно XVIII в., Ешевскій жаловался, что изъ иностранныхъ онъ могъ достать только „Исторію XVIII в.“ Шлоссера. Кажется, позднѣе онъ имѣлъ подъ руками „Geschichte des russischen Staates“ Германа. Но главнымъ источникомъ для него служило „Полное Собраніе Законовъ“, которымъ обыкновенно такъ мало пользуются наши историки и которое, однако, должно быть положено въ основу изученія: только тамъ можно найти свѣдѣнія, касающіяся внутренняго быта. Въ своемъ изложеніи Ешевскій далъ сравнительно меньшее мѣсто фактамъ внѣшнимъ, придворной и военной исторіи, и обратилъ вниманіе на колонизацію, ландмилиціонные полки, Малороссію, просвѣщеніе. Это обстоятельство и придало курсу особую важность, хотя Ешевскій былъ лишенъ возможности внести въ свое преподаваніе свѣдѣнія архивныя, что тогда и было почти совершенно недоступно. Надо прибавить еще, что, уѣзжая изъ Москвы, онъ еще не зналъ, о чемъ ему придется читать. Срочность работы помѣшала ему дать своему изложенію окончательную литературную обработку, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя мѣста имѣютъ даже несомнѣнныя литературныя достоинства. Такова вступительная лекція, гдѣ, характеризуя вообще XVIII в., какъ время переходное, онъ останавливается съ особенною любовью на лицѣ Потемкина и чрезвычайно удачно указываетъ на него, какъ на типъ чисто русскаго человѣка, со всѣми его достоинствами и недостатками. Строгая историческая критика можетъ указать кое на что, что слѣдовало бы поправить: такъ, въ дѣлахъ малороссійскихъ, быть можетъ, не слишкомъ ли много вѣры дано фразистой „Исторіи Руссовъ“ Конискаго. Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что курсъ обнимаетъ собою эпоху, далеко не разработанную и до сихъ поръ, а тогда едва только открывалась возможность говорить о ней не такъ, какъ говорилось въ учебникахъ. Важнымъ достоинствомъ курса было, по моему мнѣнію, то, что Ешевскій сумѣлъ удержаться отъ слишкомъ рѣзкаго осужденія прошлаго, которое было у многихъ тогда естественною реакціей противъ недавнихъ панегириковъ.

Въ слѣдующемъ 1856—57 академическомъ году Ешевскій читалъ обозрѣнія исторической литературы отъ хроники Сафоновича до исторіи Со-

ловьева *); при изложеніи онъ принялъ хорошую методу характеризовать воззрѣніе автора, большею частью, его собственными словами. Въ періодѣ до Карамзина Ешевскій даетъ довольно полную библіографію; но послѣ Карамзина останавливается только на болѣе крупныхъ явленіяхъ (сколько могу судить по неполному списку его лекцій, находящемуся у меня въ рукахъ); въ особенности много времени посвящено изложенію трудовъ С. М. Соловьева и К. Д. Кавелина, къ которымъ профессоръ относился съ видимымъ сочувствіемъ; трудовъ по миѳологіи онъ коснулся только мимоходомъ по поводу книги Соловьева. Спеціальныя изслѣдованія въ этотъ періодъ оставлены въ сторонѣ. Курсу предшествуетъ любопытное введеніе, въ которомъ высказывается мысль о несходствѣ русской исторіи съ исторіей Западной Европы и о всемірно-историческомъ значеніи русской исторіи, которое Ешевскій видѣлъ въ борьбѣ съ Азіей и въ колонизаціи Востока. Ясно, что по своему приготовительному образованію, по кругу, въ которомъ онъ постоянно жилъ, и по своимъ спеціальнымъ занятіямъ Ешевскій не могъ раздѣлять мнѣній славянофиловъ и не видѣлъ другого значенія греко-славянскаго міра: въ этомъ отношеніи онъ до конца остался послѣдователемъ западныхъ ученыхъ.

Зимой этого года Ешевскій прочелъ въ Казани три лекціи о колонизаціи сѣверо-востока Россіи, которыя по смерти его были напечатаны въ „Вѣстн. Европы“, 1866 г. Эти лекціи были чрезвычайно живымъ сводомъ всего, что до того говорилось объ этомъ предметѣ; собранное въ одно цѣлое явилось болѣе яркимъ, чѣмъ разсѣянное въ разныхъ мѣстахъ; оттого эти лекціи такъ понравились, когда явились въ печати. Интересъ къ этнографіи, возбужденный въ Ешевскомъ еще въ Одессѣ, не ограничился этими лекціями: его стараніями образовался въ Казани при университетѣ этнографическій музей изъ предметовъ, преимущественно имѣющихъ какое-либо отношеніе къ краю; Ешевскій завелъ въ разныхъ мѣстахъ корреспондентовъ, отъ которыхъ доставалъ какъ этнографическіе предметы, такъ и древности. Такимъ образомъ и у него собралась небольшая, но хорошенькая коллекція болгарскихъ и пермскихъ древностей. Послѣднія и были описаны въ „Пермскомъ Сборникѣ“. Лекціи Ешевскаго и его разговоры возбудили во многихъ интересъ къ занятіямъ: такъ, въ то время посѣщалъ его А. П. Щаповъ, тогда еще студентъ академіи; Ешевскій указывалъ ему на этнографическіе вопросы и, какъ на источникъ для изученія колонизаціи, на житія святыхъ, хранящіяся въ Соловецкой библіотекѣ. Нѣсколько выписокъ изъ этихъ житій было сдѣлано самимъ Ешевскимъ для С. М. Соловьева. Къ сожалѣнію, Ешевскій оставался слишкомъ недолго въ Казани и не могъ поддержать и дать пра-

---

*) Курсъ этотъ, сохранившійся только въ черновыхъ замѣткахъ слушателей, не напечатанъ.

вильное направленіе ни своему музею, который послѣ него, говорятъ, заглохъ, ни тѣмъ молодымъ людямъ, для которыхъ его руководство было бы полезно. Вмѣстѣ съ собраніемъ древностей Ешевскій вывезъ изъ Казани нѣсколько масонскихъ книгъ и рукописей, положившихъ основаніе его масонской коллекціи.

Весной 1857 года Ешевскій женился на Ю. П. Вагнеръ, дочери казанскаго профессора, извѣстнаго геолога. Кроткій свѣтъ семейной жизни освѣтилъ и согрѣлъ его послѣдніе труженическіе и страдальческіе годы.

Осенью 1857 года Ешевскій переселился въ Москву. Несбывшаяся надежда не только на переходъ въ Московскій университетъ, но даже на перемѣщеніе въ Казани съ каѳедры русской исторіи на каѳедру всеобщей, заставила его искать другой службы. Александровскій сиротскій корпусъ предложилъ ему уроки, Ешевскій принялъ ихъ и пріѣхалъ въ Москву учителемъ корпуса. По пріѣздѣ, однако, онъ не скоро могъ приняться за дѣло: болѣзнь ожидала его въ Москвѣ, и доктора нѣсколько мѣсяцевъ не выпускали его изъ комнаты. Дѣятельность его въ корпусѣ, какъ и вездѣ, оставила добрые слѣды. Ему порученъ былъ третій спеціальный классъ, въ которомъ кадеты подъ руководствомъ учителя занимались письменными упражненіями; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ читалъ спеціальный курсъ о французской революціи, надъ которымъ много работалъ. Ешевскій заставлялъ кадетъ сильно работать, задавая темы для сочиненій такія, для которыхъ матеріалы нужно было находить, наприм., въ „Полномъ Собраніи Законовъ". Кадеты ходили къ нему за справками, за книгами, за совѣтами, и сближались съ нимъ. Въ его путевыхъ замѣткахъ перваго путешествія за границу онъ разсказываетъ, какъ тронули его бывшіе кадеты, встрѣтившіе его въ Варшавѣ съ необыкновенною любовью. Только въ началѣ 1858 года министерство исполнило давнее желаніе Московскаго университета: Ешевскій былъ утвержденъ профессоромъ по всеобщей исторіи. Грустно пришлось Ешевскому начинать свой курсъ: Кудрявцевъ, истомленный болѣзнью и скорбью по смерти любимой жены, угасъ; первая лекція Ешевскаго была посвящена памяти его учителя, друга и предшественника по каѳедрѣ. Трагична судьба этой каѳедры въ Московскомъ университетѣ: такъ быстро на ней смѣняются люди, болѣе или менѣе замѣчательные и всѣ равно любимые студентами!

Занявъ каѳедру всеобщей исторіи, Ешевскій приступилъ къ исполненію своей старой задушевной мысли: вести преподаваніе исторіи спеціальными послѣдовательными курсами. По его плану, въ продолженіе 15 лѣтъ онъ долженъ былъ довести этотъ курсъ, начинавшійся временемъ паденія Римской имперіи, до конца; тогда онъ думалъ снова возвратиться къ началу, и такимъ образомъ переработанные два раза курсы намѣренъ былъ печатать. Началъ онъ съ этнографическаго обозрѣнія римскаго міра (этотъ

курсъ названъ въ изданіи „Сочиненій“: „Центръ римскаго міра и его провинціи“). Мысль этого курса чрезвычайно умна: онъ хотѣлъ разсмотрѣть въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ народы Запада и Востока, подчинившіеся Риму, съ тѣмъ, чтобы опредѣлить, чтò каждый изъ нихъ далъ Риму и чтò получилъ отъ него. Въ яркихъ и живыхъ характеристикахъ передаетъ онъ слушателямъ все, что сдѣлано наукой для объясненія судебъ каждаго изъ этихъ народовъ. Дальнѣйшее развитіе каждаго изъ этихъ народовъ въ средневѣковой исторіи обусловливается до извѣстной степени его отношеніемъ къ Риму. Потому нельзя было удачнѣе начать курса исторіи среднихъ вѣковъ, какъ подобнымъ введеніемъ, мысль о которомъ, можетъ быть, родилась подъ вліяніемъ извѣстнаго сочиненія Амедея Тьерри: „Histoire de la Gaule sous la domination des Romains“, гдѣ изображается вліяніе на Римъ разныхъ подчиненныхъ ему народовъ, представители которыхъ такъ часто облекались въ императорскую порфиру. Но Ешевскій поставилъ задачу свою шире: его вниманіе устремлено преимущественно не на Римъ, а на провинціи. Въ этомъ курсѣ онъ остался вѣренъ тому же направленію, которое выразилось еще въ „Сидоніи“: въ падающемъ Римѣ онъ привѣтствуетъ зарю новаго міра; съ этой же точки зрѣнія разсмотрѣвъ составъ римскаго міра, онъ характеризуетъ его связующее начало, власть цезарей; весь курсъ проникнутъ сознаніемъ связи римскаго міра съ ново-европейскимъ, которая высказана въ заключительныхъ словахъ профессора: „Въ исторіи среднихъ вѣковъ не разъ приходится обращаться къ временамъ древней имперіи, чтобы понять смыслъ явленій, совершавшихся въ новой Европѣ“. Читая эти яркія и живыя характеристики, можно подумать, что онѣ достались очень дешево; но я самъ былъ свидѣтелемъ неустанной работы, которой онѣ стоили; приготовленіе къ каждой лекціи брало у Ешевскаго нѣсколько дней: въ дѣло шли и историки, и путешествія археологовъ. Многія книги доставались въ Москвѣ съ большимъ трудомъ; но все, что можно было достать, до послѣдней журнальной статьи, было добываемо. Вліяніе западныхъ историковъ чувствуется на этомъ курсѣ; но иначе не могло быть: міръ греко-славянскій, къ сожалѣнію, оставался чуждымъ тогда не для одного Ешевскаго.

Предметомъ курса слѣдующаго года было обозрѣніе внутренней, преимущественно умственной жизни Римской имперіи (этотъ курсъ названъ въ изданіи „Очерками язычества и христіанства“). Этому курсу Ешевскій весьма кстати предпослалъ введеніе, въ которомъ разбиралъ вопросъ объ отношеніи общества къ государству *); можетъ быть, нигдѣ правильная постановка этого вопроса не имѣетъ такого значенія, какъ въ приложеніи къ Риму, гдѣ государство стремилось поглотить общество и гдѣ христіанство представило оплотъ противъ этихъ стремленій. Вопросъ этотъ побудилъ Ешевскаго обратиться къ юридической литературѣ, и боль-

*) Это введеніе не издано, ибо сохранилось въ видѣ конспекта.

шая часть лѣта 1858 г. ушла на это занятіе. Къ чему бы онъ ни обращался, онъ всегда любилъ получить болѣе или менѣе полныя свѣдѣнія. Самый предметъ курса вызвалъ къ пересмотру всѣхъ религіозныхъ вѣрованій, какъ римскихъ, такъ и принятыхъ Римомъ отъ другихъ народовъ, всѣхъ системъ философскихъ, господствовавшихъ въ Римѣ, съ одной стороны, ученій отцовъ церкви—съ другой. Рѣзкая противоположность этихъ двухъ міровъ, существовавшихъ рядомъ въ Римской имперіи, весьма счастливо выставлена въ курсѣ Ешевскаго. Курсъ этотъ тѣсно связывался съ предыдущимъ: представивъ картину римскаго міра, опредѣливъ предѣлы вліянія Рима границами того, что впослѣдствіи назвалось Западною Европой, профессоръ переноситъ своихъ слушателей въ самый центръ умственной жизни этого міра и показываетъ, какъ неизбѣжно начала этой жизни должны были уступить передъ новыми началами христіанства. Строгая критика можетъ указать на то, что незнакомство съ подлинниками многихъ замѣчательныхъ произведеній древности (по-гречески Ешевскій не читалъ) могло тутъ и тамъ имѣть вліяніе на самое изложеніе. Тутъ есть своя доля правды; но не слѣдуетъ забывать и того, что профессоръ не можетъ всюду быть самостоятельнымъ, что ясное и живое изложеніе чужихъ результатовъ нерѣдко составляетъ важную заслугу. Прибавимъ, однако, что если греческую литературу Ешевскій зналъ по переводамъ, то латинская была ему вполнѣ извѣстна. То же надо сказать и объ исторической литературѣ самого предмета: все, что касалось его, было тщательно прочитано и изучено. Я помню, съ какимъ нетерпѣніемъ добивался онъ книги Деллингера: „Heidenthum und Judenthum“ и въ какое негодованіе приходилъ, замѣтивъ при чтеніи, что книга въ сущности поспѣшная компиляція.

Рядомъ съ этимъ курсомъ Ешевскій читалъ другой: для студентовъ 1-го и 2-го курса онъ обязанъ былъ читать древнюю исторію. Новую читалъ тогда Вызинскій, котораго лекціи о феодализмѣ, какъ введеніе въ новую исторію, напечатаны въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Ешевскій считалъ несправедливымъ обременить молодого преподавателя двумя курсами и потому взялъ древнюю исторію на себя. Курсъ этотъ доводилъ Ешевскій до персидскихъ войнъ; главное вниманіе профессора, сколько могу судить по краткому изложенію, составленному по моей просьбѣ однимъ изъ тогдашнихъ его слушателей, И. П. Хр., обращено было на бытъ и религію народовъ Востока: онъ долго останавливался на памятникахъ искусства, описывая ихъ по разсказамъ путешественниковъ и указывая на труды, сдѣланные для ихъ объясненія. И. П. Хр. чрезвычайно хорошо характеризуетъ этотъ курсъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все преподаваніе Ешевскаго: „Ешевскій,—говоритъ онъ,—былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые не могутъ относиться къ своему дѣлу безсердечно и исполнять его рутинно. Каждая его лекція была согрѣта сочувствіемъ къ предмету, и это не было мелочное сочувствіе къ блеску собственной мысли. Онъ

былъ не фразеръ и не подстрекалъ хаоса мыслей, какъ иные изъ его современниковъ. Идея проходила чрезъ его лекцію, и онъ ею не хвастался. Пріемы его были чисто-объективные, что, конечно, способствовало тому благотворному вліянію, какое имѣли его лекціи на слушателей". „Впечатлѣніе,—говоритъ тотъ же свидѣтель,—произведенное разсказомъ о кастахъ и чудовищномъ рабствѣ древняго Египта, было сильно; но Степанъ Васильевичъ не останавливался на этомъ долго и не пускался по этому поводу въ разсужденія; не дѣлалъ политическихъ намековъ, какъ въ подобныхъ случаяхъ было въ модѣ поступать". „Никогда не угощалъ онъ слушателей обломками своихъ академическихъ работъ и не приносилъ массы отрывочныхъ свѣдѣній вмѣсто неподготовленной и необдуманной лекціи. Наглядно объясняя нѣмые памятники и приводя письменные, Степанъ Васильевичъ приводилъ слушателей черезъ рядъ гипотезъ къ положительному факту и тѣмъ пріучалъ къ ученымъ пріемамъ и знакомилъ съ исторической критикой". Отношеніе къ студентамъ передаю тоже словами И. П. Хр.: „Мы читали, по совѣту С. В., удивительную книгу Макса Дункера. Это чтеніе казалось намъ продолженіемъ лекцій: частью пополняло ихъ, частью лекціи, наоборотъ, пополняли чтеніе. Ст. Вас. принималъ насъ и у себя, онъ очень просто и любезно обходился съ нами, но не заискивалъ въ насъ и не любилъ пускаться съ нами въ болтовню. Мы знали, за чѣмъ шли къ нему, а онъ заготавливалъ къ нашему приходу книги и атласы, показывалъ рисунки памятниковъ древности и объяснялъ наши недоразумѣнія".

Прибавлю любопытную черту, сообщаемую въ запискѣ, составленной для меня другимъ его ученикомъ, А. С. Трачевскимъ: „С. В. былъ однимъ изъ льготныхъ профессоровъ для тѣхъ студентовъ, которые желаютъ получить степень кандидата. Для молодого человѣка, могущаго запомнить основное содержаніе лекцій, а главное, понять и сознательно высказать это содержаніе, *пятерка* была обезпечена, и она всегда входила, какъ совершившійся фактъ, въ наивно-корыстные разсчеты будущихъ кандидатовъ. Но за-то упомянутое главное условіе нужно было всегда соблюсти при отвѣтѣ С. В—чу; только тогда онъ внимательно и спокойно выслушивалъ студента и, не задерживая его долго, смѣло ставилъ высшую отмѣтку. Въ семьѣ, конечно, не безъ урода: бывало не безъ грѣха, т.-е. не безъ отсутствія *главнаго* условія въ отвѣтѣ. Въ такомъ случаѣ С. В. принималъ оживленный и веселый видъ и начиналъ энергически задавать несчастному вопросы поразительной простоты, отъ которыхъ былъ менѣе, чѣмъ одинъ шагъ, до первыхъ страницъ руководствъ Смарагдова и Ободовскаго. Помнится, напримѣръ, что одному изъ такихъ студентовъ, не могшему не только прямо, но и криво понять историческое явленіе, въ родѣ Аполлонія Тіанскаго, профессоръ задалъ вопросъ касательно географическаго положенія Аравіи и былъ утѣшенъ не менѣе поразительнымъ по своей простотѣ отвѣтомъ. Даже и въ подобныхъ критическихъ обсто-

ятельствахъ С. В. не терялъ присутствія духа и веселаго настроенія: онъ только сознавался, шутливо разставляя руки, что находится въ затруднительномъ положеніи, въ необходимости поставить, по большей мѣрѣ, *двойку*. Только впослѣдствіи, подъ вліяніемъ, съ одной стороны, сознанія необходимости поднять уровень нашего образованія, а, съ другой стороны, и болѣзни, сталъ онъ строже и требовательнѣе".

Обязанности профессора не ограничивались для Ешевскаго однимъ чтеніемъ лекцій и учеными занятіями; дѣла совѣтскія также тревожили его. Ешевскій, по своему характеру, принадлежалъ къ числу людей, которые охотно жертвуютъ собственнымъ покоемъ тому, что считаютъ своимъ долгомъ; на исполненіе долга онъ всегда смотрѣлъ серьезно и не останавливался въ этомъ случаѣ ни передъ какими соображеніями: университетъ и его процвѣтаніе были его постоянною заботой. Больной и нервный, онъ, можетъ быть, иногда вносилъ черезчуръ много страстности въ свои пренія; но, тѣмъ не менѣе, выходя изъ благороднаго источника, увлеченія его легко находили себѣ оправданіе въ глазахъ непредубѣжденныхъ людей, и если въ свое время и производили нѣсколько тяжелое впечатлѣніе, то послѣ всегда могли быть объяснены честными побужденіями. Вглядываясь пристальнѣе въ составъ коллегіальныхъ учрежденій (можетъ быть, и не у насъ однихъ), нельзя не цѣнить людей съ характеромъ Ешевскаго, которые мѣшаютъ этимъ учрежденіямъ заснуть. Въ ту пору, о которой я теперь говорю, Ешевскій былъ занятъ въ особенности вопросомъ о свободѣ диспутовъ; частный случай, подавшій поводъ къ полемикѣ въ газетахъ, былъ для него только поводомъ: онъ смотрѣлъ на дѣло гораздо шире и добивался не того, чтобы оскорбить то или другое лицо, а того, чтобы оградить одно изъ важнѣйшихъ учрежденій университета, ставящее его подъ постоянный контроль общественнаго мнѣнія. Результатомъ полемики Ешевскаго было то, что на слѣдующемъ диспутѣ уже были сохранены всѣ формы. Другой, еще болѣе важный, вопросъ занималъ въ то время Ешевскаго и оставался постоянно для него предметомъ заботливости. Это вопросъ о степени подготовки студентовъ. Еще въ бытность въ Казани онъ замѣтилъ неудовлетворительность состоянія гимназій, въ университетѣ ему не разъ приходилось сталкиваться съ примѣрами замѣчательнаго невѣжества, естественнымъ послѣдствіемъ того упадка гимназій, въ которое привела ихъ реформа 1849 г., разрушившая созданіе графа Уварова. Въ своей статьѣ о книгѣ Шульгина въ „Атенеѣ" онъ разсказываетъ о студентѣ, говорившемъ на экзаменѣ о *богинѣ Культѣ*: слышавъ это слово „культъ" на лекціяхъ, студентъ принялъ его за названіе особаго божества. По поводу возбужденнаго тогда Ешевскимъ вопроса о лучшемъ устройствѣ гимназій, поднялись голоса, обвинявшіе университетъ, выпускающій дурныхъ учителей. При всей видимой справедливости этого обвиненія, нельзя не согласиться, однако, съ тѣмъ, что при тогдашнемъ состояніи университетовъ гимназіи все-таки могли быть лучше: были

же онѣ относительно хороши при графѣ Уваровѣ. Педагогическому вопросу Ешевскій отвелъ, какъ мы увидимъ ниже, много мѣста въ планѣ своей заграничной поѣздки.

Осенью 1859 г. Ешевскій уѣхалъ за границу, гдѣ пробылъ до осени 1861 г. Въ эту поѣздку онъ объѣхалъ большую часть Германіи, былъ въ Италіи, Швейцаріи и Франціи. Главныя цѣли своей поѣздки онъ такъ объяснялъ въ письмѣ изъ Берлина къ той родственницѣ, о которой намъ уже случилось упоминать: „Мнѣ хотѣлось бы взять съ путешествія все, что возможно, и заниматься только тѣмъ, чѣмъ можно заниматься только здѣсь. Кабинетныя занятія, работа надъ книгами еще не уйдутъ отъ меня. Это можно дѣлать и въ Россіи, потому ихъ я отодвинулъ на второй планъ. Кромѣ общаго знакомства съ политическими учрежденіями и ходомъ здѣшней общественной жизни, я поставилъ себѣ главнымъ образомъ двѣ задачи: изученіе искусства и, по возможности, близкое знакомство съ устройствомъ здѣшнихъ учебныхъ заведеній. Послѣднее я считаю чрезвычайно важнымъ въ практическомъ отношеніи и въ нашемъ теперешнемъ положеніи, когда все расшаталось въ университетѣ и гимназіи, когда настоятельна потребность въ народныхъ элементарныхъ школахъ и поднятъ вопросъ о женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ, музеи и школы днемъ, спеціальныя сочиненія по исторіи и теоріи искусствъ и законы по министерству народнаго просвѣщенія вечеромъ, и у меня почти не остается времени на занятіе чѣмъ-нибудь другимъ, или остается очень мало. Къ сожалѣнію, доступъ въ заведенія не всегда легокъ, особенно въ женскія католическія. Я получилъ отказъ въ просьбѣ осмотрѣть знаменитый институтъ въ Голландіи, недалеко отъ прусской границы, не могъ попасть въ католическій пансіонатъ въ самомъ Ахенѣ, т.-е. получилъ позволеніе осмотрѣть однѣ стѣны, тогда какъ мнѣ прежде всего нужно сидѣть въ классахъ, видѣть машину въ самомъ ходу, и при томъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, а стѣны— вездѣ стѣны. Впрочемъ, къ счастью, эти неудачи исключеніе изъ общаго правила. Большею частью я могъ близко всмотрѣться въ заведенія и надѣюсь привезти съ собою и много замѣтокъ, и почти цѣлую библіотеку различныхъ статутовъ, уставовъ и постановленій. За-то музеи доступны вездѣ". „Уже по одному тому, что я надѣюсь принести дома пользу моимъ изученіемъ здѣшняго воспитанія,— говоритъ онъ далѣе въ томъ же письмѣ, умирать я рѣшительно не намѣренъ". Въ „Отеч. Зап." 1860 г. напечатано его „Письмо изъ-за границы", въ которомъ онъ описываетъ состояніе германскихъ учебныхъ заведеній. Съ начала своей поѣздки Ешевскій началъ было вести поденныя записки; но, къ сожалѣнію, не довелъ ихъ до конца: здѣсь рядомъ съ его собственными наблюденіями встрѣчаются выписки изъ разныхъ книгъ, цифры, касающіяся учебныхъ заведеній, краткія замѣтки о преподаваніи въ школахъ, указанія замѣчательныхъ вещей въ музеяхъ и т. п. Изъ этой книги извлекаемъ мнѣніе Ешевскаго

о различныхъ профессорахъ, которыхъ ему удалось слушать. Вотъ что говоритъ онъ о Гейдельбергѣ:

„Съ 5 числа (ноября 1859 г.) я началъ ходить въ университетъ. Онъ поражаетъ своею простотой. Главное зданіе, гдѣ помѣщаются аудиторіи и, кажется, кабинетъ естественной исторіи, находится на Ludwig's или Universität's Platz'ѣ; анатомическій музей, лабораторія, библіотека и другія университетскія собранія помѣщены въ другихъ домахъ въ городѣ; надъ главнымъ зданіемъ весьма незатѣйливой архитектуры четыреугольная башня съ часами. Внутри ни сторожей, ни прислуги; одна Mädchen ходитъ по аудиторіямъ въ перемѣны, чтобы зажечь газовые рожки вечеромъ и топить печи въ коридорахъ. Аудиторіи невелики и бѣдны: грязные обои по стѣнамъ, простыя скамейки, изрѣзанныя ножемъ, залитыя чернилами и покрытыя надписями, такая же каѳедра съ черною доской у стѣны, у которой стоитъ каѳедра — вотъ и все. По стѣнамъ вѣшалки или просто гвозди, на которыхъ студенты вѣшаютъ свои пледы и фуражки. Студенты курятъ въ коридорахъ и въ аудиторіяхъ; въ послѣднихъ, разумѣется, до прихода профессора. Ни полиціи, ни внѣшняго decorum. Въ коридорѣ на стѣнѣ наклеены записочки профессоровъ о времени начала курса, о часахъ и въ какой аудиторіи. Все идетъ само собою, а между тѣмъ ни малѣйшаго безпорядка ни въ коридорѣ, ни особенно въ аудиторіяхъ. Попробуй кто-нибудь войти по срединѣ лекціи, поднимется такое шарканье ногами, что въ другой разъ навѣрное не опоздаетъ.

„Въ первый день вечеромъ я пошелъ на лекціи Рау и Гейссера. Какъ госпитантъ, я имѣлъ право три раза ходить даромъ на лекціи каждаго профессора прежде, чѣмъ записаться въ число его слушателей. Слушателей у Рау немного, едва ли наберется 20 человѣкъ въ небольшой аудиторіи, гдѣ онъ читаетъ. Ровно черезъ 7 минутъ вошелъ въ аудиторію, нѣсколько постукивая, бодрый еще старикъ, снялъ пальто, у каѳедры положилъ шляпу, вытащилъ книгу и началъ чтеніе. Рау нынѣшній годъ читаетъ финансовое право и при томъ по своей книгѣ. Въ эту лекцію онъ оканчивалъ литературу финансоваго права и приступилъ къ изложенію самаго предмета. Онъ читаетъ довольно внятно, хотя и не громко, причмокивая губами послѣ каждой фразы. Характеристика сочиненій ограничивается заглавіемъ и нѣсколькими словами. Любопытны были только эпизодъ о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ Рау въ полученіи финансовыхъ отчетовъ Австріи, и характеристика трехъ родовъ этихъ отчетовъ въ Австріи: одного для публики безъ цифръ, другого для избраннаго круга читателей, для чиновниковъ, университетовъ, и третьяго для немногихъ лицъ, посвященныхъ въ тайны австрійскихъ финансовъ. Изложеніе Рау весьма незавидно. Непріятно поражаетъ уже то, что онъ читаетъ по печатному руководству, почти неотступно отъ него. „Теперь слѣдуетъ § 3", говоритъ онъ, наприм., сохраняя въ своемъ чтеніи даже рубрики книги.

Отступленія отъ книги заключаются въ толкованіи самыхъ элементарныхъ политико-экономическихъ понятій. Странно какъ-то на лекціи финансоваго права слушать довольно долгое объясненіе различія потребленія отъ уничтоженія вещи, объясненіе различія чистаго дохода отъ валового и т. д. Кромѣ того, эти элементарныя объясненія слишкомъ продолжительны и показываютъ слишкомъ уже большое недовѣріе къ степени предварительныхъ познаній слушателей и даже къ ихъ понятливости. Вообще лекція была скучна и монотонна. . . . .

„Другое дѣло лекціи Гейссера. Онъ читаетъ два курса, каждый по пяти лекцій въ недѣлю. Отъ 4 до 5 новая исторія съ 1517 г.; отъ 6 до 7 исторія Германіи съ Вестфальскаго мира. На первомъ курсѣ слушателей бываетъ не такъ много, за-то на второмъ аудиторія бываетъ полна. Гейссеръ рожденъ быть ораторомъ. Высокій, крѣпко сложенный, полный силъ и здоровья, съ грубымъ, некрасивымъ лицомъ, полнымъ, однако, выраженія ума и энергіи, съ демократическими, нѣсколько грубоватыми манерами, отлично идущими къ его лицу и тѣлосложенію, онъ владѣетъ сильнымъ, звучнымъ голосомъ и совершенно свободною рѣчью. Онъ читаетъ безъ всякихъ записокъ и конспектовъ, читаетъ быстро, такъ что за нимъ нельзя записывать; мысль опережаетъ слово и окончаніе фразы иногда пропадаетъ, такъ оно произносится скоро. Въ его рѣчи нѣтъ ни малѣйшаго посягательства на внѣшнюю отдѣлку, тѣмъ менѣе еще на фразерство; рѣчь скорѣе отрывиста; характеристики личностей въ весьма немногихъ, но мѣткихъ словахъ. Гейссеръ говоритъ, а не читаетъ; вся его лекція носитъ на себѣ этотъ разговорный характеръ. Онъ не можетъ спокойно стоять на каѳедрѣ, а безпрестанно движется, перемѣняетъ положеніе, какъ будто ему тѣсно на ней. Иногда онъ повышаетъ голосъ до того, что, вѣроятно, его слышно съ площади. Несмотря на эту видимую неприготовленность лекціи, на ея непринужденный, разговорный характеръ, лекціи выходятъ мастерски обработанными. Гейссеръ не пускается въ подробное изложеніе и ограничивается большею частью общей характеристикой; но эти характеристики выходятъ чрезвычайно цѣльны и полны. Дня черезъ два я слышалъ его оцѣнку значенія лютеровскаго перевода Библіи, и мнѣ никогда не случалось ни читать, ни слышать подобной мастерской характеристики. . . . .

„*6 ноября* былъ у Гейссера, чтобы записаться въ число его слушателей. Онъ читаетъ по изданнымъ имъ проспектамъ и находитъ это очень выгоднымъ для слушателей. Дѣйствительно, тутъ помѣщены указанія на источники и литературу каждаго отдѣла, кромѣ того, тутъ указанія на главнѣйшія событія и важнѣйшія даты. Между прочимъ, Гейссеръ разсказывалъ мнѣ, съ какимъ трудомъ собиралъ матеріалы для своей „Исторіи Германіи со смерти Фридриха II“. Важнѣйшими матеріалами, наприм. перепиской Лукезини, онъ пользовался съ большею легкостью потому, что они находятся въ Берлинскомъ военномъ архивѣ, гдѣ военное на-

чальство смотритъ легче на политическіе документы. Въ Берлинскій архивъ иностранныхъ дѣлъ доступъ былъ труднѣе; но всего недоступнѣе были баденскіе архивы, куда могъ проникнуть Гейссеръ только послѣ многихъ хлопотъ въ министерствѣ. Плата за каждый курсъ Гейссера въ семестръ 12 гульденовъ 20 кр.: я получилъ билетъ на слушаніе новой исторіи за № 28, на слушаніе нѣмецкой за № 80. Впрочемъ, слушателей несравненно больше, чѣмъ видно по билетамъ; особенно велико число на курсѣ нѣмецкой исторіи, я думаю, человѣкъ до 150. Это или госпитанты или, какъ говорятъ, тѣ слушатели, которые ходятъ на лекціи, не записавшись у профессора и, слѣдовательно, не платя ему: они обыкновенно садятся подальше. Особенно это удобно въ аудиторіи, гдѣ читаетъ нѣмецкую исторію Гейссеръ. Задняя часть аудиторіи не освѣщена, и надъ нею устроены какіе-то хоры, такъ что въ ней постоянно темно. Такихъ слушателей здѣсь называютъ „bei Schwanz Hörer“ и, благодаря отсутствію всякаго контроля, очень легко слушать такимъ образомъ. Иначе нельзя объяснить такую огромную разницу между числомъ слушателей и числомъ выданныхъ билетовъ. Сверхъ Гейссера, я буду слушать два курса Штарка: греческую исторію и исторію искусства отъ Фидія до Константина В.—Штаркъ не позволилъ мнѣ записаться, а очень любезно сказалъ, что записываніе существуетъ для студентовъ, а не для товарищей по каѳедрѣ. Штаркъ еще довольно молодой человѣкъ. Онъ слушалъ въ Берлинѣ лекціи вмѣстѣ съ Леонтьевымъ, о которомъ разспрашивалъ. Онъ читаетъ греческую исторію очень подробно и обстоятельно. На географическій очеркъ Ѳессаліи онъ употребилъ, напр., цѣлую лекцію, рисуя мѣломъ на доскѣ. Онъ читаетъ по запискамъ или по конспекту. Изложеніе чрезвычайно отчетливо. Видно, что къ каждой лекціи онъ готовится. Внѣшняя манера довольно удовлетворительна, хотя онъ и говоритъ какимъ-то скрипучимъ голосомъ. Слушателей довольно мало, человѣкъ 9 или 10, не болѣе. Къ сожалѣнію, онъ не отличается, кажется, особымъ талантомъ изложенія и очень часто заканчиваетъ описаніе такъ: so also Eleusis. Это so also у него встрѣчается очень часто. Особенно этотъ недостатокъ таланта изложенія замѣтенъ въ его исторіи искусства. Онъ чрезвычайно подробно объяснитъ планъ зданія, укажетъ на архитектурныя подробности, на содержаніе барельефовъ, разскажетъ дальнѣйшую судьбу зданія (напр. Парѳенона), но общаго характера зданія невидно, за деталями слушателю довольно трудно составить себѣ сколько-нибудь цѣльное понятіе, и онъ остается при одномъ инвентарѣ архитектурныхъ частей зданія. Штаркъ помогаетъ нѣсколько въ этомъ отношеніи своими archeologische Uebungen въ библіотекѣ, гдѣ онъ показываетъ и объясняетъ рисунки; но слушателей на этихъ упражненіяхъ еще меньше, чѣмъ на лекціяхъ. Когда я былъ, насъ было всего пятеро. Штаркъ, впрочемъ, лицо очень почтенное по совѣстливой обработкѣ своихъ лекцій; я въ особенности доволенъ его исторіей Греціи.

„Лекціи Роберта Моля крайне неудовлетворительны во внѣшнемъ отношеніи. Онъ читаетъ тихо, однообразнымъ, заученнымъ тономъ; но еще хуже, когда онъ пускается въ частныя объясненія, когда онъ старается придать своимъ словамъ характеръ разговора; тутъ очень часто не доберешься, въ чемъ дѣло: онъ говоритъ скоро, путается, глотаетъ слова и пр. Разумѣется, это только внѣшность, содержаніе лекцій отлично, и тѣмъ досаднѣе, что внѣшность такъ неудовлетворительна.

„Здѣсь профессора аккуратны не по нашему. Черезъ десять минутъ послѣ перемѣны, которая происходитъ безъ звонка, профессоръ уже на лекціи. Робертъ Моль долженъ былъ отправиться на недѣлю въ Карльсру для засѣданія въ палатѣ, и онъ просилъ своихъ слушателей приходить слушать нѣсколько дополнительныхъ лекцій отъ 7 до 8 ч. вечера, чтобы вознаградить слушателей за то время, когда онъ будетъ въ отсутствіи. Взявши съ слушателей гонорарій, профессоръ принимаетъ на себя обязанность прочитать извѣстный предметъ въ извѣстный срокъ, и потому каждая манкировка есть какъ бы неисполненіе взаимнаго договора, и студентъ, заплативъ деньги, хочетъ, чтобы онѣ заплачены были не даромъ.

„На лекціяхъ нѣмецкой исторіи Гейссера я замѣтилъ двухъ стариковъ, изъ которыхъ одинъ до того ветхъ, что ходитъ съ костылемъ и почти слѣпъ, но которые не пропускаютъ ни одной лекціи. У насъ до этого еще долго не дойдетъ. Вообще большое число слушателей Гейссера объясняется только тѣмъ интересомъ, который возбуждаютъ эти лекціи. Держать экзаменъ изъ исторіи обязаны только филологи, а ихъ очень немного; остальные слушаютъ безъ всякихъ внѣшнихъ побудительныхъ причинъ, а аудиторія между тѣмъ всегда полна“.

Несмотря на обширность этой выписки, я рѣшаюсь еще привести характеристику берлинскихъ профессоровъ, ибо полагаю, что въ этихъ сужденіяхъ чрезвычайно ярко высказываются требованія Ешевскаго отъ профессора и университетовъ; не надо забывать, что это черновые наброски, которые были написаны только для себя. Итакъ, посмотримъ, что онъ нашелъ въ Берлинѣ.

„Въ университетѣ, — читаемъ мы въ той же записной книжкѣ, — такъ же просто, какъ и въ Гейдельбергѣ. Зданіе нѣсколько напоминаетъ старый университетъ въ Москвѣ. Аудиторіи помѣщаются внизу, только три въ верхнемъ этажѣ. Въ верхнихъ этажахъ обоихъ флигелей анатомическій музей и музей естественной исторіи, открытые для всѣхъ два дня въ недѣлю отъ 12 — 2 часовъ безъ всякихъ билетовъ. Аудиторіи такъ же просты, какъ въ Гейдельбергѣ, только побольше. Въ среднихъ сѣняхъ по стѣнамъ тѣ же рукописныя извѣщенія профессоровъ о лекціяхъ, только здѣсь они на латинскомъ языкѣ и адресованы commilitonibus amantissimis, ornantissimis и пр. На одной изъ стѣнъ планъ университета съ обозначеніемъ №№ аудиторій. На дверяхъ каждой аудиторіи картонъ съ расписаніемъ лекцій, которыя въ ней читаются. Еще отличіе внѣшнее отъ Гейдель-

бергскаго университета: въ разныхъ мѣстахъ прибиты объявленія, что въ стѣнахъ университета нельзя курить, и во все время моихъ посѣщеній лекцій я не видалъ ни одного человѣка курящаго, хотя нѣтъ, по крайней мѣрѣ не видно, никакого полицейскаго надзора. На лекціяхъ много солдатъ, продолжающихъ слушать лекціи. Разноцвѣтныхъ фуражекъ не видно; попадалось 2, 3 бѣлыя, фуражки вандаловъ, но, вѣроятно, это пришельцы изъ другихъ университетовъ. Слушателей въ первые дни января сначала было немного, да и профессора не всѣ читали; Лепсіусъ, напримѣръ, началъ читать съ 12-го января.

„*Раумеръ* читаетъ публичный курсъ исторіи замѣчательныхъ революцій два раза въ недѣлю, ниже всякой посредственности. Слушателей человѣкъ 10, 12, не больше. Трудно излагать предметъ болѣе пошлымъ, безцвѣтнымъ, школьнымъ образомъ. При мнѣ онъ читалъ обзоръ переворотовъ въ древнемъ Римѣ. Это былъ сухой, безжизненный перечень событій: ни одной характеристической подробности, ни одного сужденія иначе, какъ общими мѣстами. Такъ можно читать въ 5 классѣ гимназіи, а не въ университетѣ. Онъ назвалъ грековъ первыми революціонерами и коснулся ager publicus. Я ждалъ тутъ чего-нибудь и услышалъ только школьное объясненіе, что такое ager publicus. Внѣшность положенія самая печальная и вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію; печальный, непригладный старикъ, съ зачесанными сзади на лобъ жидкими волосами, говоритъ убійственно монотоннымъ, однообразнымъ голосомъ. Я зналъ прежде, что отъ Раумера, какъ профессора, ждать много нечего, но такого чтенія все-таки не ждалъ.

„*Ранке* производитъ также впечатлѣніе непріятное, но въ другомъ совершенно родѣ. Слушателей у него также мало, развѣ немного побольше чѣмъ у Раумера. Онъ читаетъ новѣйшую исторію съ 1813 г. и въ январѣ еще читалъ только о событіяхъ съ Калишскаго трактата между Россіей и Пруссіей. Въ аудиторію вошелъ низенькій господинъ, еще не очень старый, на которомъ все платье какъ-то лѣзетъ кверху, отвороты сѣраго жилета поднялись изъ-за воротника сюртука, сѣрыя брюки лѣзутъ вверхъ по сапогу. Я очень удивился, когда этотъ господинъ взошелъ на каѳедру и усѣлся тамъ: я никакъ не воображалъ знаменитаго историка въ такомъ видѣ. Еще болѣе удивленъ былъ я при первыхъ его словахъ. Дѣло шло о самыхъ простыхъ, нисколько не патетическихъ предметахъ: о движеніи прусской и русской армій въ началѣ кампаніи 1813 г. Но надобно было видѣть, какіе жесты выдѣлывалъ Ранке на каѳедрѣ, и не одними руками, а всѣмъ тѣломъ: голова закинута назадъ, глаза жмурятся и закатываются, одна рука поднята кверху, другая протянута впередъ и судорожно ловитъ что-то, голосъ то замираетъ и почти совсѣмъ теряется, то переходитъ въ отрывистыя восклицанія, а все это затѣмъ, чтобы сказать, что союзныя войска или армія Блюхера отступили по такому-то направленію. Вся лекція или лекціи прошли въ подобномъ кривляніи, по-

ражающемъ весьма непріятно. Того и глядишь, что онъ опрокинется со стуломъ или вывихнетъ себѣ руку, до такой степени неестественны его размахиванія руками. Ранке приноситъ съ собою тетрадь, но не смотритъ въ нее, что, впрочемъ, для него и невозможно. Его фраза неправильна, некрасива, безпрестанныя поправки, повторенія и т. п. Внутреннею стороной изложенія я также не совсѣмъ доволенъ: Ранке слишкомъ много даетъ мѣста ненужнымъ подробностямъ, останавливается слишкомъ долго на военныхъ движеніяхъ; а между тѣмъ внутренняя сторона: народное движеніе, постановка партій, какъ-то уходятъ слишкомъ на заднiй планъ. Онъ указалъ, напримѣръ, на важнѣйшіе пункты Рейхенбахскаго договора, но почти ничего не сказалъ о его значеніи, о политикѣ Меттерниха, о разладѣ между австрійскимъ взглядомъ на отношенія къ германскимъ князьямъ и Рейнскому союзу, еще вѣрному Наполеону, и взглядомъ, высказаннымъ въ Калишскомъ договорѣ, о противоположности между планами Штейна и цѣлями Меттерниха. Вообще надо хорошо знать и уважать Ранке, какъ писателя, чтобы имѣть терпѣніе долго слушать его, какъ профессора, и не уйти съ первой же лекціи съ твердымъ намѣреніемъ не возвращаться болѣе въ аудиторію.

„*Гиршъ* читаетъ исторію древняго міра. Какъ писателя, я его совершенно не знаю; мнѣ извѣстно только, что онъ написалъ „De vita et scriptis Sigiberti monachi Gemblacensis Comment. Hist.-lit. Ber. 1841“. Слушателей у него немного больше, чѣмъ у Ранке, хотя ему и отведена большая аудиторія. Гиршъ еще довольно молодой человѣкъ. Онъ почти бѣгомъ входитъ въ аудиторію и черезъ нее до каѳедры; читаетъ чрезвычайно скоро, какимъ-то пѣвучимъ тономъ, впрочемъ довольно однообразнымъ, и также не безъ нѣкоторой жестикуляціи. Въ январѣ онъ читалъ исторію еврейскаго народа въ связи съ исторіей Ассиріи и частью Персіи. Изъ его скороговорки трудно получить ясное понятіе объ исторіи еврейскаго народа, хотя онъ перекликаетъ всѣхъ царей израильскихъ и іудейскихъ и хотя онъ читаетъ длинные отрывки изъ пророчествъ. Онъ совершенно теряется въ мелкихъ подробностяхъ, перескакиваетъ безпрестанно отъ одного предмета къ другому, бросается безпрестанно по сторонамъ, говоритъ, напримѣръ, о Кромвеллѣ по поводу пророка Иліи; и изъ всего этого выходитъ такая сумятица, въ которой трудно оріентироваться не только слушателямъ, но, кажется, и ему самому. Рѣчь льется быстрымъ потокомъ, слова идутъ одно за другимъ, какъ барабанная дробь, и вы думаете, что онъ торопится пересказать скорѣе эти подробности, чтобы подольше остановиться на чемъ-нибудь болѣе существенномъ. Не тутъ-то было: ничего и нѣтъ, кромѣ мелочей и подробностей, кромѣ, какъ мнѣ показалось, безплоднаго желанія какъ-нибудь совладѣть съ этимъ дробнымъ матеріаломъ, чтобы сдѣлать какое-нибудь заключеніе, общій выводъ, желаніе, изъ котораго ничего не выходитъ. Студенты приходятъ съ тетрадями, но, сколько я могъ замѣтить, запи-

сываютъ только нѣкоторыя имена да хронологическія даты. Записать лекцію, т.-е. ея главное содержаніе, нѣтъ никакой возможности: я пробовалъ и на самыхъ лекціяхъ, и дома тотчасъ послѣ возвращенія съ лекціи. Что сказалъ Гиршъ въ такую-то лекцію? Это чрезвычайно трудно сказать: лекціи разсыпаются въ песокъ, гдѣ каждая песчинка сама по себѣ и изъ котораго ничего нельзя слѣпить. Въ лѣтній семестръ онъ читалъ нѣмецкую исторію и исторію литературы среднихъ вѣковъ.

„Болѣе остался я доволенъ *Кёпке,* который читаетъ средневѣковую исторію. Онъ тоже литературно мало извѣстенъ (Vita Liutprandi). Теперь онъ издалъ Germanische Forschungen (возникновеніе королевской власти у готовъ). Природа его сильно обидѣла внѣшностью: низкаго роста, горбатый, съ весьма некрасивою наружностью. Его лекціи не отличаются ни особеннымъ талантомъ изложенія, ни новизной проводимыхъ идей; но каждая изъ нихъ составлена чрезвычайно отчетливо и добросовѣстно. Онъ читаетъ общій курсъ исторіи среднихъ вѣковъ и въ январѣ читалъ о Каролингахъ. Мнѣ понравились въ немъ полное отсутствіе всякаго притязанія на эффекты и простая, но дѣльная передача предмета въ его современномъ научномъ состояніи. Если слушателей у него не такъ много (хотя все-таки больше, чѣмъ у предыдущаго профессора), то, по крайней мѣрѣ, они могутъ извлечь пользу изъ лекцій, тѣмъ болѣе, что Кёпке не ограничивается однимъ изложеніемъ событій, но указываетъ въ нужныхъ случаяхъ на литературу предмета, на главнѣйшія сочиненія, иногда даже передавая ихъ главное содержаніе и знакомя слушателей съ различными мнѣніями относительно того или другого вопроса. Такъ, довольно подробно изложилъ онъ вопросъ о лже-Исидоровыхъ декреталіяхъ, дѣятельность папы Николая I-го, его отношенія къ свѣтской власти, къ митрополитамъ западной Европы, къ константинопольскому патріарху. Обстоятельно и хорошо изложены были отношенія римско-германскаго міра къ славянамъ, венграмъ, появленіе Норманновъ. Совершенно нѣтъ блеска, нѣтъ фразъ, нѣтъ большой живости изложенія, но лекціи очень дѣльныя и полезныя для студентовъ, несмотря на нѣкоторую сухость и краткость (въ одну лекцію, напр., Кёпке изложилъ событія въ Германіи въ царствованія Конрада, Генриха I, Оттона I и Оттона II).

„*Бёкъ.* Былъ на нѣсколькихъ лекціяхъ, и первая сдѣлала на меня особенное впечатлѣніе. Бёкъ читаетъ въ большой аудиторіи (гдѣ Дройзенъ, Ранке, Раумеръ), слушателей чрезвычайно много, аудиторія полна; но никто не стоитъ у каѳедры. Бёкъ ректоръ университета, очень старъ, но еще довольно свѣжъ. Говорятъ, онъ очень хорошъ былъ въ пурпуровой ректорской мантіи и такой же шапочкѣ на праздникѣ Шиллера. Онъ приноситъ съ собою портфель, изъ котораго на каѳедру раскладываетъ множество исписанныхъ бумажекъ. Онъ долго разбираетъ ихъ, прочитываетъ мѣсто изъ греческаго писателя, потомъ останавливается, думаетъ нѣсколько секундъ и потомъ уже предлагаетъ объясненіе. Такъ

проходитъ лекція. Читаетъ онъ тихимъ, старческимъ голосомъ, такъ что даже съ первыхъ скамеекъ иногда трудно разслышать, медленно, съ болѣе или менѣе продолжительными паузами. Лекція богата внутреннимъ содержаніемъ. По поводу крѣпостного, несвободнаго состоянія въ Греціи онъ приводитъ аналогическіе факты и объясненія изъ римскихъ и германскихъ древностей. Внѣшней отдѣлки, изящества изложенія нѣтъ, а между тѣмъ огромная аудиторія съ какимъ-то благоговѣніемъ слушаетъ этотъ тихій, иногда, не совсѣмъ внятный голосъ знаменитаго старика. Никто не шевелится, никто не подойдетъ къ каѳедрѣ, какъ это дѣлается у насъ (даже и въ томъ случаѣ, когда профессоръ читаетъ довольно громко). Большая часть слушателей, если не всѣ, записываетъ, хотя для сидящихъ назади это и весьма трудно. Я сидѣлъ обыкновенно на третьей отъ каѳедры скамьѣ, но и тутъ многія слова терялись. Бёкъ читаетъ греческія древности; при мнѣ онъ читалъ о несвободныхъ состояніяхъ въ Греціи, о демократическомъ элементѣ въ Греціи (какъ на одно изъ средствъ для демократизированія народа, онъ указывалъ на гимнастику, внушающую довѣріе къ своимъ силамъ, развивающую мужество въ народѣ тамъ, гдѣ гимнастическія упражненія не есть привилегія одного класса, какъ въ Спартѣ, гдѣ оно являлось средствомъ усиленія аристократизма).

„*Мюллеръ*. Слышалъ его чтеніе этнографіи и исторіи Востока. Читалъ о исламѣ. Дикція чрезвычайно непріятная, съ переходомъ изъ одного тона въ другой. Изложеніе сжатое и сухое, такъ что при самомъ чтеніи лекція имѣетъ уже характеръ записаннаго студентами конспекта. Мюллеръ, иногда, останавливается на объясненіи различія мухамеданскихъ религіозныхъ воззрѣній отъ ученія христіанскаго, но эти объясненія также коротки, скорѣе намекъ, чѣмъ объясненія. Слушателей, включая тутъ и меня, было всего четверо, изъ которыхъ одинъ уже совсѣмъ сѣдой старикъ, вѣроятно, также непостоянный посѣтитель.

„*Лепсіусъ* читаетъ нынѣшній годъ два курса. Одинъ публичный, египетской исторіи, другой privatissima въ его рабочемъ кабинетѣ, въ египетскомъ музеѣ, о египетскихъ памятникахъ. Памятники собственно египетскаго музея долженъ былъ въ нынѣшній семестръ объяснять Бругшъ, но, какъ мнѣ сказали въ музеѣ, онъ прекратилъ эти объясненія по случаю своего отъѣзда въ Персію. Въ курсѣ египетской исторіи я попалъ на объясненіе показаній Геродота и Діодора и сличеніе этихъ показаній съ свидѣтельствами Манеѳона и самыхъ египетскихъ памятниковъ, также о хронологическихъ попыткахъ Юлія Африканскаго, Евсевія и Синкела. Лепсіусъ, съ своими сѣдыми, стриженными волосами и усами, съ прямымъ чрезвычайно станомъ, имѣетъ какую-то военную наружность, которая смягчается мягкимъ голосомъ. Читаетъ онъ совершенно свободно, ясно и просто. Чтобы получить возможность бывать на его privatissima, я пришелъ нѣсколько раньше въ музей и засталъ Лепсіуса, объясняющаго памятники и превосходныя картины на стѣнахъ египетскаго

дворца принцессѣ Каролинѣ. Лепсіусъ былъ въ парадѣ, въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ, но со шляпой на головѣ. Въ музеѣ не было замѣтно никакого особеннаго движенія; точно такъ же, какъ и при обыкновенныхъ посѣтителяхъ, которые ходили тутъ же, не обращая вниманія на принцессу. Присутствіе ея было замѣтно развѣ по двумъ придворнымъ лакеямъ, несшимъ за нею мантилью ея, и сопровождавшей ея дамы. Лепсіусъ охотно далъ мнѣ позволеніе посѣщать его лекціи, попросивъ только мою карточку. Чтенія въ небольшомъ кабинетѣ, гдѣ передъ мольбертомъ, на которомъ поставлены рисунки, нѣсколько рядовъ стульевъ для слушателей. Въ эту лекцію Лепсіусъ объяснялъ Бенигассанскіе памятники, показавъ рисунокъ ихъ внѣшняго вида и планъ. Прежніе ученые по входу съ канелированными столбами относили эти памятники къ позднѣйшему періоду египетской исторіи. По этому поводу Лепсіусъ долго остановился на объясненіи 2 родовъ египетскихъ колоннъ и на ихъ архитектурномъ отличіи отъ греческихъ, при чемъ указалъ и на древнюю связь греческаго искусства съ египетскимъ. Греки, а въ особенности племена Малой Азіи не могли издавна не быть знакомы съ памятниками Египта. Свои объясненія Лепсіусъ постоянно сопровождаетъ рисунками. Такъ, по поводу перваго рода столбовъ, возникшихъ въ постройкахъ, высѣченныхъ въ скалахъ, онъ показывалъ разрѣзы этихъ построекъ, чтобы объяснить, какъ изъ стѣны образовались четырехъ-восьми-и шестнадцатиугольные столбы, встрѣчающіеся въ египетскихъ гробницахъ. Для объясненія второго рода колоннъ, очевидно, возникшихъ изъ подражанія растительному царству, онъ также показывалъ довольно много рисунковъ. Въ самомъ музеѣ историческая зала устроена, какъ подражаніе Бенигассанскимъ памятникамъ. Затѣмъ Лепсіусъ перешелъ къ Сеуту, къ резиденціи Аменофисса IV, и долго остановился на характерѣ этого царствованія, такъ рѣзко отличающагося отъ предшествующихъ и послѣдовавшихъ и совершенно одиноко стоящаго въ египетской исторіи".

(Затѣмъ идетъ краткій перечень лекцій Лепсіуса, состоящій изъ неясныхъ намековъ, который и пропускаю.)

„Самый блестящій изъ профессоровъ исторіи въ Берлинскомъ университетѣ безспорно Дройзенъ, недавно переведенный сюда изъ Іены и привлекающій на свои лекціи огромное количество слушателей. Его имени нѣтъ еще въ каталогѣ лекцій, и онъ читаетъ только privata. Одинъ курсъ посвященъ исторической пропедевтикѣ, другой исторіи французской революціи. На первомъ я засталъ окончаніе отдѣла объ исторической критикѣ и главу объ интерпретаціи; на второмъ онъ читалъ, начиная съ министерства Калонна и съ созванія нотаблей. На этомъ курсѣ число слушателей такъ велико, что едва можно найти мѣсто даже для того, чтобы стоять. Я приходилъ обыкновенно очень рано и всегда уже заставалъ всю заднюю половину аудиторіи совершенно полною. Послѣ мнѣ объяснили, что это господа, не записавшіеся у Дройзена и слушающіе его

gratis, безъ позволенія и матрикуляціи. Въ числѣ слушателей много офицеровъ и солдатъ, нѣсколько почтенныхъ господъ съ сѣдыми головами, даже одинъ совершенно слѣпой старикъ, котораго обыкновенно приводятъ довольно рано. Внѣшность изложенія Дройзена дѣйствительно блестящая: громкій, звучный голосъ, умѣніе владѣть имъ, тщательная отдѣлка фразы (Дройзенъ читаетъ по тетради), ораторскія движенія, иногда, впрочемъ, не безъ сильнаго притязанія на произведеніе эффекта,—все это составляетъ рѣзкую противоположность съ чтеніемъ остальныхъ профессоровъ исторіи. Въ своемъ взглядѣ на общій ходъ и отдѣльные моменты революціоннаго движенія Дройзенъ рѣзко расходится съ французскими историками и не упускаетъ случая указать на эту противоположность воззрѣній. Безпощадный къ феодальной партіи и ея ошибкамъ, онъ не имѣетъ ни малѣйшаго сочувствія къ движенію народныхъ массъ. Съ революціи онъ снимаетъ упрекъ, будто она совершенно разорвала связь съ прежнимъ устройствомъ. Парламентъ парижскій первый разорвалъ эту связь своимъ сопротивленіемъ распоряженіямъ правительства. Въ революціонномъ движеніи онъ видитъ не борьбу за свободу, но только борьбу за политическую власть (Macht-Frage, а не Freiheits-Frage). Въ отсутствіи мысли и инипіативы въ правительствѣ, въ отсутствіи всякаго твердо установленнаго плана, въ уступчивости и нерѣшительности причина успѣховъ революціоннаго движенія. Изъ членовъ національнаго собранія онъ высоко ставитъ только Мирабо, который могъ бы спасти Францію, если бы имѣлъ нравственную силу. Сильно возстаетъ противъ французскихъ историковъ (Мишле), видящихъ въ общемъ ходѣ революціи внутреннюю необходимость. 4 августа, федераціи и т. п. не вызываютъ ни малѣйшаго сочувствія, а только осужденіе; то же самое относительно жалованья духовенству, избранія священниковъ и епископовъ общинами, хотя Дройзенъ и признаетъ, что съ евангелической точки зрѣнія все это очень хорошо. Самыя событія Дройзенъ излагаетъ довольно подробно, но проводя повсюду свое основное воззрѣніе и доводя его иногда до несправедливости. Въ возстаніи Парижа онъ готовъ видѣть только движеніе праздныхъ негодяевъ и бродягъ.

„Курсъ исторической пропедевтики очень хорошъ. Онъ читаетъ его по изданному имъ Grundriss, весьма подробному, котораго я, къ сожалѣнію, не могъ достать, потому что его можно получить только отъ самого Дройзена. Я былъ у него два раза и не засталъ его, хотя одинъ разъ пріѣхалъ къ нему въ $9^1/_2$ часовъ. Съ ранняго утра онъ уходитъ въ архивъ, и позволеніе посѣщать лекціи я получилъ, поймавъ его въ университетѣ. Онъ читаетъ весьма подробно (теперь объ интерпретаціи, которой считаетъ четыре вида: Interpretation des Thatbestandes, прагматическая, Interpretation der Bedingungen, psychologiche Interpretation и Interpretation der Ideen). Не ограничиваясь общимъ догматическимъ изложеніемъ, онъ безпрестанно приводитъ примѣры, и притомъ

выбирая эти примѣры изъ совершенно различныхъ отраслей историческаго знанія. Такъ, напр., говоря о критикѣ фактовъ и о распредѣленіи критическаго очищеннаго матеріала по различнымъ точкамъ воззрѣнія и для различныхъ цѣлей, онъ выбралъ примѣръ изъ исторіи живописи и долго остановился на немъ. Говоря о прагматической интерпретаціи, онъ взялъ примѣръ изъ объясненій гомерическаго эпоса посредствомъ аналогіи съ пѣсней Нибелунговъ. Interpretation der Bedingungen: примѣръ—боргезскій боецъ, котораго постановка, поза, можетъ быть объяснена тѣмъ мѣстомъ, которое онъ предназначенъ былъ занимать въ храмѣ.“

Слушаніе лекцій, даже посѣщеніе училищъ не составляло, какъ мы видѣли, главнаго занятія Ешевскаго за границей: онъ вмѣстѣ съ тѣмъ изучалъ памятники искусства въ музеяхъ, памятники древности преимущественно въ Римѣ, средневѣковую старину главнымъ образомъ въ Кельнѣ. Въ его записной книжкѣ есть много замѣтокъ объ осмотрѣнныхъ предметахъ, но большею частью перечневыхъ; остановимся на его описаніи музея извѣстнаго археолога Клемма, которое представляетъ наиболѣе интереса.

„Собраніе Клемма расположено въ нѣсколькихъ комнатахъ въ верхнемъ этажѣ занимаемаго имъ дома и чрезвычайно богато. Оно расположено систематически, хотя съ перваго взгляда и представляетъ, повидимому, совершенный безпорядокъ, нѣчто въ родѣ лавки съ разными рѣдкостями. Я пробылъ у Клемма три часа и успѣлъ съ его помощью разсмотрѣть часть собранія. Огромный отдѣлъ для оружій и орудій, начиная отъ естественныхъ камней и кусковъ дерева, употреблявшихся, какъ орудія, и подавшихъ мысль человѣку объ искусственномъ подражаніи этимъ естественнымъ орудіямъ. У Клемма—сравнительный способъ изслѣдованія, и потому рядомъ съ каменными орудіями германскими и скандинавскими помѣщаются соотвѣтствующія формы Америки и острововъ Тихаго Океана. Въ его собраніи всѣ переходы отъ самыхъ простыхъ формъ до болѣе искусственныхъ и сложныхъ, притомъ по возможности собраны образцы различныхъ степеней обработки. Такъ, въ собраніи орудій изъ кремня сначала идутъ необдѣланные еще кремни, по своей естественной формѣ годные на обдѣлку, потомъ кремни уже, что называется, оболваненные, кремни, у которыхъ одна сторона обдѣлана, и наконецъ совсѣмъ готовыя орудія. Точно также съ другими каменными орудіями. Топоры, напр., расположены по различнымъ формамъ. Собраніе земледѣльческихъ орудій изъ камня. Каменныя орудія, для обдѣлки которыхъ употреблены уже металлическія орудія. Орудія изъ бронзы, сначала подражаніе каменнымъ орудіямъ. Топоры, клинки для ножей и мечей (въ собраніи Клемма есть одинъ ножъ-кинжалъ, по красотѣ единственный во всѣхъ собраніяхъ). Огромное отдѣленіе для желѣзныхъ орудій. Собраны образцы почти всѣхъ странъ. Нѣкоторыя сближенія весьма любопытны (формы каменныхъ орудій съ острововъ Тихаго Океана одина-

ковы съ древнегерманскими, тоже относительно Америки. Ножъ-мечъ изъ Донголы какъ будто снятъ съ древне-египетскаго барельефа или рисунка). Собраніе ножей, топоровъ, ножницъ, земледѣльческихъ инструментовъ. Старо-нѣмецкій серпъ совершенно похожъ на серпъ, найденный мною въ Билярскѣ и отданный въ Казанскій университетъ. Въ этой же комнатѣ помѣщается часть собранія русскихъ вещей (модели), полученныхъ Клеммомъ отъ В. Кн. Константина Николаевича и собранныхъ большею частью Далемъ. Во второй комнатѣ, гдѣ работаетъ Клеммъ и которая одна топится, собраніе сосудовъ великолѣпное, начиная также съ природныхъ формъ, т.-е. съ камней, которые могли служить, какъ сосуды, съ тыквъ и орѣховъ, до венеціанскаго стекла. Здѣсь сосуды изъ дерева (старонѣмецкая кружка изъ обрубка дерева съ корою), глины, стекла и фарфора. Замѣчательны глиняные сосуды изъ Африки, сохраняющіе еще древне-египетскую форму и чрезвычайно тонкіе и легкіе. Въ третьей комнатѣ собраніе украшеній, такъ же систематически расположенное въ выдвижныхъ ящикахъ и такъ же расположенное не по народностямъ, а по матеріалу (украшенія изъ сѣмянъ, изъ перьевъ, камней, фарфору, стекляруса, металла и т. п. украшенія шейныя, головныя). Осмотрѣть все въ подробности нѣтъ возможности въ одинъ разъ, и Клеммъ обѣщалъ мнѣ назначить еще день, чтобы пройти вмѣстѣ со мною еще какой-нибудь отдѣлъ. Теперь онъ готовитъ сочиненіе о германскихъ древностяхъ и говоритъ, что сношенія съ Россіей и присылка вещей изъ Россіи объясняютъ ему многое.

„Во второе мое посѣщеніе Клемма мы прошли съ нимъ ту часть его собранія, которая относится къ исторіи искусства. Она очень обширна и начинается первыми грубыми попытками человѣческихъ фигуръ, вырѣзанными изъ дерева неграми. Въ отдѣленіи мексиканскихъ изображеній я нашелъ одну голову изъ глины поразительнаго сходства съ другою, найденною въ Каракасѣ. Оказалось, къ крайнему моему удивленію, что первая найдена была въ Герлицѣ и относится къ 1315 г. Нѣсколько индійскихъ божествъ, вырѣзанныхъ на необыкновенно твердомъ и тяжеломъ деревѣ, похожемъ нѣсколько на дубъ (между прочимъ, колесница Ягернаута). Замѣчу еще рельефъ (№ 827) на шиферѣ, который можно принять съ одинаковою вѣроятностью столько же за этрусскій или египетскій, сколько и за мексиканскій. Онъ достался Клемму изъ собранія Штакельберга и представляетъ три фигуры, изъ которыхъ одна держитъ въ рукѣ змѣю, другая — мечъ. Одна изъ любопытнѣйшихъ вещей есть, безспорно, небольшой цилиндръ изъ обожженной глины съ выпуклыми изображеніями для печатанія тканей. Онъ найденъ въ гробахъ древнихъ караибовъ въ Новой Гранадѣ въ Medellin'ѣ (№ 5519; Клеммъ далъ мнѣ оттискъ, напечатанный этимъ цилиндромъ). По сходству въ характерѣ и въ степени искусства съ пермскими древностями я замѣтилъ (№ 1058) бронзовую фигуру осла изъ Тосканы и (№ 297) бронзовую фигуру ло-

шади, найденную въ Германіи; но самое поразительное сходство въ (№ 590) бронзовой фигурѣ птицы, тоже найденной въ Германіи. Мы долго говорили съ Клеммомъ объ его путешествіяхъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ съѣздить въ Кведлинбургъ, Гальберштадтъ и Брауншвейгъ, чтобы взглянуть на деревянныя зданія XIV и XV вв., еще сохранившіяся тамъ, и въ Брауншвейгѣ уполномочилъ меня обратиться отъ его имени къ доктору Шиллеру, который можетъ познакомить меня съ достопамятностями Брауншвейга. Я сообщилъ Клемму нѣкоторые рисунки съ вещей, положенныхъ мною въ кабинетъ рѣдкостей Казанскаго университета. Особенно онъ интересовался однимъ каменнымъ топоромъ, котораго форма еще никогда не встрѣчалась ему до сихъ поръ. Въ третій визитъ я долженъ былъ сообщить ему нѣкоторыя свѣдѣнія о русскихъ древностяхъ. Клеммъ говоритъ, что много обязанъ русскимъ въ разъясненіи многихъ, не совсѣмъ ясныхъ для него, вопросовъ германской древности, которые разрѣшились только путемъ сравненія. По его мнѣнію, въ Германіи было два племени, одно пассивное, покоренное или уничтоженное другимъ активнымъ, принесшимъ съ собою бронзовыя орудія. Я разстался съ большимъ сожалѣніемъ съ Клеммомъ до будущей встрѣчи".

Обѣщая себѣ, какъ мы видѣли, не заниматься книгами, Ешевскій не могъ, однако, не заглядывать въ библіотеки и не обращаться къ тѣмъ книгамъ, которыя невозможно было достать въ Россіи; особенно много онъ работалъ въ Парижѣ, гдѣ прожилъ три съ половиною мѣсяца (съ ноября 1860 г. до февраля 1861-го); въ его бумагахъ я нашелъ записную книжку, въ которой вписаны разныя указанія изъ прочитанныхъ имъ книгъ; большая часть указаній относится къ первоначальной исторіи Франціи: здѣсь онъ пріобрѣлъ обширное знакомство съ кельтскими древностями и дополнилъ свои знанія о первомъ періодѣ французской исторіи. Все это были матеріалы для готовившагося уже давно сочиненія о Брунегильдѣ. Съ восторгомъ писалъ онъ женѣ изъ Парижа, какъ онъ много работаетъ въ библіотекахъ. Рядомъ съ научными работами шло у него ознакомленіе съ современнымъ положеніемъ народовъ Запада, что составляетъ совершенную противоположность его студенческимъ годамъ, когда онъ мало обращалъ вниманія на современность. Теперь было иное: я знаю, что онъ слѣдилъ за итальянскимъ движеніемъ; въ его записной книжкѣ я нашелъ выписки, касающіяся баденскаго конкордата; А. С. Трачевскій въ запискѣ, которою я пользовался выше, сообщаетъ между прочимъ слѣдующее: „С. В. хотѣлъ въ своемъ ближайшемъ курсѣ спеціально остановиться на средневѣковыхъ оригинальныхъ учрежденіяхъ для организаціи промышленности. Во время своего пребыванія за границей онъ изучилъ устройство такъ называемыхъ compagnonages въ Парижѣ, узналъ хорошо принципы, которыми руководствуется дѣятельный современный подвижникъ въ этомъ дѣлѣ, Пердигье, и собралъ нѣкоторые матеріалы для историческихъ работъ надъ этимъ интереснымъ пред-

метомъ, которые должны были послужить исходною точкой къ его изслѣдованіямъ. При этомъ приходитъ мнѣ на память одинъ одушевленный разговоръ, который отлично доказываетъ, какъ упорно мысль его овладѣвала извѣстнымъ предметомъ и преслѣдовала его со всѣхъ сторонъ. Когда зашла рѣчь о характерѣ соціалистическихъ стремленій послѣдняго времени, онъ расхваливалъ предпріятіе странствующаго проповѣдника Вернера, говоря, что „въ основѣ его лежитъ христіанская идея". Оказалось, что онъ собиралъ всѣ брошюры, касающіяся этого предпріятія". Съ улучшеннымъ здоровьемъ, съ богатымъ запасомъ свѣдѣній, полный надеждъ и плановъ для будущей полезной дѣятельности, спѣшилъ онъ въ Россію лѣтомъ 1861 г.; но какъ малому суждено было осуществиться изъ этихъ плановъ и надеждъ!..

Неполные четыре года продолжалась жизнь Ешевскаго послѣ этого возвращенія изъ-за границы; въ эти четыре года здоровье его становилось все хуже и хуже; послѣ тревожнаго 1861 г., лѣтомъ 1862-го, его опять послали за границу; но зимой постигъ его первый ударъ паралича; оправившись, онъ снова принялся за работу. Въ 1864 г. послали его за границу; болѣе вакаціоннаго времени онъ остаться не хотѣлъ, вернулся къ той же тревожной дѣятельности, которая, по справедливому замѣчанію А. С. Трачевскаго въ его „Воспоминаніяхъ" *), стала въ послѣдніе годы еще тревожнѣе; болѣзнь окончательно приковала его къ постели, и 29-го мая 1865 г. онъ скончался.

Среди этихъ постоянно возобновляющихся припадковъ, онъ принужденъ былъ обстоятельствами отказываться отъ многихъ занятій. Такъ, скоро онъ долженъ былъ покинуть корпусъ, дѣятельностью въ которомъ онъ очень дорожилъ, и начальство котораго умѣло цѣнить его дѣятельность; въ 1865 г. онъ покинулъ и институтъ, гдѣ снова началъ было преподавать и гдѣ заботливо слѣдилъ за развитіемъ самосознанія воспитанницъ. Не разъ прерывались и его университетскія лекціи, такъ что во все это время онъ прочелъ только одинъ полный курсъ, доходившій до феодализма **), въ который онъ положилъ онъ много матеріала, приготовленнаго имъ для Брунегильды; другой курсъ о феодализмѣ оставался неоконченнымъ. Въ то же время прочитано имъ было, въ видѣ введенія въ новый курсъ, нѣсколько лекцій (помѣщены въ 1-й части „Сочиненій" подъ названіемъ: „О значеніи расъ въ исторіи"), въ которыя онъ внесъ результаты новѣйшихъ антропологическихъ изслѣдованій. Въ то время его особенно занималъ вновь возникающій отдѣлъ археологіи, археологія доисторическая, какъ мы уже и видѣли изъ его бесѣдъ съ Клеммомъ. Онъ старался достать для Московскаго университета хотя снимки съ

---

*) „Соврем. Лѣтописи", 1865 г. № 21.

**) Этотъ курсъ напечатанъ во II части „Сочиненій", подъ названіемъ: „Эпоха переселенія народовъ, Меровинги и Каролинги".

вещей, найденныхъ въ швейцарскихъ озерахъ. Обширное поприще для его дѣятельности собирателя открывалось, когда въ возникающемъ Московскомъ музеѣ предложена была ему должность хранителя этнографическаго отдѣленія: онъ принялся за это дѣло съ ревностью; но уже силы начинали измѣнять ему. Горячее сочувствіе и вспоможеніе оказалъ онъ новому Московскому Археологическому Обществу, сочувствіе, которое превосходно выставилъ А. А. Котляревскій въ своей статьѣ: „Поминки по С. В. Ешевскомъ“ (Древности. Труды Моск. Арх. Общ., т. II). Дѣятельно участвуя въ созданіи общества, Ешевскій успѣлъ дать ему только одинъ вкладъ: статью о свайныхъ постройкахъ. Тогда же случайно помогъ ему ближе познакомиться съ однимъ изъ вопросовъ, давно уже занимавшихъ его, съ масонствомъ. Ему попалось въ руки множество масонскихъ бумагъ и рукописей, частью переданныхъ черезъ него въ музей, частью оставшихся у него и уже послѣ него поступившихъ въ это собраніе. Эта находка дала ему возможность написать двѣ статьи, помѣщенныя въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Онъ даже думалъ сдѣлать вопросъ о масонствѣ предметомъ своей докторской диссертаціи. Такъ разнообразны были его труды въ эти страдальческіе годы. Онъ какъ будто торопился жить и высказаться.

Но не эти труды уносили главнымъ образомъ его здоровье и силы: ихъ уносили постоянные труды по вопросамъ университетскаго устройства, проекты, участіе въ комитетахъ, совѣтскія пренія; разъ безъ чувствъ вынесли его изъ засѣданій совѣта; а между тѣмъ именно отъ этого-то рода трудовъ онъ и не хотѣлъ отказаться: въ 1862 г., узнавъ, что рѣшается одинъ изъ занимавшихъ его вопросовъ въ совѣтѣ, онъ спѣшилъ возвратиться изъ-за границы и такъ торопился изъ Петербурга, что проѣхалъ и не повидавшись съ близкими ему людьми. А между тѣмъ время было полно вопросами: перестроивались и университетъ, и гимназія, подымались волненія студенческія. Все это тяжело дѣйствовало на Ешевскаго, раздражало, разстроивало его уже и потому, что университетъ и его судьба были самыми близкими для него предметами, и до конца онъ былъ преданъ имъ со всею страстностью своей натуры. Надо было видѣть, какъ онъ оживлялся, когда говорилъ о нихъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти: я видѣлъ его въ послѣдній разъ, когда онъ возвращался изъ-за границы въ 1864 г.

Такъ угасалъ и, наконецъ, угасъ въ трудахъ и болѣзни этотъ энергическій борецъ за науку и русское просвѣщеніе. О немъ можно смѣло сказать, что онъ положилъ въ нихъ свою жизнь, смѣло можно сказать, что онъ чуждъ былъ своекорыстныхъ разсчетовъ и какихъ-нибудь постороннихъ соображеній: у него не было личной ненависти, а передъ дѣломъ замолкали для него и личныя привязанности; когда онъ ошибался, то ошибался честно, и то, что могло казаться со стороны личнымъ упрямствомъ, впослѣдствіи оказывалось слѣдствіемъ убѣжденія. Тотъ рус-

скій ученый, о которомъ мечталъ Грановскій, который внесъ бы въ европейскую науку свой русскій взглядъ, еще не являлся, и Ешевскій, подобно своимъ предшественникамъ по каѳедрѣ, съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ шелъ по дорогѣ, проложенной европейскими учеными, знакомя университетское юношество и читающую публику съ пріемами и результатами западной науки, къ которой, впрочемъ, онъ относился критически: помню, какъ въ 1861 г. говорилъ онъ мнѣ о недобросовѣстномъ пользованіи источниками въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Амедея Тьерри и даже готовилъ по этому поводу статью. Но онъ шелъ ихъ путемъ, и все вниманіе его въ преподаваніи обращено было на Западъ, что замѣтно и въ трудахъ по русской исторіи, съ которою онъ былъ знакомъ ближе своихъ предшественниковъ, особенно со стороны народности. То, чего ему недоставало, принадлежитъ будущему времени; а для своего времени онъ сослужилъ великую службу: въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Нижнемъ, въ Вяткѣ и на пароходѣ изъ Перми мнѣ случалось слышать горячее слово благодарности отъ людей, въ которыхъ онъ разбудилъ умственный интересъ. Немногимъ изъ преподавателей выпало на долю то горячее чувство любви, которое возбудилъ къ себѣ Ешевскій; немногіе сохранили по себѣ такое чистое воспоминаніе: рано умираютъ даровитые люди въ русской землѣ, еще раньше старѣютъ и переживаютъ сами себя. Ешевскаго, сколько можно видѣть изъ всей его біографіи, никогда не ждала такая участь: отъ нея спасли бы его страстность его природы и постоянное недовольство своими трудами — лучшій залогъ возможности совершенствованія; Ешевскій крѣпнулъ и росъ. Онъ сдѣлалъ для своего усовершенствованія все, что могъ сдѣлать и, даже смѣю сказать, болѣе, чѣмъ могъ при своемъ болѣзненномъ организмѣ. Грустно было мнѣ, товарищу и другу его первой молодости, пересказывать его скорбную жизнь; но меня утѣшала та мысль, что жизнь эта должна служить примѣромъ для тѣхъ, кому впереди предстоитъ подобная дѣятельность: людей, ставящихъ высшіе интересы человѣчества, интересы науки, выше всего и жертвующихъ имъ даже жизнію, слишкомъ мало, а только ихъ присутствіе подымаетъ общественное сознанье надъ матеріальными интересами и „злобой дня“.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Lvl

Московскій университетъ въ 1861 году.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ С. В. ЕШЕВСКАГО.

I.

Академическій 1861—62 годъ начался рядомъ крайне неловкихъ мѣръ и распоряженій, которыя одни въ состояніи были возбудить неудовольствіе и безпорядки, если бы причинъ къ этимъ неудовольствіямъ и не существовало прежде. Въ послѣднемъ засѣданіи университетскаго совѣта въ іюнѣ 1861 года объявлено было высочайшее повелѣніе въ 13 пунктахъ. Первымъ пунктомъ предписывалось избраніе ректора на прежнемъ основаніи изъ профессоровъ университета. Избраніе было отложено до перваго засѣданія будущаго академическаго года, т.-е. до сентября 1861 г. Это было необходимо, чтобы дать время членамъ совѣта обдумать предстоящій выборъ, чрезвычайно важный въ настоящее время, послѣ долгаго управленія ректора отъ правительства. Къ тому же, многіе изъ членовъ совѣта были уже въ отсутствіи, и въ интересахъ дѣла было отложить избраніе, по крайней мѣрѣ, до половины сентября. Между тѣмъ по распоряженію министра народнаго просвѣщенія избраніе ректора было отложено на неопредѣленное время. Университетъ лишился возможности имѣть энергическаго и надежнаго представителя своихъ интересовъ и притомъ въ то время, когда болѣе всего нуждался въ единствѣ и энергіи. За то тѣ пункты высочайшаго повелѣнія, которыхъ исполненіе могло быть отложено, были немедленно исполнены Московскимъ университетомъ; въ числѣ ихъ была и плата по 50 руб. за слушаніе университетскихъ лекцій. Освобождались отъ платъ только по два студента изъ каждой губерніи округа (въ томъ числѣ одинъ изъ гимназистовъ). Такимъ образомъ, отъ платы освобождалось ежегодно только 18 человѣкъ на весь округъ. Всѣ остальные должны были платить, несмотря на доказанную бѣдность. Кто знаетъ, какъ велико число неимущихъ студентовъ, тотъ пойметъ жестокость немедленнаго примѣненія этой мѣры. Этою мѣрой

не удалялись люди неразвитые, не подготовленные или буйные, а люди бѣдные. Бѣднѣйшіе студенты не составляли не только массы, производившей безпокойныя движенія въ университетѣ, но почти никогда не были главными зачинщиками и агитаторами уже потому, что они слишкомъ поглощены были заботами о насущномъ хлѣбѣ, о первыхъ средствахъ къ существованію. Бѣдность значительной части московскихъ студентовъ слишкомъ велика, чтобы оставить имъ досугъ для участія въ безпрерывныхъ сходкахъ и совѣщаніяхъ, которыя необходимы при каждомъ университетскомъ движеніи, а между тѣмъ это была та часть студенчества, которая доставляла государству профессоровъ, учителей, образованныхъ чиновниковъ, медиковъ, т.-е. лицъ, которыхъ Россія никогда не имѣла въ избыткѣ и въ которыхъ она особенно нуждается въ настоящее время, когда оказывается крайній недостатокъ въ преподавателяхъ, судебныхъ слѣдователяхъ, въ медикахъ для сельскихъ общинъ и пр.

Черезъ нѣсколько времени послѣ сообщенія высочайшаго повелѣнія, министръ счелъ нужнымъ сообщить нѣкоторыя поясненія и подробности. Въ § 7 сообщенія отъ 21-го іюля 1861 г. (за № 1139) находится постановленіе, что гимназіи при окончательномъ испытаніи для своихъ воспитанниковъ, а также для лицъ, желающихъ поступить въ университетъ, выдаютъ отличнѣйшимъ изъ нихъ ежегодно два свидѣтельства, освобождающія отъ платы за слушаніе университетскихъ лекцій (одно—бѣднѣйшему и отличнѣйшему изъ гимназистовъ, другое—постороннему лицу, подвергавшемуся испытанію). Такое распоряженіе не имѣетъ значенія въ текущемъ году, такъ какъ вступительные экзамены еще производились въ университетѣ, а не въ гимназіяхъ. Вслѣдъ за тѣмъ были публикованы ректоромъ „правила для студентовъ и слушателей Московскаго университета, составленныя на основаніи высочайшаго повелѣнія, состоявшагося въ іюлѣ мѣсяцѣ 1861 г.“. Эти правила во многомъ расходились съ высочайшимъ повелѣніемъ. Въ высочайшемъ повелѣніи и въ циркулярѣ министра говорилось объ освобожденіи отъ платы только двухъ человѣкъ изъ каждой губерніи округа, а ректоръ въ § 1-мъ говоритъ слѣдующее: отъ этого ежегоднаго взноса освобождаются только тѣ дѣйствительно бѣдные и оказавшіе отличныя познанія студенты, которые, до поступленія въ университетъ, признаны будутъ на гимназическомъ экзаменѣ достойными этого и представятъ свидѣтельства о томъ отъ директора гимназіи. Этимъ объявленіемъ пущена была мысль не только въ обществѣ, но и между профессорами, что число освобождаемыхъ отъ платы не опредѣляется, и что правительство само отмѣнило распоряженіе, допускавшее ежегодно только по 18 бѣдняковъ въ университетъ, гдѣ прежде ежегодно освобождалось отъ платы человѣкъ по 200 или 150. Строгая справедливость требовала, по крайней мѣрѣ, того, чтобы законъ приложенъ былъ съ будущаго года, а не обрушивался всею тяжестью на тѣхъ, кто пришелъ на экзаменъ съ убѣжденіемъ, что закон-

ное свидѣтельство о бѣдности, представленное университетскому начальству, даетъ право на безплатное слушаніе лекцій. Справедливость требовала, чтобы люди, часто идущіе пѣшкомъ въ Москву изъ дальнихъ губерній, знали напередъ и заблаговременно, что, кромѣ извѣстныхъ знаній, они должны предъявить также и 25 руб. за первое полугодіе, и что безъ послѣдняго документа они даже и не будутъ допущены къ экзамену. Этого въ Московскомъ универсисетѣ прежде не было, и высочайшее повелѣніе было немедленно приведено въ исполненіе. Отъ молодыхъ людей, явившихся на экзаменъ въ августѣ мѣсяцѣ при подачѣ прошеній, потребовали и немедленнаго взноса денегъ. Университетское начальство, еще не узнавши, владѣютъ ли они достаточными свѣдѣніями, уже заботливо справлялось, есть ли у нихъ въ карманѣ 25 руб. У насъ нѣтъ оффиціальныхъ свѣдѣній, какъ велико было число молодыхъ людей, не могшихъ вступить въ университетъ только по бѣдности. Этихъ свѣдѣній нѣтъ именно потому, что прошенія безъ денегъ не принимались, и, зная это, въ правленіе, за немногими исключеніями, являлись подавать просьбу только тѣ, кто могъ приложить къ просьбѣ 25 руб. за первое полугодіе. Ограничусь поэтому немногими указаніями, мнѣ извѣстными. На медицинскомъ факультетѣ, куда прежде главнымъ образомъ поступали бѣднѣйшіе изъ студентовъ, первый курсъ года 4 тому назадъ считалъ болѣе 300 слушателей. Открытіе медицинской академіи въ Варшавѣ отвлекло изъ Москвы медиковъ, уроженцевъ Царства Польскаго, и значительно уменьшило число студентовъ этого факультета. Въ 1860 — 61 академическомъ году на первый курсъ поступило 145 чел., въ нынѣшнемъ 110 (сколькимъ было отказано, или сколько не явилось послѣ объявленія — неизвѣстно). Рязанскіе семинаристы, пришедшіе пѣшкомъ въ Москву на экзаменъ, не имѣя возможности не только держать его, но и подать просьбу, жили въ Москвѣ чуть не милостыней день за день, потому что имъ не съ чѣмъ было воротиться домой.

Немедленное примѣненіе новаго постановленія было еще важнѣе для молодыхъ людей, желавшихъ поступить на юридическій факультетъ, и этимъ обстоятельствомъ объясняется отчасти, почему волненіе прежде всего обнаружилось на первыхъ курсахъ этого факультета. Юридическій факультетъ былъ всегда одинъ изъ самыхъ многочисленныхъ. Въ настоящую минуту онъ привлекъ къ себѣ еще большее число желающихъ поступить на него. Реформы, уже совершившіяся въ нашихъ учрежденіяхъ, въ судоустройствѣ и т. п., а еще болѣе преобразованія, ожидаемыя въ ближайшемъ будущемъ, заставляли молодежь смотрѣть на юридическій факультетъ, какъ на средство получить образованіе, обѣщающее въ будущемъ обезпеченную карьеру. Прежде бѣднякъ шелъ преимущественно на медицинскій факультетъ, часто вопреки своимъ наклонностямъ, вопреки отвращенію къ медицинскимъ занятіямъ, а ради вѣрнаго куска хлѣба по выходѣ изъ университета. Теперь еще большее обезпеченіе представляетъ

факультетъ юридическій. Университетъ получалъ безпрестанно вызовы желающихъ получить мѣста судебныхъ слѣдователей, на весьма выгодныхъ условіяхъ. Нужда въ людяхъ, получившихъ университетское образованіе, была такъ велика, что отъ желающихъ требовались только университетская степень и желаніе занять мѣсто; никакихъ другихъ гарантій годности не требовалось. А впереди представлялась адвокатура, гласное судопроизводство и другія реформы. Особенно велико было число поляковъ и польскихъ уроженцевъ западныхъ губерній, желавшихъ поступить на юридическій факультетъ. Для нихъ по особымъ обстоятельствамъ, еще болѣе чѣмъ для русскихъ, карьера юристовъ казалась самою обезпеченною. Большинство поляковъ и уроженцевъ западныхъ губерній въ Московскомъ университетѣ отличалось крайнею бѣдностью. Оно могло существовать только благодаря освобожденію отъ платы за лекціи, стипендіямъ и помощи со стороны товарищей. Поляки составляли дружное и довольно крѣпко организованное общество, и потому помощь со стороны товарищей была у нихъ дѣйствительнѣе и существеннѣе, чѣмъ у русскихъ студентовъ. На поляковъ и уроженцевъ западныхъ губерній и обрушивалось всею тяжестью новое постановленіе. Много молодыхъ людей было лишено всякой возможности проникнуть въ университетъ и лишено было также и возможности возвратиться на родину.

Этимъ объясняется какъ участіе всего польскаго студенчества въ университетскихъ безпорядкахъ, такъ и то, что эти безпорядки начались на юридическомъ, а не на другомъ факультетѣ. Разумѣется, нельзя отвергать другихъ чисто національныхъ побужденій польскихъ студентовъ принять участіе въ этихъ волненіяхъ и направлять ихъ уже къ своей цѣли, но приложеніе высочайшаго повелѣнія немедленно дало возможность полякамъ и русскимъ дѣйствовать единодушно, чего не было прежде. Мѣра правительства падала одинаково тяжко и на тѣхъ, и на другихъ, хотя, быть можетъ, еще тяжелѣе на поляковъ, чѣмъ на русскихъ, и, соединяя ихъ подъ однимъ знаменемъ для общей цѣли, на защиту бѣдныхъ товарищей, эта мѣра давала огромный перевѣсъ полякамъ надъ русскими во всѣхъ сходкахъ и совѣщаніяхъ. Дѣло было общее, а польская община была крѣпко организована, дѣйствовала единодушно, повиновалась извѣстнымъ предводителямъ и, очевидно, должна была брать верхъ надъ разрозненными, часто безсознательными, необдуманными стремленіями русскихъ студентовъ. Русскіе студенты не менѣе польскихъ были поражены въ своихъ интересахъ новымъ постановленіемъ, но имъ труднѣе было сговориться между собою въ способахъ дѣйствія, въ самыхъ цѣляхъ, дальше которыхъ они не хотятъ итти. Русскіе студенты такъ же легко скучивались вокругъ всякаго оратора, какъ и расходились розно, не рѣшившись ни на что положительное.

Въ томъ же повелѣніи, въ которомъ установлялась обязательная для всѣхъ плата за лекціи, сказано было, что часть этой суммы должна итти

на увеличеніе жалованья профессорамъ. Если этимъ параграфомъ не имѣлось въ виду произвести раздвоеніе, расколъ между профессорами и студентами, поселить вражду между ними и окончательно подорвать нравственное вліяніе первыхъ на послѣднихъ, то трудно предположить, чего хотѣлось добиться правительству.

Это постановленіе осталось неотмѣненнымъ ни однимъ послѣдующимъ распоряженіемъ правительства. Профессора получаютъ свое жалованье, достаточно или недостаточно оно, изъ суммъ государственнаго казначейства и ни изъ какого другого источника получать его не могутъ. Исключеніе составляютъ въ нѣкоторыхъ университетахъ каѳедры, не положенныя по штату и основанныя именно на суммы студенческаго сбора тамъ, гдѣ въ нихъ чувствуется особенная нужда, и гдѣ эти суммы, а равно какъ и другіе собственные доходы университетовъ позволяютъ обратить на этотъ предметъ излишекъ собственно университетскихъ доходовъ. Наконецъ, проектъ увеличенныхъ штатовъ, три года тому назадъ составленный министерствомъ, былъ уже разсмотрѣнъ по его же предложенію русскими университетами и не встрѣтилъ никакихъ возраженій, такъ что въ высшей степени странно, какимъ образомъ могъ вновь возникнуть вопросъ объ увеличеніи профессорскихъ окладовъ и его обсужденіи, когда уже года два тому назадъ проектъ министерства долженъ бы быть приведенъ въ исполненіе.

Здѣсь нелишнимъ будетъ указать и еще иа одно обстоятельство, сопровождавшее вступленіе новаго министра въ должность. Сообщая университетамъ циркулярно свои поясненія и дополненія къ высочайшему повелѣнію, графъ Путятинъ не задумался для перваго знакомства съ университетами нанести ученому сословію всей Россіи тяжелое и незаслуженное оскорбленіе. Онъ выражалъ надежду, что теперь, когда имѣется въ виду прибавка жалованья, профессора будутъ лучше понимать свои обязанности, что ректоръ и деканы будутъ строже смотрѣть за тѣми изъ нихъ, которые по молодости или неопытности уклонялись отъ своихъ обязанностей и были причиной гибели многихъ изъ слушателей. Министръ уклонялся отъ исполненія собственной своей обязанности удалять изъ университета лицъ, завѣдомо ему вредныхъ своимъ вліяніемъ на молодежь, и дѣлалъ видъ, будто обязательная для всѣхъ плата за слушаніе лекцій вынуждена необходимостью увеличить плату профессоровъ. Вообще распоряженія новаго министерства способны были привести въ отчаяніе и уныніе всякаго, кто еще не потерялъ вѣры въ возможность лучшаго будущаго для нашего образованія. Въ одно и то же время изъ одного и того же министерства присылаются, напримѣръ, два распоряженія: 1) запросъ университетскому совѣту, не лучше ли, по его мнѣнію, поручить инспекцію одному изъ профессоровъ, и 2) назначеніе инспекторомъ студентовъ Московскаго университета директора Харьковской гимназіи М. Аѳ. Малиновскаго.

Эту постановку университета относительно новаго министра необхо-

димо имѣть въ виду, чтобы объяснить дѣйствія или бездѣйствія университетскаго совѣта. Обязанность совѣта была указать министру на вредныя послѣдствія немедленнаго приведенія въ исполненіе высочайшаго повелѣнія объ обязательной для всѣхъ платѣ за слушаніе лекцій. Совѣтъ этого не сдѣлалъ, и это его ошибка. Не въ оправданіе, а въ объясненіе нужно привести нѣкоторыя обстоятельства. Сообщивъ въ іюнѣ высочайшее повелѣніе объ избраніи ректора изъ членовъ совѣта, министръ заставилъ совѣтъ потерять все лѣто въ обсужденіи этого вопроса, тѣмъ болѣе, что впослѣдствіи дѣло это было отложено на неопредѣленное время.

Предсѣдатель совѣта остался прежній, съ тою только разницей, что онъ зналъ уже навѣрное, что дни его сочтены, и что онъ не сегодня, завтра долженъ будетъ удалиться изъ университета. Послѣдніе интересы, связывавшіе его съ университетомъ, были теперь разорваны. А въ это время циркуляръ министра о надзорѣ за профессорами, щекотливое дѣло о перенесеніи университетскихъ музеевъ въ домъ бывшій Пашкова безъ вѣдома совѣта, которому принадлежитъ распоряженіе университетскими коллекціями и на которомъ лежитъ вся отвѣтственность за нихъ, важный вопросъ о соединеніи университетской библіотеки съ публичною,— все это заняло совѣтъ надолго. Даже и при лучшей организаціи совѣту было много дѣла, и онъ былъ бы поставленъ въ незавидное положеніе. Въ одно и то же время нужно было отвѣчать министру на его циркуляръ, протестовать противъ незаконнаго распоряженія университетскою собственностью, отстаивать библіотеку отъ грозившей ей передачи въ чужое вѣдомство. Въ совѣтѣ не было при этомъ никакого твердаго порядка, никакой правильности въ совѣщаніяхъ. Во многомъ, конечно, виноватъ самъ совѣтъ университета, но многое падаетъ на него въ той же мѣрѣ, какъ и на всю русскую администрацію, какъ и на все русское общество. Безурядица была полная. Споры и пренія происходили совершенно безпорядочно. Общее дѣло не всегда стояло на первомъ планѣ, куда невольно выдвигались личные отношенія и интересы. Въ самыхъ честныхъ членахъ не было вѣры въ пользу и успѣхъ совѣтскихъ побужденій и рѣшеній. Ближайшее прошедшее слишкомъ ясно доказало, что даже тамъ, гдѣ совѣтъ университета честно исполнялъ свои обязанности, его голосъ не имѣлъ никакого значенія. Еще слишкомъ недалеко было то время, когда совѣтъ собирался только для формы или для принятія къ свѣдѣнію и исполненію воли попечителя, когда протоколы подписывались нечитанные, когда, вмѣсто избраннаго совѣтомъ въ почетные члены Гумбольдта, оказался Л. В. Дубельтъ, и когда совѣтъ университета принужденъ былъ избирать также въ свои почетные члены тестя попечителя, извѣстнаго только по невѣжественной и дикой статьѣ о старомъ и молодомъ поколѣніи, написанной ad hoc. Но даже и послѣ этого положеніе совѣта сдѣлалось только благовиднѣе, не выигравъ много въ дѣйствительномъ значеніи. Если къ нему обращались теперь за мнѣніемъ,

это еще не значило, чтобы дѣйствительно, серьезно желали воспользоваться этимъ мнѣніемъ. Рядъ грустныхъ опытовъ убѣдилъ, что совѣтскія мнѣнія спрашивались больше изъ приличія, изъ вѣжливости, ради формы. Эти мнѣнія пропадали безслѣдно подъ сукномъ департамента или же искажались до неузнаваемости департаментскими или министерскими писцами. Большинство совѣта и по прежнимъ воспоминаніямъ, и по новымъ опытамъ оставалось равнодушнымъ къ общимъ интересамъ, зато тѣмъ чувствительнѣе становилось къ личнымъ или къ частнымъ интересамъ. Дѣло объ опредѣленіи преемника Рулье по каѳедрѣ зоологіи служитъ лучшимъ доказательствомъ дѣйствительнаго значенія совѣта. Подложное представленіе отъ имени совѣта сдѣлано было нѣкоторыми членами, по слабости подписано ректоромъ, по невѣдѣнію подкрѣплено ходатайствомъ попечителя и утверждено министромъ. Этимъ поддѣльнымъ установленіемъ уничтожалась конкурренція для занятія вакантной каѳедры, и она замѣщена была человѣкомъ, котораго совѣтъ никогда не выбиралъ на эту каѳедру. Черезъ мѣсяцъ послѣ окончательнаго утвержденія министромъ ложнаго представленія совѣта, фальшивый протоколъ былъ прочитанъ для подписи въ полномъ засѣданіи совѣта. Нѣсколько членовъ неожиданно для большинства объявили протоколъ поддѣльнымъ. Обманъ и подлогъ были слишкомъ ясны, улика была на-лицо, и весь совѣтъ, не исключая и предсѣдателя, засвидѣтельствовалъ подложность протокола и состоявшагося на его основаніи мнимаго представленія. Дѣло кончилось безплоднымъ скандаломъ. Ректоръ, на другой день ускакавъ въ Петербургъ къ министру и захвативъ съ собою документы, возвратился назадъ тѣмъ же ректоромъ.

Было бы странно, если бы при такомъ положеніи дѣлъ общіе интересы стояли бы на первомъ планѣ въ совѣтскихъ засѣданіяхъ, если бы частныя интриги, сдѣлки, личныя отношенія и выгоды не занимали огромнаго мѣста въ совѣщаніяхъ совѣта. Въ маломъ видѣ совѣтъ представлялъ собою то же явленіе, какъ и все русское общество. Совѣтъ иногда довольно горячо отстаивалъ свои права, но это было скорѣе дѣломъ минутнаго побужденія, временною вспышкой, чѣмъ спокойнымъ, сознательнымъ пониманіемъ своихъ правъ и обязанностей. Рѣшеніе огромнымъ большинствомъ какой-нибудь мѣры еще не всегда служило выраженіемъ сознанія и мнѣнія совѣта, а иногда доказывало только индифферентизмъ значительной части членовъ, стремленіе поскорѣе кончить несущественно-важное дѣло и пр., и пр. Только тамъ, гдѣ въ дѣлѣ были личные интересы, совѣтъ выходитъ изъ своего апатичнаго состоянія, и начиналась ожесточенная борьба личныхъ отношеній. Нужно прибавить къ этому и неумѣніе вести дѣло сообща, отсутствіе всякой привычки къ дружному общему дѣйствію. Лучшимъ доказательствомъ печальнаго состоянія совѣта служитъ отвѣтъ на циркуляръ новаго министра. Этотъ отвѣтъ, первоначально написанный Бабстомъ, нѣсколько измѣненный на

частныхъ совѣщаніяхъ совѣта, былъ принятъ единогласно въ первое засѣданіе совѣта. Но ректоръ не сумѣлъ воспользоваться общимъ впечатлѣніемъ и отложилъ окончательное принятіе проекта до слѣдующаго засѣданія. Это повело къ расколу, и въ послѣдующія засѣданія явилось 14 человѣкъ, готовыхъ отложить отвѣтъ.

Какъ ни печально было состояніе университетскаго совѣта, нужно однако же замѣтить, что въ немъ совершился уже поворотъ къ лучшему. Одно изъ главныхъ золъ было уже частью устранено, именно разъединеніе, существовавшее прежде между членами, невозможность столковаться между собою и дѣйствовать сообща. Съ прошлой зимы завелись еженедѣльныя собранія тѣхъ профессоровъ, которые болѣе другихъ сходились между собою въ убѣжденіяхъ и принимали къ сердцу интересы университета. Съ началомъ академическаго года эти собранія по субботамъ окончательно устроились поочереди. Въ нихъ принимали участіе 17 членовъ совѣта и пять адъюнктовъ. Этими вечерами доставлялась возможность дружнаго дѣйствія, устранялись недоразумѣнія и разноголосицы. Можно смѣло было сказать, что мнѣніе, на которомъ окончательно остановились на одномъ изъ субботнихъ вечеровъ, получитъ перевѣсъ въ совѣтѣ, потому что въ этихъ собраніяхъ, за немногими исключеніями, приняли участіе всѣ тѣ, которыхъ голоса слышались въ совѣтѣ, и къ мнѣнію, поддержанному 17 голосами участниковъ въ этихъ дружескихъ совѣщаніяхъ, необходимо присоединялось еще голосовъ десять въ совѣтѣ изъ числа лицъ, стоявшихъ внѣ этого довольно тѣснаго круга. Выборъ ректора изъ профессоровъ долженъ былъ окончательно придать совѣту болѣе единства и самостоятельности. Субботнія сходки профессоровъ сдѣлали много пользы совѣту уже тѣмъ, что дали совѣщаніямъ болѣе правильности. Дѣла были обсуждаемы заранѣе, мнѣніе было уже установлено, и много безполезныхъ споровъ прекращалось само собою. Тѣмъ вреднѣе была отсрочка избранія ректора на неопредѣленное время. Она помѣшала совѣту окончательно организоваться въ довольно крѣпкое цѣлое.

II.

Начало академическаго года открылось не однимъ распоряженіемъ объ обязательной платѣ за слушаніе лекцій, а рядомъ мѣръ, находящихся въ связи съ этимъ распоряженіемъ. Входъ къ университетъ дозволенъ былъ только по билетамъ. Въ большихъ сѣняхъ новаго университета сдѣлана чугунная рѣшетка съ дверцами, охраняемыми солдатами. Билеты были разныхъ цвѣтовъ по факультетамъ, и студенты различныхъ факультетовъ входили въ зданіе новаго университета съ разныхъ крылецъ. Подъ предлогомъ сквозного вѣтра задѣлали дверь въ коридоръ между математическими аудиторіями и главными сѣнями, и такимъ образомъ прервано

или затруднено сообщеніе между аудиторіями математическаго факультета и аудиторіями юридическаго и филологическаго факультетовъ. Лицамъ постороннимъ закрытъ былъ входъ въ университетскія аудиторіи. Отъ нихъ требовали такъ же билетовъ, а ихъ можно было получать только за деньги. Для постороннихъ лицъ устроилась въ университетѣ продажа профессорскихъ лекцій оптомъ и въ розницу. Желавшій получить право входа на всѣ лекціи платилъ 50 р., за право слушаніе одного профессора платилась $^{1}/_{5}$. Побывать хоть разъ даромъ, чтобы убѣдиться, есть ли за что платить, было нельзя. Кромѣ того, требовалось еще согласіе профессора, заявленное письменно на самой просьбѣ о выдачѣ позволенія.

Я не вѣрилъ въ возможность такого распоряженія до тѣхъ поръ, пока не пришлось подписать просьбы тремъ или четыремъ артиллерійскимъ офицерамъ, желавшимъ слушать мои лекціи. Такую скаредность нельзя было извинить въ Московскомъ университетѣ недостаткомъ въ средствахъ, не говоря уже о томъ, что, если допустить плату съ постороннихъ слушателей за слушаніе отдѣльныхъ курсовъ, справедливость требовала предоставлять эту плату, какъ гонораръ, тѣмъ профессорамъ, за лекціи которыхъ вносились эти деньги, и университету во всякомъ случаѣ неловко было пускать въ розничную продажу каѳедры немногихъ преподавателей, привлекшихъ постороннихъ слушателей. Но плата съ офицеровъ и съ другихъ лицъ, не имѣвшихъ притязаній на университетскую степень и слушаніе всѣхъ предметовъ того или другого факультета, была столь же несправедлива, какъ и не ко времени.

Въ то время, когда въ обществѣ возбуждалось сознаніе необходимости извѣстнаго образованія, университетъ затворялъ свои двери для людей, которые слушаніемъ нѣкоторыхъ курсовъ хотѣли дополнить недостатокъ своего образованія или же являлись въ аудиторіи вслѣдствіе интереса, возбужденнаго нѣкоторыми отраслями знанія. Неудовольствіе слушателей, явившихся въ университетскія аудиторіи, было болѣе или менѣе всеобщимъ, хотя главнымъ образомъ оно обнаружилось на низшихъ курсахъ. Молодежь тяготилась мелочными стѣсненіями, въ которыхъ выражалось недовѣріе и въ то же время страхъ передъ нею. Обязательная плата тяжело пала на вновь поступившихъ, которые, чтобы попасть въ университетъ, иногда должны были отдать послѣднія деньги и оставались безъ средствъ къ существованію. Внѣ университета оставались ихъ товарищи, отвергнутые, не по неприготовленности, а по бѣдности. Правленіе университета начало сбирать недоимки за прошлые года, начало требовать взноса ихъ съ тѣхъ студентовъ, которые хотя и были прежде освобождены отъ платы, но, оставаясь на другой годъ на томъ же курсѣ, потеряли это право, по мнѣнію правленія.

У студентовъ была своя небольшая касса, состоявшая изъ пожертвованій и добровольныхъ взносовъ и управлявшаяся ихъ выборными. Эта касса была устроена не только съ вѣдома университетскаго начальства,

но и подъ его покровительствомъ. Для совѣщанія депутатовъ отведена была одно время особая комната въ зданіи университета. Теперь не позволили вновь поступившимъ курсамъ избрать депутатовъ на мѣсто выбывшихъ, вышедшихъ 4-хъ курсовъ. Все это сильно взволновало студентовъ. Къ этому присоединились слухи, что профессора выпросили обязательную плату для увеличенія себѣ жалованья, извѣстія объ арестѣ многихъ студентовъ и кончившихъ курсъ по поводу литографіи и даже печатанія запрещенныхъ сочиненій, производившагося уже года два почти открыто, безъ толку, безъ сколько-нибудь обдуманнаго выбора, крайне небрежно и только лѣтомъ обратившаго на себя вниманіе.

Нельзя не упомянуть также объ ожидаемомъ посѣщеніи лекцій Наслѣдникомъ цесаревичемъ. Дѣйствительно, всѣ знали, что онъ намѣренъ слушать лекціи юридическаго и историко-филологическаго факультетовъ. Онъ былъ на лекціяхъ въ Казанскомъ университетѣ, благосклонно обходился со студентами, помогъ деньгами одному изъ нихъ, и жилъ въ Москвѣ, ожидая 1-го сентября, когда должны были начаться лекціи. Конфиденціальнымъ письмомъ ректоръ университета увѣдомилъ еще гораздо прежде профессоровъ о желаніи Наслѣдника слушать лекціи, и московское высшее общество сильно волновалось, предвидя бѣдственныя послѣдствія отъ сближенія будущаго государя съ университетомъ, и старалось всѣми силами помѣшать этому. Со 2-го сентября должны были начаться посѣщенія Наслѣдникомъ университетскихъ лекцій, и наканунѣ попечитель увѣдомилъ секретаря и нѣкоторыхъ профессоровъ о намѣреніи Наслѣдника быть у нихъ въ этотъ день. 2-го сентября Наслѣдника вмѣсто университета увезли въ Петербургъ. Московскіе тузы торжествовали, а студенты были снова оскорблены недовѣріемъ къ нимъ.

Волненія обнаружились, однако, не вдругъ. Напротивъ, меня поразила перемѣна къ лучшему, замѣченная мною послѣ двухлѣтняго отсутствія изъ Россіи. Никогда моя аудиторія не была такъ полна, никогда не видалъ я подобнаго вниманія и тишины на лекціяхъ, хотя число слушателей переходило иногда за 400. Особенно поразилъ меня одинъ фактъ. Профессоръ Лешковъ передалъ мнѣ, что юристы II курса, не обязанные слушать лекціи всеобщей исторіи, просили его перенести свою лекцію на другой часъ, чтобы имѣть возможность посѣщать лекціи всеобщей исторіи, не манкируя его лекцій. Прежде распорядились бы иначе и просто ушли бы въ другую аудиторію. Та же самая сдержанность и соблюденіе порядка обнаружились на диспутѣ Н. Попова. Достаточно было нѣсколькихъ словъ инспектора, чтобы очистить четыреугольникъ передъ каѳедрой, куда обыкновенно прежде втѣснялись студенты на болѣе интересныхъ диспутахъ. Во все время продолжительнаго диспута была полнѣйшая тишина, совершенный порядокъ. Въ университетѣ до 27-го сентября все было спокойно.

26-го сентября былъ праздникъ, и лекцій не было. Въ среду 27-го, утромъ, мнѣ принесли прибавленіе къ № 207 „Московскихъ Вѣдомостей“

въ тотъ день не выходившихъ. Телеграфическое извѣстіе сообщало о закрытіи Петербургскаго университета вслѣдствіе возникшихъ тамъ безпорядковъ. Это было совершенно неожиданною вѣстью, къ которой никто не былъ приготовленъ и которая должна была взволновать другіе университеты.

Дѣйствительно, придя нѣсколько раньше обыкновеннаго на лекціи въ университетъ, я нашелъ тамъ огромное собраніе студентовъ. Въ профессорской комнатѣ я узналъ, что профессоръ Капустинъ, въ 10-мъ часу войдя въ свою аудиторію, нашелъ ее полною и на каѳедрѣ оратора, что-то объяснявшаго. Профессору удалось взойти на каѳедру только послѣ переговоровъ. Площадка внизу юридическихъ и словесныхъ аудиторій, лѣстница и сѣни были заняты толпами, горячо разсуждавшими и читавшими объявленіе. Мнѣ пришлось проходить въ большую словесную аудиторію черезъ густую толпу, за мною вошли студенты, прежде толкавшіеся на лѣстницѣ. Разница въ числѣ слушателей на этотъ разъ была очень замѣтна противъ прежняго, хотя и теперь было около 200 чел. въ аудиторіи. За дверями слышались шумъ и возгласы, такъ что нѣсколько разъ студенты, бывшіе въ аудиторіи, выходили, чтобы уговаривать не мѣшать слушанію лекціи. Тотчасъ по окончаніи моей лекціи, толпа, человѣкъ въ 500, оставивъ новый университетъ, перешла въ садъ, чтобы тамъ на свободѣ продолжать свои совѣщанія.

Я узналъ, что послѣ лекціи Капустина инспекторъ приглашалъ студентовъ разойтись и былъ освистанъ. То же приглашеніе повторилъ онъ въ саду, и съ такимъ же успѣхомъ. Вѣсть о закрытіи Петербургскаго университета была искрой, которая зажгла горючіе матеріалы, копившіеся давно уже. Петербургскіе студенты не ограничились присылкой воззваній и писемъ о помощи и заявленія сочувствія; отъ нихъ прибыли депутаты, которые 27-го уже были въ университетѣ въ новомъ зданіи и ораторствовали на сходкахъ. Присутствіе ихъ было замѣчено сторожами по тому, что они не знали, куда итти и куда повѣсить шинели. На другой день волненія продолжались, и сборища были въ саду. Въ два часа я былъ въ библіотекѣ, и часу въ третьемъ солдатъ изъ правленія принесъ мнѣ подписать объявленія о закрытіи I и II юридическихъ курсовъ и объ исключеніи на годъ участвовавшихъ въ безпорядкахъ. Неучаствовавшимъ предоставлялось заявить объ этомъ запиской на особомъ листѣ у инспектора.

На другой день я читалъ 2-й часъ. Слушателей было еще меньше, потому что первые два курса юридическаго факультета не пускались въ университетъ. Выходя съ лекціи, я увидалъ, что двери главнаго входа заперты и огромная толпа стоитъ на крыльцѣ и на дворѣ. Помощникъ инспектора сказалъ мнѣ, что эта толпа ищетъ инспектора и требуетъ выдачи листовъ, гдѣ расписались неучаствующіе въ безпорядкахъ.. Инспектора не было въ новомъ университетѣ. Въ профессорской я нашелъ

только двухъ помощниковъ инспектора да П. Я. Петрова, пришедшаго заниматься санскритскимъ языкомъ, едва ли не съ единственнымъ своимъ слушателемъ. Толпа студентовъ стояла тихо и въ какой-то нерѣшимости. Выйдя математическимъ крыльцомъ, я прошелъ черезъ нее и не замѣтилъ ни рѣчей, ни криковъ. Въ субботу 30-го сентября у меня не было лекціи, и я пришелъ въ университетъ только въ 2 часа, чтобы быть въ засѣданіи совѣта. Здѣсь я узналъ о тѣхъ сценахъ, которыя были въ новомъ университетѣ въ этотъ день. Толпа студентовъ ворвалась черезъ главный входъ въ зданіе, сломала рѣшетку въ главныхъ сѣняхъ вмѣстѣ съ плитой, въ которой она была укрѣплена. Сдѣлано было предложеніе нести торжественно эту рѣшетку по улицамъ, и студенты старшихъ курсовъ едва уговорили не дѣлать этого. Они же не позволили сломать раму, въ которой вывѣшивались объявленія отъ университетскаго начальства. Возражать разгоряченной толпѣ было не совсѣмъ безопасно. На одномъ студентѣ изорвали пальто и нанесли ему много оскорбленій. Покончивъ съ рѣшеткой, студенты заставили сторожей отпереть большую математическую залу, кричали, читали воззванія и адресы, требовали къ себѣ инспектора и разошлись, изломавъ нѣсколько мебели. Въ совѣтѣ заявлено было донесеніе экзекутора о томъ, что въ воскресенье назначено собраться въ клиникѣ. Студенты были сильно раздражены противъ медиковъ старшихъ курсовъ, оставшихся спокойно на лекціяхъ и не принимавшихъ никакого участія въ безпорядкахъ и сходкахъ. Противъ нихъ и назначались сходки въ клиникѣ. Директоръ хирургической клиники, профессоръ Басовъ, объявилъ, что наканунѣ сдѣланы имъ важныя и опасныя операціи, и что онъ не ручается за жизнь больныхъ въ случаѣ шумнаго сборища или безпорядковъ. То же самое подтвердилъ директоръ терапевтической клиники, профессоръ Оверъ, и родильнаго института — профессоръ Кохъ. Рѣшено было отправить директоровъ клиникъ къ помощнику попечителя Дашкову, чтобы сообщить ему положеніе дѣла и просить его, чтобы онъ съ генералъ-губернаторомъ принялъ какія-нибудь мѣры для защиты больныхъ. Обращеніе къ генералъ-губернатору было необходимо, потому что еще 28-го сентября получена была телеграмма отъ графа Путятина, которою предписывалось университетскому начальству не предпринимать ничего безъ генералъ-губернатора.

Во всѣ эти дни я видѣлъ студентовъ только въ университетѣ и ничего не говорилъ съ ними. Ни одинъ изъ нихъ не былъ у меня, ни одинъ не подходилъ и послѣ лекціи. Еще въ середу въ 2-мъ часу мнѣ говорили нѣкоторые, что хорошо бы было профессорамъ обратиться къ студентамъ съ увѣщаніемъ прекратить безпорядки. Я былъ того мнѣнія, что это не поведетъ ни къ чему.

На другой день пріѣхалъ ко мнѣ Ѳ. М. Дмитріевъ, сильно взволнованный происшествіями этого дня и закрытіемъ курсовъ. У него и наканунѣ, и въ этотъ день были студенты старшихъ курсовъ юридическаго

факультета, не принимавшіе участія въ безпорядкахъ. Они говорили о своемъ безсиліи противодѣйствовать крайностямъ, боялись закрытія университета, на что и била крайняя партія, и выражали надежду, что вмѣшательство профессоровъ и ихъ убѣжденія могутъ имѣть вліяніе. Между прочимъ указывали на меня, говоря, что мой голосъ можетъ имѣть значеніе уже потому, что на моихъ лекціяхъ собирается много народа и притомъ съ всѣхъ факультетовъ. Съ предложеніемъ говорить со студентами на лекціи въ пятницу и пріѣхалъ ко мнѣ Дмитріевъ. Онъ сказалъ мнѣ, что послѣ лекціи въ середу онъ говорилъ со студентами вмѣстѣ съ Чичеринымъ, бывшимъ у него на лекціи. Я остался при прежнемъ убѣжденіи, что профессору говорить съ каѳедры со студентами при настоящемъ положеніи дѣлъ слѣдуетъ только въ томъ случаѣ, если бы безпорядки произошли въ самой аудиторіи и во время его чтенія, что и тутъ ему слѣдуетъ ограничиться только протестомъ противъ этихъ безпорядковъ и призывать слушателей къ сохраненію тишины въ аудиторіи. Всѣ остальныя разсужденія я считалъ и безполезными, и неумѣстными. Безполезными потому, что безпокойная часть студенчества перенесла въ садъ свои сходки, и въ аудиторіяхъ осталась только та умѣренная часть студентовъ, которая и безъ того была противъ всякихъ крайностей и не принимала въ нихъ никакого участія. Убѣждать ее было не въ чемъ. Говорить о самыхъ мѣрахъ, вызвавшихъ волненія, я считалъ неприличнымъ.

Закрытіе курсовъ, взломъ рѣшетки и предполагавшійся походъ въ клинику показали, что дѣло зашло уже слишкомъ далеко, и что слова профессоровъ не остановятъ движенія.

Воскресенье 1-го октября было для меня особенно памятно. По воскресеньямъ утромъ и вечеромъ назначенъ у меня пріемный день для всѣхъ, кто желаетъ меня видѣть. Я не знаю фамилій приходящихъ ко мнѣ студентовъ или узнаю ихъ тогда, когда даю имъ книги. Объясненія поэтому отличаются полною свободой.

Въ воскресенье раньше другихъ явился ко мнѣ одинъ полякъ, котораго я прежде никогда не видалъ ни дома, ни на лекціяхъ, и о которомъ до сихъ поръ не знаю, какого онъ факультета и курса и какъ его фамилія. Кажется, онъ былъ посланъ ко мнѣ польскою партіей. Онъ разсказалъ мнѣ о совѣщаніяхъ по поводу адреса, сообщивъ, что получены письма отъ студентовъ Петербургскаго университета, отъ Петербургской духовной академіи, изъ одного петербургскаго военнаго заведенія, что у нихъ уже собрано пятьсотъ рублей на посылку депутата къ государю навстрѣчу, и что соберется еще болѣе денегъ. Онъ же началъ мнѣ говорить о приготовлявшейся демонстраціи 4-го октября на могилѣ Грановскаго, демонстраціи, которая должна была имѣть неуниверситетскій характеръ, потому что въ ней должно было принять участіе общество и даже дамы. Эта демонстрація, вѣроятно, и была главною цѣлью его при-

хода ко мнѣ, потому что онъ тотчасъ же поспѣшилъ прибавить, что ждутъ, что я приму участіе въ ней. Я поступилъ довольно неосторожно и, не выждавъ объясненія, какого рода участія отъ меня ожидаютъ, торопился слишкомъ положительно объявить, что участія ни въ какой демонстраціи на могилѣ Грановскаго я принять не могу и не знаю, какое право имѣютъ предполагать, что я захочу въ ней принять участіе. Послѣ этого я уже не могъ узнать, на какого рода участіе разсчитывали съ моей стороны, и онъ уже перестала говорить о приготовленіяхъ и старался только убѣдить меня, что мнѣ нѣтъ причинъ отказываться отъ участія въ демонстраціи. Онъ говорилъ, что имя Грановскаго—такое знамя, подъ которымъ можетъ стать каждый либеральный дѣятель. Я старался ему объяснить, что для насъ, въ нашемъ обычномъ собраніи 4-го октября на могилѣ Грановскаго, онъ не знамя, а человѣкъ, память котораго драгоцѣнна людямъ, имѣвшимъ счастье знать его близко, что для этихъ людей одна изъ первыхъ обязанностей не допускать, чтобы имя Грановскаго становилось знаменемъ, которымъ могли прикрываться стремленія, которымъ не могъ сочувствовать Грановскій, если бы былъ въ живыхъ, а противъ нѣкоторыхъ онъ высказался бы прямо и положительно. Что во всякомъ случаѣ наша панихида по Грановскомъ не можетъ имѣть никогда политическаго значенія, и никогда не можетъ быть никакой демонстраціи. Въ жару спора онъ проговорился и, узнавъ, что я непремѣнно буду на кладбищѣ 4-го октября, употребилъ въ дѣло послѣдній аргументъ. „На кладбищѣ будутъ жандармы и полиція, и сочувствуете ли или нѣтъ демонстраціи, вашего присутствія довольно для того, чтобы отнести васъ къ числу участниковъ демонстраціи". Это меня взбѣсило; я сказалъ ему, что одинаково не боюсь ни жандармовъ, ни тѣхъ, кто его послалъ, и что ни полиція, ни демонстрація не мѣшаютъ мнѣ быть на кладбищѣ съ тою же цѣлью, и съ тою единственно, съ какою я бывалъ тамъ со дня похоронъ Грановскаго. Разговоръ оборвался, тѣмъ болѣе, что тутъ пришло нѣсколько русскихъ студентовъ словеснаго и юридическаго факультетовъ, изъ которыхъ нѣкоторые уже были мнѣ знакомы, и всѣ принадлежали къ курсамъ, неучаствовавшимъ въ безпорядкахъ и вовсе имъ не сочувствовавшимъ. Они жаловались на дѣйствія крайней партіи, особенно поляковъ, которые били прямо на закрытіе университета, которые предлагали крайнія мѣры и дикія требованія, которые не хотѣли, напримѣръ, въ адресѣ допустить обычной заключительной подписи „вѣрноподданные", которые вводили въ адресъ требованія, не касающіяся прямо университетской жизни; напримѣръ, требованія допущенія на лекціи лицъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ.

Я началъ говорить, что вина лежитъ на самихъ студентахъ, если справедливы ихъ слова, что крайняя партія составляетъ незначительное меньшинство, имѣющее силу только по равнодушію или малодушію и разъединенности огромнаго большинства. Я говорилъ, что теперь пришло время

каждому опредѣлить для себя и имѣть мужество высказать, чего онъ хочетъ и дальше чего онъ не хочетъ итти. Только прямымъ и открытымъ заявленіемъ своего мнѣнія каждымъ можно опредѣлить и обнаружить, въ чемъ именно заключаются дѣйствительныя требованія всего студенчества, и что составляетъ цѣль буйнаго меньшинства. Студенты увѣряли меня, что для огромнаго большинства закрытіе университета — величайшее несчастіе, но что они не въ силахъ сдержать крайнюю партію, которая хочетъ добиться именно этого. Я разсказалъ, что слышалъ, будто на многочисленной сходкѣ одинъ изъ ораторовъ, колотя себя въ грудь и предлагая какую-то дикую выходку, кричалъ, что онъ знаетъ впередъ, что онъ мученикъ, что онъ заранѣе обрекъ себя на жертву за правое дѣло съ тѣмъ, чтобы потомство узнало его имя. Въ это время подошедшій инспекторъ спросилъ у него фамилію, и мученикъ съ рѣдкимъ присутствіемъ духа и съ невѣроятною легкостью спрыгнулъ съ каѳедры и скрылся въ толпу. Всѣ студенты, кромѣ поляка, подтвердили, что это было дѣйствительно такъ, что они были свидѣтелями этой сцены. Тогда я сказалъ имъ, что еще понимаю поступокъ мученика, быстро понявшаго все различіе между потомствомъ и живою современностью, явившеюся неожиданно въ лицѣ инспектора, но что я не могу понять студентовъ, которые все слышали и видѣли, и изъ которыхъ не нашлось ни одного, который бы имѣлъ честную смѣлость за воротникъ притащить къ инспектору оратора, уже не въ качествѣ мученика, а въ качествѣ негодяя, съ которымъ не желаютъ оставаться товарищами студенты. Я старался доказать, что всякая дикая рѣчь, выслушанная безъ знаковъ неодобренія слушателями, всякая буйная сцена, происшедшая въ присутствіи умѣреннаго большинства и имъ не остановленная, необходимо должна казаться выраженіемъ общаго мнѣнія, поступкомъ, одобряемымъ всѣми. Когда я говорилъ о томъ, какъ слѣдовало, по моему мнѣнію, поступить самимъ студентамъ съ мученикомъ за правое дѣло, молчавшій все время полякъ наскоро простился и ушелъ отъ меня.

Понедѣльникъ и вторникъ (2 и 3-го октября) прошли безъ особенныхъ безпорядковъ. Лекціи посѣщались, хотя число слушателей и было меньше обыкновеннаго. Сходки были каждое утро въ университетскомъ саду и по домамъ. Обсуждался адресъ къ государю и готовились къ демонстраціи 4-го октября. Между тѣмъ, на листахъ у инспектора продолжали записываться тѣ, которые отреклись отъ участія въ безпорядкахъ. Записываться приходили иногда тайкомъ на квартиру инспектора вечеромъ. Съ 3-го октября начали записываться и поляки, до тѣхъ поръ удерживавшіеся отъ этого. Студентовъ I-го юридическаго курса, заявившихъ свое неучастіе въ безпорядкахъ, было 113, не заявившихъ 48, студентовъ II курса, заявившихъ — 97, не заявившихъ — 44. Сверхъ того, 28 постороннихъ слушателей такъ же заявили свое неучастіе.

Если безпорядокъ былъ въ стѣнахъ университета, то за стѣнами было

еще хуже. Тамъ уже дѣйствовали не студенты, мало знакомые съ законностью, а дѣлали глупости люди, которыхъ назначенiе было поддерживать порядокъ и смотрѣть за исполненiемъ законовъ. Генералъ-губернаторъ П. А. Тучковъ, къ которому министръ предписалъ обращаться университету во всѣхъ важныхъ случаяхъ, сталъ съ перваго шага въ фальшивое положенiе. Ему, смерть, хотѣлось полиберальничать, но безъ всякой личной отвѣтственности. Онъ принималъ у себя депутатовъ отъ студентовъ, сдѣлалъ различiе между генералъ-губернаторомъ и Павломъ Алексѣевичемъ Тучковымъ и, какъ Тучковъ, не только признавалъ справедливыми требованiя студентовъ, но сносился съ ними, и студентъ математическаго факультета Раевскiй, на квартирѣ котораго были сходки депутатовъ, переѣзжалъ отъ генералъ-губернатора къ депутатамъ и обратно. Онъ представилъ генералъ-губернатору черновой проектъ адреса, составленнаго студентами, и по его указанiямъ зачеркнулъ нѣкоторыя мѣста и переправилъ другiя. Черновой подлинникъ, исправленный по указанiямъ Тучкова, былъ сообщенъ мнѣ потомъ Раевскимъ и переданъ мною университескому депутату при слѣдственной комиссiи, С. П. Баршеву, подъ его расписку. Съ адресомъ, исправленнымъ такимъ образомъ, онъ былъ вполнѣ согласенъ. Впрочемъ, была и другая редакцiя, исправленная по указанiямъ правителя канцелярiи. Чтобы дать возможность студентамъ сговориться, генералъ-губернаторъ частнымъ образомъ дозволилъ имъ сходки и приказалъ, черезъ Родзевича, инспектору студентовъ не препятствовать и не мѣшаться въ сборища студентовъ въ саду. Это приказанiе, какъ видно изъ дѣла университетскаго правленiя, передано было Родзевичемъ и инспектору Шестакову при помощникѣ попечителя Дашковѣ и при помощникѣ инспектора Бобровѣ. Одобряя адресъ, Тучковъ, однако же, не принялъ его, какъ генералъ-губернаторъ, а совѣтовалъ студентамъ опять уже, какъ Павелъ Алексѣевичъ, подать его помощнику попечителя, а послѣднему принять его.

Правленiе еще 29-го сентября узнало, что приготовляется адресъ и, совсѣмъ не надѣясь на стойкость ректора Альфонскаго, приняло заблаговременно мѣры и въ тотъ же день сдѣлало постановленiе, чтобы не принимать адреса, если онъ будетъ представленъ. Между тѣмъ Дашковъ, по совѣту генералъ-губернатора, готовъ былъ принять адресъ. Узнавъ это, два декана — Соловьевъ и Щуровскiй — съ ректоромъ рѣшились отправиться къ Дашкову, чтобы остановить его и предложить прежде спросить по телеграфу у министра: можетъ ли онъ, по совѣту генералъ-губернатора, принять адресъ, который хотятъ передать ему студенты? Телеграмма была уже написана правителемъ канцелярiи попечителя И. И. Красовскимъ, но Дашковъ, поставленный между правленiемъ, которое говорило ему, что подача коллективныхъ просьбъ запрещена закономъ, и между генералъ-губернаторомъ, который совѣтовалъ принять ему адресъ, совершенно растерялся и не посмѣлъ рѣшиться даже на то, чтобы спросить мнѣнiе министра. Онъ

сталъ просить членовъ правленія ѣхать съ нимъ къ генералъ-губернатору, чтобы объявить ему затруднительность положенія. Видя, что съ нимъ ничего не рѣшишь, члены правленія имѣли слабость согласиться на его предложеніе и отправились всѣ вмѣстѣ къ Тучкову. Здѣсь была очередь показать себя въ настоящемъ свѣтѣ либеральному генералъ-губернатору. Онъ такъ же растерялся и вообразилъ, что члены правленія пріѣхали просить у него войска. По крайней мѣрѣ такъ разсказывалъ и объяснялъ онъ дѣло послѣ. Онъ отказался принять членовъ правленія, но объявилъ, что готовъ принять частнымъ образомъ Дашкова и Альфонскаго. Вмѣсто того, чтобы уѣхать назадъ съ деканами, съ которыми вмѣстѣ пріѣхали и которыхъ отказывался принять генералъ-губернаторъ, эти два представителя правительства въ университетѣ предоставили деканамъ ѣхать домой, а сами отправились въ кабинетъ генералъ-губернатора. Тамъ, кажется, получили они головомойку отъ Тучкова, но Дашкову разрѣшено было не принимать адреса. Послѣ Тучковъ разсказывалъ, что не принялъ оффиціально членовъ правленія, чтобы не вмѣшивать военную силу въ домашніе безпорядки университета, въ чемъ онъ не имѣлъ права отказать какъ генералъ - губернаторъ, въ случаѣ формальнаго требованія. Дѣйствительно ли такъ понялъ Тучковъ цѣль пріѣзда членовъ правленія, или онъ позволилъ себѣ эту небольшую ложь, чтобъ объяснить свой неловкій поступокъ съ ними, сдѣланный только по неумѣнью выпутаться изъ фальшиваго положенія, въ которое онъ самъ себя поставилъ съ адресомъ— не знаю; но у членовъ правленія не было и мысли о военной силѣ.

Вопросъ о принятіи адреса былъ рѣшенъ отрицательно; но сцены 30-го сентября въ новомъ университетѣ, взломъ рѣшетки, шумныя совѣщанія и крики въ математической залѣ, ломка мебели и т. п. заставляли на что-нибудь рѣшиться, чтобы предупредить повтореніе такихъ безпорядковъ. Въ тотъ же день ректоръ оффиціально письмомъ увѣдомилъ Дашкова о случившемся и просилъ принять какія-нибудь мѣры къ огражденію университета отъ подобныхъ происшествій, такъ какъ университетская полиція не въ состояніи прекратить выходки студентовъ безъ содѣйствія мѣстной власти. Дашковъ опять не зналъ, что дѣлать, потому что отвѣтственность за всякое распоряженіе падала прямо на него. По совѣту Родзевича, онъ рѣшился тянуть дѣло, чтобы выиграть время. Въ отвѣтѣ 1-го октября онъ дѣлалъ видъ, что не вѣритъ показанію правленія о безпорядкахъ, произведенныхъ наканунѣ студентами, нашелъ сообщеніе ректора недостаточнымъ и для повѣрки правленія и для ближайшаго изслѣдованія дѣла назначилъ коммиссію изъ того же правленія съ присоединеніемъ трехъ профессоровъ: Буслаева, Капустина и Лешкова. Сообщеніе ректора онъ нашелъ недостаточнымъ потому, что тамъ не было сказано, сколько именно студентовъ участвовало въ безпорядкахъ, и не названы по фамиліямъ, курсамъ и факультетамъ тѣ изъ нихъ, кто ломалъ рѣшетку, произносилъ рѣчи и пр., какъ будто можно было про-

изводить перекличку толпѣ въ 500 или 600 человѣкъ, которая насильственно вломилась въ университетъ и произвела тамъ безпорядки.

4-го октября я пріѣхалъ на Пятницкое кладбище съ В. Θ. Коршемъ, когда обѣдня уже началась, и прошелъ прямо на могилу Грановскаго съ Н. А. Поповымъ. На кладбищѣ почти никого не было. Прыжовъ, авторъ житія Ивана Яковлевича, со сторожемъ мелъ большое пространство, обнесенное рѣшеткой; увидя насъ, онъ бросилъ метлу и, сказавъ, „пусть дометаютъ друзья Грановскаго“, надѣлъ пальто и вышелъ. Скоро пришло еще нѣсколько человѣкъ изъ церкви. Изъ постороннихъ почти никого не было. Изрѣдка проходилъ кто-нибудь въ тулупѣ или венгеркѣ, но тотчасъ же уходилъ въ сторону. Пришли Кетчеръ и М. С. Щепкинъ. Остальные были еще въ церкви. Графини Сальясъ почему-то не было ни въ церкви, ни на кладбищѣ. Это было тѣмъ страннѣе, что на одной изъ студенческихъ сходокъ въ саду одинъ бородатый господинъ явился нарочно, чтобы передать студентамъ сочувствіе Евг. Туръ. Пріѣзжавшіе позже меня на кладбище привозили извѣстіе, что въ Пятницкую часть собираются пѣшіе жандармы, кучками, человѣкъ по двадцати. Черезъ полчаса явился на кладбище полиціймейстеръ Сычинскій. Онъ вошелъ съ Кетчеромъ и М. С. Щепкинымъ въ ограду и на самой могилѣ началъ увѣрять, что онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы могила Грановскаго не была опозорена появленіемъ на ней полицейскихъ. Это его собственныя слова. Я пошелъ въ церковь, засталъ окончаніе панихиды и вмѣстѣ съ другими воротился на могилу. Всѣ лица, болѣе или менѣе близко знавшія Грановскаго и собиравшіяся ежегодно на его могилѣ, были въ сборѣ. Во время панихиды на могилѣ не было никого изъ постороннихъ, но едва священникъ вышелъ изъ-за ограды, большая толпа студентовъ, человѣкъ въ триста или болѣе, явилась къ оградѣ, неся вѣнокъ и корзину съ цвѣтами. Мы одинъ за другимъ вышли изъ-за ограды. Одни поѣхали къ Кетчеру, гдѣ долженъ былъ быть нашъ обычный обѣдъ, другіе, въ томъ числѣ и я, оставались еще на кладбищѣ, хотя и не подходили къ оградѣ. Сычинскій стоялъ также вдали и, оборотясь спиной къ могилѣ, чтобы не видать, что тамъ происходитъ, что-то ораторствовалъ, окруженный нѣсколькими студентами и толпой простого народа, привлеченнаго на кладбище невиданнымъ зрѣлищемъ. Несмотря на предположенія, демонстрація имѣла чисто студенческій характеръ. Только немногіе, для приданія ей извѣстнаго цвѣта, явились въ овчинныхъ тулупахъ и мерлушечьихъ шапкахъ. Польскій элементъ былъ представленъ также очень слабо, одною бѣлою конфедераткой, нѣсколькими венгерками съ тремя или четырьмя широкими кожаными поясами, съ мѣдными пряжками, надѣтыми по жилету. Во время панихиды много студентовъ, не помѣстившихся въ оградѣ, стояли внѣ ея небольшими кучками. Къ одной изъ группъ неожиданно подошелъ пьяный господинъ, лѣтъ сорока, въ засаленномъ сюртукѣ, снялъ фуражку и нетвердымъ голосомъ началъ говорить какую-

то рацею въ честь Грановскаго. Слушатели смотрѣли на него съ недоумѣніемъ. Я началъ говорить студентамъ, чтобы они не компрометировали ни себя, ни своего дѣла, ни, наконецъ, памяти Грановскаго подобнымъ ораторомъ. Но прежде, чѣмъ я успѣлъ убѣдить ихъ остановить, быть можетъ, подставного оратора, Кетчеръ уже распорядился, взялъ его подъ руку и отвелъ къ Сычинскому. Между тѣмъ въ оградѣ произносились рѣчи, которыхъ было заготовлено, говорятъ, до десяти, но было произнесено только двѣ. Сычинскій достигъ бы своей цѣли и могъ бы донести, что ничего не было въ его присутствіи, и что онъ не слыхалъ рѣчей, если бы пріѣздъ оберъ-полиціймейстера графа Крейца не помѣшалъ ему. Оберъ-полиціймейстеръ съ Сычинскимъ и частнымъ приставомъ прямо пошелъ къ оградѣ и вошелъ было въ толпу, когда крикъ „вонъ, не мѣшать“, заставилъ его тотчасъ же выйти изъ-за рѣшетки. Онъ сталъ поодаль на пригоркѣ и издали смотрѣлъ на толпу. Произнеся рѣчи, толпа начала расходиться. У воротъ я слышалъ распоряженіе, чтобы собраться и построиться за воротами. Передъ воротами кладбища стоялъ взводъ конныхъ жандармовъ съ нѣсколькими казаками. Поодаль у рощи были спрятаны пѣхотинцы, составивши ружья въ козлы, но спрятаны такъ, что ихъ видно было отъ воротъ и съ кладбища, и съ шоссе. Сборъ войскъ и шествіе студентовъ привлекли на кладбище толпу простонародья и довольно большое число извозчиковъ, ожидавшихъ разъѣзда публики. Студенты, пришедшіе толпой изъ стараго университета съ корзиной цвѣтовъ и вѣнкомъ впереди, черезъ Кузнецкій Мостъ и Лубянку, тою же дорогою и тѣмъ же порядкомъ возвратились въ университетъ, не получивъ отъ полиціи ни одного предостереженія, ни одного распоряженія разойтись. Войска и полиція были поставлены у кладбища какъ будто за тѣмъ, чтобы отдать честь торжественному шествію, а не за тѣмъ, чтобы помѣшать сборищу. Точно также полиція не мѣшала и произнесенію рѣчей.

На нашемъ обѣдѣ у Кетчера до нѣкоторой степени высказался взглядъ извѣстной части общества на студенческое движеніе. Послѣ обѣда завязался горячій споръ между профессорами и лицами, не принадлежащими къ университету, хотя его воспитанниками. Нелѣпое распоряженіе и заявленіе правительства о томъ, что часть студенческаго сбора предполагается обратить на жалованье профессорамъ, произвели свое дѣйствіе. Профессоровъ упрекали не только въ равнодушіи къ дѣйствительнымъ интересамъ университетской молодежи, не только въ томъ, что они ничего не сдѣлали для предупрежденія или отмѣненія мѣры, даже не заявили своего несочувствія и несогласія съ ними; имъ бросали въ лицо упрекъ, будто мѣры вызваны ими для ихъ личныхъ выгодъ, будто сумму сбора они думаютъ подѣлить между собою. Если подобныя предположенія находили себѣ вѣру въ литературномъ кругу, близко знакомомъ съ личнымъ составомъ университета и съ дѣйствительнымъ ходомъ дѣлъ, понятно, къ какимъ толкованіямъ могъ подавать поводъ въ обществѣ и

между студентами § 9 высочайшаго повелѣнія, гдѣ говорилось, что „взыскиваемыя со студентовъ деньги за право слушаній лекцій назначаются на увеличеніе содержанія профессоровъ, адъюнктовъ, лекторовъ и приватъ-доцентовъ и на пособія и стипендіи студентамъ“.

Профессора же, къ сожалѣнію, ничего не сдѣлали, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе въ вызовѣ подобнаго распоряженія, которое тѣмъ болѣе могло казаться вѣроятнымъ, что вопросъ объ увеличеніи жалованья поднятъ былъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разъ уже обсуживался въ университетѣ и теперь вновь отданъ былъ на обсужденіе профессорамъ именно по поводу послѣдняго высочайшаго повелѣнія. Что большинство профессоровъ было противъ обязательной для всѣхъ платы за слушаніе лекцій, что никто изъ нихъ не вызывалъ подобной мѣры, что никто не думалъ обращать сумму студенческаго сбора на увеличеніе жалованья преподавателямъ,—это можно было доказать, но можно было доказать также и то, что профессора ничѣмъ еще не заявили себя противъ этихъ мѣръ.

Конецъ недѣли прошелъ безъ особенныхъ безпорядковъ; сходки въ саду продолжались ежедневно до 2-хъ или 3-хъ часовъ, по вечерамъ были сходки по квартирамъ, сходки депутатовъ у Раевскаго и другихъ. Обсуживались проекты адресовъ, изъ которыхъ ни одинъ не могъ соединить болѣе 300 подписей, шли переговоры съ генералъ-губернаторомъ, изъ которыхъ также ничего не выходило. Кромѣ двухъ партій, крайней и умѣренной. образовались еще кружки и партіи, носившіе названія по губерніямъ: Рязанскій кружокъ, Пензенскій, или по мѣсту сбора, какъ Садовая партія, отличавшаяся неумѣренностью и безразсудствомъ требованій. Помощникъ попечителя объявилъ себя больнымъ, и все его участіе въ дѣлахъ ограничивалось отпиской отъ правленія. Это не помѣшало ему, однако же, говорить въ обществѣ послѣ тѣхъ сценъ, которыя произошли на слѣдующей недѣлѣ, что въ университетѣ все было спокойно, когда онъ передалъ должность попечителю, возвратившемуся, наконецъ, изъ деревни. На профессорскомъ вечерѣ, въ субботу 7-го октября, я предложилъ сдѣлать представленіе министру объ университетскихъ происшествіяхъ, съ указаніемъ на главный къ нимъ поводъ, т.-е. на обязательную для всѣхъ плату. Такое предложеніе я привозилъ уже въ совѣтъ въ предыдущую субботу и не подалъ только потому, что многіе говорили, что это покажется вынужденною уступкой студентамъ. И теперь мое предложеніе было встрѣчено сначала самыми горячими возраженіями въ томъ же смыслѣ, но наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, было рѣшено, что я могу сдѣлать это предложеніе въ совѣтѣ и требовать составленія коммиссіи для заготовленія проекта донесенія министру. Предложеніе было тутъ же формулировано и рѣшено было поддерживать его въ совѣтѣ.

То же наружное спокойствіе было въ университетѣ въ воскресенье, понедѣльникъ и вторникъ. Пріѣздъ попечителя генерала Исакова, казалось, окончательно прекратилъ безпорядки. Онъ не принялъ адреса, одо-

бреннаго генералъ-губернаторомъ и представленнаго ему студентомъ Раевскимъ, не хотѣлъ его даже прочитать частнымъ образомъ. Во вторникъ на лекціи я видѣлъ бывшаго инспектора студентовъ П. Д. Шестакова, который сказалъ мнѣ, что все идетъ хорошо, что сходки становятся малочисленнѣе, что онъ сдаетъ сегодня же свою должность новому инспектору Малиновскому. Исторія казалась конченною. Послѣдній любопытный эпизодъ была поимка въ саду переодѣтаго квартальнаго. Вообще студенты дѣйствовали крайне неосторожно. Множество постороннихъ лицъ присутствовало на ихъ сходкахъ: въ числѣ посѣтителей были завѣдомо агенты полиціи, которые не только записывали предлагаемые адресы, но для большей вѣрности предлагали студентамъ подписаться на нихъ. 5-го октября одинъ изъ такихъ агентовъ въ студенческомъ сюртукѣ съ бѣлыми пуговицами показался почему-то подозрительнымъ. Его спросили, какого онъ университета и факультета. Онъ отвѣчалъ, что онъ харьковскій юристъ 3-го факультета, кончившій въ VII классѣ. Его схватили и представили къ инспектору. Оказалось, что это переодѣтый квартальный. Полиція не сумѣла выбрать агента поумнѣе или не потрудилась дать ему какое-нибудь понятіе объ университетскомъ устройствѣ.

11-го октября, въ среду, у меня была лекція въ первомъ часу. Въ профессорской я не нашелъ почти никого, кромѣ новаго инспектора, съ которымъ въ первый разъ тутъ познакомился. Онъ подтвердилъ мнѣ, что все спокойно, что сходки рѣдѣютъ и далеко не отличаются тѣмъ бурнымъ характеромъ, который имѣли прежде. На лекціи я нашелъ довольно много слушателей, болѣе, чѣмъ было на предшествовавшихъ лекціяхъ. Минутъ за 20 до звонка раздался сильный шумъ и крикъ, дверь растворилась настежь, послышалось какое-то воззваніе къ бывшимъ въ аудиторіи и вслѣдъ за тѣмъ толпа въ фуражкахъ и пальто ворвалась въ залу. Увидѣвъ меня, она шарахнулась назадъ, но напоръ былъ слишкомъ великъ, и передніе скоро были придвинуты къ самой каѳедрѣ. Слушатели мои встали и закричали, чтобы убирались вонъ, что они хотятъ дослушать лекцію. Я хотѣлъ было также встать, но подумалъ, что это движеніе можетъ быть принято за желаніе прекратить лекцію и потому, оставшись на мѣстѣ, сказалъ, что я намѣренъ продолжать лекцію, что если имъ нужна аудиторія, они могутъ сѣсть на скамейки и подождать, пока я кончу чтеніе; если же имъ нужно тотчасъ же говорить между собою, я приглашаю ихъ выбрать другое мѣсто для совѣщаній. Толпа, не ожидавшая такого отпора, особенно со стороны слушателей, подалась назадъ и скоро очистила аудиторію. Двери были затворены, и я могъ продолжать лекцію. Звонокъ раздался нѣсколькими минутами раньше обыкновеннаго. Чтобы вызвать студентовъ изъ аудиторій и, главное, чтобы очистить словесную большую аудиторію, Садовая партія овладѣла колоколомъ и прозвонила перемѣну раньше срока. Я прошелъ черезъ толпу въ профессорскую и нашелъ тамъ попечителя, которому передалъ о слу-

чившемся. Кромѣ попечителя, тамъ были инспекторъ, два его помощника: Дювернуа и Бобровъ, и профессоръ Крыловъ, нѣсколько взволнованный. Черезъ нѣсколько времени дверь изъ швейцарской распахнулась и четверо студентовъ, одинъ за другимъ, рѣшительнымъ шагомъ вошли въ профессорскую и объявили попечителю, что они депутаты отъ студентовъ, присланные, чтобы пригласить его въ аудиторію для объясненій со студентами. Въ это время вышелъ профессоръ Бодянскій, плотно затворивъ за собою дверь, потому что нашелъ тамъ подслушивавшаго студента. Попечитель отвѣчалъ депутатамъ, что ему не о чемъ говорить съ студентами, что онъ не можетъ принять адреса и сдѣлать измѣненій въ университетскихъ постановленіяхъ, которыя онъ обязанъ охранять. Ораторъ изъ депутатовъ, бѣлокурый молодой человѣкъ, въ штатскомъ платьѣ, Гижицкій, какъ я узналъ потомъ, вступилъ въ преніе съ попечителемъ. Онъ показался мнѣ не въ совсѣмъ нормальномъ состояніи. Было ли это отъ искусственнаго возбужденія или просто вслѣдствіе волненія, но онъ говорилъ неровнымъ голосомъ, съ усиліемъ, былъ красенъ и вообще походилъ на человѣка пьянаго или, по крайней мѣрѣ, выпившаго. Его слова не противорѣчили этому предположенію. Онъ доказывалъ, что университетъ — это студенты, и что ни одно университетское постановленіе не можетъ имѣть силы, если оно не обсуждено и не одобрено студентами и пр., въ этомъ же родѣ. Выслушавъ все это, попечитель спокойно, не возвышая голоса, сказалъ:

— Вы видите, что мнѣ нечего итти говорить съ вашими товарищами, когда я не могу говорить и съ вами. Я обязанъ поддерживать университетскія постановленія, а для васъ они не существуютъ. Мы не можемъ сговориться другъ съ другомъ.

— Что же намъ дѣлать?

— Что хотите! если для васъ не существуютъ университетскія правила, вамъ нечего дѣлать въ университетѣ и не о чемъ говорить съ университетскимъ начальствомъ.

Повторивъ еще два раза приглашеніе прійти въ аудиторію, какъ выражались они, на мировую и получивъ отказъ, депутаты ушли. Черезъ нѣсколько минутъ въ швейцарской послышался сильный шумъ и крики, и швейцаръ, вбѣжавъ въ профессорскую, началъ запирать дверь на ключъ.

Мы съ Бодянскимъ сказали попечителю, что едва ли это не будетъ хуже, что запертая дверь не защититъ, въ случаѣ напора, и только болѣе взволнуетъ студентовъ и покажетъ, что ихъ боятся. Попечитель велѣлъ отпереть дверь, и самъ вышелъ въ швейцарскую; Бодянскій и я пошли за нимъ. Крыловъ на наше приглашеніе итти съ нами отвѣчалъ отрицательнымъ жестомъ.

Разговоръ въ швейцарской былъ повтореніемъ объясненія съ депутатами, съ тою только разницей, что толпа, набившаяся въ небольшую ком-

нату, шумѣла, кричала и дѣлала невозможнымъ всякій, сколько-нибудь продолжительный разговоръ. Слова попечителя встрѣтили смѣхомъ, кричали, что онъ говорить не умѣетъ. Онъ былъ такъ же спокоенъ, какъ и въ профессорской, повторилъ то же самое, что говорилъ депутатамъ, и въ отвѣтъ на смѣхъ и крики замѣтилъ, что онъ ждалъ, что студенты будутъ говорить съ нимъ университетскимъ языкомъ, но что теперь видитъ, что они не только не могутъ говорить съ нимъ этимъ языкомъ, но и не понимаютъ его. Въ отвѣтъ послышался крикъ: „мы васъ презираемъ". Попечитель вышелъ въ профессорскую, но потомъ раздумалъ, воротился въ швейцарскую, подозвалъ инспектора и при студентахъ, тѣмъ же ровнымъ и тихимъ голосомъ, велѣлъ ему ѣхать тотчасъ же къ генералъ-губернатору и объявить ему, что неизвѣстная толпа ворвалась въ университетъ, прорвалась за рѣшетку, овладѣла колоколомъ, и теперь ломится въ профессорскую, и что у университета нѣтъ физической силы противиться ей. Послѣ этого онъ ушелъ въ профессорскую и началъ ходить во второй ея комнатѣ. Бодянскій и я остались въ первой. Двери въ швейцарскую были затворены, но не заперты. Къ попечителю съ математическаго крыльца швейцаръ принесъ шинель и калоши, и помощникъ инспектора предложилъ ему уйти изъ математическаго входа, не занятаго студентами. Исаковъ отослалъ швейцара и сказалъ, что онъ уѣдетъ изъ университета послѣдній.

Въ швейцарской продолжался шумъ и крики. Нѣсколько разъ дверь въ профессорскую отворялась, я подходилъ и затворялъ ее. Видно, въ швейцарской возбуждали другъ друга къ рѣшительному шагу, и передъ отпертою дверью было колебаніе. Наконецъ дверь распахнулась настежь, и нѣсколько человѣкъ влетѣло въ комнату. Бодянскій и я бросились на встрѣчу. Крыловъ исчезъ; по крайней мѣрѣ, оглянувшись, я не видалъ его уже въ первой комнатѣ и въ этотъ день не видалъ его болѣе. Я сказалъ, какъ можно громче, что требую для чести университета и студентовъ, чтобы они вышли изъ профессорской; въ отвѣтъ послышались какіе-то крики. Толпа прибывала; заставить себя выслушать не было никакой возможности, потому что задніе, не понимая остановки переднихъ, кричали и двигали переднихъ впередъ. Можно было говорить только съ передними, и то съ тѣми, которые стояли лицомъ къ лицу; толпа охватывала съ боковъ, но, остановленная неожиданными препятствіями, двигалась нерѣшительно, не выдаваясь слишкомъ впередъ, не бросаясь во вторую комнату, гдѣ былъ попечитель. Не знаю, что говорилъ Бодянскій, но я говорилъ тѣмъ, которые стояли передо мною, что это насиліе, что насиліе компрометируетъ самое лучшее дѣло; что въ эту минуту и этимъ поступкомъ они окончательно проигрываютъ общее студенческое дѣло, лишаютъ силы даже и самыя законныя требованія. Говорить со всѣми не было никакой возможности при дикихъ крикахъ и шумѣ. Важно было и то, что первый напоръ былъ сдержанъ; еще что я и Бодянскій, бывшіе

здѣсь пока единственными представителями профессорскаго сословія, не подверглись никакимъ оскорбленіямъ, хотя говорили рѣзкія слова. Мнѣ кто-то крикнулъ сзади, что профессора ни принимаютъ никакого участія въ молодежи. Я попросилъ сказавшему эти слова подойти ближе ко мнѣ, чтобы я могъ сказать ему прямо въ лицо, что это гнусная ложь. Никто не вышелъ и не отозвался. На слова: „Грановскій этого не сдѣлалъ бы на вашемъ мѣстѣ“, я отвѣчалъ: „можетъ быть, но только не изъ тѣхъ побужденій, какъ вы думаете, не изъ одобренія насилію. Грановскій былъ слишкомъ изящная и чистая натура, чтобы подходить такъ близко къ грязи, какъ подходимъ мы“. Наша борьба и отступленіе къ дверямъ второй комнаты длились болѣе получаса, и все-таки оттѣсненный къ самымъ дверямъ второй комнаты, я увидѣлъ, что ни одинъ изъ студентовъ еще не прорвался туда, и попечитель продолжалъ ходить и взадъ и впередъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Я сталъ въ дверяхъ и сказалъ студентамъ, не угодно ли кому-нибудь оттолкнуть меня. Въ это время подошелъ къ дверямъ попечитель и сталъ говорить самъ со студентами. Я отошелъ и сталъ подлѣ него. Попечитель повторилъ то же самое, что говорилъ депутатамъ и что говорилъ въ швейцарской. Онъ прибавилъ, что насиліемъ они ничего не возьмутъ, что онъ не въ правѣ и не хочетъ измѣнить университетскія правила. Такъ какъ попечитель стоялъ не въ самыхъ дверяхъ, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, студенты начали пробираться одинъ за другимъ во вторую комнату, и скоро мы были охвачены со всѣхъ сторонъ толпой и прижаты въ лѣвый уголъ комнаты между двумя окнами. Студенты, повидимому, добились своего, они держали въ своихъ рукахъ попечителя; но тутъ и высказалась вся нелѣпость положенія, въ которое они сами добровольно встали. Они разсчитывали очевидно на уступку съ его стороны. Разсчетъ оказался, однакожъ, невѣрнымъ. Попечитель, окруженный шумною толпой, занявшею обѣ комнаты, взмостившеюся на столъ и диванъ, оставался такъ же невозмутимо спокоенъ, какъ будто бы у себя въ кабинетѣ. Ни разу не возвысилъ онъ голоса, не позволилъ себѣ ни одного рѣзкаго, сколько-нибудь оскорбительнаго выраженія, но въ то же время не показалъ ни малѣйшаго желанія сдѣлать какую-нибудь хотя бы чисто формальную уступку требованіямъ, не только не обѣщалъ отмѣны постановленій, но даже и своего ходатайства объ отмѣнѣ этихъ новыхъ постановленій. Онъ даже не обращался къ толпѣ съ приказаніемъ или приглашеніемъ разойтись, онъ ждалъ, что могутъ сказать новаго студенты, и что они будутъ дѣлать.

Было уже два часа. Число осаждавшихъ увеличилось. Сквозь всю толпу пробились какъ-то проф. Дмитріевъ, читавшій IV-му курсу юристовъ, Баботъ, шедшій въ коммерческую академію и узнавшій о безпорядкахъ, и астрономъ Швейцеръ. Съ Баботомъ пришелъ также и правитель канцеляріи попечителя Красовскій. Студенты ясно видѣли, что запугать не удалось. Къ Дмитріеву обратились съ запросомъ: точно ли онъ называлъ студен-

товъ мальчишками. Дмитріевъ отвѣчалъ съ полною точностью и опредѣлительностью, что онъ не припомнитъ, называлъ ли ихъ такъ, не называлъ, вѣроятно, потому, что не случалось, но что въ настоящую минуту, болѣе чѣмъ когда нибудь, онъ такого мнѣнія объ ихъ поступкахъ. Пришлось удовлетвориться этимъ категорическимъ отвѣтомъ. Соглашеніе не удалось, а рѣшиться на какую-нибудь серьезную мѣру—не хватило духу.

Студенты къ этому не были приготовлены, этого не желали, и сверхъ того, понимали, что это ни къ чему не поведетъ, ничему не поможетъ. Притомъ самые задорные растерялись передъ твердостью попечителя. На другихъ эта смѣлость и спокойная стойкость произвела сильное дѣйствіе. Они поняли, что зашли слишкомъ далеко и что нужно отступить; но уйти, надѣлавши столько шуму изъ пустяковъ, уйти, не получивши даже самаго ничтожнаго обѣщанія, хоть бы мнимой уступки, было слишкомъ не по сердцу. Если бы еще генералъ-губернаторъ прислалъ военную силу, отступленіе было сколько-нибудь почетнѣе, сколько бы нибудь прикрывалось въ ихъ собственныхъ глазахъ необходимостью уступить превосходной силѣ. Но генералъ-губернаторъ не присылалъ никого на выручку попечителя. Въ той группѣ, съ которою говорилъ я, послышались голоса, что продолжать разговоръ безполезно, что съ обѣихъ сторонъ высказано уже все и нужно разойтись. Я всѣми силами старался поддержать это настроеніе, и толпа начала уже колебаться. Въ это время раздались голоса: полиція, полиціймейстеръ. Но вмѣсто полиціи явился одинъ оберъ-полиціймейстеръ графъ Крейцъ, который протискался сквозь толпу и сталъ подлѣ попечителя, не говоря впрочемъ ни слова, не обращаясь къ студентамъ съ требованіемъ разойтись. Студенты, хотѣвшіе уходить, теперь объявили, что они не могутъ этого сдѣлать, пока полиція не оставитъ университета. Напрасно я убѣждалъ ихъ, что они могутъ уйти, нисколько не уронивъ себя въ своихъ глазахъ, что они хотѣли разойтись еще прежде, что одинъ полиціймейстеръ безъ всякой вооруженной силы, вѣроятно, самъ не подумаетъ, что его появленіе разогнало студентовъ, что, наконецъ, онъ еще и не требовалъ, чтобы они разошлись, и, если они уйдутъ, это не будетъ значить, что они, отказываясь исполнить законныя требованія университетскаго начальства и профессоровъ, послушались немедленно перваго слова полицейской власти. Въ это время я услышалъ слова, обращенныя къ полиціймейстеру, что студенты пришли къ попечителю, какъ дѣти къ отцу, и голосъ Дмитріева, что это родство крайне сомнительно и родителю нечѣмъ особенно гордиться. Я подошелъ къ попечителю и засталъ еще конецъ рѣчи оратора, обращенной къ оберъ-полиціймейстеру. Онъ отъ имени студентовъ просилъ графа Крейца быть свидѣтелемъ передъ высшею властью, что онъ не видалъ безпорядковъ и былъ свидѣтелемъ только ихъ семейной бесѣды съ попечителемъ, который можетъ представить дѣло въ ложномъ свѣтѣ. Таковъ былъ смыслъ обращенія. Я не могъ слушать дальше, а бросился къ той группѣ, съ

которой говорилъ прежде. Я сказалъ имъ, что до сихъ поръ думалъ, что этотъ день ограничится одною позорною для университета сценой, появленіемъ полиціймейстера въ профессорской залѣ, но что я никогда бы не повѣрилъ, что университетъ будетъ доведенъ до такого полнаго посрамленія, до того, что студенты будутъ сами ставить полиціймейстера судьей университетскихъ вопросовъ и недоразумѣній, что я прошу ихъ припомнить слова, сказанныя отъ ихъ имени, чтобы потомъ, по крайней мѣрѣ, они не имѣли права возставать противъ рѣшенія, которое произнесетъ третейскій судья, ими же избранный. Послышался какой-то крикъ, и толпа тотчасъ оставила профессорскую комнату. Нѣсколько времени она стояла еще передъ крыльцомъ университета. Оберъ-полиціймейстеръ вышелъ. Мы стояли почти три часа въ духотѣ, измучены были этими жаркими объясненіями и первое время ходили, не говоря другъ съ другомъ. Когда мы, наконецъ, собрались у окна, чтобы посмотрѣть, что дѣлается на дворѣ, студентовъ тамъ уже не было... Кто-то подошелъ къ намъ, и, обернувшись, мы увидѣли ректора, который, разводя руками, сказалъ: „ну вотъ-съ, ваше превосходительство“. Можно было расходиться, потому что лучшаго знака, что буря кончилась, не могло быть. Поговоривъ нѣсколько минутъ, мы рѣшили, что завтра, въ виду повторенія подобныхъ сценъ, надобно держаться такъ же, какъ держались въ этотъ день, потому что матеріальной силы не было у университета, чтобы предупредить повтореніе того, что было сегодня.

ОЧЕРКЪ

ЦАРСТВОВАНІЯ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

I.

Не прошло еще полныхъ 17 лѣтъ съ кончины Петра Великаго, а между тѣмъ, со вступленіемъ на престолъ его дочери, уже въ шестой разъ измѣнилось правленіе. За исключеніемъ развѣ вступленія на престолъ Петра II, каждая перемѣна носила на себѣ характеръ случайности и произвола, предшествовалась или сопровождалась обстоятельствами, лучше всего доказывавшими, повидимому, что только желѣзная рука преобразователя могла вести Россію по назначенному имъ пути. Лучшія его начинанія оставались безъ исполненія; его планы подвергались измѣненіямъ иногда въ смыслѣ совершенно противномъ. Произволъ и случайность были не только въ престолонаслѣдіи; еще съ большею ясностію они отражались въ политикѣ внѣшней и въ дѣлахъ внутреннихъ. Въ Полномъ Собраніи Законовъ мы находимъ 3,830 указовъ въ періодъ времени отъ смерти Петра до вступленія Елизаветы, 800-ми больше, нежели во все царствованіе великаго преобразователя, и напрасно, однако, мы будемъ искать въ этой огромной массѣ правительственныхъ распоряженій какого-нибудь общаго плана, какого-нибудь господствующаго направленія.

Не только съ перемѣною лица царствующаго мѣнялась и система управленія; она мѣнялась нѣсколько разъ въ одно и то же правленіе или, лучше сказать, ея вовсе не было. И при Петрѣ Великомъ былъ широкій просторъ личности, но тогда надъ этими личными стремленіями царили желѣзная воля и свѣтлый умъ, направлявшіе ихъ къ одной высшей цѣли, сдерживавшіе ихъ въ извѣстныхъ предѣлахъ. Со смертію Петра спали эти узы, и частнымъ интересамъ, личной отвагѣ и замысламъ открылось полное раздолье. Знаменитое постановленіе Петра, уничтожавшее въ видахъ государственнаго блага обычный порядокъ престолонаслѣдія, уничтожило и послѣднія преграды для произвола. Съ тѣхъ поръ до самой Екатерины Великой русская исторія сводится къ исторіи частныхъ лицъ, отважныхъ или хитрыхъ временщиковъ, къ исторіи борьбы извѣстныхъ партій, придворныхъ интригъ и трагическихъ катастрофъ. Намъ не нужно, впрочемъ, обращаться къ византійской исторіи, чтобы

искать тамъ аналогическихъ явленій. Западная Европа XVIII столѣтія переживала, подобно Россіи, тяжелый періодъ господства частныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ. Въ этомъ отношеніи Россія составляетъ исключеніе развѣ въ томъ только, что ей посчастливилось уйти отъ страшнаго переворота, который разразился надъ западною Европой въ концѣ XVIII вѣка и котораго отзывы дошли, впрочемъ, и до нашего отечества. Только съ Екатериной Великой мы встрѣчаемъ опять одно господствующее направленіе, одну руководящую волю, которой не видно было съ самой кончины Петра Великаго. Зато Россія была сборнымъ мѣстомъ для талантливыхъ или просто ловкихъ иностранцевъ, которымъ на ихъ родинѣ не давали ходу общественныя условія, политическія обстоятельства, которые здѣсь, какъ англосаксонскіе поселенцы на дѣвственной почвѣ Америки, находили и кипучую дѣятельность, и почести, и богатство въ случаѣ удачи. Зато надъ уровнемъ, подъ которымъ лежала инертная масса русскаго народа, со времени Петровой реформы привыкшаго видѣть быстрыя превращенія и потому равнодушно и безучастно на нихъ смотрѣвшаго, надъ этимъ уровнемъ разыгрывались самыя разнообразныя сцены. Невольно приходятъ на память слова Кирилла Разумовскаго, когда Платонъ, впослѣдствіи славный митрополитъ московскій, во время проповѣди сошелъ съ амвона и, подойдя къ гробницѣ Петра Великаго, вызывалъ его встать и взглянуть на его Россію: — „Чого винъ его кличе, сказалъ Разумовскій окружающимъ: — якъ встане, такъ всѣмъ достанется“. А между тѣмъ тогда праздновалась побѣда русскаго флота въ Архипелагѣ и Россіей правила Екатерина Великая. Ни одно столѣтіе не представляетъ такихъ быстрыхъ переходовъ, такихъ поразительныхъ контрастовъ, какъ XVIII вѣкъ, и это характеръ не одной первой его половины, но всего столѣтія. Реформы Петра вдвинули Россію въ кругъ европейскихъ державъ и настежъ отворили дверь чужеземному вліянію. Новые обычаи, нравы, привычки, языкъ европейскихъ народовъ втѣснились въ высшее сословіе, проникали и глубже. Новыя потребности были возбуждены, а между тѣмъ старый бытъ съ своими условіями еще глубоко коренился въ обществѣ. Вся масса низшихъ слоевъ народонаселенія, покорившаяся, послѣ нѣсколькихъ попытокъ отстоять старину, волѣ преобразователя, тѣмъ не менѣе осталась при своемъ. Не принимая участія въ политической жизни, смотря равнодушно на перемѣны властителей, она представляла страдательное, но тѣмъ не менѣе упорное сопротивленіе новому духу, внесенному Петромъ. Формы древняго быта исключительно господствовали не только въ земледѣльческомъ населеніи, какъ онѣ господствуютъ и теперь даже: онѣ сохранили свою власть и надъ значительною, чтобы не сказать большею, частію городскаго сословія и низшаго и даже высшаго дворянства. Нравы и обычаи Домостроя сталкивались и не мѣшали европейской внѣшности. Разсказъ леди Рондо о поступкѣ русскихъ знатныхъ дамъ съ французскимъ любезникомъ хорошо

характеризуетъ нравы высшаго общества [1]). Борьба новаго начала съ до-петровскою стариной была упорна и продолжительна. Оттого при блестящемъ дворѣ императрицы Анны, поразившемъ французскихъ плѣнныхъ офицеровъ своимъ великолѣпіемъ, европейскими манерами и вѣжливостью, мы находимъ въ числѣ шутовъ князя Голицына, записаннаго въ эту должность за принятіе католицизма. Почти въ то же время, когда въ тайной канцеляріи истязали архіепископа Θеофилакта Лопатинскаго за сочиненіе книги въ защиту „Камня Вѣры“ Яворскаго, въ Петербургѣ публично жгли на площади флотскаго капитанъ-лейтенанта Возницина за отступничество отъ христіанской вѣры (П. С. З. 7,612). Вельможа Екатерины [2]) падалъ въ обморокъ, когда читалъ слѣдственное дѣло Волынскаго. Основана академія и вызваны знаменитые европейскіе ученые, а профессоръ считался поставщикомъ одъ на случаи, обязанъ былъ устраивать фейерверки и маскарады и подвергался всевозможнымъ оскорбленіямъ. Въ царствованіе Елизаветы, отмѣнившей смертную казнь и давшей обѣтъ не проливать крови подданныхъ, на площади, рукой палача, были биты кнутомъ двѣ знатнѣйшія придворныя дамы и вырѣзаны языки имъ, а третью высѣкли плетьми тотчасъ, какъ она оправилась отъ беременности. Царственная рука пишетъ наказъ, гдѣ высказаны начала, достойныя общества на самой высшей степени гражданскаго развитія, идеи передовыхъ людей западной Европы, еще и тамъ не признанныхъ большинствомъ и правительствами, а въ то же время закрѣпляется Малороссія. Чтó сказать о быстрыхъ возвышеніяхъ изъ ничтожества на самую вершину почестей и значенія и о столь же быстрыхъ паденіяхъ? Достаточно нѣсколько формулярныхъ списковъ, сухихъ перечней производства, чтобъ убѣдиться, что эта эпоха, съ своимъ характеромъ, не походящимъ на характеръ другихъ эпохъ, есть эпоха перехода, броженія, гдѣ

---

1) „Здѣсь есть молодой человѣкъ, модникъ, путешествовавшій во Францію, и проч. Возвратившись домой, онъ встрѣтилъ трехъ или четырехъ красавицъ въ домѣ своего знакомаго, гдѣ онъ танцовалъ, пѣлъ, смѣялся, былъ свободенъ съ дамами à la mode de Paris. Показавъ опыты своей ловкости, онъ началъ хвастать, что успѣлъ возбудить къ себѣ любовь въ каждой изъ красавицъ и это дошло до ушей de Messieurs maris (ибо онѣ были замужнія): мужья долго смотрѣли, не зная, на что рѣшиться; наконецъ, высказали прямо своимъ женамъ, что они ими очень недовольны. Дамы пожелали, чтобъ имъ позволено было привести съ собою этого господина къ своимъ мужьямъ. Всѣ эти четы условились, чтобъ одна изъ нихъ пригласила его на ужинъ къ себѣ въ домъ, не объявляя, что съ нимъ еще будетъ. Онъ полетѣлъ на крыльяхъ любви на свиданіе и его приняли, какъ нельзя лучше, но въ минуту его высочайшихъ надеждъ хозяйка начинаетъ его упрекать за рѣчи, которыя онъ говорилъ. Онъ запирался; но къ нимъ входятъ другія дамы съ своими мужьями, свидѣтелями его вины, и обличаютъ его совершенно. Мужья произнесли приговоръ, чтобы жены его высѣкли. Одни говорятъ, что онѣ, въ самомъ дѣлѣ, это сдѣлали, другіе, что онѣ препоручили экзекуцію своимъ дѣвкамъ“. *Письма леди Рондо*. (Пер. М. К. ст. 38—39).

2) Н. И. Панинъ.

на каждомъ шагу сталкиваются и перекрещиваются самыя противоположныя явленія, эпоха, въ которую, если одна большая часть народонаселенія осталась въ своемъ косномъ покоѣ, въ своей неподвижности, зато другіе, высшіе слои взволнованы, такъ-сказать, до самаго основанія, и событія то выносятъ на верхъ, то также быстро погружаютъ въ ничтожество людей, имѣвшихъ счастіе или несчастіе попасть въ водоворотъ ихъ. То было время внѣшняго блеска и славы Россіи, славы, купленной настоящею цѣной, время тяжелой, грустной борьбы съ внутренними злоупотребленіями, съ закоснѣлымъ невѣжествомъ, съ азіатскими нравами.

Люди этого времени носятъ на себѣ особый характеръ. Несмотря на безконечное разнообразіе характеровъ, нравственныхъ качествъ, направленій и образованности, на всѣхъ нихъ лежитъ одинаковая печать. Событія воспитывали ихъ всѣхъ въ одной школѣ.

Старинныя формы быта, гдѣ каждому происхожденіемъ указывалось его мѣсто въ обществѣ, гдѣ извѣстные роды назначались къ боярству, а другіе къ окольничеству и т. д. [1]), рухнули безъ возврата. Безродный казакъ становился на ступеняхъ трона (Разумовскій); сынъ пастора (Остерманъ), бѣглый студентъ, клалъ по своему произволу тяжесть Россіи въ ту или другую чашу европейскаго равновѣсія; презрѣнный разночинецъ (Биронъ), котораго курляндское дворянство отказалось занести въ свои списки, сдѣлался герцогомъ и почти самовластнымъ повелителемъ огромной имперіи. На добро или зло передъ каждымъ раскрывался безграничный просторъ, полный разгулъ страстямъ и надеждамъ. Но человѣкъ безъ крѣпкаго закала воли, безъ мужества и рѣшимости въ сердцѣ остановился бы на первыхъ шагахъ этого поприща. Слабымъ не было тутъ мѣста. Каждая сторона, добрая или злая, высказывалась со всею энергіей. Въ дѣйствіи были титаническія силы. Такое явленіе, какъ Бецкій — явленіе исключительное и возможное только при Екатеринѣ. Нѣжныхъ, деликатныхъ организацій не найдете вы въ это время. Бо̀льшая часть историческихъ лицъ отличается какою-то удалью, жаждой наслажденій, незнаніемъ мѣры ни въ добрѣ, ни въ злѣ. Въ самыхъ развитыхъ натурахъ, въ лучшихъ людяхъ этого времени замѣтна грубость. Какъ языкъ еще не выдѣлился, не освобо̀дился отъ своей церковно-славянской основы, съ трудомъ прилаживался къ чуждымъ для него формамъ европейской поэзіи и еще болѣе чуждому содержанію, какъ въ эротическихъ пѣсняхъ Анакреона, переведенныхъ Ломоносовымъ и даже Державинымъ, отражалась еще жестокость и грубость, точно такъ же характеры дѣйствующихъ лицъ еще хранили на себѣ рѣзкіе слѣды стараго быта. Даже тѣ изъ дѣятелей, которые, повидимому, безъ раздѣла предались новому европейскому направленію, для которыхъ Петръ и его реформа были предметомъ восторженнаго поклоненія, и на тѣхъ борьба съ отжившимъ,

---

[1]) *Котошихинъ:* „О Россіи" гл. II, стр. 1, 2, 3.

отвергаемымъ или былымъ положила неизгладимую печать. Взгляните на Ломоносова, лучшаго, благороднѣйшаго бойца новаго направленія, достойнаго продолжателя Петровыхъ начинаній. Какая могучая сила, но вмѣстѣ съ тѣмъ какая жестокость характера, мало еще смягченнаго образованіемъ. Странно звучитъ въ его устахъ нѣжная пѣсня греческаго лирика. Онъ въ своей сферѣ — только за химическими опытами, за изслѣдованіями законовъ природы и математическими выкладками; туда обращены всѣ его симпатіи, гдѣ нуженъ одинъ умъ; поэтъ же онъ по обязанности, и только на имя Петра откликается онъ поэтическимъ восторгомъ, да негодованіе на поборниковъ безсмысленной обрядности вырываетъ у него нѣсколько ѣдкихъ стиховъ. Всѣ знаютъ изъ разсказовъ Штелина его страшную физическую силу, его недостойную слабость къ вину, его грубыя, иногда циническія перебранки съ литературными врагами. Ломоносовъ — лучшій представитель тѣхъ суровыхъ поколѣній, которыя воспитывались среди шумной работы Петрова преобразованія, которыя выдвинуты были впередъ этимъ хаотическимъ броженіемъ, изъ котораго должна была возникнуть новая Россія. Другимъ представителемъ XVIII в. является Потемкинъ, натура геніальная, но загадочная, окруженная какимъ-то ореоломъ чудесности, какъ загадочно и исполнено чудесъ было и самое время, среди котораго жилъ и дѣйствовалъ любимецъ Екатерины. Личность Потемкина до сихъ поръ еще не ясно обозначилась предъ глазами историка; его многосторонняя дѣятельность до сихъ поръ еще вполнѣ не приведена въ извѣстность, не оцѣнена надлежащимъ образомъ. Позднѣйшаго историка точно такъ же, какъ и современниковъ, прежде всего поражаетъ соединеніе самыхъ противоположныхъ свойствъ, такъ хорошо схваченныхъ и изображенныхъ Сегюромъ, амальгама азіатскаго съ европейскимъ, грубости нравовъ и изысканности версальскаго придворнаго, небывалаго великолѣпія съ крайнею простотой жизни, колоссальныхъ замысловъ, которые такъ же скоро начинались приводиться въ исполненіе, какъ и бросались. Мѣтко замѣчаніе Сегюра, что только въ Россіи и въ это время возможно подобное явленіе. Но для насъ имѣетъ глубокій смыслъ та внезапно приходившая, повидимому, безотчетная и безпричинная тоска, которая иногда надолго овладѣвала Потемкинымъ, заставляла его по цѣлымъ недѣлямъ сидѣть молча, не выходя изъ комнаты, или равнодушно стоять подъ свистомъ ядеръ и мечтать о монастырской кельѣ среди самыхъ блестящихъ успѣховъ. Однимъ пресыщеніемъ, дешево достававшимися наслажденіями объяснить этого нельзя. Это была скорѣе та тоска, которую долженъ былъ чувствовать дѣятель, у котораго не было твердой почвы подъ ногами, для котораго разорваны были всѣ связи съ прошедшимъ, который оставался одинъ, безъ историческихъ преданій, безъ вѣры въ будущее, потому что на его же глазахъ совершилось столько измѣненій, а, главное, безъ яснаго сознанія потребностей настоящаго, безъ прочныхъ, окончательно выработавшихся убѣжденій, на которыхъ онъ

могъ бы основать свою дѣятельность, которыя могли дать цѣль для всей жизни. Оттого-то эти быстрые переходы отъ лихорадочной дѣятельности, отъ колоссальныхъ замысловъ къ апатіи и безотрадному упадку нравственныхъ силъ. Онъ дѣйствовалъ, руководясь благородными инстинктами, угадывая иногда тонкимъ чутьемъ потребности времени и народа. Ему недоставало яснаго сознанія, безъ котораго остается безпомощнымъ и внутренно несостоятельнымъ историческій дѣятель; и тосковалъ и мучился Потемкинъ этою внутреннею несостоятельностью, этою пустотой, которую не могло наполнить его необыкновенное счастіе.

У дѣятелей XVIII вѣка не было твердой почвы подъ ногами, не было историческихъ преданій. Нравы мѣнялись едва ли не съ каждымъ царствованіемъ. Вельможа Елизаветы уже отличался отъ придворнаго Анны Іоанновны. Поколѣнія, выросшія или возмужавшія при Екатеринѣ, не имѣли ничего общаго съ поколѣніями первой половины XVIII столѣтія. На что могли сознательно опереться государственные дѣятели? На реформу Петра Великаго. Но смыслъ этой реформы былъ унесенъ въ могилу ея виновникомъ. Къ какой конечной цѣли хотѣлъ онъ вести народъ свой, какую форму общественнаго строя хотѣлъ дать онъ ему, было непонятно даже для близкихъ исполнителей его воли. Оттого такое поразительное явленіе, какъ предложеніе ввести шведскій образъ правленія тотчасъ послѣ того, какъ закрылъ глаза государь до того самодержавный, что не задумался наложить руку на самую почти основу самодержавія, на порядокъ престолонаслѣдія. Оттого такое броженіе ощупью и на удачу въ дѣлахъ внутренняго устройства, не смотря на то, что власть находилась еще въ рукахъ людей, Петромъ воспитанныхъ и близко къ нему стоявшихъ. Одно было ясно въ реформѣ Петра, это — отношеніе Россіи къ другимъ державамъ, и потому-то въ дѣлахъ внѣшней политики, несмотря на частыя перемѣны правленія, на внутренніе перевороты, мы всего болѣе видимъ и единства, и вѣрности первоначальнымъ планамъ Петра Великаго. Что бы ни происходило внутри государства, а Россія все тѣснѣе связывала судьбу свою съ судьбою Европы, постоянно увеличивала свое участіе въ дѣлахъ ея и усиливала свое европейское значеніе. Смыслъ реформы начинаетъ снова открываться только при Екатеринѣ II, и можно смѣло сказать, что прямою законною наслѣдницей великаго преобразователя, наслѣдницей по духу, если не по плоти, была Екатерина Великая. Промежуточный періодъ былъ какимъ-то междуцарствіемъ. Но Екатерина начала дѣло совсѣмъ инымъ путемъ: вмѣсто практической, прямо приложимой пользы, вмѣсто непосредственно получаемыхъ, осязательныхъ результатовъ, она искала идеаловъ. Доказательствомъ этому можетъ служить знаменитый Наказъ. Можно ли было приложить его къ дѣйствительности? Прилагали ли его? Нѣтъ! Да иначе и не могло быть. Нѣкоторыя положенія Наказа неприложимы даже къ настоящему нашему общественному устройству. Многія формы до сихъ поръ еще ждутъ своего

содержанія. Вотъ отчего для тѣхъ, кто искалъ не только удовлетворенія личнымъ своимъ интересамъ, или кто, подобно Потемкину, не могъ уже ничего желать для себя лично, кто, слѣдовательно, если хотѣлъ дѣйствовать, долженъ былъ дѣйствовать для общества, были естественны и неминуемы минуты нравственнаго ослабленія, минуты душевной тоски. Исторія XVIII столѣтія въ Россіи — славная и печальная исторія.

XVIII вѣкъ небезполезно прошелъ для насъ. Дѣти XIX столѣтія, мы напрасно съ дѣтскимъ небреженіемъ, легкомысленно оставляемъ въ забвеніи труды нашихъ предшественниковъ. Исторія прошлаго вѣка еще ждетъ своихъ дѣятелей. Другія эпохи уже разработаны съ большею добросовѣстностію, между тѣмъ какъ ближайшая къ намъ по времени представляетъ еще массу сырыхъ матеріаловъ, не разработанныхъ критически, не сведенныхъ, не провѣренныхъ одинъ другимъ. Бо́льшая часть изъ нихъ еще не собраны и не изданы, и не изданные остаются забытыми. Современность слишкомъ увлекла насъ, заставила закрыть глаза на предшествующую эпоху. За незаслуженными, преувеличенными похвалами, которыми чтились имена писателей прошлаго вѣка, послѣдовало не менѣе незаслуженное презрѣніе, и дѣтское преклоненіе передъ авторитетами замѣнилось столь же дѣтскимъ смѣхомъ надъ ними. Съ одной стороны это понятно. Людямъ, возросшимъ на стилѣ Карамзина, Пушкина, Гоголя, тяжело перечитывать тяжелые стихи Сумарокова или труды еще менѣе даровитыхъ писателей, оцѣнить великую заслугу Татищева или признать нѣкоторое достоинство въ исторіи князя Щербатова. Съ другой стороны, послѣ царствованія Александра тяжело переноситься мыслью, напримѣръ, въ царствованіе Анны Іоанновны. Намъ какъ-то тяжело признать въ себѣ кровное родство съ людьми XVIII вѣка, сознаться, что нашею современностію мы одолжены имъ. Только очень недавно начали заниматься исторіей внутренняго развитія общества въ прошломъ столѣтіи, безъ предубѣжденій отдавать справедливость тогдашнимъ дѣятелямъ; но до сихъ поръ большинство ихъ еще ждетъ своихъ біографовъ и, хотя строгой, но правдивой оцѣнки ихъ трудовъ. Приведемъ доказательства. По преданію, еще оставшемуся отъ XVIII столѣтія, мы съ благоговѣніемъ преклоняемся предъ Наказомъ императрицы Екатерины. И что́ же? Только въ самое послѣднее время начальство Имп. публичной библіотеки привело въ извѣстность его изданія и переводы. Настоящаго ученаго изданія „Наказа“ у насъ еще нѣтъ. Отношеніе его къ современнымъ ему философскимъ и соціальнымъ теоріямъ, преимущественно французской школы, не показано. Вліяніе его на послѣдующее законодательство, на внутреннее устройство еще не обозначено даже въ самыхъ главныхъ общихъ чертахъ. Всѣ мы знаемъ „Наказъ“ по слуху: многіе ли читали его? Возьмемъ другой примѣръ. Что́ есть у насъ о переводной литературѣ XVIII вѣка? А между тѣмъ эта литература огромная и имѣвшая сильное вліяніе, какого она, напротивъ, теперь уже не имѣетъ. На ней

образовались и выросли цѣлыя поколѣнія, которыхъ дѣятельность принадлежитъ уже нашему столѣтію. Не было почти ни одного замѣчательнаго произведенія современной европейской литературы, въ какомъ бы родѣ оно ни было, которое бы тотчасъ не переводилось и не читалось съ жадностію. Почти всѣ древніе писатели были распространены въ нашей публикѣ въ русскихъ переводахъ, чѣмъ не можетъ похвалиться наше время, несмотря на то, что изученіе древнихъ языковъ было тогда, быть можетъ, болѣе распространено. Старой журналистикой стали заниматься только въ недавнее время, когда уже даже среди сокровищъ Имп. публ. библ. нельзя отыскать нѣкоторыхъ журналовъ. Когда хватятся за мистическое направленіе, занимавшее такое важное мѣсто въ литературѣ и жизни XVIII вѣка, большая часть памятниковъ этого направленія будетъ, можетъ быть, уже затеряна безъ возврата. Само Полное Собраніе Законовъ похоже на хорошо устроенный архивъ, въ который заглядываютъ не очень многіе. Правда, есть причины, до нѣкоторой степени объясняющія отсутствіе научной разработки этого времени. Оно слишкомъ близко къ намъ и не всѣхъ явленій позволено касаться историку; но многія могли бы быть свободно объяснены, а между тѣмъ остаются въ полусвѣтѣ. Притомъ то, что̀ въ настоящемъ положеніи не можетъ еще быть вполнѣ раскрыто передъ свѣтомъ, могло бы быть собираемо какъ матеріалъ для будущихъ, болѣе насъ счастливыхъ историковъ.

Исторія XVIII столѣтія не заслуживаетъ такого умышленнаго или неумышленнаго пренебреженія. Не говоря уже о блестящей, вполнѣ извѣстной сторонѣ этого столѣтія, объ европейскомъ значеніи Россіи, о блестящей, вполнѣ заслуженной славѣ русскаго оружія, объ огромныхъ успѣхахъ, добытыхъ честно мечемъ или взятыхъ хитрою политикой, темными сдѣлками съ сосѣдями, одна внутренняя сторона этой исторіи, исторія общественнаго развитія, заключаетъ въ себѣ много такого, что̀ съ неодолимою силой приковываетъ къ себѣ вниманіе каждаго мыслящаго человѣка. Дѣйствія правительства, несмотря на частыя колебанія, на отсутствіе опредѣленнаго плана, слѣдствіе отсутствія сознанія настоящихъ потребностей общества и трудностей, представляемыхъ громадностію и разноплеменностію имперіи, не остались, однако же, безъ благотворнаго вліянія. При Екатеринѣ Великой правительство заняло подобающее ему мѣсто въ челѣ народа, вошло въ свою законную роль быть вождемъ народа къ просвѣщенію, проводникомъ свѣта. Среди своекорыстныхъ политическихъ дѣятелей являются натуры благородныя въ полномъ смыслѣ этого слова, съ самоотверженіемъ трудившіяся на пользу своей родины. Достаточно указать на Ив. Ив. Шувалова въ царствованіе Елизаветы, на Бецкаго при Екатеринѣ. Память ихъ, чистая отъ всѣхъ нареканій, должна быть священна для каждаго Русскаго. Забудемъ ли труды частныхъ лицъ, иногда безвѣстно, дѣятельно помогавшихъ правительству въ дѣлѣ народнаго воспитанія, въ борьбѣ съ внутреннимъ безпорядкомъ и

темнымъ невѣжествомъ, въ защитѣ реформы, карая съ одной стороны тупоумное, слѣпое пристрастіе къ старинѣ и невѣжественной патріархальности, съ другой безсмысленное, поверхностное подражаніе всему чужеземному? Съ Кантемира не умолкалъ на Руси этотъ голосъ честнаго негодованія противъ аномалій современности. Въ сатирическихъ журналахъ, въ комедіи и баснѣ, въ самой лирикѣ безпощадно выводилъ онъ наружу темныя стороны общественной жизни. Въ сатирѣ XVIII вѣка не слышно еще того задушевнаго, добродушнаго смѣха, съ которымъ выступилъ великій сатирикъ нашего времени. Сатира прошлаго вѣка груба и ядовита. Суровы и порой цинически грязны ея даже легкія произведенія, но не забудемъ, что тогда шла ожесточенная борьба, рѣшался вопросъ: быть или не быть? и намъ понятно станетъ это ожесточеніе. Другіе дѣятели шли другимъ путемъ; они облегчали болѣе основательное знакомство съ западною цивилизаціей. Переводами на языкъ, чтеніе котораго невольно вызываетъ теперь улыбку, передавали они все, что было лучшаго у другихъ народовъ, часто безъ выбора, безъ исканія извѣстности, дѣйствуя по внутреннему побужденію, для удовлетворенія внутренней потребности. Болотовъ, переводящій нѣмецкое сочиненіе въ лагерѣ наканунѣ битвы, безъ мысли объ изданіи — лучшій представитель этихъ благородныхъ тружениковъ, которыхъ имена остаются по большей части неизвѣстными, а труды, если и продаются, такъ на вѣсъ. Совокупнымъ вліяніемъ правительства и частныхъ лицъ образовалась та новая порода отцовъ и матерей, необходимость которой доказывалъ Бецкій въ своемъ знаменитомъ докладѣ императрицѣ Екатеринѣ, и которая внесла въ общественную и частную дѣятельность новое направленіе. Среди грома русскаго оружія воспиталось гордое сознаніе своего народнаго достоинства, своего права на вступленіе въ семью европейскихъ народовъ лицомъ полноправнымъ и равнымъ; и если только въ XIX столѣтіи раздалась впервые лира народнаго русскаго поэта, не забудемъ, что для того и другого почва была приготовлена въ XVIII вѣкѣ, и сохранимъ благодарную память о тѣхъ, кто тяжелымъ, иногда неблагодарнымъ трудомъ доставилъ намъ возможность, не отказываясь отъ почетнаго имени Европейца, съ гордостью называть себя Русскимъ.

Въ запискахъ кн. Як. П. Шаховскаго (I, 70) находимъ въ высшей степени любопытныя подробности о первыхъ дняхъ, слѣдовавшихъ за вступленіемъ на престолъ Елизаветы. Еще наканунѣ (24 ноября) пробылъ онъ весь день на именинахъ супруги кабинетъ-министра гр. Мих. Гавр. Головкина, пользовавшагося особеннымъ довѣріемъ правительницы. Всѣ комнаты, за исключеніемъ той, гдѣ лежалъ страдавшій подагрой хозяинъ, съ утра до ночи были наполнены знатными посѣтителями и иностранными министрами. Только въ 1-мъ часу ночи разъѣхались гости, и Шаховской, домашній человѣкъ въ домѣ министра, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ попавшій по его милости въ сенатъ, воротился домой „во всякомъ удо-

вольствіи и пріятномъ размышленіи о своихъ поведеніяхъ, что я уже господинъ сенаторъ, между стариками въ первѣйшихъ чинахъ находящимися обращаюсь, и будучи такого многомощнаго министра любимецъ, день отъ дня лучшія приемности себѣ ожидать и притомъ ласкать себя могу надолго счастливымъ". Едва только заснулъ Шаховской, какъ стукъ въ ставни и голосъ сенатскаго экзекутора разбудили его. Ему кричали, чтобъ онъ ѣхалъ въ цесаревнинъ дворецъ, потому что она изволила принять престолъ россійскаго правленія. Улицы были полны народомъ, несмотря на темную и морозную ночь. Полки гвардіи, разсказываетъ Шаховской, стояли подъ ружьемъ на ближайшихъ ко дворцу улицахъ. Разложены были огни; солдаты пили вино. Въ воздухѣ раздавались восклицанія: „Здравствуй наша матушка, императрица Елизавета Петровна!" Карета Шаховскаго не могла проѣхать за тѣснотой. Пѣшкомъ дошелъ онъ до дворца и протѣснился въ комнаты. Встрѣтивъ сенатора кн. Алек. Дмит. Голицына, онъ хотѣлъ было узнать, какъ это сдѣлалось, но тотъ зналъ не больше его. Только въ третьей комнатѣ, камергеръ Петръ Ивановичъ Шуваловъ, одинъ изъ участниковъ, разсказалъ имъ наскоро главныя обстоятельства. Среди растерянныхъ, ошеломленныхъ нечаяннымъ переворотомъ придворныхъ и сановниковъ гордо и весело расхаживали его участники. Генералъ-аншефъ Вас. Ѳед. Салтыковъ, много послужившій дѣлу съ своей супругой Марьей Алексѣевной, подошелъ къ Шаховскому и Голицыну, и, ухватя перваго за руку, со смѣхомъ сказалъ: „Вотъ сенаторы стоятъ", и на отвѣтъ Шаховскаго: „Сенаторы, сударь", съ хохотомъ закричалъ: „Чтò теперь скажете, сенаторы?" Скоро вышла изъ внутреннихъ покоевъ Елизавета и приняла отъ собравшихся поздравленіе. Всѣмъ велѣно было отправиться въ Зимній Дворецъ. Пришлось пробираться пѣшкомъ сквозь толпы солдатъ и народа. Новая императрица ѣхала въ открытой линейкѣ, окруженная гренадерами, возведшими ее на престолъ. Въ придворной церкви Зимняго Дворца началась присяга. Утромъ въ тотъ же день вышелъ первый манифестъ о вступленіи на престолъ и разослана изъ сената форма присяги. Въ манифестѣ (№ 8,473 П. С. З.) сказано было: „Какъ то всѣмъ уже чрезъ выданный въ прошломъ 1740 году въ октябрѣ мѣсяцѣ 5-го числа манифестъ извѣстно есть, что блаженныя памяти отъ великой государыни императрицы Анны Іоанновны, при кончинѣ ея, наслѣдникомъ Всероссійскаго престола учиненъ внукъ ея величества, которому тогда еще отъ рожденія нѣсколько мѣсяцевъ только было, и для такого его младенчества правленіе государственное чрезъ разныя персоны и разными образы происходило, отъ чего уже, какъ внѣшніе такъ и внутрь государства безпокойства и непорядки, и слѣдовательно, не малое же разореніе всему государству послѣдовало бъ; *того ради, всѣ наши, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чиновъ вѣрные подданные*, а особливо лейбъ-гвардій наши полки, всеподданнѣйше и *единогласно* насъ просили, дабы мы, яко по крови ближняя, отеческой нашъ

престолъ всемилостивѣйше воспріять соизволили“ и т. д. Ни слова о незаконности назначенія Іоанна императоромъ, о старомъ правѣ Елизаветы на престолъ. Очевидно, составители манифеста еще не были увѣрены въ окончательномъ торжествѣ, не знали, какой оборотъ примутъ дѣла, и не смѣли высказаться вполнѣ. Мы знаемъ, что, воротившись изъ ночнаго предпріятія въ свой дворецъ, Елизавета показалась войскамъ съ младенцемъ Іоанномъ на рукахъ, покрывая его поцѣлуями; знаемъ также, что два дня возведшіе Елизавету на престолъ гренадеры безвыходно находились въ дворцовыхъ залахъ съ заряженными ружьями. Второй манифестъ, вышедшій 28-го ноября (№ 8, 476), написанъ уже въ другомъ духѣ. Здѣсь права Елизаветы на престолъ основываются на духовной императрицы Екатерины I, первымъ пунктомъ которой назначенъ былъ наслѣдникомъ престола Петръ II, а въ 8-мъ пунктѣ было сказано: „Ежели великій князь безъ наслѣдниковъ преставится, то имѣетъ по немъ цесаревна Анна съ своими десцендентами, по ней цесаревна Елизавета и ея десценденты, и потомъ великая княжна и ея десценденты наслѣдствовать; однакоже мужеска пола наслѣдники предъ женскимъ предпочтены быть имѣютъ“, и т. д. „И такъ, слѣдовательно — продолжаетъ манифестъ — по тому ея императорскаго величества матери нашей государыни тестаменту, какъ то выше изображено, мы еще тогда жь, какъ скоро, по волѣ Всемогущаго Бога, императоръ Петръ II, сію временную на вѣчную жизнь премѣнилъ, уже законною наслѣдницею нашего отеческаго Всероссійскаго престола безъ изъятія были“. Составители, приводя 8-й пунктъ духовной Екатерины, въ доказательство правъ Елизаветы, забыли, что по ней все право принадлежитъ сыну цесаревны Анны и Герцога Голштинскаго, именно впослѣдствіи царствовавшему Петру III, родившемуся въ 1728 г., слѣдовательно, еще при жизни Петра II. Далѣе сказано въ манифестѣ, что, по кончинѣ Петра II, духовная Екатерины была скрыта гр. Остерманомъ, что его же происками избрана помимо Елизаветы Анна Іоанновна; что онъ же, Остерманъ, во время болѣзни императрицы, сочинилъ опредѣленіе о назначеніи наслѣдникомъ малолѣтняго Іоанна („никакой уже ко Всероссійскому престолу принадлежащей претензіи, линіи и права не имѣющаго“); что потомъ Остерманъ, Минихъ и гр. Головкинъ взяли правительство имперіи въ свои руки подъ именемъ принцессы Анны, которая не устыдилась принять титулъ („ни мало ей подлежащій“) великой княгини Всероссійской; что, далѣе, Остерманъ и Головкинъ, съ согласія принцессы и ея супруга, составили опредѣленіе о конечномъ отрѣшеніи Елизаветы отъ наслѣдія и о провозглашеніи принцессы Анны Леопольдовны императрицей; что, наконецъ, „по всеподданнѣйшемъ всѣхъ вѣрноподданныхъ, а наипаче и особливо лейбъ-гвардіи полковъ прошеніи, Елизавета воспріять изволила престолъ“. Въ концѣ манифеста объявлено, что принцесса Анна съ супругомъ и семействомъ, „съ надлежащею имъ честію и съ достойнымъ удовольствіемъ, предавъ ихъ вышеизъясненные

разные предосудительные поступки крайнему забвенію“, будутъ всемилостивѣйше отправлены въ ихъ отечество.

Награды участникамъ въ переворотѣ и судѣ надъ арестованными сановниками заняли первое время царствованія Елизаветы. Нѣсколько дней происходили совѣщанія, и слѣдствіемъ ихъ былъ именной указъ декабря 12-го, которымъ возстановлено было значеніе сената и уничтоженъ былъ кабинетъ министровъ. Число сенаторовъ было 14. Пять пожалованныхъ въ правленіе принцессы Анны сенаторовъ были исключены. Лестокъ, знавшій по опыту, какъ непрочны были до сихъ поръ правительства въ Россіи, просилъ Елизавету наградить его деньгами и отпустить за границу. Онъ предчувствовалъ, что его возвышеніе надѣлаетъ ему много сильныхъ враговъ, но долженъ былъ уступить желанію императрицы и остался въ Россіи.

Онъ былъ назначенъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, первымъ медикомъ и директоромъ медицинской коллегіи. Послѣднее мѣсто соединено было съ 7,000 р. жалованья въ годъ и кромѣ того приносило большіе доходы отъ медицинскихъ свидѣтельствъ, безъ которыхъ никто не могъ лечить въ Россіи, и отъ содержателей аптекъ. Какъ директоръ медицинской коллегіи, Лестокъ не былъ подчиненъ сенату. Кромѣ того Лестокъ получилъ денежные подарки и портретъ императрицы, осыпанный бриллiантами. Графъ Воронцовъ, братья Шуваловы и Балкъ, служившіе камеръ-юнкерами при Елизаветѣ, произведены въ камергеры. Бестужевъ-Рюминъ, удаленный отъ службы и двора послѣ паденія Бирона, былъ призванъ вновь на службу, по просьбѣ Лестока, получилъ орденъ Андрея Первозваннаго (30-го ноября), назначенъ генералъ-почтъ-директоромъ, сенаторомъ, а 12-го декабря вице-канцлеромъ на мѣсто Головкина. Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, любимецъ Елизаветы, не имѣвшій никакого служебнаго мѣста, кромѣ личныхъ занятій при особѣ Елизаветы, былъ сдѣланъ въ самый день вступленія на престолъ дѣйствительнымъ камергеромъ, а 5-го февраля 1742 г. получилъ орденъ св. Анны. Это было впрочемъ начало милостей. Долгорукіе, оставшіеся въ живыхъ, были возвращены изъ ссылки, и князю Вас. Владим. возвращенъ прежній чинъ генералъ-фельдмаршала. Герцогъ Биронъ переведенъ изъ Пелыма въ Ярославль, а братья его получили свободу. Большія награды были гвардіи и полкамъ, находившимся въ Петербургѣ. Именнымъ указомъ 31-го декабря 1841 г. опредѣлено было выдать штабъ и оберъ-офицерамъ лейбъ-гвардіи полковъ и полковъ Ингерманландскаго и Астраханскаго не въ зачетъ треть годового жалованья; солдатамъ этихъ 4-хъ полковъ роздано было 42,000 р. Деньги приказано было выдать изъ соляной конторы. Гренадерская рота Преображенскаго полка, возведшая Елизавету на престолъ, названа лейбъ-компаніей. Капитаномъ въ ней была сама императрица. Принцъ Гессенъ-гомбургскій назначенъ былъ капитаномъ-поручикомъ лейбъ-компаніи съ чиномъ полнаго генерала, Разумовскій и Воронцовъ

поручиками съ чинами генералъ-лейтенанта, Шуваловы поручиками съ чиномъ генералъ-майоровъ; Грюнштейнъ адъютантомъ съ чиномъ бригадира. Сержанты получили чинъ полковниковъ, капралы стали капитанами. Всѣ рядовые объявлены потомственными дворянами, а герольдіи приказано было вписать имена ихъ въ дворянскую книгу и сочинить гербы, а уже имѣющимъ оные прибавить въ старые гербы новые. Лейбъ-компанія должна была содержаться на счетъ соляной конторы. Сентября 15-го 1742 г. утвержденъ былъ гербъ для лейбъ-компаніи съ надписью: *за вѣрность и ревность*. Именнымъ указомъ сенату, даннымъ въ день годовщины восшествія на престолъ (25-го ноября 1741 г.), пожаловано Грюнштейну изъ имѣнія графа Головкина 927 душъ крестьянъ и 3,591 четверть земли. Все имѣніе гр. Головкина, 5,158 душъ и 7,358 четвертей земли, за вычетомъ части Грюнштейна, было раздѣлено между прапорщикомъ и 7 сержантами. Отписныя земли князя Менщикова раздѣлили между капралами и рядовыми лейбъ-компаніи (6 вице-сержантамъ по 50 д., 1 подпрапорщику и 1 квартирмейстеру по 45 д., 12 капраламъ по 40 д., 12 вице-капраламъ по 35 д. и 258 рядовымъ по 29 десятинъ). Переворотъ 25-го ноября 1741 г. былъ дѣломъ солдатъ, даже безъ участія почти офицеровъ; этимъ онъ отличался отъ подобнаго же переворота, произведеннаго Минихомъ при арестованіи Бирона. Солдаты чувствовали свою силу, понимали, что въ ихъ рукахъ корона Россійской имперіи. Упоенные успѣхомъ, они позволяли себѣ все. Гренадеры въ самомъ дворцѣ просили у государственнаго канцлера денегъ. Подошедшій офицеръ замѣтилъ имъ, что, вѣроятно, они не знаютъ, съ какимъ знатнымъ лицомъ они говорятъ. Отвѣтомъ было: „Теперь нѣтъ лицъ знатнѣе насъ, а другіе знатны до тѣхъ поръ, пока мы этого хотимъ". „Гвардейцы и въ особенности гренадеры — пишетъ секретарь посольства Пецольдъ къ саксонскому министру Брюлю, отъ 23-го декабря н. с., — доходятъ до крайностей. Подъ предлогомъ поздравленія со вступленіемъ на престолъ новой императрицы, они ходятъ по домамъ, и никто не смѣетъ отказать имъ въ деньгахъ". Особенно отличались лейбъ-компанцы. Грюнштейнъ, по словамъ Манштейна (II, 179), привыкнувъ быть рядовымъ, не могъ снести толь великаго чина, дѣлалъ всякія безчинства, пренебрегъ должное почтеніе даже къ самой императрицѣ и кончилъ тѣмъ, что, по наказаніи кнутомъ, сосланъ былъ въ пожалованныя ему деревни. 25-го ноября 1746 г. пожалованъ былъ адъютантъ лейбъ-компаніи, Данило Журавлевъ (№ 9,690), слѣдовательно ссылку Грюнштейна должно отнести къ этому времени. Пецольдъ, отъ 16-го марта 1744 г., доноситъ объ угрозахъ Грюнштейна, говорившаго Разумовскому, что готовъ пожертвовать жизнью, чтобы только избавить государыню и государство отъ такого вреднаго человѣка, каковъ генералъ-прокуроръ князь Трубецкой. „Рота сія, продолжаетъ Манштейнъ, въ первые мѣсяцы пребыванія двора въ Петербургѣ дѣлала всякіе безпорядки, а новопроизведенные чиновники таскались

по питейнымъ домамъ, каждый день напивались до пьяна и валялись въ грязи; входили въ дома самыхъ знатныхъ господъ, требовали денегъ съ угрозами и брали самовольно все, что имъ казалось по нраву и пріятнымъ. Не было средствъ къ усмиренію такихъ людей, которые, во всю свою жизнь укрощаемы будучи только палками, не могли скоро привыкнуть къ снисходительному съ собою обращенію". Такъ какъ возведеніе Елизаветы казалось торжествомъ русскихъ надъ иноземцами, то въ первое время между солдатами ходили толки о томъ, чтобы перебить всѣхъ нѣмцевъ. „Мы иностранцы, пишетъ Пецольдъ вскорѣ послѣ переворота (донесеніе отъ 9-го дек. н. с.), находимся здѣсь постоянно между страхомъ и надеждой. Со стороны солдатъ, съ каждымъ днемъ становящихся своевольнѣе, слышны только угрозы, и мы обязаны одному Провидѣнію, что до сихъ поръ ихъ злыя намѣренія еще не приведены въ исполненіе". Тѣ же самыя опасенія повторяетъ онъ въ другомъ донесеніи, писанномъ черезъ три дня — опасенія, усиленныя еще тѣмъ, что Долгорукій и другіе, возвращенные изъ ссылки, принадлежали къ партіи, давно враждебной иностранцамъ (дон. 12-го декабря). Нѣсколько разъ ненависть къ нѣмцамъ и буйство солдатъ доходили до кровавыхъ сценъ, грозившихъ принять большіе размѣры. Двѣ изъ нихъ разсказываетъ Манштейнъ въ своихъ запискахъ. На Пасхѣ 1742 г. гвардеецъ подрался на улицѣ съ гренадеромъ изъ полевыхъ полковъ, стоявшихъ тогда въ Петербургѣ. Проходившій офицеръ, нѣмецъ, оттолкнулъ гвардейца. Тотъ кликнулъ товарищей, и офицеръ едва могъ спастись отъ нихъ въ домъ, гдѣ находились иностранные офицеры. Гвардейцы выломали ворота и двери и вломились въ домъ. Неуспѣвшіе спастись черезъ крышу, были избиты до полусмерти. Въ числѣ ихъ находились Саутронъ, адъютантъ фельдмаршала Ласси, и капитанъ Бровнъ. Безъ сильныхъ мѣръ Ласси, поставившаго по всѣмъ улицамъ караулы изъ армейскихъ полковъ и разсылавшаго дозоры днемъ и ночью, дѣло могло бы кончиться возмущеніемъ. Жители Петербурга находились въ сильномъ страхѣ и боялись показываться на улицахъ. Ласси донесъ о безпорядкахъ двору, но виновные были наказаны очень легко (II, 199). Другой разъ своеволіе гвардейцевъ обнаружилось еще наглѣе. Это было въ станѣ подъ Выборгомъ лѣтомъ того же 1742 г. Шведскій парламентёръ съ барабанщиками прибылъ въ лагерь съ письмами къ фельдмаршалу Ласси. Фельдмаршалъ былъ тогда въ городѣ, и дежурный генералъ Ливенъ провелъ шведовъ въ свою палатку, чтобы, взявъ отъ нихъ письма, отвезти въ Выборгъ. Вдругъ 300 или 400 гвардейцевъ Семеновскаго и Преображенскаго полковъ съ крикомъ, что надо перебить иностранныхъ начальниковъ, которые измѣняютъ, бросились къ ставкѣ Ливена, не нашли его тамъ, пошли къ канцеляріи, перебили караулъ и избили шведовъ, генералъ-адъютанта и служителей Ливена. На увѣщанія чиновниковъ гвардейцы отвѣчали, что прежде всего надобно перебить иностранныхъ чиновниковъ, а тамъ они будутъ послушны

своимъ, русскимъ. Къ счастію, подоспѣлъ генералъ Кейтъ, бросился въ средину толпы, схватилъ одного изъ бунтовщиковъ и приказалъ послать за священникомъ, чтобы его исповѣдывать. Эта смѣлость поразила бунтующихъ. Тотчасъ ударили сборъ, и полевые полки съ конною гвардіей, не принимавшіе участія въ возмущеніи, взялись за оружіе, чтобъ усмирить гвардейцевъ. На этотъ разъ наряжена была коммиссія подъ предсѣдательствомъ Алек. Ив. Румянцева, и главному зачинщику отрублена была правая рука, а остальные виновные были биты кнутомъ и сосланы въ Сибирь (II, 206). Несмотря, однако, на всѣ безчинства, гвардія, и въ особенности лейбъ-компанія, сохранила до конца особенную благосклонность императрицы Елизаветы. Такъ, напримѣръ, 31-го октября 1748 г. графъ П. И. Шуваловъ объявилъ волю императрицы, что онъ не будетъ подписывать никакихъ дипломовъ и патентовъ, прежде нежели будутъ готовы грамоты лейбъ-компанцевъ (№ 9,653). Лейбъ-компанія была уничтожена Петромъ III (№ 11,450), и большая часть служившихъ въ ней была отставлена отъ военной и статской службы съ награжденіемъ, впрочемъ, слѣдующимъ чиномъ.

Рядомъ съ милостями шли наказанія. Для суда надъ арестованными назначена была особая коммиссія изъ генералъ-прокурора князя Никиты Юрьевича Трубецкаго, графа Ушакова, генерала Левашева, оберъ-шталмейстера князя Куракина и тайнаго совѣтника Нарышкина. Она должна была придать наружную законность казни или ссылкѣ этихъ преступниковъ, изъ которыхъ главные, т.-е. Минихъ, Остерманъ и Головкинъ, были уже заранѣе осуждены, всенародно объявлены государственными преступниками въ манифестѣ о восшествіи. Главные пункты обвиненія Миниха были: 1) не защищалъ духовной Екатерины I, подъ которою онъ, подписавшись, присягалъ; 2) былъ главнымъ виновникомъ регентства Бирона; 3) при арестованіи Бирона, чтобы склонить солдатъ къ этому, говорилъ имъ, что это дѣлалось для Елизаветы Петровны. По этому пункту свидѣтелями поставлены были не Манштейнъ, адъютантъ Миниха, главный помощникъ его въ арестѣ Бирона, не солдаты, участвовавшіе въ предпріятіи, а нѣсколько подговоренныхъ солдатъ, совершенно постороннихъ; 4) разныя озлобленія, чинимыя имъ Елизаветѣ Петровнѣ, надсмотръ за нею и т. п.; 5) начальствуя арміей, не берегъ людей, дѣйствовалъ безъ военнаго совѣта, „не токмо съ меньшими россійскими офицерами и многажды безъ суда, не по достоинству офицерскому въ штрафахъ поступалъ, но и на штабъ-офицеровъ солдатскій штрафъ налагалъ; и въ первомъ перекопскомъ походѣ нѣкоторыхъ изъ старыхъ шляхетскихъ фамилій полковниковъ, ругаясь, подъ ружье ставилъ и такъ ихъ предъ всею арміей водилъ“; 6) адгерентовъ своихъ не по достоинству производилъ и выпросилъ себѣ и имъ изъ казны большія суммы денегъ. Кромѣ этихъ было и нѣсколько меньшихъ обвиненій. Минихъ, по словамъ нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей, отвѣчалъ на всѣ обвиненія сильною

рѣчью, послѣ которой, по приказу императрицы, тайно присутствовавшей при этомъ, прекращенъ былъ допросъ. По словамъ Манштейна, Минихъ, оскорбленный беззаконностью слѣдствія, сказалъ генералъ-прокурору, что онъ подпишетъ тѣ отвѣты, которые слѣдователи сами составятъ, и такъ было и сдѣлано. Генералъ-адмиралу графу Остерману предложено было 80 обвиненій. Въ крѣпости онъ занемогъ горячкой и былъ близокъ къ смерти, такъ что уже причастился. По приказу Елизаветы онъ былъ переведенъ изъ крѣпости въ домъ. Его обвиняли: 1) не защищалъ духовной Екатерины I, напротивъ содѣйствовалъ избранію Анны Іоанновны, самъ сочинялъ одинъ завѣщаніе Анны Іоанновны, по которому назначенъ былъ наслѣдникомъ Іоаннъ Антоновичъ; 2) старался объ отлученіи отъ наслѣдія Елизаветы Петровны и ея племянника и писалъ поэтому разные проекты, изъ которыхъ въ одномъ совѣтывалъ выдать Елизавету за какого-нибудь чужестраннаго убогаго принца; 3) паче всего составилъ проектъ, чтобы послѣ Іоанна Антоновича наслѣдовать и сестрамъ его; въ частныхъ разговорахъ съ Менгденомъ и Левенвольдомъ говорилъ о возможности быть императрицей самой Аннѣ Леопольдовнѣ; 4) во многихъ озлобленіяхъ Елизаветѣ Петровнѣ; 5) дѣйствуя самовольно въ важныхъ дѣлахъ, откровенныхъ совѣтовъ не держалъ, генеральныхъ совѣтовъ не собиралъ, не старался, чтобы сочтены были лица, тратившія казенныя деньги; 6) и къ нѣкоторымъ важнымъ дѣламъ, которыя до цѣлости всего государства касались, *въ предосужденіе всего россійскаго народа* употреблялъ чужихъ націй (и не довольно извѣстныхъ о ихъ состояніи) людей, а не россійскихъ природныхъ, и тѣхъ во первыхъ награждать старался, чрезъ что россійскимъ интересамъ воспослѣдовалъ вредъ; 7) выдавалъ въ расходъ деньги безъ совѣта другихъ кабинетъ-министровъ, измѣняя свои мнѣнія въ угодность другимъ, а не въ видахъ государственной пользы, злоупотреблялъ по званію генералъ-адмирала и т. п.; 8) „и будучи въ своемъ министерствѣ, имѣя все государственное правленіе въ своихъ рукахъ, *многія славныя и древнія россійскія фамиліи опровергать и искоренять*, у высочайшихъ монарховъ въ озлобленіе приводить и отъ двора многихъ отлучать, и жестокія неслыханныя мученія и экзекуціи какъ надъ знатными, такъ и надъ незнатными, не щадя и духовныхъ персонъ, въ дѣйство производить и между россійскими подданными несогласія всѣвать старался“, и много другихъ обвиненій. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ склонить на свою сторону Лестока, Остерманъ подписалъ, не читая, обвинительныя статьи. Вице-канцлера графа Мих. Гавр. Головкина обвиняли преимущественно въ томъ, что онъ по дѣлу въ перемѣнѣ сукцессіи былъ главнымъ зачинщикомъ, что онъ составилъ проектъ, чтобы представить въ кабинетъ на разсужденіе, о бытіи рожденнымъ отъ принцессы Анны принцессамъ наслѣдницами россійскаго престола, и мнѣніе, чтобы въ случаѣ смерти Іоанна Антоновича принцессѣ самой быть императрицей. Не представлялъ о растратѣ казенныхъ денегъ.

Оберъ-гофмаршала Левенвольда обвиняли въ томъ же. Остерману во всемъ потакалъ и съ нимъ, Остерманомъ, въ разсужденіе вступалъ. Выпросилъ изъ соляныхъ суммъ немалыя деньги, право не давать отчета въ ревизіонъ-коллегіи по соляной суммѣ.

Президентъ коммерцъ-коллегіи Менгденъ признанъ виновнымъ: 1) въ крайнемъ стараніи доставить регентство Бирону, при чемъ онъ внушалъ другимъ, „что ежели Биронъ регентомъ не будетъ, то-де они иноземцы всѣ пропадутъ“; 2) въ преступленіяхъ по управленію коммерцъ-коллегіею, а именно: мимо коллегіи съ согласія только Миниха и Остермана разрѣшалъ вывозъ за границу хлѣба изъ Архангельска, Петербурга и завоеванныхъ провинцій, вступалъ самъ въ торги, бралъ взятки.—Дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Темирязевъ внушалъ принцессѣ Аннѣ о назначеніи дочерей ея наслѣдницами и приказалъ секретарю Познякову сочинить по ея приказу два манифеста: одинъ объ этомъ, другой о провозглашеніи самой принцессы императрицей *на весьма* худомъ и противномъ основаніи.

Кромѣ этихъ главнѣйшихъ преступниковъ были еще и другіе: 1) *сынъ Миниха*, оберъ-гофмейстеръ, хотя по изслѣдованію самой коммиссіи ни въ какія предосудительныя разсужденія ни съ кѣмъ не вступалъ и совѣта и наставленій никому не давалъ, однакоже будучи у Анны и супруга ея въ великой милости и видя отъ того частое зло, пристойнымъ образомъ отвращать у нихъ не старался. 2) Тайный совѣтникъ *Стрѣшневъ* былъ употребляемъ Остерманомъ на развѣдыванія при дворѣ. 3) Генералъ-лейтенантъ *Хрущевъ*, находясь при красногорскомъ корпусѣ, тайно посылалъ Остерману рапорты, стараясь объ уничтоженіи прокуроровъ. 4) Дѣйствительный статскій совѣтникъ Андрей *Яковлевъ* подавалъ Остерману разные негодные проекты о рекрутахъ, лошадяхъ, и т. п., составлялъ по входящимъ въ кабинетъ дѣламъ указы *зѣло темно и конфузно*. У Остермана компановалъ духовную императрицы Анны Іоанновны. 5) Директоръ канцеляріи принца Антона брауншвейгскаго Петръ *Грамотинъ* бралъ взятки. 6) Секретарь *Семеновъ* обрѣтался всегда при графѣ Остерманѣ въ партикулярной его услугѣ. 8) Подпоручикъ *Нотговъ*, 9) Литаврщикъ *Груберъ*, 10) Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка секундъ-майоръ *Чичеринъ*, 11) Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка аудиторъ *Барановскій* и 12) сержантъ *Обручевъ* присматривали за дѣйствіями Елизаветы Петровны по приказу принца Антона. Слѣдствіе производилось съ возмутительною несправедливостью, такъ что, говорятъ, Бестужевъ, участвовавшій въ коммиссіи, сказался больнымъ, чтобы не подписывать приговора. Судъ приговорилъ: Остермана колесовать, Миниха четвертовать, Головкину, Менгдену, Левенвольду и Темирязеву отсѣчь головы, а имѣнія ихъ конфисковать. Оберъ-гофмейстера Миниха *) сослать въ деревню, лишивъ

---

*) Въ П. С. Зак. есть два именные указа отъ 20 апрѣля и 11 іюня 1743 г. на имя оберъ-гофмейстера барона Миниха.

чина и снявъ кавалеріи; тайнаго совѣтника Стрѣшнева, лиша чиновъ, бить плетьми, и сослать въ деревню; генералъ-лейтенанта Хрущева записать въ дальнюю команду генералъ-майоромъ; дѣйствительнаго статскаго совѣтника Яковлева послать въ Астрахань писаремъ, и т. д. Можно смѣло сказать, что еслибъ въ сентенціи, вмѣсто именъ осужденныхъ, были вставлены имена судей ихъ, она не показалась бы менѣе справедливою. Манифестомъ отъ 22-го января 1742 г. объявлено было всенародно о такихъ богомерзкихъ, злодѣйскихъ поступкахъ и вредительныхъ государству намѣреніяхъ для того, какъ сказано въ концѣ этого акта, „чтобы всѣ вѣрные наши подданные, смотря на то, признавали, что Богъ клятвопреступниковъ не терпитъ, и что мудрымъ его промысломъ скрытыя въ сердцахъ ихъ умышленія, къ временному и вѣчному ихъ осужденію, всегда откровенны бываютъ“. Въ манифестѣ же объявлено было, что императрица смягчила приговоръ осужденныхъ на смертную казнь и указала сослать ихъ въ заточеніе: Остермана въ Березовъ, Миниха въ Пелымъ, Головкина въ Гершангъ, Менгдена въ Колымскій острогъ, Левенвольда въ Соликамскій, Темирязева въ Сибирь, и позволила женамъ слѣдовать за мужьями, если онѣ того захотятъ.

18-го января должна была происходить казнѣ преступниковъ. Императрица отправилась въ загородный дворецъ. На площади предъ военною коллегіей устроенъ былъ эшафотъ. Астраханскій полкъ поставленъ кругомъ. Въ 10 ч. утра началась печальная церемонія. Прежде всего везли Остермана на простыхъ саняхъ въ шлафрокѣ и колпакѣ. 4 гренадера возвели его на эшафотъ, гдѣ съ открытою головой онъ выслушалъ длинный обвинительный актъ и приговоръ. Потомъ раздѣли и положили голову на плаху и тогда только объявили замѣненіе казни ссылкою. Остерманъ обнаружилъ невозмутимое спокойствіе. Черты лица его не обнаружили ни малѣйшаго волненія даже въ ту страшную минуту, когда прочтенъ былъ приговоръ о колесованіи. Съ тѣмъ же спокойствіемъ услышалъ онъ облегченіе своей участи. Съ геройскою твердостію прибылъ Минихъ, бодро взошелъ на эшафотъ, ласково привѣтствуя знакомыхъ солдатъ, и равнодушно выслушалъ приговоръ и помилованіе. Остермана, Миниха, Головкина, Левенвольда, Менгдена и Темирязева, по объявленіи имъ ссылки, отвели тѣмъ же порядкомъ въ крѣпость. Совѣтникъ саксонскаго посольства Пецольдъ, смотрѣвшій изъ окна на экзекуцію, говоритъ въ своемъ донесеніи, что въ жизнь свою онъ не видалъ ничего столь поразительнаго. И не одни иностранцы, лучшіе изъ Русскихъ не могли безъ затаеннаго негодованія смотрѣть на этотъ судъ и приговоръ надъ знаменитѣйшими изъ сподвижниковъ Петра Великаго, каковы были Минихъ и Остерманъ. Солдаты, кровожавшіе Миниха, не могли скрыть своего сочувствія къ славному полководцу. Любимцу вице-канцлера Головкина, князю Е. П. Шаховскому, бывшему тогда оберъ-прокуроромъ синода, велѣно было распорядиться отправленіемъ осужденныхъ въ мѣста ихъ заключенія. Въ

своихъ запискахъ оставилъ потомству этотъ очевидный свидѣтель любопытныя подробности (1, 103). Остерманъ встрѣтилъ Шаховскаго краснорѣчивымъ изъявленіемъ своего раскаянія и просьбою къ императрицѣ о великодушномъ покровительствѣ дѣтей его. Солдаты перенесли его бережно съ постелью въ сани; съ нимъ отправилась и жена его. Въ Березовѣ умеръ 25-го мая 1747 г. этотъ знаменитѣйшій государственный человѣкъ Россіи, о которомъ Фридрихъ Великій, умѣвшій цѣнить и узнавать людей, оставилъ въ своихъ посмертныхъ сочиненіяхъ слѣдующій отзывъ: „Царствованіе Петра I образовало такого мужа, который по дарованіямъ своимъ одинъ могъ нести тяжесть государственныхъ дѣлъ и при его наслѣдникахъ: это былъ Остерманъ. Онъ зналъ Россію, какъ Верней человѣческое тѣло".

Въ 1827 г. Бантышъ-Каменскій, проѣзжая черезъ Березовъ, напрасно разспрашивалъ старожиловъ о могилѣ знаменитаго дипломата. Никто не зналъ о ней! Минихъ встрѣтилъ ссылку такъ же, какъ готовился встрѣтить четвертованіе. „Какъ только въ оную казарму, разсказываетъ Шаховской, двери передъ мною отворены были, то онъ, стоя тогда у другой стѣны возлѣ окна ко входу спиною, въ тотъ мигъ поворотясь въ смѣломъ видѣ съ такими быстро растворенными глазами, съ какими я имѣлъ случай неоднократно въ опасныхъ съ непріятелемъ сраженіяхъ порохомъ окуриваемаго видѣть, шелъ ко мнѣ на встрѣчу и, приближаясь, смѣло смотря на меня, ожидалъ, что я начну... По окончаніи моихъ словъ, поднявъ руки и возведя взоръ свой къ небу, громко сказалъ: „Боже, благослови ея величество и государствованіе ея". Потомъ, потупя глаза и помолчавъ, говорилъ: „Когда уже теперь мнѣ ни желать, ни ожидать ничего иного не осталось, такъ я только принимаю смѣлость просить, дабы, для сохраненія отъ вѣчной погибели души моей, отправленъ былъ со мною пасторъ". Жена его провожала въ Сибирь, по словамъ Шаховскаго, какъ бы въ какой желаемый путь. Русскій принцъ Евгеній, какъ называлъ Миниха Фридрихъ Великій, былъ возвращенъ по смерти Елизаветы, и, получивъ прежнее значеніе, былъ свидѣтелемъ новаго переворота, которому въ смѣлости далеко уступалъ переворотъ, возведшій на престолъ Елизавету. Мы будемъ еще имѣть случай говорить о судьбѣ Миниха. Вице-канцлеръ Головкинъ, мучимый подагрою и не владѣя правою рукой, горько жаловался на судьбу, которая избаловала его богатствомъ и почестями и не дала ему силы для перенесенія несчастія. Супруга его, урожденная кн. Ромодановская, послѣдовала за нимъ въ заточеніе и по смерти мужа въ 1755 г. перевезла его тѣло въ Москву. Малодушнѣе всѣхъ оказался красавецъ Левенвольдъ, любимецъ Екатерины I, блестящій вельможа, мотъ и игрокъ, составившій свое счастіе черезъ женщинъ. Онъ не могъ найти того утѣшенія, которое другіе находили въ религіи, потому что, по словамъ герцога Лирійскаго, „онъ едвали вѣрилъ и самому бытію Бога". „Лишь только вступилъ въ оную казарму, гово-

ритъ Шаховской, какъ увидѣлъ человѣка обнимающаго мои колѣни весьма въ робкомъ видѣ, который притомъ въ смятенномъ духѣ такъ тихо говорилъ, что я и рѣчи его разслушать не могъ, паче же, что видъ на головѣ его склокоченныхъ волосовъ и непорядочно обросшая сѣдая борода, блѣдное лицо, обвалившіяся щеки, худая и замаранная одежда, не мало не вообразили мнѣ того, для кого я туда шелъ, то подумалъ, что то былъ какой-нибудь по инымъ дѣламъ изъ мастеровыхъ арестантовъ. Итакъ, оборотясь говорилъ офицеру, чтобы его отъ меня отвели и показали бы въ которомъ углу въ той казармѣ бывшій гр. Левенвольдъ находится". По извѣстію Пецольда, участь Левенвольда, благодаря благородной фамиліи Строгановыхъ, была лучше, нежели судьба другихъ ссыльныхъ. Левенвольдъ умеръ въ Соликамскѣ въ 1758 году. Не такъ скоро была рѣшена участь несчастной Брауншвейгъ-Люнебургской фамиліи. Хотя манифестомъ 28-го ноября 1741 года и было всенародно объявлено, что принцесса Анна и ея семейство, „съ надлежащею имъ честію и достойнымъ удовольствіемъ", будутъ отправлены за границу, и уже сдѣланы были нѣкоторыя приготовленія къ отправленію, однако полтора года все семейство содержалось въ Ригѣ подъ самымъ строгимъ карауломъ и терпя недостатокъ въ самомъ необходимомъ. Здѣсь Анна Леопольдовна опасно занемогла послѣ преждевременныхъ несчастныхъ родовъ. При дворѣ мнѣнія были различны. Въ совѣтѣ, собранномъ по этому случаю, Бестужевъ и большинство настаивали на исполненіи обѣщанія; но мнѣніе Лестока, Шетарди и самой императрицы было противное. Къ чести Бестужева служитъ, что онъ отклонилъ по крайней мѣрѣ одну жестокую и безполезную мѣру, предложенную нѣкоторыми императрицѣ, чтобы перевезти въ Москву и пытать Юлію Менгденъ, любимую фрейлину правительницы, повѣренную всѣхъ ея тайнъ. Отказъ Анны Леопольдовны отречься отъ всѣхъ притязаній на русскій престолъ и открытіе, такъ называемаго, Лопухинскаго заговора дало окончательный перевѣсъ партіи, требовавшей строгихъ мѣръ относительно сверженнаго императора и его семейства.

Ихъ перевезли изъ Риги въ Динамюндъ, оттуда въ Раніенбургъ. Новое правительство хотѣло истребить въ народѣ самую память о прежнемъ правленіи. Рядомъ указовъ старалось оно достигнуть этой цѣли. Такъ, указами *31-го декабря 1741 г., 14-го декабря 1742 и 27-го февраля 1743* строго приказано было промѣнять на новую монету рубли съ портретомъ несчастнаго младенца. Указами *18-го октября 1742 и 17-го іюля 1744 года* приказано было публично сжечь всѣ присяжные листы на вѣрность подданства Іоанну Антоновичу. Въ Москвѣ съ барабаннымъ боемъ произведена была эта церемонія на Ивановской площади; въ Петербургѣ, на площади передъ коллегіями. Указомъ *27-го октября 1742 г.* приказано было въ теченіе полугода, подъ опасеніемъ штрафа, представить всѣ церковныя книги, печатанныя во время регентства Бирона и правленія Анны

Леопольдовны, для переправленія въ нихъ императорскаго титула. Указомъ *ноября 1743 г.* не только подтвержденъ предыдущій, но сверхъ того приказано было представить въ академію наукъ проповѣдь, говоренную Амвросіемъ, бывшимъ вологодскимъ епископомъ, а нынѣ новгородскимъ архіепископомъ, 3-го іюля 1739 г., при вѣнчаніи Анны Леопольдовны съ принцемъ Брауншвейгъ-Люнебургскимъ, а также и всѣ печатныя и писанныя проповѣди, говоренныя при регентствѣ и правительницѣ. *Декабря 7-го 1743 г.* явился указъ о перемѣнѣ паспортовъ и абшидовъ при регентѣ и правительницѣ; указомъ *13-го февраля 1745 г.* приказано оставить безъ исполненія указы и резолюціи регента и правительницы (подтверждено указомъ *6-го сентября 1748 г.*). Сенат. указомъ *19-го августа 1748 г.* приказано было всѣ гражданскія книги, какого бы онѣ званія ни были, печатанныя въ Россіи на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, если въ нихъ упоминаются въ бывшія два правленія извѣстныя персоны, представить въ назначенныя мѣста, а указомъ *26-го августа 1750 г.* отобрать и запретить ввозъ иностранныхъ книгъ, печатанныхъ за границей, въ которыхъ упоминаются тѣ извѣстныя имена, и этотъ указъ публиковать во всемъ государствѣ и выставить во всѣхъ церквахъ и киркахъ, чтобы никто не могъ отговориться невѣдѣніемъ. Вслѣдслвіе этого указа, въ Россіи сдѣлался строго-запрещенною книгой Гюбнеровъ лексиконъ. При такихъ мѣрахъ брауншвейгской фамиліи, очевидно, нельзя было надѣяться на улучшеніе своей участи. Въ 1743 г. принцессу Анну и ея мужа разлучили съ ихъ сыномъ и перевезли въ Холмогоры. Тамъ, въ архіерейскомъ домѣ, подъ двойною стражей, не имѣя между собою сообщенія, въ печальномъ заточеніи, содержалось несчастное семейство. Герцогъ Антонъ-Ульрихъ оказался малодушнѣе своей супруги. Онъ упрекалъ ее въ своей участи и входилъ въ связи съ ея горничными. Принцесса Анна прибыла въ Холмогоры съ двумя дочерьми: Екатериной и Елизаветой. Тамъ она родила сыновей Петра и Алексѣя и умерла въ 1746 г. Ульрихъ-Антонъ пережилъ Елизавету, но умеръ также въ заточеніи. Мы скажемъ впослѣдствіи объ участи его и его семейства. Іоаннъ Антоновичъ оставленъ былъ сначала въ Раніенбургѣ, но послѣ попытки, сдѣланной однимъ монахомъ увезти его, захваченный въ Смоленскѣ, онъ былъ перевезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Его помѣстили въ темной комнатѣ, гдѣ безъ часовъ онъ потерялъ возможность различать день отъ ночи. Офицеры, его стерегшіе, получили строгое приказаніе умертвить его, въ случаѣ попытки къ его освобожденію: имъ запрещено было не только разговаривать съ заключеннымъ, но и отвѣчать на его вопросы. Въ этой душной, мрачной темницѣ провелъ, въ отчужденіи отъ всего міра, безъ человѣческаго общества, безъ утѣшенія, доставляемаго книгами, потому что онъ не умѣлъ ни читать, ни писать, признанный русскій императоръ, племянникъ Фридриха Великаго и датскаго короля, все царствованіе Елизаветы. Съ дѣтства взросшій въ заточеніи, онъ разстроилъ свои умствен-

ныя способности и сохранилъ только ясное сознанiе, что онъ государь, и благодарную память о Корфѣ, который былъ приставленъ къ нему въ Ранiенбургѣ и обходился съ нимъ человѣколюбиво. Только разъ во все время своего заключенiя въ Шлиссельбургѣ при Елизаветѣ онъ видѣлъ дневной свѣтъ. Императрица хотѣла его видѣть. Въ закрытой каретѣ привезли его въ Петербургъ въ домъ Воронцова, гдѣ видѣла его Елизавета, говорившая съ нимъ при второмъ свиданiи въ домѣ графа Петра Ивановича Шувалова. Трагическая кончина Iоанна Антоновича, заколотаго своими собственными стражами, относится къ царствованiю Екатерины II.

Мы упомянули о такъ называемомъ Лопухинскомъ заговорѣ. Здѣсь всего умѣстнѣе разсказать о немъ, чтобы не прерывать потомъ изложенiе событiй царствованiя Елизаветы Петровны возвращенiемъ къ лицамъ, свергнутымъ переворотомъ 25-го ноября. Дѣло Лопухина чрезвычайно темно. Кромѣ высочайшаго манифеста, гдѣ просто обозначены вины преступниковъ и жестокое ихъ наказанiе, кромѣ нѣкоторыхъ донесенiй иностранныхъ пословъ, мы не имѣемъ другихъ источниковъ. Слѣдственное дѣло не издано. Въ современныхъ русскихъ запискахъ нѣтъ подробностей. Трудно опредѣлить, какъ велика была, дѣйствительно, вина обвиненныхъ и насколько дѣйствовала тутъ личная ненависть другъ къ другу Лестока и Бестужева и борьба французскаго влiянiя съ австрiйскимъ. Ясно одно, что императрица была испугана грозившею ей мнимою и дѣйствительною опасностiю. Въ продолженiе нѣкотораго времени Елизавета не спала по ночамъ и до 5-ти часовъ утра не распускала вечернихъ собранiй. Обыкновенный ходъ дѣлъ перепутался и затруднялся потому, что днемъ утомленная и разстроенная императрица должна была вознаградить себя за ночную безсонницу. Усиленные патрули ходили ночью по городу. Ясно также, что если и было нѣкоторое основанiе во всемъ этомъ дѣлѣ, то неразборчивая на средства ненависть партiй воспользовалась этимъ, чтобы придать огромные размѣры и довести встревоженную императрицу до согласiя на безчеловѣчный приговоръ, столь несогласный съ ея добротою. Дѣло было слѣдующимъ образомъ. Между Лестокомъ, приверженцемъ Версаля, и Бестужевымъ, купленнымъ Австрiею, шла скрытая, но ожесточенная борьба. Противъ Лестока было большинство русской партiи: Разумовскiй, Воронцовъ, также часть духовенства (архiепископъ новгородскiй). Лестокъ желалъ погубить Бестужева въ мнѣнiи императрицы. Случай, повидимому, представился: кирасирскаго поручика Бергера, родомъ курляндца, назначили въ Соликамскъ на мѣсто офицера, находившагося при графѣ Левенвольдѣ. Онъ искалъ случая избавиться отъ этого порученiя и явился къ Лестоку съ извѣстiемъ, что штатсъ-дама Лопухина, чрезъ своего сына, просила его передать Левенвольду, чтобы тотъ не отчаявался и надѣялся на лучшiя времена. Наталья Ѳедоровна Лопухина, урожденная Балкъ, жена генералъ-поручика Ст. Вас. Лопухина, была знаменитою красавицей. При своей красотѣ, образованiи, любезности

и веселомъ характерѣ, она сдѣлалась царицею общества и на придворныхъ балахъ затмевала Елизавету Петровну, также славившуюся красотой. Между ними поэтому было постоянное соперничество. Лопухина любила Левенвольда, и связь ихъ не была тайною. Она была дружна съ графиней Анной Гавриловной Бестужевой-Рюминой, вдовой Ягужинскаго, урожденной Головкиной. Анна Гавриловна была замужемъ за братомъ вице-канцлера, но всѣ знали ея горячую привязанность къ ея брату, графу Головкину, сосланному тотчасъ послѣ воцаренія Елизаветы. И Лопухина, и Бестужева были кромѣ того хорошо знакомы съ австрійскимъ посланникомъ, маркизомъ де-Ботта, переведеннымъ въ началѣ 1742 г. изъ Петербурга въ Берлинъ. Лестоку открывалась возможность нанести тройной ударъ вице-канцлеру Бестужеву: 1) въ особѣ его брата; 2) въ разстройствѣ его плана отправленія за границу Брауншвейгской фамиліи; 3) въ лицѣ австрійскаго посланника, еслибы удалось запутать его въ дѣло. Бергеру поручили добыть подробныя объясненія. Вмѣстѣ съ креатурой Лестока, капитаномъ Фалькенбергомъ, завелъ онъ подполковника Лопухина въ трактиръ и тамъ послѣ пирушки вызвалъ его на выраженіе неудовольствія противъ правительства и на тостъ за здоровье Іоанна Антоновича. Этого было достаточно, чтобы представить императрицѣ докладъ о заговорѣ въ пользу Брауншвейгской фамиліи. Въ ночь съ 4-го на 5-е августа схватили Лопухину и ея сына. На другой день подъ стражей привезли съ дачи Бестужеву. Мужъ ея, оберъ-гофмаршалъ, просидѣлъ 2 мѣсяца подъ карауломъ. Затѣмъ слѣдовали новые аресты. Взяты были фрейлины Лиліенфельдъ и кн. Гагарина, камергеръ Лиліенфельдъ и братъ его, вице-ротмистръ, флота оберстеръ-кригс-коммиссаръ Зыбинъ, гвардіи поручикъ Мошковъ, отставной капитанъ кн. Путятинъ, поручикъ Акинфовъ, адъютантъ Колычевъ, дворянинъ Ржевскій. Изслѣдованіе поручено было коммиссіи изъ генералъ-аншефа Ушакова, тайн. сов. Лестока, генералъ-прокурора кн. Трубецкаго, дѣлившаго съ Лестокомъ ненависть къ Бестужеву. Для веденія протоколовъ назначенъ былъ кабинетный секретарь Демидовъ. Нетрудно было получить признаніе обвиненныхъ въ дерзкихъ рѣчахъ, которыми они часто выражали свое неудовольствіе противъ насилія правительства и сожалѣніе объ участи сосланныхъ послѣ переворота 25-го ноября, также въ рѣзкомъ осужденіи частной жизни императрицы и характеровъ ея любимцевъ. Главными обвиненными были женщины, никогда не скрывавшія своихъ симпатій къ сосланнымъ и нелюбви къ Елизаветѣ Петровнѣ. Гораздо труднѣе было открыть существованіе политическаго заговора и запутать графовъ Бестужевыхъ. Было допрошено множество лицъ, тщательно пересмотрѣны всѣ бумаги оберъ-гофмаршала Бестужева, но самъ Лестокъ не могъ найти достаточныхъ поводовъ къ обвиненію. Хотѣли знать объ отношеніяхъ заговорщиковъ къ Боттѣ, австрійскому посланнику. Говорятъ, осужденнымъ внушили, что они могутъ облегчить свою участь, выставивъ главнымъ виновникомъ

Ботту, уже не бывшаго въ это время въ Россіи. Французскій посланникъ д'Альонъ, по сношеніи съ своимъ товарищемъ при берлинскомъ дворѣ, маркизомъ де-Балоръ, сообщилъ тайно, что Ботта отправился въ Берлинъ съ планомъ склонить Фридриха II къ участію въ возведеніи снова на русскій престолъ Брауншвейгскаго дома. Такимъ образомъ выведено было, что маркизъ де-Ботта хотѣлъ ниспровергнуть существующее правительство и доставить престолъ Іоанну Антоновичу, что онъ обѣщался помогать заговорщикамъ деньгами и хотѣлъ склонить на ихъ сторону короля прусскаго. Восемь человѣкъ, въ томъ числѣ три женщины, были признаны государственными преступниками. Въ засѣданіи совѣта, при донесеніи слѣдственной коммиссіи, первый подавшій голосъ сенаторъ предложилъ простую смертную казнь преступникамъ, основываясь на томъ, что они еще не привели въ исполненіе своего плана и виноваты только въ намѣреніи и что въ русскихъ законахъ нѣтъ точнаго опредѣленія относительно женщинъ. Принцъ Гессенъ-Гомбургскій, нарочно въ первый разъ явившійся въ совѣтъ, сильно возставалъ противъ этого и требовалъ болѣе жестокаго наказанія; его мнѣніе поддерживали Лестокъ и Трубецкой. Слѣдствіемъ этого былъ слѣдующій приговоръ: Степана Лопухина съ женою и сыномъ и Анну Бестужеву, вырѣзавъ языки, колесовать; Мошкова и князя Путятина четвертовать; Зыбину отсѣчь голову и тѣла ихъ на колеса положить; Софьѣ Лиліенфельдъ отсѣчь голову. Долго спорили о томъ, должно ли въ манифестѣ назвать Ботту виновнымъ. Цѣлую недѣлю Елизавета не знала, на что рѣшиться, наконецъ положено было поставить его обвиненіе въ манифестѣ. Манифестъ вышелъ 29 августа 1743 г. Въ немъ снова говорилось о правахъ на престолъ Елизаветы Петровны; вычислены вины преступниковъ, обвиненъ Ботта, высказана увѣренность въ неучаствованіи короля прусскаго и смягчена казнь осужденныхъ. Ихъ велѣно было сослать съ слѣдующимъ наказаніемъ: Лопухина съ женою и сыномъ и графиню Бестужеву бить кнутомъ и вырѣзать языки; Мошкова и князя Путятина бить кнутомъ; Зыбина высѣчь плетьми; то же сдѣлать и съ Софьей Лиліенфельдъ, подождавъ пока она разрѣшится отъ бремени. Французскій путешественникъ, проѣзжавшій въ Сибирь (аббатъ Шаппъ), оставилъ намъ возмущающія душу подробности о наказаніи, произведенномъ надъ Лопухиной. Относительно Ботты рѣшено было требовать отъ Маріи-Терезіи сатисфакціи. Фридрихъ II, въ своихъ посмертныхъ сочиненіяхъ сказавшій, что кнутъ доказалъ русскому правительству, что Ботта былъ виновникомъ заговора, спѣшилъ однако воспользоваться случаемъ, чтобы сблизиться съ Россіей и, если можно, возстановить ее противъ Австріи. Черезъ посланника онъ объявилъ петербургскому кабинету, что онъ не хочетъ имѣть Ботту въ Берлинѣ и приказалъ ему выѣхать, совѣтовавъ также перевести Брауншвейгскую фамилію изъ Динабурга во внутренность Россіи. Марія-Терезія, чтобы не рассориться съ Россіей, союзъ которой былъ для нея необходимъ, вы-

звала Ботту для суда надъ нимъ и для вида сослала его въ крѣпость Грецъ, о чемъ и дано было знать въ Петербургъ черезъ гр. Розенберга. Бестужевъ (вице-канцлеръ) сумѣлъ сохранить довѣренность императрицы и убѣдить ее предать дѣло забвенію и ходатайствовать передъ Маріей-Терезіей объ освобожденіи Ботты, который черезъ нѣсколько мѣсяцевъ заключенія получилъ полную свободу. Такими варварскими казнями надъ преступниками, которые, по словамъ самого манифеста, могли, несмотря на всѣ происки, только 8 человѣкъ къ своему злому начинанію привесть и были сверхъ того уличены только въ умыслѣ, — жестокостію, совершенно противною личному кроткому характеру Елизаветы, старалось заглушить новое правительство всякое выраженіе сожалѣнія о сверженномъ императорѣ и объ участи его семьи и приверженцевъ. Эти казни, слѣдствіе личной вражды сильныхъ временщиковъ, были, впрочемъ, послѣднія въ царствованіе Елизаветы, давшей обѣтъ, въ самую критическую минуту ея жизни, быть милосердой и не проливать крови своихъ подданныхъ. Эти казни еще были отзывомъ прежняго времени. Царствованіе Елизаветы значительно смягчило нравы.

Дѣйствуя противъ прежняго правленія, новое правительство принимало мѣры къ своему упроченію. Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Елизавета спѣшила вызвать въ Россію своего племянника, герцога Голштинскаго, чтобы объявить его своимъ наслѣдникомъ. Карлъ-Петръ Ульрихъ, сынъ Анны Петровны, прибылъ въ Петербургъ 5 февраля 1742 г., будучи 14 лѣтъ отъ роду. Профессору Штелину поручено было заняться его воспитаніемъ вмѣстѣ съ Веселовскимъ и Симеономъ Тодорскимъ. Послѣднему, учившемуся нѣкогда въ Галле и сдѣланному впослѣдствіи епископомъ костромскимъ, поручено было наставить его въ догматахъ православной церкви. Между тѣмъ дѣланы были приготовленія къ коронаціи. 28 февраля императрица имѣла торжественный въѣздъ въ Москву, и 28 апрѣля съ небывалою въ Россіи пышностію совершено было коронованіе. Праздники, маскарады въ продолженіе 8 вечеровъ. Присутствіе персидскаго посла увеличило блескъ праздниковъ. Морицъ Саксонскій прибылъ искать Курляндскаго герцогства. Милости и награды осыпали приближенныхъ къ императрицѣ. Іюня 25 дня дана была жалованная грамота Лифляндіи съ подтвержденіемъ правъ и привилегій этой области. Того же дня жалованная грамота Эстляндіи. Сентября 17 жалованныя грамоты Ригѣ и Ревелю, октября 27 городамъ: Дерпту, Нарвѣ, Пернову, Выборгу и Эзельской провинціи; ноября 3 Нѣжинскому греческому обществу, и т. д. Спѣшили приготовленіемъ будущаго наслѣдника, и 7 ноября совершилось его присоединеніе къ православію. Въ тотъ же день былъ изданъ манифестъ о признаніи Петра Ѳеодоровича наслѣдникомъ русскаго престола и форма присяги. Замѣчательно, что во всѣхъ церковныхъ возглашеніяхъ велѣно было при упоминаніи о наслѣдникѣ вставить слова: ***внукъ Петра перваго***; напримѣръ, „и о наслѣдникѣ ея, внукѣ Петра

перваго, благовѣрномъ государѣ“ и т. д. (№ 8, 671). Этимъ хотѣли безпрестанно напоминать народу о правахъ его на русскій престолъ.

Такъ утвердилось новое правительство. Мы должны сказать теперь нѣсколько словъ о характерѣ императрицы Елизаветы и людей, имѣвшихъ особое вліяніе на дѣла государственныя, Разумовскихъ, Бестужева, Шуваловыхъ, Лестока, Воронцова, Трубецкаго и нѣкоторыхъ другихъ.

Елизаветѣ было тридцать два года, когда она вступила на престолъ. Герцогъ Лирійскій, испанскій посланникъ при русскомъ дворѣ, такъ описываетъ Елизавету, когда ей было 22 года: „Принцесса Елизавета, дочь Петра I и царицы Екатерины, такая красавица, какихъ я никогда не видалъ. Цвѣтъ лица ея удивительный, глаза пламенны, ротъ совершенный, шея самая бѣлая и удивительный станъ. Она высокаго роста и чрезвычайно жива. Танцуетъ хорошо и ѣздитъ верхомъ безъ малѣйшаго страха. Въ обращеніи ея много ума и пріятности“. Что при описаніи наружности нѣтъ лести, доказываютъ всѣ сохранившіеся портреты. Даже на портретахъ послѣднихъ годовъ, когда полнота измѣнила во многомъ самыя черты лица, и образъ жизни оставилъ на немъ свои слѣды, видно, что въ молодости она была необыкновенно хороша. Елизавета гордилась этою красотой, и жестокую казнь Лопухиной и Бестужевой многіе объясняли женскою местью. Воспитаніе Елизаветы было довольно пренебрежено. Одна француженка занималась съ нею въ извѣстные часы. Только поздно назначены были вдова Салтыкова, впослѣдствіи супруга фельдмаршала Миниха, гувернанткой, а дочь ея и Мавра Егоровна Шепелева фрейлинами. Несмотря на малую заботливость объ образованіи, Елизавета хорошо узнала русскій, французскій, нѣмецкій и даже шведскій языки, отлично танцовала: на этомъ и окончилось ея воспитаніе. Живость характера и страстность рано увлекли ее. Предполагавшееся супружество съ епископомъ любекскимъ, котораго она любила, не состоялось по причинѣ смерти жениха. Другихъ предложеній не было, а потомъ сама Елизавета старалась отклонить ихъ. Императрица Анна сослала въ Сибирь перваго любимца Елизаветы, сержанта Шубина. Въ правленіе принцессы Анны его хотѣли-было возвратить, но не могли отыскать мѣста ссылки, и только послѣ вступленія Елизаветы на престолъ Шубинъ, послѣ долгихъ поисковъ, былъ найденъ въ Камчаткѣ, возвращенъ въ Петербургъ и пожалованъ генералъ-майоромъ, но, измученный долгимъ заключеніемъ и лишеніями всякаго рода, онъ просилъ отставки и удалился въ пожалованныя деревни. Мѣсто его занялъ малороссійскій пѣвчій Разумовскій, сохранившій привязанность Елизаветы Петровны на всѣ годы. Къ большой чести Елизаветы служитъ ея привязанность къ Разумовскому. Постоянная память о Шубинѣ также говоритъ нѣсколько въ ея пользу. Это увлеченіе чувства отвлекало Елизавету отъ честолюбивыхъ замысловъ. Послѣ смерти Петра II ей стоило только послѣдовать совѣту Лестока и показаться гвардіи, чтобы получить престолъ; но никакія убѣжденія не

могли вызвать ее изъ внутреннихъ комнатъ. Привязанная къ веселости, къ танцамъ и всякаго рода увеселеніямъ, она не прельщалась властью, и даже люди, приверженные къ памяти Петра Великаго, находили ее еще слишкомъ молодою для управленія государствомъ. Все время правленія императрицы Анны провела она въ сторонѣ отъ государственныхъ дѣлъ, и провела бы такъ, быть можетъ, всю жизнь, если бы ее оставили въ покоѣ; но для правительницы Анны Леопольдовны дочь Петра Великаго казалась слишкомъ опасною. Ее хотѣли выдать почти насильно за Людовика принца Брауншвейгъ-Люнебургскаго, брата Антона-Ульриха, которому хотѣли доставить герцогство Курляндское. Предполагаемый бракъ не нравился обѣимъ сторонамъ. Людовикъ, зная разсѣянный образъ жизни Елизаветы, если рѣшился на него, то только изъ необходимости. Мы знаемъ, какъ много труда стоило Лестоку вывести Елизавету изъ ея нерѣшительности и уговорить сдѣлать шагъ къ трону. Сдѣлавшись императрицей, Елизавета мало занималась дѣлами. Еще въ первое время она иногда присутствовала въ сенатѣ или совѣтѣ, но скоро перестала. Дѣла надоѣдали ей, самое лучшее время для разговора о чемъ-нибудь важномъ было во время туалета. Иногда трудно было уговорить ее сдѣлать пустую подпись. Такъ на письмо французскаго короля, извѣщавшаго о рожденіи внука, она подписала отвѣтъ только черезъ три года. Правленіе перешло въ руки лицъ, пользовавшихся ея довѣренностью. Безпрестанные праздники, маскарады по вторникамъ, гдѣ часто мужчины являлись въ женскихъ костюмахъ, а дамы въ кафтанахъ, загородныя поѣздки и балы поглощали все ея вниманіе. На престолъ принесла она только кротость и отвращеніе отъ кровавыхъ мѣръ. Казни и ссылки, ознаменовавшія начало ея царствованія, падаютъ на совѣсть лицъ, близкихъ къ трону; онѣ были противны характеру государыни. Въ правленіе Елизаветы болѣе, чѣмъ когда-нибудь, должно объяснять событія придворными партіями и интригами. Когда прошла пора увлеченій молодости, время танцевъ и баловъ, Елизавета не сдѣлалась внимательнѣе къ занятіямъ. Гастрономическія наслажденія сдѣлались ей необходимостью. Пышные ужины заняли мѣсто танцевъ, и жизнь такого рода, чисто чувственная, имѣла пагубное вліяніе на ея здоровье, была, быть можетъ, причиною ея ранней смерти.

Первое мѣсто въ числѣ людей, пользовавшихся полнымъ довѣріемъ императрицы, занималъ Алексѣй Григ. Разумовскій. Сынъ бѣднаго реестроваго казака Григорья Разумовскаго, Алексѣй Разумовскій родился въ 1709 году, слѣдовательно, въ одинъ годъ съ Елизаветой, въ деревнѣ Лемешахъ, Козелецкаго повѣта Черниговской губерніи. Онъ былъ пастухомъ при деревенскомъ стадѣ и пѣлъ по праздникамъ на клиросѣ. Полковникъ Вишневскій проѣздомъ замѣтилъ его голосъ, и молодой Разумовскій былъ привезенъ въ С.-Петербургъ и опредѣленъ въ пѣвчіе. Елизавета выпросила его себѣ у оберъ-гофмаршала Левенвольда, и съ

этого времени начинается тѣсная связь между нимъ и Елизаветою. Въ самый день государственнаго переворота, возведшаго на престолъ дочь Петра Великаго, Разумовскій былъ пожалованъ дѣйствительнымъ камергеромъ. 5-го февраля ему былъ данъ орденъ св. Анны 1-й ст., потомъ онъ былъ сдѣланъ оберъ-егермейстеромъ и поручикомъ лейбъ-компаніи, 25-го апрѣля того же года кавалеромъ Андрея Первозваннаго и Александра Невскаго, 16-го мая 1744 г. графомъ Римской имперіи. Въ 1746 году получилъ отъ польскаго короля орденъ Бѣлаго орла, наконецъ былъ возведенъ въ санъ русскаго генералъ-фельдмаршала. Его мать была привезена въ С.-Петербургъ съ величайшими почестями и помѣщена въ самомъ дворцѣ, но простой, хотя чрезвычайно умной казачкѣ, было тяжело жить при дворѣ и она выпросилась домой. Братъ его, Кирилла, родившійся въ 1728 г., также былъ вызванъ въ 1743 г. ко двору, былъ пожалованъ камеръ-юнкеромъ и въ томъ же 1743 г. отправленъ для воспитанія за границу подъ руководствомъ адъюнкта академіи Гр. Н. Теплова. До насъ дошли любопытныя инструкціи, данныя Алексѣемъ Разумовскимъ. Молодой Разумовскій долженъ былъ учиться языкамъ нѣмецкому и французскому, ариѳметикѣ, географіи, универсальной исторіи, для лучшей стройности тѣла танцовать, фехтовать и ѣздить верхомъ. Замѣчателенъ 10-й пунктъ инструкціи, изъ котораго видно, что Кирилла Разумовскій путешествовалъ подъ чужимъ именемъ для избѣжанія лишней пышности. Лемешевскій казакъ путешествовалъ инкогнито! 15 іюня 1744 г. Кирилла Разумовскій былъ сдѣланъ графомъ Россійской имперіи, 24-го мая 1745 г. камергеромъ и кавалеромъ ордена св. Анны, 21-го мая 1746 г. президентомъ академіи наукъ (ему было 18 лѣтъ); 28-го іюня того же года кавалеромъ Александра Невскаго; 5-го сентября 1748 г. получилъ орденъ Бѣлаго орла, званіе подполковника гвардіи Измайловскаго полка (подполковникомъ Преображенскаго былъ великій князь наслѣдникъ), сенатора и генералъ-адъютанта, въ 1750 году былъ уже гетманомъ Малороссіи въ званіи генералъ-фельдмаршала. Болѣе ему ничего уже нельзя было дать, а ему было всего 22 года отъ роду. Характеръ братьевъ Разумовскихъ отличался добродушіемъ. Алексѣй мало принималъ участія въ дѣлахъ государственныхъ, а если и принималъ, то развѣ только относительно Малороссіи, для которой и онъ, и братъ его сдѣлали много добра. Оба они не забыли своего низкаго происхожденія. Кіевская академія думала угодить Алексѣю Григорьевичу, заказавъ Козачинскому составить генеалогію и доказать происхожденіе Разумовскихъ черезъ гетмана Рожинскаго отъ Гедимина. Доказательства были напечатаны на латинскомъ, польскомъ и украинскомъ языкахъ. Разумовскіе первые смѣялись надъ этою низкою лестью. Тотъ и другой одинаково знали мать свою, и только собственное желаніе было причиною, что она не раздѣляла почестей и богатства своихъ сыновей. Во дворцѣ императрицы и въ гетманскомъ домѣ въ Батуринѣ она ходила въ своей старой казачьей одеждѣ.

Порошинъ въ своихъ запискахъ приводитъ характеристическій разсказъ Ник. Иван. Панина и Чернышова о старшемъ Разумовскомъ. Мы приводимъ его, потому что онъ дорогъ для исторіи нравовъ высшаго общества. „Ник. Ив. разсказывалъ о банкахъ, которые гр. Ал. Гр. Разумовскій дѣлывалъ и нарочно проигрывалъ; какъ у него Настастья Михайловна и другіе изъ банку крадывали деньги, и послѣ щедроты его въ надлежащемъ мѣстѣ выхваливали, да не только такія Настасьи Михайловны, но и люди не совсѣмъ безважные при томъ пользовались. За кн. Ив. Васильевичемъ одинъ разъ подмѣтили, что тысячи полторы въ шляпѣ перетаскалъ, и въ сѣняхъ отдавалъ слугѣ своему“. „Гр. Ив. Григ. разсказывалъ, въ какой чрезвычайной силѣ былъ тогда графъ Алексѣй Григор. Графъ Петръ Ив. Шуваловъ всегда ѣзжалъ съ нимъ въ Москвѣ на охоту, и графиня Мавра Егоровна молебны пѣвала по возвращеніи ихъ, что Петръ Ив. батожьемъ отъ него не сѣченъ. Алексѣй Григ. всегда не спокоенъ бывалъ пьяный“. Не забудемъ, что Петръ Ив. Шуваловъ былъ однимъ изъ первыхъ лицъ въ государствѣ, а его супруга была любимицей Елизаветы. Мы будемъ имѣть еще случай говорить о Кириллѣ Григорьевичѣ; скажемъ только, что большинство разсказовъ явно въ его пользу, что много разъ онъ доказалъ свое доброе сердце, обнаружилъ прямой, честный характеръ. Вообще, по нравственнымъ качествамъ, изъ всѣхъ довѣренныхъ лицъ при дворѣ Елизаветы, за исключеніемъ Ив. Ив. Шувалова, Разумовскіе занимали первое мѣсто.

Графъ Армандъ Лестокъ, по происхожденію французъ, врачъ императрицы, имѣлъ на нее сильное вліяніе въ началѣ ея царствованія. Онъ прибылъ въ Россію въ 1713 г., опредѣленъ докторомъ Екатерины, и въ 1718 г. сосланъ Петромъ Великимъ въ Казань за распутное поведеніе, какъ увѣряетъ Штелинъ въ своихъ анекдотахъ. Со вступленіемъ на престолъ Екатерины Лестокъ былъ возвращенъ и занялъ мѣсто врача при великой княжнѣ Елизаветѣ. Онъ умѣлъ понравиться ей своимъ веселымъ характеромъ, французскою любезностью и остроуміемъ, и скоро сдѣлался повѣреннымъ всѣхъ ея тайнъ. Послѣ смерти Петра II онъ внушилъ ей мысль предъявить свои права на престолъ, но не могъ побѣдить ея нерѣшимости, и привелъ въ исполненіе свой планъ только въ 1741 г. Неосторожность Лестока и его болтливость едва-было не погубили Елизавету, и только непонятное ослѣпленіе правительницы сдѣлало возможнымъ переворотъ 25 ноября. Это же легкомысліе да неумѣніе владѣть собою и сдерживать языкъ и были причиной паденія Лестока. Онъ самъ сознавалъ свою неспособность къ дѣламъ политическимъ и хотѣлъ-было уѣхать за границу; оставшись по просьбѣ императрицы, рѣшился держаться въ сторонѣ отъ государственнаго управленія, но не могъ выдержать своей рѣшимости. Полная довѣренность къ нему Елизаветы (онъ видѣлъ ее каждый день), убѣжденіе французскаго посланника и другихъ друзей, желавшихъ пользоваться его вліяніемъ и близостью къ императрицѣ,—все

это заставило его поневолѣ вмѣшиваться въ политику, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ придворныя интриги. По его настоянію, Ал. П. Бестужевъ вызванъ былъ ко двору и получилъ званіе вице-канцлера, несмотря на то, что Елизавета, неохотно соглашавшаяся на это, предсказала Лестоку, что онъ самъ готовитъ на себя розги. И дѣйствительно, между Бестужевымъ и Лестокомъ тотчасъ завязалась тайная борьба, постепенно принявшая характеръ самой ожесточенной вражды. Лестокъ былъ купленъ Франціею. Онъ проводилъ бо́льшую часть времени у французскаго посланника дела-Шетарди, съ которымъ былъ особенно друженъ, находилъ тамъ общество по своему вкусу, карточную игру, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средства платить проигрыши. Всѣми силами онъ старался склонить Елизавету къ тѣсному союзу съ Франціею, доставивъ Шетарди, въ бытность двора въ Москвѣ, тайную аудіенцію во внутреннихъ комнатахъ императрицы и случай еще разъ видѣться у себя въ домѣ во время иллюминаціи, и, имѣя самъ возможность видѣть Елизавету каждый день и во всякое время, не пропускалъ ни одной благопріятной минуты для убѣжденія въ выгодахъ французскаго союза. Бестужевъ, проданный Австріи, точно такъ же, какъ Лестокъ Франціи, долженъ былъ стараться подорвать вліяніе Лестока. По его внушенію, канцлеръ Черкасскій, непріязненно смотрѣвшій на иностранцевъ, говорилъ Елизаветѣ о томъ, что Лестокъ средства для своей огромной игры получаетъ отъ Франціи. Посланники потребовали, чтобы Лестокъ или пересталъ вмѣшиваться въ дѣла государственныя, или бы занялъ мѣсто въ совѣтѣ и раздѣлялъ съ другими отвѣтственность. Борьба съ Бестужевымъ была не по силамъ Лестоку, несмотря на огромное преимущество, которое имѣлъ онъ въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ Елизаветой. Онъ слишкомъ презиралъ своихъ противниковъ, открыто язвилъ Бестужева насмѣшками и былъ крайне неостороженъ. Мы не будемъ входить въ подробности. Образчикъ средствъ, которыя употребляли другъ противъ друга противники, мы видимъ въ Лопухинскомъ заговорѣ, которымъ Лестокъ хотѣлъ погубить Бестужева. Долго нельзя было никакими средствами поколебать довѣренность Елизаветы къ главному виновнику ея вступленія на престолъ, повѣренному всѣхъ ея тайнъ и любимому доктору. Только въ 1748 г. успѣли вырвать у нея согласіе на его арестованіе. Личный врагъ Лестока С. Ѳ. Апраксинъ арестовалъ его 13-го ноября и отправилъ въ Петропавловскую крѣпость. Ему же было поручено и президентство въ слѣдственной коммиссіи. Продажность Лестока была всѣмъ извѣстна. Онъ получалъ пенсію отъ дворовъ шведскаго, прусскаго и французскаго, но это еще не составляло государственнаго преступленія, въ которомъ его хотѣли обвинить,—тѣмъ болѣе, что о французской пенсіи императрица знала еще и прежде. Опасныя для него бумаги Лестокъ, предупрежденный арестомъ своего секретаря за нѣсколько дней до собственнаго ареста, успѣлъ, вѣроятно, уничтожить, по крайней мѣрѣ въ найденныхъ у него бумагахъ коммиссія, несмотря на все желаніе, ничего

не могла найти. Дѣло тянулось долго. Только въ 1750 г. онъ былъ присужденъ къ ссылкѣ въ Угличъ, потомъ въ Устюгъ. Имѣніе было конфисковано; великолѣпный домъ подаренъ Апраксину. Какъ справедливо производилось слѣдствіе, видно изъ того, что когда Петръ III приказалъ возвратить Лестоку взятое у него имѣніе, изъ 40,000 руб. наличными, взятыми при арестованіи, 29,000 показано было истраченными на судебныя издержки, въ томъ числѣ 800 руб. на перья, бумагу и чернила. Пецольдъ, совѣтникъ саксонскаго посольства, говоритъ о характерѣ Лестока, что онъ былъ безпокойный, безразсудный, безсовѣстный, мстительный и своекорыстный человѣкъ. При этомъ, не смотря на несчастіе и болѣзни, Лестокъ умѣлъ сохранить до конца жизни веселость и любезность. Онъ умеръ въ 1767 г.

Вліяніе Бестужева на государственную политику было такъ велико, что мы должны будемъ безпрестанно возвращаться къ нему при изложеніи отношеній Россіи къ европейскимъ державамъ. Здѣсь ограничимся нѣкоторыми біографическими замѣтками и общею характеристикой Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина. Родившись 22-го мая 1692 г., 15-ти лѣтъ онъ былъ отправленъ Петромъ Великимъ (1708 г.) для образованія въ Копенгагенъ и Берлинъ, а потомъ путешествовать. Въ 1712 г. опредѣленъ чиновникомъ къ нашему министру кн. Куракину и былъ на утрехтскомъ конгрессѣ. Въ 1713 г., съ согласія Петра, поступилъ на службу къ ганноверскому курфирсту съ чиномъ старшаго подполковника, сдѣланъ былъ имъ камеръ-юнкеромъ и, послѣ возведенія курфирста на англійскій престолъ, былъ взятъ Георгомъ въ Англію и посланъ отъ него въ С.-Петербургъ, въ званіи уполномоченнаго посла, съ извѣстіемъ о вступленіи на престолъ. Только въ 1717 году онъ перешелъ изъ англійской службы въ русскую и состоялъ оберъ-камеръ-юнкеромъ при герцогинѣ курляндской. Въ 1720 г. отправленъ посломъ въ Копенгагенъ и ѣздилъ оттуда для объясненія въ Лондонъ. При датскомъ дворѣ онъ оставался до 1724 г. и переведенъ чрезвычайнымъ посломъ въ Голландію. Послѣ кончины Петра онъ, по мести Меньшикова, попалъ въ немилость. Въ 1729 г., по ходатайству Бирона, переведенъ чрезвычайнымъ посломъ въ Гамбургъ и Нижній Саксонскій Округъ. Ему удалось похитить изъ голштинскаго архива духовное завѣщаніе императрицы Екатерины I и другія важныя бумаги. Въ 1734 г. снова отправленъ чрезвычайнымъ посломъ въ Копенгагенъ и оставался тамъ до 1740 г., когда, наконецъ, окончательно вызванъ въ Россію и, съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, опредѣленъ кабинетъ-министромъ, на мѣсто казненнаго Волынскаго. Такимъ образомъ въ ранней молодости, въ теченіе почти 32 лѣтъ (за исключеніемъ 3-хъ, проведенныхъ при дворѣ курляндскаго герцога), онъ оставался за границей, участвуя во всѣхъ тайнахъ европейской дипломатіи. Въ новомъ званіи онъ постоянно держался стороны Бирона и послѣ его паденія былъ отставленъ. При Елизаветѣ, по просьбѣ Лестока, онъ былъ

3*

вызванъ ко двору и скоро назначенъ вице-канцлеромъ и получилъ полную довѣренность императрицы.

Бестужевъ получилъ превосходное и многостороннее образованіе. Составленныя имъ капли, до сихъ поръ сохранившія его имя въ медицинѣ, пользовавшіяся громкою славой въ прошломъ вѣкѣ, доказываютъ его знанія въ химіи и медицинѣ. Онъ женатъ былъ на нѣмкѣ, дочери резидента Беттингера, и постоянно покровительствовалъ нѣмцамъ. Лютеранская церковь обязана ему многими приношеніями и тѣмъ, что осталась на прежнемъ мѣстѣ, несмотря на требованіе нашего духовенства. Манштейнъ въ своихъ запискахъ оставилъ намъ слѣдующее описаніе характера Бестужева: „Онъ человѣкъ довольнаго ума и по долговременной опытности видно хорошо зналъ дѣла, а сверхъ того и трудолюбивъ. Но съ другой стороны, былъ нравомъ высокомѣренъ, скупъ, развратенъ, криводушенъ и столько мстителенъ, что никогда не прощалъ тѣмъ, которые оскорбили его высокомѣріе или коснулись его пользъ. — По властолюбивому своему нраву возбудилъ противъ себя весьма много непріятелей, которые ни одного случая не пропускали очернить его предъ государыней“ (II, 182). Переписка дипломатовъ и отзывы Фридриха Великаго могутъ служить доказательствомъ вѣрности этого изображенія. Бестужевъ получалъ большія суммы отъ разныхъ дворовъ, особливо отъ вѣнскаго и дрезденскаго, также лондонскаго нѣкоторое время. Бестужевъ умѣлъ мастерски вести интриги. Къ хитрости онъ умѣлъ присоединять и смѣлость. Никто, не исключая и Разумовскаго, не владѣлъ такъ волей Елизаветы, и многочисленные враги Бестужева только особенному случаю одолжены возможностью свергнуть Бестужева. Манифестъ объ его осужденіи лучше всего доказываетъ, до какой степени казался онъ страшенъ и въ паденіи. Мы, впрочемъ, подробно будемъ говорить о дѣятельности Бестужева.

Братья Шуваловы, Александръ и Петръ Ивановичи, пользовались огромнымъ вліяніемъ въ продолженіе всего царствованія Елизаветы Петровны. Оба они, происходя изъ небогатой дворянской фамиліи, успѣли попасть ко двору, и своимъ возвышеніемъ обязаны были перевороту 25-го ноября, въ которомъ принимали дѣятельное участіе, служа камеръ-юнкерами при Елизаветѣ Петровнѣ. Старшій, Александръ Ивановичъ, пользовавшійся, по преданію, особенною благосклонностью императрицы, лицо безцвѣтное и не отличавшееся ничѣмъ особенно. Съ 1741 по 1753 г. онъ съ необыкновенною быстротою прошелъ служебное поприще съ камеръ-юнкеровъ до званія генералъ-аншефа, графа Россійской имперіи и кавалера ордена св. Андрея. Онъ находился, по словамъ Шаховскаго, въ знатнѣйшихъ и большихъ довѣренностяхъ и имѣлъ подъ своею дирекціей тогда страшную, тайную канцелярію. Онъ начальствовалъ армейскою дивизіей, и произведенъ Петромъ III въ генералъ-фельдмаршалы, но уволенъ былъ отъ службы Екатериной. Онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ своихъ братьевъ. Графъ Петръ Ив. Шуваловъ лицо замѣчательное.

Его возвышеніе было такъ же быстро, какъ и возвышеніе его брата; но по личному характеру онъ имѣлъ несравненно болѣе значенія въ дѣлахъ внутренняго управленія. Онъ былъ женатъ на знаменитой въ лѣтописяхъ придворныхъ интригъ и скандалезной хроникѣ Маврѣ Егор. Шепелевой, бывшей фрейлинѣ Елизаветы и ея повѣренной во всѣхъ дѣлахъ. Мавра Егоровна жила во дворцѣ и служила усердною помощницей своему мужу. Какъ ревниво остерегали Шуваловы Елизавету отъ всякаго имъ чуждаго вліянія, какія средства употребляли для этого, можно видѣть изъ приключенія съ Бестужевымъ и изъ записокъ Шаховскаго. Жадность къ пріобрѣтенію и властолюбію была отличительнымъ свойствомъ характера Шувалова, хотя первое преобладало надъ вторымъ. Петръ Ивановичъ былъ сдѣланъ конференцъ-министромъ, директоромъ коммиссіи для передѣлки мѣдной монеты, управлялъ по званію генералъ-фельдцейхмейстера артиллерійскою и оружейною канцеляріями, и безсовѣстно пользовался, какъ этими, такъ и другими средствами, для увеличенія своего огромнаго состоянія. Чтобы дать понятіе объ этой сторонѣ характера Шувалова, приводимъ нѣкоторые факты. Корыстолюбіе Шувалова тяжело отозвалось на нашей промышленности, оно грозило подорвать въ конепъ благосостояніе населенія Бѣломорскаго и Каспійскаго прибрежій. Онъ выхлопоталъ себѣ исключительную монополію на торговлю саломъ въ Архангельскѣ и Колѣ, на добываніе тюленьяго сала, на промыслы трески, наконецъ на всѣ рыбные промыслы на берегахъ Бѣлаго и Каспійскаго морей. Всякая частная торговля была запрещена въ выгодахъ бѣломорской компаніи Шувалова. Въ 1751 г. онъ получилъ монополію на рыбные промыслы въ Астрахани и во всемъ Каспійскомъ морѣ. Такимъ образомъ интересы огромнаго населенія, самаго предпріимчиваго, были пожертвованы мужу любимицы Елизаветы. Но Шувалову было мало этого. „Графскій домъ, говоритъ Даниловъ, наполненъ былъ тогда весь писцами, которые списывали разные отъ графа прожекты. Нѣкоторые изъ нихъ были, къ пріумноженію казны государственной, которой на бумагѣ мильоны поставлено было цифрами, а другіе прожекты были для собственнаго его графскаго верхняго доходу, какъ-то сало, ворванье, мачтовый лѣсъ и проч., которые были на откупѣ во всей Архангелогородской губерніи, всего умножило его доходъ до 400,000 рублей (кромѣ жалованья) въ годъ". Шуваловы взяли также на откупъ знаменитые Гороблагодатскіе заводы и наглымъ образомъ выпросили себѣ не только всѣ находящіеся при нихъ, еще неразработанные метеріалы, но и 100,000 п. уже привезеннаго въ Петербургъ желѣза. Чтобы заставить рабочее населеніе Пермской губерніи обратиться отъ соляныхъ промысловъ къ работамъ на его заводахъ, онъ убѣдилъ правительство пустить въ продажу экономическую соль. Виннымъ откупщикамъ онъ выхлопоталъ многія льготы, и самъ вступилъ въ подрядъ, совершивъ съ ними выгодную сдѣлку. Онъ былъ виновникомъ отмѣны внутреннихъ пошлинъ, стѣснявшихъ нашу торговлю,

но сдѣлалъ это не изъ видовъ государственной пользы, а, во-первыхъ, потому, что, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ всѣ рыбные промыслы и желѣзные заводы, онъ самъ сдѣлался однимъ изъ главнѣйшихъ торговцевъ и, слѣдовательно, платился наряду съ другими, особенно въ торговлѣ желѣзомъ; во-вторыхъ, по его внушеніямъ купцы въ благодарность поднесли ему за это бриллiантовую звѣзду и крестъ ордена св. Андрея. Сверхъ того, по коммиссіи о передѣлкѣ мѣдной монеты онъ дѣйствовалъ самостоятельно и не отдавалъ отчета даже сенату, раздавая частнымъ образомъ деньги подъ проценты дворянамъ и извлекая изъ этого огромные барыши. Въ сенатѣ и конференціи министровъ онъ не встрѣчалъ противорѣчій. Онъ ѣздилъ туда только въ самыхъ важныхъ случаяхъ, отзываясь занятіями по должности генералъ-адъютанта и своими болѣзнями. Мстительность его была всѣмъ извѣстна и дѣлала его еще болѣе страшнымъ. Онъ неутомимо гналъ всякаго, кто осмѣливался противорѣчить ему даже въ мелочахъ. „Графъ и графиня, говоритъ Даниловъ, тогда были люди знатные и сильные, отъ коихъ и не въ нашу пору трепетали, равные имъ сказывались больными и жили въ приморскихъ своихъ домахъ отъ одного ихъ непріятнаго взгляда“. По должности генералъ-фельдцейхмейстера онъ оказалъ довольно важныя услуги русской артиллеріи разными усовершенствованіями и изобрѣтеніями. Онъ придумалъ гаубицы особаго рода, называвшіяся секретными, потому что дула ихъ закрывались особыми закрышками, и приставленные офицеры и рядовые давали особую присягу, что никому не откроютъ тайны ихъ устройства. Эти гаубицы были, впрочемъ, отмѣнены при Екатеринѣ, признанныя безполезными. При неоспоримомъ умѣ и дарѣ изложенія, П. И. Шуваловъ могъ бы быть полезнымъ для Россіи, если бы не устремилъ всю способность къ своему обогащенію и выгодѣ. Братьямъ Шуваловымъ мы обязаны за одно только, что они приблизили къ трону своего родственника И. И. Шувалова, о которомъ впослѣдствіи придется говорить намъ такъ много. Петръ Иванов. Шуваловъ умеръ въ царствованіе Петра III, 4 января 1762 г.

Князь Черкасскій и графъ Воронцовъ, бывшіе государственными канцлерами, первый прежде, а второй послѣ канцлерства Бестужева, по своимъ характерамъ не могли имѣть большого вліянія на дѣла государственныя. Кн. Алексѣй Михайловичъ Черкасскій (р. 1680 г.) отличался крайнею нерѣшительностью, мнительностью и медленностью ума. Еще въ бытность его сибирскимъ губернаторомъ въ началѣ XVIII вѣка, Генингъ такъ писалъ объ немъ Петру Великому. „Правда, что здѣсь губернаторъ Черкасскій человѣкъ добрый, да не смѣлъ, а особливо въ судебныхъ и земскихъ дѣлахъ, отъ чего дѣла его не споры, а частію болѣе народу отяготительны, и ежели его пошлешь сюда, то для своей пользы дай ему мѣшочекъ смѣлости и судей добрыхъ, людей надворныхъ и въ городахъ управителей, и въ слободахъ; да къ военнымъ дѣламъ оберъ-коменданта

и такого же секретаря, безъ которыхъ ему быть не можно". Когда, за содѣйствіе при возстановленіи самодержавія Анны Іоанновны, Черкасскій сдѣлался членомъ кабинета, то говорилъ, что онъ представляетъ тѣло, а Остерманъ душу кабинета. До какой степени онъ былъ мнителенъ въ самыхъ пустыхъ вещахъ, доказываетъ слѣдующій анекдотъ о немъ. Разъ ночью онъ велѣлъ разбудить Бреверна, чиновника иностранной коллегіи, чтобы спросить: большими или маленькими буквами подписывать ему свое имя въ отвѣтномъ письмѣ герцогу Мекленбургскому. Вслѣдствіе этой медленности въ соображеніи онъ отличался крайнею молчаливостью. Былъ, впрочемъ, честенъ, что было тогда рѣдкостью. Черкасскій умеръ почти черезъ годъ послѣ вступленія на престолъ Елизаветы (4-го ноября 1742 г.).

Графъ Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ, камеръ-юнкеръ Елизаветы, вмѣстѣ съ Лестокомъ всего болѣе содѣйствовавшій ея вступленію на престолъ, быстро дошелъ до чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, получилъ много иностранныхъ орденовъ, орденъ Александра Невскаго, графское достоинство Римской имперіи и въ 1744 г. сдѣланъ вице-канцлеромъ. Онъ былъ человѣкъ очень честный и трудолюбивый, но недостатокъ образованія и опытности въ дипломатическихъ дѣлахъ дѣлали его мало способнымъ къ исполненію этой важной должности. Къ интригѣ онъ мало былъ способенъ и потому, несмотря на то, что пользовался полною довѣренностью императрицы и былъ женатъ на ея родственницѣ, гр. Скавронской, онъ не могъ бороться съ Бестужевымъ и отпросился за границу, гдѣ провелъ 2 года (1746—1748). Послѣ сверженія Бестужева онъ занялъ его мѣсто. При Екатеринѣ онъ не могъ удержаться, вслѣдствіе происковъ Панина и Орлова, и удалился отъ дѣлъ. Объ его характерѣ мы имѣемъ единогласные хорошіе отзывы современниковъ. Много дѣлаетъ ему чести дружба съ Ломоносовымъ.

Первое время въ большой милости былъ принцъ Людвигъ Гомбургскій, участвовавшій въ замыслахъ приверженцевъ Елизаветы. Онъ поступилъ въ русскую службу еще въ 1724 году полковникомъ, достигъ при Екатеринѣ I и Петрѣ II до чина генералъ-поручика, а при Аннѣ Іоанновнѣ сдѣланъ былъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ. Манштейнъ, знавшій его хорошо, говоритъ, что онъ былъ безъ приличнаго образованія, безъ хорошихъ правилъ, суетливъ, слабодушенъ и способенъ на всякія низости. Его неспособность къ военной службѣ была такъ извѣстна, что уже въ 1737 г. его не употребляли въ войнѣ противъ Турціи. Съ начала шведской войны ему поручили начальство надъ войсками, расположенными у Красной Горки, въ увѣренности, что тамъ никогда не дойдетъ до дѣла. За участіе въ возведеніи Елизаветы онъ получилъ званіе генералъ-фельдмаршала и былъ сначала въ большой довѣренности; но скоро его кредитъ совершенно палъ. Онъ былъ презираемъ войскомъ, при дворѣ носилъ прозвище „фельдмаршала комедіантовъ", и, видя общее къ себѣ, нако-

нецъ, нерасположеніе, онъ рѣшился возвратиться въ свои владѣнія; но въ 1745 г. умеръ въ Берлинѣ.

Въ дѣлахъ внутреннихъ, особливо въ отправленіяхъ суда, большое вліяніе въ продолженіе царствованія Елизаветы имѣлъ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой (род. 1700 года). Онъ началъ свою дѣятельность въ военной службѣ; онъ былъ во время войны съ Польшей и Турціей при Аннѣ Іоанновнѣ кригсъ-комиссаромъ; но со вступленіемъ на престолъ Елизаветы былъ почти все время генералъ-прокуроромъ. Трубецкой въ этомъ званіи былъ предсѣдателемъ слѣдственной коммиссіи и обнаружилъ жестокость своего характера; особливо во время суда надъ участниками Лопухинскаго заговора, когда онъ позволилъ себѣ непонятную дерзость и произволъ. Онъ былъ представителемъ, такъ называемой, старой русской партіи. Непонятенъ отзывъ о немъ сатирика Кантеміра, что онъ съ нравомъ *честнымъ*, *тихимъ* соединялъ *совѣсть чистую*. Въ современныхъ разсказахъ находимъ у него совершенно противоположныя качества. Петръ III сдѣлалъ было его генералъ-фельдмаршаломъ и даже полковникомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, но Екатерина II, по вступленіи на престолъ, приказала сказать ему, что желаетъ служить въ одномъ полку съ нимъ и увѣрена, что онъ уступитъ ей начальство. Въ слѣдующемъ году онъ былъ уволенъ отъ всѣхъ должностей. Онъ умеръ 16 октября 1767.

Таковы были главные дѣятели, ближе другихъ стоявшіе къ трону Елизаветы. О многихъ другихъ мы будемъ говорить при изложеніи внѣшней и внутренней исторіи ея царствованія.

Обратимся теперь къ дѣламъ внѣшней политики.

II.

Въ дѣлахъ внѣшней политики на первомъ планѣ стояли отношенія къ Швеціи, потому что Елизавета, вступивъ на престолъ, уже нашла Россію въ войнѣ съ этою державой. Мы должны обратиться нѣсколько назадъ, чтобы объяснить положеніе Швеціи и причины ея разрыва съ Россіею. Внутренній переворотъ, послѣдовавшій въ Швеціи за смертью Карла XII, открылъ дорогу къ борьбѣ частныхъ интересовъ и партій, вмѣсто того, чтобы дать возможность странѣ отдохнуть отъ страшныхъ усилій и жертвъ, какихъ стоило ей славолюбіе и упрямство ея героя. Шведское государственное устройство, послѣ этого переворота, мало чѣмъ разнилось отъ польскаго безначалія. Король Фридрихъ, владѣтельный ландграфъ Гессенъ-Кассельскій, женатый на Ульрикѣ-Элеонорѣ, сестрѣ Карла XII, былъ государемъ только по имени. Фридрихъ Великій сравниваетъ его съ неспособнымъ къ военной службѣ офицеромъ, который радъ, что полу-

чилъ мѣсто городничаго *). Вся власть исходила изъ общаго собранія сословій, собиравшихся черезъ каждые 3 года.

Сословія избирали изъ своей среды тайную коммиссію изъ 100 членовъ, которая давала инструкціи сенату объ управленіи и разсматривала дѣйствія сената и короля, въ теченіе времени отъ одного собранія сословій до другого. Тайная коммиссія состояла изъ 50 депутатовъ отъ дворянства, 25 отъ духовенства и столько же отъ городского сословія. Сословіе поселянъ было исключено, и депутаты его призывались въ тайную коммиссію только въ особенныхъ случаяхъ. Въ сущности вся власть была въ рукахъ аристократіи или олигархіи. Бѣдность страны, малое развитіе торговли и недостаточность въ самомъ необходимомъ, вмѣстѣ съ сильно возбужденными потребностями роскоши, пагубно дѣйствовали на нравственность высшаго дворянства, въ рукахъ котораго находилась вся власть. Англійскій, русскій и французскій посланники дѣйствовали открыто подкупами. Во главѣ управленія находился графъ Арведъ Горнъ, виновникъ шведской конституціи. Его значеніе усиливалось еще тѣмъ, что онъ, кромѣ своего мѣста въ сенатѣ, на трехъ собраніяхъ государственныхъ сословій (1726, 1727 и 1731 гг.) былъ избранъ въ ландмаршалы и, слѣдовательно, по своей волѣ управлялъ засѣданіями. Только въ 1731 г., стараніями противной партіи, положено было, что должность ландмаршала, или президента государственныхъ сословій, несовмѣстна съ должностью сенатора; но и тутъ, впрочемъ, Горну удалось, въ собраніи государственныхъ сословій 1734 г., доставить званіе ландмаршала генералу Левенгаупту, ему преданному. Главный вопросъ, поднятый въ собраніи государственныхъ сословій 1734 г., былъ: принять или не принять участіе въ войнѣ Россіи съ Польшей по поводу избранія королемъ Станислава Лещинскаго? Франція не щадила усилій и денегъ, чтобы возбудить Шведовъ противъ Россіи. Мысль возвратить области, уступленныя по Нейштадтскому договору, находила сочувствіе въ большинствѣ шведскаго населенія, но истощеніе страны не представляло средствъ для борьбы съ такимъ страшнымъ противникомъ, какъ Россія. Графъ Горнъ, наравнѣ съ другими не любившій Россію, зналъ плохое состояніе шведскихъ финансовъ, разстройство арміи и двора, предчувствовалъ трудности вопроса о престолонаслѣдіи въ Швеціи по случаю бездѣтности Фридриха и, вслѣдствіе этого, рѣшительно отказался отъ союза съ Франціей и явился жаркимъ защитникомъ необходимости продолженія мира съ Россіею. Графъ Гилленборгъ, доселѣ явный приверженецъ Петербурга, быстро перешелъ на сторону Франціи для того, чтобы дѣйствовать противъ Горна, съ которымъ онъ велъ давнюю борьбу. Левенгауптъ также отпалъ отъ Горна и присоединился къ партіи, желавшей войны съ Россіей. Со-

*) Il considérait son poste à peu près comme un vieux lieutenant-colonel invalide regarde un petit gouvernement qui procure une retraite honorable. Oeuvres. II, 18.

словіе поселянъ было сильно встревожено слухами о близкой войнѣ, которая все болѣе и болѣе пріобрѣтала себѣ приверженцевъ въ высшемъ сословіи. Выступили двѣ партіи: партія шляпъ—французская, партія шапокъ (колпаковъ)—русская. Въ дѣла вмѣшались женщины: графини Ливенъ и де-ла-Гарди и баронесса Будденброкъ принадлежали къ французской партіи, графиня Бонде—къ русской. Заключенъ трактатъ о субсидіяхъ съ Франціей 28-го іюня 1735 г. Русскій посланникъ М. П. Бестужевъ возобновляетъ 5-го (16-го) августа 1735 г. союзный договоръ съ Швеціей на 12 лѣтъ, французскій посланникъ, графъ Кастейа, апеллируетъ отъ сената къ собранію государственныхъ сословій. Король нѣсколько разъ требовалъ его отозванія за дерзкія рѣчи, но онъ отозванъ былъ только въ концѣ 1737 г. На его мѣсто былъ присланъ графъ Сенъ-Северенъ. Гилленборгъ старался привлечь короля къ союзу съ Франціей обѣщаніемъ Франціи стараться доставить наслѣдство шведскаго престола гессенскому дому. Непріязнь короля къ Франціи и привязанность къ ганноверскому дому были главнымъ препятствіемъ. Гилленборгъ дѣйствуетъ и противъ сената и противъ короля, а апеллируетъ онъ отъ правительства къ націи. Государственныя сословія собрались въ ноябрѣ 1738 г. Королева объявляетъ нежеланіе видѣть графа Тессина ландмаршаломъ, но Тессинъ выбранъ 525 голосами противъ 141, и тотчасъ же заключенъ союзъ съ Франціей, по которому Франція обязуется платить въ теченіе 3 лѣтъ по 300,000 талеровъ, и обѣ державы не могутъ заключать другихъ союзовъ безъ взаимнаго соглашенія. Горнъ оставляетъ управленіе, а господствующая партія исключаетъ 5 сенаторовъ. Архенгольцъ, въ сочиненіи, изданномъ на шведскомъ языкѣ въ 1730 г., сказалъ рѣзко о Франціи и кардиналѣ Флёри. Въ 1738 г. его судили, лишили всѣхъ должностей, заставили письменно просить прощенія у кардинала Флёри, сожгли всѣ экземпляры его сочиненія. Въ Турцію посланъ майоръ Синклеръ, который и былъ убитъ на дорогѣ двумя русскими офицерами. Послано 8,000 человѣкъ войска въ Финляндію, съ поспѣшностью, которою даже Франція была недовольна. Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1740 г., умираютъ императоръ Карлъ VI и императрица Анна Іоанновна, и Франція желаетъ войны Швеціи съ Россіей, чтобы Россія не могла подать помощи Австріи. Графъ Гилленборгъ становится главой министерства и созываетъ чрезвычайное собраніе государственныхъ сословій въ декабрѣ 1740 г. Установляется олигархическій характеръ правленія: тайная коммиссія выдѣляетъ изъ себя особенную тайную депутацію, откуда возникаетъ самый тайный комитетъ изъ 4 сенаторовъ и 3 депутатовъ. Русскій посланникъ получаетъ подробныя извѣстія о всѣхъ планахъ: секретарь баронъ Гилленштіернъ уличенъ въ передачѣ Бестужеву всѣхъ тайныхъ депешъ, лишенъ чиновъ, чести и присужденъ сначала къ смертной казни, потомъ къ пожизненному заключенію. А между тѣмъ партія шляпъ успѣла склонить на свою сторону и короля, позволивъ возвратиться дѣвицѣ Таубе. Шведскій посланникъ въ Петербургѣ, Ноль-

кенъ, и начальникъ войска въ Финляндіи, Будденброкъ, посылаютъ въ Стокгольмъ извѣстія, составленныя также въ духѣ воинственной партіи.

Объявленіе войны Россіи послѣдовало 1-го августа нов. ст. 1741 г. Вотъ причины войны, выставленныя въ манифестѣ: дѣло Синклера, запрещеніе вывозить изъ Ливоніи хлѣбъ въ Швецію, исключеніе цесаревны Елизаветы отъ русскаго престола, владычество въ Россіи иностранцевъ, тягости для русскаго народа. Швеція не была готова къ войнѣ: въ Финляндіи было очень мало войскъ, да и тѣ разбросаны въ разныхъ мѣстахъ и на далекихъ разстояніяхъ другъ отъ друга; не устроено хлѣбныхъ магазиновъ, нѣтъ нужныхъ военныхъ припасовъ. Предосторожности, взятыя шведскимъ правительствомъ, чтобы объявленіе войны дошло до Петербурга попозже, не имѣли успѣха: Россія давно знала враждебныя намѣренія Швеціи и получила подробныя свѣдѣнія о засѣданіяхъ тайной коммиссіи. Русскія войска подъ начальствомъ лучшихъ генераловъ, Ласси и Кейта, собраны въ лагерѣ недалеко отъ Выборга; другой корпусъ на Красной Горкѣ. Левендаля отдѣльно отрядили прикрывать Ливонію и Эстонію. 13-го (24-го) августа, въ день рожденія Іоанна Антоновича, объявленъ манифестъ Россіи о войнѣ, въ отвѣтъ на шведскій манифестъ. Черезъ два дня русское войско двинулось къ границѣ, а 1-го сентября н. ст. уже выступило въ шведскую Финляндію. Шведскія войска, собранныя наскоро, находились въ разныхъ мѣстахъ, недалеко отъ Вильманстранда, подъ начальствомъ Будденброка и Врангеля. Ласси съ 10 тысячами идетъ къ Вильманстранду. Ложная тревога въ русскомъ станѣ мѣшаетъ русскимъ вполнѣ воспользоваться оплошностью непріятеля. Въ это время подошелъ Врангель съ 5,000 человѣкъ, но былъ разбитъ (3-го сентября н. ст.), потерявъ 4 штандарта и 12 знаменъ, 18 орудій и 125 плѣнныхъ. Вильманстрандъ взятъ русскими войсками и сожженъ, а жители его переведены въ Россію. Ласси отводитъ войска назадъ на зимнія квартиры. Левенгауптъ, назначенный шведскимъ главнокомандующимъ, успѣлъ собрать войско (23,000), устроить магазины и не только поправить прежнюю оплошность, но даже сжечь нѣсколько русскихъ запасовъ.

Вступленіе на престолъ Елизаветы повело къ перемирію. Шетарди далъ знать Левенгаупту, что Елизавета вознаградитъ Швецію за содѣйствіе въ достиженіи ею русскаго престола. Швеція требовала областей, завоеванныхъ Петромъ Великимъ. Левенгауптъ до того былъ увѣренъ въ успѣхѣ, что распустилъ всѣ войска по дальнимъ квартирамъ и не принималъ никакихъ мѣръ предосторожности. Елизавета Петровна соглашалась на денежное вознагражденіе, но не хотѣла слышать объ уступкѣ какой-нибудь части территоріи. Военныя дѣйствія, начавшіяся въ мартѣ, застали шведскую армію совершенно неготовою. Левенгауптъ приказалъ сжечь запасы въ Фридрихсгамѣ и собраться войску; но это была ложная тревога. Русское войско изъ 25,000 сухопутной арміи и 10,000 посаженныхъ на галеры начало наступленіе только 18-го іюня н. ст. Левенгауптъ прислалъ

полковника Лагеркранца договариваться о мирѣ; Ласси отослалъ его въ Москву и продолжалъ наступленіе: войско должно было тянуться по узкимъ дорогамъ, и небольшой отрядъ могъ бы остановить его надолго. Левенгауптъ занялъ сильную позицію при Мендолаксѣ въ 4 миляхъ передъ Фридрихсгамомъ, но бросилъ ее, къ крайнему изумленію русскихъ. Ласси намѣренъ былъ открыть правильную осаду крѣпкаго своимъ положеніемъ Фридрихсгама, но Шведы 10-го іюля зажгли городъ и удалились съ такою поспѣшностью, что Естерботнійскій полкъ позабылъ свое знамя: 40 пушекъ достались русскимъ, большая часть запасовъ была уничтожена Шведами. 12-го іюля русское войско дошло до рѣки Кюмени, когда прибылъ гонецъ отъ двора съ приказаніемъ остановить, дойдя до Кюмени, дальнѣйшее наступленіе и удерживать только занятыя уже земли. На военномъ совѣтѣ русскіе генералы требовали исполненія приказанія; иностранные совѣтовали воспользоваться разстройствомъ шведской арміи и пойти къ Гельсингфорсу. Ласси принялъ послѣднее мнѣніе. Левенгауптъ занялъ станъ подъ Гельсингфорсомъ и хотѣлъ отступить къ Або, когда генералъ Левендаль, воспользовавшись старою дорогой, проложенною чрезъ лѣсъ еще Петромъ Великимъ, зашелъ въ тылъ и преградилъ отступленіе. Въ то же время русскій флотъ, подъ начальствомъ адмирала Мишукова, заперъ Шведовъ со стороны моря; 25-го августа н. ст. вся шведская армія (17,000 или 12,000) положила оружіе на слѣдующихъ условіяхъ: 1) 10 финскихъ полковъ положили оружіе, а драгуны отдали своихъ лошадей и разошлись по домамъ. 2) Всѣ запасы, полевая артиллерія и оружіе, находившееся въ Гельсингфорсѣ, сданы русскимъ. Шведамъ выдана была осадная артиллерія и столько провіанту, сколько необходимо было имъ для возвращенія на родину. 3) Шведская пѣхота должна быть отвезена въ Швецію на шведскихъ галерахъ. 4) Шведская конница должна была итти въ Швецію на Торнео подъ прикрытіемъ нашихъ гусаръ. Изъ 1,200 шведскихъ всадниковъ не болѣе 100 перешло шведскую границу. Шведская пѣхота, 4,000 человѣкъ, отъ болѣзней и отъ морского переѣзда, потеряла почти половину людей на возвратномъ пути. Военныя силы Швеціи были въ конецъ подорваны, и вся Финляндія находилась въ рукахъ русскихъ,—капитуляція, тѣмъ болѣе постыдная, что русское войско немногимъ превосходило числомъ шведскую армію, имѣвшую на своей сторонѣ превосходство мѣстности.

Чтобы нѣсколько объяснить это непонятное несчастіе военныхъ дѣйствій, надо войти въ положеніе враждующихъ сторонъ и въ устройство шведской арміи. Партія шляпъ не думала о серьёзной войнѣ; военными дѣйствіями она хотѣла прикрыть дипломатическую интригу. Французскія субсидіи разошлись по рукамъ олигарховъ. Вступленіе на престолъ Елизаветы еще болѣе успокоило шведское правительство, ожидавшее всего отъ ея благодарности. Олигархическое устройство проникло и въ армію. Все рѣшалось военнымъ совѣтомъ, гдѣ засѣдали всѣ полковники и гдѣ

главнокомандующій, наравнѣ съ прочими, имѣлъ только одинъ голосъ. Часто принуждены были отсылать разсужденія военнаго совѣта въ Швецію и ждать рѣшенія отъ короля и сената. Было еще обстоятельство, гибельное для шведской арміи. Въ Швеціи, со смерти Ульрики-Элеоноры (23-го ноября 1741 г. н. ст.), подняли вопросъ о престолонаслѣдіи, и партія мира (колпаковъ) получила прежнюю силу. Множество офицеровъ оставило армію, чтобы своимъ присутствіемъ въ Стокгольмѣ подкрѣпить ту или другую партію. Можно ли было при всемъ этомъ ожидать единства въ военныхъ соображеніяхъ, рѣшительности и успѣха военныхъ дѣйствій? Интрига между тѣмъ дѣлала свое: полковникъ Лагеркранцъ, посланный Левенгауптомъ съ мирными предложеніями къ Ласси и отправленный въ Москву, сдѣлалъ произвольно предложеніе избрать наслѣдникомъ шведскаго престола герцога Голштинскаго. Арестованный по возвращеніи къ войску и отправленный Левенгауптомъ въ Стокгольмъ, онъ не только оправдался, но еще убѣдилъ пожертвовать генералами народному неудовольствію и избраніемъ герцога Голштинскаго получить миръ съ Россіей. Еще 19-го августа Левенгауптъ и Будденброкъ вызваны въ Стокгольмъ и преданы суду, а гельсингфорскую капитуляцію заключилъ, съ согласія военнаго совѣта, старшій изъ находившихся въ шведской арміи генераловъ, Буске. На собраніи государственныхъ сословій сословіе поселянъ первое объявило себя за герцога Голштинскаго, во-первыхъ, потому, что онъ происходилъ отъ царственной шведской крови; во-вторыхъ, потому, что этимъ надѣялись получить возвращеніе и мира, и захваченныхъ провинцій. Сословіе горожанъ, а потомъ и сословіе духовенства и дворянства пристали къ этому рѣшенію. Графъ Бонде, баронъ Гамильтонъ и баронъ Шефферъ (4 янв. 1743 г. н. ст.) отправлены были въ Петербургъ предложить шведскую корону герцогу Голштинскому. Ихъ приняли очень холодно, и герцогъ, объявленный уже наслѣдникомъ россійскаго престола, принявъ съ именемъ Петра Θеодоровича грекороссійское исповѣданіе, отказался отъ предлагаемаго ему шведскаго наслѣдства. Предложеніе шведской короны герцогу не было, впрочемъ, вполнѣ искренно. Партія шляпъ, покорная французскому вліянію, хотѣла доставить корону принцу Биркенфельдскому. Между тѣмъ открыты были переговоры о мирѣ въ Або. Уполномоченными съ русской стороны были Румянцевъ и Люберасъ (по вліянію Лестока), съ шведской—баронъ Цедеркрейцъ и государственный секретарь баронъ Нолькенъ. Въ то же время продолжались военныя дѣйствія на морѣ. Хотя флотъ корабельный, находившійся подъ начальствомъ адмирала Головина, и не вступалъ въ дѣло, несмотря на всѣ требованія Ласси, но галерный подъ начальствомъ самого Ласси и генерала Кейта дѣйствовалъ успѣшно, одержавъ верхъ въ нѣкоторыхъ стычкахъ и принудивъ шведовъ уклониться отъ сраженія.

Въ Швеціи, съ отказомъ герцога Голштинскаго, начались ожесточенныя борьбы партій и претендентовъ на наслѣдіе. Принцъ Биркенфельд-

скій, поддерживаемый Франціей, и принцъ Гессенскій, покровительствуемый Англіей, мало имѣли шансовъ на успѣхъ; но два другіе претендента располагали значительными силами. Одинъ изъ нихъ былъ близкій родственникъ наслѣдника русскаго престола, Адольфъ-Фридрихъ, титулярный епископъ любекскій, бывшій администраторъ Голштиніи и родной братъ перваго, любимаго жениха Елизаветы Петровны. Второй былъ сынъ датскаго короля Христіана VI. Кандидатура датскаго принца находила себѣ приверженцевъ въ сословіи поселянъ, которые желали усиленія королевской власти и уничтоженія тягостнаго владычества олигархіи. Еще лѣтомъ 1742 года 500 датскихъ рекрутъ отказались идти въ Финляндію, если не пойдетъ съ ними самъ король: „Мы хотимъ одного короля, а не многихъ", говорили они, и только пушки могли принудить ихъ къ повиновенію. Званіе епископа любекскаго дѣлало ихъ жаркими противниками его избранія. Датчане имѣли наготовѣ 12,000 войска на норвежской границѣ, чтобы при случаѣ подкрѣпить кандидатуру своего принца. Но если надежда на усиленіе королевской власти заставляла поселянъ желать избранія сына Христіана VI, то тѣ же самыя причины побуждали приверженцевъ олигархіи, по чувству самосохраненія, противодѣйствовать этому выбору и склониться на сторону епископа любекскаго. Было и еще важное побужденіе къ этому избранію. Полковникъ Фабіанъ Вреде представилъ слѣдующее объясненіе финляндскаго дворянства: „Финскій народъ сохранитъ вѣрность, пока у него будетъ надежда остаться за Швеціей; но когда шведы хотятъ сдѣлаться Датчанами, то Финляндія будетъ навѣки оторвана отъ Швеціи, потому что Россія силой удержитъ завоеванныя ею области, и финнамъ въ этомъ случаѣ лучше добровольно признать владычество Россіи". Въ это время вспыхнуло возстаніе поселянъ въ Далекарліи. Провинціи Упландская, Зюдерманландская, Смоландъ и Сканія также волновались. Далекарлійцы явились 20-го іюля въ Стокгольмъ; гвардейскій полкъ, выведенный противъ нихъ, не хотѣлъ сражаться, позволилъ себя обезоружить и взять пушки. Старый король, игравшій самую жалкую роль во всѣхъ этихъ событіяхъ, напрасно выѣзжалъ самъ уговаривать возмутившихся. Только возвращеніе изъ Финляндіи шведскихъ войскъ спасло Стокгольмъ отъ слѣдствій бунта поселянъ. Послѣ жестокой схватки 80 крестьянъ было убито и около 3,000 захвачено. Шедингу, главному виновнику, отрубили голову; майора Врангеля, предводителя ихъ, осудили на вѣчное заключеніе, остальные подверглись жестокому тѣлесному наказанію, и множество умерло въ тюрьмахъ. Волненіе между поселянами и страхъ передъ датскимъ вторженіемъ дали, однако же, перевѣсъ датской партіи. Дворянство русской партіи было вынуждено согласиться на избраніе датскаго принца, если къ извѣстному сроку (4-го іюля) не состоится миръ.

Безпечность Елизаветы едва-было не погубила дѣла Голштинскаго герцога. Два дня она держала курьера, не подписывая декпараціи, и только

смѣлость полковника Лингена, кратчайшею дорогой, черезъ Аландскіе острова, на рыбачьей лодкѣ, пробравшагося въ Стокгольмъ въ самый день, назначенный для избранія датскаго принца, съ извѣстіемъ о подписаніи въ Або мирныхъ условій, спасла герцога. Прелиминарныя статьи мирнаго договора, подписанныя 16-го іюля 1743 г. ст. ст. въ Або русскими и шведскими уполномоченными, были слѣдующія: 1) Будетъ вѣчный миръ, и тотчасъ же прекращаются военныя дѣйствія. 2) Шведскіе государственные чины изберутъ и объявятъ наслѣдникомъ шведскаго престола Адольфа-Фридриха, администратора герцогства Голштинскаго, епископа любскаго. Швеція уступаетъ Россіи провинцію Кюменгорскую со всѣми рукавами и устьями рѣки Кюмени до самыхъ рубежей Таваcтгусскихъ и Саволакскихъ; сверхъ того, городъ и крѣпость Нейшлотъ. 3) Россія возвращаетъ Швеціи завоеванныя ею провинціи. Великій князь Всероссійскій отступаетъ отъ своихъ притязаній на Швецію, которыя онъ могъ имѣть, какъ герцогъ Голштинскій. 4) Будутъ стараться о заключеніи формальнаго мирнаго трактата на основаніи Нейштадтскаго. 27-го іюня совершилось избраніе Адольфа-Фридриха наслѣдникомъ шведскаго престола. 4-го іюля подписанъ избирательный актъ всѣми сословіями. 8-го (19-го) августа 1743 г. совершилась ратификація въ Петербургѣ мирнаго трактата, заключеннаго въ Або. Россія пріобрѣла подтвержденіе всѣхъ владѣній, уступленныхъ Швеціей по нейштадтскому миру, сверхъ того вновь провинцію Кюменгорскую съ городами Фридрихсгамомъ и Вильманстрандомъ, 109 кв. миль, часть кирхшпиля Пюттиса и крѣпость Нейштадтъ съ дистриктомъ (арт. 4 и 5) и уступила Швеціи другія завоеванныя области. Швеція получила право вывозить изъ балтійскихъ русскихъ портовъ хлѣба на 50,000 руб. Остальное на условіяхъ нейштадтскаго мира. Обмѣнъ ратификацій совершенъ въ Або 27-го августа 1743 г. Празднованіе абосскаго мира совершилось съ величайшимъ торжествомъ въ Москвѣ, гдѣ находился тогда дворъ. Участвовавшіе и неучаствовавшіе получили большія награды. Войска были распущены, за исключеніемъ отряда генерала Кейта, предназначавшагося въ Швецію, для поданія помощи королю.

Избраніе голштинскаго администратора наслѣдникомъ шведскаго престола не прекратило волненія въ Швеціи. Сословіе поселянъ попрежнему стояло втайнѣ за датскаго принца. Христіанъ VI угрожалъ вторженіемъ со стороны Норвегіи и Шоніи. Король и сенатъ, сознавая свое безсиліе, должны были просить вооруженной силы у Россіи. Генералъ Кейтъ, несмотря на осеннія бури, съ 11,000 войска переправился на галерахъ въ Швецію и 23 октября 1743 года былъ уже на шведскихъ берегахъ. До іюня 1744 года оставались русскія войска въ провинціяхъ Зюдерманландской и Остерготійской, прикрывая шведскія владѣнія отъ датскаго вторженія и удерживая внутреннія волненія. Шведское правительство получило отъ Россіи, кромѣ того, 400,000 рублей субсидіи въ три срока (Полн. Соб. Зак. № 8,857, января 14, 1744 г.). Въ февралѣ 1744 г.

отказалось, наконецъ, датское правительство отъ своихъ притязаній на наслѣдство шведскаго престола и признало права Адольфа-Фридриха. Россія, благодаря борьбѣ внутреннихъ партій въ Швеціи, своекорыстнымъ стремленіямъ олигарховъ и неспособности шведскаго короля, глубоко унизила давнюю соперницу и получила рѣшительное вліяніе на внутреннія дѣла Швеціи, пользуясь имъ для окончательнаго ея ослабленія.

Западная Европа со смертію Карла VI, со вступленіемъ на престолъ Фридриха II прусскаго, выходила на дорогу темныхъ интригъ и нескончаемыхъ войнъ. Въ дипломатіи и войнахъ должна была принимать участіе и Россія, со временъ Петра государство европейское. Прежде, чѣмъ касаться обще-европейскихъ интересовъ, мы должны взглянуть на внутреннее устройство главнѣйшихъ европейскихъ государствъ въ это время.

Во Франціи царствовалъ Людовикъ XV, воспитанный епископомъ фрежюсскимъ, Флери, совершенно овладѣвшимъ умомъ и привязанностью своего воспитанника. Съ 15 лѣтъ (4 февраля 1723 г.) Людовикъ XV началъ по имени управлять государствомъ. Въ сущности вся власть находилась въ рукахъ регента, по смерти котораго герцогъ Бурбонъ получилъ управленіе и передалъ его въ руки своей признанной любовницы, маркизы *De Prie*, которая въ свою очередь управлялась своими братьями, сыновьями трактирщика, но умными, энергическими. Главнымъ дѣломъ въ управленіе герцога Бурбона былъ бракъ короля съ Маріей Лещинской, дочерью Станислава, минутнаго короля Польши. Намѣреніе отстранить совершенно Флери отъ участія въ дѣлахъ государственныхъ было причиною удаленія самого герцога Бурбона. Флери, сдѣланный кардиналомъ и первымъ министромъ, съ тѣхъ поръ (11 іюня 1726 г.) до самой смерти почти безъ раздѣла владѣлъ Франціею, которая обязана ему многимъ. Онъ внесъ въ управленіе финансами бережливость и порядокъ и воспользовался продолжительнымъ миромъ, чтобы по возможности исправить несчастное положеніе страны, которой такъ дорого стоила военная слава Людовика XIV и безумное правленіе регента, дѣло Ло. Для достиженія этой цѣли Флери сократилъ армію и флотъ, почти совершенно уничтоживъ послѣдній. Тайною сдѣлкой съ англійскимъ министерствомъ онъ обязался постоянно сдерживать развитіе морскихъ силъ Франціи, и старанія Морепа, управлявшаго морскимъ департаментомъ, сколько-нибудь противодѣйствовать этому умышленному ослабленію флота или вознаградить его сильнымъ развитіемъ морской торговли и купеческаго флота, не могли быть вполнѣ успѣшны. То же самое было съ арміей. Въ первые же 5 лѣтъ она была уменьшена на 65,000. Полки вмѣсто 1,000 состояли изъ 400 человѣкъ. Флери всего ожидалъ отъ финансовъ и дипломатіи. Онъ называлъ государственныхъ фермеровъ 40 столбами государства. Тайные переговоры, дипломатическія интриги, подкупы заняли первое мѣсто. Никогда, можетъ быть, дипломатія не получала такого характера, не облекалась такою тайною, не отличалась такою неразборчивостью въ средствахъ, такою безнравствен-

ностью, никогда не было такого простора для интригъ всякаго рода. Флери удалось довершить планы Ришелье и Мазарини. Вѣнскимъ миромъ онъ доставилъ въ пожизненное владѣніе тестю Людовика XV, Станиславу Лещинскому, герцогство Лотарингію и Баръ, съ тѣмъ, чтобы послѣ смерти Станислава эти владѣнія окончательно принадлежали Франціи. Такимъ образомъ 39 квадратныхъ миль съ 1.240,000 жителей, врѣзывавшіяся въ предѣлы Франціи и отдѣлявшія Эльзасъ отъ Франш-Конте, были навсегда пріобрѣтены государству. Весь занятый финансами и дипломатіей, кардиналъ Флери болѣе всего боялся войны. Между тѣмъ около молодого короля со всѣхъ сторонъ переплетались придворныя интриги. Полный довѣренности къ своему воспитателю, Людовикъ XV весь преданъ былъ удовольствіямъ. Охота, въ которой участвовали первыя красавицы Франціи, карточная игра, веселые ужины поглощали все его вниманіе. Блестящая придворная молодежь, герцогъ Ришелье, de Gesvres, d'Epernon, Soubise, Aiguillon, de la Trémouille, marquis de Souvré, marquis de Coigny, были его неразлучными товарищами. Къ общему удивленію и неудовольствію, король любилъ свою супругу, Марію Лещинскую, бывшую старше его годами, оставался ей вѣренъ. Придворныя дамы добивались чести быть королевскими наложницами. Вельможи были посредниками въ любовной интригѣ. Мѣщанская добродѣтель молодого короля подвергалась сарказмамъ, куплетамъ и т. п. Марія Лещинская вмѣстѣ съ красотой, свѣжестью, унесенными частыми родами, утратила, наконецъ, власть надъ сердцемъ короля, и герцогу Ришелье, съ согласія кардинала Флери, досталась честь дать королю первую титулованную любовницу въ лицѣ madame de Mailly. Людовикъ XV окончательно поддался ей на одной изъ шумныхъ оргій, и съ тѣхъ поръ Марія Лещинская сохраняла только внѣшнія почести королевской супруги и постепенно заключалась въ тѣсный семейный кругъ, рѣдко посѣщаемый королемъ. Іезуиты овладѣли ею; для короля же открылась новая жизнь. Версаль былъ почти оставленъ. Choisy и маленькіе апартаменты въ этомъ помѣстьѣ были любимымъ мѣстопребываніемъ Людовика XV. Здѣсь царствовала madame de Mailly; непродолжительная связь короля съ ея сестрой, герцогинею de Vintimille, грозила-было ей паденіемъ, но Vintimille умерла родами, оставивъ королю сына, и de Mailly получила прежнюю власть. Она владѣла Людовикомъ, дѣйствуя на его чувственность. Веселая, живая, способная выпивать нѣсколько бутылокъ шампанскаго, не пьянѣя, она была достойною предсѣдательницей королевскихъ оргій. 29-го января 1743 г. умеръ кардиналъ Флери, и Людовикъ XV объявилъ, что самъ будетъ управлять государствомъ съ помощью 4 государственныхъ секретарей, завѣдывавшихъ различными отраслями государственнаго управленія: M. Amelot (иностранныя дѣла), графъ de Maurepas (флотъ), графъ de St.-Florentin; D'Argenson (военныя дѣла). Со смертью Флери рушилось единство управленія; интрига получила еще больше значенія. Madame de Mailly была свержена

своею младшею сестрой, маркизой de Tournelle, которая черезъ посредство того же герцога Ришелье получила титулъ герцогини de Châteauroux и сдѣлалась признанною любовницей короля. Послѣ ея смерти, 3-го дек. 1744 г., и краткаго промежутка, m-me d'Etiôles, урожденная Poisson, впослѣдствіи столь извѣстная подъ именемъ маркизы Помпадуръ, овладѣла Людовикомъ и получила огромное вліяніе на дѣла государственныя. Это былъ ударъ для знатныхъ дамъ, добивавшихся той же чести. Нѣсколько времени поднятъ былъ вопросъ: ѣздить ли къ m-me d'Etiôles? Но ловкая parvenue сумѣла удержать свою власть надъ королемъ, и не только французская аристократія, но и коронованныя особы искали дружбы могущественной куртизанки. Мы упомянули объ этихъ скандалезныхъ интригахъ потому, что онѣ имѣли огромное вліяніе на судьбу не одной Франціи. Уже со времени m-me de Mailly подлѣ офиціальной политики кардинала Флери находилась тайная политика королевской любовницы. Со времени Châteauroux и въ особенности Помпадуръ эта непризнанная политика занимала все болѣе видное мѣсто. Смѣна министровъ и генераловъ, заключеніе союзовъ, война и миръ, однимъ словомъ, важнѣйшія дѣла государственныя рѣшались не въ совѣтѣ министровъ, а въ уборной и спальной королевской наложницы. При каждомъ почти европейскомъ дворѣ подлѣ посланника или резидента, назначеннаго министромъ иностранныхъ дѣлъ, находился тайный агентъ Шатору или Помпадуръ. Придворною интригой, будуарною сценой объясняются или условливаются многія событія, имѣвшія важное значеніе для всей Европы.

Если бы мы захотѣли вполнѣ понять позорное и несчастное состояніе государствъ, въ которыхъ интересамъ одного или нѣсколькихъ лицъ окончательно жертвовалось благосостояніе страны, намъ должно перейти въ Германію. Какъ ни тяжело было положеніе Швеціи подъ властью олигарховъ и среди безпрерывной борьбы ихъ партій, какъ ни унижена была Франція правленіемъ королевскихъ любовницъ и ихъ креатуръ, ихъ участь была, однако же, завиднѣе, сравнительно съ судьбой Саксоніи и другихъ германскихъ владѣній. Карлъ-Альбертъ, курфирстъ Баварскій, получилъ 30 милліоновъ долгу въ наслѣдство отъ отца. Какъ ни велико было его стремленіе къ расточительности и внѣшнему блеску, онъ долженъ былъ значительно сократить придворный штатъ. Армія была уменьшена болѣе, чѣмъ въ половину, но и оставшаяся часть могла содержаться только французскою милостыней, подъ учтивымъ именемъ субсидій. Баварское правительство два раза въ теченіе этого вѣка отдавало свою армію въ наемъ врагу имперіи, во время имперской войны. Несмотря на крайнее истощеніе страны, Карлъ-Альбертъ и его супруга любили внѣшній блескъ и роскошь. Съ этимъ соединялось у нихъ какое-то средневѣковое благочестіе. Во время крайняго безденежья они послали въ Алтеттингъ серебряное изображеніе, вѣсомъ равное ихъ старшему сыну, которому было 8 лѣтъ. Придворные праздники, щедрая разсылка по монасты-

рямъ и церквамъ богатыхъ приношеній поглощали небольшіе государственные доходы Баваріи. Борьба между графами *Прейсингомъ* и *Фуггеромъ*, между *Террингомъ* и канцлеромъ *Унертелемъ* за исключительное вліяніе на безхарактернаго курфирста занимали главное мѣсто. При дворѣ и во всей странѣ господствовалъ средневѣковой обскурантизмъ и іезуиты. Безъ денегъ баварскій дворъ хотѣлъ сохранить царственную пышность; безъ арміи Баварія готовилась вступить въ борьбу съ могущественнымъ противникомъ. Отношенія курфирста къ французскому правительству показываютъ глубокое нравственное униженіе точно такъ же, какъ и политическое паденіе Баваріи. Не лучше было положеніе *Саксоніи*. Августъ III, король польскій и курфирстъ саксонскій, былъ въ сущности добрый человѣкъ, но онъ совершенно не занимался дѣлами и короталъ время въ обществѣ графа и графини *Брюль* (Brühl). Вся власть въ государствѣ принадлежала сначала оберъ-камергеру *Сульковскому*, въ теченіе 5-ти лѣтъ составившему себѣ состояніе въ 2.000,000; потомъ графу Брюлю. Удаленіе отъ дѣлъ короля было до того полное, что даже во время войны онъ не зналъ, гдѣ находятся его войска. Самъ Брюль тоже не занимался дѣлами и не понималъ ихъ. 8 секретарей завѣдывали каждый своимъ отдѣломъ и подготовляли дѣла, рѣшеніе которыхъ зависѣло отъ Брюля и его любимцевъ. Все вниманіе перваго министра обращено было на пріобрѣтеніе богатства. Даже въ то время, когда Саксонія была совершенно опустошена войной, Брюль жилъ съ царскою пышностью. Его сады, библіотека, собраніе рѣдкостей удивляли своимъ богатствомъ. Дворецъ былъ наполненъ болѣе, чѣмъ 200 служителей и даже чиновниками, которые исправно получали жалованье въ то время, когда королевская армія оставалась безъ платы и содержанія; столъ гр. Брюля великолѣпіемъ далеко превосходилъ королевскій. Даже его собраніе тростей, шляпъ, фраковъ и париковъ было единственнымъ въ своемъ родѣ, и послѣ двухкратнаго опустошенія Саксоніи, послѣ разоренія помѣстій Брюля его состояніе цѣнилось болѣе чѣмъ въ 2.000,000 талеровъ. Положеніе Саксоніи было самое печальное. Графъ Брюль продавалъ могшимъ купить кровь саксонской арміи, по 25-ти мѣсяцевъ не получавшей жалованья. Земледѣліе и торговля погибли въ опустошительныхъ войнахъ. Неприкосновенно оставалось только колоссальное богатство Брюля и его власть надъ флегматическимъ королемъ. *Въ Пфальцѣ* 72-лѣтній Карлъ-Филиппъ, послѣдній потомокъ Нейбургскаго дома, проводилъ свою жизнь въ праздникахъ и охотѣ, въ преслѣдованіи реформатовъ и въ постройкѣ зданій, не обращая ни малѣйшаго вниманія на состояніе своей страны. Его поведеніе во время имперской войны 1734—1735 года возбудило общее негодованіе. Когда французскія войска до того опустошили Пфальцъ, что сами же должны были привезти хоть нѣсколько зернового хлѣба для будущаго посѣва, онъ великолѣпно угощалъ въ Мангеймѣ и Швецингенѣ французскихъ генераловъ. Старый принцъ Евгеній не могъ скрыть своего пре-

зрѣнія къ легкомысленному курфирсту, среди ужасовъ войны, разорявшей его области, заботившемуся только о сбереженіи дичи въ лѣсахъ. *Въ Виртембергѣ* нѣкоторое время страна пользовалась отчасти отдыхомъ. Послѣ смерти герцога Карла-Александра, его супруга, участвовавшая на ученыхъ диспутахъ Тюбингенскаго университета и объявившая себя въ 1735 г. мальтійскою кавалершей, управляла во время малолѣтства старшаго своего сына. Знаменитый математикъ *Бильфингеръ* и его товарищъ *Цехъ*, стоявшій во главѣ правленія, да *Гарденбергъ* дѣйствовали умѣренно и благоразумно, хотя и здѣсь не обходилось безъ злоупотребленій какъ со стороны сословій, такъ и со стороны тайнаго совѣта и самой герцогини. Мы долго бы не кончили, если бы вздумали разсматривать положеніе мелкихъ нѣмецкихъ владѣній. Вся Германія полна была скандаловъ и нескончаемыхъ процессовъ. Множество маленькихъ тирановъ тяжело управляли несчастною страной. *Въ Мекленбургѣ* долженъ былъ, наконецъ, вступиться имперскій судъ за ростокцевъ и рыцарство—противъ жестокости герцога Леопольда и лишить его владѣнія. Его братъ и наслѣдникъ окончательно разорилъ страну процессами и открытою войной съ своими подданными. Въ малыхъ саксонскихъ герцогствахъ жители управлялись съ возмутительными несправедливостями. Герцогъ Дессау, хорошій солдатъ, былъ хищный, несправедливый и жестокій деспотъ. Герцогъ Саксенъ-Мейнингенъ велъ войну съ супругой своего ландъегермейстера и судился передъ имперскимъ судомъ. Безчисленные процессы, нескончаемыя тяжбы поглощали огромныя деньги. Нетерпимость была въ одинаковой степени и у католиковъ, и у протестантовъ. Бóльшая часть владѣльцевъ получала постоянныя субсидіи то отъ Англіи, то отъ Франціи, то отъ обѣихъ вмѣстѣ. Нѣмецкіе князья продавали свои войска тому, кто дастъ больше. Для нѣкоторыхъ эта торговля сдѣлалась главнымъ занятіемъ. Гессенцы участвовали во всѣхъ войнахъ, какъ наемники *).

Средневѣковой мракъ лежалъ надъ Германіей. Іезуиты владѣли большею частью дворовъ и мѣшали всякому движенію впередъ. Нѣмецкая литература находилась въ застоѣ и пользовалась общимъ презрѣніемъ. Въ высшемъ обществѣ безъ раздѣла господствовали французская литература и языкъ, и трудно обвинить его въ этомъ, зная положеніе современной національной поэзіи и словесности Германіи. Въ сочиненіяхъ современныхъ французскихъ писателей высказывалось полное и, къ сожалѣнію, едва ли не заслуженное презрѣніе къ нѣмецкой наукѣ и нѣмецкимъ ученымъ. Чѣмъ глубже было униженіе Германіи, тѣмъ ярче бросается въ глаза великое значеніе и заслуга Фридриха II прусскаго.

Въ самомъ началѣ XVIII столѣтія курфирсту Бранденбургскому удалось, пользуясь смутами Европы, возвысить свое государство на степень

*) Иногда въ одно и то же время находясь въ службѣ у обѣихъ враждующихъ сторонъ. Schlosser, II, 86 sqq.

королевства. Если первымъ побужденіемъ къ этой перемѣнѣ было тщеславіе курфирста, его страсть къ пышности и обрядности, тѣмъ не менѣе это принятіе королевскаго титула имѣло важное значеніе для Бранденбургскаго дома, поставило его въ болѣе независимое положеніе относительно императора и дало возможность Пруссіи занять впослѣдствіи такое важное мѣсто въ числѣ германскихъ государствъ. Строгій приговоръ надъ первымъ королемъ прусскимъ произнесъ внукъ его, знаменитый Фридрихъ Великій *). Его ребяческое увлеченіе титуломъ и мелочами этикета, его расточительность при малыхъ средствахъ, его домашняя жизнь нашли во Фридрихѣ Великомъ строгаго обличителя. Фридриха I, говоритъ Фридрихъ Великій, убѣдили въ необходимости имѣть академію точно такъ же, какъ убѣждаютъ только что пожалованнаго дворянина въ необходимости имѣть псовую охоту (I, 188). Тѣмъ не менѣе, сверхъ титула, Фридрихъ I успѣлъ сдѣлать для Пруссіи нѣкоторыя большія, существенныя пріобрѣтенія въ земляхъ, добытыхъ или покупкой, или войной и дипломатіей. Преемникъ его, Фридрихъ-Вильгельмъ (1713—1740) былъ человѣкъ совершенно другого характера. Натура по преимуществу практическая, безъ внѣшняго лоска, придаваемаго воспитаніемъ, одаренная только здравымъ смысломъ, суровый и грубый по привычкамъ и нравамъ, простой до излишества въ образѣ жизни, Фридрихъ-Вильгельмъ былъ основателемъ европейскаго значенія Пруссіи. Вольтеръ и его школа мастерски выставили смѣшную и грязную его сторону и навсегда положили печать насмѣшки на прозаическую, мѣщанскую физіономію второго короля Пруссіи. Собственная дочь его, герцогиня Байрейтская, другъ Вольтера, въ своихъ мемуарахъ собрала все, что можно сказать къ униженію памяти отца ея. Соединеніе внѣшняго благочестія съ варварствомъ прежде всего бросается въ глаза, и трудно изъ-за этой крайне непривлекательной внѣшности подсмотрѣть дѣйствительное, благодѣтельное и для Пруссіи, и даже для всей Германіи значеніе дѣятельности Фридриха-Вильгельма. Онъ былъ полнымъ представителемъ нѣмецкой грубости и простоты и въ то же время еще болѣе полнымъ представителемъ и нѣмецкой честности, здраваго смысла и трудолюбія. Онъ далъ возможность своему блестящему преемнику возстановить честь нѣмецкаго имени, до него бывшаго предметомъ презрѣнія и насмѣшекъ Европы, приготовивъ ему своимъ деспотическимъ правленіемъ матеріальныя средства для борьбы противъ средневѣкового мрака, противъ мелкой и позорной тираніи. Въ положеніи современной Германіи и Европы найдемъ мы объясненіе и частью оправданіе деспотическаго и произвольнаго правленія Фридриха-Вильгельма. Какъ деспотизмъ Петра Великаго, деспотизмъ прусскаго короля былъ вынужденъ необходимостью и былъ во благо для его подданныхъ. Онъ показалъ нѣмецкому городскому среднему сословію, нравы и образъ жизни

*) Въ Мемуарахъ для исторіи Бранденбургскаго дома.

котораго онъ уважалъ до того, что усвоилъ себѣ самую его одежду, какими средствами оно можетъ достигнуть и упрочить свою независимость. Онъ былъ богатъ не отъ банковыхъ спекуляцій, не отъ купли и продажи, а отъ строгой бережливости и хозяйственной распорядительности въ своихъ небольшихъ доходахъ.

Вмѣсто длинной, запутанной процедуры нѣмецкихъ юристовъ, сбиваемыхъ смѣсью римскаго и средневѣковаго права, онъ ввелъ короткій, основанный на здравомъ смыслѣ и справедливости судъ, хотя произвольный и иногда жестокій. Къ судебной формалистикѣ онъ питалъ такое же презрѣніе и ненависть, какъ и къ формамъ господствовавшей тогда французской академической литературной образованности и схоластической учености. Предъ его грубымъ здравымъ смысломъ точно такъ же не находила пощады эта искусственная, аристократическая образованность, какъ передъ его врожденнымъ чувствомъ справедливости и въ основѣ демократическимъ деспотизмомъ сословныя притязанія. Онъ разогналъ французскую академію своего отца, уничтожилъ при дворѣ и въ семьѣ употребленіе французскаго языка и ввелъ повсюду, даже въ дипломатическія сношенія, языкъ нѣмецкій; неумолимо преслѣдовалъ подражаніе чужеземнымъ модамъ и отправлялъ въ Шпандау или въ рабочіе дома знатную молодежь, отличавшуюся безнравственностью и роскошью. Подъ составленнымъ по-французски мемуаромъ, которымъ хотѣлъ фельдмаршалъ графъ Дона отъ имени сословій отклонить короля отъ введенія общей поземельной подати, Фридрихъ-Вильгельмъ подписалъ свой лаконическій отвѣтъ смѣсью нѣмецкаго, латинскаго и французскаго языковъ: Tout le pays sera ruiné. Nihil Kredo, aber das Kredo, dass die Junker ihre Autorität wird ruinirt werden. Ich stabilire die Souverainetaet wie einen Rocher von Bronze. Подъ жалобой одного изъ дворянъ на то, что чиновникъ Пабстъ, мѣщанскаго происхожденія, смѣлъ сѣсть въ церкви на мѣсто, исключительно назначенное для благороднаго сословія, король пишетъ: „Dieses seye Thorheit: in Berlin ist kein Rang, in Cleve muss Keiner seyn. Wenn Pabst über mir sitst in der Kirche so bleibe ich doch was ich bin“. Предъ его судомъ, не знавшимъ формъ и не терпѣвшимъ длинной процедуры, равнялся послѣдній мужикъ съ первымъ вельможей. Когда одинъ дворянинъ, осужденный на долгое тюремное заключеніе, осмѣлился въ присутствіи короля сослаться на свои привилегіи и предложить, что онъ внесетъ денежный штрафъ, король закричалъ: „Ich will dein schelmisches Geld nicht“, и приказалъ его повѣсить. Произволомъ отличались почти всѣ его дѣйствія. Часто билъ онъ палкой даже женщинъ, на которыхъ замѣчалъ ненавистныя ему платья, отличавшіяся или роскошью, или подражаніемъ французскимъ модамъ; безпощадно преслѣдовалъ онъ праздность и расточительность знатной молодежи. Онъ обстроилъ Берлинъ, Потсдамъ и другіе города, осушилъ на свой счетъ болота, не щадилъ, несмотря на свою скупость, денегъ для построекъ и улучшеній, но и тутъ онъ силой и по

своему произволу принуждалъ частныя лица строить зданія. Точно также дѣйствовалъ онъ относительно устройства фабрикъ, относительно распространенія ремеслъ и улучшенія земледѣлія. Онъ завелъ многочисленную и отлично устроенную армію. Вербовщики прусскаго короля набирали охотниковъ по всей Европѣ и позволяли себѣ возмутительное насиліе и хитрость, чтобы доставлять королю рекрутъ огромнаго роста, для пріобрѣтенія которыхъ тратилъ онъ огромныя деньги. Къ своему потсдамскому вахтпараду, составленному изъ великановъ, имѣлъ Фридрихъ-Вильгельмъ почти дѣтское пристрастіе. Произволъ вносилъ онъ повсюду, даже въ управленіе университетами. Въ домашней жизни онъ отличался мѣщанскою простотой и грубостью. При дворѣ ни оперы, ни танцевъ и музыкантовъ. Онъ распустилъ придворную прислугу и придворный штатъ своего отца, поглощавшій столько денегъ. Только 6 лакеевъ и пажи находились во дворцѣ. Иностранныя вина, за исключеніемъ нѣмецкихъ и венгерскихъ, строго изгнаны, и повсюду введена строгая экономія. Мѣсто придворныхъ баловъ заступили вечернія табачныя собранія, гдѣ каждый день долго просиживалъ король въ небольшомъ обществѣ. Въ 7 часовъ утра военное ученіе передъ окнами дворца будило королевское семейство. Рѣзко выдѣлялся король прусскій изъ среды европейскихъ государей, соперничавшихъ другъ съ другомъ великолѣпіемъ дворовъ, французской изысканностью и образованіемъ. Грубымъ, невѣжественнымъ капраломъ являлся онъ въ семьѣ государей; но Пруссія быстро развила свою промышленность и торговлю, въ его царствованіе росли нравственное чувство и матеріальное благосостояніе народа, и въ то время, когда всѣ германскіе владѣтели, истощая производительныя силы своихъ государствъ, не могли обходиться безъ англійскихъ и французскихъ субсидій, продавали ради внѣшняго, обманчиваго блеска свою самостоятельность, или торговали кровью своихъ подданныхъ, прусскій король, умирая (1740), оставилъ своему преемнику 83-тысячную, превосходно организованную армію, государство, свободное отъ долговъ, и 8,700,000 экю наличными деньгами въ казначействѣ, сбереженныя отъ ежегодныхъ расходовъ. Для государства съ 2,200,000 населенія это было очень много. Безъ Фридриха-Вильгельма немыслима та роль, которую играла Пруссія при его преемникѣ.

Еще наслѣднымъ принцемъ началъ Фридрихъ Великій борьбу съ средневѣковыми предразсудками. Уже тогда французская философско-политическая школа смотрѣла на него, какъ на своего прозелита, и замокъ Рейнсбергъ былъ центромъ, куда сходились всѣ враги схоластики, религіозной нетерпимости и невѣжества. Письмо, которымъ извѣстилъ Вольтера Фридрихъ II о своемъ вступленіи на престолъ, показало, что и на тронѣ онъ хотѣлъ слѣдовать прежнему своему направленію. Если Фридрихъ-Вильгельмъ понималъ инстинктомъ, что только деньги и войско могутъ придать Пруссіи самостоятельность и европейское значеніе, Фрид-

рихъ II ясно сознавалъ это. Въ его сочиненіяхъ найдемъ мы и это сознаніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ взглядъ на значеніе королевской власти. Подобно отцу, Фридрихъ дѣйствовалъ, не обращая вниманія на существующія формы и учрежденія. Благочестивые друзья отца его потеряли всякое значеніе, мѣсто ихъ занялъ Вольтеръ, посѣтившій своего царственнаго прозелита сначала въ Клевѣ, въ другой разъ въ Берлинѣ, и люди того же направленія. Онъ не раздѣлялъ страсти своего отца къ солдатамъ-великанамъ, поглощавшей такъ много денегъ, но онъ тѣмъ болѣе заботился объ улучшеніи своей арміи, объ образованіи опытныхъ и храбрыхъ офицеровъ. Вновь собралъ онъ французскую академію своего дѣда и далъ ей другое значеніе. Онъ питалъ убѣжденіе, что большинство нѣмецкихъ ученыхъ его времени были рабочими, и только французы артистами въ наукѣ. Французскимъ вліяніемъ онъ хотѣлъ содѣйствовать нѣмецкому образованію. Всю жизнь провелъ онъ въ борьбѣ съ ненавистью къ нему старыхъ дворовъ, внѣшній блескъ которыхъ онъ презиралъ глубоко, съ суевѣріемъ и невѣжественною нетерпимостію, съ феодальною аристократіей. Къ этой борьбѣ могла дать ему средства военная диктатура, и во имя общаго блага онъ дѣйствовалъ, какъ диктаторъ, и смотрѣлъ на свое государство, какъ на армію. Внутри и внѣ государства онъ дѣйствовалъ съ полнымъ презрѣніемъ къ формамъ, опираясь только на свое сознаніе и силу. Бранденбургъ имѣлъ давній процессъ съ епископомъ Люттихскимъ, который веденъ былъ юридически. Фридрихъ II рѣшилъ его по военному. Точно также помогъ онъ ландграфу Гессенскому въ его нескончаемомъ процессѣ съ курфирстомъ Майнцскимъ. Фридрихъ Великій былъ творцомъ Пруссіи, какъ главы протестантскихъ государствъ Германіи; но обрядовое благочестіе и нетерпимость отца были вполнѣ чужды ему. Не только въ завоеванной Силезіи онъ объявляетъ себя защитникомъ католическихъ церквей, но строитъ одну въ самомъ Берлинѣ. Въ то же время онъ покровительствуетъ гонимымъ гуситамъ и раздаетъ имъ земли. Повсюду вноситъ онъ военный характеръ и быстроту. Онъ поручилъ Кокцею составить кодексъ законовъ по своему плану, изданный въ 1748 г. подъ именемъ Codex Fridericianus, которымъ сокращена и упрощена запутанная процедура и введено однообразіе въ судахъ всѣхъ провинцій. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не хотѣлъ дать полной власти судьямъ и министрамъ и требовалъ не только рапортовъ о числѣ рѣшенныхъ дѣлъ, но самъ просматривалъ важнѣйшія дѣла, и ни одинъ смертный приговоръ или важное наказаніе не рѣшались безъ его разрѣшенія и утвержденія. Фридрихъ II много сдѣлалъ для промышленности и торговли своего государства; заводилъ фабрики, вызывалъ колонистовъ, вводилъ новыя отрасли промышленности и выписывалъ чужестранныхъ мастеровъ для обученія. Заботился о сдѣланіи озера судоходнымъ, устроивалъ каналы и шлюзы, поднялъ торговлю Кенигсберга и Штетина, очистилъ Свинемюндскую гавань, устроилъ компанію для торговли съ Китаемъ, по-

низилъ тарифъ и т. п. Противъ многихъ мѣръ можно сдѣлать возраженіе. Ошибки происходили главнымъ образомъ оттого, что правительство хотѣло дать рѣшительное направленіе народной промышленности и частнымъ интересамъ, хотѣло предписаніями управлять промышленностію и торговлею. Но примѣръ Силезіи и Остфрисландіи, вновь пріобрѣтенныхъ провинцій, служитъ лучшимъ оправданіемъ Фридриха Великаго. Силезія, силою оружія отбитая отъ Австріи, скоро тѣсно примкнула къ Пруссіи. Ея населеніе служитъ Фридриху съ такою же вѣрностью и самопожертвованіемъ, какъ исконные подданные Бранденбургскаго дома. Онъ освободилъ торговлю и промышленность Силезіи отъ стѣснительныхъ мѣръ прежняго правительства, поднявъ горные промыслы, вызвавъ туда искусныхъ мастеровъ и художниковъ, раздавъ пустыя земли трудолюбивымъ колонистамъ, и тамъ, гдѣ австрійское правительство съ трудомъ получало два милліона ежегоднаго дохода, онъ получалъ восемь безъ отягощенія страны. Патріархъ новѣйшихъ германскихъ историковъ Шлоссеръ сохранилъ еще дѣтское воспоминаніе о томъ, какъ гордились жители Остфрисландіи, въ 1744 г. присоединенные къ Пруссіи, *своимъ* королемъ, какъ называли они Фридриха II, какую зависть внушало ихъ ближайшимъ сосѣдямъ подданство Пруссіи. Относительно внутренняго управленія и устройства Фридрихъ Великій сдѣлалъ все, что̀ возможно было при военномъ характерѣ его правленія и что̀ позволяло ему право дворянства, въ рукахъ котораго находилась земельная собственность. Мы увидимъ, какое внѣшнее, европейское значеніе сумѣлъ онъ придать своему небольшому королевству, въ которомъ, по его собственному замѣчанію, была еще двойственность натуръ, въ которомъ было болѣе курфиршескаго, нежели королевскаго *).

Австрія много утратила силъ и значенія въ послѣднее время правленія Карла VI. Наканунѣ европейской войны, которую долженъ былъ неминуемо возбудить вопросъ о наслѣдствѣ, она являлась почти безоружною. Первый періодъ царствованія Карла VI былъ временемъ могущества Австрійскаго дома. Знаменитѣйшій изъ полководцевъ, принцъ Евгеній, стоялъ во главѣ управленія и высоко поднялъ славу австрійскаго оружія. Пассаровицкій миръ (въ іюлѣ 1718 г.) былъ славнѣе всѣхъ, которые когда-нибудь заключались Австріей съ турками. Темесваръ, Бѣлградъ и Семендрія, часть Сербіи и Валахіи были пріобрѣтены побѣдами принца Евгенія. Важныя пріобрѣтенія были сдѣланы насчетъ Испаніи. Миланъ и Неаполь, Испанскіе Нидерланды были утверждены за Карломъ VI раштадтскимъ миромъ. Не таковъ былъ характеръ послѣдней половины царствованія. Старый Евгеній пережилъ свою славу, мѣсто его заняли бездарности. Все вниманіе императора было устремлено на то, чтобы получить

*) La monarchie était... une espèce d'hermaphrodite qui tenait plus d'électorat que du royaume.—Oeuvres, II, 53, Hist. de mon temps.

согласіе европейскихъ державъ на прагматическую санкцію, которою хотѣлъ онъ передать наслѣдіе дочери своей, Маріи-Терезіи. За исключеніемъ Баваріи, не хотѣвшей отступить отъ своихъ притязаній, всѣ дворы безусловно или условно гарантировали прагматическую санкцію; но какъ ненадежны были эти гарантіи, вполнѣ доказали послѣдствія. Принцъ Евгеній говорилъ императору, что лучшею гарантіей была бы 180-тысячная армія; но военныя силы Австріи были въ крайнемъ упадкѣ. Армія императора не могла отстоять въ 1734 году Неаполь отъ испанцевъ, терпѣла пораженія въ верхней Италіи. Вѣнскимъ миромъ (окончательно утвержденнымъ 8-го февраля 1738 года) королевство обѣихъ Сицилій было уступлено испанскому принцу, часть Ломбардіи—королю сардинскому. Зять императора долженъ былъ промѣнять родовое свое наслѣдіе на герцогство Тосканское. Еще позорнѣе кончилась для Австріи послѣдняя война съ турками. Въ то время, какъ союзники императора, русскіе, подъ начальствомъ Ласси и Миниха, повсюду поражали турокъ, три кампаніи, сдѣланныя австрійцами, были одна другой несчастнѣе. Къ неспособности генераловъ присоединялись еще противорѣчащіе, безсмысленные предписанія и планы главнаго военнаго совѣта. Секендорфъ, главнокомандующій въ первую кампанію, Виллисъ и Нейпергъ, начальствовавшіе въ третью, были отправлены въ крѣпость. Бѣлградскимъ миромъ Австрія отдала туркамъ Бѣлградъ, Шабачъ, всю Сербію и свою часть Босніи и Валахіи. До того постыдно было положеніе Австріи, что императоръ особымъ циркуляромъ извѣстилъ европейскіе дворы объ измѣнѣ и продажности своихъ полководцевъ и министровъ. Армія была въ полномъ разстройствѣ, финансы въ самомъ жалкомъ положеніи; государство въ долгу и, несмотря на свое богатство производительныхъ силъ и пространство, принуждено прибѣгать къ чужеземнымъ субсидіямъ, на ряду съ второстепенными и мелкими государствами Европы. Средневѣковыя, феодальныя формы неподвижно сохранялись во внутреннемъ строѣ Австріи. Долѣе другихъ государствъ и упорнѣе стояло австрійское правительство за придворный церемоніалъ и строгую обрядность. Господство аристократіи и бюрократіи мѣшало всякому движенію впередъ и благопріятствовало множеству застарѣлыхъ злоупотребленій всякаго рода, а суммы всѣхъ государственныхъ доходовъ не превышали 40 милліоновъ флориновъ, и значительная часть поглощалась безполезными издержками. При Карлѣ VI число придворныхъ чиновниковъ и служителей, такъ называемыхъ камералистовъ, было около 40,000; ихъ содержаніе стоило 10 милліоновъ. Сборщики податей увеличивали число чиновниковъ до 60,000. Можно было бы привести примѣры самыхъ нелѣпыхъ тратъ. Господство аристократіи закрывало дорогу талантамъ и прикрывало своею защитой самыхъ неспособныхъ ея членовъ. Должно прибавить къ этому слабое развитіе и плохое состояніе промышленности, нетерпимость и предразсудки всякаго рода и наконецъ, въ послѣдніе годы правленія Карла VI, отсутствіе единства даже въ этой, основанной на

рутинѣ, системѣ, которою обыкновенно руководилось въ своихъ дѣйствіяхъ австрійское правительство. Марія-Терезія получила тяжелое наслѣдіе отъ своего отца, такъ заботившагося обезпечить ея участь. Почти тотчасъ по вступленіи на престолъ она встрѣтилась съ Фридрихомъ II прусскимъ, прежде другихъ бросившимся на богатую добычу и подавшимъ сигналъ почти къ общей европейской войнѣ.

За исключеніемъ Англіи, намъ не много придется сказать о положеніи другихъ государствъ Европы, тѣмъ болѣе, что Россія, по своему положенію, мало принимала участія въ дѣлахъ южной Европы. Участь Италіи была почти та же, какъ и въ предшествовавшее столѣтіе. Казалось, ей навсегда суждено было находиться подъ властью чужеземцевъ. Съ остготовъ до современныхъ намъ австрійцевъ счастливыя области Италіи постоянно манили къ себѣ завоевателей, и мысль о независимости Италіи постоянно была мечтой итальянскихъ патріотовъ, какъ это было мечтою Макіавелли. Лучшія силы Италіи гибли безплодно, служа чужимъ интересамъ; внутреннее раздѣленіе, разрозненность стремленій дѣлали ее послушнымъ орудіемъ въ рукахъ своекорыстной политики болѣе сильныхъ государствъ Европы. Такъ и теперь Ломбардія раздѣлена была между Венеціей, Генуей, австрійцами и королемъ сардинскимъ. Карлъ-Эммануилъ, король сардинскій, поставленный между двумя могущественными сосѣдями, Франціей и Австріей, старался пользоваться политическими смутами, чтобы усилить свое государство. Для него завѣтною цѣлью былъ Миланъ и области Ломбардіи, находившейся въ рукахъ австрійцевъ, и, чтобы пріобрѣсть ихъ, онъ не задумывался передъ средствами.

Еще отецъ его, Викторъ-Амедей, говорилъ, что миланскія области похожи на артишокъ, который надо ѣсть листокъ за листкомъ. XIX столѣтіе видѣло не разъ повтореніе тѣхъ же стремленій вырвать верхнюю Италію изъ рукъ ненавистныхъ австрійцевъ. Чуждое вліяніе тяжелымъ гнетомъ лежало надъ Италіею, и благородные порывы къ политической самостоятельности и единству подавлялись матеріальною силой. Въ Генуѣ видимъ господство аристократіи, преслѣдующей свои эгоистическіе интересы; во время войны за австрійское наслѣдство населеніе Генуи показало, что можетъ сдѣлать патріотическое одушевленіе, но и этотъ порывъ остался безъ результата. Генуя была въ открытой войнѣ съ Корсикой, которая возстала противъ правленія генуэзскихъ олигарховъ. Эта борьба Корсики съ Генуей, которой помогали то австрійцы, то французы, эфемерное царствованіе нѣмецкаго авантюриста, барона Нейгофа, въ 1736 году, нѣсколько мѣсяцевъ управлявшаго Корсикой подъ именемъ короля Теодора и на минуту появлявшагося тамъ въ 1738 и 1743 годахъ, представляетъ одинъ изъ самыхъ драматическихъ эпизодовъ исторіи Италіи въ XVIII вѣкѣ. Здѣсь точно такъ же, какъ въ возстаніи генуэзскаго населенія противъ занимавшихъ Геную австрійскихъ войскъ, выказались и свѣтлыя и темныя стороны народнаго характера итальянцевъ. Венеція

давно уже сошла со степени первой морской державы; европейская морская торговля приняла давно уже другое направленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ перешла въ другія руки. Она еще содержала 15,000 войска подъ начальствомъ Шуленбурга, пользовавшагося лестною военною репутаціей; но турки отняли у нея Морею, Кандію, берега Далмаціи. Въ пассаровицкомъ мирѣ Австрія пожертвовала интересами Венеціи для своихъ разсчетовъ. Пора венеціанскаго могущества окончательно миновала. Южная Италія находилась въ рукахъ испанскаго принца, Дона Карлоса, сына второй супруги Филиппа V испанскаго. Ни отъ короля обѣихъ Сицилій, ни отъ его министровъ нечего было ждать для благосостоянія его государства. Папа также потерялъ давно власть надъ умами. По смерти Климента XII, намѣстникомъ св. Петра сдѣлался кардиналъ Ламбертини, подъ именемъ Бенедикта XIV. Онъ долго жилъ въ Парижѣ, постоянно находился въ кругу знаменитѣйшихъ французскихъ мыслителей, зналъ даже Вольтера и началъ свое управленіе попытками для образованія духовенства и уничтоженія вопіющихъ злоупотребленій; онъ кончилъ его смѣшною выходкой, съ цѣлью обновить притязанія Григорія VII на господство надъ свѣтскою имперіей, и окончательно успокоился на сочиненіи пошлыхъ книгъ и канонизаціи новыхъ святыхъ, предоставивъ все управленіе кардиналамъ Гонзаги и Аквавива.

Въ нравахъ и народной жизни Испаніи и Португаліи мы находимъ много восточнаго. О перемѣнахъ и внутреннемъ развитіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи, и исторія этихъ государствъ представляетъ странное явленіе въ общей исторіи XVIII столѣтія. Въ европейской Испаніи царствовалъ внукъ Людовика XIV, Филиппъ V. Его меланхолическое настроеніе подъ конецъ превратилось въ полное безуміе; необыкновенное развитіе чувственныхъ потребностей ставило его въ полную зависимость отъ супруги. Первая жена его унесла въ могилу искреннюю привязанность испанцевъ. Вторая, Елизавета Пармская, хитрая и честолюбивая, главною цѣлью поставила доставать своимъ сыновьямъ владѣнія въ Италіи. Она уговорила Филиппа V, отрекшагося отъ престола въ 1724 г. въ пользу старшаго сына своего Людовика, снова вступить на престолъ, послѣ скорой кончины Людовика, и съ этихъ поръ до самой смерти номинально управлялъ Филиппъ Испаніей. Въ 1730 г. король впалъ совершенно въ безпомощное состояніе. По цѣлымъ недѣлямъ онъ проводилъ въ постели молча и бозсмысленно, и только музыка и пѣніе Фаринелли могли на минуту выводить его изъ этого летаргическаго состоянія. Между тѣмъ королевская подпись была необходима для каждаго важнаго рѣшенія, и нужно было пользоваться рѣдкими пробужденіями, чтобы получить ее. Алберони и потомъ Рипперда, пользуясь довѣренностію королевы, имѣли рѣшительное вліяніе на управленіе. Ихъ старанія подняли на время значеніе Испаніи и придали было нѣкоторое движеніе народной промышленности и торговлѣ; но послѣ ихъ удаленія отъ дѣлъ, все пришло въ прежній порядокъ. Богатства Новаго Свѣта были безполезны для Испаніи, черезъ нее

они переходили въ другія, болѣе искусныя руки, не оживляя промышленной дѣятельности страны. Войны, которыми Елизавета старалась доставить государство въ Италіи своему сыну, окончательно содѣйствовали ослабленію страны. Когда вѣнскимъ миромъ достигнута была цѣль, и Донъ-Карлосъ сдѣлался королемъ неаполитанскимъ, началась война съ Англіей, еще болѣе пагубная для Испаніи. Мало было надеждъ въ будущемъ. Наслѣдникъ престола, Фердинадъ, наслѣдовалъ меланхолію отца своего. Охота и музыка однѣ имѣли способность возбуждать его, и пѣвецъ Фаринелли, игравшій при дворѣ Филиппа V ту же роль, что Давидъ при Саулѣ, долженъ былъ сохранить свое вліяніе и при новомъ правленіи.—Португалія не существовала для Европы. Іоаннъ V, быть можетъ, былъ бы признанъ святымъ въ средніе вѣка, но въ XVIII вѣкѣ казался навѣрно безумнымъ. Болѣзнь и тѣлесная слабость давно сдѣлали его неспособнымъ къ мысли и занятіямъ; но тѣмъ болѣе подчинялся онъ суевѣрію. Уже и до него Португалія была наводнена монахами; теперь самъ король сталъ почти монахомъ. Огромныя суммы, болѣе 45.000,000 рублей, были употреблены имъ на постройку дворца Мафры, который долженствовалъ затмить знаменитый Эскуріалъ. 300 францисканскихъ монаховъ занимали одну половину; другая оставалась для короля. Большими деньгами купилъ онъ у папъ право особенныхъ привилегій для своихъ духовныхъ и, наконецъ, право имѣть своего патріарха. 200,000 рублей разослано было по монастырямъ за мощи, которыя прислали они во время болѣзни короля. Доходы государства уходили въ Римъ или на постройку церквей. Іезуиты и духовенство господствовали въ дѣлахъ внутренняго правленія и жалкій король, весь поглощенный церковными церемоніями, ничѣмъ не гордился столько, какъ полученнымъ отъ Рима титуломъ Fidelissimus. Безспорно, это былъ самый темный уголъ Европы, куда не проникалъ ни одинъ лучъ свѣта.

На противоположномъ концѣ находимъ другого благочестиваго короля, столь же преданнаго внѣшнему обрядному благочестію. Но въ Даніи слѣдствія были нѣсколько другого рода, можетъ быть, частію потому, что въ самой основѣ протестантизма лежала невозможность для такихъ мрачныхъ, позорныхъ явленій, до какихъ могло довести католическое суевѣріе. Въ октябрѣ 1730 года занялъ Христіанъ VI датскій престолъ. Его предшественникъ, Фридрихъ IV, въ послѣдніе годы своей жизни изъ страха передъ адомъ измѣнилъ свое поведеніе. Бракомъ на одной изъ своихъ многочисленныхъ любовницъ (гр. Ренентловъ) хотѣлъ онъ искупить свои прежніе грѣхи; въ управленіе онъ ввелъ строгую бережливость, и, умирая, оставилъ многочисленныя суммы сбереженныхъ государственныхъ доходовъ. Благочестивый Христіанъ хотѣлъ, подобно новѣйшимъ доктринерамъ, преобразовать законодательствомъ общественную и частную жизнь своихъ подданныхъ. Актеры, танцоры, даже маріонетки были строго изгнаны изъ государства. Строгіе законы, достойные теократическаго го-

сударства, наказывали малѣйшее отступленіе отъ исполненія церковныхъ обязанностей. Кто пропустилъ утреннее или вечернее богослуженіе, платилъ денежный штрафъ или выставлялся къ позорному столбу; легкомысленное слово влекло за собою немедленное суровое наказаніе. Страшными казнями карались даже одинъ умыселъ, не только самое преступленіе. Но, съ другой стороны, самъ король подавалъ примѣръ строгой жизни. Правительство не тратило денегъ для поощренія высшихъ знаній, зато обращено было серьезное вниманіе на первоначальное обученіе. Несмотря на жалобы поземельныхъ, благородныхъ владѣльцевъ, въ каждомъ селеніи должна была быть школа и школьный учитель, получавшій необходимое обезпеченіе. Продолжительный миръ содѣйствовалъ увеличенію матеріальнаго благосостоянія, торговли и промышленности. Христіанъ VI не оставилъ, подобно своему предшественнику, денежныхъ капиталовъ. Отношенія къ Россіи и Швеціи, постоянное опасеніе со стороны Голштиніи и планъ соединить въ однѣхъ рукахъ Скандинавскій сѣверъ истощили, несмотря на аглійскія субсидіи, его казну и были причиною государственнаго долга. Тѣмъ не менѣе положеніе Даніи, сравнительно съ положеніемъ Швеціи и большинства германскихъ государствъ, было довольно благопріятно.

Мы спѣшимъ перейти къ Англіи, но прежде должны сказать нѣсколько словъ о положеніи Голландіи. Отчаянною борьбой противъ Людовика XIV удалось ей отстоять свою независимость, но въ этой борьбѣ Голландія потеряла цвѣтъ своего войска, а продолжительный миръ еще болѣе разстроилъ армію. И здѣсь, какъ во всѣхъ государствахъ тогдашней Европы, правленіе въ основѣ было аристократическое, особенно съ уничтоженіемъ штатгальтерства. Великій пенсіонарій съ собраніемъ государственнныхъ штатовъ управлялъ дѣлами республики. По мѣткому замѣчанію Фридриха Великаго, Голландія была миролюбива по принципу и воинственна по обстоятельствамъ. Вліянія на ходъ европейской политики Голландія не могла имѣть значительнаго, хотя и участвовала въ большей части переговоровъ и трактатовъ.

Вступленіе на престолъ Великобританіи ганноверскаго дома было естественнымъ завершеніемъ революціи 1688 года. Георгъ I, Георгъ II и Георгъ III, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, были обязаны сохраненіемъ своей власти нисколько не личнымъ своимъ качествамъ. Напротивъ, всматриваясь въ ихъ нравственную физіономію, знакомясь съ ихъ частною жизнію и способностями, трудно съ перваго раза постичь, какимъ образомъ могли стоять они во главѣ такой націи, какова англійская, какимъ образомъ, при ихъ личной ничтожности, Англія могла однако же такъ развить свое внутреннее благосостояніе, упрочить свое европейское значеніе. Правнукъ Іакова I, Георгъ I, курфирстъ ганноверскій, занявшій престолъ въ 1714 г. и сохранившій его до своей смерти въ 1727 г., былъ образцомъ грубости характера и невѣжества, былъ лишенъ чувства

чести и личнаго достоинства, былъ безтактенъ и низокъ. На англійскомъ тронѣ онъ оставался курфирстомъ ганноверскимъ, презиралъ англичанъ, не зналъ ни слова по-англійски, жилъ окруженный иностранцами, и своимъ поведеніемъ, своею открытою связью съ двумя, вывезенными изъ Ганновера, любовницами, онъ оскорблялъ нравственное чувство народа. И однако, несмотря на то, что партія Іакова II была еще очень сильна въ Англіи и Шотландіи, что всѣ симпатіи католической Ирландіи были прикованы къ падшему дому Стюартовъ, и возстаніе 1715 г. грозило принять опасный характеръ, Георгъ I спокойно передалъ упроченный тронъ своему нелюбимому сыну. Сила Георга I заключалась не въ немъ самомъ, а въ его положеніи. Онъ былъ прирожденнымъ врагомъ католицизма и Франціи. Между нимъ и законнымъ наслѣдникомъ англійскаго престола было 57 лицъ, имѣвшихъ болѣе права на корону Англіи, и, признавая его своимъ властелиномъ, англійскій народъ окончательно разрывалъ съ прежнимъ порядкомъ вещей, съ домомъ Стюартовъ, окончательно уничтожалъ для себя возможность возврата на тотъ путь, съ котораго сошелъ онъ революціей 1688 г. Сынъ Георга I, Георгъ II (1727—1760), былъ немного лучше отца. Лично храбрый, не лишенный простого, здраваго смысла, онъ былъ грубъ и жестокъ. Скупость доводила его до возмутительныхъ поступковъ. Въ засѣданіи государственнаго совѣта онъ спряталъ духовное завѣщаніе отца, чтобы не платить завѣщанныхъ имъ разнымъ лицамъ денегъ. Фридрихъ II писалъ ему по этому случаю, что онъ вполнѣ заслужилъ ссылку на галеры. Подобно отцу, онъ прежде всего былъ владѣтель Ганновера, и ганноверскія отношенія и интересы ближе всего лежали къ его сердцу. Тотъ и другой для своего нѣмецкаго владѣнія готовы были жертвовать всѣми интересами Англіи. Трудно было представить личность и направленіе болѣе антипатичное для большинства англійскаго населенія. Надъ ганноверскимъ домомъ долго постоянно висѣла гроза. Іаковъ и его сыновья жили то во Франціи, то въ Италіи, но ни на минуту не оставляли надежды занять снова англійскій престолъ, завязывая постоянно новыя сношенія съ недовольными новымъ правленіемъ, возбуждали противъ него неудовольствіе и обманывали и себя и другихъ приверженцевъ увѣреніемъ въ помощи нѣкоторыхъ европейскихъ державъ. Въ самой Англіи партія торіевъ еще была сильна. Только впослѣдствіи, сохранивъ прежнее названіе, она мало-по-малу измѣнила внутреннее значеніе. Теперь часть этой партіи открыто была якобитами, защитниками правъ Стюартовъ, и находилась постоянно въ сношеніяхъ съ ними. Другая часть, признавшая новое правительство, безсознательно однако же служила прежнему, потому что старалась увлечь государей ганноверскаго дома на ту же дорогу, которая довела Стюартовъ до изгнанія. Различіе, которое дѣлаетъ Болинброкъ, одинъ изъ блестящихъ представителей англійской литературы и приверженецъ Стюартовъ, между торіями и якобитами, было пока еще болѣе остроумно, нежели вѣрно.

Надобно было имѣть много ума и политической ловкости, чтобы удержать въ своихъ рукахъ власть при такихъ обстоятельствахъ. Безъ этихъ качествъ Георгъ I достигъ той же цѣли, отстранясь отъ участія въ дѣлахъ Англіи и предоставивъ всю власть вигамъ, болѣе всего содѣйствовавшимъ его вступленію на престолъ. Съ первыхъ же лѣтъ во главѣ управленія сталъ человѣкъ, давшій вигамъ полное ручательство въ своей преданности принципамъ, произведшимъ переворотъ 1688 г. Болѣе 20 лѣтъ Робертъ Вальполь имѣлъ рѣшительное вліяніе, управляя государствомъ черезъ послушный ему парламентъ и съ необыкновеннымъ искусствомъ сохранивъ и при Георгѣ II, открыто враждовавшемъ съ отцомъ, то же значеніе, какъ и въ предшествовавшее царствованіе. Личность Вальполя необыкновенно замѣчательна. Онъ не былъ такимъ блестящимъ ораторомъ, каковы были люди, стоявшіе во главѣ оппозиціи, не былъ такимъ ученымъ, какъ Картеретъ, или остроумнымъ, изящнымъ джентльменомъ, какъ Честерфильдъ. Сынъ деревенскаго дворянина, онъ получилъ самое посредственное воспитаніе и не любилъ книгъ. Его свѣдѣнія въ исторіи, въ литературѣ, во внѣшней политикѣ были самыя скудныя. Его манеры носили на себѣ слѣды той жизни, которую велъ онъ въ деревенскомъ домѣ отца, среди фермеровъ и деревенскихъ сосѣдей. Но Вальполь владѣлъ зато другимъ знаніемъ, знаніемъ людей, англійскаго народа, парламента и двора. Съ перваго своего вступленія въ парламентъ онъ занялъ мѣсто въ рядахъ виговъ, и отзывъ Мальборо объ его первыхъ шагахъ на парламентскомъ поприщѣ доказываетъ, что онъ былъ созданъ для этого рода дѣятельности. Едва ли кто-нибудь лучше его зналъ парламентскую тактику, умѣлъ такъ ловко владѣть преніями, имѣлъ такую настойчивость въ трудѣ. Онъ вносилъ въ свои занятія удивительную тщательность и порядокъ. Оттого-то при постоянной, усидчивой работѣ онъ умѣлъ сохранить довольно много свободнаго времени. Замѣтимъ еще черту, дѣлающую честь характеру Вальполя. Онъ имѣлъ отвращеніе отъ насильственныхъ и жестокихъ мѣръ, а это была рѣдкость въ то время. Въ рядахъ оппозиціи, наконецъ его свергнувшей, находилось много людей, участь которыхъ вполнѣ отъ него зависѣла, которые, только благодаря ему, сохранили жизнь и достояніе. На памяти Вальполя лежитъ тяжелое обвиненіе въ безнравственныхъ средствахъ, которыми охранялъ онъ свою власть, въ подкупахъ, которыми пріобрѣталъ онъ парламентское большинство. Общественное мнѣніе выставляетъ его развратителемъ политической совѣсти своихъ современниковъ.

Подкупы Вальполя не подлежатъ сомнѣнію. Едва ли можно считать его единственнымъ виновникомъ. Еще при Карлѣ II Клифордъ началъ подкупать голоса въ нижней палатѣ; Данби далъ этой системѣ большое развитіе. Таково было положеніе парламента въ XVIII столѣтіи, что имѣть за себя большинство можно было только этимъ путемъ. Парламентъ получилъ особенное значеніе. Устройство его было олигархическое. Его за-

сѣданія были тайныя. Его не сдерживала королевская власть, какъ это было въ XVI вѣкѣ; онъ не находился подъ страхомъ отвѣтственности передъ судомъ общественнаго мнѣнія и народа, какъ въ XIX-мъ. Парламентъ имѣлъ рѣшительное, почти полновластное вліяніе въ управленіи; народъ не имѣлъ большого вліянія на парламентъ. Перемѣна 3-лѣтняго срока засѣданія на 7-лѣтній еще болѣе придала ему олигархическій характеръ. Большая часть членовъ могла примкнуть къ правительству только изъ низкаго разсчета и собственныхъ выгодъ. Болинброкъ, даровитѣйшій изъ обличителей системы подкуповъ, находилъ, однако, одно только средство къ ея уничтоженію—усиленіе королевской власти. Обвинять Вальполя въ развращеніи политической совѣсти членовъ парламента будетъ такъ же справедливо, по остроумному замѣчанію знаменитаго историка Англіи, Маколея, какъ обвинять бѣдныхъ фермеровъ шотландскихъ равнинъ въ томъ, что они, платя окупъ, развращаютъ добродѣтель хищныхъ горцевъ. Болинброкъ самъ можетъ служить образцомъ политической безнравственности. Самъ Вальполь былъ недоступенъ подкупу. Когда, еще до вступленія на престолъ Георга I, Вальполь былъ секретаремъ военнаго департамента, и министерство торіевъ, послѣ своей побѣды надъ вигами, предложило ему мѣсто въ новомъ кабинетѣ, онъ отказался, былъ обвиненъ публично въ расхищеніи государственной казны и отправленъ въ Тоуеръ, чтобы оттуда снова явиться на парламентскомъ поприщѣ однимъ изъ главныхъ поборниковъ вигизма. Его главною страстію, цѣлью всей его жизни, было желаніе господствовать, и самое тяжелое обвиненіе, лежащее на его памяти, будетъ не безнравственная система, не подкупы, потому что въ этомъ виновенъ онъ не болѣе, какъ и всѣ его современники, союзники и враги, а то, что своему властолюбію готовъ онъ былъ жертвовать интересами своего народа. Это властолюбіе было причиною его сверженія. Въ министерствѣ онъ не могъ терпѣть себѣ равнаго. Онъ удержался бы, если бы захотѣлъ подѣлиться властію, еслибы могъ уступить другимъ хотя часть ея; но онъ хотѣлъ имѣть все или ничего. Его любимымъ правиломъ было *quieta non movere* (спокойствіе, неподвижность). Въ 20 лѣтъ его правленія не было важныхъ реформъ во внутреннемъ устройствѣ, не было значительныхъ измѣненій въ хорошую или даже дурную сторону, хотя Вальполь понималъ настоящіе интересы своего отечества лучше, нежели кто-либо изъ его современниковъ, яснѣе другихъ видѣлъ злоупотребленія и отъ души хотѣлъ бы ихъ уничтожить, еслибы могъ сдѣлать это, не рискуя своею властію. Дѣло о введеніи акциза и вопросъ объ испанской войнѣ лучше всего выставляютъ въ полномъ свѣтѣ его господствующую страсть. Въ 1732 году хотѣлъ Вальполь, несмотря на крики, раздававшіеся со всѣхъ сторонъ, ввести акцизъ. Купленное имъ большинство парламента готово было утвердить билль, но населеніе Лондона возстало. Всѣ улицы были заняты народомъ, парламентъ былъ окруженъ, и жизнь Вальполя и его приверженцевъ была въ

опасности. Король готовъ былъ вооруженною силою поддержать своего министра, но Вальполь самъ убѣдилъ его отказаться отъ акцизовъ. Отвѣтъ, который далъ онъ въ слѣдующую сессію парламента, на предложеніе одного изъ вліятельныхъ членовъ снова попробовать ввести акцизъ, чрезвычайно характеристиченъ. „Могу увѣрить палату, сказалъ онъ, что я вовсе не такъ безуменъ, чтобы снова воротиться къ акцизному плану, хотя по моему личному убѣжденію я и теперь думаю, что этотъ планъ могъ бы служить къ выгодамъ націи". Еще предосудительнѣе было поведеніе Вальполя во время возникшаго вопроса о войнѣ съ Испаніей. Испанія ревниво охраняла свою исключительную торговлю съ американскими колоніями. Англійскіе спекулянты безпрестанно нарушали строгія таможенныя правила Испаніи, смѣло вели контрабандную торговлю и своею дерзостью вынуждали испанцевъ принимать жестокія мѣры противъ тѣхъ изъ нихъ, кто попадался въ ихъ руки. Англійскіе купцы постоянно негодовали противъ Вальполя за то, что онъ не принудилъ Испанію къ возобновленію трактата 1715 года, которымъ англичанамъ исключительно передъ другими европейскими націями дозволялось участвовать въ торговлѣ съ испанскими колоніями. Англійское торговое сословіе обвиняло его въ недостаточномъ охраненіи коммерческихъ интересовъ Англіи, въ томъ, что онъ не вооружался противъ притязаній испанцевъ на тѣ острова и берега, гдѣ они не имѣли поселеній, и откуда, какъ, напримѣръ, изъ залива Кампеджи и острова Тортуга, англичане добывали разные продукты (сандальное дерево и соль). Неудовольствіе росло съ каждымъ днемъ. Англійскія газеты были наполнены извѣстіями о насильственныхъ поступкахъ испанцевъ противъ англійскихъ судовъ. Исторія капитана Дженкинса взволновала народъ и отозвалась въ парламентѣ. „Окровавленная тога Цезаря, выставленная Антоніемъ, не произвела, замѣчаетъ Фридрихъ Великій (II, 14), такого глубокаго впечатлѣнія въ Римѣ, какъ въ Лондонѣ отрѣзанныя уши англійскаго контрабандиста". Въ рядахъ приверженцевъ Вальполя обнаружилось колебаніе. Вальполь убѣжденъ былъ въ необходимости сохранить миръ съ Испаніею. Весь 1737 г. онъ постоянно протестовалъ противъ враждебныхъ намѣреній относительно Испаніи, но въ 1738 году ненависть противъ Испаніи сдѣлала такіе успѣхи, что онъ не могъ воспрепятствовать, чтобы парламентъ въ адресѣ къ королю не потребовалъ необходимости дѣйствій противъ испанцевъ. Напрасно хотѣлъ Вальполь удовлетворить Англію заключеннымъ имъ 14-го января 1739 г. трактатомъ съ Испаніею въ Пардо. Общее настроеніе было слишкомъ враждебно, чтобы удовольствоваться этими полумѣрами. Вальполю приходилось или ополчиться на войну съ Испаніей, чему противилось его глубокое убѣжденіе въ несправедливости жалобъ англійскаго купечества и во вредѣ для Англіи этой войны, или видѣть противъ себя опасную оппозицію и, можетъ быть, оставить кормило правленія. Вальполь пожертвовалъ убѣжденіями своему властолюбію. Война была объявлена Испаніи въ октябрѣ

1739 года. Надежды англійскаго народа на эту войну не вполнѣ оправдались. Англійская торговля тяжело почувствовала на себѣ слѣдствія военныхъ дѣйствій на морѣ. Блестящіе подвиги адмирала Ансона, поразившіе Европу неслыханною до Кука смѣлостію въ плаваніи по мало извѣстнымъ морямъ, богатые призы, отнятые у испанцевъ, опустошеніе Портобелло, все это не представляло достаточнаго вознагражденія за тотъ вредъ, который нанесла война морской торговлѣ Англіи. Робертъ Вальполь, могшій или отвратить войну, или пасть со славою, былъ теперь свергнутъ могущественною оппозиціей, не имѣя за собою права на сочувствіе. Ненависть къ Вальполю соединила всѣ партіи. Во главѣ оппозиціи стоялъ изгнанный глава Стюартовъ и бывшій въ немилости наслѣдникъ ганноверскаго дома. Тори, недовольные виги, молодые республиканцы сходились въ однихъ и тѣхъ же обвиненіяхъ противъ Вальполя, какъ главнаго виновника зла. Оппозиція находила опору въ литературѣ, большинствѣ поземельныхъ владѣльцевъ, въ городскомъ сословіи. Вальполь не могъ устоять противъ столькихъ враговъ. Въ министерствѣ, котораго онъ былъ главою, открылось предательство, какъ скоро члены министерства убѣдились, что паденіе Вальполя не увлечетъ ихъ за собою. Съ титуломъ графа Оксфорда оставилъ Робертъ Вальполь министерство и политическую дѣятельность въ февралѣ 1742 г. и умеръ, не будучи въ состояніи выносить жизнь частнаго человѣка. Народъ и страна мало выиграли отъ перемѣны министерства. Единство враждебнаго Вальполю большинства парламента рушилось, какъ скоро съ паденіемъ Вальполя исчезла ненависть къ нему, соединявшая всѣ партіи въ одно цѣлое, и противорѣчащія другъ другу стремленія выступили тотчасъ на сцену. Лордъ Картретъ сдѣлался ненадолго главою министерства. Онъ владѣлъ огромными свѣдѣніями по всѣмъ отраслямъ знаній. Каноническіе писатели и схоластика, ораторы и поэты были одинаково ему знакомы; не было мелочного вопроса общенароднаго права, который бы не былъ ему извѣстенъ во всѣхъ подробностяхъ. Знаніе иностранныхъ языковъ давало ему огромное преимущество передъ его соотечественниками. Въ пренія парламента, въ свѣтское общество и въ засѣданія совѣта вносилъ онъ жизнь и энергію. Вальполь не могъ его выносить своимъ товарищемъ и заставилъ выйти изъ кабинета и стать въ ряды оппозиціи. Онъ не могъ удержаться во главѣ министерства, смѣнившаго министерство Вальполя. Вся власть перешла въ руки герцога Ньюкестля и его брата Пельгама. Герцогъ Ньюкестль, живая карикатура на политическаго дѣятеля, невѣжливый, грубый, безъ способностей оратора и политика, былъ однако же 30 лѣтъ государственнымъ секретаремъ и 10 лѣтъ первымъ лордомъ казначейства. Его громадное состояніе, фамильныя связи и большое вліяніе въ парламентѣ, въ соединеніи съ его упорною настойчивостью въ стремленіи къ одной цѣли, поддерживали его во главѣ управленія. Пельгамъ выкупалъ своими качествами неспособность своего брата. Это былъ Вальполь

въ меньшихъ размѣрахъ по способностямъ. Хорошій парламентскій тактикъ, дѣловой человѣкъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, онъ отличался особенною ясностію и отчетливостію въ изложеніи финансовыхъ мѣръ. По характеру онъ отличался отъ Вальполя. Довольно боязливый, онъ не умѣлъ внушать такого страха. Почти вся оппозиція, съ которою долженъ былъ бороться Пельгамъ, состояла изъ членовъ того правленія, во главѣ котораго стоялъ онъ. Англія мало выиграла отъ перемѣны министерства и отъ сверженія Вальполя. Ея внутреннее развитіе совершалось помимо его правительственныхъ мѣръ, независимо отъ борьбы парламентскихъ партій. Но паденіе Вальполя повлекло за собою важную перемѣну въ отношеніяхъ Англіи къ европейской политикѣ. Боязнь Вальполя увеличить государственный долгъ Англіи прямымъ участіемъ въ дѣлахъ континентальной политики не сдерживала новаго министерства, и Англія все болѣе и болѣе завлекалась въ борьбу, шедшую на континентѣ Европы.

Въ такомъ положеніи была западная Европа, когда со смертію императора Карла VI поднялся вопросъ объ австрійскомъ наслѣдствѣ. Всѣ державы, за исключеніемъ Баваріи, гарантировали прагматическую санкцію, но эта гарантія была пустымъ словомъ, какъ сказалъ Фридрихъ Великій. Онъ первый подалъ сигналъ къ войнѣ. Бранденбургскій домъ имѣлъ старыя притязанія съ одной стороны на герцогства Юлихъ и Бергъ, съ другой на часть Силезіи. Фридриху оставалось выбирать, въ какую сторону направить ударъ. Соображеніе, что въ войнѣ съ Австріей онъ будетъ имѣть Францію за себя, а въ домогательствѣ оружіемъ Юлиха и Берга противъ себя, рѣшило его колебаніе. Въ одно и то же время отправилъ онъ свои требованія къ вѣнскому двору и двинулъ армію въ Силезію. Австрійцы должны были отступать. Нейпергъ, заключенный въ крѣпости за свои безславныя дѣйствія противъ турокъ, и теперь сдѣланный предводителемъ австрійской арміи въ Силезіи, не могъ бороться съ такимъ генераломъ, каковъ былъ Шверинъ. Въ битвѣ при Молвицѣ (10-го апрѣля 1741) австрійцы были разбиты и вытѣснены изъ Силезіи. Фридрихъ сумѣлъ привязать къ себѣ населеніе этой провинціи. Протестанты смотрѣли на него, какъ на освободителя; права католиковъ были строго охраняемы. Между тѣмъ вся Европа была полна темныхъ дипломатическихъ интригъ, позорныхъ сдѣлокъ между дворами, гарантировавшими прагматическую санкцію. Испанія объявляла притязанія на все наслѣдство Карла VI, или, по крайней мѣрѣ, на итальянскія владѣнія, нѣкогда принадлежавшія ей. Карлъ-Альбертъ баварскій требовалъ Австріи, Богеміи, Тироля. Онъ основывалъ свои притязанія, предъявленныя еще въ 1724 г., на ложно толкуемомъ завѣщаніи Фердинанда I. Безъ арміи и денегъ онъ могъ надѣяться только на помощь Франціи, и переписка его съ кардиналомъ Флери представляетъ примѣръ самаго позорнаго униженія. При извѣстной склонности кардинала къ миру, его исканія остались бы безъ успѣха, если бы вліяніе братьевъ Белиль и мадамъ де-Мальи не ока-

залось на этотъ разъ сильнѣе убѣжденій кардинала. Старшій Белиль явился въ мартѣ 1741 г. въ Германіи, какъ уполномоченный со стороны Франціи. Безумною роскошью ослѣплялъ онъ германскихъ владѣтелей, не щадившихъ униженій передъ французскимъ посланникомъ. Нимфенбургскимъ договоромъ 18-го мая 1741 г. Франція обязалась содѣйствовать Карлу-Альберту въ полученіи императорской короны. Испанія и король обѣихъ Сицилій, Польша, Саксонія и Сардинія приступили потомъ къ этому договору, котораго секретныя статьи оставались неизвѣстными и сомнительными почти до нашего времени. Положеніе Маріи-Терезіи было критическое. На Россію она не могла разсчитывать при тѣхъ переворотахъ, которые тамъ совершались. Англія могла бы оказать ей сильное содѣйствіе; но Вальполь, еще стоявшій во главѣ министерства, не допустилъ Англію, несмотря на симпатіи англійскаго народа, принять участіе въ континентальной войнѣ. Георгъ II безъ помощи Англіи не рѣшался употребить тридцатитысячнаго ганноверскаго войска въ защиту своей союзницы, а появленіе прусской и французской обсерваціонныхъ армій на границахъ его наслѣдственныхъ владѣній заставило его не только объявить себя нейтральнымъ, но даже трактатомъ 17-го сентября 1741 г. въ Ганноверѣ дать свой голосъ въ пользу выбора Карла-Альберта въ императоры. 20-го ноября французы и баварцы заняли Прагу и почти всю Богемію. Король прусскій, заключившій было перемиріе, нарушилъ его, какъ скоро Франція гарантировала его владѣнія Нижнею Силезіей. Всѣмъ извѣстно, что Марія-Терезія въ этомъ отчаянномъ положеніи искала послѣдняго спасенія въ вѣрности венгерскаго народа. Трогательная картина Маріи-Терезіи, явившейся съ шестилѣтнимъ сыномъ на рукахъ въ собраніе венгерскихъ чиновъ, встрѣтившихъ ее криками: „Moriamur pro rege nostro Maria Theresia!“, перешла во всѣ учебники, хотя по депешамъ и другимъ оффиціальнымъ актамъ Іосифъ былъ привезенъ въ Пресбургъ не ранѣе 20-го сентября, а Марія-Терезія 11-го сентября вручила торжественно свою участь вѣрности венгерцевъ. Какъ бы то ни было, въ Венгріи и Тиролѣ дѣло Маріи-Терезіи было дѣломъ народа. Венгерскіе магнаты не жалѣли ни денегъ, ни крови для защиты правъ ея. Кроаты, пандуры, словаки, венгерцы вооружились почти поголовно. Огромное количество иррегулярной легкой кавалеріи, страшной въ партизанской войнѣ, явилось на помощь регулярнымъ войскамъ Австріи. Полная неспособность баварскихъ и французскихъ полководцевъ, не менѣе вооруженной преданности венгерцевъ, помогла Маріи-Терезіи. Въ то время, когда жалкій Карлъ-Альбертъ великолѣпнымъ праздникомъ торжествовалъ свое избраніе и коронацію германскимъ императоромъ, его наслѣдственныя владѣнія были заняты австрійцами, опустошены наѣздами кроатовъ и другихъ полудикихъ защитниковъ Маріи-Терезіи. Его полководецъ Тёрингъ разбитъ, и вслѣдствіе этого французскій генералъ Сегюръ капитулировалъ въ Линцѣ и отступилъ съ своимъ 10-тысячнымъ корпусомъ. Черезъ годъ послѣ

этихъ пышныхъ праздниковъ, императоръ Германіи долженъ былъ выпрашивать у французскаго маршала Ноайля взаймы 40,000 экю, чтобы не умереть съ голоду. Въ 1742 году австрійскія войска готовы были запереть французовъ въ Прагѣ, а сверженіе Вальполя давало возможность Англіи и новому министерству подать дѣятельную помощь Маріи-Терезіи. Одинъ Фридрихъ Великій былъ опасенъ для Австріи. Въ битвѣ 17-го мая при Хотузицѣ онъ окончательно упрочилъ свою военную славу, разбивши австрійскую армію. Но Фридрихъ Великій преслѣдовалъ свои личныя цѣли, вполнѣ понималъ всю неспособность своихъ союзниковъ, видѣлъ открытое недоброжелательство саксонцевъ и не довѣрялъ Франціи. Какъ скоро посредничество Англіи дало ему надежду на уступку Австріею Силезіи, онъ не задумался заключить отдѣльный миръ. 11-го іюля 1742 г. подписаны были предварительныя условія въ Бреславлѣ, по которымъ Австрія уступала ему Верхнюю и Нижнюю Силезію, за исключеніемъ Троппау, Егерндорфа и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ. Саксонія спѣшила также присоединиться къ этому миру, который былъ окончательно утвержденъ 28-го іюля въ Берлинѣ. Счастіе начинало служить австрійцамъ. Маршалъ Белиль былъ осажденъ въ Прагѣ и терпѣлъ нужду въ самомъ необходимомъ. Армія Гаркура, вытѣснившая было австрійцевъ изъ Мюнхена, потеряла отъ болѣзней болѣе 10,000 человѣкъ. Маршалъ Мальбуа, посланный съ 30,000 человѣкъ на выручку осажденныхъ въ Прагѣ, воротился съ богемской границы, не посмѣвъ дать битву. Французы, доведенные до крайности, должны бы были сдаться, еслибъ Белиль отчаяннымъ отступленіемъ въ ночь съ 16 на 17 декабря 1742 г. не ушелъ изъ Праги съ 14,000 войска, потерявъ на дорогѣ значительную часть его. Англія рѣшилась давать $5^1/_2$ милліоновъ флориновъ субсидіи Австріи. Самъ Георгъ II съ англичанами, ганноверцами и наемными гессенцами началъ военныя дѣйствія на Майнѣ и разбилъ французовъ при Деттингенѣ. Французскій корпусъ въ Баваріи перешелъ обратно за Рейнъ. Секендорфъ, главнокомандующій баварскимъ войскомъ, заключилъ съ австрійцами договоръ, по которому отдалъ имъ Баварію, и обязался съ своими войсками оставаться нейтральнымъ. Дѣла испанцевъ въ Верхней Италіи шли безъ всякаго успѣха. Англичане угрозой бомбардировать Неаполь заставили въ 1744 г. короля обѣихъ Сицилій объявить себя нейтральнымъ. Саксонія присоединилась (договоръ въ декабрѣ 1743 г. и потомъ 13-го марта 1744 г.) къ Австріи и Англіи и обязалась выставить за англійскія субсидіи 20,000 войска *). Это заставило Францію принять болѣе рѣшительныя мѣры, а Фридриха II сблизиться съ нею. Франція объявила войну Англіи и потомъ Австріи, потому что до сихъ поръ она, помогая Баваріи, не находилась однако же въ открытой войнѣ съ Маріей-

*) Трактатомъ въ Вормсѣ 13 сент. 1744 г. король Сардинскій обязался защищать ломбардскія владѣнія Австріи.

Терезіей. Франкфуртскимъ союзомъ Пруссія, императоръ Карлъ VII, Пфальцъ, Швеція, Гессенъ-Кассель обязались взаимно обезпечить свои владѣнія, поддерживать германскую конституцію и вновь избраннаго императора. Война принимала опять новый оборотъ. Каково же было отношеніе Россіи къ враждующимъ сторонамъ?

Война съ Швеціей и борьба придворныхъ партій, споривших о вліяніи, не позволяла Россіи принять дѣятельное участіе въ событіяхъ западной Европы и опредѣлить ясно свои отношенія. Французскій посолъ, Шетарди, имѣлъ сильное вліяніе на Елизавету черезъ Лестока, вполнѣ преданнаго и проданнаго версальскому кабинету. Онъ могъ бы склонить императрицу къ тѣсному сближенію съ Франціей; но французское правительство отозвало его изъ Россіи, и онъ выѣхалъ оттуда въ сентябрѣ 1742 г., получивъ огромные подарки*). Его преемникъ д'Альонъ не могъ имѣть того значенія, какъ де-ла Шетарди. Старанія Лестока Лопухинскимъ заговоромъ уничтожить Бестужева-Рюмина и разорвать дружескія отношенія къ вѣнскому кабинету не удались. Прусскій король воспользовался случаемъ, чтобы сблизиться съ Россіею. Его посланникъ, Мардефельдтъ, не щадилъ денегъ и обѣщаній. Елизавета Петровна хотѣла женить своего племянника, наслѣдника русскаго престола. Она обратила сначала вниманіе на старшую сестру короля прусскаго, Луизу-Ульрику. Саксонскій дворъ хотѣлъ выдать за Петра Ѳедоровича принцессу Маріанну, вторую дочь Августа III, и приготовилъ было черезъ Бестужева свадебный трактатъ, который впрочемъ не удался. Фридрихъ II (Oeuvres, III, 29) не хотѣлъ допустить такого сближенія саксонскаго двора съ русскимъ и въ то же время не хотѣлъ отдать за Петра Ѳедоровича свою сестру. Онъ обратилъ вниманіе Елизаветы Петровны на принцессу, которая всего лучше соотвѣтствовала прусскимъ интересамъ. Это была принцесса ангальтъ-цербтская. Отецъ ея былъ генераломъ въ прусской службѣ; мать, урожденная принцесса голштинская, была родная сестра наслѣдника шведскаго престола, герцога голштинскаго, и, слѣдовательно, тетка Петра Ѳедоровича. Устроить дѣло было довольно трудно. Даже герцогъ ангальтъ-цербтскій находилъ возраженія. Ревностный лютеранинъ, онъ съ трудомъ соглашался на принятіе дочерью православія. Надобно было скрывать свои дѣйствія. Дядя предполагаемой невѣсты привезъ въ С.-Петербургъ портретъ 15-лѣтней Софіи-Августы-Фридерики ангальтъ-цербтской (въ февр. 1744 г.). Потомъ сама принцесса ангальтъ-цербтская съ дочерью пріѣхали въ Москву. На возраженіе Бестужева императрица говорила, что она хотѣла сначала выбрать невѣсту изъ французскаго, потомъ изъ польско-саксонскаго домовъ, но что теперь рѣшилась выбрать протестантку (ей легче перейти въ православіе) и притомъ изъ мелкихъ владѣтельныхъ

*) Сверхъ 12,000 р. обыкновенныхъ прощальныхъ подарковъ онъ получилъ орденъ Св. Андрея, осыпанный бриліантами въ 35,000 р., портретъ императрицы и табакерку въ 30,000 р.

домовъ, чтобы не было вліянія на Россію, и что никто такъ не соединяетъ въ себѣ этихъ условій, какъ принцесса ангальтъ-цербтская, которая къ тому же происходитъ изъ голштинскаго дома. Синодъ сдѣлалъ было съ своей стороны препятствіе по поводу родства между Петромъ Ѳедоровичемъ и его невѣстой; но это препятствіе было устранено. Іюня 14-го принцесса ангальтъ-цербтская приняла православіе съ именемъ Екатерины Алексѣевны и была обручена съ Петромъ Ѳедоровичемъ.

Въ то же время Фридриху II удалось получить согласіе Елизаветы Петровны на свадьбу его сестры съ наслѣдникомъ шведскаго престола, которая и совершилась въ августѣ 1744 г. Несмотря однако же на все искусство Мардефельдта, ему не удалось возобновить прежняго тѣснаго союза Россіи съ Пруссіей, и заключенная имъ гарантія прусскихъ владѣній была въ такихъ неопредѣленныхъ или двусмысленныхъ выраженіяхъ, что не могла имѣть большого значенія.

Трактатомъ, заключеннымъ въ С.-Петербургѣ 16 (27) марта 1743 г., возобновленъ былъ прежній союзъ на 18 лѣтъ. 5-мъ артикуломъ этого трактата Россія и Пруссія обязались помогать другъ другу въ случаѣ нападенія другихъ державъ 3,000 человѣкъ пѣхоты и 2,000 конницы или же ежегодною субсидіей въ 250,000 р. (арт. 13) 1-мъ сепаратнымъ артикуломъ постановлено было способствовать возвращенію прежнихъ правъ и привилегій диссидентамъ греческой и простестантской религіи, притѣсняемымъ въ Польшѣ и Литвѣ. Сравнивая этотъ трактатъ съ трактатами, заключенными Россіею съ Англіей 11-го декабря 1742 г., или съ Августомъ—24-го февраля 1744 г., легко убѣдиться, что Фридрихъ II далеко не получилъ того, чего онъ ожидалъ отъ своего содѣйствія при выборѣ невѣсты Петра Ѳедоровича и отъ ловкости своего министра при санктпетербургскомъ дворѣ, Мардефельдта. Трактатомъ съ Англіей, заключеннымъ на 15 лѣтъ, Россія обязалась помогать Георгу II 10,000 пѣхоты и 2,000 конницы, получая въ замѣнъ помощь 10 кораблей о 700 пушкахъ (арт. 4) или ежегодно 500.000 взаймы. Сепаратными артикулами былъ признанъ императорскій титулъ за Елизаветой Петровной и ея наслѣдниками (1 арт.) и положено было включить въ союзъ короля польскаго, курфирста саксонскаго (арт. 3) и пригласить ко вступленію въ него короля прусскаго и республику Голландскую (арт. 4). Договоромъ съ Августомъ III (С. З. № 8, 866) возобновленъ былъ на 13 лѣтъ союзъ, заключенный въ 1733 г. Россія обязалась помогать Августу 8,000 пѣхоты и 4,000 конницы (арт. 3) или 450,000 р. ежегодно (3 сеп. арт.), получая отъ него въ случаѣ войны 3,000 конницы и 5,000 пѣхоты или 300,000 р. с.; и кромѣ того обѣ державы наиобязательнѣйше гарантировали другъ другу всѣ владѣнія, ничего изъ того не выключая. Актомъ 1-го ноября 1743 г. (П. С. З. № 8814) Россія, по предложенію англійскаго правительства, приступила къ бреславскому миру, заключенному въ іюнѣ 1742 года между Фридрихомъ II и Маріей-Терезіей. Всѣ эти трактаты показываютъ довольно нерѣшительное положеніе Россіи среди европейской

борьбы, поднявшейся за наслѣдство Карла VI. До тѣхъ поръ, пока при русскомъ дворѣ были двѣ прямо противоположныя другъ другу партіи, почти равныя своимъ вліяніемъ на императрицу, это колебаніе должно было продолжаться. Французская партія хотѣла получить перевѣсъ сверженіемъ Бестужева и къ этой цѣли направила всѣ усилія; но она имѣла дѣло съ опытнымъ бойцомъ, сумѣвшимъ отстоять себя. Онъ вскрывалъ и дешифрировалъ депеши французскаго посланника, получалъ предостореженія отъ англійскаго министерства и извѣстія отъ англійсквго посланника въ Стокгольмѣ, и имѣлъ такимъ образомъ возможность слѣдить за всѣми дѣйствіями и планами противниковъ. Между тѣмъ, повидимому, разсчеты французской партіи были вѣрны, и планъ сверженія Бестужева придуманъ хорошо. Изъ перехваченныхъ писемъ д'Альона и Шетарди мы можемъ получить нѣкоторое понятіе объ этой интригѣ, которая, въ случаѣ успѣха, должна была увлечь Россію къ прямому и дѣятельному участію въ борьбѣ западной Европы. Такъ какъ д'Альонъ далеко не пользовался при с.-петербургскомъ дворѣ тѣмъ вліяніемъ, которое имѣлъ его предшественникъ, то рѣшено было вызвать снова въ Россію де-ла Шетарди, и онъ явился въ Россію въ 1743 г., хотя и безъ званія посланника. Д'Альонъ доносилъ своему двору, что Бестужевъ совершенно проданъ вѣнскому, лондонскому и копенгагенскому кабинетамъ, что пока онъ стоитъ въ главѣ иностранныхъ дѣлъ, Франціи нечего надѣяться со стороны Россіи, но что, впрочемъ, часъ его паденія близокъ. Де-ла Шетарди долженъ былъ дѣйствовать въ союзѣ съ барономъ Мардефельдтомъ, прусскимъ посланникомъ, и въ особенности съ принцессой ангальтъ-цербтскою, матерью невѣсты великаго князя наслѣдника, пользовавшейся особенною дружбой Елизаветы Петровны и жившею во дворцѣ. Сдѣлано было много для того, чтобы поощрить усердіе партіи, преданной интересамъ версальскаго двора. Ежегодный пенсіонъ Лестоку былъ увеличенъ двумя тысячами рублей. Румянцовой, которая находилась при молодой принцессѣ и жила во дворцѣ, дали 1,200 р., женѣ Шувалова 600. Было обращено вниманіе и на то, чтобы склонить на свою сторону нѣкоторыхъ членовъ духовенства, пользовавшагося сильнымъ вліяніемъ на императрицу. Сверхъ Лестока, усердными приверженцами Франціи были генералъ-прокуроръ кн. Трубецкой и генералъ Ал. Ив. Румянцевъ, отецъ Задунайскаго. Они съ точностью передавали французскому посланнику подробности о засѣданіяхъ совѣта министровъ. Французская партія старалась привлечь на свою сторону Воронцова, который и лично, и черезъ жену, урожденную графиню Скавронскую, могъ дѣйствовать на императрицу. Стараніями принцессы ангальтъ-цербтской и Лестока удалось ей отвлечь его отъ дружбы и союза съ Бестужевымъ. Де-ла Шетарди сильно жалуется на скупость французскаго правительства, бывшую главнымъ препятствіемъ для успѣха дѣйствій. Рядомъ съ придворною интригой, которая должна была ослабить кредитъ Бестужева-Рюмина, шла другая, которая должна была нанести

ему сильный ударъ. Графъ Гилленборгъ и другіе главные представители французской партіи въ Швеціи напрягали всѣ силы, чтобы помочь сверженію Бестужева. Они собирали показанія, сдѣланныя Гиллеииштирномъ послѣ его ареста, и извлекали изъ нихъ все, что могло бросить невыгодный свѣтъ на вице-канцлера. Лордъ Картеретъ поручилъ англійскому посланнику въ С.-Петербургѣ увѣдомить русскихъ министровъ объ этихъ замыслахъ. Въ то же время англійскій посланникъ въ Стокгольмѣ увѣдомлялъ своего петербургскаго товарища о томъ, что шведское министерство хочетъ попытаться склонить Бестужева выгодными предложеніями и обѣщаніями къ французской политикѣ; но что, въ случаѣ его несогласія, они рѣшились прибѣгнуть ко всѣмъ средствамъ и истратить до 100,000 руб., чтобы лишить его довѣрія императрицы. Шетарди былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Еще проѣзжая черезъ Гамбургъ, онъ высказалъ свои надежды. Теперь во всѣхъ письмахъ видна эта увѣренность. Но Бестужевъ принялъ свои мѣры. Онъ представилъ императрицѣ копіи съ вскрытыхъ депешъ и писемъ, особенно тѣ, въ которыхъ Шетарди описывалъ характеръ Елизаветы Петровны и ея жизнь, ея полное удаленіе и отвращеніе отъ дѣлъ государственныхъ. Тамъ находились отзывы и подробности, которые должны были раздражить императрицу. Нѣкоторое время Бестужевъ надѣялся даже погубить Лестока, возбудивъ подозрительность императрицы; но на этотъ разъ долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что ему пожертвовали Шетарди. И это было уже очень много, потому что Елизавету трудно было довести до рѣшенія какого-нибудь важнаго дѣла. Принцесса ангальтъ-цербтская и Лестокъ были нѣкоторое время въ немилости, и первая даже выѣхала изъ дворца; но этимъ временнымъ удаленіемъ и ограничилась побѣда Бестужева-Рюмина. Воронцовъ, Трубецкой и другіе остались въ прежней милости. 3-го іюня, рано поутру, генералъ-адъютантъ Ушаковъ явился къ Шетарди и объявилъ ему приказаніе въ 24 часа оставить Москву. Все было приготовлено заранѣе къ отправленію, и онъ въ тотъ же день выѣхалъ съ унтеръ-офицеромъ. Въ Ригѣ губернаторъ Долгорукій отобралъ у него орденъ св. Андрея и портретъ императрицы, оставивъ однако же ему бриліанты, которыми онъ былъ украшенъ, и отправилъ его за границу. Объявленіе, сдѣланное петербургскимъ дворомъ иностраннымъ министрамъ, находившимся въ Россіи, о высылкѣ Шетарди, любопытно потому, что въ немъ находимъ подтвержденіе писемъ Шетарди. Тамъ сказано, что онъ, „забывъ себя (всеконечно, безъ указа короля, государя своего), покусился вѣрность разныхъ персонъ и *духовенства* подкупать, партію себѣ устроить и министровъ низвергнуть, да и многія непристойности отсюда писать... А въ неоспоримое доказательство помянутаго Шетарди продерзости, имѣются разныя за его рукою оригинальныя его депеши“. Тамъ сказано, что, „хотя маркизъ де-ла Шетарди, яко приватный и безъ характера понынѣ здѣсь бывшій человѣкъ, такого менажемента, каково по правамъ

министры чужихъ государствъ при дворахъ въ Европѣ имѣютъ, и не заслуживалъ, однако императрица съ нимъ, Шетардіемъ, по винѣ его такъ, какъ онъ по мало ожидаемому своему кондуиту достоинъ и на себя совершенное право подалъ, поступить не соизволила“, и т. д. Французское министерство не хотѣло протестовать противъ поступка съ Шатарди, потому что онъ еще не былъ облеченъ въ званіе посланника. Д'Альонъ снова явился представителемъ Франціи при с.-петербургскомъ дворѣ, и, чтобы загладить въ умѣ императрицы дурное впечатлѣніе, произведенное письмами Шетарди, призналъ императорскій титулъ за нею и ея наслѣдниками. Такъ какъ всѣ русскіе приверженцы Франціи остались въ прежней милости у императрицы, то эта партія старалась, по крайней мѣрѣ, нейтрализировать усилія Бестужева къ заключенію тѣснаго союза съ Австріей. Плохое состояніе русскихъ финансовъ, мнѣніе большинства дворянства и духовенства, не желавшаго прямого вмѣшательства Россіи въ дѣла, ей чуждыя, все это содѣйствовало отстраненію Россіи отъ дѣятельнаго участія въ европейской войнѣ. Императрица вся была поглощена приготовленіями къ свадьбѣ великаго князя, которую хотѣли праздновать съ необыкновенною роскошью. Русское посольство въ Парижѣ должно было доставить подробное описаніе всѣхъ церемоній и празднествъ, которыми торжествовали бракъ дофина съ испанскою инфантой. Изъ Дрездена высланы были подробности о свадьбѣ Августа III, праздновавшейся еще при жизни отца его, славившагося своимъ великолѣпіемъ. Бракосочетаніе Петра Ѳедоровича совершилось 4-го августа 1745 г.

Среди празднествъ мало обращалось вниманія на то, что̀ совершалось въ Европѣ. Тамъ, между тѣмъ, австрійцы одерживали верхъ въ сѣверной Италіи, и ихъ легкіе отряды вторгались въ Эльзасъ и Лотарингію. Людовикъ XV самъ явился къ арміи, дѣйствовавшей противъ австрійцевъ въ Нидерландахъ. Фридрихъ Великій началъ войну съ Австріей въ Богеміи. Смерть Карла-Альберта или Карла VII въ 1745 г. (20-го января) заставила Баварію прекратить тягостную и безславную для нея войну. Фюссенскимъ миромъ 22-го апрѣля 1745 г. наслѣдникъ Карла-Альберта, Максимиліанъ, отказался отъ притязаній на австрійское наслѣдство и обѣщалъ свой голосъ на имперскихъ выборахъ въ пользу супруга Маріи-Терезіи. Саксоніи и Австріи трудно было бороться съ королемъ прусскимъ. Побѣды Фридриха при Гогенфридбергѣ и въ особенности при Кессельсдорфѣ (13-го декабря 1745 г.), за которыми слѣдовало занятіе Дрездена и части Саксоніи, заставляли короля саксонскаго отступить отъ своихъ замысловъ противъ ненавистной ему Пруссіи и желать мира. Напрасно саксонскій дворъ требовалъ отъ Россіи исполненія трактата 1744 года, присылки вспомогательнаго войска. Баронъ Мардефельдтъ обѣщалъ Бестужеву-Рюмину 40,000 экю, если Россія не приметъ участія въ войнѣ, и русское войско не явилось на помощь Августу (Oeuvres, IV, 19). Дрезденскимъ миромъ (25 декабря 1745 года) подтверждены были условія

бреславскаго, и Фридрихъ призналъ германскимъ императоромъ Франциска I, супруга Маріи-Терезіи, и Саксонія, ничего не выигравшая миромъ, понесла всю тяжесть безполезной для нея войны и была разорена войсками и контрибуціями всякаго рода. Война между другими державами продолжалась до апрѣля 1748 года. Если Испанія со смертію Филиппа V (въ іюлѣ 1746 года) сошла съ театра войны, зато Голландія была принуждена защищать свои области отъ французовъ, объявившихъ ей войну въ апрѣлѣ 1747 г. Мы можемъ не разсказывать подробностей этой войны. Блестящія дѣйствія французской арміи въ Нидерландахъ, подъ предводительствомъ Морица Саксонскаго, такъ долго и напрасно искавшаго Курляндскаго герцогства и руки Анны Іоанновны; драматическій эпизодъ высадки въ Англіи Карла-Эдуарда, внука Іакова II, престонъ-панскою битвой сдѣлавшаго было сомнительнымъ на минуту владычество ганноверскаго дома въ Англіи и послѣ битвы при Куллоденѣ принужденнаго въ опасномъ бѣгствѣ искать спасенія; возстановленіе, въ виду грозившей Голландіи опасности, достоинства пожизненнаго штатгалтера въ особѣ Вильгельма IV; наконецъ, борьба Франціи съ Англіей въ Индіи, гдѣ Дюплейскъ и Лабудонне положили было прочное основаніе французскому владычеству, и гдѣ только близорукость и неспособность французскаго министерства спасли существованіе англійскихъ владѣній,—все это завлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ русской исторіи. Въ Россіи постоянно слабѣло вліяніе французской партіи, и выростало значеніе Бестужева. По случаю празднованія мира съ Швеціею онъ былъ сдѣланъ великимъ канцлеромъ. Вице-канцлерство получилъ Воронцовъ, но онъ не былъ въ состояніи бороться съ Бестужевымъ, и въ 1746 году долженъ былъ отправиться путешествовать за границу. Интриги Бестужева лишили Россію лучшихъ генераловъ. Левендаль долженъ былъ оставить русскую службу и пріобрѣлъ себѣ лестную военную репутацію, какъ маршалъ Франціи въ кампаніяхъ Морица Саксонскаго. Еще прискорбнѣе была потеря Кейта. Ревностный приверженецъ Стюартовъ, Кейтъ закрылъ для себя навсегда возможность возврата на родину и принужденъ былъ вступить въ службу къ другимъ государямъ. Честно служилъ онъ Россіи съ самаго начала царствованія Анны Іоановны, былъ во всѣхъ походахъ Миниха и Ласси, показалъ Малороссіи первый примѣръ добросовѣстнаго и справедливаго управленія и умѣлъ пріобрѣсть полное уваженіе въ Россіи. Бестужевъ, по личной непріязни и по внушеніямъ англійскаго посланника, старался всѣми способами вредить Кейту. Оскорбленный Кейтъ вытребовалъ отставку. 16-го сентября 1747 года онъ прибылъ въ Берлинъ, а 18-го уже Фридрихъ Великій успѣлъ принять его въ свою службу съ чиномъ фельдмаршала. Отзывъ Фридриха II о Кейтѣ (Oeuvres, IV, 6) показываетъ, какъ высоко цѣнилъ онъ свое новое пріобрѣтеніе; въ письмахъ Кейта (см. „Рус. Вѣст.“ 1841 г., № 4) подробно разсказаны происки Бестужева и причины, побудившія его оставить службу въ Россіи. Бестужевъ сталъ

явнымъ врагомъ короля прусскаго. Въ своихъ сочиненіяхъ Фридрихъ Великій приписываетъ это мести за то, что баронъ Мардефельдтъ изъ неумѣстной бережливости или личной непріязни не уплатилъ ему обѣщанныхъ 45,000 экю. Бестужевъ постоянно старался вооружить Елизавету противъ прусскаго короля, а средствъ было много. Набожная среди самой разсѣянной жизни, Елизавета оскорблялась антирелигіозными выходками вѣнчаннаго ученика Вольтера. Креатуры канцлера не пропускали случая доводить до свѣдѣнія императрицы злыя остроты Фридриха относительно образа жизни и выбора любимцевъ Елизаветы. Болѣе и болѣе склонялась Елизавета на сторону союза съ Австріей. Мая 22-го (іюня 2-го) 1746 года былъ заключенъ въ Санктпетербургѣ оборонительный трактатъ между Россіей и Австріей. Объявленный трактатъ, напечатанный въ Полномъ Собраніи Законовъ (№ 9,288), есть возобновленіе вѣнскаго договора 6-го августа 1726 года. Третьимъ артикуломъ положено было взаимно помогать другъ другу 30,000 человѣкъ, съ тѣмъ ограниченіемъ, что Россія не обязана посылать вспомогательнаго корпуса для войны въ Италію, а Австрія для помощи русскимъ противъ Персіи, хотя однако же та и другая держава должна держать наготовѣ войска, дабы (какъ сказано въ трактатѣ), „тогда какъ во время продолженія въ Италіи или въ Персіи начатой войны, другая война произошла бы, онѣ другъ другу толь скорѣе потребную помощь подать могли“. Артикуломъ 13 постановлено было, чтобы министры Австріи и Россіи, находящіеся при другихъ дворахъ, „между собою дружескіе совѣты имѣли и соединеннымъ стараніемъ другъ другу въ дѣлахъ и негоціаціяхъ вспомогали и подкрѣпляли“. Артикуломъ 15-мъ положено было пригласить къ приступленію къ этому союзу короля польскаго, курфирста саксонскаго и короля великобританскаго. Главное, впрочемъ, заключалось не въ публикованномъ трактатѣ, а въ 5 секретныхъ и 1 секретнѣйшемъ артикулахъ. О первомъ секретномъ артикулѣ, касающемся Даніи, мы скажемъ впослѣдствіи. Особенно важенъ 4-й секретный артикулъ. Въ немъ положено, что Марія-Терезія хочетъ соблюдать условія дрезденскаго мира (1745 г.); но если король прусскій самъ первый разрушитъ этотъ миръ, напавъ или на владѣнія Австріи, или на Россію и Польшу, Марія-Терезія получаетъ прежнія права на уступленную Пруссіи часть Силезіи и на графство Глацъ. Марія-Терезія будетъ постоянно держать войско наготовѣ въ Богеміи и Моравіи; Россія должна имѣть также 30,000 въ Ливоніи. Такъ какъ въ случаѣ войны по 30,000 войска съ каждой стороны недостаточно для завладѣнія провинціями, уступленными по дрезденскому миру, то обѣ стороны обязуются выставить по 60,000. Россія не хочетъ дѣлать завоеваній, но такъ какъ она обязывается дѣйствовать 60,000 войска на морѣ или на сухомъ пути, то Австрія съ своей стороны обязуется уплатить ей въ теченіе года 2.000,000 рейнскихъ флориновъ, какъ скоро будетъ имѣть Силезію въ своихъ рукахъ. Изъ этого секретнаго артикула довольно ясна главная

цѣль оборонительнаго трактата между Россіей и Австріей, но еще яснѣе обнаруживается эта тайная цѣль изъ дипломатическихъ переговоровъ саксонскаго двора по случаю приступленія Саксоніи къ союзу, изъ инструкцій, которыя даны были саксонскимъ министерствомъ Вицтуму и Пецольду въ Санктпетербургѣ и графу Лоссу въ Вѣнѣ. Саксонія требовала, чтобы число вспомогательныхъ войскъ съ ея стороны было соразмѣрно съ настоящимъ положеніемъ ея арміи; чтобы Россія и Австрія обѣщали двойное число противъ вспомогательнаго корпуса Саксоніи, а въ случаѣ нужды еще болѣе сильное содѣйствіе; чтобы обѣ имперіи постоянно держали наготовѣ войска въ Богеміи и на прусской границѣ, а главное, чтобы саксонскій король получилъ значительную часть въ добычѣ, которую предполагали пріобрѣсти на счетъ Пруссіи. Въ переговорахъ съ Австріей саксонское министерство ссылается на проектъ раздѣла прусскихъ областей, составленный еще въ маѣ 1745 года въ Лейпцигѣ. Въ депешѣ графа Арнима къ графу Брюлю отъ 18-го апрѣля 1747 года мы находимъ извѣстіе, что австрійскому уполномоченному, графу Претлаху, въ тайной аудіенціи у императрицы Елизаветы Петровны, въ присутствіи Бестужева, конфиденціальными сообщеніями о поступкахъ прусскаго короля удалось привести императрицу въ такое противъ него негодованіе, что онъ думалъ, что этотъ гнѣвъ можетъ легко перейти въ открытую непріязнь. Наконецъ, лондонскому двору удалось склонить Россію къ принятію положительнаго участія въ войнѣ противъ Франціи. 12-го іюня (ст. ст.) 1747 г. заключена была конвенція между Россіей и Англіей, по которой Россія за 100,000 фунт. стер. обязалась содержать въ теченіе года корпусъ въ 30,000 человѣкъ и сверхъ того въ готовности 40 или 50 галеръ, которыя были бы употреблены въ такомъ мѣстѣ, гдѣ захотятъ англичане. 3-й артикулъ конвенціи такъ любопытенъ, что приводимъ его вполнѣ. „Ежели его британскому величеству угодно будетъ помянутый корпусъ и въ будущемъ году на поставленныхъ настоящею конвенціею кондиціяхъ (т. е. за 100,000 фунт. стерл. въ годъ) удержать, то его величество обязуется оное заблаговременно объявить, а именно въ ноябрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, дабы, когда бъ его британскому величеству болѣе нужды не было помянутый корпусъ въ той землѣ удержать, оный внутри имперіи, какъ то за сходственно разсуждено будетъ, раздѣленъ быть могъ“ (П. С. З. № 9,414).

Это значило просто, что Россія, подобно Гессенъ-Касселю и Кёльну, отдала внаймы 30-тысячный корпусъ. 20-го ноября 1747 г. конвенціей между Голландіей, Англіей и Россіей (не напечатанной въ П. С. З.) морскія державы взяли на свое содержаніе корпусъ русскихъ войскъ, назначенныхъ дѣйствовать на Рейнѣ противъ Франціи. Начальство поручено было Василію Никитичу Репнину, одному изъ лучшихъ русскихъ генераловъ, по свидѣтельству Миниха, но котораго болѣзнь въ ногѣ заставила отказаться отъ полевой службы. Репнинъ занималъ должность

генералъ-фельдцейхмейстера и былъ генералъ-адъютантомъ, состоя при великомъ князѣ наслѣдникѣ. Эти должности и болѣзнь требовали его присутствія въ Санктпетербургѣ.

Въ письмахъ Кейта мы находимъ разгадку этого страннаго назначенія. Репнинъ былъ не въ ладу съ Бестужевымъ, и канцлеръ, не желая оставлять при великомъ князѣ человѣка, на котораго не могъ разсчитывать, и желая помѣстить туда одну изъ своихъ креатуръ (Чоглюкова), придумалъ такимъ образомъ удалить Репнина. Въ началѣ 1748 года передовые отряды русскихъ войскъ, шедшихъ черезъ Польшу, Моравію и Богемію, явились уже въ Франконіи и на Рейнѣ, несмотря на то, что версальскій дворъ предлагалъ Репнину 100,000 ефимковъ за медленность въ походѣ. Русскимъ войскамъ не пришлось впрочемъ принять участія въ битвахъ. Въ маѣ 1748 г. были остановлены военныя дѣйствія, и вскорѣ потомъ былъ заключенъ миръ въ Ахенѣ. Этимъ миромъ, окончательно утвержденнымъ 18-го октября 1748 г., оканчивалась 8-лѣтняя война, стоившая столько крови континентальной Европѣ, истощившая Германію и столь ничтожная по своимъ результатамъ. Франція положила оружіе во время самыхъ блестящихъ успѣховъ въ Нидерландахъ и въ Индіи; но миръ былъ нуженъ для m-me Помпадуръ, и Людовикъ XV, разыгравъ тотчасъ послѣ побѣды при Лауфельдѣ роль великодушнаго героя, на самомъ полѣ битвы изъявилъ готовность вступить въ переговоры. Завоеванія должны были быть возвращены съ обѣихъ сторонъ. Марія-Терезія уступила дону-Филиппу, сыну Елизаветы Пармской, второй супруги жалкаго Филиппа V, Парму, Пьяченцу и Гвасталу съ условіемъ, что, если старшій братъ его, король неаполитанскій, получитъ корону Испаніи и донъ-Филиппъ перейдетъ въ Неаполь или умретъ бездѣтенъ, эти владѣнія воротятся къ Австріи. Испанія возобновила Assiento съ Англіей, т.-е. обязалась покупать у Англичанъ невольниковъ для своихъ колоній. Король сардинскій получилъ нѣсколько участковъ въ Миланѣ. Королю прусскому было подтверждено владѣніе Силезіей и Глацомъ. Франція отказалась отъ пріобрѣтеній въ Индіи и должна была потерять, въ то же позорное правленіе Людовика XV, свое значеніе въ Индіи, купленное геніальною дѣятельностію Дюплейкса. Король французскій, не пріобрѣтя ничего для государства 8-ю годами тяжелыхъ усилій Франціи и блестящими побѣдами Морица Саксонскаго, принялъ на себя постыдное обязательство выслать изъ Франціи несчастнаго Стюарта, котораго само же французское правительство увлекло въ рискованную высадку въ Англію и потомъ оставило безъ помощи. Ахенскій миръ, очевидно, не рѣшалъ ничего, имъ не уничтожались многіе поднятые вопросы, не сглаживалась взаимная ненависть. Это было перемиріе передъ новою борьбой.

Обратимся теперь къ отношеніямъ Россіи къ Скандинавскимъ государствамъ. Мы видѣли уже положеніе Швеціи до войны и во время войны съ Россіей. Послѣ Абовскаго мира исторія Швеціи представляетъ ту же

борьбу олигархическихъ партій, ту же деморализацію высшаго сословія и забвеніе главнѣйшихъ интересовъ государственныхъ. Жалкій король Фридрихъ, въ союзѣ съ партіей шапокъ, сталъ въ полную зависимость отъ русскаго и англійскаго посланниковъ. Напротивъ того, наслѣдный принцъ Адольфъ-Фридрихъ, обязанный своимъ успѣхомъ исключительно Россіи, соединился теперь съ французскою партіей и сталъ открыто во враждебное положеніе къ петербургскому двору. Своею оппозиціей противъ русскаго вліянія онъ какъ будто хотѣлъ заставить шведскій народъ забыть, что его избраніе было главнымъ условіемъ постыднаго мира, окончившаго не менѣе постыдную войну. Русскій посланникъ Корфъ деньгами успѣлъ доставить барону Унгернъ-Штернбергу, преданному Россіи, мѣсто ландмаршала на сеймѣ 1746 г. Но главная сила шведской олигархіи заключалась въ тайной коммиссіи, а она была продана французскому двору. Корфъ апеллировалъ къ шведскому народу на рѣшенія тайной коммиссіи, предостерегалъ его противъ усиленія королевской власти, именемъ Елизаветы требовалъ удаленія графа Тессина и напоминалъ наслѣдному принцу о благодарности, которою онъ обязанъ Елизаветѣ Петровнѣ. Его поступки вынудили Адольфа-Фридриха къ объясненію въ тайной коммиссіи, что онъ готовъ скорѣе тысячу разъ пожертвовать жизнію, нежели допустить, чтобы Швеція постыдною зависимостью заплатила его долгъ благодарности Россіи. Положеніе стараго короля было жалко; ему запретили видѣться безъ особаго разрѣшенія тайной коммиссіи съ иностранными министрами и угрожали отослать его въ Германію, въ случаѣ неповиновенія. Его докторъ, шотландецъ Блаквель, былъ осужденъ на смерть; купецъ Шпрингеръ, дѣйствовавшій въ видахъ Россіи, былъ осужденъ на пожизненное заключеніе. Наконецъ, англійскій посланникъ былъ высланъ изъ Швеціи, и до 1763 г. не было представителя Англіи при стокгольмскомъ дворѣ. Олигархія окончательно торжествовала, и разрывъ съ Россіей готовъ былъ совершиться. Россія дѣлала приготовленія къ войнѣ, Данія тоже. Для датскаго правительства права голштинскаго дома на Шлезвигъ составляли предметъ постояннаго страха, и для утвержденія за собою окончательно Шлезвига, Данія болѣе, чѣмъ когда-нибудь, старалась сблизиться съ Россіей. 10-го іюня 1746 г. заключенъ былъ въ С.-Петербургѣ трактатъ о возобновленіи прежняго договора о дружбѣ и взаимной гарантіи между русскимъ и датскимъ дворами. Хотя 4-мъ артикуломъ герцогство Шлезвигъ было исключено изъ гарантіи датскихъ владѣній, однако же Елизавета Петровна обязалась „употребить сколько возможно всѣ добрыя свои оффиціи къ тому, дабы имѣющіяся между его королевскимъ величествомъ и его императорскимъ высочествомъ (Петромъ Ѳеодоровичемъ) о выше упомянутой части герцогства Шлезвигскаго несогласія полюбовно и какъ скоро возможно прекратить“. Конвенціей, заключенною того же числа въ С.-Петербургѣ, условлено было о взаимной помощи на случай войны. Артикуломъ 2-мъ Россія и Данія обязались помогать другъ

другу 8-ю линейными кораблями отъ 60 до 70 пушекъ и 4-мя фрегатами отъ 30 до 40 пушекъ. Артикуломъ 3-мъ Россія обязалась отправить сухимъ путемъ 12,000 войска, если Данія потребуетъ войска вмѣсто флота. Если же сухимъ путемъ невозможно будетъ отправить войска, тогда Данія должна перевезти ихъ на свой счетъ моремъ, куда будетъ нужно. Изъяснительнымъ актомъ 8-го мая 1747 года подтверждены и дополнены были условія предыдущей конвенціи. Между прочимъ, артикуломъ 5-мъ выговорено было, что русскія вспомогательныя войска никакъ не могутъ быть употреблены въ Норвегіи. Петербургскій кабинетъ давалъ надежду Даніи возвратить области, уступленныя Швеціи по роскильдскому миру. Были даже планы о низложеніи наслѣднаго принца шведскаго и о соединеніи въ рукахъ датскаго короля всей Скандинавіи. Съ своей стороны, Швеція также готовилась къ войнѣ. Она возобновила (6-го іюня 1747 г.) союзный трактатъ съ Франціей на 10 лѣтъ и получила субсидіи. Черезъ посредство Франціи также былъ заключенъ союзъ съ Пруссіей. До открытаго разрыва не дошло впрочемъ. Данія была успокоена обѣщаніемъ Адольфа-Фридриха обмѣнять, еслибы ему досталось голштинское наслѣдство, герцогство Шлезвигъ на графство Ольденбургъ и Дельменгорстъ. Россія готовилась принять участіе въ войнѣ за австрійское наслѣдство, и ей трудно было бы одновреме нновести и войну со Швеціей. С.-Петербургскій кабинетъ отозвалъ Корфа изъ Стокгольма; но Панинъ, заступившій его мѣсто, дѣйствовалъ въ томъ же духѣ. Такъ, напримѣръ, онъ сдѣлалъ слѣдующую декларацію, которая должна была довольно странно звучать въ ушахъ представителя Россіи: „Въ Швеціи есть люди, которые замышляютъ по смерти короля ввести деспотическій образъ правленія, противъ желанія всего народа, въ видахъ нѣсколькихъ частныхъ лицъ. Императрица находитъ, что исполненіе этого плана будетъ предосудительно для спокойствія сѣвера, и объявляетъ, что обязана по силѣ трактатовъ 1721, 1743, 1745 годовъ употребить въ этомъ случаѣ всѣ средства, чтобы поддержать существующій доселѣ образъ правленія и соединенное съ нимъ спокойствіе на сѣверѣ“. Адольфъ-Фридрихъ принужденъ былъ писать къ императрицѣ, что онъ не думаетъ объ усиленіи королевской власти и сдѣлаетъ въ этомъ же смыслѣ объявленіе, чтобы уничтожить слухи, распускаемые русскимъ посланникомъ. Со смертію стараго короля, Фридриха, и со вступленіемъ на престолъ Адольфа-Фридриха, съ 25-го марта 1751 г., положеніе короля и его отношенія къ господствующей олигархіи мало улучшились. Передъ коронованіемъ долженъ былъ новый король дать торжественное обѣщаніе не думать объ усиленіи своей власти. На собраніи государственныхъ сословій были утверждены новые 24 артикула, всѣ клонящіеся къ усиленію олигархіи и къ конечному униженію королевской власти. Жалкое состояніе короля, лишеннаго всякаго значенія въ государствѣ и подвергавшагося самымъ невыносимымъ оскорбленіямъ со стороны олигарховъ, во главѣ которыхъ

сталъ теперь графъ Тессинъ, возбуждало негодованіе многихъ, особенно офицеровъ и членовъ русской партіи, къ которой теперь склонялся Адольфъ-Фридрихъ. Въ 1756 г. сдѣлано было покушеніе произвести переворотъ въ пользу королевской власти; но заговоръ былъ открытъ. Графъ Эрихъ Браге, полковникъ конной гвардіи, баронъ Горнъ и двое другихъ участниковъ сложили голову на эшафотѣ, и король шведскій потерялъ и послѣднее значеніе. Россія должна была торжествовать, потому что монархическая власть, которую она не хотѣла терпѣть въ Швеціи, была окончательно подорвана и вся власть окончательно перешла въ руки продажной олигархіи. Французскому и русскому посланникамъ оставалось только не жалѣть денегъ на покупку олигарховъ.

Любопытны отношенія Россіи къ Даніи по поводу переговоровъ о Шлезвигѣ. Обнародована оффиціальная переписка датскаго посланника въ С.-Петербургѣ, графа Роха Линара, брата любовника Анны Леопольдовны. Эта переписка драгоцѣнна еще и потому, что бросаетъ яркій свѣтъ на положеніе Петра Ѳеодоровича и его супруги относительно Елизаветы Петровны и стараго двора. Въ Даніи послѣ смерти благочестиваго Христіана VI, о дѣятельности котораго мы уже говорили, сдѣлался королемъ сынъ его, Фридрихъ V (1746—1766 гг.). Въ его правленіе смягченъ былъ протестантскій ригоризмъ прежняго правленія. Общественныя увеселенія перестали считаться тяжкимъ грѣхомъ и преступленіемъ противъ государственныхъ законовъ. Покровительство наукѣ и литературѣ высоко поставило Данію въ общественномъ мнѣніи. Ода Клопштока къ королю была извѣстна всей Европѣ. Великолѣпныя постройки, придворная пышность, напоминавшая въ миніатюрѣ пышность и чинность Людовика XIV, придали датскому двору внѣшній блескъ, не совсѣмъ оправдываемый внутреннимъ состояніемъ государства. И здѣсь, какъ въ Швеціи, высшее сословіе стремилось къ олигархическому устройству, хотя безъ такого успѣха. Положеніе низшаго сословія, особенно поселянъ, бывшихъ крѣпостными, было весьма тяжело. Къ чести датскаго правительства должно сказать, что уже при Фридрихѣ V было положено начало освобожденію поселянъ отъ власти поземельной аристократіи, окончательно совершившемуся при его преемникѣ. Эта благодѣтельная перемѣна исходила отъ самой аристократіи. Бернсторфъ и вдовствующая королева сдѣлали многое въ своихъ помѣстьяхъ. Послѣдняя, по совѣту графа Штольберга, даровала своимъ крестьянамъ право собственности на ихъ дома. Необходимость освобожденія еще не была вполнѣ сознана. Правительство часто принимало мѣры совершенно въ противномъ смыслѣ, но первое начало было сдѣлано, мысль была пущена въ ходъ, и преемникъ Фридриха V могъ совершить благодѣтельный переворотъ, поставившій имя министра Бернсторфа на ряду съ именемъ Вильберфорса. Вопросъ о герцогствѣ Шлезвигскомъ становился капитальнымъ для Даніи, особенно съ тѣхъ поръ, какъ герцогъ голштинскій сдѣлался наслѣдникомъ русскаго пре-

стола. Въ оборонительный трактатъ съ Маріей Терезіей 22-го мая (іюня 2-го) 1746 г. включено было первымъ секретнымъ артикуломъ повтореніе прежняго обязательства со стороны имперіи (1726 г.) содѣйствовать признанію правъ голштинскаго дома на владѣніе Шлезвигомъ. Всѣмъ было извѣстнно, какую цѣну придавалъ Петръ Өедоровичъ своимъ голштинскимъ владѣніямъ. Наслѣдникъ русскаго престола, онъ до конца своей жизни, даже будучи императоромъ, принималъ всегда близко къ сердцу голштинскіе интересы, даже болѣе, чѣмъ интересы руской имперіи. До самой трагической катастрофы, лишившей его короны и жизни, онъ оставался герцогомъ голштинскимъ. Даніи грозила страшная опасность, и датское министерство не щадило усилій, чтобы еще при жизни Елизаветы уничтожить притязанія герцога голштинскаго на Шлезвигъ. Конвенціей и трактатомъ 10-го іюня 1746 г., какъ мы видѣли, Елизавета Петровна обѣщала употребить свое посредничество для полюбовнаго окончанія дѣла. Дѣятельнаго и сильнаго помощника нашло датское правительство въ лицѣ канцлера Бестужева. Столько же изъ личной непріязни къ великому князю наслѣднику, сколько и изъ политическихъ разсчетовъ старался Бестужевъ не только содѣйствовать принятію предложеній Даніи обмѣнять Шлезвигъ на графство Ольденбургъ и Дельменгорстъ, но, еслибы было возможно, и совершенному уничтоженію заграничныхъ личныхъ владѣній великаго князя. Отношенія Бестужева къ Петру Өедоровичу представляютъ рядъ тайныхъ и явныхъ преслѣдованій и стѣсненій всякаго рода. Великій князь-наслѣдникъ вообще не пользовался общимъ расположеніемъ, и должно сознаться, что главною виною этого былъ онъ самъ. Онъ не сумѣлъ стать въ настоящее положеніе относительно новой своей родины. Въ этомъ отношеніи онъ стоялъ неизмѣримо ниже своей супруги, которая, несмотря на свою молодость, съ необыкновеннымъ тактомъ умѣла понять свои отношенія къ Россіи и примѣниться къ окружающей ее средѣ. Съ необыкновенною быстротой, настойчивымъ трудомъ, разстроившимъ ея здоровье, она овладѣла русскимъ языкомъ. Принявъ грекороссійское исповѣданіе, она такъ хорошо ознакомилась съ новою религіей, такъ вошла въ нравы русскаго народа, такъ много и, повидимому, такъ искренно обнаруживала свое усердіе къ церкви, что не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ ея православіи. Наконецъ, несмотря на всѣ интриги, она сумѣла сохранить хорошія отношенія къ императрицѣ, сумѣла подъ конецъ войти въ тѣсный союзъ съ самимъ Бестужевымъ, въ началѣ столько же враждебнымъ къ ней, какъ и къ ея мужу. У Петра Өедоровича не было ни этой гибкости характера, ни такого ума и такта. Въ дѣтствѣ онъ не получилъ настоящаго образованія, и усилія Штелина вознаградить въ Петрѣ-Георгѣ это упущеніе остались безъ успѣха. При неоспоримо хорошихъ способностяхъ, при добрыхъ наклонностяхъ, Петръ Өедоровичъ лишенъ былъ яснаго пониманія своего положенія и твердости характера. Онъ не понималъ, напримѣръ, что въ Россіи увѣренность въ

православіи наслѣдника престола, въ его преданности къ русской церкви—необходимое условіе для привлеченія къ его особѣ сочувствія народа. Въ то время, когда Екатерина Алексѣевна удивляла всѣхъ своимъ благочестіемъ, Петръ Ѳедоровичъ позволялъ себѣ вольныя рѣчи и выходки во вкусѣ Фридриха II; онъ не скрывалъ также и того, какъ мало цѣнилъ онъ Россію. Онъ изъявлялъ сожалѣніе въ томъ, что принужденъ былъ отказаться отъ шведской короны, гласно обнаруживъ еще разъ это же сожалѣніе, когда узналъ о вступленіи на шведскій престолъ Адольфа-Фридриха. Къ русскимъ онъ обнаруживалъ нерасположеніе, старался окружить себя голштинцами. Не сумѣлъ онъ также поставить себя въ хорошія отношенія къ Елизаветѣ Петровнѣ. Въ то время, какъ она ясно высказывала свою непріязнь къ королю прусскому, онъ не скрывалъ своего восторженнаго удивленія къ Фридриху II и впослѣдствіи завязалъ съ нимъ втайнѣ непрерывныя сношенія, продолжавшіяся даже и во время войны Россіи съ Пруссіей. Все это не мало способствовало тому, что при дворѣ была противъ него сильная партія, среди которой не разъ обнаруживалась мысль отстранить его отъ престолонаслѣдія. Графъ Линаръ въ депешѣ отъ 14-го (25-го) декабря 1750 г. говоритъ о томъ, что въ прошломъ году, во время сильнаго припадка, случившагося въ Москвѣ съ императрицей и заставившаго опасаться за ея жизнь, многіе изъ вельможъ, на тайныхъ сходкахъ, рѣшились захватить великаго князя-наслѣдника и его супругу и возвести на престолъ Ивана Антоновича. О подобныхъ замыслахъ намъ придется еще говорить не разъ. Бестужеву можно было, опираясь почти на общее нерасположеніе къ Петру Ѳедоровичу, преслѣдовать его мелочными оскорбленіями, отдалять отъ него людей, ему преданныхъ, и окружать его своими креатурами, передававшими ему каждый шагъ великаго князя. Большая часть голштинцевъ, пріѣхавшихъ съ великимъ княземъ въ Россію, была удалена. Такъ, въ 1746 году высланы были гофмаршалъ Брюммеръ и камергеръ Берггольцъ. Въ 1747 г., по приказу Елизаветы Петровны, отосланы были въ Голштинію оберъ-егермейстеръ Бредаль, камергеръ Дюккеръ, камеринтендантъ Крамеръ и даже купецъ Шриверъ, имѣвшій званіе голштинскаго придворнаго коммиссіонера и часто помогавшій великому князю въ его затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ. При дворѣ оставлены были голштинскій министръ Пехлинъ и камергеръ Брёмбзенъ, и то потому, что они были въ хорошихъ отношеніяхъ съ Бестужевымъ. Главнымъ лицомъ при дворѣ великаго князя явился камергеръ Чоглоковъ, мужъ графини Генриковой, человѣкъ безъ способностей и образованія, но зато тѣломъ и душой преданный канцлеру. Наконецъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, удаленъ былъ изъ Россіи (въ іюнѣ 1747 г.) и принцъ Августъ Голштинскій, жившій въ Россіи съ начала 1744 года и находившійся въ самыхъ тѣсныхъ, дружескихъ отношеніяхъ съ великимъ княземъ. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ и самыхъ вліятельныхъ противниковъ принятія дат-

скихъ предложеній и всего болѣе мѣшалъ планамъ Бестужева. Такъ какъ онъ былъ назначенъ администраторомъ герцогства Голштинскаго, то легко было заставить его переѣхать въ Голштинію для личнаго управленія ею. При отъѣздѣ ему пожаловали осыпанный брильянтами орденъ Андрея Первозваннаго, 10,000 рублей на путевыя издержки и 15,000, какъ особый подарокъ, и вообще знаками милости, расположенія старались прикрыть его удаленіе изъ Россіи. Теперь Бестужеву можно было дѣйствовать въ пользу Даніи. Шлезвигское дѣло состояло въ слѣдующемъ. Въ 1720 г. Карлъ-Фридрихъ, герцогъ Голштейнъ-Готторпскій, получилъ родовую часть Голштинскаго герцогства, но часть герцогства Шлезвигъ, также ему принадлежащая, была удержана датскимъ королемъ. Въ теченіе 14 лѣтъ не переставалъ Карлъ-Фридрихъ протестовать противъ такого незаконнаго лишенія. Секретнымъ артикуломъ 24-го марта 1724 г. Швеція и Россія обязались способствовать возвращенію ему Шлезвига. Петръ Великій обручилъ голштинскому герцогу свою дочь Анну и, вѣроятно, оружіемъ возстановилъ бы его права, еслибы смерть не помѣшала ему. Екатерина I исполнила волю супруга, выдала дочь свою за Карла-Фридриха и включила въ трактатъ съ Австріей въ 1726 г. обязательство помогать ему въ полученіи Шлезвига. Датскій король (Фридрихъ IV) предлагалъ герцогу денежное вознагражденіе за Шлезвигъ, но тотъ отказался. Онъ имѣлъ надежду составить изъ владѣній Голштиніи, Бремена, Вердена, Ольденбурга и Дельменгорста 10-е курфиршество. Смерть Екатерины I снова разрушила его надежды. Правда, духовнымъ завѣщаніемъ она назначила герцога голштинскаго членомъ регентства и поручила своимъ преемникамъ заботиться объ его интересахъ; но Меншиковъ заставилъ герцога выѣхать изъ Россіи и дѣйствовать противъ него. При Аннѣ Ивановнѣ заключенъ былъ въ 1732 г. договоръ съ Даніей, по которому Анна Ивановна обязалась оставить герцога на произволъ судьбы, если онъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, не согласится принять 1,000,000 риксдалеровъ, какъ вознагражденіе за Шлезвигъ. Карлъ-Фридрихъ отказался принять вознагражденіе и, умирая въ іюнѣ 1739 г., завѣщалъ своему сыну не оставлять права на родовое владѣніе. Со вступленіемъ на престолъ Елизаветы Петровны, положеніе Даніи было весьма опасно. Съ одной стороны, сынъ Карла-Фридриха сдѣлался, съ именемъ Петра Ѳеодоровича, наслѣдникомъ русскаго престола, съ другой—ближайшій родственникъ покойнаго герцога, Адольфъ-Фридрихъ, наслѣдникомъ шведскаго престола. Надобно было, во что бы то ни стало, кончить дѣло, прежде нежели права этихъ претендентовъ будутъ подкрѣплены всѣми силами Россіи и Швеціи. Со стороны Швеціи удалось отстранить опасность. Прелиминарными статьями, подписанными въ Копенгагенѣ 7-го августа 1749 г. и обращенными въ окончательный трактатъ 25-го апрѣля 1750 г., Адольфъ-Фридрихъ обязался, въ случаѣ, если къ нему перейдетъ наслѣдство голштинское, промѣнять свои права на Шлезвигъ за

Ольденбургъ и Дельменгорстъ и за денежное вознагражденіе. Не такъ легко было кончить съ Петромъ Ѳедоровичемъ. Графу Линару поручено было вести переговоры, и онъ долженъ былъ предлагать въ обмѣнъ за Шлезвигъ графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ, приносившія столько же дохода, какъ и Шлезвигъ, и къ тому же свободныя отъ долговъ, и сверхъ того отъ $1^1/_2$ до 2-хъ милліоновъ риксдалеровъ единовременнаго вознагражденія. Елизавета Петровна формально обязалась употребить „свои добрыя оффиціи" для склоненія великаго князя къ обмѣну. Бестужевъ не щадилъ усилій. Онъ былъ теперь на верху могущества. Въ 1748 г. ему удалось погубить въ мнѣніи императрицы графа Лестока и отправить его въ ссылку. Баронъ Пехлинъ, голштинскій министръ при Петрѣ Ѳедоровичѣ, былъ на сторонѣ Россіи. Но великій князь упорно стоялъ на своемъ намѣреніи исполнить волю отца и сохранить въ своемъ домѣ Шлезвигъ. Пехлинъ не имѣлъ у него довѣренности и очень рѣдко видѣлся съ нимъ. Екатерина Алексѣевна, на нѣкоторое время получившая рѣшительное вліяніе надъ умомъ своего супруга, поддерживала его въ этомъ сопротивленіи и помогала ему выпутываться изъ интригъ, которыми старался опутать его Бестужевъ. Петръ разсчитывалъ сверхъ того на содѣйствіе прусскаго короля, и канцлеръ напрасно старался внушить ему черезъ своихъ приверженцевъ, что прусскій король не потерпитъ, чтобы Россія твердою ногой встала въ Германіи. Великому князю помогали въ его сопротивленіи также и нѣкоторые противники Бестужева, напримѣръ, графъ Воронцовъ. Бестужеву удалось довести императрицу до того, что она черезъ Чоглокова запретила Екатеринѣ мѣшаться въ это дѣло, но, несмотря на старанія внушить императрицѣ болѣе сильныя мѣры, весь успѣхъ Бестужева ограничивался тѣмъ, что она грозила иногда поступить съ великимъ княземъ такъ, какъ Петръ съ Алексѣемъ Петровичемъ. А отъ угрозъ до дѣйствительности было слишкомъ далеко при слабомъ, безпечномъ характерѣ Елизаветы Петровны. Петръ Ѳедоровичъ наотрѣзъ отказался отъ обмѣна, и въ 1752 г. переговоры были прерваны.

Это была, повидимому, побѣда великаго князя надъ его сильнымъ противникомъ. Но этотъ успѣхъ, объясняемый только отвращеніемъ императрицы отъ всякихъ сильныхъ мѣръ, требовавшихъ ея личнаго участія въ нихъ, нисколько не улучшилъ его положенія. Напротивъ, съ каждымъ днемъ Петръ Ѳедоровичъ все дальше и дальше отходилъ отъ стараго двора, теряя своихъ союзниковъ, заключаясь въ тѣсномъ кругѣ своихъ приближенныхъ и терпя всевозможныя оскорбленія. Его собственная безхарактерность и происки враговъ ставили его въ то ложное и нестерпимое отношеніе къ Россіи, изъ котораго онъ не могъ выйти, и которое привело его къ гибели. Бестужевъ не спускалъ ни на минуту глазъ съ своего противника. Перехватываніе и вскрытіе писемъ было однимъ изъ вѣрныхъ средствъ, которыми пользовался онъ, чтобы уничтожить

мало-по-малу, и безъ того уже колебавшееся, расположеніе императрицы къ ея наслѣднику. Канцлеръ дѣйствовалъ съ замѣчательною наглостію. Голштинскій офицеръ, возвращавшійся изъ Россіи въ Киль и везшій письма Екатерины къ ея матери, былъ остановленъ и письма были отобраны подъ предлогомъ, что перевозъ писемъ путешественниками лишаетъ почтовое вѣдомство доходовъ. Письма были отосланы по адресу, но копіи съ нихъ остались въ рукахъ Бестужева, который сообщилъ императрицѣ жалобы молодого двора и его неудовольствіе противъ правительства. Въ сентябрѣ 1751 года Петръ Ѳедоровичъ съ тактомъ, котораго трудно было ждать отъ него, избѣжалъ опасности. Нѣсколько солдатъ составили заговоръ, цѣлью котораго было свергнуть Елизавету Петровну и возвести Петра Ѳедоровича. Къ счастію, великій князь понялъ тотчасъ всю опасность своего положенія и немедленно далъ знать императрицѣ о сдѣланномъ имъ открытіи. Виновные были схвачены и разосланы по дальнимъ гарнизонамъ. Повидимому, Петръ Ѳедоровичъ доказалъ чистоту своихъ намѣреній и преданность къ Елизаветѣ Петровнѣ. Но тѣмъ не менѣе на него стали смотрѣть еще подозрительнѣе. Безъ участія въ дѣлахъ государственныхъ, опутанный со всѣхъ сторонъ враждебными интригами, стѣсненный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, печально проводилъ онъ зиму въ Петербургѣ, съ нетерпѣніемъ ожидая весны, приносившей ему и больше свободы и возможность жить по своему. Онъ спѣшилъ въ подаренный ему Ораніенбаумъ. Тамъ онъ имѣлъ небольшой отрядъ голштинскихъ войскъ и нѣсколько русскихъ, отданныхъ въ его распоряженіе императрицею и составлявшихъ гарнизонъ Ораніенбаума. Съ нимъ онъ весь предавался своей страсти къ военнымъ экзерциціямъ. Въ Ораніенбаумѣ выстроены были каменныя казармы. Инженеры построили по планамъ Петра небольшую крѣпость по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Внутри находился столь же миніатюрный дворецъ великаго князя. Здѣсь ему была полная воля отдаться удивленію къ Великому Фридриху, вводить прусскую одежду и прусскіе ружейные пріемы, копировать рабски свой недосягаемый образецъ и разыгрывать недостойную его роль прусскаго офицера. Петръ Ѳедоровичъ съ увлеченіемъ мѣнялъ скучную и тяжелую для него придворную жизнь на казарменное общество и привычки. Въ обществѣ разгульныхъ нѣмецкихъ и голштинскихъ офицеровъ онъ принималъ самъ дурныя привычки казарменной жизни. Съ трубкой и за стаканомъ онъ забывалъ съ ними свое настоящее положеніе. Въ 1752 году онъ потерялъ и послѣдняго надежнаго руководителя, который могъ бы съ одной стороны сдерживать его, съ другой зорко смотрѣть за его интересами. Здѣсь не мѣсто останавливаться на изслѣдованіи причинъ, которыя произвели охлажденіе между великимъ княземъ и его супругою. Самый фактъ не подлежитъ сомнѣнію. Охлажденіе, особенно со стороны Екатерины, ясно уже опредѣлилось въ то время, когда, повидимому, прочно закрѣплялся рожденіемъ Павла Петровича (1-го октября 1754 г.) супружескій союзъ, до сихъ поръ

остававшійся безплоднымъ. Еще Петру Ѳедоровичу не приходило на мысль подозрѣніе, а уже интересы его супруги были втайнѣ отдѣлены отъ его интересовъ. Между Екатериной и неумолимымъ преслѣдователемъ великаго князя, Бестужевымъ, былъ уже заключенъ въ глубокой тайнѣ союзъ, который скрѣплялся все болѣе и болѣе. Потерявъ довѣріе Екатерины, Петръ терялъ самаго вѣрнаго защитника противъ замысловъ враговъ, окончательно предоставлялся собственнымъ силамъ и собственному уму, а у него, какъ мы знаемъ, не доставало ни сознанія своего положенія, ни такта. Къ прежнимъ интригамъ, занимавшимъ дворъ и высшихъ сановниковъ, прибавились новыя. Время семилѣтней войны, безъ сомнѣнія, самое темное въ царствованіе Елизаветы Петровны время, когда вполнѣ частная интрига, губившая политическую нравственность высшаго сословія и тяжелымъ гнетомъ падавшая на государство, окончательно завладѣла правленіемъ.

Не для одной Россіи семилѣтняя война была высшимъ пунктомъ, до котораго могло достичь господство интриги и частныхъ интересовъ, забвеніе всѣхъ государственныхъ интересовъ. Въ исторіи европейской дипломатіи нѣтъ періода болѣе позорнаго, болѣе лишеннаго внутренняго смысла, чѣмъ время, предшествовавшее великой борьбѣ короля прусскаго противъ соединенныхъ силъ почти всей Европы. Намъ должно нѣсколько остановиться на причинахъ и тайныхъ побужденіяхъ, породившихъ эту войну, остановиться столько же для того, чтобы понять отношенія Россіи къ европейскимъ державамъ, сколько и для того, чтобы убѣдиться, что то несчастное направленіе, которому отдалась Россія на время, было общимъ во всей Европѣ и тамъ проявлялось еще съ большею свободой и наглостью, нежели у насъ. Насъ не удивятъ быстрые переходы Россіи отъ одного союза къ другому, продажность канцлера и другія возмутительныя явленія, когда мы всмотримся въ то, что̀ происходило въ другихъ государствахъ, не имѣвшихъ оправданія въ новости своего политическаго европейскаго значенія.

Ахенскій миръ, порожденный тою же частной интригой, какъ и самая война, окончившаяся имъ, не рѣшилъ ни одного изъ вопросовъ европейской политики. Не только имъ не уничтожилась возможность близкой войны въ Германіи, гдѣ еще разъ Австрія и Пруссія готовились схватиться за владѣніе Силезіею и, пользуясь миромъ, только собирали силы для послѣдней ожесточенной борьбы, имъ не рѣшались даже такіе вопросы, которые могли бы быть окончательно уничтожены при сколько-нибудь меньшей поспѣшности, при сколько-нибудь большемъ вниманіи французскаго правительства къ интересамъ государственнымъ. Въ 1753 и 1754 годахъ французы и англичане уже сражались въ Сѣверной Америкѣ, прежде чѣмъ была объявлена война между обоими государствами. Споры за владѣнія въ Сѣверной Америкѣ, ускорившіе начало новой общеевропейской войны, начаты были давно уже. Канада и Лузіана принад-

лежали тогда Франціи. И Франція и Англія объявляли притязанія на пустынные тогда берега Миссисипи и Огіо, гдѣ не было твердыхъ европейскихъ поселеній и гдѣ бродили племена индійцевъ. За границы Акадіи или новой Шотландіи шелъ также давній споръ между обоими государствами. Утрехтскимъ миромъ Акадія по старымъ границамъ перешла къ Англіи, но эти старыя границы были неопредѣленны, и при ахенскомъ мирѣ уполномоченные Франціи спѣшили заключеніемъ, чтобы остановиться на интересахъ своихъ колоній. Между тѣмъ точное обозначеніе границъ было необходимо. Торговля мѣхами влекла въ лѣса Америки и французскихъ, и англійскихъ промышленниковъ, сталкивавшихся враждебно. Вновь учрежденная Англіей, правительствомъ патентованная огійская компанія стремилась исключительно завладѣть торговлей съ индійцами. Французы основаніемъ фортовъ при озерахъ Эріо и Онтаріо, на Огіо и Миссисипи думали положить предѣлъ распространенію англійской торговли. Съ обѣихъ сторонъ дошло до открытыхъ схватокъ. Смерть Пельгама и перемѣна въ англійскомъ министерствѣ еще болѣе усилили враждебныя отношенія, переговоры не послужили ни къ чему. Въ январѣ 1755 г. англійскія войска, присланныя изъ Европы, оружіемъ хотѣли вытѣснить французовъ изъ ихъ укрѣпленій. Первая попытка была неудачна, и только туземныя милиціи, подъ начальствомъ знаменитаго впослѣдствіи Вашингтона, спасли англійскій отрядъ отъ совершеннаго истребленія. Враждебныя дѣйствія начались. Англійскіе корабли начали захватывать французскія купеческія суда. Болѣе 300 судовъ захвачено въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. На рѣкѣ Св. Лаврентія англичанамъ удалось даже взять 2 французскихъ линейныхъ корабля. Два форта на границахъ Новой Шотландіи также достались въ ихъ руки, и французы были вытѣснены изъ этихъ странъ. Война вскрылась; стороны старались пріобрѣсть союзниковъ. При всѣхъ европейскихъ державахъ начались тайные переговоры, темныя сдѣлки. На Германію преимущественно было обращено вниманіе обѣихъ державъ. Въ Ганноверѣ думала Франція нанести самый чувствительный ударъ Георгу II. Всѣ усилія англійскаго министерства были направлены на то, чтобы обезопасить нѣмецкія владѣнія своего короля. Мелкимъ государствамъ Германіи открылся просторъ въ продажѣ тому или другому государству крови своихъ подданныхъ. Открытая торговля приняла широкій размѣръ. Гессенъ, Гота, нѣкоторыя другія владѣнія продали своихъ солдатъ Англіи. Баварія взяла съ Георга II 10,000 фунтовъ стерлинговъ и въ то же время обязалась выставить на помощь Франціи 6,000 человѣкъ. Кельнъ и Пфальцъ были куплены Франціею.

Не въ мелкихъ государствахъ Германіи искали, впрочемъ, враги своихъ главныхъ союзниковъ. Это была мелочная торговля, рядомъ съ которою шли болѣе серьезныя сдѣлки. Австрія и Пруссія своими силами могли дать рѣшительный перевѣсъ той или другой сторонѣ. Вмѣстѣ дѣйствовать онѣ, очевидно, не могли и должны были встрѣтиться врагами. Оста-

валось рѣшить, какъ онѣ разберутъ роли въ этой кровавой драмѣ. Повидимому, ихъ отношенія къ той и другой враждующей сторонѣ были опредѣлены заранѣе съ полною ясностію. Естественною союзницей Англіи явилась Австрія; Пруссія должна была примкнуть къ Франціи. Такъ дѣйствовали онѣ въ предыдущей войнѣ; такъ, казалось, онѣ должны были дѣйствовать и теперь. Трудно было предвидѣть возможность, напримѣръ, союза Австріи съ Франціей. Это было бы забвеніе вѣковой политики обоихъ государствъ, вѣковой вражды Габсбургскаго дома съ Франціей. Трудно также, хотя не въ такой степени, было бы сближеніе Пруссіи съ Англіей. Кромѣ личнаго, взаимнаго нерасположенія англійскаго и прусскаго королей, между ихъ государствами были споры, до тѣхъ поръ не рѣшенные, ставившіе ихъ въ непріязненныя отношенія другъ къ другу. Дѣло о прусскихъ корабляхъ, захваченныхъ еще до ахенскаго мира англійскими каперами, еще тянулось, и было, повидимому, далеко отъ мирнаго разрѣшенія. Ни при дворахъ, ни въ министерствахъ не было почти сомнѣнія въ томъ, чью сторону возьмутъ эти два главнѣйшія германскія государства. Между тѣмъ Пруссія и Австрія съ пользой употребляли мирное время. Прусскій король, имѣвшій въ казнѣ, при заключеніи дрезденскаго мира, по собственному признанію, только 15,000 экю, дѣятельно занялся устройствомъ финансовъ и арміи. Умными распоряженіями онъ не только успѣлъ поправить разстроенное войною состояніе своего небольшого государства, но въ виду новой войны онъ являлся съ силами значительнѣе прежнихъ. Австрія, не оставлявшая никогда надежды на возвращеніе Силезіи, обнаружила небывалую дѣятельность и движеніе. Рутинная система австрійской монархіи поколебалась передъ волею и умѣньемъ Маріи-Терезіи. Самъ противникъ ея отдаетъ въ своихъ сочиненіяхъ полную справедливость ея правленію: Все, что̀ возможно было сдѣлать, не разрушая вполнѣ вѣкового строя Австріи, было сдѣлано. Чопорное и чинное министерство дѣйствовало съ обычною медленностію, но уже выходилъ на сцену Кауницъ, и его невидимое вліяніе начинало уже пересиливать вліяніе признанныхъ членовъ управленія. Пятый и младшій членъ конференціи министровъ, Кауницъ, владѣлъ довѣренностію Маріи-Терезіи и, оставляя своимъ знатнымъ товарищамъ всю внѣшность власти, былъ тѣмъ не менѣе двигателемъ всѣхъ важныхъ рѣшеній; уже на съѣздѣ въ Ахенѣ ему пришла мысль измѣнить совершенно отношенія европейскихъ государствъ и въ союзѣ съ Франціей подавить ненавистную Пруссію. Безъ обнародованія тайной дипломатической переписки невозможно составить понятіе объ этихъ интригахъ, которыя оставались тайной даже для министровъ тѣхъ государствъ, между которыми велись онѣ, и которыя разрѣшились тѣмъ невѣроятнымъ союзомъ между Франціей и Австріей, котораго обнародованіе поразило всю Европу. Въ то время, когда французское министерство было вполнѣ убѣждено въ искреннемъ и прочномъ союзѣ вѣнскаго и лондонскаго дворовъ, когда никто не могъ представить

себѣ возможности сближенія между Австріей и Франціей, Кауницъ полагалъ невидимое основаніе этого сближенія. Дѣло началось въ Вѣнѣ. Французскій посланникъ и въ особенности тайный агентъ m-me Помпадуръ были окружены самой внимательной предупредительностію. Въ 1750 г. самъ Кауницъ въ качествѣ посланника отправился въ Парижъ, чтобы войти въ непосредственныя сношенія съ всемогущей любовницей короля. Въ интимныхъ собраніяхъ въ Версали и въ остроумныхъ салонахъ парижскихъ Кауницъ игралъ двойную роль роскошнаго придворнаго и философа. Въ 1753 г. онъ оставилъ Францію, передавъ Штеремберry, какъ оффиціальное званіе австрійскаго посланника, такъ и роль тайнаго посредника между Маріей-Терезіей и m-me Помпадуръ. Дочь Карла VI пожертвовала своею гордостію своей ненависти противъ Фридриха II. Собственноручнымъ письмомъ къ королевской наложницѣ, которую называла она ma cousine, она окончательно склонила ее на свою сторону. Тщеславіе Помпадуръ не могло устоять противъ этого доказательства дружбы и уваженія со стороны гордой императрицы, извѣстной сверхъ того строгостью своихъ принциповъ. Тогда-то началась эта секретная корреспонденція, обманувшая всю Европу. Ни французское, ни австрійское министерство не выходили изъ обычной колеи. Не только товарищи Кауница, самъ супругъ Маріи-Терезіи не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія о томъ, какія новыя, небывалыя отношенія завязывались между Австріей и Франціей. Посланники играли самую двусмысленную роль. Штеремберrъ изъ Парижа, маркизъ де-Готфоръ изъ Вѣны посылали въ одно и то же время одну депешу для министерства, другую для лицъ, знавшихъ тайну; между обѣими не было ничего общаго. Какъ дорого стóили государству эти подземныя интриги, видно изъ того, что французскій посланникъ въ Вѣнѣ, сверхъ обыкновеннаго ежегоднаго содержанія въ 250,000 ливровъ, сверхъ одновременно полученныхъ имъ въ 1751 г. 40 т. для праздника, по случаю рожденія герцога Бургундскаго, оказался долженъ при своемъ отъѣздѣ еще 180,000 ливровъ, которые и были выплачены французскимъ правительствомъ. Между тѣмъ прежнія дружественныя отношенія вѣнскаго двора къ Англіи, по всей видимости, не подверглись никакому измѣненію, и англійское министерство тѣмъ болѣе могло надѣяться на продолженіе союза, что давній опытъ убѣдилъ въ его необходимости для Австріи. Несмотря на обширность и богатство производительныхъ силъ, Австрія не могла сдѣлать шагу безъ англійскихъ субсидій. Какъ для Франціи въ высшей степени желательна была война на континентѣ, точно такъ же всѣ интересы Англіи требовали сохраненія мира въ Германіи. Ганноверскія владѣнія англійскаго короля были всегда больнымъ мѣстомъ въ англійской политикѣ, и всѣ усилія англійскаго министерства были направлены къ тому, чтобы отдалить отъ нихъ военныя дѣйствія, избѣжать, во что бы то ни стало, войны на континентѣ Европы. Не подвержены были еще сомнѣнію и дружественныя отношенія Пруссіи къ французскому кабинету.

Союзный трактатъ между обоими государствами, заключенный въ Бреславлѣ въ 1741 г., долженъ былъ кончиться въ іюнѣ 1756 г., и не было, повидимому, никакихъ препятствій для его возобновленія.

Не на одной, впрочемъ, Германіи сосредоточивалось вниманіе воюющихъ державъ: не менѣе важный узелъ завязывался въ Россіи. Предполагалась возможность вывести Россію изъ ея бездѣйствія: ея вмѣшательство въ дѣла западной Европы могло дать рѣшительный перевѣсъ той или другой сторонѣ. Мы должны обратиться къ отношеніямъ с.-петербургскаго кабинета къ другимъ державамъ. Какъ дипломатическая переписка графа Линара служитъ главнымъ источникомъ для объясненія голштинскихъ переговоровъ, точно такъ же донесенія англійскихъ посланниковъ, впервые приведенныя въ извѣстность Раумеромъ (Beiträge zur neueren Geschichte) въ 1836 г. и извлеченныя изъ 75 фоліантовъ, относящихся до Россіи, бросаютъ яркій свѣтъ на это темное время. Въ дипломатическихъ же сношеніяхъ мы можемъ найти и драгоцѣнныя подробности о постановкѣ придворныхъ партій, много важныхъ указаній на внутреннее состояніе государства и общества, въ особенности же на нравы. Къ сожалѣнію, это источникъ, почти вовсе еще неразработанный. По всѣмъ донесеніямъ англійскихъ министровъ, Елизавета совершенно не занималась дѣлами. Никакія усилія канцлера не могли довести ее до скораго рѣшенія. Трудно даже было получить отъ нея аудіенцію и говорить о дѣлахъ. Все шло черезъ лицъ, пользовавшихся ея довѣренностію, и на склоненіе ихъ на свою сторону должно было обратиться преимущественное вниманіе иностранныхъ агентовъ. Въ Елизаветѣ Петровнѣ, впрочемъ, была одна живая струна, это—ненависть къ королю прусскому, ненависть личная, которую безпрестанно раздували ея приближенные изъ своихъ выгодъ. Къ прежнимъ лицамъ, имѣвшимъ на нее сильное вліяніе, прибавилось еще одно, на время отстранившее даже стараго любимца Елизаветы, Алексѣя Разумовскаго. Это былъ извѣстный Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Бестужевъ рѣдко видалъ Елизавету Петровну. Его бумаги, представляемыя къ ней, были передаваемы Шувалову, и его мнѣніе имѣло рѣшительное вліяніе. Уже въ февралѣ 1755 г. англійскій посланникъ Гюй-Диккенсъ доносилъ своему двору, что одна изъ главныхъ причинъ неуспѣха Бестужева заключается въ его лѣни, что онъ рѣдко видитъ императрицу и пропускаетъ единственно удобный случай видѣть ее у Разумовскаго. Теперь надобно было вести дѣло черезъ Шувалова. Для интересовъ Англіи невыгодно было пристрастіе новаго любимца къ Франціи и французамъ. Замѣчательна постановка молодого двора. Великій князь, какъ извѣстно, былъ жаркій приверженецъ прусскаго короля, съ которымъ онъ находился въ тайной перепискѣ. Екатерина Алексѣевна, теперь сблизившаяся съ Бестужевымъ и получившая, по свидѣтельству англійскихъ агентовъ, довольно сильное вліяніе на придворныхъ, которые или любили ее, или боялись, но во всякомъ случаѣ старались сохранить ея располо-

женіе, имѣла свои политическія убѣжденія, которыя она старалась внушить и окружающимъ. Не будучи столь привержена къ прусскому королю, какъ ея супругъ, она и не была, впрочемъ, столь предубѣждена противъ союза съ Пруссіей, какъ императрица, и скорѣе была за сближеніе съ этимъ государствомъ. Гораздо, впрочемъ, яснѣе высказывалось ея нерасположеніе къ Франціи и убѣжденіе въ необходимости союза съ Англіей. Въ ней находилъ поэтому англійскій посланникъ надежнаго союзника. Бестужевъ, какъ мы знаемъ, былъ давно враждебенъ Франціи и преданъ вѣнскому и англійскому дворамъ. Пока не было сомнѣній въ дружбѣ между этими двумя государствами, роль его была проста и естественна; она становилась двусмысленною и трудною, какъ скоро старые союзники встрѣтились врагами. Заключеніе дружественнаго договора между Англіей и Россіей не встрѣтило большихъ затрудненій. Англійскій посланникъ Вильямсъ имѣлъ на своей сторонѣ не одного Бестужева. Въ своей депешѣ отъ 4-го іюля 1755 г. онъ доноситъ, что ему удалось пріобрѣсти и вице-канцлера Воронцова. Рѣшительное вліяніе на Воронцова имѣлъ Олсуфьевъ. „Воронцовъ, доноситъ Вильямсъ, говоритъ только то, что внушено ему Олсуфьевымъ. За 1,500 дукатовъ наличными и за 500 фунт. ежегодно можно пріобрѣсти Олсуфьева и, какъ я полагаю, сдѣлать изъ него хорошее употребленіе. Точно такое же вліяніе имѣетъ на Воронцова и саксонскій посланникъ Функъ. Онъ вѣрно служитъ своему двору, но слишкомъ 2 года не получаетъ содержанія, а потому часто нуждается. Онъ будетъ служить англійскому королю за ту же сумму, какъ и Олсуфьевъ“. Въ другой депешѣ мы находимъ, что Вильямсъ за 500 фунт. единовременно и за 250 ежегоднаго жалованья купилъ также и Волкова, тайнаго секретаря Бестужева. Въ донесеніяхъ Вильямса мы найдемъ и много другихъ указаній на подобныя средства склоненія на свою сторону вліятельныхъ лицъ петербургскаго двора. Не много найдется людей, чистыхъ отъ подкуповъ, и въ высшей степени интересно было бы составить по донесеніямъ иностранныхъ пословъ списокъ суммъ, переданныхъ разнымъ лицамъ. По нему можно бы было составить ясное понятіе не только о нравахъ тѣхъ временъ, но и о степени вліянія того или другого лица на дѣла государственныя. 19-го сентября 1755 г. ст. ст. заключена была въ С.-Петербургѣ конвенція между Бестужевымъ и Воронцовымъ съ одной стороны и Вильямсомъ съ другой. Ею возобновленъ былъ союзъ, заключенный въ декабрѣ 1742 года. Вторымъ артикуломъ положено было, что Россія обязуется помогать Англіи 55,000 войска, то-есть 40 т. пѣхоты и 15 т. конницы, которыя и будетъ содержать наготовѣ въ Лифляндіи. Третьимъ артикуломъ Россія обязалась также содержать наготовѣ отъ 40 до 50 галеръ для перевоза войска. Четвертый артикулъ обязалъ Россію двинуть сухимъ путемъ 45 т., по первому требованію сдѣлать 10 т. дессанта, куда будетъ нужно. Пятымъ артикуломъ Россія обязуется считать нападенія на ганноверскія владѣнія короля за casus foederis. Шестымъ артикуломъ Англія

обязалась платить Россіи ежегодно по 500 т. фунтовъ стер., считая съ того дня, когда русскія войска выступятъ изъ русскихъ областей по требованію Англіи. Тринадцатый артикулъ опредѣлялъ, что конвенція будетъ продолжаться 4 года (П. С. З. № 10464 и прил. къ XIV т.). Повидимому, цѣль Англіи была достигнута вполнѣ. Бестужевъ получилъ обычный подарокъ въ 10,000 фут. стерл. Воронцову былъ сдѣланъ тоже подарокъ. Главною цѣлью Англіи было обезпечить нѣмецкія владѣнія своего короля. Договоромъ съ Россіей она вовсе не хотѣла войны, но думала сдержать прусскаго короля, отъ котораго, какъ отъ предполагаемаго союзника Франціи, всего скорѣе можно было опасаться вторженія въ Ганноверъ. Страхъ нападенія 55-тысячнаго корпуса русскихъ долженъ былъ внушить ему болѣе миролюбивыя намѣренія. Трактатъ былъ направленъ преимущественно противъ Фридриха, и англійскій посланникъ заодно дѣйствовалъ съ австрійскимъ дворомъ, не предугадывая, что работаетъ для своего врага противъ будущаго союзника. Во всѣхъ депешахъ Вильямса, немедленно послѣ заключенія договора, видна радость и увѣренность. Скоро, впрочемъ, эта увѣренность начала колебаться. 19-го февраля 1756 г. доноситъ онъ своему двору: „Договоръ съ Англіей лежитъ вотъ уже пять недѣль на письменномъ столѣ императрицы, и я съ горестью долженъ видѣть, что она держитъ себя такъ, что ни одинъ изъ канцлеровъ не смѣетъ напомнить ей о подписаніи договора. Многіе изъ вельможъ открыто дѣйствуютъ противъ Англіи, напримѣръ Петръ Шуваловъ, за то, что не получилъ никакого подарка, а онъ совершенно управляетъ молодымъ любимцемъ, Иваномъ Шуваловымъ“. Наконецъ, 14-го февраля (25 февраля) подписала императрица договоръ, но съ ограниченіемъ совершенно неожиданнымъ. Она обязалась соблюдать договоръ въ случаѣ нападенія короля прусскаго на владѣнія Англіи или на ея настоящихъ союзниковъ. Этимъ ограниченіемъ, сдѣланнымъ въ комнатахъ Шувалова помимо обоихъ канцлеровъ, договоръ терялъ свою обязательную силу во всѣхъ другихъ случаяхъ, дѣлался, слѣдовательно, безполезнымъ при тѣхъ перемѣнахъ въ европейской политикѣ, которыя уже начинало подготовлять англійское министерство. Англія истратила огромныя суммы денегъ, но выиграла одна Австрія, ненадежная ея союзница.

Двусмысленное поведеніе вѣнскаго кабинета заставляло англійское министерство искать другихъ обезпеченій нѣмецкихъ владѣній Георга II. Сдѣланъ былъ шагъ къ сближенію съ Пруссіей. Положеніе Фридриха было весьма затруднительно. Относительно враждебныхъ намѣреній Англіи онъ не могъ имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія. Онъ получилъ черезъ Вейнгартена, подкупленнаго секретаря австрійскаго посольства въ Берлинѣ, и черезъ Менцеля, чиновника тайной канцеляріи въ Дрезденѣ, вѣрныя извѣстія о всѣхъ планахъ, составляемыхъ противъ него. Съ другой стороны, еще менѣе можно было сомнѣваться въ личной ненависти къ нему русской императрицы. Уже въ 1750 году русскій уполномоченный въ Бер-

линѣ, Гроссъ, выѣхалъ изъ Пруссіи. Фридрихъ искренно желалъ сохраненія мира. Ему оставалось выбирать между Франціей и Англіей. Въ своей „Исторіи семилѣтней войны“ (Oeuvres, IV, 30) онъ такъ говоритъ о своемъ положеніи: „Возобновляя союзъ съ Франціей, ему приходилось бороться съ силами Англіи, Австріи и Россіи; напротивъ, заключивъ союзъ съ Англіей, онъ могъ надѣяться, что французы не начнутъ войны въ Германіи, и Пруссія, въ соединеніи съ Англіей и Россіей, можетъ уничтожить въ Маріи-Терезіи желаніе завладѣть Силезіей, какъ бы велико оно ни было“. Прежде, однако, нежели рѣшиться на этотъ важный шагъ, онъ желалъ имѣть увѣренность въ искренности союза Англіи съ Россіей. Англійское министерство дало ему самыя положительныя увѣренія. 16-го января 1756 г. былъ заключенъ поэтому трактатъ между Фридрихомъ II и Георгомъ II, извѣстный подъ именемъ вестминстерскаго. Вскорѣ послѣ того явился въ Германіи французскій посланникъ, герцогъ Ниверну а, для возобновленія союзнаго договора съ Франціей и для убѣжденія короля къ вторженію въ Ганноверъ. Фридрихъ Великій показалъ ему договоръ съ Англіею. Въ то же время вскрылась, къ удивленію всей Европы и самого императора германскаго, мужа Маріи-Терезіи, тайна сношеній Кауница съ m-me Помпадуръ. 1-го мая 1756 г. былъ подписанъ въ Версалѣ союзный договоръ между Австріей и Франціей. 17-го мая объявлена война Франціи со стороны Англіи, а 9-го іюня Англіи со стороны Франціи. Дѣла запутались въ высшей степени. Англійское министерство, неблагоразумно возбуждавшее непріязнь Елизаветы Петровны къ Фридриху II, должно было употребить теперь всю дипломатическую ловкость, чтобы уничтожить это нерасположеніе и дать заключенному съ Россіей договору толкованіе, сообразное съ настоящими интересами Англіи. Съ другой стороны, Австрія, постоянно заботившаяся о разрывѣ Россіи съ Франціей, сдѣлалась теперь посредницей между версальскимъ и с.-петербургскимъ кабинетами. Не забудемъ, что отношенія Англіи къ Австріи, Пруссіи къ Франціи и Россіи еще недостаточно выяснились и опредѣлились. Ясно, какое широкое поле открывалось для интригъ всякаго рода. Донесенія англійскихъ посланниковъ изъ С.-Петербурга, Вѣны и Берлина даютъ возможность слѣдить за ними шагъ за шагомъ. Должно сознаться, что Вильямсъ былъ тонко проведенъ въ Петербургѣ. До конца онъ питалъ обманчивыя надежды не только на искренность дружбы съ Россіей, но даже и на доброе расположеніе и содѣйствіе со стороны Австріи. Очевидно, его увѣренность происходила изъ убѣжденія, что въ Россіи съ деньгами можно все сдѣлать, и онъ далъ широкіе размѣры системѣ подкуповъ. Получивъ извѣстіе о заключеніи вестминстерскаго договора, Вильямсъ поспѣшилъ къ Бестужеву, чтобы уговорить его по возможности ослабить дурное впечатлѣніе, которое неминуемо должна была произвести на императрицу вѣсть о немъ. Вооруженіе, производимое Россіей, сборъ войскъ въ Лифляндіи должны были безпокоить англійское министерство;

но оно еще не теряло увѣренности въ возможности употребить силы Россіи въ свою пользу. Отъ 27-го мая доноситъ Митчель изъ Берлина о своемъ разговорѣ съ королемъ прусскимъ о томъ, какъ перевезти 10,000 русскаго войска въ Ростокъ или Штетинъ. Фридрихъ Великій не раздѣлялъ вполнѣ этой увѣренности. 7-го іюня писалъ онъ къ Митчелю: „Все это дѣло заключается въ двухъ пунктахъ. Во-первыхъ, склонить на свою сторону Россію: за это берется англійскій король. Если онъ успѣетъ, Германія останется спокойной, и намъ нечего бояться. Во-вторыхъ (если оправдаются извѣстія изъ Гааги и убѣдятъ императрицу Россіи отказаться отъ исполненія обязательствъ относительно Англіи), обратиться къ туркамъ и золотомъ обезпечить себѣ диверсію съ ихъ стороны“ (Raum. II, 341). Король прусскій, говоря, что лучше всего сохраненіе мира, настаивалъ однако же на необходимости сильныхъ и скорыхъ мѣръ для своей безопасности. 12-го іюня доноситъ Вильямсъ изъ Петербурга, что Бестужевъ боленъ, что австрійскій дворъ втайнѣ старается разрушить доброе согласіе между Англіей и Россіей. Въ то же время однако же онъ успокоиваетъ насчетъ военныхъ приготовленій Россіи. „9-го іюля, пишетъ Вильямсъ, ко всѣмъ русскимъ посланникамъ отправлено приказаніе быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ французскими. Бестужевъ говорилъ мнѣ: „Наше несчастіе, что у насъ есть теперь молодой любимецъ, который говоритъ по-французски, любитъ французовъ и ихъ моды и съ удовольствіемъ увидитъ при дворѣ французскаго посланника. Его вліяніе такъ велико, что нельзя ему противиться“. Въ другомъ извѣстіи отъ того же числа Вильямсъ прибавляетъ: „Бестужевъ жаловался, что императрица даетъ ему только 7,000 руб. въ годъ, а этимъ невозможно жить самостоятельно. Еслибы англійскій король положилъ ему годовое содержаніе въ 2500 фун. стерл., онъ бы служилъ ему впредь“. 8-го августа было получено согласіе на его просьбу. Въ третьемъ извѣстіи, тоже отъ 9-го іюля, Вильямсъ сообщаетъ о своемъ разговорѣ съ Екатериной Алексѣевной, которая по прежнему была расположена въ пользу Англіи. Наконецъ, въ четвертомъ онъ извѣщаетъ, что сближеніе съ Франціей было рѣшено прежде, нежели заключенъ былъ договоръ между Англіей и Пруссіей, что это дѣло Шуваловыхъ, что канцлеръ ничего объ этомъ не зналъ и принужденъ былъ только исполнить приказаніе императрицы. Дѣйствительно, мы находимъ вскорѣ кавалера Дугласа, въ качествѣ французскаго повѣреннаго при петербургскомъ дворѣ, а въ іюлѣ 1756 г. отправленъ былъ русскій чиновникъ въ Парижъ. 17-го августа Вильямсъ пишетъ: „Кажется, все идетъ хорошо. Вліяніе Бестужева превозмогаетъ; если онъ дѣйствуетъ такъ, какъ увѣряетъ, все пойдетъ прекрасно“. Черезъ недѣлю однако же мы встрѣчаемъ болѣе вѣрное извѣстіе. „Русскіе, говоритъ англійскій посланникъ (отъ 24-го августа), не хотятъ ни получать денегъ отъ Англіи на основаніи заключеннаго договора, ни предпринимать что-нибудь“.

Въ это время король прусскій рѣшился выйти изъ нерѣшительнаго положенія. Зная о союзѣ Австріи съ Франціей, видя огромныя военныя приготовленія, направленныя противъ него, онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, предупредить непріятеля, прежде нежели онъ соберетъ всѣ свои силы. Послѣ требованія отъ Австріи положительнаго удостовѣренія въ ея намѣреніяхъ, и по полученіи уклончиваго, ничего не объясняющаго отвѣта, онъ двинулъ 60 тысячъ войска въ Саксонію въ концѣ августа. Правда, онъ давалъ этимъ вторженіемъ давно желанный случай Австріи къ объявленію ему войны и къ праву требовать отъ Россіи помощи, обѣщанной прежнимъ договоромъ; но къ этому онъ былъ вынужденъ увѣренностью, что военныя дѣйствія со стороны Австріи и безъ того должны были бы начаться, какъ скоро пришли бы къ концу ея приготовленія. Въ дрезденскомъ архивѣ нашелъ Фридрихъ II оригинальные документы относительно враждебныхъ плановъ Австріи и Саксоніи противъ Пруссіи; напечатавъ ихъ, онъ нѣкоторымъ образомъ оправдывалъ передъ судомъ общественнаго мнѣнія свое вторженіѐ въ Саксонію безъ объявленія войны и предварительнаго разрыва. Въ 14 дней прусскія войска заняли всю Саксонію. 1-го октября 1756 г. произошла битва при Ловозицѣ съ австрійской арміей, спѣшившей на помощь къ союзникамъ. Она осталась не вполнѣ рѣшительной, но Фридрихъ извлекъ изъ нея огромную выгоду. 16-го октября сдалась вся саксонская армія, находившаяся вмѣстѣ съ курфирстомъ въ укрѣпленномъ лагерѣ при Пирнѣ. 17 тысячъ саксонцевъ принуждены были вступить въ прусскую службу. Война началась. Переговоры между Англіей и Австріей, а вмѣстѣ съ ними и послѣднія надежды на сохраненіе мира, должны были прекратиться. Елизавета Петровна письмомъ увѣдомила курфирста саксонскаго, короля польскаго, въ ея полной готовности оказать ему помощь противъ Пруссіи. Изъ донесеній Вильямса отъ 4-го, 7-го и 21-го сентября видно: 1) что Россія, безъ вторженія Фридриха, предпочла бы остаться нейтральной; 2) что теперь Елизавета Петровна рѣшилась воевать съ Пруссіею, но что войска еще не готовы, и мнѣнія сановниковъ несогласны между собою. Фридрихъ II предложилъ Бестужеву 100 тысячъ талеровъ, чтобыс клонить его на свою сторону и отклонить грозу, собиравшуюся надъ его головою. „Я пытался, пишетъ Вильямсъ 28-го сентября, склонить Бестужева на сторону Пруссіи. Первыя двѣ-три попытки были совершенно неудачны. Наконецъ, онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ: съ этой минуты я другъ королю, но не знаю, чѣмъ могу служить ему теперь. Зная это двумя мѣсяцами раньше, можно бы было многое сдѣлать. Но теперь война началась и ничѣмъ нельзя отговорить императрицу отъ рѣшенія помогать Австріи; всѣ распоряженія уже сдѣланы. Я не могу теперь обѣщать что-нибудь сдѣлать, потому что это не въ моей власти. Но вы можете увѣрить короля прусскаго: все, что̀ предпринималъ противъ меня Мардефельдъ, отнынѣ забыто мною, и я готовъ, какъ скоро представится слу-

чай, доказать королю не пустыми словами, что я желаю служить ему". 31-го декабря 1756 года заключенъ былъ въ С.-Петербургѣ между Бестужевымъ и Воронцовымъ со стороны Россіи, графомъ Эстергази со стороны Австріи и кавалеромъ Дугласомъ со стороны Франціи актъ о приступленіи Россіи къ версальскому договору, заключенному между Франціей и Австріей 1-го мая 1756 года. Этимъ актомъ Россія приняла весь версальскій договоръ, за исключеніемъ второго артикула, содержащаго подтвержденіе версальскаго трактата и другихъ, заключенныхъ между Австріей и Франціей, въ которыхъ ея императорское величество Всероссійская никакого участія не имѣетъ. „Но при семъ приступленіи и соединеніи особливо и именно изъясняется, что ея императорское величество Всероссійская освобождаетъ его величество короля французскаго отъ назначенной вышеписаннымъ трактатомъ обороны и помощи ея владѣніямъ и землямъ, подаемой въ случаѣ происходящаго иногда нападенія оныхъ со стороны Отоманской Порты или Персіи, также взаимно его величество король христіаннѣйшій не будетъ отъ ея императорскаго величества Всероссійской требовать обороны и помощи своимъ въ Европѣ находящимся владѣніямъ и землямъ, въ случаѣ, когда бы оныя не только при нынѣшней съ Англіей войнѣ (которая и безъ того уже вышеписаннымъ трактатомъ исключена), но и по окончаніи оной впредь отъ англійской короны или отъ какой, въ Италіи находящейся, державы или области атакованы будутъ". Ратификація Людовика XV послѣдовала 15-го февраля 1757 года (П. С. З. XIV, № 10,680), 22-го января 1757 года заключена была въ С.-Петербургѣ конвенція между Россіей и Австріей, которою возобновлялся союзный договоръ 1746 года и давалось взаимное обѣщаніе дѣйствовать противъ прусскаго короля. Въ предисловіи сказано: „Ея величество императрица Всероссійская не токмо подаетъ немедленно ея величеству императрицѣ-королевѣ венгеро-богемской всѣ, счастливо пребывающими между ихъ имперіями трактатами, постановленныя помощи, но ея величество императрица-королева венгеро-богемская сверхъ того вознамѣрилась употребить гораздо знатнѣйшія силы противъ сего общаго непріятеля, возмутителя всенародной тишины, и не полагать оружія, пока Божіимъ вспоможеніемъ, защищающимъ справедливость, ихъ дѣло достигнуто не будетъ, возвратить всю Силезію и графство Глацъ подъ державу ея величества императрицы-королевы венгеро-богемской, и положить достаточные предѣлы силѣ такого государя, котораго неправедные замыслы никакихъ предѣловъ не знаютъ". Артикуломъ 3-мъ Россія обязалась выставлять, во все продолженіе войны, не менѣе 50 тыс. регулярнаго войска, да отъ 15 до 20 линейныхъ кораблей и фрегатовъ и бомбардирскихъ гальотовъ, и не меньше 40 галеръ. 1-мъ артикуломъ постановлено, что 4-й сепаратный тайный артикулъ договора 1746 г. признаваемъ былъ за основаніе сей конвенціи. 5-мъ артикуломъ положено „не полагать оружія, пока Силезія и Глацъ не будутъ въ рукахъ Австріи и возвращеніе сихъ

областей будетъ обнадежено ея величеству торжественнымъ мирнымъ трактатомъ, который отъ ея императорскаго величества Всероссійской гарантированъ быть имѣетъ". 2-мъ сепаратнымъ артикуломъ Россія обѣщаетъ стараться склонить Швецію къ принятію участія въ войнѣ противъ Пруссіи, а также и Данію. 3-мъ сепаратнымъ артикуломъ обѣ императрицы обѣщаютъ курфирсту саксонскому „все то, что отъ нихъ зависѣть можетъ, не токмо, дабы возстановить сего государя въ его владѣніи курфирстскихъ земель; но дабы и доставить ему на иждивеніе короля прусскаго сходственную сатисфакцію, за обиды и убытки, кои онъ претерпѣлъ".

Русская армія, давно уже готовившаяся къ походу, должна была, наконецъ, двинуться къ прусскимъ границамъ. Въ ней мало уже было опытныхъ и искусныхъ товарищей Миниха и Ласси. Лучшіе генералы изъ иностранцевъ принуждены были оставить русскую службу. Левендаль былъ тогда французскимъ маршаломъ; Кейтъ фельдмаршаломъ Фридриха II; Манштейнъ, адъютантъ Миниха, находился также въ прусской службѣ; сынъ фельдмаршала Ласси служилъ Австріи. Это не значитъ, впрочемъ, что мѣста иностранцевъ были заняты русскими. Напротивъ, изъ 34 генераловъ и бригадировъ, участвовавшихъ въ первомъ прусскомъ походѣ, мы встрѣчаемъ только 13 русскихъ фамилій. Въ русской службѣ остались иностранцы, мирившіеся съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи, успѣвшіе устоять среди интригъ. Главнымъ начальникомъ былъ генералъ-фельдмаршалъ Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ. За исключеніемъ Миниховыхъ походовъ противъ турокъ, онъ не участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, былъ посланникомъ въ Персіи, генералъ-кригсъ-коммиссаромъ и президентомъ военной коллегіи. Бантышъ-Каменскій въ своемъ Словарѣ дѣлаетъ такое описаніе характера Апраксина: „Онъ былъ добрый супругъ, нѣжный отецъ и другъ вѣрный; любилъ благодѣтельствовать неимущимъ, раненымъ и дряхлымъ воинамъ; имѣлъ быстрое соображеніе на ратномъ полѣ; но, къ сожалѣнію, затмилъ славу свою пристрастнымъ судомъ надъ Лестокомъ и удаленіемъ изъ Россіи храбраго генерала Кейта по личнымъ неудовольствіямъ". Другія свидѣтельства, и притомъ современниковъ, выставляютъ въ другомъ свѣтѣ характеръ фельдмаршала. Вильямсъ отзывается объ немъ съ полнымъ презрѣніемъ. Онъ говоритъ объ его тщеславіи, глупой расточительности, всегдашней нуждѣ въ деньгахъ, несмотря на богатые подарки императрицы. Въ его депешахъ находимъ мы указаніе на то, что Апраксинъ не былъ недоступенъ для подкуповъ; а анекдотъ, приводимый самимъ Бантышемъ-Каменскимъ, о деньгахъ въ бочкахъ, пересланныхъ имъ изъ Пруссіи къ женѣ, можетъ служить нѣкоторымъ подтвержденіемъ отзывовъ Вильямса. Въ интересныхъ правдивыхъ запискахъ Болотова, служившаго офицеромъ въ прусскую кампанію, высказывается весьма низкое мнѣніе о нравственныхъ качествахъ Апраксина. Уже одно то, что къ нему приставленъ былъ, какъ дядька, генералъ Ливенъ, показываетъ, какъ мало на него надѣялись. Кромѣ при-

7*

родной своей лѣни и безпечности, Апраксинъ былъ связанъ въ дѣйствіяхъ отношеніями къ Бестужеву и къ молодому двору, котораго, по словамъ Вильямса, онъ боялся болѣе, нежели стараго. Движеніе русской арміи къ прусскимъ границамъ производилось съ крайнею медленностью, какъ бы нехотя. Одна часть войска, подъ начальствомъ Фермора, осаждала Мемель, сдавшійся 24-го іюня; только послѣ половины іюля вступила въ прусскія владѣнія наша главная армія. Всего было 19 кавалерійскихъ полковъ и 31 пѣхотный. Къ этому присоединились 14,000 казаковъ, 2,000 казанскихъ татаръ и 1,000 калмыковъ. Опустошенія, производимыя русскими войсками, были ужасны. Можно бы счесть описанія ихъ преувеличенными, если бы мы не имѣли свидѣтельства русскаго очевидца Болотова, который говоритъ о нихъ съ негодованіемъ. Калмыки и другія легкія войска не только разгоняли жителей изъ селеній, но мучили ихъ, грабили и убивали, жгли жилища и такія дѣлали злодѣйства, безчеловѣчія и безпорядки, говоритъ Болотовъ, „какіе только варварамъ приличны, и когда слухъ о сихъ разореніяхъ и варварствахъ разсѣялся, тотчасъ повсюду и вездѣ стали почитать насъ сущими варварами. Но сего было еще не довольно: такъ какъ разлакомившихся тѣмъ нашихъ казаковъ и послѣ унять уже не было способа, то учиненныя ими разоренія самимъ намъ обратились послѣ въ существенный вредъ и сдѣлали то, что всѣ предпринимаемые въ сіе лѣто и толь многочисленные труды пользы не принесли ни малѣйшей“. 19-го августа произошла знаменитая гросъ-егерндорфская битва. Надобно прочитать у Болотова ея описаніе, чтобы вполнѣ убѣдиться и въ неспособности Апраксина и въ блестящихъ качествахъ русскаго солдата. Апраксинъ не хотѣлъ воспользоваться неожиданною побѣдой и, несмотря на всѣ убѣжденія польскаго генерала Сибильскаго, оставилъ всякое преслѣдованіе и простоялъ два дня на одномъ мѣстѣ. Сдѣлавъ потомъ нѣсколько небольшихъ переходовъ до рѣки Ааль, наша армія, къ крайнему своему удивленію и негодованію, двинулась 29-го августа и отступила въ польскія границы, очистивъ всѣ занятыя ею прусскія владѣнія, за исключеніемъ Мемеля. Въ арміи громко обвиняли главнокомандующаго въ измѣнѣ. Выставленная на военномъ совѣтѣ причина отступленія, именно недостатокъ провіанта и фуража, не могла обмануть никого. Поведеніе Апраксина было загадочно и для нашихъ союзниковъ. Дѣло до сихъ поръ не объяснено достаточнымъ образомъ, хотя разгадку должно искать не въ главной квартирѣ русской арміи, а въ Петербургѣ, откуда шло тайное распоряженіе объ отступленіи, слѣдствіемъ котораго было сверженіе Бестужева и судъ надъ Апраксинымъ. Для объясненія надобно обратиться нѣсколько назадъ и снова къ темнымъ интригамъ, не прекращавшимся при петербургскомъ дворѣ.

Здоровье императрицы давно уже внушало серьезныя опасенія. Съ 1749 года мы встрѣчаемъ въ депешахъ иностранныхъ пословъ извѣстія о частыхъ припадкахъ, случавшихся съ Елизаветой Петровной, которые уси-

ливались постоянно и принимали эпилептическій характеръ. Образъ жизни императрицы мало содѣйствовалъ медицинскимъ средствамъ, и мысль о возможности ея неожиданной кончины не оставляла ея приближенныхъ. Уже въ депешѣ графа Линара, въ 1750 г., мы видимъ намекъ на тайныя сходки и замыслы государственныхъ сановниковъ, въ виду грозившей имъ перемѣны правленія. Въ донесеніяхъ Вильямса встрѣчаются безпрестанныя извѣстія о плохомъ здоровьѣ императрицы и объ измѣненіи въ ея характерѣ, дѣлавшемся грустнымъ и раздражительнымъ, о возможныхъ комбинаціяхъ въ случаѣ ея кончины. Мысль о перемѣнѣ правленія должна была заставлять сильно задумываться главныхъ государственныхъ дѣятелей царствованія Елизаветы. На престолъ долженъ былъ вступить нелюбимый, безпрестанно оскорбляемый Петръ Ѳеодоровичъ. Постоянною грозой надъ головами временщиковъ висѣла месть справедливо ожесточеннаго наслѣдника престола. Самые сильные изъ нихъ искали себѣ гарантіи противъ страшнаго для нихъ будущаго. Между ними и Екатериной завязывалось сближеніе. Шуваловы, владѣвшіе въ то время довѣріемъ Елизаветы, искали въ то же время и покровительства у Екатерины. Въ донесеніяхъ Вильямса мы находимъ извѣстіе объ этихъ переговорахъ. Мы знаемъ также, что Бестужевъ, прежде одинаково преслѣдовавшій и великаго князя и его супругу, воспользовался ихъ взаимнымъ охлажденіемъ и вошелъ въ тѣсный союзъ съ послѣднею. Время сглаживало память объ ихъ прошлой враждѣ и скрѣпляло ихъ общіе интересы. Бестужевъ не пропускалъ случая дѣлать угодное для Екатерины. Когда Понятовскій, находившійся въ свитѣ англійскаго посланника, племянникъ князей Чарторижскихъ, пріобрѣлъ расположеніе великаго князя и въ особенности его супруги, Бестужевъ настоялъ на томъ, чтобы саксонскій дворъ назначилъ Понятовскаго своимъ посланникомъ при петербургскомъ дворѣ. Изъ донесеній Прассе, совѣтника саксонскаго посольства, мы видимъ, какія усилія употреблялъ Бестужевъ, чтобы отклонить графа Брюля отъ его рѣшимости отозвать изъ Россіи Понятовскаго. Сближеніе Бестужева съ Англіей и Пруссіей, его сдѣлка съ англійскимъ посланникомъ не были тайной для Екатерины. Въ этомъ сближеніи она сама принимала дѣятельное участіе. Иностранные посланники говорятъ о томъ, какъ выростало ея значеніе въ государствѣ по мѣрѣ того, какъ близилась роковая минута, которая должна была возвести на престолъ Петра Ѳеодоровича. Отъ великаго князя Бестужевъ не могъ ничего ожидать. Со вступленіемъ Петра на престолъ безвозвратно кончалась для канцлера государственная дѣятельность. Все, на что онъ могъ надѣяться, это было великодушное забвеніе прежнихъ оскорбленій, не болѣе. Немудрено, что онъ изыскивалъ всевозможныя средства, чтобы отклонить отъ себя бѣду. Постоянными внушеніями и происками онъ уже ослабилъ довѣріе и расположеніе императрицы къ ея племяннику, лишилъ великаго князя всякаго участія въ дѣлахъ государственныхъ. Ему хотѣлось довершить свое дѣло,

отстранить совершенно великаго князя отъ наслѣдія. Мысль была не новая. Уже въ 1749 г., по донесенію Линара, былъ заговоръ возвести на престолъ Ивана Антоновича; но тогда еще Петръ Ѳедоровичъ былъ бездѣтенъ. Теперь рожденіемъ Павла Петровича давалась возможность новой комбинаціи. Объявить императоромъ Павла Петровича и правительницею Екатерину Алексѣевну, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать ее соправительницею Петра Ѳедоровича, — таковы были планы, занимавшіе Бестужева. Въ нихъ принимали участіе многіе. Знала о нихъ, кажется, и сама Екатерина. Во время болѣзни императрицы, случившейся въ Царскомъ Селѣ и грозившей смертію, Бестужевъ старался убѣдить Елизавету отстранить великаго князя отъ наслѣдія. Въ это-то время, по всей вѣроятности, онъ послалъ тайное письмо къ Апраксину, чтобы тотъ воротился съ войскомъ въ Россію. Апраксинъ, по донесенію Вильямса отъ 8-го января 1757 г., совершенно былъ преданъ Екатеринѣ, и потому, въ случаѣ необходимости, могъ оружіемъ поддержать планы Бестужева. Намѣреніе объ отстраненіи отъ престолонаслѣдія было извѣстно многимъ въ Петербургѣ. Одинъ священникъ издалъ даже книжку противъ злоумышленниковъ. Онъ былъ лишенъ сана и преданъ гражданской власти. Новгородскій архіепископъ Дмитрій Сѣченовъ увѣдомилъ Петра о замыслахъ противъ него. Присутствіе великаго князя при постели больной императрицы сильно помѣшало успѣху внушеній его противниковъ. Съ выздоровленіемъ императрицы самовольное возвращеніе Апраксина возбудило негодованіе Елизаветы Петровны. Французскій и англійскій дворы говорили объ измѣнѣ русскаго главнокомандующаго, австрійскій коммиссаръ нашей арміи генералъ С. Андре и саксонскій генералъ Сибильскій протестовали противъ несправедливости причинъ, выставленныхъ военнымъ совѣтомъ къ отступленію. Австрійскій посланникъ Эстергази и французскій Лопиталь настойчиво требовали изслѣдованія. Апраксинъ долженъ былъ сдать начальство Фермору, и въ Нарвѣ къ нему явился конференцъ-секретарь Волковъ съ допросными пунктами. Впослѣдствіи ѣздилъ туда съ тою же цѣлью Александръ Ивановичъ Шуваловъ, начальникъ тайной канцеляріи. Не трудно было Эстергази и Лопиталю угадать, чья рука дѣйствовала волей Апраксина. Отъ нихъ не могло скрыться также и двусмысленное положеніе Бестужева между Австріею и Пруссіею. Противъ канцлера направлены были всѣ ихъ усилія. Многочисленные враги Бестужева дружно дѣйствовали. Ими же были открыты его дѣйствія. Страшный гнѣвъ палъ на канцлера и великую княгиню. 15-го февраля 1758 года Бестужевъ былъ арестованъ и нарядили коммиссію для суда надъ нимъ. Иностраннымъ посламъ было объявлено, что сверженіе канцлера не измѣнитъ русской политики. 17-го февраля 1758 г. вышелъ первый манифестъ, которымъ и объявлялось объ арестѣ Бестужева и о лишеніи его всѣхъ чиновъ и достоинствъ. Въ немъ сказано было, что, „наконецъ, преступленіе въ оскорбленіи величества до того дошло, что

безъ совершеннаго пренебреженія къ правосудію и всего того, что̀ Мы себѣ и достоинству Нашему долженствуемъ, далѣе попускаемо и сносимо быть не могло“ (№ 10,802, т. XV). Коммиссія для суда надъ Бестужевымъ составлена была изъ князя Трубецкаго, Бутурлина и Шувалова. Въ бумагахъ канцлера найдено было, какъ говорятъ, отреченіе, которое хотѣли заставить подписать Петра Ѳедоровича. Письма къ Апраксину не отыскали. Коммиссія приговорила его къ смертной казни.

Слѣдствіе продолжалось очень долго. Только 5-го апрѣля 1759 г. вышелъ второй манифестъ, опредѣлившій судьбу преступника. Изъ него узнаемъ мы, что онъ упорно не сознавался въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ, что, несмотря на запрещеніе, подъ страхомъ смертной казни, „открывать кому-либо и во всю жизнь свою о вопросахъ, ему дѣлаемыхъ, онъ нашелъ способъ тогда же не только сообщить о томъ письменно, но и подавать всѣмъ тѣмъ наставленія, что̀ имъ отвѣтствовать, ежели спрашиваны будутъ, о которыхъ только думать могъ, что ихъ спрашивать будутъ“. По словамъ манифеста, вотъ его преступленія. 1) „Онъ присвоилъ себѣ многія, ему не принадлежащія дѣла и всякими непозволенными образами искалъ распространить власть свою, дабы наружно удовольствовать безмѣрное свое тщеславіе и властолюбіе. 2) Имянныя повелѣнія, когда оныя не согласовались съ пристрастными его хотѣніями, не токмо не исполнялъ съ надлежащимъ усердіемъ, но дѣйствительно и тогда исполненію оныхъ тайными происками препятствовалъ, когда оныя сами собою приходили въ исполненіе. 3) Таилъ объ ущербахъ государственнымъ интересамъ. 4) Къ крайнему оскорбленію Величества, вздумалъ собственныя свои приказанія признавать важнѣйшими и дѣйствительнѣйшими Нашихъ повелѣній, и, такъ разсылая свои, безъ Нашего вѣдома, и часто въ противность Нашимъ соизволеніямъ, дѣлалъ себя чрезъ то соправителемъ. 5) Не устрашился обносить Намъ разными злостными своими вымышленіями Ихъ Императорскихъ Высочествъ Нашего Любезнѣйшаго Племянника и Наслѣдника Великаго Князя, и Нашу Любезнѣйшую Племянницу Великую Княгиню, а въ то же время злостнѣйшими внушеніями старался умалять въ Ихъ Высочествахъ должную къ Намъ любовь и почитаніе, и несмотря на то, что ухищренія его не предуспѣвали, не престалъ, однако же, продолжать оныя до того времени, пока истощилъ Наше терпѣніе“. „Впрочемъ (сказано въ концѣ манифеста), между взятыми у него письмами найдены проекты, писанные собственною его рукою и содержащіе въ себѣ такіе дальновидные замыслы и распоряженія, которыми онъ явно показываетъ свое недоброхотство къ Нашей особѣ и къ Нашему здоровью...“

Вмѣсто смертной казни, ему назначена была ссылка въ собственныя его деревни и тамъ велѣно жить подъ карауломъ, „дабы, какъ сказано въ манифестѣ, другихъ охранить отъ уловленія мерзкими ухищреніями сего, въ томъ состарѣвшагося, злодѣя“. Имѣніе Бестужева, за вычетомъ

суммъ, должныхъ имъ въ казну, было также ему оставлено. Этотъ милостивый приговоръ, вполнѣ согласный съ личнымъ характеромъ императрицы, не терпѣвшей суровыхъ мѣръ, показываетъ, однако же, и силу Бестужева, страшнаго и въ паденіи. Сверженный канцлеръ удалился въ свое помѣстье Горетово, въ 120 верстахъ отъ Москвы. Тамъ онъ провелъ остальные годы царствованія Елизаветы Петровны и краткое правленіе Петра Ѳедоровича. Первымъ долгомъ Екатерины, по вступленіи на престолъ, было возвратить изъ ссылки стараго приверженца. Не только Бестужеву возвращены были прежніе чины и средства, съ переименованіемъ въ генералъ-фельдмаршалы, но высочайшимъ манифестомъ, читаннымъ повсюду въ церквахъ, была признана его *безпорочная* служба и несправедливость его обвиненія „вслѣдствіе коварства и подлоговъ недоброжелательныхъ“. Медалями, выбитыми во время отставки и по возвращеніи, хотѣлъ Бестужевъ увѣковѣчить свою память. На одной изъ нихъ надпись „Immobilis in mobili“ (выбита въ Горетовѣ); на другой, заготовленной имъ еще при жизни на свою кончину: „Tertio triumphat“. Гордость канцлера, о которой говорятъ всѣ современники и которую не смогло сломить самое несчастіе, выказывается вполнѣ въ этихъ надписяхъ.

Апраксинъ не пережилъ своей немилости. Слѣдствіе надъ нимъ продолжалось долго; но отсутствіе положительныхъ доказательствъ противъ него, а, можетъ быть, и тайное заступничество П. Шувалова, котораго, говорятъ, склонила на свою сторону красавица дочь Апраксина, останавливали приговоръ надъ нимъ. Къ тому же сверженіемъ Бестужева достигалась главная цѣль тѣхъ, кто особенно настаивалъ на необходимости строгаго изслѣдованія. Апраксинъ умеръ отъ удара, какъ говорятъ, отъ страха пытки въ ту самую минуту, когда его готовились объявить невиннымъ. Судъ надъ Бестужевымъ грозилъ также и Екатеринѣ. Подозрѣніе объ ея участіи въ планахъ канцлера или, по крайней мѣрѣ, о знаніи этихъ плановъ невольно приходило на умъ императрицѣ. Прассе доноситъ отъ 28-го апрѣля 1758 г., что арестована любимая каммерфрау великой княгини, что допрашивали оберъ-шталмейстера Сумарокова, хотя и не подвергали его аресту. Въ донесеніи отъ 2-го мая 1758 г. онъ говоритъ, что взяты двѣ горничныя Екатерины. Еще бóльшія подробности находимъ мы въ депешахъ Кейта, заступившаго въ Петербургѣ мѣсто Вильямса. Англійскій агентъ вполнѣ подтверждаетъ извѣстіе саксонскаго совѣтника посольства. Онъ говоритъ о сильномъ неудовольствіи императрицы противъ великой княгини. Въ депешѣ отъ 28-го апрѣля онъ доноситъ, что за четыре дня передъ тѣмъ Екатеринѣ удалось видѣть Елизавету Петровну, что она бросилась къ ногамъ императрицы, говорила о своемъ несчастіи, о томъ, что жизнь ей въ тягость, и умоляла позволить ей оставить Россію и провести остатокъ дней у матери. Она говорила, что если угодно ея величеству для блага государства избрать для великаго князя другую супругу, ни она, ни ея семейство не будутъ этому противиться. Импе-

ратрица была очень тронута и говорила съ нею очень милостиво. Въ той же депешѣ высказываетъ Кейтъ надежду, что примиреніе не замедлитъ, потому что Екатерина имѣетъ много друзей, сильныхъ вліяніемъ на императрицу. Надежды англійскаго посланника вполнѣ оправдались. Мы видѣли, какъ говоритъ манифестъ объ отношеніяхъ Бестужева къ великой княгинѣ. Самую большую помощь Екатеринѣ оказали Шуваловы, о сближеніи съ которыми мы упоминали уже прежде. Уже въ донесеніи отъ 18-го апрѣля, слѣдовательно за недѣлю до сцены, о которой говоритъ Кейтъ, онъ извѣщаетъ, что И. И. Шуваловъ увѣдомилъ Екатерину о томъ, что императрица скоро ее увидитъ, что все можетъ быть улажено. Прассе доноситъ графу Брюлю отъ 15-го сентября 1758 г., что молодой дворъ снова начинаетъ „sich ziemlich redoutable zu machen". Въ донесеніи отъ 28-го ноября онъ извѣщаетъ, что вся фамилія Шуваловыхъ положительно на сторонѣ молодого двора, что камергеръ Шуваловъ (И. И.) особенно выказываетъ свою преданность великой княгинѣ. То же самое подтверждается донесеніемъ отъ 3-го января 1759 г. и многими другими.

Главными виновниками суда надъ Апраксинымъ и сверженія Бестужева единогласное свидѣтельство современниковъ выставляетъ австрійскаго и французскаго посланниковъ, которые вмѣстѣ съ партіей, враждебною Бестужеву, устроили все дѣло. Отступленіе русскихъ войскъ спасло Фридриха и дало ему возможность побѣдами при Росбахѣ и Лейтенѣ не только остановить успѣхъ союзниковъ, но и стать относительно ихъ въ довольно грозное положеніе. Первымъ дѣломъ поэтому вѣнскаго и версальскаго кабинетовъ было склонить русское правительство въ скорѣйшему возобновленію военныхъ дѣйствій противъ Фридриха Великаго. Едва только принявъ начальство, Ферморъ открылъ уже зимній походъ. 5-го января 1758 г. онъ уже двинулся съ однимъ отрядомъ изъ Мемеля, черезъ шесть дней былъ уже передъ Кёнигсбергомъ, столицей собственной Пруссіи. Въ то же время Румянцевъ овладѣлъ Тильзитомъ. Эти области собственной Пруссіи Россія хотѣла удержать за собою. Жители Кёнигсберга и другихъ городовъ были приведены къ присягѣ на вѣрность русской императрицѣ. Имъ были подтверждены всѣ вольности и привилегіи, какими пользовались они подъ властію короля прусскаго. Нашимъ войскамъ предписано было соблюдать самую строгую дисциплину. Въ Кёнигсбергѣ назначенъ былъ губернаторомъ князь Волконскій и потомъ 3-го марта генералъ-поручикъ Корфъ. Инструкціей, данной ему 6-го мая, ему предписывали особенно заботиться о томъ, „дабы во всѣхъ городахъ и мѣстахъ королевства Прусскаго добрый порядокъ и строгая дисциплина содержимы были, а наипаче вездѣ бы строгое правосудіе безъ оказанія ни малѣйшей грубости и обидъ происходило". „Все сіе, сказано далѣе въ инструкціи, толь лучше достигнуто быть можетъ, что правленіе королевства Прусскаго учреждено на своихъ правахъ и отъ Насъ никакой отмѣны ни въ чемъ

не сдѣлано, такъ что вамъ не остается болѣе, какъ только смотрѣть, дабы дозволенные отъ Насъ Кёнигсбергу и всему королевству Прусскому на прошеніе его пункты ненарушимо хранимы были". Составъ прусскихъ правительственныхъ и судебныхъ мѣстъ остался тотъ же самый. Къ прежнимъ членамъ съ нашей стороны были прибавлены только два бригадира. Особеннымъ пунктомъ инструкціи опредѣлено было поведеніе Корфа относительно находившейся въ Кёнигсбергѣ голштейнъ-бекской фамиліи. Ему предписано было: „такъ какъ конечно она будетъ адресоваться къ вамъ съ разными докуками и просьбами, то вамъ надлежитъ, не пренебрегая должной персональной учтивости, довольствоваться генеральнымъ ихъ обнадеживаніемъ о Нашемъ ко всѣмъ безъ изъятія благоволеніи и милости; но что какъ вы при отъѣздѣ иного повелѣнія отъ Насъ не получили, какъ только содержать все на томъ основаніи, какъ съ покоренія Пруссіи было, то вы не можете больше, какъ только Намъ доносить о томъ, въ чемъ иногда ихъ прошеніе состоять будетъ".

Изъ записокъ Болотова, стоявшаго съ полкомъ въ Кёнигсбергѣ и прикомандированнаго къ губернаторской канцеляріи въ качествѣ переводчика, видно, что Корфъ былъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ. Вспыльчивый, но добрый и справедливый, онъ заслужилъ доброе расположеніе новыхъ подданныхъ императрицы. Кромѣ того, имѣя самъ большое состояніе, получая сверхъ огромнаго жалованья 6,000 руб. въ годъ на одинъ столъ и не имѣя дѣтей, онъ жилъ самымъ пышнымъ образомъ, и, по словамъ Болотова, „не такъ, какъ бы генералъ-поручику, но какъ бы какому-нибудь владѣтельному князю, или, по крайней мѣрѣ, вицерою жить было надобно". Словомъ, онъ проживалъ тутъ не только все свое жалованье, но и всѣ свои собственные многочисленные доходы. Платье, экипажи, ливреи, лошади, прислуга, столъ и все прочее было у него на столь пышной и великолѣпной ногѣ, что обратилъ онъ вниманіе всѣхъ прусскихъ жителей къ себѣ. Блестящіе праздники Корфа оживили весь городъ и сблизили прусское дворянство съ русскими офицерами.

Съ 1-го іюня русская армія, ограничивавшаяся до сихъ поръ занятіемъ Прусскаго королевства, начала наступательное дѣйствіе. Она двинулась въ Силезію, но выгодная позиція, занятая прусскимъ генераломъ Дона при Франкфуртѣ на Одерѣ, заставила ее измѣнить движеніе. Ферморъ, повернувъ вправо, двинулся въ Бранденбургскую мархію къ Кюстрину, который и началъ бомбардировать. Приближеніе Фридриха заставило его снять осаду; 14-го августа произошла битва при Цорндорфѣ, одна изъ самыхъ кровопролитныхъ во всю семилѣтнюю войну. Ферморъ расположилъ нашу армію огромнымъ каре, какъ будто имѣлъ дѣло съ Турками, а не съ первымъ полководцемъ своего времени. Несмотря на эту ошибку, побѣда не разъ колебалась. Только потерявъ цвѣтъ своей арміи, Фридриху удалось сломить нашу пѣхоту, и онъ долженъ былъ отдать полную справедливость спокойному мужеству русскихъ. Сраженіе

отличалось страшнымъ ожесточенiемъ. Пруссаки, озлобленные ужасною картиной полуразрушеннаго Кюстрина и грабежами нашихъ иррегулярныхъ войскъ, не давали пощады. Мы потеряли около 21 т. убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ, болѣе 100 орудiй и 37 знаменъ (Фридрихъ въ своихъ сочиненiяхъ говоритъ о 27-ми), 941 офицера. Три генерала и два бригадира были взяты въ плѣнъ. Старикъ генералъ-аншефъ Браунъ получилъ болѣе 17 ранъ въ голову. Самъ король признается, что прусская кавалерiя не брала въ плѣнъ, а рубила сдававшихся. Ему стоила побѣда болѣе 10 т. лучшаго войска, 26 орудiй, нѣсколькихъ знаменъ и 324 офицеровъ. Ферморъ простоялъ два дня на полѣ битвы, не рѣшаясь возобновить сраженiе, хотя могъ бы почти навѣрное разсчитывать на побѣду, и отступилъ къ польскимъ границамъ. Кампанiя 1758 г. кончилась, такимъ образомъ, неудачею для насъ. Осада Кольберга также должна была окончиться снятiемъ ея. Ферморъ самъ просилъ снять съ него главное начальство надъ армiею. Его преемникомъ былъ назначенъ генералъ-аншефъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ.

Въ виду грозившей опасности отъ возможнаго появленiя въ Балтiйскомъ морѣ англiйской эскадры, которую давно уже требовалъ Фридрихъ II, апрѣля 26-го 1758 г. (П. С. З. XV, 10, 830) обнародована была декларацiя полномочнаго русскаго министра при стокгольмскомъ дворѣ, Панина, и шведскаго министерства, по которой объявлено, что „Швецiя и Россiя, не взирая на военныхъ ихъ войскъ операцiи въ областяхъ королевства Прусскаго, въ свободности коммерцiи препятствовать и отправленiе оной пресѣкать не будутъ, но будучи паче намѣрены способствовать оной сколько возможно, обѣщаютъ они для купеческихъ судовъ всѣхъ нацiй свободный входъ и выходъ во всѣхъ приморскихъ городахъ и портахъ прусскихъ, выключая тѣ мѣста, которыя, дѣйствительно, осаждаемы будутъ, и тѣ суда, на которыхъ найдутся непрiятельскiя войска, для умноженiя гарнизоновъ назначенныя (арт. 1)“. Такъ какъ Англiя дѣлаетъ морскiя вооруженiя и можетъ послать эскадру въ Балтiйское море, то „ея императорское величество Всероссiйская повелѣла письменно объявить Англiи, что ея величество наималѣйшiй непрiятельскiй со стороны оныя поступокъ признавать будетъ за нарушенiе всѣхъ пребывающихъ между ними трактатовъ и за явное нападенiе“ (арт. 3). Для предупрежденiя Россiя обязалась отправить въ море, тотчасъ по очищенiи онаго отъ льда, 15 линейныхъ кораблей и 4 фрегата, которые должны будутъ находиться при островѣ Готландѣ и между Шонскими берегами (арт. 5). Швецiя съ своей стороны посылаетъ туда же 10 линейныхъ кораблей и 4 фрегата (арт. 6). Въ случаѣ появленiя англiйскаго флота, соединенныя эскадры займутъ проливъ между Зеландiею и островомъ Драгомъ (арт. 11). Если англичане захотятъ пройти, несмотря на представленiе соединенныхъ эскадръ, то они имѣютъ силу силою же отвращать (арт. 12). Русская эскадра, если не будетъ опасности отъ англичанъ, будетъ нахо-

диться при берегахъ Помераніи для прикрытія шведскихъ транспортовъ (арт. 13). Швеція дозволяетъ русскимъ кораблямъ входъ въ свои гавани и чинитъ имъ всякое вспоможеніе (арт. 14).—24-го іюня 1758 г. былъ заключенъ въ С.-Петербургѣ между вице-канцлеромъ Воронцовымъ съ одной стороны и барономъ Поссе, чрезвычайнымъ шведскимъ посланникомъ, съ другой трактатъ, которымъ возобновлялся на 12 лѣтъ оборонительный договоръ между Россіею и Швеціею, постановленный 25-го іюня 1845 года (П. С. З. т. XV. № 10, 852). 9-го марта 1759 года заключена была въ Петербургѣ конвенція между Россіей и Швеціей, которою подтверждалась декларація Панина и шведскаго министерства о содержаніи въ Балтійскомъ морѣ русской и шведской эскадры для предупрежденія появленія тамъ каперовъ. Все различіе конвенціи отъ прежней деклараціи заключается въ томъ, что тамъ, гдѣ въ деклараціи названа прямо Англія, тамъ въ конвенціи говорится о посторонней державѣ.—Франція (актомъ октября 27-го) и Данія (актомъ марта 17-го) приступили къ этой конвенціи, причемъ Данія обязалась выставить и свою эскадру для содѣйствія въ случаѣ нужды русскому и шведскому флотамъ.

Третья кампанія русскихъ войскъ въ Пруссіи ознаменовалась двумя побѣдами, которыя могли бы погубить Пруссію, если бъ Салтыковъ захотѣлъ воспользоваться ими. Русская армія, состоявшая изъ 70,000 человѣкъ, двинулась на соединеніе съ австрійцами къ Франкфурту. Фридрихъ далъ приказаніе генералу Веделю дать сраженіе. 12-го іюля при деревнѣ Пальцигъ прусскія войска были разбиты. 22-го іюля къ Салтыкову присоединился Лаудонъ съ 18,000 австрійскихъ войскъ. Фридрихъ Великій спѣшилъ изъ Силезіи, чтобы поправить дѣло. Съ 50,000 арміей онъ не задумался 31-го іюля напасть на 70,000 войска Салтыкова и Лаудона. Битва произошла при деревнѣ Кунерсдорфѣ. Она кончилась совершенно пораженіемъ прусской арміи, уже готовой торжествовать побѣду. 26 знаменъ, 172 пушки, 21,500 плѣнныхъ досталось русскимъ. Болѣе семи тысячъ убитыхъ пруссаковъ было похоронено на полѣ битвы. Фридрихъ писалъ къ своему министру Финкенштейну, что у него изъ всей арміи осталось только 3,000 человѣкъ, все остальное погибло или разбѣжалось, что все потеряно, что онъ не переживетъ этого несчастія. Салтыковъ спасъ его, остановивъ преслѣдованіе. Потери русскихъ въ двухъ сраженіяхъ были слишкомъ велики. Салтыковъ понималъ, что австрійцы русскою кровью хотятъ купить себѣ Силезію, а можетъ быть и мысль о великомъ князѣ сдерживала его. Какъ бы то ни было, Салтыковъ оставался въ лагерѣ, несмотря на всѣ настойчивыя требованія австрійцевъ. Фридрихъ Великій имѣлъ время собрать бѣглецовъ. Чрезъ нѣсколько дней у него было уже 28,000 человѣкъ. Между русскими и австрійскими полководцами не было согласія. Съ этого времени обнаружилось уже то нерасположеніе русской арміи къ австрійцамъ, которое выказывалось такъ сильно въ Суворовскихъ кампаніяхъ, которое было замѣтно и въ послѣд-

нюю венгерскую войну. Напрасно главнокомандующій австрійскій, Даунъ, думалъ личнымъ свиданіемъ склонить Салтыкова къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Русскія войска двинулись было въ Лузацію, но медленныя дѣйствія австрійцевъ, ихъ отступленіе передъ королемъ прусскимъ раздражали Салтыкова. Увидѣвъ, что, уклоняясь сами отъ боя, австрійцы хотѣли выставлять впередъ наши войска, Салтыковъ перешелъ за Одеръ, а потомъ отвелъ свои войска въ Польшу. Положеніе прусскаго короля было самое отчаянное. Въ неравной борьбѣ съ силами почти всей Европы онъ истощилъ всѣ средства своего государства. Крайность заставляла его прибѣгать къ мѣрамъ, несогласнымъ съ его правилами. Перечеканка монеты съ уменьшеніемъ ея внутренней цѣнности при сохраненіи номинальной, насильственные наборы рекрутъ, страшныя контрибуціи—все было истощено. Напрасно онъ думалъ отдѣлить Францію или Россію отъ союза съ Австріею. Переговоры его тайнаго эмиссара съ Шуазелемъ, первымъ французскимъ министромъ, не повели ни къ чему. Точно также безуспѣшны были попытки войти въ сношеніе съ русскимъ правительствомъ. Марта 7-го 1760 года заключенъ былъ въ С.-Петербургѣ актъ, по которому Россія приступала къ трактату 30-го декабря 1758 г. между Франціею и Австріею, о продолженіи войны общими силами противъ прусскаго короля (№ 11,036). 21-го марта 1760 г. заключенъ былъ оборонительный трактатъ на 25 лѣтъ между Россіею и Австріею (№ 11,041) и того же числа конвенція между тѣми же державами о продолженіи войны съ Пруссіею (№ 11,042). 5-мъ артикуломъ этой конвенціи подтверждалось прежнее обѣщаніе доставить Австріи всю Силезію и графство Глацъ, а относительно Россіи постановлено, чтобы „Ея императорскому величеству Всероссійской къ совершенному ея удовольствію на иждивенія короля прусскаго возвращены были убытки, къ чему она пріобрѣла себѣ наиосновательнѣйшее право не токмо за употребленныя въ сію войну издержки, но и за показанныя общему добру дѣлу генерально услуги“ (6 арт.). Обѣ стороны не только гарантировали другъ другу взаимныя пріобрѣтенія, но и обязались стараться о гарантіи со стороны другихъ державъ. Въ присоединенной къ конвенціи декларація объяснено было, что, „хотя императрицы австрійская и всероссійская постановили всѣ старанія обще и согласно къ тому употребить, чтобы королевство Прусское, нынѣ оружіемъ ея императорскаго величества Всероссійской дѣйствительно уже завоеванное, ея величеству уступлено было, однакожъ ея императорское величество Всероссійская черезъ сіе предоставляетъ себѣ принять съ королевствомъ и республикою польскою такія мѣры о королевствѣ прусскомъ, кои бы ко взаимному обѣихъ сторонъ удовольствію служили, а ея величество королева венгеро-богемская обѣщаетъ, предпріемлемую о томъ въ свое время съ республикою негоціацію, добрыми своими офиціями укрѣплять“.

Хотя въ кампаніи 1760 г. главная русская армія подъ начальствомъ

Салтыкова и не предпринимала ничего особенно важнаго, ограничиваясь занятіемъ позиціи, тѣмъ не менѣе взятіе корпусомъ Чернышева и Тотлебена самого Берлина и опустошеніе Бранденбургской мархіи было для Фридриха чрезвычайно тягостно. Несогласія между русскими и австрійцами еще болѣе усилились. Нѣсколько разъ обманутый Дауномъ, Салтыковъ, наконецъ, отказался дѣйствовать заодно съ нимъ иначе, какъ по письменнымъ соглашеніямъ. Въ Берлинѣ между австрійцами и русскими едва было не дошло до важныхъ столкновеній. Всѣ современныя извѣстія отдаютъ справедливость дисциплинѣ и порядку русскихъ войскъ, занимавшихъ столицу прусскихъ владѣній, и ихъ нравственному превосходству сравнительно съ австрійцами, отличавшимися при этомъ случаѣ грабежами и опустошеніями. Приближеніе Фридриха заставило союзниковъ оставить Берлинъ 1-го октября, а вскорѣ и вся русская армія отошла на зимнія квартиры. Въ іюнѣ 1761 г. Бутурлинъ, назначенный главнокомандующимъ на мѣсто больного Салтыкова, началъ пятую кампанію. Русская армія пошла въ Силезію, но и Бутурлинъ не могъ согласиться съ австрійскими полководцами и отвелъ войска за Одеръ. Только 20 тысячный корпусъ Чернышева остался съ Лаудономъ и принялъ дѣятельное участіе во взятіи Швейдница. Другой отрядъ въ 10,000 подъ начальствомъ Румянцова дѣйствовалъ въ Помераніи, и на этотъ разъ Кольбергъ, двукратная осада котораго кончалась отступленіемъ въ прежніе походы, долженъ былъ сдаться. Казалось, война не представляла исхода. Смертію Фердинанда испанскаго (авг. 1759 г.) увеличивалось число враговъ Фридриха; напротивъ, въ Георгѣ II (ум. въ окт. 1760 г.) прусскій король терялъ и послѣдняго союзника. Перемѣны въ англійскомъ министерствѣ лишали его и того содѣйствія, которое до сихъ поръ, хотя и не въ надлежащей мѣрѣ, находилъ онъ со стороны Англіи. Уже въ 1760 г. находили на прусскаго короля минуты отчаянія; въ 1761 г. у него не разъ мелькала мысль о самоубійствѣ. Смерть императрицы Елизаветы Петровны (25-го дек. 1761 г.) и вступленіе на престолъ Петра Ѳедоровича дали совершенно новый оборотъ дѣламъ.

Чтобы вполнѣ окончить обозрѣніе внѣшней политики Россіи въ царствованіе Елизаветы Петровны, намъ должно сказать нѣсколько словъ о Курляндіи и упомянуть о договорѣ съ Даніею. Положеніе герцогства Курляндскаго и Семигальскаго послѣ ссылки Бирона было самое печальное. Уничтожился и послѣдній порядокъ. Поставленная между Польшей и Россіей, Курляндія потеряла свою самостоятельность. Съ одной стороны король польскій, какъ ленный владѣтель, дѣлалъ свои распоряженія, съ другой—русскія войска, занимавшія герцогство, и русскій резидентъ были въ сущности полными господами Курляндіи. Доходы герцогства шли частью на уплату долговъ Бирона, частью на содержаніе русскихъ войскъ. Россія предъявляла требованіе въ 2.500,000 рублей и до уплаты этой огромной суммы занимала герцогство. Во внутреннемъ управленіи была анархія.

Между партіями шла ожесточенная борьба. Съ одной стороны дворянство, съ другой бюргеры и представители церковныхъ приходовъ спорили на ландтагахъ. Дворянство доказывало, что оно свободное сословіе и равное по правамъ съ польскимъ, что потому, за отсутствіемъ герцога, вступитъ въ права верховной власти. Герцогскіе совѣтники и адвокатъ надворнаго суда Цигенборнъ утверждали, напротивъ, что курляндское дворянство привилегированное, но не свободное сословіе. Партіи дворянства и такъ называемыхъ „майористовъ“ ни въ чемъ не могли согласиться между собой. Дворянство составило было въ 1749 году конфедерацію. На ландтагахъ 1754 и 1756 годовъ приняты были строгія мѣры противъ своевольнаго дворянства. Къ этимъ внутреннимъ безпорядкамъ присоединились еще споры съ польскимъ епископомъ Лифляндіи, съ сосѣдними польскими магнатами. Ландтаги 1752, 1754 и 1756-го годовъ умоляли короля просить о возвращеніи Бирона. Польскій сенатъ въ 1750 г. также представилъ королю объ этомъ. Требованіе было безуспѣшно. Елизавета Петровна объявила, что она не приметъ курляндскихъ депутатовъ. Ходатайству Августа III также не посчастливилось. Письменно и словесно объявила императрица, что государственныя соображенія препятствуютъ освобожденію и возвращенію въ Курляндію Бирона, что войска не могутъ быть выведены изъ герцогства прежде, чѣмъ будутъ удовлетворены денежныя притязанія Россіи. Во время войны съ Пруссіей между Россіей и Августомъ III начались новые переговоры относительно Курляндіи. Польскій король хотѣлъ доставить герцогство своему любимому сыну Карлу-Христіану Іосифу. Онъ отправилъ его въ Петербургъ для личнаго представленія императрицѣ и успѣлъ получить ея согласіе. Назначеніе новаго герцога встрѣтило, между прочимъ, многія затрудненія. Съ одной стороны католицизмъ Карла возстановлялъ противъ него протестантское населеніе герцогства, съ другой—Августу трудно было получить согласіе Польши на инвеституру. Сеймъ въ Гродно не согласился на представленіе короля. Въ собраніи сенаторовъ въ Варшавѣ могущественная фамилія Чарторижскихъ протестовала. Препятствія были, впрочемъ, отстранены. Карлъ обязался фрейгерамъ и дворянамъ курляндскимъ не строить католическихъ церквей и часовенъ, не допускать католическихъ процессій, изгнать іезуитовъ, которые появились было въ Курляндіи, однимъ словомъ, поддерживать все въ точно такомъ же состояніи, какъ было при лютеранскихъ герцогахъ. 5-го ноября 1759 г., послѣ многихъ споровъ, послѣдовало наконецъ согласіе рыцарства, земства и городовъ. Карлъ-Христіанъ получилъ отъ своего отца инвеституру на герцогство Курляндію. 16-го іюля 1759 г. заключенъ былъ актъ между Россіей и новымъ герцогомъ курляндскимъ, по которому Карлъ обязался давать свободный пропускъ черезъ герцогство русскимъ войскамъ, доставлять имъ квартиры и припасы по цѣнѣ, заранѣе установленной обще съ министромъ россійскимъ. Россія соглашается на выпускъ хлѣба изъ Курляндіи. Герцогъ обязуется чи-

нить вспоможеніе русскимъ войскамъ подводами, лѣсомъ, дровами и т. п. за справедливую цѣну, оставить по прежнему открытыми для русскихъ кораблей курляндскія гавани. Съ герцогскихъ имѣній снятъ будетъ секвестръ, какъ скоро аредныя деньги съ нихъ по Ивановъ день поступятъ въ казну ея императорскаго величества. Новый герцогъ недолго владѣлъ Курляндіею. Вступленіе на престолъ Петра Өедоровича возвратило Бирону его прежнее владѣніе. Правленіе Карла-Христіана, сверхъ того, прошло въ борьбѣ съ частью дворянства и въ другихъ спорахъ.

Данія, какъ мы видѣли, находилась въ постоянномъ страхѣ за Шлезвигъ. Договоромъ 4-го мая 1758 г. она заключила союзъ съ Франціей, по которому король французскій обязался содѣйствовать негоціаціей промѣну Шлезвига на Дельменгорстъ и Ольденбургъ или, при отказѣ со стороны великаго князя Петра Өедоровича, доставить Даніи справедливое вознагражденіе, съ тѣмъ однако, чтобы это вознагражденіе было не на счетъ Франціи или Австріи. Елизавета Петровна актомъ отъ 16-го (27-го) марта 1760 г. приступила къ этому договору съ тѣмъ условіемъ, чтобы вознагражденіе Даніи, въ случаѣ неуспѣха переговоровъ о промѣнѣ Шлезвига, совершенно было не на счетъ Россіи. Сверженіе Бестужева отозвалось на ходѣ голштинскихъ переговоровъ. Сепаратнымъ секретнымъ артикуломъ союзнаго договора между Россіей и Австріей (21-го марта 1760 г.) постановлено было, что Австрія обязуется дѣйствовать заодно съ Россіей для сохраненія интересовъ голштинскаго дома; что она гарантируетъ всѣ владѣнія герцогства Голштинскаго въ Германіи; что въ случаѣ, если Данія не удовлетворитъ требованіямъ голштинскаго дома, обѣ императрицы условятся относительно дальнѣйшихъ мѣръ. Съ 1758 года Данія содержала войско на случай войны съ Россіей, тѣмъ болѣе, что русской арміи, находившейся въ Помераніи, легко было начать враждебныя дѣйствія. Эти военныя приготовленія истощали матеріальныя средства небольшого королевства, не доставляя ему надежной гарантіи противъ грозившей опасности.

III.

Царствованіе Елизаветы Петровны не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя оставляютъ по себѣ долгую память во внутреннемъ строѣ государства.

Двадцать лѣтъ ея правленія не ознаменовались важными измѣненіями въ государственныхъ учрежденіяхъ, несмотря на то, что эти измѣненія, повидимому, вызывались необходимостью. Мы напрасно будемъ искать въ правительственныхъ распоряженіяхъ какой-нибудь системы, какого-нибудь общаго плана. Въ этомъ отношеніи царствованіе Елизаветы представляетъ продолженіе предыдущихъ правленій. Какъ въ дѣлахъ внѣшней политики, здѣсь, можетъ быть, еще съ большею ясностью представляется господ-

ство личныхъ побужденій, случайности и отсутствіе всякаго опредѣленнаго принципа. Тѣмъ не менѣе въ царствованіе Елизаветы Петровны сдѣлано было довольно такого, на чемъ останавливается вниманіе историка, и останавливается съ полною благодарностью. Въ основаніи Московскаго университета, въ колонизаціи южной Россіи, Елизавета имѣетъ право на признательность потомства. Въ эти 20 лѣтъ нравы много потеряли своей прежней грубости. Достаточно сличить манифестъ о наказаніи Миниха, Остермана и другихъ, или манифестъ о Лопухинскомъ заговорѣ съ тѣмъ, которымъ объявлено было народу о дѣйствительныхъ преступленіяхъ Бестужева, чтобы наглядно убѣдиться въ быстромъ смягченіи нравовъ, совершившемся въ ея правленіе. И должно сказать, что въ этомъ смягченіи много участвовалъ личный характеръ императрицы. Въ памяти народа изъ ея нравственнаго облика удержалось только, какъ главная отличительная черта, кротость и привѣтливость дочери Петра Великаго. Какъ ни трудно представить картину общественнаго, нравственнаго и умственнаго состоянія Россіи въ это время, такое изображеніе необходимо, какъ естественное дополненіе внѣшней исторіи. Отрывочность и неполнота не должны насъ останавливать. Отсутствіе общаго плана, безсистемность, случайность—точно такой же характеристическій признакъ иныхъ царствованій, какъ ясная, сознательная дѣятельность, отличающая другія. Многое, учрежденное при Елизаветѣ, явилось безъ всякаго отношенія къ прошедшему, исчезло безъ слѣда съ ея кончиной, но самые факты любопытны, потому что они имѣли сильное вліяніе на современность. Притомъ развитіе общества, исключая, разумѣется, низшіе слои его, остававшіеся внѣ движенія, никогда не совершалось съ такою быстротой, какъ въ XVIII вѣкѣ. Каждое 25-лѣтіе составляетъ какъ бы особый періодъ.

Мы начнемъ съ внѣшней, административной и матеріальной, стороны общества, чтобы перейти потомъ къ его внутренней, нравственной жизни. Россія дѣлилась при Елизаветѣ на 16 губерній, изъ которыхъ нѣкоторыя подраздѣлялись на провинціи. Это были: 1) Московская съ 9 провинціями, 2) Новогородская съ 4-мя, 3) Бѣлогородская съ 2-мя, 4) Воронежская съ 4-мя, 5) Смоленская безъ провинцій, 6) Архангелогородская съ 3-мя, 7) Казанская съ 5-ю, 8) Нижегородская съ 2-мя, 9) Астраханская, 10) Кіевская безъ провинціи, 11) Оренбургская и 12) Сибирская, каждая съ 2-мя, 13) Рижская, 14) Ревельская, 15) Выборгская и 16) Петербургская безъ провинцій. Всѣ эти губерніи, за исключеніемъ Выборгской, существовали прежде, и вообще при Елизаветѣ не сдѣлано было въ этомъ отношеніи никакихъ измѣненій. Выборгская же образована по высочайше утвержденному 14 января 1744 г. докладу сената изъ вновь завоеванныхъ отъ шведовъ областей съ присовокупленіемъ прежнихъ Выборгской и Кексгольмской провинцій. Этими 16 губерніями не ограничивались, впрочемъ, владѣнія имперіи. Въ вѣдѣніи коллегіи иностранныхъ дѣлъ находились Малороссія и степи Южной Россіи. Въ этихъ южныхъ

предѣлахъ имперіи совершены важныя перемѣны въ царствованіе Елизаветы Петровны. Начнемъ съ Малороссіи. Послѣ смерти Даніила Апостола въ 1734 году, не было гетмана въ Малороссіи. Она была отдана въ управленіе 6-ти членамъ, составлявшимъ малороссійское правленіе. Половина членовъ были великоруссы, половина малороссы. Они управляли на основаніи статей, данныхъ Апостолу. Главные начальники смѣняли одинъ другого очень скоро. За Барятинскимъ слѣдовалъ Румянцевъ, получившій титулъ украинскаго статтальтера. Послѣ Румянцева Кейтъ, оставившій по себѣ добрую память въ народѣ; за нимъ Леонтьевъ, потомъ Неплюевъ. Всѣ эти перемѣны были между 1737 и 1741 г. Малороссіянамъ сильно не по сердцу было отмѣненіе гетманщины и правленіе великорусскихъ членовъ, при Леонтьевѣ получившихъ перевѣсъ надъ ихъ малороссійскими товарищами. Министерская канцелярія осталась надолго памятною своими дѣйствіями. Въ Исторіи Руссовъ *Конисскаго* высказалась вполнѣ народная ненависть. „Преданіе общее и достовѣрное, говоритъ онъ, повѣствуетъ о самомъ мѣстѣ, гдѣ была министерская канцелярія, что ежели бы перстомъ руки Божіей изрыть частицу земли на мѣстѣ томъ, то ударила бы изъ него фонтаномъ кровь человѣческая, пролитая министерскою канцеляріею“. Конисскій приводитъ одинъ примѣръ употребленія слова и дѣла, которому трудно повѣрить въ наше время. Яркими красками описываетъ архіепископъ бѣлорусскій правленіе курляндскаго герцога. „Всякъ, вѣруяй въ Бирона и творяй волю его, спасенъ и прославенъ, а не вѣруяй въ него и противяйся ему осужденъ есть и погибшій“. Присутствіе въ Стародубѣ брата Биронова, позволявшаго себѣ, по словамъ Конисскаго, самыя возмущающія душу насилія, давало особенно чувствовать малороссамъ тяжесть зависимости отъ Россіи. Все измѣнилось со вступленіемъ на престолъ Елизаветы. Передъ окончательнымъ уничтоженіемъ своего мѣстнаго, исключительнаго существованія, Малороссіи суждено было ненадолго воротиться къ ея гетманщинѣ, повѣрить на минуту возможности возврата прошлаго. Перемѣна въ отношеніяхъ почувствовалась немедленно. Зная приближенныхъ къ императрицѣ, не трудно угадать, кто внушалъ ей милостивое расположеніе къ Малороссіи, кто заставилъ ее полюбить этотъ народъ. Малороссійскіе члены правленія получили равенство правъ съ великоруссами, нарушенное Леонтьевымъ. Въ 1744 г. сама императрица прибыла въ Кіевъ, Конисскій разсказываетъ, что однажды Елизавета, окруженная безчисленнымъ народомъ, громко сказала: „Возлюби меня, Боже, такъ въ царствіи небесномъ, какъ я люблю сей благонравный и незлобивый народъ“. Въ Кіевѣ подана была ей просьба о возстановленіи гетманства. Императрица приказала прислать депутатовъ въ Петербургъ ко дню бракосочетанія великаго князя Петра Ѳедоровича съ Екатериною Алексѣевной. Депутаты воротились обласканные и одаренные дворомъ и привезли грамоту, обѣщавшую скорое избраніе гетмана. Когда, въ 1748 году, пожары и голодъ опустошали Малорос-

сію, правительство приняло мѣры для облегченія тяжелой участи народа. Изъ Украйны выведены были 7 русскихъ полковъ, квартировавшихъ тамъ, розданы деньги въ пособіе и т. п. Депутаты малороссійскіе, отправленные въ Москву въ 1745 году, воротились только въ декабрѣ 1749 г. Они привезли вѣсть, что скоро прибудетъ Гендриковъ для того, чтобы присутствовать при избраніи новаго гетмана вольными голосами. Причина медленности въ удовлетвореніи желанія малороссовъ заключалась въ томъ, что Кирилла Разумовскій, которому предназначалось гетманство, еще путешествовалъ за границей. 22-го февраля 1750 года въ Глуховѣ съ необычайной торжественностью, въ присутствіи уполномоченнаго императрицы, совершилось избраніе. На вопросъ Гендрикова, кого желаютъ имѣть гетманомъ, раздалось имя Кириллы Разумовскаго. Депутація была отправлена въ Петербургъ съ извѣстіемъ о результатѣ избранія и для полученія утвержденія императрицы. 24-го апрѣля, въ торжественной аудіенціи, государственный канцлеръ Бестужевъ объявилъ подтвержденіе императрицею сдѣланнаго избранія, и 22-лѣтній Разумовскій произведенъ былъ въ генералъ-фельдмаршалы. Именнымъ указомъ 5-го іюня 1750 года, даны были на урядъ новому гетману многія имѣнія, приказано было отставить всѣхъ великорусскихъ членовъ изъ войсковой и министерской канцелярій, изъ генеральнаго суда, изъ коммиссій экономіи и объ обидахъ. Самыя коммиссіи и министерская канцелярія были уничтожены. 24-го іюля того же года разрѣшено было возстановить городъ Батуринъ и сдѣлать его попрежнему гетманскою резиденціей. Другимъ указомъ того же числа повелѣно было отдать Разумовскому всѣ доходы съ гетманскихъ имѣній, которые собирались съ 1734 года, то-есть со смерти Даніила Апостола, деньгами, хлѣбомъ, виномъ и другими припасами. Указомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ 25-го іюля того же года сказано: „Всемилостивѣйше конфирмованный отъ насъ гетманъ Кирила Разумовскій, предъ всѣми другими гетманами имѣя ту отличность, что онъ нашей имперіи графъ, мы же высочайше имѣя къ его персонѣ особливую довѣренность и благоволеніе, соизволеніе наше есть, чтобы въ отправленныхъ къ нему изъ нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ грамотахъ даванъ ему былъ предикатъ: *высоко и благоурожденнаго, намъ любезно-вѣрнаго подданнаго*“. Указомъ сенату отъ 19-го октября 1750 года повелѣно было подчинить малороссійскому гетману Запорожскую Сѣчь, бывшую до тѣхъ поръ въ вѣдѣніи кіевскаго губернатора.

Правленіе гетмана Разумовскаго памятно малороссамъ по многимъ льготамъ. Такъ, указомъ 2-го мая 1754 года дозволено провозить изъ Малороссіи въ Россію и обратно хлѣбъ. Указомъ 15-го мая 1755 года разрѣшенъ безпошлинный въ Малороссію привозъ иностранныхъ товаровъ. Еще нѣсколько прежде именнымъ указомъ 15-го іюля 1754 года отмѣненъ индуктный сборъ, а февраля 17-го слѣдующаго года разрѣшенъ безпошлинный ввозъ въ Малороссію пеньки, воска, конопли, масла, кофе

и хлѣба. Чрезвычайно важенъ былъ указъ 2-го апрѣля 1755 года, по которому Малороссія освобождалась не только отъ индукты и евекты, но и уничтожены были всѣ многочисленные внутренніе сборы, заведенные прежними гетманами подъ именами *покуховнаго* и *скатнаго* (съ продажи вина и дегтя), *ярмонковаго* и *поковшеваго, размѣроваго* (съ мельницъ) и *показанщины* (съ винокуренныхъ котловъ) и т. п., которыми стѣснялась мѣстная промышленность, но которые доставляли войсковому скарбу 48,147 р. ежегодно. Въ замѣнъ этихъ сборовъ въ скарбъ войсковой повелѣно было отпускать изъ государственной казны опредѣленную сумму. Указомъ 17-го января 1756 года, перенесены были малороссійскія дѣла изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ вѣдѣніи которой они состояли, въ сенатъ, гдѣ учреждена была по этому особая экспедиція, причемъ, однако же, удержана прежняя форма сношеній съ гетманами. Это измѣненіе, сдѣланное по просьбѣ Разумовскаго, имѣло важныя послѣдствія: имъ вводилась Малороссія въ общій составъ Русскаго государства и послѣдній гетманъ, по всей вѣроятности, безсознательно или для личныхъ своихъ выгодъ, содѣйствовалъ уничтоженію исключительнаго положенія Малороссіи. Въ 1761 году взятъ Кіевъ изъ вѣдомства гетманскаго и непосредственно подчиненъ сенату. Во внутреннемъ устройствѣ Малороссіи замѣчателенъ универсалъ гетмана 17-го ноября 1759 года, которымъ онъ далъ большое значеніе генеральному суду, приказавъ присутствовать въ немъ депутатамъ отъ 10 малороссійскихъ полковъ и освободивъ его отъ аппелляціи въ генеральную канцелярію. Казаки принимали участіе въ Семилѣтней войнѣ, кромѣ того ихъ отряды наряжали для работъ въ крѣпостяхъ, для прикрытія новыхъ поселеній, въ погонщики въ армію и т. д. Возвращеніе званія гетманскаго не воротило Малороссіи прежняго времени. Гетманщина въ самомъ своемъ устройствѣ носила условія своей недолговѣчности. Обстоятельства измѣнились, а съ ними становилось ненужнымъ особое, исключительное положеніе Малороссіи, дѣлалось необходимымъ слитіе ея съ областями Великой Россіи. Самъ Разумовскій, несмотря на свою силу при дворѣ, не обольщался надеждами, не вѣрилъ въ возможность возврата къ старинѣ. Мазепу называлъ онъ послѣднимъ гетманомъ еще въ то время, когда онъ не предчувствовалъ, что достанется ему заключить своимъ именемъ списокъ малороссійскихъ гетмановъ.

Явленія высокой важности происходили въ степяхъ, прилегавшихъ къ низовью Днѣпра и владѣніямъ крымскихъ и нагайскихъ ордъ. Тамъ доживалъ свое послѣднее время кошъ запорожскій, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе показывавшій свою несовмѣстимость съ государственнымъ порядкомъ; тамъ же полагалось начало колонизаціи, начало Новороссійскаго края.

Извѣстно, какое участіе приняли запорожцы въ измѣнѣ Мазепы. Почти вся старшина и 8 тысячъ запорожцевъ передались шведамъ вмѣстѣ съ гетманомъ. 14-го мая 1709 года полковникъ Яковлевъ взялъ приступомъ

Сѣчь и разрушилъ ее до основанія. Манифестомъ 26-го мая 1709 г. разгнѣванный Петръ объявилъ месть запорожцамъ. Напрасно въ 1710 году они пытались было основать кошъ при впаденіи рѣчки Каменки въ Днѣпръ (въ Херсон. уѣздѣ Херсонской губ.). Гетманъ Скоропадскій и генералъ Бутурлинъ разорили ихъ поселеніе. Запорожцы передались крымскому хану. Въ 1710 году они основали кошъ въ урочищѣ Алешкахъ, на берегу нижняго Днѣпра, среди песковъ и тонкихъ камышей.

Запорожье оставалось одинокимъ представителемъ стараго казачества. Время не коснулось древняго устройства этой военной общины. Оно только все рѣзче и рѣзче выставляло различіе между запорожскимъ кошемъ и остальною Малороссіей, бытъ которой измѣнился уже во многомъ. Сами запорожцы чуждались гетманщины, называя ее городовымъ казачествомъ, презирая ее, и вотъ теперь пришла пора наказанія за это добровольное отчужденіе отъ всѣхъ успѣховъ гражданственности. Подъ верховною властью крымскаго хана, искони врага православной Руси, невыносимо было положеніе бойцовъ за вѣру и Русь. Казачьи пѣсни говорятъ о пребываніи въ Алешкахъ, какъ о времени бѣдствія. „Ой Олешки, будемъ васъ знать, и той лихой день, и ту лихую годину“, поютъ украинскіе бандуристы. Гордѣенко умеръ въ этомъ изгнаніи. Орликъ и другіе приверженцы Мазепы не могли подавить общаго желанія запорожцевъ воротиться въ подданство русскаго царя. Но дѣло было трудное. Трактатомъ 5-го апрѣля 1712 г. Петръ отказался отъ всѣхъ правъ на Сѣчь запорожскую. Въ 1728 году Даніилъ Апостолъ доносилъ верховному тайному совѣту, что запорожцы, забравъ войсковые клейноды, хотятъ возвратиться въ старую Сѣчь и вступить въ подданство Россіи. Императоръ Петръ II отвѣчалъ на это приказомъ отбивать ихъ съ оружіемъ въ рукахъ отъ нашихъ границъ, если они будутъ пытаться войти въ нихъ. Позволено было принимать только отдѣльныхъ безоружныхъ выходцевъ. Только въ 1734 г. удалось запорожскому кошу исполнить свое первое желаніе, выйти изъ неестественнаго и невыносимаго подчиненія крымскому хану. При Аннѣ Ивановнѣ указомъ 25-го іюля 1731 года генералу графу Вейсбаху повелѣно основать въ степи линію крѣпостей и редутовъ для прикрытія нашихъ границъ. Эта линія, извѣстная подъ именемъ Старой или Украинской, должна была вытянуться отъ Днѣпра, отъ Богородицкаго ретраншемента до Сѣвернаго Донца у границъ Изюмской провинціи. Вейсбахъ, въ виду постоянной опасности отъ крымскихъ наѣздовъ и польскаго безначалія, задумалъ планъ возвратить запорожцевъ, исконныхъ враговъ и Крыма, и Польши. Съ августа 1731 года начались тайныя сношенія между имъ и кошемъ. Въ 1734 году онъ сообщилъ имъ копіи съ простительной грамоты, подписанной императрицею Анной 31-го августа 1733 года. Въ этомъ же году кончилось ихъ бѣдствованіе въ Алешкахъ, гдѣ они жили съ татарами, по ихъ выраженію, въ такомъ согласіи, *въ якомъ собака съ котомъ живе.* 27-го марта кошевой Милашевичъ донесъ Вейсбаху,

что онъ съ стараго мѣста *увернулся* и сталъ новымъ кошевымъ въ русскихъ предѣлахъ, на правомъ берегу Днѣпра, на рѣчкѣ Подпольной (въ 8 верстахъ отъ старой Сѣчи). Здѣсь на полуостровѣ, образуемомъ глубокою Подпольной, основался 4-й и послѣднiй кошъ запорожскiй, основана была съ благословенiя архiепископа кiевскаго и сѣчевая церковь. 7-го сентября 1734 года получила запорожская старшина въ Бѣлой Церкви и подлинную грамоту императрицы, и денежное жалованье и принесла присягу на вѣрность. Тутъ же получила она и войсковые клейноды. Началось внутреннее устройство по старымъ, неизмѣннымъ правиламъ. Всѣ земли и рѣчки раздѣлены по *регулѣ* казацкой на курени, въ остальныхъ позволено селиться *подданству* войсковому и *поженившемуся* казачеству. Эти села составили двѣ *Товщи*, или вѣдомства, управляемыя *паланками*, т.-е. полковою старшиной. Поставлены были посты для защиты границъ и рыболовства, возобновлены перевозы, доставлявшiе порядочный доходъ войску. Наконецъ, положено было ежегодно отправлять ко двору команду *столичниковъ* за хлѣбнымъ и денежнымъ жалованьемъ. Кошъ организовался окончательно. Въ войнѣ съ турками запорожцы принимали дѣятельное участiе. Особенно памятенъ для нихъ по трудности остался днѣстровый походъ 1738 года. Бѣлградскимъ миромъ (18 сент. 1739 г.) Сѣчь запорожская признана за Россiей. Артикуломъ дополнительной Нисской конвенцiи опредѣлилась южная граница Россiи съ турецкими владѣнiями прямою линiей отъ источниковъ рѣки Конскiя Воды, впадающей въ Днѣпръ, до источниковъ рѣки Берды, вливающейся въ Азовское море (нынѣшняя межа между Таврическою и Екатеринославскою губернiями). Этимъ разграниченiемъ всѣ владѣнiя запорожцевъ, за исключенiемъ одного *Горда* *) на Бугѣ, вошли въ составъ непосредственныхъ владѣнiй Русской имперiи, которая такимъ образомъ могла распорядиться Запорожьемъ, какъ собственностью, и уничтожить Сѣчь по первому желанiю. Вскорѣ потомъ обозначена была граница Запорожья со стороны Польши; эта граница соотвѣтствуетъ теперешней межѣ между Херсонской, Подольской и Кiевской губернiями. Это размежеванiе было необходимо. Между Польшей и казаками была непримиримая ненависть. Наѣзды гайдамаковъ влекли за собою крайне жестокiя мѣры со стороны польскихъ начальствъ. Дикое варварство среднихъ вѣковъ обнаруживалось въ этихъ столкновенiяхъ. Царствованiе императрицы Елизаветы Петровны было лучшимъ временемъ новой Сѣчи Запорожской, хотя въ это царствованiе кругомъ Запорожья положено начало тому поясу укрѣпленiй, который потомъ задушилъ этотъ послѣднiй остатокъ вольнаго казачества. Тотчасъ послѣ присяги на вѣрность, кошъ отправилъ для поздравленiя императрицы своего бывшаго кошевого Милашевича, вмѣстѣ съ просьбами о болѣе точномъ разграни-

---

*) *Горда* въ Южной Украйнѣ значитъ мѣсто для рыбной ловли. Скальковскiй: Ист. Нов. Сѣчи, 1 т., 62 стр.

ченіи со стороны Польши и разборѣ жалобъ, о разграниченіи съ донскими казаками и о болѣе положительномъ законѣ о хлѣбномъ и денежномъ жалованьѣ. О разграниченіи со стороны Польши мы уже упомянули. Разборъ взаимныхъ жалобъ коша и Крыма тянулся чрезвычайно долго. Онъ кончился только на съѣздѣ русскихъ и крымскихъ депутатовъ, въ 1749 году, въ Сѣчѣ, хотя не могъ прекратить вполнѣ всѣхъ поводовъ къ столкновеніямъ. Споры съ донцами за рѣчки и угодья, за рыболовство по берегамъ и косамъ Азовскаго моря были также едва кончены послѣ изслѣдованія на мѣстѣ, начавшагося въ 1743 году и приведеннаго къ окончанію не прежде 1746 г. Рѣка Калміусъ, или Калка, назначена была границею между запорожцами и донцами. Но и послѣ того рыболовство запорожцевъ на кубанской сторонѣ подавало поводъ къ безпрерывнымъ распрямъ. Относительно льготъ запорожцамъ просьба ихъ была удовлетворена вполнѣ. Указомъ 1-го августа 1742 г. повелѣно было отпускать запорожскому товариществу серебряною монетой по 4,660 рублей въ годъ, да 1,000 четвертей муки съ пропорціональнымъ размѣромъ крупъ. Грамотою 16-го сентября 1742 года приказано было пропускать черезъ форпосты въ Малую Россію запорожцевъ безъ платежа *мостового* и *погребельнаго* (гребля — плотина) сбора, съ товаровъ же брать пошлину на общихъ правахъ. Запорожье было единственнымъ путемъ заграничной черноморской торговли. Поэтому подобное разрѣшеніе весьма важно. Указомъ 20-го сентября 1743 г. это разрѣшеніе распространено и на людей не торговыхъ, на чумаковъ и идущихъ на заработки. Войску пожалованы были клейноды, т. е. инвеститура всѣхъ ихъ вольностей. Въ 1745 году мирогородскій полковникъ Капнистъ и инженеръ де-Боскетъ сняли, по приказу императрицы, карту Заднѣпровья и запорожскихъ владѣній. Указомъ 14-го октября 1750 года повелѣно было запорожскому войску состоять въ вѣдѣніи малороссійскаго гетмана, а не кіевскаго генералъ-губернатора, какъ это было прежде. Эта перемѣна, впрочемъ, мало значила для Запорожья, сохранявшаго всю независимость своего внутренняго управленія. Военныя поселенія стѣснили приволье запорожцевъ и повели къ нескончаемымъ спорамъ. Уже кабинетнымъ указомъ Анны Ивановны въ 1741 году дозволено было русскимъ и малороссійскимъ бѣглецамъ, скрывавшимся въ Крыму, Молдавіи и Польшѣ, возвращаться въ Россію и селиться въ заднѣпровскихъ степяхъ. Изъ этихъ выходцевъ образовались села на запорожскихъ земляхъ, причисленныя къ Малороссіи, къ мирогородскому и полтавскому полкамъ. Въ 1743 г. полковникъ мирогородскій Капнистъ началъ, по приказу императрицы, строить шанцы, Новоархангельскій на Синюхѣ и Орловскій на Бугѣ, у самой польской границы. Съ 1750 г. поселеніе приняло большіе размѣры. Въ 1750 году нѣсколько сербскихъ офицеровъ явились въ Вѣнѣ къ русскому послу и просили позволенія поселиться въ Россіи, обѣщая за земли составить гусарскіе и пандурскіе полки. Русскому посланнику была хо-

рошо извѣстна польза австрійской военной границы. Подвиги пандуровъ въ войнѣ за австрійское наслѣдство были у всѣхъ въ свѣжей памяти. Начались переговоры съ Австріею. Указомъ, даннымъ 13-го іюля 1751 года Бестужеву-Рюмину, нашему послу въ Вѣнѣ, приказано было объявить полковнику Хорвату, „что не токмо онъ и другіе офицеры, но и сколько бы ихъ изъ сербскаго народа въ нашу имперію перейдти похотѣло, всѣ оные яко единовѣрные съ нами въ службу и подданство наше приняты будутъ, и что намъ обѣщанное имъ Хорватомъ набраніе гусарскаго и пандурскаго полковъ угодно, и что для поселенія ихъ Сербовъ, не токмо въ Украйнѣ, но и въ другихъ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашей Имперіи, кои не меньше для житья человѣческаго выгодны, пространныя и плодоносныя земли даны будутъ". 10-го октября полковникъ Хорватъ былъ въ Кіевѣ съ 218 человѣками обоего пола и получилъ чинъ генералъ-майора нашей службы. Прошеніемъ своимъ Хорватъ объявилъ, что онъ желаетъ учредить 4 полка регулярныхъ, 2 гусарскіе и 2 пандурскіе, каждый полкъ въ 4,000 человѣкъ. Для этихъ полковъ установлено равенство по командѣ съ прочими драгунскими и пѣхотными полками русскаго войска. Гусарскіе полки получаютъ жалованье, равное съ гусарскими полками русскими, а пандурскіе полки третью меньше, вмѣсто же порціоновъ и раціоновъ дается земля. Въ мирное время имѣть этимъ поселеннымъ полкамъ свободную торговлю во внутреннихъ областяхъ имперіи, въ Крыму, Молдавіи и Польшѣ. Каждая гусарская рота одна отъ другой по 8 верстъ разстоянія имѣетъ, а въ степи 30 верстъ; пандурская 6 верстъ, а въ степи 25. Каждый полкъ будетъ состоять изъ 20-ти ротъ. Какъ гусарамъ, такъ и пандурамъ дается на первый разъ изъ казны все оружіе. Для строенія крѣпостей нарядить рабочихъ. Просилъ Хорватъ „исходатайствовать отъ Австріи для него набрать въ ихъ владѣніяхъ публичнымъ вербунгомъ отъ 500 до 1,000 человѣкъ, а если этого нельзя, то разрѣшить вербовку, хотя бы то тихимъ и тайнымъ образомъ". Именнымъ указомъ 24-го декабря 1751 года сообщено было сенату о принятіи въ подданство сербовъ и сообщенъ экстрактъ изъ донесенія русскаго посла въ Вѣнѣ, которымъ доказана польза военной границы, а также и прошеніе Хорвата. 29-го декабря того же года состоялся сенатскій указъ, утвердившій поселеніе сербовъ и представленіе Хорвата. Сербамъ Хорвата отведены были земли въ сѣверо-западной части Запорожья, почти незанятой, но принадлежавшей кошу. Земли начинались отъ рѣки Кагарлика (въ Бобринецкомъ уѣздѣ Херсонской губерніи), оканчивались у впаденія рѣки Омельника въ Днѣпрѣ (въ Александрійскомъ уѣздѣ). Это поселеніе названо Новою Сербіей. Въ 1753 году основана была крѣпость св. Елизаветы на вершинахъ рѣки Ингула Января 11-го 1752 года дана была жалованная грамота генералъ-майору Хорвату, которою подтверждались права поселенныхъ сербовъ, поручалось ему вызвать въ Россію выходцевъ изъ православнаго сербскаго, македонскаго, болгарскаго и

валахскаго народовъ, для формированія изъ нихъ гусарскихъ и пандурскихъ полковъ, давалось право ему, а по смерти его одному изъ дѣтей быть непремѣннымъ полковникомъ одного изъ гусарскихъ полковъ. Въ крѣпости св. Елизаветы положено было содержать гарнизонъ изъ ландмилицскихъ полковъ, подъ начальствомъ коменданта бригадирскаго ранга по назначенію военной коллегіи, и т. д. Указомъ 20-го января 1752 года приказано было малороссійскому гетману отправить для строенія крѣпости св. Елизаветы 2,000 казаковъ, но Разумовскій послалъ въ 1754 г. не болѣе 600 рабочихъ людей. Построеніе крѣпости возбуждало подозрѣніе запорожцевъ и самой Турціи. Послѣдніе приверженцы Мазепы, жившіе въ Крыму, указывали запорожскимъ посланнымъ на грозившую имъ опасность. Они говорили имъ въ 1755 году: „Россіяне нынѣ уже войско запорожское въ конецъ истребить хотятъ, для чего и вновь по сей сторонѣ Днѣпра города, яко то Елизаветъ и прочіе, надѣланы и уже войско запорожское все въ мѣшокъ убрано, только жь еще, чтобъ якъ тотъ мѣшокъ завязати, Россіяне способу не избрали“. Порта даже отправила особаго чиновника въ Новую Сербію, чтобы удостовѣриться въ справедливости слуховъ. По ея настоянію постройка укрѣпленія въ крѣпости св. Елизаветы была пріостановлена. Опасенія Запорожья и Порты не были лишены основанія. Впослѣдствіи русскіе изобрѣли способъ завязать въ этотъ мѣшокъ не одно Запорожье, но и самый Крымъ. Поселеніе шло дѣятельно. 3-го февраля 1752 года дана была инструкція генералъ-майору Глѣбову объ отводѣ земель сербамъ Хорвата и о водвореніи ихъ. Опредѣлено было выдавать земли въ той пропорціи, какъ и ландмилиціи, т.-е. капитану 100, поручику 80, подпоручику 70, прапорщику 50, рядовому отъ 25 до 30 четвертей на семью. На содержаніе и жалованье 4 гусарскимъ и пандурскимъ полкамъ и штабу положено было выдавать въ военное время по 524,590 р. 11 к., въ мирное время по 124,957 р. 95 к. въ годъ, да единовременно на изготовленіе оружія и амуниціи 109,053 р. 60 к. Судъ и расправа отдавались Хорвату и Глѣбову, которые должны были дѣйствовать по военному уставу и существующимъ постановленіямъ. Указомъ 24-го апрѣля 1752 года разрѣшено было Хорвату принимать выходцевъ сербскаго, болгарскаго, молдавскаго и валахскаго происхожденія изъ Турціи и польскихъ владѣній и пропускать ихъ черезъ границу безъ паспортовъ, не принимая только поляковъ и преступниковъ. 29-го мая того же года разрѣшено принимать и тѣхъ православныхъ иностранцевъ, которые отставлены изъ русскихъ гусарскихъ полковъ. Указомъ 27-го іюня снята пошлина съ припасовъ, привозимыхъ въ Новую Сербію изъ Польши. Скоро явились и другіе охотники на переселеніе. Полковники Иванъ Шевичъ и Райко Прерадовичъ изъявили желаніе перейти въ русское подданство. Оба они произведены въ генералъ-майоры; но ихъ предложеніе относительно мѣста для поселенія не было уважено. Въ именномъ указѣ сенату отъ 20-го

ноября 1752 года о выводѣ изъ Новой Сербіи малорусскихъ выходцевъ высказана, между прочимъ, мысль, что въ случаѣ выхода въ Россію многаго числа сербовъ устраивать такъ, чтобы они не всѣ въ одномъ мѣстѣ были, но между россійскими подданными въ поселеніи состояли. Поэтому сенатскимъ указомъ 29-го мая 1753 года Шевичу и Прерадовичу для поселенія отведены были уже мѣста на сѣверо-восточной границѣ Запорожья, именно между сѣвернымъ Донцомъ и рѣчками Бахмутомъ и Луганью (въ Славяно-сербскомъ, и Бахмутскомъ уѣздахъ Екатеринославской губерніи). Это второе поселеніе получило названіе Славяно-Сербіи. Организація его была та же самая, что и Новой Сербіи. Водвореніе было поручено инженеръ-полковнику Бибикову; Славяно-Сербія отдана въ вѣдѣніе военной коллегіи, а не сената, какъ хорватское поселеніе. Крѣпость св. Елизаветы была уже за чертой Новой Сербіи, далѣе внутрь запорожскихъ владѣній. Кругомъ ея селились малорусскіе выходцы изъ Польши, русскіе раскольники и молдаване. Это новое поселеніе получило названіе Новослободскаго казачьяго поселенія въ отличіе отъ слободскихъ полковъ, основанныхъ въ нынѣшней Харьковской губерніи гораздо прежде. Правительство запрещало поселеніе малороссіянъ въ собственныхъ земляхъ Новой Сербіи, старалось, напротивъ, заселить русскими поселенцами окрестности крѣпости св. Елизаветы. Въ сенатскомъ указѣ 5-го іюня 1761 года мы находимъ любопытныя подробности. Ротмистру Попову поручено было вызывать изъ Польши бѣглыхъ россійскихъ людей для поселенія ихъ въ порожнихъ около крѣпости св. Елизаветы мѣстахъ. Имъ опредѣлено было давать льготу на 6 лѣтъ, не опредѣлять въ казаки, а селить ихъ на землѣ при крѣпости, опредѣляя на хлѣбопашество и въ мѣщанство и равняя ихъ по складу съ стародубскими раскольниками, когда кончится льготное время. Ротмистра Попова обнадеживали, что если онъ выведетъ изъ Польши 2,000 семей, то не будетъ оставленъ безъ награжденія отъ правительствующаго сената. Какъ много должно было являться изъ Польши русскихъ выходцевъ, видно изъ сенатскаго указа 15-го февраля 1761 года объ учиненіи въ малороссійскихъ раскольничьихъ слободахъ новой переписи, въ которомъ помѣщено донесеніе поручика Халкидонскаго, бывшаго управителемъ въ двухъ такихъ слободахъ. Халкидонскій доносилъ, что живущіе тамъ раскольники, „яко при самой польской границѣ не имѣя (за отдаленіемъ волостнаго правленія) никакого страха, россійскихъ бѣглыхъ драгунъ, солдатъ и другихъ всякаго званія людей и крестьянъ цѣлыми селеніями проводятъ потаеннымъ образомъ за границу въ Польшу; поживши тамъ малое время, возвращаются къ границѣ, по милостивымъ указамъ для опредѣленія въ раскольничьи слободы; которые-де никогда раскольниками не бывали, но только для единой вольности, укрываясь отъ помѣщиковъ, въ раскольническія слободы записываются“. Свободное водвореніе въ новослободскомъ поселеніи, разрѣшенное уже послѣ донесенія Халкидон-

скаго, должно было дать еще бо́льшие размѣры этому бѣгству въ Польшу и выходу оттуда къ крѣпости св. Елизаветы. Новослободское поселеніе разрасталось такимъ образомъ. Въ крѣпости образовалось довольно многочисленное торговое и мѣщанское поселеніе. На сѣверной границѣ Новой Сербіи устроено было полковникомъ Капнистомъ поселеніе близъ самой польской границы на рѣкѣ Виси, названное Ново-Миргородомъ и населенное болгарами, молдаванами, сербами. Болгары, селившіеся также въ Новосербскихъ ротахъ, вышли между 1752 и 1754 гг. изъ польскихъ владѣній, куда они пришли было въ числѣ 620 семей изъ Турціи, но не нашли въ Польшѣ свободнаго хлѣбопашества. Молдаване начали съ 1753 года селиться въ значительномъ числѣ на земляхъ новослободскаго казачьяго поселенія. Полковникъ Василій Звѣревъ, называвшійся прежде Лупуломъ, и Штеричъ вывели въ теченіе 10 лѣтъ около 1,800 семей заднѣпровскихъ молдаванъ, формируя изъ нихъ военно-земледѣльческія роты. Полковникъ Адабашъ первый далъ этимъ поселенцамъ правильное казачье устройство. Вскорѣ изъ нихъ образовалось до 23 ротъ или укрѣпленныхъ селъ. Сверхъ русскихъ и малороссійскихъ выходцевъ изъ Польши, указомъ отъ 7-го октября 1757 г., позволено было принимать въ учреждавшійся слободскій гусарскій полкъ и самихъ поляковъ, если они только примутъ православіе.

Новослободское поселеніе растягивалось все далѣе по сѣверо-западнымъ границамъ Запорожья и соединило наконецъ Новую Сербію съ Славяно-Сербіею или весь такъ называемый Новосербскій корпусъ. Января 30-го 1760 года поручено было полковнику Солчинскому произвести первый инспекторскій смотръ всѣмъ новосербскимъ поселеніямъ. 14-го августа того же года сенатъ выдалъ дополнительныя правила для казацкихъ поселеній за рубежемъ Новой Сербіи. Такимъ образомъ на всей сѣверной границѣ Запорожья, отъ Синюхи до Лугани, впадающей въ Сѣверный Донецъ, и до земель донского казачества, протянулась новая линія разноплеменныхъ поселеній. Съ запорожскими зимовниками на близкомъ разстояніи почти перемѣшивались сербскія роты съ ретраншементами и нѣмецкимъ устройствомъ военныхъ поселеній, болгарскія, молдавскія и волошскія села, малорусскіе хутора и раскольничьи русскія деревни. Разноязычные и разноплеменные поселенцы сталкивались между собою. Общаго было только предпріимчивость и своеволіе. Эта пестрая смѣсь жителей, независимое почти существованіе сербскихъ владѣльцевъ, жившихъ съ своими дружинами, какъ они жили на родинѣ, и только машинально подчинявшихся правильной организаціи военныхъ поселеній, хорошо схвачены въ романѣ Кулиша „Михайло Чернышенко“, довольно рѣдкомъ. Безпрестанные споры были неминуемымъ слѣдствіемъ поселеній на запорожскихъ земляхъ, тѣмъ болѣе, что трудно было удержать буйныхъ поселенцевъ въ предѣлахъ отведенныхъ имъ земель. Своими хуторами и выселками они распространялись далѣе въ степь Запорожья.

Такъ со стороны Бахмута поселенцы Славяно-Сербіи своими заведеніями доходили до самарскаго вѣдомства, лучшей части Запорожья. Новослободскіе поселенцы захватывали земли вблизи великаго и малаго Ингула. Правленіе крѣпости св. Елизаветы безпрестанно выдавало открытые листы новымъ *осадчимъ*, или основателямъ поселеній, которые такимъ образомъ вытѣсняли запорожскіе зимовники. Безпрестанно происходили враждебныя столкновенія. Въ 1755 году запорожскій кошъ рѣшился отправить депутацію въ Петербургъ. Главными пунктами данной депутатамъ инструкціи велѣно было просить высочайшей грамоты кошу на владѣніе землями, прибавки денежнаго и хлѣбнаго жалованья и разрѣшенія безпошлиннаго привоза изъ Малороссіи различныхъ припасовъ и необходимыхъ предметовъ и такого же вывоза изъ Запорожья соли, шкуръ, лошадей и т. п. Изъ представленія запорожскаго войска и переписки съ кошемъ депутатовъ мы узнаемъ нѣкоторыя интересныя статистистическія показанія, между прочимъ то, что въ это время въ Запорожьѣ было 13,000 служащаго товариства и 15,000 другихъ жителей степей; тамъ же находимъ любопытныя указанія на нравы русскаго чиновничества и на способъ хожденія по дѣламъ, указанія, которыми мы воспользуемся впослѣдствіи. Послѣ продолжительныхъ хлопотъ, запорожскіе депутаты выѣхали изъ Петербурга въ іюлѣ 1756 года, получивъ только разрѣшеніе на безпошлинный привозъ и вывозъ изъ Малороссіи товаровъ, за исключеніемъ, впрочемъ, соли и другихъ заграничныхъ товаровъ. Грамота не была дана и приказано было прежде составить описаніе и карту всѣмъ запорожскимъ землямъ и угодьямъ. Для этого описанія должны были съѣхаться депутаты изъ Малороссіи и Запорожья и отъ сербскихъ и слободскихъ поселеній; но начальству Новой Сербіи было невыгодно точное размежеваніе, и оно не состоялось, а въ 1758 году поѣхала снова ко двору запорожская депутація, везя съ собою подарки императорской фамиліи и важнымъ лицамъ. Хотя на этотъ разъ ихъ просьбы объ неотводѣ земель подъ военныя поселенія остались безуспѣшны, но, по крайней мѣрѣ, другія требованія были удовлетворены. Указомъ 25-го января 1760 года разрѣшенъ былъ свободный провозъ изъ Малороссіи всѣхъ предметовъ, также вывозъ изъ Запорожья товаровъ, за исключеніемъ соли, за которую взималась пошлина; позволено запорожцамъ ѣздить съ паспортами отъ кошевыхъ атамановъ. Грамотой 10-го мая 1759 г. на имя Разумовскаго прибавлено кошу денежнаго жалованья по 2,000 рублей въ годъ къ прежнимъ 1,660 рублямъ и подарено три пушки. Когда Сѣчь была опустошена пожаромъ, императрица приказала выдать войску 1,000 пуд. желѣза и 1,000 бревенъ изъ заповѣдныхъ лѣсовъ. Но грамоты на земли запорожцы всетаки не получили. Страшное для нихъ описаніе, которое казалось имъ отложеннымъ, должно было возобновиться. Подробности его чрезвычайно любопытны для характеристики положенія управленія въ тѣхъ мѣстахъ. Въ Петербургѣ были чрезвычайно недовольны старыми обычаями запорожцевъ при выборѣ и

смѣнѣ чиновниковъ (при выборѣ кошевого въ 1759 году дѣло дошло до рукопашной схватки); но не менѣе произвола было и со стороны русскихъ чиновниковъ. Бригадиръ Муравьевъ, комендантъ крѣпости св. Елизаветы, на запросъ запорожскихъ депутатовъ объ указѣ относительно поселенныхъ земель, отвѣчалъ: „Я самъ указъ". Въ при веденіе въ исполненіе описанія начальство слободскихъ и новосербскихъ поселеній старалось внести всевозможныя затрудненія, а между тѣмъ новослобожане своевольно захватывали земли и овладѣли почти всѣмъ нынѣшнимъ Верхнеднѣпровскимъ уѣздомъ. Правильнаго резмежеванія, а слѣдовательно, и грамоты на владѣніе не могли получить запорожцы въ царствованіе Елизаветы, а при Екатеринѣ дѣла приняли другой оборотъ.

Малороссія и Запорожье оставались во все царствованіе императрицы Елизаветы Петровны съ своимъ особеннымъ устройствомъ: первая съ 10 полками, съ гетманомъ, генеральнымъ судомъ и генеральною канцеляріей, съ генеральною полковою и сотенною старшиною; послѣднее съ раздѣленіемъ на курени, на холостое товариство и на подданство, съ выборнымъ кошевымъ, съ демократическимъ устройствомъ, которое заставляло кошъ подозрительно смотрѣть даже на депутатовъ, облеченныхъ довѣренностью товариства, съ раздѣленіемъ на паланки и т. п. Хотя указомъ 17-го января 1756 г. перенесеніе малороссійскихъ дѣлъ изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ вѣдомство сената, вслѣдствіе чего туда начали поступать аппелляціи на рѣшенія гетманскаго правленія, и положило начало уничтоженію особнаго существованія Малороссіи, однако при Елизаветѣ Петровнѣ перемѣна была пока нечувствительна, и внутреннее устройство Малороссіи и Запорожья оставалось на своихъ старыхъ основаніяхъ.

Кромѣ малороссійскаго и запорожскаго казачества, на юго-восточныхъ границахъ Россіи мы находимъ еще много казачьихъ поселеній подъ названіями: Азовскихъ, Астраханскихъ, Волжскихъ, Гребенскихъ, Донскихъ, Терскихъ, Бахмутскихъ, Оренбургскихъ, Сибирскихъ, Торскихъ, Маяцкихъ, Яицкихъ, Хоперскихъ и т. п. Говорить объ ихъ положеніи въ царствованіе Елизаветы Петровны было бы весьма затруднительно, какъ по отсутствію статистическихъ свѣдѣній за это время, такъ и потому, что въ это царствованіе они оставались большею частью на прежнемъ основаніи, слѣдовательно, пришлось бы обращаться къ мѣрамъ предшествовавшихъ государей, а это завлекло бы слишкомъ далеко. О нѣкоторыхъ промышленныхъ и торговыхъ мѣрахъ относительно казаковъ намъ придется говорить при обозрѣніи торговаго и промышленнаго состоянія Россіи при Елизаветѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ эти поселенія, сохраняя свое устройство, входили уже въ составъ Астраханской, Оренбургской и Сибирской губерній. Здѣсь замѣтимъ только нѣкоторыя постановленія. Такъ 10-го марта 1746 г. дана была Елизаветой жалованная грамота войску Донскому въ замѣнъ грамоты 1706 года, сгорѣвшей вмѣстѣ съ войсковыми клейнодами, пожалованными Петромъ Великимъ. Этою грамотой

подтверждалась прежняя, данная Петромъ, за вѣрность Донского войска, обнаруженную во время астраханскаго бунта въ 1705 году. Указомъ 27-го октября 1748 г. велѣно было соединить бахмутскихъ, торскихъ и маяцкихъ казаковъ въ одно и сформировать изъ нихъ трехсотенный бахмутскій казацкій полкъ. Указомъ 23-го іюля 1746 года соединены были семейные терскіе казаки съ гребенскими подъ названіемъ гребенскаго войска, а опредѣленіемъ военной коллегіи 30-го іюля 1755 года снова раздѣлены. Есть еще нѣсколько указовъ о жалованьѣ, о раздачѣ въ викторіальные дни вина и т. п.

Въ вопросѣ о губерніяхъ, на которыя раздѣлялась Россійская имперія, насъ всего болѣе поражаетъ несоразмѣрность ихъ между собою. Сибирская губернія, простиравшаяся отъ Урала до Восточнаго Океана, поставлена на ряду съ чрезвычайно малыми—Рижской и Ревельской губерніями. Такое же различіе должно было существовать и въ степени власти главныхъ правителей, различіе, разумѣется, чисто фактическое, потому что всѣ губернаторы руководствовались одними и тѣми же инструкціями и постановленіями. Вдали отъ центра государственнаго управленія власть губернатора принимала, разумѣется, иные размѣры, нежели въ областяхъ ближайшихъ. Въ Сибири, напримѣръ, долго ходила въ народѣ пословица: „На небѣ Богъ, а въ Иркутскѣ Кохъ“ объ одномъ изъ правителей.

Въ юго-восточной части Россіи и въ Сибири продолжалось важное дѣло колонизаціи великорусскаго населенія среди инородцевъ, а вмѣстѣ съ нимъ и распространенія христіанства и цивилизаціи. Если въ настоящее время въ Оренбургской губерніи считается $^1/_3$, а въ Астраханской $^2/_3$ инородческаго населенія, несмотря на многочисленныя переселенія изъ внутреннихъ областей имперіи, на развитіе въ этомъ краѣ хлѣбопашества и промышленности, можно себѣ представить, что было тамъ болѣе чѣмъ за сто лѣтъ тому назадъ. Постепенное развитіе русской колонизаціи, вліяніе ея на измѣненіе въ нравахъ и образѣ жизни инородцевъ, отношеніе русскихъ поселенцевъ среди разноязычнаго, по большей части кочевого населенія, представляетъ высокій историческій интересъ. Къ сожалѣнію, за исключеніемъ Полнаго Собранія Законовъ, мы мало найдемъ оффиціальныхъ или частныхъ извѣстій, а такъ какъ власть губернаторовъ нигдѣ не была такъ велика, какъ на этихъ украйнахъ русскаго государства, то постановленія, исходящія отъ центральной власти, далеко не могутъ дать настоящаго понятія о положеніи страны. На такомъ разстояніи правительство не могло вмѣшиваться въ подробности внутренняго управленія, предоставляя его на отвѣтственность губернаторовъ. Только одной Оренбургской губерніи посчастливилось въ этомъ отношеніи. Въ запискахъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ивана Ивановича Неплюева, бывшаго тамъ губернаторомъ въ царствованіе Елизаветы Петровны, въ „Исторіи Оренбургскаго края“ и въ „Топографіи оренбургской“, со-

ставленныхъ Петромъ Рычковымъ (послѣдняя издана академіей наукъ въ 1762 году), наконецъ въ „Журналѣ или дневникѣ“ капитана Николая Рычкова, веденномъ во время путешествія его по нынѣшнимъ Казанской, Симбирской, Самарской и Оренбургской губерніямъ въ 1769 и 1770 годахъ, изданномъ въ 1770 году, мы находимъ любопытныя подробности о состояніи Оренбургскаго края, объ управленіи, о положеніи русскихъ поселенцевъ, и т. п. По нимъ мы можемъ составить нѣкоторое понятіе и вообще о положеніи всего восточнаго края Русской имперіи. Оренбургскій край до учрежденія губерніи извѣстенъ былъ подъ именемъ Оренбургской Экспедиціи, потомъ, съ назначеніемъ туда правителемъ извѣстнаго историка Татищева, состоялъ въ вѣдѣніи оренбургской коммиссіи. Указомъ 15-го марта 1744 г., онъ преобразованъ въ Оренбургскую губернію, и первымъ губернаторомъ назначили Неплюева, находившагося тамъ въ званіи командира оренбургской коммиссіи уже съ 1742 года. Къ новой губерніи причислена была Исетская провинція съ зауральскими башкирцами, а также и Уфимская провинція со всѣми башкирскими дѣлами. Впослѣдствіи туда же причисленъ городокъ Гурьевъ, а также и Ставропольское вѣдомство, принадлежавшее къ Симбирской провинціи Казанской губерніи, было во многомъ подчинено оренбургскому губернатору. Населеніе губерніи было самое разнородное. Кромѣ азіатскихъ выходцевъ, бухарцевъ, хивинцевъ, персіянъ и т. п., въ небольшомъ числѣ живущихъ въ пограничныхъ городахъ, постоянными жителями были татары, башкирцы, мещеряки, киркизы, каракалпаки, мордва, черемисы, чуваши и вотяки. Предѣлы Оренбургской губерніи къ востоку простирались за Аральское море. Русскихъ поселенцевъ, по показанію Рычкова, было не болѣе 200,000 обоего пола, считая въ томъ числѣ и около 20,000 служилыхъ людей, шесть полковъ гарнизонныхъ, четыре ландмилицскихъ, казаковъ, драгуновъ и т. п. Нѣсколько линій укрѣпленій и крѣпостей съ постояннымъ гарнизономъ изъ армейскихъ и драгунскихъ полковъ и приписныхъ казаковъ сдерживали въ повиновеніи инородческое населеніе и охраняли разсѣянныхъ русскихъ поселенцевъ. Горные заводы частныхъ владѣльцевъ были укрѣплены стѣнами и пушками. О заводѣ Троицкомъ, на рѣчкѣ Кидашѣ, принадлежавшемъ Осокину, капитанъ Рычковъ говоритъ, что онъ укрѣпленіями превосходитъ многіе уѣздные города; сверхъ стѣны съ башнями, внѣ заводскаго строенія подѣланы батареи. Иначе и быть не могло въ краѣ, еще не совершенно подчиненномъ, населенномъ племенами, помнящими свою независимость. Предшественники Неплюева жили обыкновенно въ Самарѣ, а въ Оренбургскую крѣпость, окруженную заборомъ изъ плетня, осыпаннымъ землею и дерномъ, ѣздали разъ въ годъ съ многочисленнымъ конвоемъ, зимою же и всякое сообщеніе съ Яицкою линіей прекращалось. Неплюевъ, осмотрѣвъ Оренбургъ и найдя мѣстоположеніе его неудобнымъ по низменности и безлѣсности мѣста и по небезопасности каравановъ отъ хищныхъ киргизовъ, переименовалъ его

въ Орскую крѣпость и заложилъ новый городъ верстахъ въ 200 слишкомъ отъ прежняго, внизъ по Яику, гдѣ онъ и теперь находится, и первый изъ начальниковъ края тамъ поселился. Это было чрезвычайно важно для страны, населенной буйными племенами. Башкирскіе бунты были въ свѣжей памяти. Третій изъ нихъ продолжался цѣлые шесть лѣтъ, отъ 1735 до 1741 года, и былъ усмиренъ послѣ сильнаго кровопролитія. По показанію Петра Рычкова, убито въ сраженіяхъ, послано въ ссылку въ остзейскія губерніи, роздано разнымъ лицамъ для поселенія внутри Россіи по рапортамъ и разнымъ канцелярскимъ запискамъ 28,491 душа башкирцевъ, не считая побитыхъ въ малыхъ стычкахъ и вольницей разбѣжавшихся, и т. п. При самомъ Неплюевѣ Башкирское возмущеніе грозило было принять большіе размѣры и было укрощено только, благодаря ловкимъ мѣрамъ губернатора. Въ 1755 году башкирцы Исетской провинціи, возмущенные фанатикомъ Батыршею, перерѣзали всѣхъ русскихъ промышленниковъ, отыскивавшихъ глину, годную для фарфора, каменщиковъ, сожгли заводъ Шувалова и т. п. Возстаніе имѣло религіозный характеръ. Батырша разослалъ воззваніе къ татарамъ Казанской губерніи, къ киргизамъ и другимъ магометанскимъ племенамъ. Киргизы не замедлили отозваться на воззваніе набѣгами. Военныхъ силъ, находившихся въ губерніи, было недостаточно для подавленія возстанія. Неплюевъ собственною властью послалъ приказаніе къ четыремъ армейскимъ полкамъ, стоявшимъ въ Казанской губерніи, немедленно явиться къ нему на помощь, вытребовалъ точно также казаковъ съ Дона и калмыковъ изъ Астраханской губерніи, обнаруживъ, несмотря на свою болѣзнь, необыкновенную дѣятельность. Еще дѣйствительнѣе и важнѣе по своему вліянію на будущее были другія мѣры стараго губернатора. Возстаніе было подавлено оружіемъ, но башкирцы начали перебираться за Яикъ къ киргизамъ. Уже около 50,000 душъ переправилось за уральскія степи. Неплюевъ прибѣгнулъ къ той же политикѣ, къ которой не разъ или, лучше сказать, постоянно прибѣгали европейцы въ Индіи. Недовольный тѣмъ, что уговорилъ оренбургское магометанское духовенство писать обличенія и опроверженія противъ фанатическихъ воззваній Батырши, Неплюевъ хотѣлъ возбудить вѣчную ненависть между магометанскими племенами, и это вполнѣ удалось ему. Съ одной стороны, онъ поднялъ противъ башкирцевъ тептярей и мещеряковъ, на которыхъ башкирцы смотрѣли, какъ на племена имъ подчиненныя. Неплюевъ посланіями указалъ имъ на постыдную для нихъ подчиненность, затронулъ гордость и сдѣлалъ то, что мещеряки неутомимо преслѣдовали возставшихъ башкирцевъ, и самъ Батырша былъ захваченъ и выданъ мещеряцкимъ старшиною. Съ другой стороны, онъ сумѣлъ посѣять кровавую вражду между башкирцами и киргизами. Своими письмами онъ льстилъ киргизамъ; несмотря на ихъ вторженія, онъ показывалъ видъ, что расчитываетъ на ихъ вѣрность Россіи, и когда башкиры во множествѣ перекочевали за Уралъ, Неплюевъ

написалъ къ киргизамъ, что русское правительство въ награду за вѣрность позволяетъ имъ захватить женъ и дочерей измѣнниковъ башкирцевъ съ однимъ условіемъ, чтобы мужчины были изгнаны. Киргизы не устояли противъ этой приманки. Черезъ нѣсколько времени бѣжавшіе башкирцы явились по сю сторону Яика или Урала, принося повинную, требуя только позволенія отмстить киргизамъ за кровную обиду, за отнятіе семействъ. Офиціально имъ запретили мщеніе, но подъ рукой дали знать, что губернаторъ будетъ смотрѣть на это сквозь пальцы. Страшный наѣздъ разъяренныхъ башкирцевъ на киргизскіе аулы, рѣзня не ожидавшихъ нападенія киргизовъ положили начало племенной ненависти и кровомщенію. Оренбургскому губернатору оставалось только поддерживать эту вражду. Башкирцы, тѣснимые русскими, ненавидимые мещеряками и киргизами, должны были смириться. Съ тѣхъ поръ прекратились ихъ общія возстанія. Однѣми собственными силами они уже не могли бороться съ русскимъ населеніемъ. Во время пугачевщины они дѣйствовали, но уже не во имя религіознаго фанатизма, не за независимость, а заодно съ заводскими крестьянами и яицкими казаками.

Неплюева должно почитать организаторомъ Оренбургскаго края. Уже одно перенесеніе центра управленія изъ Самары въ Оренбургъ; слѣдовательно, по ту сторону башкирскихъ земель, между ними и киргизской степью, имѣло важное вліяніе; но этимъ далеко не ограничилась его дѣятельность. Онъ основалъ множество укрѣпленій, увеличилъ число войскъ вдвое, заложилъ внутри Башкиріи Зелаирскую крѣпость, гдѣ постоянно находились драгунская и пѣхотная роты. Башкирцы были привлечены кроткими мѣрами. Неплюевъ всѣми силами старался о привлеченіи новыхъ поселенцевъ въ Оренбургскій край. Такъ, онъ разными льготами переманилъ купцовъ изъ Самары въ новопостроенный Оренбургъ. Необходимость русскихъ поселеній среди инородцевъ была сознана давно уже и часто подавала поводъ къ довольно крутымъ мѣрамъ. Такъ, напримѣръ, при Аннѣ Ивановнѣ указомъ 31-го іюля 1739 года велѣно было произвести наборъ среди крестьянъ Сибирской губерніи, изъ 200 душъ по человѣку, для поселенія ихъ въ оренбургскихъ крѣпостяхъ по Яику. При Аннѣ Ивановнѣ и въ правленіе Анны Леопольдовны приняты были мѣры для поселенія въ Оренбургскомъ краѣ выходцевъ изъ Малороссіи и поселено было 209 семей, изъ которыхъ 849 человѣкъ записаны въ дѣйствительные казаки; но положеніе малороссійскихъ поселенцевъ было весьма незавидно. Они поддерживались казеннымъ хлѣбомъ и жалованьемъ, не заводились хозяйствомъ и просились назадъ въ Малороссію. Вслѣдствіе представленія Неплюева, желающимъ разрѣшено возвратиться на родину, а остальнымъ отведены были земли по ихъ желанію. Гораздо дѣйствительнѣе были другія мѣры. Указомъ 8-го марта 1744 года приказано было селить въ крѣпостяхъ Закамской линіи отставныхъ унтеръ-офицеровъ, солдатъ и драгунъ. Неплюевъ представилъ о желаніи зажиточныхъ

казанскихъ татаръ переселиться въ Оренбургъ. Сенатъ указомъ того же 8-го марта 1744 года разрѣшилъ поселить не болѣе, впрочемъ, 200 семей. Главнымъ впрочемъ источникомъ для заселенія Оренбургскаго края были бѣглые крестьяне. Въ донесеніи сенату Неплюевъ говоритъ, что по дѣламъ видно, что за 50 лѣтъ передъ тѣмъ въ Исетской провинціи ни единой души не было изъ русскихъ, а въ вѣдомости 1741 года показано въ крѣпостяхъ оренбургскихъ сходцевъ, записанныхъ въ регулярныя и нерегулярныя службы, дворцовыхъ, синодальныхъ, монастырскихъ, помѣщиковыхъ и разночинцевъ 5,154 души мужского пола. Неплюевъ указывалъ на то, что, въ случаѣ возвращенія прежнимъ владѣльцамъ этихъ поселенцевъ, слободы Исетской провинціи запустѣютъ. Вслѣдствіе этого сенатъ въ докладѣ, высочайше утвержденномъ 27-го іюня 1744 г., положилъ: „1) бѣжавшихъ до ревизіи 1719 года оставить въ оренбургскихъ крѣпостяхъ и не отдавать прежнимъ владѣльцамъ; 2) бѣглыхъ крестьянъ, записанныхъ въ подушный окладъ по ревизіи 1719 года въ другихъ мѣстахъ и поселившихся въ оренбургскомъ краѣ уже послѣ ревизіи, вывести на прежнія жилища; 3) которые же бѣглые записаны въ новопостроенныхъ по линіи къ Оренбургу крѣпостяхъ въ казаки и тамъ уже обселились и дѣйствительно службы служатъ, тѣхъ всѣхъ для представленныхъ отъ тайнаго совѣтника Неплюева резоновъ оттуда не высылать, а быть имъ какъ оные нынѣ есть въ казакахъ; а помѣщикамъ и другимъ владѣтелямъ, кромѣ разночинцевъ, зачесть въ будущій наборъ въ рекруты“. Такимъ образомъ 3-й пунктъ значительно ослаблялъ или почти уничтожалъ дѣйствіе 2-го пункта. Какъ много было бѣглыхъ, видно изъ указа 24-го мая 1748 г., гдѣ говорится, что въ сентябрѣ 1747 года непомнящихъ родства и помѣщиковъ и опредѣленныхъ къ поселенію въ Оренбургскомъ краѣ оказалось 711 человѣкъ мужского пола. Бѣглые крестьяне и поселенные отставные солдаты и драгуны постоянно увеличивали число русскаго населенія, находившаго въ плодоносныхъ земляхъ Уфимской провинціи, въ развитіи горной промышленности, требовавшей много рукъ, всѣ условія для матеріальнаго благосостоянія, а главное, большій просторъ, чѣмъ во внутреннихъ областяхъ Россіи. Довольно важный фактъ въ исторіи Оренбурскаго края представляетъ также поселеніе крещенныхъ калмыковъ. Уже съ конца XVII вѣка началось обращеніе нѣкоторыхъ изъ калмыковъ въ христіанство. Съ 1724 по 1736 годъ, какъ значится по свѣдѣніямъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, вышло къ городамъ Астраханской губерніи и крещено 1,446 кибитокъ, въ которыхъ было 5,282 души, а послѣ число обращенныхъ увеличилось. Въ числѣ крещенныхъ былъ и владѣлецъ Петръ Тайшинъ. Уже въ царствованіе Анны Ивановны приняты были мѣры для поселенія крещенныхъ калмыковъ, которыхъ старались отдѣлить отъ некрещенныхъ. Послѣ разныхъ плановъ о мѣстѣ, ихъ рѣшено было въ 1737 году водворить близъ Волги и выстроить для нихъ городъ Ставрополь. Рычковъ приводитъ ра-

портъ ставропольской канцеляріи, по которому въ іюнѣ 1754 г. показано ихъ 8,693 души обоего пола. Елизавета, весьма ревностная въ религіозномъ отношеніи, сильно заботилась о распространеніи христіанства между иновѣрцами. Эта ревность выразилась во многихъ указахъ, стѣснительныхъ для магометанъ. Напримѣръ, калмыкамъ, желавшимъ принять крещеніе, выдавалось денежное вознагражденіе; запрещено было обращать ихъ въ другія христіанскія вѣроисповѣданія, кромѣ греко-россійскаго. Ставропольское поселеніе отдано было сенатскимъ указомъ 18-го апрѣля 1744 г. въ вѣдомство Оренбургской губерніи, и однимъ изъ лучшихъ доказательствъ полезной дѣятельности Неплюева служатъ его распоряженія и представленія относительно этого поселенія. Особенно замѣчательно огромное его донесеніе въ сенатъ отъ 8-го ноября 1744 г. въ 31 пунктѣ, занимающее слишкомъ 16 страницъ Полнаго Собранія Законовъ (№ 9110). Здѣсь съ необыкновенною внимательностью обсуждено настоящее положеніе новыхъ поселенцевъ и указаны мѣры къ достиженію новой цѣли ихъ поселенія. Ограничены власть и своеволіе зайсанговъ, опредѣлено по смерти зайсанга спрашивать у улусныхъ калмыковъ, хотятъ ли они находиться въ вѣдомствѣ у его наслѣдника, хотя въ то же время смотрѣть, чтобы чрезъ то лучшія и заслуженныя фамиліи въ презрѣніе и уничтоженіе не приходили. Предписано строго наблюдать, чтобы владѣлецъ не наказывалъ произвольно смертью или отобраніемъ имущества. Велѣно въ Ставрополѣ учредить калмыцкій судъ изъ лучшихъ людей калмыцкаго народа; главному командиру исподволь вводить русскія постановленія. Русскія селенія, находившіяся внутри земель, отведенныхъ калмыкамъ, и назначенныя къ своду въ другія мѣста, Неплюевъ совѣтовалъ оставить, „ибо сходнѣе, когда калмыки будутъ между такими людьми пребывать, которые домами живутъ и пашни производятъ, къ чему и сами они время отъ времени иногда будутъ привыкать“. Въ Ставрополь должно стараться привлечь купцовъ и ремесленниковъ, „ибо чрезъ нихъ крещеные калмыки къ торговлѣ, промысламъ, а, слѣдовательно, и къ основательному селенію всегда и наилучше пріохочиваны быть могутъ“. За лѣсами, находящимися около Ставрополя, должно имѣть особенное смотрѣніе. Особенно Неплюевъ заботился, „чтобы оные всѣ крещеные калмыки по должности христіанской пребывали..., а особливо бы никакихъ прежнихъ ихъ идололаторскихъ забобонъ и всего того, что православно-христіанской вѣрѣ предосудительно, между ними не было“. Для достиженія этой цѣли Неплюевъ настаивалъ на необходимости имѣть тамъ ученыхъ и добросостоятельныхъ священниковъ, особливо знающихъ калмыцкій языкъ; священникамъ часто объѣзжать улусы, увеличить заведенную для калмыцкихъ дѣтей школу, перевести на калмыцкій языкъ молитвы и нужнѣйшія священныя книги и т. д. Въ донесеніи отъ 4-го марта 1746 г. Неплюевъ увѣдомляетъ объ успѣшномъ дѣйствіи этихъ мѣръ, о томъ, напр., что въ пріѣздъ его въ Ставрополь нѣкоторые изъ лучшихъ

калмыковъ охотно отпустили съ нимъ своихъ дѣтей въ Оренбургъ, чтобы тамъ удобнѣе научиться россійскимъ обыкновеніямъ, что другіе дѣтей своихъ русской грамотѣ и письму охотно обучаютъ и „уже нѣсколько изъ оныхъ говорить, читать и писать нарочито обученныхъ есть". Къ сожалѣнію, просвѣщенная дѣятельность Неплюева, кончившаяся въ 1758 году, не нашла себѣ достойныхъ подражателей. Съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаемся на его распоряженіяхъ, потому что всѣ они воодушевлены желаніемъ блага для страны, имъ управляемой. Въ его запискахъ превосходно объяснены эти мѣры. Многое онъ сдѣлалъ для Оренбургскаго края; еще болѣе онъ хотѣлъ сдѣлать, но не успѣлъ или не могъ. Замѣчателенъ во многомъ его докладъ отъ 4-го марта 1746 г. Въ какихъ-нибудь три года послѣ основанія, въ Оренбургѣ было уже 628 дворовъ, 4 церкви, 44 лавки въ гостинномъ дворѣ, 131 лавка въ мѣновомъ, сдѣлана бо̀льшая часть укрѣпленій и т. д. Множество крѣпостей и редутовъ были вновь выстроены или исправлены. Особое стараніе прилагалъ онъ объ увеличеніи торговли съ Азіею. Съ одной стороны, онъ писалъ во всѣ русскіе городовые магистраты, указывая на выгодность азіатской торговли, съ другой — разосланными черезъ оренбургскихъ татаръ приглашеніями онъ старался привлечь торгующихъ бухарцевъ, хивинцевъ и другихъ жителей средней Азіи. Слѣдствіемъ этого было то, что съ 1745 года начался уже довольно важный торгъ въ новопостроенномъ Оренбургѣ, такъ что вмѣсто 4,799 руб. сбору, получившагося въ 1742 году при началѣ управленія Неплюева, въ 1754 году, слѣдовательно, черезъ 12 лѣтъ, сборовъ было уже 65,912 рублей, изъ нихъ болѣе 50 т. таможеннаго сбору, несмотря на льготы, данныя для привлеченія азіатскихъ купцовъ. Главнымъ предметомъ привоза было золото и серебро. По показанію Петра Рычкова, отъ 1748 года по 1755 годъ ввезено въ Россію золота до 50, серебра до 4,000 пудовъ, не считая того, что̀ провезено безъ явки. При маломъ развитіи добыванія у насъ золота въ то время понятно, какъ важна была оренбургская торговля. Въ 1750 году ѣздилъ Неплюевъ ко двору, чтобы представить свой планъ о заведеніи торговли съ Индіею. Къ сожалѣнію, его представленіе не имѣло успѣха въ Петербургѣ. Изъ всего сказаннаго можно видѣть, какое отрадное явленіе во внутренней исторіи Россіи представляетъ дѣятельность Неплюева. Должно замѣтить, что онъ принадлежалъ къ числу молодыхъ людей, посланныхъ Петромъ Великимъ за границу, и образовался подъ его сильнымъ вліяніемъ. До глубокой старости онъ честно служилъ идеямъ великаго преобразователя. Его преемникамъ оставалось только продолжать начатое. Но многое изъ мѣръ Неплюева осталось безъ исполненія или оставлено послѣ.

Относительно управленія Сибирью мы имѣемъ довольно большое число указовъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, но эти мѣры правительства въ царствованіе Елизаветы Петровны не представляютъ собою ничего общаго,

состоятъ изъ отрывочныхъ распоряженій, и потому, за отсутствіемъ частныхъ извѣстій, которыя, подобно труду Рычкова и запискамъ Неплюева, дополняли бы и поясняли недостающее въ правительственныхъ актахъ, трудно составить себѣ сколько-нибудь отчетливое понятіе о состояніи страны въ это время. Поэтому замѣтимъ только нѣкоторыя мѣры. Указомъ 15-го февраля 1758 г. приняты нѣкоторыя мѣры для увеличенія въ Нерчинскомъ уѣздѣ казенной десятинной пашни. Указомъ 12-го сентября 1760 года заведена казенная пашня въ Селенгинскомъ уѣздѣ. Указомъ 7-го іюля 1759 года разрѣшено приписывать въ Иркутскѣ и Нерчинскѣ черносошныхъ крестьянъ, зашедшихъ туда изъ другихъ губерній, но подтверждено не принимать помѣщичьихъ, дворцовыхъ и монастырскихъ крестьянъ. Указомъ 17-го октября 1760 года предписано было сибирскому губернатору Соймонову, для безопасности нашихъ границъ со стороны китайскихъ владѣній и Зюнгаровъ, занять мѣста отъ Устькаменогорской крѣпости до Телецкаго озера, построить крѣпости и поселить по рѣкамъ и рѣчкамъ до 2,000 семей русскихъ людей, набирая ихъ изъ охотниковъ самой Сибири и изъ государственныхъ крестьянъ Архангельской губерніи, Устюжской и Вятской провинцій, находящихся въ Сибири по промысламъ. Изъ указа 2-го декабря 1760 года видно, какъ трудно было правительству принудить крестьянъ къ обязанному хлѣбопашеству. Въ нѣкоторыхъ слободахъ Ялуторовскаго уѣзда дѣло дошло до открытаго возмущенія. А между тѣмъ распространеніе хлѣбопашества было необходимо, особенно для содержанія военныхъ силъ тамошняго края. Въ томъ же 1760 году иркутская канцелярія доносила, что въ командахъ, находящихся въ дальнихъ острогахъ, умерло съ голоду больше 40 человѣкъ, а остальные ѣдятъ кожаные сумы и ремни. Для увеличенія числа рабочихъ рукъ правительство обнародовало указъ 13-го декабря 1760 года, которымъ вызывало помѣщиковъ отправлять въ Сибирь на поселеніе своихъ крестьянъ, принимая взрослыхъ мужчинъ за рекрутъ, а ихъ семействамъ платя по установленной таксѣ, именно за мужескъ полъ до 5-ти лѣтъ по 10 рублей, а отъ 5 до 15-ти лѣтъ по 20 рублей, за женщинъ половину. Тотъ же самый вызовъ обращенъ былъ къ дворцовымъ, синодальнымъ, архіерейскимъ, монастырскимъ крестьянамъ. Находимъ также распоряженіе о припискѣ крестьянъ къ заводамъ; такъ, къ Колывано-Воскресенскимъ заводамъ приписано слишкомъ 12 т. душъ крестьянъ. Къ Нерчинскимъ приписаны крестьяне, находящіеся въ Томскомъ и другихъ уѣздахъ. Любопытны мѣры, ограничивавшія злоупотребленія. Губернаторы присвоили себѣ власть жаловать въ дворяне и дѣти боярскія. Указомъ 6-го февраля 1746 года запрещено это самоуправство и приказано обратить новопожалованныхъ снова въ податное состояніе. Въ 1745 году отправленъ былъ нарочно въ Сибирь полковникъ Вульфъ для защиты инородцевъ отъ притѣсненій мѣстныхъ начальниковъ, которые брали себѣ въ кабалу новокрещенныхъ и не-

крещенныхъ инородцевъ. Въ 1761 году сенаторъ Воронцовъ донесъ сенату о дѣйствіяхъ тобольской митрополичьей консисторіи и раскольничьей коммиссіи, которыя, командами въѣзжая въ крестьянскія деревни, грабятъ домы и все имѣніе, а крестьянъ бьютъ и мучатъ немилосердно и сажаютъ въ цѣпяхъ подъ караулъ.

О торговыхъ и промышленныхъ мѣрахъ мы скажемъ въ общемъ обозрѣніи.

Въ государственныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ мы найдемъ малое измѣненіе въ царствованіе императрицы Елизаветы, а если и находимъ, то измѣненія частныя, состоящія большею частью въ возвращеніи къ постановленіямъ Петра Великаго и въ отмѣненіи перемѣнъ, произведенныхъ въ предшествовавшія царствованія. Того организующаго направленія, которымъ отмѣчена дѣятельнось Ектатерины Великой, нечего искать въ правленіе Елизаветы. Мы упоминали уже о возстановленіи сената, которымъ почти началось царствованіе дочери Петра Великаго. Кабинетъ министровъ былъ уничтоженъ, но почти тотчасъ же его мѣсто заняла конференція при высочайшемъ дворѣ, гдѣ рѣшались важнѣйшіе вопросы, особенно по дѣламъ внѣшней политики. Она была уничтожена Петромъ III. Въ запискахъ Шаховскаго мы найдемъ любопытныя подробности о порядкѣ дѣлъ и о характерѣ этой конференціи, а также и о сенатѣ. Одно, что ясно въ этихъ подробностяхъ, это — огромная власть лицъ, пользовавшихся довѣріемъ императрицы. Особенно интересны въ запискахъ Шаховскаго отношенія Шувалова (П. Ив.) къ сенату, имѣвшему право общаго контроля. Относительно синода замѣчательны постановленія о монастырскихъ и духовныхъ имуществахъ. Указомъ 15-го іюля 1744 г. уничтожена коллегія экономіи, завѣдывавшая архіерейскими и монастырскими имѣніями и судомъ между духовными и состоявшая подъ вѣдѣніемъ и контролемъ сената. Теперь всѣ церковныя вотчины передавались въ непосредственное вѣдомство и управленіе синода со всѣми расходами, за исключеніемъ только Заиконоспасскаго училищнаго монастыря съ его доходами, который будетъ содержаться на особую сумму. Іюня 4-го 1745 г. переименована была коллегія экономіи въ канцелярію синодальнаго экономическаго правленія. Эта важная перемѣна объясняется набожностью Елизаветы Петровны, находившейся, по словамъ Шаховскаго, подъ сильнымъ вліяніемъ духовника и гр. Ал. Разумовскаго, которые оба дѣйствовали въ интересахъ духовенства. Какою властью пользовался духовникъ, мы видимъ изъ записокъ Шаховскаго, а также и изъ переписки запорожскихъ депутатовъ съ кошемъ. Изъ послѣдняго источника узнаемъ, что вліяніе духовника не ограничивалось одними духовными дѣлами. 22-го декабря 1755 г. писали депутаты въ кошъ: „Его Высокопреподобіе г. духовникъ Е. И. В. отецъ Павелъ просилъ насъ запорожской низовой щуки зимней, просольной изъ Коша какъ возможно выписать и притомъ приказавъ свое святое благословеніе вельможности

Вашей и всему войску написать“. Депутаты просили выслать на подводахъ двѣ бочки просольной щуки, чтобы одною кланяться Разумовскому, а другою—духовнику. Въ концѣ письма они прибавляютъ: „А такія оба высокія и сильныя персоны, что по нихъ большихъ никого нѣтъ, и ежели такимъ не услужить, то негдѣ намъ и милости искать“. При такой помощи управленіе церковными имѣніями, разумѣется, было совершенно въ рукахъ синода, старавшагося избавиться отъ всякаго контроля относительно употребленія доходовъ съ имѣній. Когда Шаховской, бывшій прокуроромъ синода, представилъ о необходимости составить вѣдомость о состояніи монастырскихъ и другихъ церковныхъ имѣній и точное опредѣленіе доходовъ съ нихъ для употребленія ихъ по смыслу постановленій Петра Великаго, члены синода согласились и разослали о томъ указъ; но потомъ онъ узналъ, что „по большей части властители съ тѣхъ деревень, себѣ получать, а не въ казну умножать доходы желающіе, через непримѣтныя между собою сообщенія согласились, чтобы такихъ вѣдомостей въ св. синодъ не присылать; и хотя я о томъ ея величеству объяснительно представлялъ и по ея же благоволенію и наставленію многія старанія и домогательства употреблялъ, но не возмогъ сдѣлать къ тому полнаго успѣха“. Результатомъ настойчивости Шаховскаго была борьба между членами синода, которой подробности находятся въ 1-й части записокъ Шаховскаго. Указомъ 7-го апрѣля 1742 г. возстановлены были въ прежнемъ своемъ составѣ бергъ-коллегія и мануфактуръ-коллегія, которыя въ 1731 г. соединены были съ коммерцъ-коллегіей. Вслѣдствіе этого съ 1736 г. учрежденъ былъ генералъ-бергъ-директоріумъ, уничтоженный тѣмъ же указомъ, которымъ возстановлялись бергъ-и мануфактуръ-коллегіи. Указомъ 21-го мая 1743 г. возстановленъ главный и прочіе магистраты, уничтоженные-было въ 1727 г. по представленію князя Долгорукаго *для лучшаго посадскихъ охраненія*. Этимъ ограничивались измѣненія въ государственныхъ учрежденіяхъ. Точно также мало найдемъ измѣненій и въ губернскимъ и въ уѣздныхъ. Относительно губернаторовъ мы находимъ нѣ- сколько указовъ объ отвѣтственности ихъ за нерадѣніе въ сборѣ подушныхъ денегъ и казенныхъ взысканій, за несодѣйствіе ревизіи и за неисполненіе указовъ военной коллегіи. Любопытенъ только указъ 11 октября 1745 г. по дѣлу клинскаго воеводы, взятаго по нѣкоторому секретному дѣлу въ контору канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ. Этимъ указомъ приказано было: „ежели впредь изъ котораго мѣста губернаторъ или воевода въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ или оной въ контору взятъ будетъ, то той канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, не объясняя о дѣлахъ ихъ, того же числа, котораго взяты будутъ, въ сенатъ или въ сенатскую контору рапортовать, дабы на ихъ мѣсто (пока они безъ стражи свободны будутъ) другіе въ скорости опредѣлены быть могли, чтобы въ тѣхъ мѣстностяхъ остановки быть не могло“. Замѣчателенъ указъ 12 октября 1760 г., которымъ приказано было государ-

ственнымъ крестьянамъ въ защиту отъ притѣсненій, наборовъ и взятокъ со стороны воеводъ, управителей и проч., также для ходатайствъ по крестьянскимъ дѣламъ, надсматриванія имѣть особыхъ выборныхъ, которыхъ запрещено было вытребывать или забирать по дѣламъ изъ волостей въ города, дабы „тотъ безгласный народъ, сказано въ дополнительномъ указѣ 19-го марта 1761 г., ни подъ какимъ видомъ излишними наборами и несправедливыми положеніями притѣсняемъ и въ отягощеніе приводимъ не былъ“.

Должно замѣтить мѣры, относящіяся къ кодификаціи. Составленіе новаго уложенія, свода, и приведеніе къ единству многочисленныхъ постановленій, часто забытыхъ или противорѣчащихъ другъ съ другомъ, было признано необходимымъ еще въ предшествовавшія царствованія, но всѣ мѣры къ составленію уложенія оставались безплодными. Царствованію Елизаветы также не суждено было рѣшить этотъ вопросъ, не рѣшенный и знаменитою коммиссіей для составленія новаго уложенія, собранной при Екатеринѣ II. Тѣмъ не менѣе, нельзя оставить безъ вниманія этихъ попытокъ, тѣмъ болѣе, что ихъ повтореніе доказываетъ великость зла отъ отсутствія общаго свода законовъ; а ихъ безплодность знаменательна для опредѣленія настоящаго характера и правительства, и общества. 11-го марта 1754 г. состоялось высочайшее повелѣніе о „сочиненіи ясныхъ и понятныхъ законовъ по обстоятельству нынѣшнихъ временъ, въ примѣненіи обычаевъ и нравовъ“. Въ исполненіе этого повелѣнія и образована была при сенатѣ коммиссія, а 24 августа того же года сенатъ опредѣлилъ для членовъ распредѣленіе занятій и утвердилъ планъ къ сочиненію новаго уложенія. Это уложеніе должно было состоять изъ 4-хъ частей: I-я (въ 50 главъ) содержитъ въ себѣ все то, что̀ надлежитъ до суда и судебныхъ мѣстъ, и въ какихъ случаяхъ письменные и словесные суды производить и по нимъ рѣшеніе чинить. Часть II (въ 21 гл.) гласитъ о такихъ правахъ, которыя подданнымъ въ государствѣ, по разному ихъ состоянію, персонально принадлежатъ. Часть III (въ 23 гл.) содержитъ въ себѣ все то, что до движимаго и недвижимаго имѣнія и до раздѣленія онаго принадлежитъ, и по какимъ крѣпостямъ и случаямъ оныя кому и какимъ образомъ крѣпкія быть должны. Часть IV (въ 65 гл.) показываетъ, какимъ порядкомъ и въ какихъ случаяхъ розыскъ и пытки производить и какіе за разныя преступленія казни, наказанія и штрафы положены. О своихъ трудахъ коммиссія должна представлять сенату ежемѣсячные рапорты. 29-го сентября 1761 г. состоялся указъ сената, въ которомъ говорилось о планѣ Петра Великаго составить уложеніе, о неудачныхъ мѣрахъ къ тому же Екатерины I, Петра II и Анны Ивановны, далѣе о трудахъ коммиссіи, учрежденной императрицею Елизаветой, и о томъ, что двѣ части новаго уложенія, судная и криминальная, уже готовы и потому, „какъ оное сочиненіе уложенія для исправленія всего государства гражданскихъ дѣлъ весьма нужно, слѣдственно всего обще-

ства и трудъ въ совѣтахъ быть къ нему потребенъ, предписывалось къ слушанію того уложенія изъ всякой провинціи (кромѣ новозавоеванныхъ, также Сибирской, Астраханской и Кіевской губерній) прислать изъ дворянства по 2 человѣка за выборомъ всего тѣхъ городовъ шляхетства, также изъ купечества по одному человѣку". Губернаторамъ предписано было объявить дворянамъ, чтобъ они произвели выборы и выслали депутатовъ къ 1 января 1762 г., но самимъ губернаторамъ и воеводамъ въ выборы никакъ не вступаться, также губернаторамъ, воеводамъ и магистратамъ не вступаться въ выборы купечества. Св. синоду также было сообщено о присылкѣ своихъ депутатовъ, сколько онъ соизволитъ. Указомъ 8-го декабря 1761 года приказано было выслать депутатовъ изъ провинцій, а также отъ тобольскаго, иркутскаго, кіевскаго, нѣжинскаго и оренбургскаго купечества по два же человѣка, къ 1 марта 1762 г. Изъ Иркутска нашлись въ Петербургѣ два купца, поэтому и велѣно было ихъ употребить для слушанія, не высылая новыхъ депутатовъ отъ этого города. Кромѣ того, еще въ прежнее правленіе была составлена коммиссія для составленія лифляндскаго уложенія; а указомъ 31-го августа 1761 г. сенатъ поручилъ малороссійскому гетману „разсмотрѣть статутъ литовскій чрезъ особо опредѣленныхъ для того людей, какіе являлись въ немъ недостатки оные пополнить, напротивъ того, излишки исключить, также и въ Кіевѣ тѣ законы, по коимъ тамошніе граждане, мѣщанство, посполитые и другаго званія люди судомъ и прочимъ распоряженіемъ содержатся, разсмотрѣть же, и если донынѣ какими коммиссіями чего къ тому не сочинено или сочиняемо было, да неокончено, то все оное сочинить за надлежащимъ объясненіемъ и единственнымъ положеніемъ, какъ чему быть, и оное все съ депутатомъ, который бы могъ дать о всемъ потребное изъясненіе, прислать въ сенатъ". Коммиссіи и депутатамъ не удалось начать своихъ трудовъ при Елизаветѣ. Екатерина II, указомъ 13 января 1763 года, распустила по домамъ собранныхъ депутатовъ, потому что предварительныя работы не были еще окончены.

Трудно было правительству знать нужды и потребности народа, когда оно не знало ни государственной территоріи, ни народонаселенія. Собираніе географическихъ свѣдѣній, народныя переписи представляютъ очевидное доказательство неестественнаго положенія дѣлъ. Многое, чему положилъ начало великій преобразователь, было пренебрежено и забыто его недостойными преемниками. Екатерина II должна была начать сызнова. При академіи наукъ былъ профессоръ географіи Винсгеймъ (ум. въ 1753 г.) и географическій департаментъ, издавшій въ 1745 г. атласъ Россійской имперіи въ 19-ти картахъ, причемъ, по замѣчанію Ломоносова, далеко не воспользовались всѣми матеріалами, находившимися подъ рукой. Ломоносовъ сильно заботился объ исправленіи атласа. Онъ требовалъ снаряженія астрономической экспедиціи для опредѣленія широтъ и долготъ важнѣйшихъ мѣстъ въ Россіи, безъ чего нельзя сочинить исправ-

наго атласа. Проектъ Ломоносова опредѣлялъ время, нужное для исполненія этой экспедиціи, въ 1 годъ и 16 недѣль. Экспедиція должна была раздѣлиться на три части. Одна осмотрѣла бы западную и юго-западную Россію, другая юго-восточную, третья сѣверную и часть средней Россіи. Планъ не былъ приведенъ въ исполненіе по разнымъ причинамъ. Нѣсколько полезнѣе было другое средство для полученія географическихъ извѣстій, хотя замѣтимъ, что планъ Ломоносова, неисполненный тотчасъ, послужилъ, однако же, основаніемъ для астрономическихъ трудовъ академіи при Екатеринѣ Великой. Въ 1759 г., по требованію Ломоносова, академія предложила сенату потребовать для составленія новаго атласа свѣдѣній со всей имперіи. Въ январѣ 1760 г. разосланы были во всѣ мѣста вопросы академіи съ сенатскимъ указомъ. Этихъ вопросовъ было 30. Они касались положенія мѣстностей, названія городовъ и селеній, состоянія ихъ промышленности, ярмарокъ, и т. п. Указомъ предписывалось во всѣхъ городахъ, по полученіи этихъ вопросовъ, опросить знающихъ городскихъ жителей и крестьянъ, чего не можно узнать черезъ разспросы, для узнанія посылать нарочныхъ, измѣрять разстояніе, отвѣчать по мѣрѣ того, какъ будутъ собираться свѣдѣнія, и т. п. Планъ Ломоносова и въ этомъ отношеніи былъ очень обширный; онъ хотѣлъ составить карты промышленности, сверхъ картъ географическихъ. Кромѣ того, академія просила синодъ доставить свѣдѣнія о монастыряхъ, церквахъ и имѣніяхъ. Хотя на первое требованіе академіи синодъ отвѣчалъ было, что и самъ не имѣетъ о томъ извѣстія, однако же скоро начали получаться отвѣты. Это побудило Миллера, сдѣлавшагося инспекторомъ классовъ шляхетскаго корпуса, чрезъ правленіе корпуса разослать также 30 вопросовъ съ тою же цѣлью и также съ сенатскимъ указомъ отъ 19-го декабря 1760 г. Въ теченіе 7-ми лѣтъ въ академіи накопилось большое число отвѣтовъ, хотя на многіе вопросы и изъ многихъ мѣстъ не было прислано никакихъ извѣстій. При Елизаветѣ академія еще не могла воспользоваться этими отвѣтами, потому что разсылка вопросовъ была только за годъ съ небольшимъ до ея кончины. Только въ 1771 г. изданы были, на основаніи полученныхъ свѣдѣній, топографическія извѣстія, служащія для полнаго географическаго описанія Россійской имперіи. Изданы были 4 книжки 1-го тома, содержащія въ себѣ описаніе Московской губерніи. Въ нихъ находимъ мы нѣсколько довольно любопытныхъ данныхъ и для царствованія Елизаветы, потому что часть отвѣтовъ относится къ ея времени. Состояніе географическихъ извѣстій о Россіи всего лучше характеризуется словами Бакмейстера, издателя топографическихъ извѣстій (см. предисловіе, стр. 3). Мы видѣли, какъ трудно было снять карту и описаніе Запорожья, несмотря на повтореніе распоряженій объ этомъ и несмотря на то, что карта Дебоскета была довольно удачнымъ опытомъ. Кромѣ Рычкова „Топографіи Оренбургскаго края", мы не находимъ никакихъ сколько-нибудь систематическихъ описаній частей Россіи. Не менѣе сбивчивы и неточны

были свѣдѣнія правительства и о числѣ народонаселенія. Лучшимъ и единственнымъ средствомъ была, разумѣется, ревизія; но способы произведенія ея были самые несовершенные. Сколько-нибудь точныхъ свѣдѣній нельзя было получить, несмотря на всѣ усилія правительства, которое и само было еще весьма неопытно въ этомъ отношеніи. Сверхъ того не всѣ жители государства входили въ ревизію, имѣвшую цѣлью собираніе подушнаго, а дополнить показанія ревизіи не было возможности. Нѣкоторымъ оправданіемъ можетъ служить развѣ неточность собираемыхъ свѣдѣній и въ наше время. Чтобы показать, чего мы въ правѣ требовать отъ правительства за 100 лѣтъ тому назадъ, я приведу любопытный примѣръ офиціальныхъ свѣдѣній нашего времени. Въ „Матеріалахъ для статистики Россійской имперіи", издаваемыхъ статистическимъ отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ, по донесеніямъ епархіальныхъ начальствъ за 1835 годъ разночинцевъ числилось 3.507,772 обоего пола православнаго исповѣданія. Въ свѣдѣніяхъ, изданныхъ министерствомъ финансовъ въ 1836 году, разночинцевъ всѣхъ вѣроисповѣданій было всего 138,651. Послѣ этого легко можно представить себѣ, какая точность могла быть при Елизаветѣ Петровнѣ, къ царствованію которой мы и вернемся. Въ высшей степени замѣчателенъ докладъ сената отъ 17 сентября 1742 г. Тамъ высказано полное сознаніе невѣдѣнія правительства о настоящемъ состояніи государства и о неимѣніи нужныхъ свѣдѣній. Во время сильной нужды правительства въ деньгахъ оно не имѣло средствъ собирать подати. Сверхъ огромныхъ недоимокъ, многія волости и деревни отказывались платить что-нибудь за пустотой, а повѣрить ихъ не было возможности. По одному уѣзду Переяславля-Залѣсскаго показана въ сенатѣ пустота въ 68 помѣщичьихъ деревняхъ. Правительству оставалось обращаться за свѣдѣніями къ духовенству, имѣвшему болѣе всего средствъ доставить точныя мѣстныя свѣдѣнія, но и тутъ не нашли помощи. На запросъ въ синодъ о вѣдомостяхъ полученъ отвѣтъ, что и въ присылкѣ такія вѣдомости не изъ всѣхъ епархій, да и тѣ разныхъ годовъ. Если сенатъ, по свидѣтельству Шаховскаго, не могъ истребовать вѣдомостей изъ подвѣдомственной ему коммиссіи, находившейся въ самомъ Петербургѣ, когда въ интересахъ этой коммиссіи было избѣжать контроля, понятно, какъ должны были отбиваться отъ показаній мѣста отдаленныя. Докладъ говоритъ: „Многія души приписываемыя въ городахъ разныхъ чиновъ людей къ городскимъ ихъ дворамъ, за которыми деревень нѣтъ, и послѣ того оныя люди, за кѣмъ души написаны, померли и въ другія безвѣстныя мѣста отбыли и дворы ихъ запустѣли и только мѣста остались..., наслѣдниковъ кто послѣ тѣхъ людей, за кѣмъ души написаны, остались ли неизвѣстно, и гдѣ тѣ за ними души написаны невѣдомо". Далѣе: „Между оными есть такіе, за кѣмъ души написаны къ домамъ, и дворовъ ихъ, гдѣ они жили, не отыскано". Далѣе: „А нѣкоторые помѣщики и съ людьми своими выѣхали, а куда неизвѣстно; земли ихъ

лежатъ впустѣ, и никто ими ни владѣетъ; а между тѣмъ и такіе есть помѣщики, за которыми записаны души, что и владѣнія ихъ въ тѣхъ мѣстахъ въ дачахъ не бывало, и гдѣ тѣ помѣщики, никто не вѣдаетъ". То же сказано о стрѣльцахъ, разночинцахъ, мушкатерахъ и т. п. Сборъ податей останавливался за *пустотою* и незнаніемъ, гдѣ находятся тѣ, которые подлежатъ подати, и сколько ихъ. Собрать болѣе точныя свѣдѣнія необходимо было для финансовыхъ цѣлей. Сенатъ требовалъ генеральной переписи и періодическаго повторенія ея черезъ каждыя лѣтъ 15. Вслѣдствіе этого состоялся извѣстный указъ 16 декабря 1743 г. о произведеніи генеральной переписи во всемъ государствѣ мужеска полу душамъ. Изъ переписи исключены были завоеванные города, астраханскіе и уфимскіе татары, башкирцы и сибирскіе ясачные иноземцы. Въ каждую губернію посланъ былъ одинъ изъ генералитета. Того же 16-го декабря 1743 г. была подписана инструкція ревизорамъ, напечатанная въ январѣ слѣдующаго года. Ревизорамъ предписано было брать значительные штрафы за утайку ревизіи подлежащихъ людей и за тѣхъ, которые явятся безъ паспортовъ. Послѣ многихъ дополнительныхъ указовъ, опредѣлявшихъ подробности и сомнительные случаи въ производствѣ ревизіи, а также и мѣры для предупрежденія и наказанія за умышленное утаеніе подлежащихъ подати душъ, 2-ая ревизія была окончена, и съ 1747 г. на основаніи ея начали сборъ податей. Подробныхъ свѣдѣній о результатѣ ея мы не имѣемъ. Извѣстно только показаніе или перечневая вѣдомость о числѣ жителей Архангелогородской губерніи, помѣщенная въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1841 г. (Т. III, отд. геогр. и стат. Россіи, стр. 283). Изъ нея узнаемъ мы, что ревизія окончена въ февралѣ 1749 г. и продолжалась 5 лѣтъ. Сверхъ того, извѣстно валовое показаніе, именно по 2-й ревизіи мужеска пола оказалось въ Россіи 6.643,335 душъ податныхъ сословій. 25 ноября 1761 г. обнародованъ былъ указъ о произведеніи новой ревизіи. На этотъ разъ не было посылаемо особыхъ ревизоровъ, а собираніе свѣдѣній возложено было на мѣстное управленіе. Срокъ окончательной подачи вѣдомостей назначенъ въ декабрѣ 1762 года. Результатомъ было 7.363,348 душъ мужскаго пола, хотя и приказано было прежнимъ еще распоряженіемъ подавать сказки и о числѣ женскаго пола. Разумѣется, показанія 2-й и 3-й ревизіи не даютъ точнаго понятія о настоящей величинѣ народонаселенія. Въ предѣлахъ Россійской имперіи далеко не всѣ жители вошли въ перепись. Много инородцевъ, напримѣръ, остались неперечисленными. Въ Малороссіи первая перепись сдѣлана уже при Екатеринѣ Великой, именно въ 1764 г. Нужно читать у Конисскаго, какъ она производилась въ Малороссіи, а по актамъ П. С. З., которые свидѣтельствуютъ объ упорной утайкѣ душъ въ областяхъ Россіи, можно догадываться, что ревизоры 2-й переписи дѣйствовали въ томъ же духѣ, какъ и при произведеніи переписи въ Малороссіи, тѣмъ болѣе, что при третьей ревизіи правительство отмѣнило посылку

особыхъ ревизоровъ. По показанію Шафонскаго, перепись 1764 г. показала въ Малороссіи 1.024,023 душъ муж. пола. Относительно Запорожья правительство должно было удовольствоваться свѣдѣніемъ, доставленнымъ самимъ Кошемъ, о которомъ мы уже говорили. Важность ревизіи состояла преимущественно въ болѣе точномъ опредѣленіи подушныхъ сборовъ и въ прикрѣпленіи лицъ, не имѣвшихъ опредѣленнаго состоянія и мѣста жительства.

Намъ слѣдуетъ перейти къ изображенію промышленнаго и торговаго состоянія Россіи, но прежде считаемъ необходимымъ остановиться на одномъ явленіи большой важности, не оставшемся безъ вліянія и на развитіи нашего промышленнаго быта. Одною изъ цѣлей ревизіи было опредѣленіе сословныхъ правъ и мѣста жительства множества лицъ, подлежащихъ подати и между тѣмъ отбывавшихъ отъ нея, равно какъ и отъ всѣхъ другихъ обязательствъ. Никогда, можетъ быть, бѣгство крестьянъ не являлось въ такихъ огромныхъ размѣрахъ. Въ самыхъ правительственныхъ актахъ, сверхъ общихъ распоряженій, мы находимъ драгоцѣнныя числовыя показанія, которыхъ напрасно бы стали искать въ другихъ источникахъ. Числовыя показанія правительства, при несовершенствѣ собиранія свѣдѣній и при безсиліи центральнаго контроля, часто даже и мѣстнаго, очевидно, должны быть не совсѣмъ точны; но эта неточность можетъ быть лишь съ одной стороны. Числа могутъ быть меньше дѣйствительности, но не могутъ быть больше ея. Слѣдовательно, мы должны принимать ихъ за minimum; но и этого minimum слишкомъ довольно, чтобы показать всю великость зла. Бѣгство крестьянъ было вѣчнымъ протестомъ противъ этого состоянія, въ которое еще въ прошлыхъ столѣтіяхъ обратило свободныхъ земледѣльцевъ правительство. Пока будетъ существовать это ненормальное состояніе, протестъ естественъ и будетъ продолжаться въ большей или меньшей степени. Но были и еще причины, которыя дѣлали бѣгство особенно сильнымъ и общимъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. Первая общая ревизія, произведенная при Петрѣ I, окончательно сгладила еще существовавшее различіе между разноправными обрабатывателями помѣщичьихъ и другихъ земель: всѣ они были признаны крѣпостными. Такимъ образомъ первою ревизіей произведено было окончательное прикрѣпленіе къ землѣ, и крѣпостное право получило послѣднее опредѣленіе. Подобное же стремленіе объединять подъ общимъ именемъ и правами крѣпостныхъ и тѣхъ немногихъ лицъ, которыя еще жили на чужихъ земляхъ, не подходя подъ этотъ общій уровень, замѣтно и въ распоряженіяхъ относительно второй общей ревизіи, то-есть при Елизаветѣ. Очевидно, это еще больше увеличивало число бѣглецовъ, а средства къ безнаказанному бѣгству были самыя легкія во время безурядицы отъ смерти Петра до вступленія Елизаветы, а также и при слабомъ, безхарактерномъ правленіи этой государыни. Прибавимъ къ этому бироновщину, самоуправство большихъ и малыхъ времен-

щиковъ, слабость центральнаго управленія и т. п., и огромное число бѣглыхъ станетъ вполнѣ естественно. Бѣгство было всеобщимъ, а не мѣстнымъ явленіемъ. Только сѣверная полоса Россіи представляетъ исключеніе; но тамъ сохранялись подъ именемъ черносошныхъ крестьянъ послѣдніе остатки свободныхъ земледѣльческихъ общинъ, сохранившихся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже до нашего времени. Изъ средней и южной Россіи, гдѣ эти общины были задавлены крѣпостнымъ правомъ, во всѣ стороны стремились бѣглецы. Желаніе воли было такъ сильно, что его не могли остановить никакія пожертвованія. Передъ этою настойчивою потребностью умолкала врожденная русскому человѣку антипатія къ нѣмецкому племени. Нужно было въ статьяхъ мирнаго трактата съ Швеціею помѣстить требованіе о взаимной выдачѣ бѣглыхъ, хотя тутъ полной взаимности не могло быть. Еще въ 1740 году была учреждена особая коммиссія для отыскиванія и разбора русскихъ бѣглецовъ въ Лифляндіи и Эстляндіи и лифляндскихъ бѣглыхъ въ Россіи (№ 9023 и 9300). Указомъ 6-го октября 1753 г. (№ 10139) уничтожена была эта коммиссія, потому что „ожидаемаго успѣха чрезъ тѣ коммиссіи и понынѣ не получено". Изъ Лифляндіи и Эстляндіи выслано бѣглыхъ только 1,125 душъ и „хотя, сказано въ указѣ, по присланнымъ изъ реченныхъ коммисcій вѣдомостямъ оныхъ бѣглыхъ въ Финляндіи и Эстляндіи еще остается не малое число, однакожъ отъ тѣхъ губерній въ невысылкѣ бѣглыхъ въ отговорки представлено, что за неровнымъ возвращеніемъ бѣглыхъ (въ Лифляндію изъ Россіи выслано всего 45 душъ обоего пола, а въ Эстляндію 104 души) тамошнимъ публичнымъ и приватнымъ мызамъ причинится великое раззореніе". Главное стремленіе бѣглецовъ было, впрочемъ, не на западъ. Обѣтованною землей для русскихъ крестьянъ были южныя степи Запорожья и Малороссіи, польская граница, Пермь, Оренбургъ, Астрахань и наконецъ вся Сибирь. Тамъ былъ просторъ для предпріимчивости, гарантія въ безопасности отъ поисковъ и преслѣдованій прежнихъ владѣльцевъ. Чтобы понять, какъ много должно было бѣжать изъ имѣній, достаточно указать, что въ двухъ губерніяхъ, Бѣлогородской и Воронежской, однодворцевъ и другихъ служилыхъ людей, изъ которыхъ ландмилиція содержится, показано въ бѣгахъ 10,423 человѣка (см. № 8836 инструкціи посланнымъ для вновь учиненія ревизіи 16-го декабря 1743 г.). На польской границѣ были устроены въ черниговскихъ раскольничьихъ слободахъ сборныя мѣста для бѣглецовъ въ Польшу. Цѣлыми семьями они проводились тайно за границу. Бывшій управитель двухъ черниговскихъ слободъ, Халкидонскій, доноситъ сенату, „что крестьяне для перехода въ Польшу только малое пребываніе въ слободахъ имѣютъ", но и не всѣ изъ нихъ оставались въ Польшѣ. Часть, побывши тамъ нѣсколько времени, выходила обратно на границу, пользуясь не разъ повторяемымъ вызовомъ нашего правительства, обѣщавшаго выходцамъ изъ Польши прощеніе и льготы. Одни изъ этихъ выходцевъ „для единой вольности,

по словамъ Халкидонскаго (т. XV, № 11208), укрываясь отъ помѣщиковъ, въ раскольническія слободы записываются", не будучи, впрочемъ, раскольниками; другіе селились въ Новой Сербіи или около крѣпости св. Елизаветы въ Новослободскомъ поселеніи. Донесеніе Халкидонскаго вполнѣ оправдывается докладомъ сената отъ 16-го сентября 1749 г., гдѣ сенатъ, требуя генеральной ревизіи, говоритъ, что „Смоленской губерніи многое число за рубежъ въ Польшу вышло и вывезено не только числомъ людей, но и цѣлыми деревнями". Запорожье по своему характеру могло наполниться только бѣглецами и выходцами, искавшими прежде всего личной свободы. Здѣсь правительство не могло предпринять ничего для остановки бѣглецовъ; ихъ находимъ также въ казачьихъ донскихъ городахъ (т. XIII, № 9632). Бѣглецами наполнялись степи Астраханской и Оренбургской губерній и пермскіе заводы. Особенно любопытно показаніе объ Астрахани. „Увѣдомились мы, сказано въ именномъ указѣ сенату отъ 14-го марта 1745 г. (№ 9125), при ревизіи въ Астрахани явились многіе изъ подлыхъ, объявляющіе о себѣ, что не знаютъ своихъ помѣщиковъ, ни того, гдѣ родились, которыхъ по указамъ о ревизіи высылать оттоль велѣно въ Петербургъ на поселеніе, а иные подлые люди по привычкѣ жить кругомъ Астрахани отъ той высылки бѣгутъ въ Пермь и бусурманятся, также въ степи на кубанску сторону на р. Куму и на бухарскую сторону за Яикъ, и тамъ, промысломъ звѣринымъ питаясь, звѣрски въ отчаяніи живутъ". Ничто не можетъ лучше характеризоватъ этой жажды воли. Бѣглецы русскіе и въ Остзейскихъ провинціяхъ, въ Польшѣ, въ Пруссіи, даже въ Турціи оставались вѣрны религіи отцовъ; надобно было, чтобъ положеніе ихъ было слишкомъ отчаянное, когда они рѣшились лучше бусурманиться, чѣмъ воротиться къ помѣщикамъ. Правительство должно было отступить отъ своихъ распоряженій, и въ томъ же именно указѣ императрица предлагаетъ: „Не лучше ли будетъ записать ихъ въ перепись и поселить по р. Волгѣ на пустыхъ мѣстахъ, которыя никакой пользы будучи пустыми не приносятъ, а поселенные во всякомъ случаѣ потребны". Астрахань привлекала къ себѣ значительную часть бѣглыхъ. Въ 1757 г. въ Тамбовскомъ и Козловскомъ уѣздахъ обнаружились волненія между крестьянами. Они бѣжали, забирая пожитки и лошадей. За Волгой устроены были землянки, и поселившіеся тамъ бѣглые объявили, что будутъ принимать у себя всякихъ прихожихъ людей. Здѣсь, слѣдовательно, начинало образовываться такое же общество, какъ и въ Черниговскихъ слободахъ. Между крестьянами пущенъ былъ слухъ, что въ Царицынѣ и Камышинѣ велѣно принимать всѣхъ бѣглыхъ для приписки къ казенному шелковому заводу, что для принятія бѣглыхъ опредѣленъ майоръ Парубучъ, и крестьяне явно шли туда. Правительство должно было разосланнымъ повсюду сенатскимъ указомъ 13 января 1758 г. (№ 10791) объявить лживость этихъ слуховъ, которые ласкаютъ вольностью простой народъ, и приказать ловить разглашателей этихъ слу-

ховъ и подвергать ихъ строгому наказанію. Важно также оффиціальное показаніе о числѣ бѣглыхъ на горныхъ заводахъ. Горнымъ заводчикамъ постановленіемъ Анны Ивановны было опредѣлено: сколько должно было приписывать къ заводамъ крестьянъ, именно на каждую доменную печь сто дворовъ, да къ двумъ молотамъ по 30 дворовъ, итого 160 дворовъ, полагая по 4 души мужскаго пола на дворъ. Въ мѣдныхъ заводахъ на каждые 1000 пуд. выплавляемой чистой мѣди положено имѣть по 50 дворовъ или по 200 мужскихъ душъ. Въ 1753 г. оказалось (т. XIII, № 10131), что по этому расчету при заводахъ Сибирской и Казанской губерній должно было быть только 8,362 души, между тѣмъ какъ ихъ было въ наличности 25,627, слѣдовательно, 17,265 душъ лишняго противъ дозволенной пропорціи; изъ нихъ 8,377 душъ пришлыхъ, въ томъ числѣ на 7 заводахъ Акинфія Демидова пришлыхъ и не помнящихъ родства 4,124 сверхъ приписанныхъ вѣчно въ 1736 г., пришлыхъ же 2,604. Бергъ-коллегія, донося о томъ сенату, требовала приписанія излишнихъ противъ пропорціи крестьянъ къ казеннымъ заводамъ, которые терпѣли недостатокъ въ рабочихъ, и въ этомъ смыслѣ и состоялся сенатскій указъ 12-го августа 1753 г. Еще знаменательнѣе сенатскій указъ 30-го декабря 1755 г. Тамъ сказано, что на заводахъ Акинфія Демидова пришлыхъ изъ разныхъ губерній послѣ ревизіи 1724 г. показано 6,852 души. Сенатъ опредѣлилъ: съ казенныхъ сибирскихъ заводовъ пришлыхъ послѣ ревизіи 1724 г. по вѣдомостямъ и по 2-й общей ревизіи показано 2,357 душъ; ихъ не высылать. Съ партикулярныхъ сибирскихъ и пермскихъ заводовъ Акинфія и Никиты Демидовыхъ, барона Строганова, Петра и Гаврилы Осокиныхъ такихъ же пришлыхъ 4,493 души также не высылать. Причины выставлены слѣдующія. Такое число бѣглыхъ трудно выслать на мѣсто ихъ жительства безъ огромныхъ конвоевъ; они разойдутся по лѣсамъ, или уйдутъ за границу. Примѣръ оставленія бѣглыхъ поданъ уже въ Астрахани, гдѣ, по объявленіи, что правительство оставляетъ ихъ въ Астрахани, тотчасъ же 3000 бѣглецовъ явились и всѣ самохотно обязались платить 40-алтынный подушный окладъ. Бѣглецы, живши на заводахъ, отставъ уже отъ пашни, и не уживутся, и уйдутъ опять сами въ Сибирь, да еще подговорятъ съ собой и другихъ, а въ Сибири могутъ быть безъ платежа подушныхъ. Кромѣ того, сенатъ принялъ еще въ соображеніе, что Сибирская губернія, которую сенатъ считаетъ между прочимъ *не весьма великой обширности* (XIV, стр. 495), требуетъ заселенія пустыхъ мѣстъ, что заводы приносятъ большую пользу государству, а высылкой пришлыхъ людей „распространенные только заводы въ опустошеніе приведены быть могутъ". Вслѣдствіе этого и позволено было окончательно оставить при заводахъ всѣхъ бѣглыхъ, запретивъ только строго принимать новыхъ.

О бѣглыхъ въ Оренбургской губерніи мы уже говорили. Для полноты картины не будетъ, однако же, лишнимъ дополнить сказанное. Въ докладѣ

своемъ сенату (Т. XII, № 9,006) Неплюевъ пишетъ: „Всѣ крестьяне, что ихъ ни есть въ Исетской провинціи, не суть тамошніе природные, но сходцы изъ разныхъ мѣстъ; ибо при строеніи сибирскихъ слободъ, по указамъ изъ Тобольской приказной палаты, велѣно было тѣ слободы населять изъ вольныхъ, прихожихъ и гулящихъ людей, почему всѣ тѣ по большей части или едва не всѣ помѣщичьими населены". Въ 1741 г. по вѣдомостямъ оказалось такихъ сходцевъ, въ Оренбургскихъ крѣпостяхъ записанныхъ въ службѣ, 5,154 ч. По осмотру въ сентябрѣ 1747 г. (№ 9501) вновь присланныхъ, оказалось не помнящихъ родства и помѣщиковъ 711, подлежащихъ точно въ подушный окладъ, за исключеніемъ малолѣтнихъ и дряхлыхъ. Подобно бергъ-коллегіи, Неплюевъ требовалъ, чтобы позволено было не выдавать прежнимъ владѣльцамъ этихъ бѣглецовъ, уже давнымъ-давно поселившихся въ Оренбургскомъ краѣ. Точно также онъ указывалъ, что въ случаѣ ихъ высылки слободы опустѣютъ, „также и казенныхъ, для Оренбургской губерніи столь нужныхъ отправленій исполнить будетъ некѣмъ; ибо въ нихъ, какъ выше упомянуто, большая часть бѣглыхъ наберется". Правительство должно было уважить представленіе Неплюева. Въ отдаленныхъ областяхъ Сибири не было возможности узнать хотя приблизительно число бѣглецовъ. Мы не находимъ въ современныхъ актахъ общаго числа бѣглецовъ. Для сравненія можно привести только справку, сдѣланную въ 1742 г. сенатомъ съ вѣдомостями военной коллегіи. Должно замѣтить, что податные люди приписаны были къ арміи, и сборъ съ нихъ шелъ на содержаніе войска (Т. XI, № 8619). По показанію военной коллегіи въ 1729 г. въ теченіе времени отъ 1719 по 1727 г. бѣглыхъ было 198,876 мужчинъ, число огромное, особенно если предположить, какъ и слѣдуетъ, что неточность могла быть въ уменьшеніи, а не въ увеличеніи дѣйствительнаго числа бѣглыхъ. Съ 1727 года нисколько не измѣнились главныя обстоятельства, способствовавшія побѣгамъ, а слѣдовательно, трудно предполагать значительное уменьшеніе числа бѣглецовъ. Разсматривая современные правительственные акты, нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ выгодъ отъ этихъ побѣговъ. Бѣглецами населились украйны Россіи, чрезъ нихъ колонизація русскаго племени проникала далеко среди инородцевъ и должна была могущественно дѣйствовать на распространеніе между ними первыхъ началъ промысловъ и хлѣбопашества. Бѣглецами держались наши заводы въ сѣверо-восточномъ углу Россіи и въ Сибири. Не забудемъ, что эти новые колонисты были самою энергическою, предпріимчивою частью сельскаго населенія Россіи. Малодушный и слабый духомъ покорно склонялся подъ условія крѣпостного права, смѣлый уходилъ въ астраханскія степи или въ лѣса Сибири. Говоря о бѣглецахъ, мы беремъ одну только часть, оставляя въ сторонѣ бѣглыхъ раскольниковъ, хотя, собственно говоря, между ними была тѣсная связь, что мы могли уже замѣтить въ донесеніи Халкидонскаго. Въ полномъ свѣтѣ связь между этими двумя проте-

стами высказалась въ Пугачевщинѣ, гдѣ дикія страсти разыгрались на просторѣ, гдѣ на объявленіе, что самозванецъ жалуетъ бородою и вольностью, отозвалось почти все населеніе восточной Россіи. Говоря о бѣглыхъ въ царствованіе Елизаветы Петровны, мы должны заключить, что далеко не всѣ бѣглецы стремились искать на русскихъ украйнахъ новыхъ мѣстъ для поселеній. Естественно, что часть ихъ должна была остаться по близости прежнихъ мѣстъ; одни, какъ мы знаемъ изъ правительственныхъ распоряженій по ревизіи, искали вольной работы на фабрикахъ и заводахъ внутри Россіи, иногда въ самомъ Петербургѣ или въ Москвѣ. Другіе разрывали всѣ связи съ обществомъ, становились разбойниками. Разбои были необходимымъ слѣдствіемъ такого повсемѣстнаго общаго явленія, каково было бѣгство крестьянъ; и средствъ къ заведенію тайныхъ притоновъ, къ укрывательству отъ поисковъ было много. Назадъ тому 100 лѣтъ самыя природныя условія страны были не совсѣмъ тѣ же, что теперь, когда болѣе сжатое населеніе, сильное развитіе земледѣльческой и фабричной промышленности во многомъ совершенно измѣнило ихъ. Правда, и въ царствованіе Елизаветы мы находимъ нѣсколько указовъ, запрещающихъ истреблять лѣса, особенно около большихъ городовъ, но въ то же время въ топографическихъ извѣстіяхъ, основанныхъ на свѣдѣніяхъ, доставленныхъ или въ самомъ концѣ ея царствованія, или нѣсколько позже, мы находимъ, напримѣръ, что въ Клинскомъ уѣздѣ Московской провинціи встрѣчались еще олени и дикія козы (Т. I, стр. 36), что въ Муромскихъ лѣсахъ Владимірской провинціи водились еще лоси (стр. 135). При такихъ условіяхъ разбои должны были являться въ большихъ размѣрахъ. И дѣйствительно, въ офиціальныхъ актахъ мы находимъ замѣчательныя извѣстія. Не съ однимъ ножемъ или кистенемъ разбойничалъ по большимъ дорогамъ бѣглый крестьянинъ или солдатъ, не въ одиночку или малыми шайками отправляли они свое кровавое ремесло (Т. XII, № 9020). Въ 1744 г. доносилъ директоръ китайскаго каравана Лобратовскій, ѣхавшій, видно, изъ Москвы въ Сибирь, что на него до самой Казани чинимы были нападенія отъ разбойниковъ и что онъ едва пушками могъ спасти свое судно; что во время плаванія по Окѣ онъ встрѣтилъ на дорогѣ болѣе 50 разбитыхъ и пограбленныхъ судовъ, на которыхъ людей имѣлось человѣкъ 60 и многое число наѣзжалъ раненыхъ. До самаго Вышняго Волочка являлись разбойничьи партіи. 7-го сентября 1744 г. состоялся именной указъ сенату объ искорененіи воровъ и разбойниковъ; во всѣ губерніи отправлены особые сыщики съ военными командами; по рѣкамъ пѣшіе отряды на судахъ, конные разъѣзды по дорогамъ, должны были ловить злодѣевъ. Того же числа подписана подробная инструкція сыщикамъ (Т. XII, №№ 9025, 9026 и 9027). Въ тотъ же день подписана и инструкція штабъ-офицерамъ, посланнымъ по губерніямъ для производства слѣдствій надъ прежними сыщиками. Въ 1756 г. доносилъ съ Волги майоръ Бражниковъ, что имѣлъ онъ бой съ

разбойниками, въ которомъ убито изъ его команды 27 человѣкъ, а ранено 5, а изъ разбойниковъ убиты до смерти эсаулъ и еще до 5 человѣкъ, а живыхъ получить не могъ, ибо при нихъ находились пушки и весьма вооружены; да казанскій сыщикъ майоръ Ермолаевъ поймалъ въ Чебоксарахъ одного разбойника, который показалъ съ пытки, что одна разбойничья партія ниже Чебоксаръ на Волгѣ на 2 лодкахъ съ 6 пушками и 50 человѣками должна была въ ночь на 28-го мая сухимъ путемъ и водою явиться въ Чебоксары, а онъ съ 2 товарищами посланъ былъ зажечь городъ; что другая также вооруженная партія стоитъ на 2 лодкахъ въ Окѣ выше Нижняго; что всѣ партіи должны были соединиться въ Нижнемъ Услонѣ и идти до Астрахани, дѣйствуя общими силами. (Т. XIV, № 10,571). Для разбойниковъ мало было явиться въ многолюдныя селенія Хованскаго или Шереметева (въ Сузд. уѣздѣ), перебить тѣхъ, кто пытался сопротивляться, сжечь строенія, забрать помѣщичьи оброчныя деньги и крѣпости на крестьянъ, какъ они это сдѣлали въ 1744 г. (Т. XII, № 9,026); въ 1756 г. доносила Алатырская провинціальная канцелярія, при которой находилось 96 человѣкъ солдатъ, правда, безъ ружей съ одними копьями и рогатинами, что въ ночь на 3-е марта вошли въ Алатырь разбойники, разбили провинціальный магистратъ и взяли соляного сбора денежной казны 949 р.; что по рѣкѣ Сурѣ весной они разбиваютъ и грабятъ казенныя и частныя суда, чиня многія смертныя убійства и грабительства; что часто подаются явочныя прошенія въ разбояхъ и пожарахъ. Алатырская канцелярія требовала присылки 100 ружей, шпагъ и пороху для вооруженія находящихся при ней солдатъ, потому что въ Алатырѣ не было крѣпости, а она боялась новаго нападенія (Т. XIV, № 10,612). Не въ одной восточной половинѣ Россіи разбои принимали такой опасный характеръ, хотя тамъ Волга съ ея притоками, дремучіе лѣса и отдаленность правительственнаго центра, разумѣется, должны были особенно благопріятствовать безнаказанности. Мы видѣли, что въ 1744 г. партіи разбойниковъ доходили водою до Вышняго Волочка. Въ именномъ указѣ 22 октября 1759 г. сказано: „Извѣстно намъ, что во многихъ провинціяхъ, и особенно въ Московской и около Новгорода, великіе разбои завелись и ужасные грабительства, какъ проѣзжающимъ, такъ и живущимъ по деревнямъ помѣщикамъ чинятся“. (Т. XV, № 11,001). Сенатъ указомъ 11 октября 1761 г. приказалъ главному сыщику Новгородской и Смоленской губерній, полковнику Коптеву, командировать комплектную роту въ Новгородъ, да и самому съ командой расположиться ближе къ этому городу, чтобы прекратить разбои. Правительство усилило отрядъ Бражникова на Волгѣ. Кромѣ сыщиковъ и штабъ-офицеровъ, для слѣдствія надъ старыми сыщиками были еще разосланы другіе штабъ и оберъ - офицеры для отысканія бѣглыхъ солдатъ, матросовъ, рекрутъ, которые наполняли собою разныя шайки. Уже изъ самыхъ наказаній правительства, изъ строгихъ мѣръ, принимаемыхъ имъ,

можно видѣть, какъ велико было зло. Въ то же время можно замѣтить, какъ мало имѣло правительство силъ для его прекращенія. Разбои, какъ уже замѣчено, составляютъ естественное дополненіе бѣгства крестьянъ. Бѣглецы дѣлились. Одни шли въ степи и дальнія мѣста добывать себѣ вольнымъ трудомъ кусокъ хлѣба, приписывались къ заводамъ, поступали въ рыболовныя ватаги, или сѳлились на земляхъ, отведенныхъ правительствомъ, и принимали служебныя и подушныя повинности, стараясь только уничтожить возможность возврата къ прежнимъ владѣльцамъ. Другіе остались около прежнихъ жилищъ и кроваво мстили обществу за лишеніе воли.

Перейдемъ къ торговому и промышленному состоянію Россіи. Здѣсь мы найдемъ лучшее доказательство того, что движеніе, приданное развитію Петромъ Великимъ, шло впередъ, несмотря на всѣ препятствія. Въ самомъ дѣлѣ, если безпрестанно измѣнявшіяся постановленія правительства сегодня запрещали то, что было позволено вчера, но что будетъ позволено опять завтра, если монополіи и запретительныя мѣры въ интересахъ сильныхъ временщиковъ, если отсутствіе общественныхъ гарантій не загубили только что зародившуюся промышленность, значитъ она успѣла пустить глубокіе корни въ почву. Мы видимъ медленный, сдерживаемый, но постоянный прогрессъ. Чтобъ показать, какъ велики были монополіи, остановимся на привилегіяхъ, данныхъ Петру Ивановичу Шувалову и другимъ, и на нѣкоторыхъ общихъ распоряженіяхъ, относительно различныхъ отраслей промышленности. 25 іюня 1742 г. состоялось высочайше утвержденное опредѣленіе сената объ отобраніи у барона Шемберга рудныхъ мѣстъ въ Лапландіи и Гороблагодатскихъ заводахъ, также сальныхъ и китоловныхъ промысловъ, которыми онъ пользовался, какъ монополистъ, на привилегіяхъ, данныхъ ему еще при Петрѣ Великомъ. Въ этомъ сенатскомъ постановленіи подробно доказано, что „Шембергъ не исполнилъ кондицій, что онъ отъ тѣхъ казенныхъ отданныхъ ему заводовъ вмѣсто прибыли оказалъ казнѣ не малый убытокъ, и уже заводовъ содержать стало нечѣмъ; а съ вышеписанныхъ отданныхъ ему Гороблагодатскихъ и Лапландскихъ заводовъ по обязательству своему ничего въ казну не платилъ, да и въ плавкѣ мѣди на Лапландскихъ заводахъ не было, а съ сальныхъ и рыбныхъ промысловъ что надлежало въ казну платилъ ли, того и неизвѣстно, и сверхъ того казенныхъ денегъ не малую сумму за срокомъ не платилъ". Вслѣдствіе того, заводы были взяты въ казенное вѣдомство до тѣхъ поръ, пока въ содержаніе охочимъ къ тому надежнымъ людямъ съ приращеніемъ казенной прибыли отданы будутъ. Скоро, впрочемъ, всѣ эти заводы перешли въ руки самовластнаго временщика, который болѣе, чѣмъ баронъ Шембергъ, могъ дѣйствовать безнаказанно своекорыстно. 6-го іюля 1748 г. именнымъ указомъ отданы были имѣющіеся у города Архангельска и въ Колѣ сальные промыслы, „для лучшаго тѣхъ промысловъ произведенія и приращенія казеннаго

интереса“, графу П. Шувалову и женѣ его и наслѣдникамъ на 20 лѣтъ. Затраченные изъ казны на заготовленіе сала и моржевой кожи 6,000 р. были пожалованы ему за вѣрныя службы (т. XII, № 9,515). Для Шувалова сдѣлана была и другая льгота: „А понеже при тѣхъ промыслахъ содержаны были Грунландскіе китоловные промыслы, которые сначала во все время не только пользу приносили, но и не малый казенный убытокъ причинили, а для того оные Грунландскіе промыслы отъ вышеупомянутыхъ исключаются, развѣ онъ, графъ Шуваловъ, самъ пожелаетъ ихъ производить“. Отдача этихъ промысловъ Шувалову не была еще стѣснительна для промысловъ Бѣломорскихъ; но за первымъ указомъ слѣдовали другіе. П. И. Шуваловъ былъ дѣятеленъ въ изысканіи способовъ къ увеличенію своего богатства, а довѣріе императрицы позволяло ему забирать въ свои руки монополію на счетъ свободной промышленности. Указомъ 19 января 1750 г. (т. XIII, № 9,701) было запрещено брать съ товаровъ, для Бѣломорской компаніи Шувалова, всякія другія пошлины, кромѣ положенныхъ 5 коп. съ рубля. Февраля 1-го того же года (т. XIII, № 9,705) состоялся стѣснительный для промышленниковъ указъ, которымъ объявлялось въ Архангельской и Новгородской губерніяхъ, что сало, ворванье и кожи провозятся и продаются вольными промышленниками помимо компаніи графа Шувалова, отвозя ихъ въ разныя мѣста, между прочимъ въ Остзейскіе порты и хотя „чрезъ то имъ такая же плата и прочее удовольствіе чинится, однако для распространенія вышеписанныхъ сальныхъ промысловъ и приращенія высокаго е. и. в. интереса“ запрещается, подъ опасеніемъ конфискаціи товаровъ, продавать сало и кожи постороннимъ, помимо приказчиковъ Шувалова. „Буде же промышленники за дальностью къ Архангельскому и по неимѣнію у нихъ способныхъ къ тому судовъ везти тѣхъ своихъ товаровъ не пожелаютъ, то для лучшаго ихъ удовольствія въ тамошнія мѣста изъ конторы его имѣютъ быть посыланы съ готовыми деньгами для покупки оныхъ товаровъ прикащики“. 23-го марта 1750 же года, по донесенію Шувалова, что и продажа трески вольными промышленниками по морскому берегу также мѣшаетъ дѣйствіямъ его компаніи, а оттого и интересу ея императорскаго величества въ сборѣ таможенныхъ пошлинъ уповательно есть умаленіе, сенатъ призналъ невыгоды вольныхъ промысловъ и вольной продажи и указомъ запретилъ продажу трески помимо конторы Шувалова и его приказа (№ 9,723).

Въ то время, когда строго запрещалось провозить соль даже изъ Запорожья и Малороссіи, Бѣломорской компаніи Шувалова разрѣшено было выписывать изъ-за моря для соленія трески отъ 300 до 500 пудовъ испанской и французской соли (указъ 4-го сентября 1750 г. № 9796). Указомъ 11-го марта 1753 г. (т. XIII, № 10,076) объявлено, что въ Ригу прибыло судно съ полнымъ грузомъ трески, ловленной въ Колѣ (слѣдовательно, доставленной изъ Бѣломорской компаніи Шувалова), ко-

торая „добротою превосходитъ привозимой понынѣ изъ Бергена трески жъ, коя частью здѣсь расходитъ, частью же въ сосѣдственныя мѣста покупается, и потому ежели бы привозъ изъ Бергена и изъ другихъ иностранныхъ мѣстъ этой трески запрещенъ, а напротивъ того, одну только ловленную въ Колѣ треску жъ привозить позволено было, чтобъ оттого высочайшему ея императорскаго величества интересу не малое приращеніе и коммерціи быть, потому что не токмо деньги за такой изъ чужестранныхъ мѣстъ привозимый товаръ уже здѣсь въ землѣ останутся, но и пошлина за ту привозимую изъ Колы рыбу равномѣрно жъ платима будетъ и тѣмъ внутренній торгъ извѣстно увеличится". Сенатъ запретилъ привозъ иностранной трески и интересами многочисленныхъ потребителей пожертвовали корыстолюбію Шувалова. Указомъ 6-го октября 1750 г. запрещено было и рыбнымъ промышленникамъ Ладожскаго озера продавать ворванье и сало кому бы то ни было, кромѣ приказчиковъ графа Шувалова. Марта 26-го 1753 г. разрѣшено для приказчиковъ Бѣломорской компаніи Шувалова ѣздить на судахъ въ Карское море, въ Обскій и Тазовскій заливы, строить магазины и вести торгъ съ инородческими племенами; для огражденія купечества запрещено было только приказчикамъ Шувалова ѣздить внутрь земли далѣе 25 верстъ отъ морского берега, хотя устройство по берегамъ магазиновъ съ хлѣбомъ, котлами, топорами, однимъ словомъ, всѣми товарами, удовлетворяющими неприхотливому требованію инородцевъ, дѣлало эти ограниченія почти лишними (№ 10083). Указомъ марта 6-го 1751 г. отданъ Шувалову тюленій промыселъ въ Астрахани и на всемъ Каспійскомъ морѣ, съ запрещеніемъ вольнымъ промышленникамъ продавать свою добычу помимо его конторы.

Это были прямыя стѣсненія со стороны знатныхъ монополистовъ, а сколько было косвенныхъ, которыхъ разгадку надобно искать не въ офиціальныхъ актахъ, а въ частныхъ запискахъ и извѣстіяхъ! Отъ личнаго произвола, отъ своекорыстія временщиковъ зависѣла участь той или другой отрасли народной промышленности. Укажемъ на записки Шаховскаго, гдѣ объяснены поступки Шувалова и особенно на его разсказъ о производствѣ суконъ (I, 131—137). И большая часть мѣръ была вызвана подобными же побужденіями. Было бы слишкомъ долго останавливаться на разныхъ распоряженіяхъ, изъ которыхъ многія мѣнялись частью совершенно въ противоположномъ смыслѣ. Приведемъ общія мѣры и нѣкоторыя частныя. Указомъ 13-го марта 1744 г. предписано было русскимъ фабрикантамъ бархатовъ и прочихъ матерій клеймить свои произведенія для обозначенія, въ какомъ городѣ и въ какой именно фабрикѣ они дѣланы. То же подтверждено указомъ 12-го августа 1753 г., подъ опасеніемъ штрафа за неисполненіе этого указа. 27 іюля 1744 г. состоялся высочайше утвержденный докладъ сената о возонобновленіи права фабрикантовъ покупать деревни къ фабрикамъ. 12-го марта 1752 г. указомъ сената опре-

дѣлено, сколько дозволяется имѣть прикупныхъ крестьянъ при фабрикахъ и заводахъ. Мы уже имѣли случай замѣтить, по поводу бѣглыхъ на горныхъ заводахъ, какъ превышало число наличныхъ заводскихъ крестьянъ указную пропорцію. Указъ 2-го марта вызванъ подобною же несоразмѣрностью, оказавшеюся на игольной фабрикѣ Рюминыхъ, гдѣ излишнихъ крестьянъ оказалось около 2 тысячъ. Постановленія о числѣ душъ, положенныхъ при желѣзныхъ заводахъ, намъ уже извѣстны. На другихъ заводахъ и фабрикахъ казенная пропорція опредѣлена слѣдующая (№ 9954): къ каждому стану бархатныхъ, штофныхъ и т. п. матерій съ переборами приписываются по 16 душъ мужескаго пола; къ станамъ для матерій безъ переборовъ по 12 душъ, къ суконнымъ по 42, къ каразейнымъ по 15 (въ указѣ № 10,147 положено по 30), къ полотнянымъ по 12, къ шляпному лучку по 30 душъ, а женскаго пола сколько при мужьяхъ обрѣтаться будетъ. Изъ нихъ предписывалось употреблять на дѣйствительную фабричную работу на шелковыхъ фабрикахъ 1/4 часть, на суконныхъ, полотняныхъ и прочихъ фабрикахъ 1/3 часть, а прочихъ оставлять при крестьянскихъ работахъ. Бергъ-и мануфактуръ-коллегіи обязаны были „крѣпкое смотрѣніе имѣть, дабы они, заводчики и фабриканты, излишними крестьянами, яко по ихъ званію непринадлежащимъ интересомъ, подъ видомъ заводовъ и фабрикъ пользоваться случая не имѣли". Указомъ 5-го ноября 1753 г. разрѣшалось покупать фабрикантамъ крестьянъ безъ земли въ число указной пропорціи (№ 10,147). 22-го октября 1758 г., сенатъ, по представленію князя Трубецкаго, потребовалъ у мануфактуръ-коллегіи и ея конторы и у главнаго магистрата общаго ихъ мнѣнія, что должно почитать за фабрику и мануфактуру, и что за одно рукодѣліе и мастерство, потому что отъ смѣшенія этихъ понятій происходили многія злоупотребленія и стѣсненія для простого народа, напримѣръ, привилегированные фабриканты запрещали всякую вольную выдѣлку, именно набоекъ низшаго сорта, шляпъ мужицкихъ и т. п. (№ 10,910). Присланное еще въ 1753 г. мнѣніе мануфактуръ-коллегіи было такое, что „всякія мастерства, по большей части почитаются за фабрики, черезъ что у мастеровыхъ, какъ крестьянъ, такъ и промышляющихъ тѣмъ людей, пропитаніе отнято быть можетъ". Есть запрещеніе учреждать огнедѣйствующіе заводы въ разстояніи меньше 200 верстъ отъ Москвы, въ видахъ сбереженія лѣсовъ. Съ тою же цѣлью воспрещено было устроивать фабрики и заводы вблизи С.-Петербурга. Сенатскимъ указомъ 13-го декабря 1761 приказано было предоставить самимъ фабрикантамъ вывозъ изъ-за границы иностранныхъ мастеровъ, которые прежде нанимались черезъ русскія посольства въ Парижѣ, Лондонѣ и другихъ столицахъ Европы. Указомъ 27 іюля 1760 г. предписано было приписанныхъ къ частнымъ заводамъ и фабрикамъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ не считать вѣчно собственностью тѣхъ заводовъ. Указомъ 15-го октября 1751 г. опредѣлено, чтобы „ни-

кто без дозволенія мануфактуръ-коллегіи никакихъ фабрикъ заводить и производить и тѣмъ настоящимъ фабрикантамъ въ размноженіи ихъ фабрикъ помѣшательства чинить и производить не дерзали; а кто какую фабрику завесть и производить пожелаетъ, тѣмъ просить позволенія отъ мануфактуръ-коллегіи".

Относительно горныхъ заводовъ замѣтить слѣдуетъ постановленіе 16-го апрѣля 1744 г.: по представленію губернатора Неплюева и бригадира Аксакова, сенатъ разрѣшилъ отдать находившійся въ Уфимской провинціи казенный негодный Табынскій мѣдный заводъ сибирскому купцу Ив. Твердышеву, несмотря на то, что соискателями его явились дѣйств. ст. сов. Акинфій Демидовъ, знаменитый въ исторіи нашей горнозаводской промышленности, а также богатый промышленникъ Петръ Осокинъ (т. XII, № 8921). Неплюевъ настоялъ на отдачѣ завода Твердышеву и не ошибся въ своемъ выборѣ. Въ „Топографіи Оренбургскаго края" Рычкова, напечатанной въ 1762 г., показано въ Оренбургской губерніи 5 мѣдныхъ и 2 желѣзныхъ завода, принадлежащихъ компанейщикамъ Ив. Твердышеву и Ив. Мясникову, находившихся въ полномъ ходу въ 1760 г., и два желѣзныхъ вновь устроенныхъ завода. Тамъ же найдемъ мы и характеристику дѣятельности Твердышева, *начинателя* этого дѣла, какъ называетъ его Рычковъ. Табынскій казенный заводъ перенесенъ былъ на другое мѣсто, получивъ названіе Воскресенскаго, въ 90 верстахъ отъ прежняго мѣста на р. Торгвѣ. Поселеніе русскихъ промышленниковъ и заведеніе заводовъ среди башкирскаго населенія встрѣчало большія препятствія. Твердышевъ съ товарищами, не жалѣя ни труда, ни иждивенія, повелъ дѣло такъ ловко и честно, что башкирцы, почитавшіе поселеніе на своихъ земляхъ нарушеніемъ вѣковыхъ правъ собственности, полюбили ихъ, считали ихъ хозяевами и „не только никакихъ помѣшательствъ и препятствій ни въ чемъ имъ не чинили, но и сами, узнавъ свойство рудъ, изъ награжденія имъ объявлять стали; а многіе изъ платы и возкою на заводъ руды промышлять вознамѣрились". Какъ въ Сибири, такъ и въ Оренбургскомъ краѣ русскіе заводчики дѣйствовали по указанію старинныхъ копей, носившихъ у простого народа названіе Чудскихъ, памятниковъ какой-то погибшей цивилизаціи неизвѣстнаго народа, не оставившаго въ исторіи ничего, кромѣ могилъ и этихъ копей. Октября 13-го 1753 г. состоялся весьма замѣчательный указъ относительно горныхъ заводовъ Оренбургской губерніи (т. XIII, № 10141). По свидѣтельству посланнаго горнаго чиновника и мѣстнаго начальства, нельзя было не убѣдиться въ процвѣтаніи частныхъ заводовъ и въ ихъ превосходствѣ надъ казенными, находившимися въ завѣдываніи своекорыстныхъ чиновниковъ. Правительство должно было прійти къ этому сознанію и высказало его въ этомъ указѣ. „Башкирцы, сказано тамъ, съ оными партикулярными заводчиками такъ уже хорошо обошлись, что сами руды сыскиваемыя приносятъ и возкою на ихъ заводы съ рудни-

ковъ разработанныхъ рудъ и отдачей имъ въ оброки своихъ земель и угодій охотно промышляютъ и пользуются, а нѣкоторые и продажею къ тѣмъ заводамъ изъ своихъ вотчинъ землей и угодьями по добровольнымъ договорамъ способствуютъ... и такъ оное порядочно происходитъ, что отъ Башкирцевъ никакихъ жалобъ и отъ заводчиковъ неудовольствія не бывало; напротивъ того, оный же башкирскій народъ, по смѣжности его съ Екатеринбургскимъ вѣдомствомъ, довольно знаетъ, на какомъ основаніи тамошніе казенные заводы содержатся". Сенатъ приказалъ во всей Оренбургской губерніи казенныхъ желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ не заводить, а крайнее стараніе прилагать размножать такіе заводы партикулярнымъ людямъ. Вслѣдъ за Твердышевымъ явились дворяне: Демидовъ, Строгановъ, Шуваловы и другіе. Всего въ Оренбургской губерніи въ 1760 г. было уже 28 желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ. Даже возстаніе Батырши не уничтожило этой промышленности. 25-го мая 1754 г. обнародованъ былъ сенатскій указъ (т. XIV, № 10243), во всеобщее свѣдѣніе, которымъ вызывались „желающіе въ Сибирской губерніи и Иркутской провинціи искать рудъ и каменія; тѣмъ позволялось во всѣхъ тамошнихъ мѣстахъ, какъ на собственныхъ, такъ и на чужихъ земляхъ, искать, копать, плавить и чистить всякіе металлы, сирѣчь: злато, сребро, мѣдь, олово, свинецъ и желѣзо, такожде и минералловъ, яко селитра, сѣра, купоросъ, квасцы и всякихъ красокъ и каменія". Нашедшимъ предписывалось только испрашивать позволенія на постройку заводовъ. Того же дня публикованъ указъ бергъ-коллегіи, разрѣшающій подобные поиски и въ Оренбургской губерніи. Къ сожалѣнію, мѣры правительства не всегда отличались послѣдовательностью. Какъ скоро замѣшивался интересъ вліятельнаго лица, дѣло принимало другой оборотъ. Такъ въ 1753 г. правительство созналось въ превосходствѣ частныхъ заводовъ передъ казенными, въ большей отъ нихъ выгодѣ для государства и запретило заводить казенные мѣдные заводы во всей Оренбурской губерніи. Черезъ годъ съ нѣсколькими мѣсяцами мы находимъ мѣру о запрещеніи вывоза мѣди за границу и объ умноженіи казенныхъ мѣдныхъ заводовъ. Причина заключалась въ томъ, что П. И. Шуваловъ, начальникъ коммиссіи для передѣлки мѣдной монеты, извлекавшій изъ этого огромныя денежныя выгоды и не дававшій отчета сенату, находилъ для себя несравненно выгоднѣе имѣть дѣло съ казенными заводами, нежели съ частными промышленниками. Въ 1747 г. отобраны были въ казну Колывано-Вескресенскіе, Барнаульскіе и Шульбинскій заводы умершаго Акинфія Демидова. Въ 1757 г. ноября 14-го (т. XIV, № 10779) мы находимъ новый замѣчательный указъ сената, а въ приложеніи еще болѣе любопытное донесеніе главнаго судьи монетной канцеляріи Шлаттера. Шлаттеръ пишетъ о нерчинскихъ серебро и золото содержащихъ заводахъ, что серебряныя руды „казеннымъ коштомъ пріискивать и добывать не столь способно, какъ партикулярными людьми, которые для себя

гораздо проворнѣе и прилежнѣе поступаютъ и больше рудъ находятъ и добываютъ, ибо за казенными рудоискателями надлежащее смотрѣніе имѣть никакъ невозможно, и не много сыщется такихъ рачительныхъ собственною совѣстію, чтобы безъ крайняго, такъ вѣрнаго, какъ хозяйскаго, за ними наблюденія, хотѣли, по пустымъ мѣстамъ въ горахъ и въ лѣсахъ пріискивая рудъ, трудиться". Шлаттеръ приводитъ въ примѣръ пермскіе казенные заводы. „Пока при оныхъ, говоритъ онъ, рудопромышленниковъ учреждено и пріохочено не было, по то время мѣдныхъ рудъ про одинъ малый заводъ недовольно было казенными рудоискателями и горными служителями, сколько о томъ не старались, находить не могли, да и жители около тѣхъ пермскихъ заводовъ руднаго промысла боялись и ненавидѣли слышать о рудахъ, и смертная опасность тогда предлежала подлымъ людямъ говорить про руду, чтобы ихъ не убили; но когда партикулярный рудный промыселъ учрежденъ, и люди къ тому пріохочены и въ обычное оное дѣло вошло, то безчисленное множество рудъ мѣдныхъ найдено, и всѣ жители около тѣхъ пермскихъ заводовъ съ перехваткою другъ отъ друга въ тотъ рудный промыселъ обратились, и столько на заводы навожено рудъ рудопромышленничьимъ партикулярнымъ коштомъ, что нынѣ уже на 5-ти заводахъ и съ прибавленными на нихъ плавиленными печами переплавлять не успѣваютъ, а казенная рудъ добыча оставлена вовсе; а горные служители изъ Перми переведены и употреблены къ сибирскимъ золотымъ промысламъ". Шлаттеръ предлагалъ на всѣхъ серебряныхъ и золотыхъ пріискахъ употреблять вольныхъ промышленниковъ, ссужая ихъ изъ казны деньгами и всячески поощряя. Сенатъ призналъ представленіе Шлаттера совершенно основательнымъ и издалъ указъ, по которому опредѣлилъ производство поисковъ черезъ вольныхъ промышленниковъ, и всѣ серебряные заводы отчислилъ отъ вѣдомства бергъ-коллегіи. Представленіе Шлаттера замѣчательно, какъ чрезвычайно умное и основательное соображеніе всѣхъ невыгодъ существовавшаго тогда управленія. 4-го октября 1760 г. опредѣлено было бергъ-коллегію перевести въ Петербургъ, а нерчинскимъ и екатеринбургскимъ серебрянымъ и золотымъ заводамъ, а также и Воицкому золотому руднику (открытому въ нынѣшней Олонецкой губерніи въ 1745 и разрабатывавшемуся до 1794 г.) быть опять въ вѣдомствѣ бергъ-коллегіи.

Относительно фабрикъ льняныхъ и бумажныхъ издѣлій замѣтимъ указъ 29-го ноября 1743 г., которымъ строго подтверждался Петровскій указъ, запрещавшій выдѣлку узкихъ полотенъ и предписывавшій извѣстную ширину для холста, съ цѣлью болѣе успѣшнаго сбыта нашихъ издѣлій за границу. Въ 1745 г. новымъ указомъ было отмѣнено это запрещеніе и предоставлена была свобода въ изготовленіи полотенъ всякой мѣры. Правительство поняло, что стѣсненіе такой важной промышленности, какъ льняная, вредно и что контроль невозможенъ, потому что при-

готовленіе полотенъ производилось не на фабрикахъ, а по домамъ. Въ 1757 г. выдана была привилегія иностранкѣ Терезіи изъ Брюсселя для основанія въ Петербургѣ или Москвѣ фабрики нитяныхъ кружевъ, добротою противъ брабантскихъ. Ей позволено было купить у помѣщиковъ до 500 женщинъ и до 200 мужчинъ, дано было заимообразно 20,000 р. безъ процентовъ на 10 лѣтъ и въ теченіе того же времени запрещено заводить другія такого же рода фабрики. „Что же слѣдуетъ до дѣланія въ домахъ, также и въ монастыряхъ, въ томъ запрещенія не чинить, а можетъ она то преодолѣвать добротою дѣланныхъ на ея мануфактурѣ" (т. XIV, № 10,759). Оговорка эта вызвана стѣснитель ными для частной промышленности притязаніями шляпныхъ и ситцевыхъ фабрикантовъ (№ 10,910), упомянутыми уже выше Относительно химическихъ, мыловаренныхъ, оружейныхъ и литейныхъ заводовъ въ царствованіе Елизаветы Петровны нѣтъ почти никакихъ постановленій и свѣдѣній. Находимъ только инструкцію 1751 г. для отливанія въ Олонецкомъ и Кончозерскомъ заводѣ чугунныхъ досокъ для дворца и Воскресенскаго дѣвичьяго монастыря, а также для варенія купороса. Вообще въ царствованіе Елизаветы Петровны болѣе находимъ поощрительныхъ мѣръ для фабрикъ, удовлетворявшихъ искусственнымъ потребностямъ роскоши и моды, нежели для болѣе скромныхъ, но несравненно болѣе полезныхъ отраслей народной промышленности. Въ этомъ отношеніи прямая противоположность съ дѣятельностью великаго Петра. Только изрѣдка встрѣтишь нѣкоторыя мѣры, почти вынужденныя или прежними подобными же мѣрами, или необходимостью, или чисто случайныя. Яснаго взгляда на развитіе народной промышленности не было у государственныхъ людей того времени. Взглядъ ихъ съ необыкновенною ясностью и проницательностью видѣлъ только ихъ личную выгоду, чему примѣръ мы видѣли въ дѣятельности П. И. Шувалова. Кому было заботиться о невидныхъ основахъ народнаго состоянія? Въ 1742 г. приказано было присутственнымъ мѣстамъ брать писчую бумагу съ русскихъ фабрикъ у тѣхъ фабрикантовъ, которые будутъ ставить и дешевле и лучше, нежели старый фабрикантъ Затрапезный, пользовавшійся привилегіей. Въ 1743 г. дана была привилегія купцу Постовалову на основаніе въ Воронежѣ бумажной фабрики. Есть нѣсколько постановленій о смольчужныхъ и селитряныхъ заводахъ. Въ 1757 г. устроены въ Малороссіи казенные смольчужные заводы (№ 10,709). Въ 1744 г. запрещено было заводить селитряные заводы за линіей укрѣпленій малороссійской границы, въ видахъ безопасности отъ татаръ. Въ 1750 г. отданы были астраханскіе селитряные заводы, основанные при Петрѣ Великомъ майоромъ Молоствовымъ, въ вѣчное содержаніе купцу Кобякову. Производство мѣдныхъ и желѣзныхъ издѣлій находилось большею частью при самыхъ горныхъ заводахъ, оттого въ 1755 г. и приказано было, по случаю возникшаго сомнѣнія, считать эти фабрики, находящіяся при заводахъ, въ вѣдомствѣ бергъ- а не мануфактуръ-коллегіи. Многіе заводы

особенно занимались выдѣлкой изъ собственной руды разныхъ издѣлій. Въ 1756 г. сдѣлано было распоряженіе о размноженіи въ Россіи стальныхъ и желѣзныхъ фабрикъ по примѣру находящихся въ Штиріи. Мы не знаемъ, были ли какія-нибудь слѣдствія отъ этого распоряженія. Въ слѣдующемъ царствованіи находимъ новые указы о томъ же. Нѣсколько болѣе распоряженій относительно стеклянныхъ заводовъ. Въ 1747 г. приказано было уничтожить такіе заводы на разстояніи отъ Москвы менѣе 300 верстъ въ мѣстахъ, не имѣющихъ водной коммуникаціи. Въ 1755 г. переведены стеклянные заводы изъ Петербурга въ Ямбургъ. Оба распоряженія сдѣланы были въ видахъ сбереженія лѣсовъ около обѣихъ столицъ. Въ 1752 г. дано было позволеніе и вспоможеніе знаменитому Ломоносову на основаніе фабрики мозаическихъ вещей, бисеру, стеклярусу и т. п. Въ 1760 г. была основана извѣстная и до сихъ поръ стеклянная и хрустальная фабрика Мальцова. Болѣе всего мѣръ находимъ относительно суконной и шелковой промышленности. Въ 1743 году воронежскій купецъ Постоваловъ получилъ привилегію на основаніе въ Воронежѣ суконной фабрики. Стараніями князя Шаховскаго, бывшаго въ то время кригсъ-коммиссаромъ, постановка суконъ на русскую армію, бывшая до того времени въ рукахъ англичанина Вульфа, закупившаго въ свою пользу русскихъ вельможъ, отдана была русскимъ фабрикантамъ, а это много содѣйствовало развитію нашей суконной промышленности. Въ 1745 году сенатскимъ указомъ предписано было мануфактуръ-коллегіи наблюдать за усовершенствованіемъ суконныхъ издѣлій, потому что первая поставка русскихъ суконъ въ казну оказалась не совсѣмъ удовлетворительною. Въ 1752 году отдана была въ вѣчное владѣніе купцу Матвѣеву казенная суконная Путиловская фабрика съ обязательствомъ, чтобы эта фабрика „въ пользу государственную размножена была сильною рукою", и чтобы Матвѣевъ ставилъ въ первые же три года по 30,000 аршинъ сукна въ годъ, а потомъ по 50,000 въ казну. 20-го апрѣля 1759 г. состоялся весьма важный для суконныхъ фабрикантовъ указъ сената, по которому предписывалось брать у нихъ деньги изъ суммъ, слѣдующихъ имъ изъ казны, вмѣсто рекрутъ съ приписныхъ къ фабрикамъ крестьянъ. Рекрутскій наборъ иногда лишалъ фабрикантовъ лучшихъ мастеровыхъ, а, сверхъ того, влекъ за собою всякаго рода притѣсненія со стороны губернскаго начальства, взысканія, личное задержаніе и т. п., не говоря уже о взяткахъ. Для шелковой промышленности важно уже было постановленіе 13 апрѣля 1744 г. (№ 8919), которымъ разрѣшалось армянамъ, индійцамъ и бухарцамъ безпрепятственно заводить въ Астрахани фабрики и заводы, свободно отправлять свое богослуженіе и судиться по ихъ прежнимъ законамъ. Но, кромѣ того, были и другія поощренія. Въ 1742 г. подтверждена привилегія, данная армянину Ширванову съ товарищами, на заведеніе въ Астрахани и въ Кизлярѣ шелководства, сѣяніе сарачинскаго пшена и хлопчатой бумаги и на устроеніе фабрики шелковыхъ матерій.

Въ 1744 г. мануфактуръ-коллегіи предписано было заботиться объ усовершенствованіи шелковыхъ издѣлій и, какъ одно изъ средствъ, предписывалось клейменіе фабричною печатью каждаго куска матеріи. Въ 1747 г. даны были нѣкоторыя преимущества армянину Макарову, содержателю шелковыхъ мануфактуръ и заводовъ и принятому въ русское подданство. Въ 1758 дано было позволеніе и надежда на вспоможеніе 30-ю т. руб. иностранцу Миллеру, для заведенія въ Петербургѣ фабрики шелковыхъ чулковъ. Шелковые фабриканты получали разнаго рода облегченія и поощренія. Торговля шелкомъ покровительствовалась. Купцы, продававшіе шелкъ на фабрики, не платили пошлинъ. Иногда само правительство закупало шелкъ для нашихъ фабрикантовъ. Содержатели шелковыхъ фабрикъ получили право вызывать изъ-за границы рисовальныхъ и красильныхъ мастеровъ. Черезъ таможни пропускали безъ пошлины итальянскій и персидскій шелкъ, выписывали фабрикантовъ и т. д. Въ 1760 г. состоялось дозволеніе Шемякину о безпошлинномъ ввозѣ и вывозѣ изъ Россіи всѣхъ сортовъ шелка и другихъ товаровъ, нужныхъ для шелковыхъ фабрикъ. Покровительствомъ правительства пользовались также шляпныя и шпалерныя фабрики. Въ 1744 году сданъ былъ вольнымъ компанейщикамъ казенный шляпный заводъ Московской губерніи, находившійся въ совершенномъ разстройствѣ, и заключенъ былъ съ ними договоръ на поставку шляпъ для арміи. Въ 1747 г. для покровительства шляпной фабрики московскихъ фабрикантовъ Черникова и Сафьянщикова апрещено вывозить изъ Россіи бобровый пухъ, привозить въ Россію иностранныя шляпы и дѣлать въ Москвѣ и въ Московскомъ уѣздѣ шляпы, кромѣ какъ на ихъ фабрикѣ. Потомъ даны были привилегіи петербургскимъ шляпнымъ компанейщикамъ, Сокольникову и Боткину. Впослѣдствіи правительство, въ видахъ защиты низшаго класса производителей и потребителей со стороны шляпныхъ фабрикантовъ, принуждено было запретить заводить фабрики, привилегированныя для шляпъ низкой доброты, и предоставить выдѣлку ихъ каждому желающему. Относительно шпалерныхъ фабрикъ находимъ мѣры объ управленіи казенною шпалерною фабрикой, привилегіи англичанину Ботлеру и потомъ еще иностранцу Леману, и т. п. Шпалерныя фабрики удовлетворяли требованіямъ двора и знатнѣйшихъ вельможъ....*)

Мы говорили о домашнемъ воспитаніи въ половинѣ XVIII вѣка, объ иностранцахъ гувернерахъ и дядькахъ, о частныхъ пансіонахъ и т. д. Крайняя недостаточность частныхъ средствъ для образованія должна была обратить на себя вниманіе правительства и вызвать умноженіе государственныхъ заведеній для образованія. Царствованіе Елизаветы исполнило планы Петра Великаго: основаніемъ московскаго университета, московской

---

*) Здѣсь въ рукописи пропущена одна лекція, которая, вѣроятно, была прочитана безъ конспекта.

и казанской гимназій оно составило эпоху въ исторіи русскаго просвѣщенія. Прежде, впрочемъ, чѣмъ перейти къ этому событію, разсмотримъ другія мѣры правительства и состояніе другихъ заведеній, хотя всѣ другія правительственныя распоряженія совершенно теряются въ виду указа объ основаніи университета. Относительно образованія низшихъ классовъ народонаселенія замѣтимъ указъ 7 іюля 1742 г. объ учрежденіи школъ въ Казанской губерніи въ разныхъ мѣстахъ для обученія новокрещенныхъ иновѣрческихъ дѣтей. 18 ноября 1748 г. состоялся указъ объ учрежденіи въ Оренбургѣ, подъ вѣдѣніемъ губернской канцеляріи, особливой школы для обученія и содержанія прижитыхъ ссыльными; 29 декабря 1751 г. объ учрежденіи школъ въ поселеніяхъ сербскаго народа; 13 апрѣля 1752 г. объ учрежденіи на украинской линіи школъ для обученія однодворческихъ и ландмилицскихъ малолѣтнихъ дѣтей. Сюда же относится и указъ 26 окт. 1744 г. о соединеніи въ губерніяхъ и провинціяхъ ариѳметическихъ и гарнизонныхъ школъ въ одно мѣсто и обученіи въ нихъ всякаго чина людей, о бытіи тѣмъ школамъ въ вѣдомствѣ коменданта и о жалованьѣ учителямъ. Еще раньше, именно въ апрѣлѣ 1743 г., состоялся указъ сената, которымъ предписывалось разослать повсюду буквари и катехизисы, внушить приходскимъ священникамъ, чтобы они наблюдали за обученіемъ катехизиса въ своихъ приходахъ, и наконецъ брать штрафъ съ тѣхъ, кто не будетъ обучать своихъ дѣтей катехизису. Штрафъ положенъ за каждаго человѣка съ шляхетства по 10, а съ прочихъ по 2 рубля. Этотъ указъ состоялся вслѣдствіе замѣчанія, что русскіе дворяне обучаютъ своихъ дѣтей только часослову и псалтырю. Къ этимъ же мѣрамъ принадлежатъ: основаніе семинарій для духовенства (напр., въ 1748 г. семинаріи въ Тобольскѣ при архіерейскомъ домѣ), надзоръ за этими духовными училищами и требованіе отъ нихъ вѣдомостей. Другія мѣры имѣли цѣлію удовлетвореніе правительственныхъ потребностей, образованіе спеціальныхъ людей для службы. Такъ, при сенатѣ была школа, гдѣ обучались коллегіи юнкера и дворяне, освобождавшіеся потому отъ дежурства на службѣ. 16-го марта 1753 г. приказано было помѣщать въ артиллерійскую школу малопомѣстныхъ дворянъ въ комплектъ преимущественно передъ тѣми, которые могутъ быть на собственномъ иждивеніи. Въ 1755 году велѣно было находящихся при каммеръ-коллегіи юнкеровъ обучать французскому и нѣмецкому языкамъ въ академіи наукъ. Въ 1753 предписано было въ бергъ-коллегіи обучать горной наукѣ дворянскихъ дѣтей изъ школъ артиллерійской и инженерной. Главнымъ заведеніемъ военнымъ былъ сухопутный шляхетскій корпусъ, основанный по плану Миниха (см. указъ 1731 г.). Отсюда выходили армейскіе и гвардейскіе офицеры; здѣсь получили образованіе нѣкоторые изъ лучшихъ нашихъ полководцевъ: Румянцевъ, Каменскій, Ферзенъ и т. д. Кадеты, обучавшіеся фортификаціи, переходили въ инженерное вѣдомство. Тѣхъ же, которыхъ готовили къ гражданской службѣ, велѣно было при Елизаветѣ

Петровнѣ обучать юриспруденціи и ариѳметикѣ и освободить отъ экзерциціи и наукъ собственно военныхъ. Въ 1752 г. составленъ штатъ морского кадетскаго корпуса. Сдѣлано было также довольно много для образованія медиковъ. Въ 1754 г. вызваны были изъ духовнаго вѣдомства студенты для обученія въ казенныхъ госпиталяхъ медикохирургіи и фармаціи. Находимъ указъ объ отправленіи за границу для усовершенствованія въ медицинскихъ наукахъ. Всѣ эти мѣры, очевидно, клонились къ образованію людей, нужныхъ государству для практическихъ цѣлей. Представителями науки въ ея высшемъ значеніи были двѣ академіи: духовная или славяно-греко-латинская въ Москвѣ и академія наукъ въ Петербургѣ. Остановимся нѣсколько на нихъ. Славяно-греко-латинская, основанная при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ и получившая во второй четверти XVIII вѣка титулъ императорской, представляла въ это время не одно только чисто богословское заведеніе. Здѣсь получали образованіе не одни дѣти духовенства или лица, готовившіяся къ поступленію въ духовное званіе. Въ 1736 г. въ нее, напримѣръ, разомъ поступило 158 дѣтей дворянскихъ, между которыми были дѣти знаменитѣйшихъ фамилій въ государствѣ. Здѣсь были, кромѣ того, подьяческія, канцелярскія, солдатскія дѣти и т. д. Она представляла собою, слѣдовательно, науку въ возможной ея полнотѣ, хотя, разумѣется, съ преобладаніемъ богословскаго направленія. Подъ властью ректора, архимандрита, назначаемаго св. синодомъ, находились 9 классовъ, начиная отъ славяно-русской школы, гдѣ обучали начальному чтенію и письму, и восходя до богословія. Названія классовъ были: фара, инфима, грамматика, синтаксима, піитика, реторика, философія и богословіе. Классъ богословія занималъ 4 года, философіи и реторики по 2 года, піитики и синтаксимы по 1. Весьма немногіе могли въ 12 или 15 лѣтъ пребыванія въ академіи окончить курсъ. Для многихъ курсъ продолжался лѣтъ до 20. Бывали примѣры, что ученики въ классѣ синтаксимы просиживали 10 лѣтъ. Временемъ внѣшняго процвѣтанія былъ 1725 г., когда 629 учениковъ сходилось въ академію. При Елизаветѣ Петровнѣ ихъ было отъ 200 до 280. Почти всѣ они не жили въ зданіяхъ академіи, а получали жалованье. Въ 1745 г. приказано было по новому штату отпускать изъ соляной конторы на содержаніе академіи по 4,450 р. Ученики академіи получали по 3 коп. въ день, студенты философіи и богословія по 4. Ученикъ русской школы вмѣсто денегъ получалъ печеный хлѣбъ изъ хлѣбни, заведенной при синодальномъ домѣ. Вотъ ученый составъ академіи: ректоръ, читавшій и богословіе: это была верховная власть академіи; префектъ, или инспекторъ, на которомъ лежала обязанность надзора за учениками; онъ же обыкновенно читалъ и философію: духовный регламентъ требовалъ, чтобы префектъ былъ „и не весьма свирѣпый, и не меланхоликъ“; два проповѣдника, говорившихъ поученія каждый воскресный и праздничный день въ церкви Заиконоспасскаго монастыря; 6 или 7 учителей. Собственно

академическое ученіе начиналось съ фары, гдѣ учили читать и писать по-латыни; въ инфимѣ преподавали грамматическія правила славяно-русскаго и латинскаго языковъ; въ грамматикѣ первую часть латинской грамматики и всю славянскую. Тутъ же сообщали нѣкоторыя свѣдѣнія историческія и географическія, начинали катехизисъ и ариѳметику. Синтаксима была высшимъ грамматическимъ классомъ; здѣсь же продолжалось ученіе катехизиса, ариѳметики, исторіи и географіи; въ піитикѣ стихотворное ученіе русское и латинское; въ реторикѣ краснорѣчіе; въ классѣ философіи префектъ преподавалъ логику, физику, метафизику и политику. Въ классѣ богословія ректоръ читалъ 4-хъ годичный курсъ богословія. Лекціи были на латинскомъ языкѣ. Схоластика царила въ академіи...

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ИСТОРІИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА XVIII ВѢКА.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

О

Н. И. НОВИКОВѢ.

Въ сборникѣ, издаваемомъ студентами Петербургскаго университета, помѣщено нѣсколько новыхъ подробностей о Н. И. Новиковѣ (вып. I, Библ. зам. по русск. лит.). Въ 19 № *Русскаго Вѣстника* (1857 г.) напечатана статья М. Н. Лонгинова о дѣятельности Новикова и Шварца, и на основаніи матеріаловъ, обнародованныхъ здѣсь въ первый разъ, представлены довольно полныя и обстоятельныя свѣдѣнія объ образованіи, составѣ и средствахъ Дружескаго Общества и Типографической Компаніи. Присоединенныя къ отрывочномъ извѣстіямъ, уже прежде помѣщеннымъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, а также въ *Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго Университета, Словарѣ достопамятныхъ людей* Бантыша-Каменскаго и въ другихъ сочиненіяхъ, новыя статьи значительно облегчаютъ возможность со временемъ представить полное изображеніе дѣйствій и значенія того круга людей, между которыми первое мѣсто занималъ Н. И. Новиковъ, и хотя немного приподнять покровъ таинственности, наброшенный на ихъ общество, какъ самими членами, такъ особенно временемъ и обстоятельствами. Разумѣется, для подобнаго изображенія пока не пришла еще пора. Прежде всего чувствуется сильный недостатокъ въ матеріалахъ, въ данныхъ, которыя далеко еще не собраны и не приведены въ извѣстность. Много любопытныхъ подробностей могутъ открыться впослѣдствіи; нѣкоторые документы неизвѣстны даже и тѣмъ изъ знатоковъ, кто съ особеннымъ вниманіемъ изучаетъ литературныя явленія XVIII вѣка; наконецъ, значительная часть уже имѣющихся подъ руками матеріаловъ не изслѣдована надлежащимъ образомъ. Г. Лонгиновъ, оканчивая свою интересную статью о Новиковѣ, имѣлъ полное право обратиться къ своимъ читателямъ съ слѣдующею просьбой: „они окажутъ услугу исторіи нашего просвѣщенія и нашей гражданственности, если, имѣя какіе бы то ни было документы, касающіеся Новикова и его общества, опубликуютъ ихъ во всеобщее свѣдѣніе. Пора перестать изъ всего дѣлать тайну и губить мало-по-малу остатки преданій и актовъ, объясняющихъ намъ прошедшее". Пока по крайней мѣрѣ большая часть матеріаловъ, находящихся въ рукахъ частныхъ лицъ, которыя иногда не подозрѣ-

ваютъ всей ихъ важности, не будетъ приведена во всеобщее свѣдѣніе, до тѣхъ поръ нельзя оцѣнить литературнаго и практическаго вліянія Новиковскаго общества. Къ матеріаламъ такого рода принадлежатъ: 1) Самые документы, прямо или косвенно относящіеся къ Новикову и его товарищамъ, письма и т. п. 2) Свѣдѣнія о масонскихъ ложахъ въ обѣихъ столицахъ и во многихъ губернскихъ и даже уѣздныхъ городахъ. Тѣсная связь Новикова съ масонами не подлежитъ сомнѣнію, хотя начало ложъ многими годами предшествовало началу его литературной дѣятельности. Изъ записокъ Ивана Владиміровича Лопухина видно, что довольно задолго до преслѣдованій, обрушившихся на Новикова, въ Ярославлѣ существовала ложа подъ покровительствомъ губернатора Алексѣя Петровича Мельгунова. На печати, прикладывавшейся къ бумагамъ казанской ложи *Восходящаго солнца,* обозначено время ея основанія, 1776 годъ. Распространенію ложъ содѣйствовало много то, что правительство не считало ихъ противными общественному порядку. Лопухина очень удивилъ допросный пунктъ, предложенный кн. Прозоровскимъ: гдѣ собирались члены и зачѣмъ скрывались отъ полиціи? Собранія не только не были ни для кого тайной, но для праздничныхъ засѣданій сама полиція присылала команду, чтобы соблюдать порядокъ при разъѣздѣ. Свѣдѣній о провинціальныхъ ложахъ можно найти довольно много въ устныхъ преданіяхъ, не говоря уже о томъ, что часто встрѣчаются самыя бумаги ложъ, хотя преимущественно обрядоваго содержанія. 3) Библіографическія указанія о книгахъ, изданныхъ или непосредственно самимъ Дружескимъ Обществомъ и Типографическою Компаніей, или подъ ихъ вліяніемъ. Правда, бо̀льшая часть сочиненій приведена у Сопикова, но этого весьма недостаточно. Сопиковъ представляетъ одно заглавіе съ обозначеніемъ мѣста и времени печатанія, и только въ немногихъ случаяхъ дѣлаетъ извлеченіе изъ самыхъ книгъ (напримѣръ, Духовный рыцарь). Важно отдѣлить книги, изданныя подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ Новиковскаго общества, отъ всѣхъ остальныхъ, сгруппировать первыя по родамъ, обозначить переводныя и оригинальныя, показать общее ихъ направленіе и взаимную связь, а также и происхожденіе замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ. Иногда простой и даже поверхностный пересмотръ можетъ повести къ довольно любопытнымъ объясненіямъ. Возьмемъ для примѣра одну изъ книгъ, отобранныхъ у Новикова въ 1786 г., которой заглавіе невѣрно приведено въ статьѣ г. Лонгинова: *Карманная книжка для В... К... и для тѣхъ, которые и не принадлежатъ къ числу оныхъ съ присовокупленіемъ:* 1) *изъ высочайшей философіи для размышленія, и* 2) *поучительныхъ изреченій, раздѣленныхъ на три степени. Въ Москвѣ, въ Университетской типографіи у Н. Новикова, 1783 года;*—сравнимъ ее съ книгой, вышедшею изъ той же типографіи три года спустя, именно въ самый годъ осмотра книжной лавки Новикова: *Книга премудрости и добродѣтели или состояніе человѣческой жизни. Индѣйское нравоученіе. Съ ан-*

глійскаго на нѣмецкій, а съ нѣмецкаго на россійскій языкъ переведенное В. П. (Василіемъ Подшиваловымъ). *Москва, въ Университетской типографіи у Н. Новикова*, 1786 года, 3 части,—и мы убѣдимся въ полномъ сходствѣ цѣлыхъ страницъ въ обѣихъ книгахъ. Достаточно сличить 72—76 страницы первой съ 35 — 37 первой части второго сочиненія. Этимъ сближеніемъ объясняется способъ составленія *Карманной книжки.* У букинистовъ среди разнаго хлама попадается иногда маленькая брошюрка, всего въ 16 страницъ, подъ заглавіемъ: *Catéchisme moral pour les vrais F. M.* (Francs-Maçons). 5790. Это не что иное, какъ переводъ масонскаго катихизиса, составленнаго И. В. Лопухинымъ и помѣщеннаго черезъ годъ (5791) въ оригиналѣ при его же сочиненіи *Духовный рыцарь, или ищущій премудрости.* Переводъ появился въ Россіи прежде оригинала. Лопухинъ напечаталъ его по-французски въ типографіи компаніи, отдалъ знакомому книгопродавцу и выдалъ за новую книгу, полученную изъ чужихъ краевъ. Истина относительно происхожденія Catéchisme moral была извѣстна, по словамъ Лопухина, троимъ изъ его короткихъ друзей. Библіографическія замѣчанія могутъ представить нѣсколько указаній на судьбы различныхъ ложъ. Московское общество Новикова подвергалось стѣсненіямъ уже съ 1786 года. Въ апрѣлѣ 1792 г. Новиковъ былъ взятъ и отвезенъ въ Шлиссельбургъ, а князь Трубецкой, И. Тургеневъ и И. Лопухинъ были допрошены княземъ Прозоровскимъ по особеннымъ пунктамъ, присланнымъ изъ С.-Петербурга, и были наказаны ссылкой въ ихъ деревни. Между тѣмъ въ продолженіе этого времени нѣмецкія ложи въ самомъ Петербургѣ дѣйствуютъ свободно, по крайней мѣрѣ печатаютъ свои книги, выставляя открыто годъ и мѣсто печатанія. Такъ напечатаны: *Freymaurerlieder zum Gebrauch einiger g. u. v. Logen. St. Petersburg.* 1789. 48 стр. мал. форм., и *Freymaurerlieder zum Gebrauch der E. Loge Verschwiegenheit in St. Petersburg.* 1792. 96 стр. м. ф. Въ последнемъ сборникѣ заключительная кантата оканчивается хоромъ въ честь императрицы:

Ertöne Freude in heil'gen Chören,
Ertöne laut voll Liebe und Dank!
Heil Dir, Catharina! die wir verehren,
Dein Ruhm sey unser Lobgesang,

Чрезвычайно важны указанія на провинціальную литературу, находившуюся подъ вліяніемъ Новиковскаго общества. Собираніе матеріаловъ на самыхъ мѣстахъ тѣмъ болѣе необходимо, что у Сопикова, очевидно, не внесены въ каталогъ нѣкоторыя изъ провинціальныхъ изданій, въ настоящее время еще болѣе рѣдкія, чѣмъ книги, конфискованныя въ 1786 году въ лавкѣ Новикова.

4) Кромѣ печатныхъ книгъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, существуетъ цѣлая рукописная литература, еще почти не тронутая изслѣдо-

вателями. Мистическія рукописи XVIII и начала XIX столѣтія исчезаютъ изъ оборота еще скорѣе, чѣмъ печатныя книги. Не обращая на себя вниманія любителей и торговцевъ памятниками древней русской письменности, мистическія сочиненія отталкиваютъ отъ себя странными названіями, мало-понятнымъ языкомъ, формулами, и безъ сожалѣнія истребляются владѣльцами. Между тѣмъ рукописная литература—необходимое основаніе печатной; въ первой очень часто встрѣчаются произведенія, не успѣвшія или не могшія сдѣлаться достояніемъ послѣдней, и въ томъ числѣ нѣкоторыя весьма любопытныя. Не говоримъ о переписываніи уже съ печатнаго или о такихъ рукописяхъ, какъ *Гермеса Трисмегиста познаніе естества и открывающагося въ немъ великаго Бога, въ 17 книгахъ содержащееся* и проч.; *сочинено Алеѳофиломъ,* или: *Совершенное понятіе о Гермесовой философіи, или сокращеніе умозрительности и дѣятельности камня философскаго* и т. д.; гораздо важнѣе переводы и извлеченія изъ нѣмецкихъ и англійскихъ мистиковъ и теософовъ. Болѣе всего встрѣчаются переводы изъ Якова Бема, его комментатора Порденжа (Pordage), изъ Тайлера. Въ рукописныхъ же сборникахъ попадаются нерѣдко пѣсни, пѣвшіяся въ собраніяхъ мистиковъ, стихотворенія, а также и сочиненія такого рода, какъ *Матеріалы для каменьщиковъ. (Введеніе. Часть I. Орденъ. Что̀ онъ былъ? что̀ есть? что̀ быть можетъ? Часть II. Работа надъ дикимъ камнемъ. Часть III. Успокоеніе).* Полный обзоръ рукописной и печатной литературы мистическаго содержанія необходимъ для составленія сколько-нибудь яснаго понятія о характерѣ дѣятельности и средствъ Новиковскаго общества, и г. Лонгиновъ, обращаясь къ читателямъ съ просьбой о доставленіи матеріаловъ, кажется, напрасно не обозначилъ точнѣе, какого рода матеріалы онъ желалъ бы имѣть въ рукахъ. Разумѣется, всего приличнѣе было бы помѣщать библіографическія указанія, по необходимости отрывочныя, въ особомъ сборникѣ или журналѣ русской библіографіи, котораго недостатокъ начинаетъ сильно чувствоваться въ наше время *).

---

*) Библіографическіе поиски могутъ повести къ открытію новыхъ литературныхъ данныхъ. Не знаю, извѣстенъ ли библіографамъ слѣдующій сборникъ, относящійся, впрочемъ, уже къ позднѣйшему времени. *Hymnes et cantiques pour la R.* □ *des Amis Réunis à l'O. de St.-Pétersbourg à Jérusalem l'an 5810* (1810) *de L. V. L.* Съ нотами, 56 стран. Здѣсь мы находимъ три французскія пѣсни брата Пушкина. Приведемъ ихъ:

№ 1. Paroles du F.·. Pouschkin. Musique du F.·. Boieldieu.

Amitié sainte et fraternelle,
Présent des Cieux (Dieux), viens nous unir;
Oui, pour toi le maçon fidèle
Chérit la vie et sait mourir.

Dans cet azile du vrai bonheur,
Séjour tranquil de la candeur,

Статья г. Лонгинова „Новиковъ и Шварцъ" представляетъ очень много интереса по новымъ свѣдѣніямъ, въ ней заключающимся. Къ сожалѣнію, авторъ не воспользовался нѣкоторыми матеріалами, и оттого въ его сочиненіи замѣтна неполнота и встрѣчаются нѣкоторыя недоразумѣнія. Въ началѣ статьи онъ говоритъ, что рѣшился сгруппировать имѣющіеся у него неизданные документы съ публикованными уже матеріалами, и что потому въ предлагаемой статьѣ найдется много такого, что̀ уже было напечатано (Р. В., № 19, стр. 540). Авторъ надѣется, что такая перепечатка не будетъ излишнею. Разумѣется, нѣтъ; но онъ воспользовался не всѣмъ, что̀ было напечатано. Такъ, говоря объ отношеніяхъ Новикова къ Карамзину, онъ могъ бы представить хотя извлеченія изъ двухъ писемъ Новикова къ знаменитому исторіографу, тѣмъ болѣе, что въ этихъ письмахъ довольно ясно выражается взглядъ Новикова на нѣкоторые предметы, между прочимъ, на современные успѣхи наукъ математическихъ и естественныхъ. Г. Лонгиновъ ограничился однимъ упоминаніемъ о существованіи переписки. Для полнаго знакомства съ отношеніями Н. И. Новикова къ Карамзину чрезвычайно важенъ еще одинъ документъ. Въ немъ заключаются и нѣкоторыя объясненія о дѣйствіяхъ Новиковскаго общества и о главнѣйшихъ противъ него обвиненіяхъ. Эти объясненія совершенно согласны съ разсказомъ друга Новикова, И. В. Лопухина. Мы говоримъ о запискѣ, составленной Н. М. Карамзинымъ 20 дек. 1818 года для того, чтобы напомнить о печальномъ

De l'indigence séchons les pleurs,
La bienfaisance touche les coeurs.
C'est l'imposture qu'il faut haïr,
L'amitié, pure est plaisir.

№ 3. Paroles du F... Pouschkin. Musique du F.·. Cavos.

Servir, adorer sa Patrie,
C'est devoir d'un bon maçon,
Sans la vertu, sans la raison
Pour lui nul plaisir dans la vie.

Zéle ardent pour son souverain,
Son bienfaiteur, son père tendre,
Lui fait répéter ce refrain:
Vive à jamais, vive Alexandre.

De notre maitre Vénérable
Nous suivons les doctes leçons;
Dans ses discours, dans ses chansons
La sagesse parait aimable.

Zèle ardent pour son souverain
Règne toujours dans son coeur,
Heureux, il chante son refrain:
Vive à jamais, vive Alexandre.

состояніи семейства Новикова. Приведемъ ее вполнѣ для тѣхъ, кому она еще неизвѣстна.

„Г. Новиковъ въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ сдѣлался извѣстенъ публикѣ своимъ отличнымъ авторскимъ дарованіемъ: безъ воспитанія, безъ ученія, писалъ остроумно, пріятно и съ цѣлію нравственною; издалъ многія полезныя творенія, напр., *Древнюю Россійскую Вивліоѳику*, *Дѣтское Чтеніе*, разныя экономическія, учебныя книги. Екатерина II одобряла труды Новикова, и въ журналѣ его *(Живописецъ)* напечатаны нѣкоторыя произведенія собственнаго пера ея. Около 1785 г. онъ вошелъ въ связь по масонству съ берлинскими теософами и сдѣлался въ Москвѣ начальникомъ такъ называемыхъ *мартинистовъ*, которые были (или суть) ни что иное, какъ *христіанскіе мистики:* толковали природу и человѣка, искали таинственнаго смысла въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ, хвалились древними преданіями, унижали школьную мудрость и пр., но требовали истинныхъ христіанскихъ добродѣтелей отъ учениковъ своихъ, не вмѣшивались въ политику и ставили въ законъ вѣрность къ государю. Ихъ общество подъ именемъ *масонства* распространилось не только въ двухъ столицахъ, но и въ губерніяхъ; открывались *ложи;* выходили книги масонскія, мистическія, исполненныя загадками. Въ то же время Новиковъ и друзья его на свое иждивеніе воспитывали бѣдныхъ молодыхъ людей, учили ихъ въ школахъ, въ университетахъ, вообще употребляли не малыя суммы на благотвореніе.

L'on dit souvent qu'on ne voit guères
Dans ce siècle de vrais amis.
Parmi nous lorsqu'on est admis,
Le coeur est bien sûr du contraire.

Gloire à jamais au souverain
Pour le bien qu'il aime à répandre.
Chantons toujours notre refrain:
Vivons, mourons pour Alexandre.

Третье стихотвореніе брата Пушкина составляетъ заключеніе № 2. Paroles du F.·. Dalmas, musipue du F.·. Cavos. Это pour la santé du V.·.

De cette loge respèctable
Où la vertu fait son séjour
Vive à jamais le Vénérable
Il a des droits à notre amour.

Parmi nous dans ce jour prospère
Tout bon maçon doit être admis
Et que chacun dise à son frère:
Vivent les amis réunis.

F. Pouschkin одно ли лицо съ В. Л. Пушкинымъ, котораго французское стихотвореніе недавно помѣщено въ „Сборникѣ“ петербургскихъ студентовъ, предоставляемъ рѣшить библіографамъ.

„Императрица, опасаясь вредныхъ тайныхъ замысловъ его общества, видѣла его успѣхи съ неудовольствіемъ: сперва только шутила надъ заблужденіемъ умовъ и писала комедіи, чтобъ осмѣивать оное, послѣ запретила *ложи*, но зная, что масоны не перестаютъ *работать*, тайно собираются въ домахъ, проповѣдуютъ, обращаютъ, внутренно досадовала и велѣла московскому градоначальнику наблюдать за ними. Три обстоятельства умножили ея подозрѣніе:

„1) Одинъ изъ мартинистовъ или теософическихъ мистиковъ, славный архитекторъ Баженовъ, писалъ изъ С.-Петербурга къ своимъ московскимъ друзьямъ, что онъ, говоря о масонахъ съ тогдашнимъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, удостовѣрился въ его добромъ о нихъ мнѣніи. Государынѣ вручили это письмо. Она могла думать, что масоны или мартинисты желаютъ преклонить къ себѣ великаго князя.

„2) Новиковъ, во время неурожая, роздалъ много хлѣба бѣднымъ земледѣльцамъ. Удивлялись его богатству, не зная, что деньги на покупку хлѣба давалъ Новикову г. Походяшинъ, масонъ, который имѣлъ тысячъ шестьдесятъ дохода и, по любви къ благодѣяніямъ, въ сей годъ разорился.

„3) Новиковъ велъ переписку съ прусскими теософами, хотя и не политическую, въ то время, когда нашъ дворъ былъ въ явной непріязни съ берлинскимъ.

„Сіи случаи, французская революція и излишнія опасенія московскаго градоначальника рѣшили судьбу Новикова. Его взяли въ Тайную Канцелярію, допрашивали и заключили въ Шлюссельбургской крѣпости, не уличеннаго дѣйствительно ни въ какомъ государственномъ преступленіи, но сильно подозрѣваемаго въ намѣреніяхъ, вредныхъ для благоустройства гражданскихъ обществъ. Главное имѣніе Новикова состояло въ книгахъ: ихъ конфисковали и большую часть сожгли (то-есть всѣ мистическія).

„Были тайные допросы и другимъ главнымъ московскимъ мистикамъ; двухъ изъ нихъ сослали въ ихъ деревни, третьяго (И. В. Лопухина), который отвѣчалъ смѣлѣе своихъ товарищей, оставили въ Москвѣ на свободѣ. Императоръ Павелъ въ самый первый день своего восшествія на престолъ освободилъ Новикова, сидѣвшаго около 4-хъ лѣтъ въ душной темницѣ, призвалъ его къ себѣ въ кабинетъ, обѣщалъ ему свою милость, какъ невинному страдальцу, и приказалъ возвратить конфискованное имѣніе, то-есть остальныя несожженныя книги.

„Заключимъ: Новиковъ, какъ гражданинъ, полезною своею дѣятельностію заслуживалъ общественную признательность; Новиковъ, какъ теософическій мечтатель, по крайней мѣрѣ не заслуживалъ темницы: онъ былъ жертвою подозрѣнія, извинительнаго, но несправедливаго. Бѣдность и несчастіе его дѣтей подаютъ случай государю милосердому вознаградить въ нихъ усопшаго страдальца, который уже не можетъ принести ему благодарности въ здѣшнемъ свѣтѣ, но можетъ принести ее Всевышнему. С.-Петербургъ. 10-го декабря, 1818 года“.

Разсказъ И. В. Лопухина съ нѣкоторыми измѣненіями вполнѣ подтверждаетъ записку Н. М. Карамзина. Всѣхъ вопросовъ, предложенныхъ Лопухину кн. Прозоровскимъ, было 18. Вотъ чтó говоритъ онъ объ нихъ. „Во всѣхъ вопросахъ важнѣйшее было... о связяхъ съ оною ближайшею къ престолу [особою и еще поважнѣе два пункта: 1) Для чего общество наше было въ связи съ герцогомъ брауншвейгскимъ, и въ чемъ состояла наша съ нимъ переписка? 2) Для чего имѣли мы сношенія съ берлинскими членами подобнаго общества въ то время, когда мы знали, что между россійскимъ и прусскимъ дворами была холодность". „Прочіе вопросы сочинены были... только для расширенія той завѣсы, которая закрывала главный предметъ подозрѣнія; а предметъ сей столько же казался важнымъ, сколько въ основаніи своемъ мечтателенъ былъ". Отвѣта своего на первый вопросъ Лопухинъ не приводитъ, говоря только слѣдующее: „Написалъ отвѣтъ мой такъ справедливо и оправдательно, что послѣ много сіе конечно участвовало въ причинахъ благоволенія ко мнѣ одной высокой особы". Объ отношеніяхъ къ герцогу браншвейгскому Лопухинъ отозвался: „что оныя ни въ чемъ иномъ состояли, какъ въ церемоніяльныхъ къ нему отзывахъ, по обрядамъ извѣстнаго масонства, въ коемъ былъ онъ тогда Титулярнымъ начальникомъ нѣкоторыхъ ложъ въ Европѣ; а чтó касается до содержанія переписки съ нимъ, то я объ ней только то помню, что нечего помнить". На 3-й вопросъ отвѣтъ былъ тотъ, что въ перепискѣ съ берлинскими членами никогда не было ни слова о политикѣ и что самая переписка была прекращена при извѣстіи о холодности между русскимъ и прусскимъ дворами.

Знакомство съ записками И. В. Лопухина было бы полезно г. Лонгинову для провѣрки извѣстій, полученныхъ имъ изъ другихъ источниковъ. Такъ, на стр. 572, основываясь на словахъ Бантыша-Каменскаго, г. Лонгиновъ разсказываетъ, что Новикова послѣ ареста въ Москвѣ *привезли въ Петербургъ, и черезъ три недѣли онъ былъ на пятнадцать лѣтъ посаженъ въ Шлюссельбургскую крѣпость.* Лопухинъ говоритъ иное: „Новиковъ содержался *недѣли три въ Москвѣ*, и потомъ отвезенъ окольными дорогами въ Шлюссельбургъ. Его везли на Ярославль и на Тихвинъ. Приставу отъ кн. Прозоровскаго предписано было съ особливою опасностію проѣзжать Ярославль, потому-де, что въ немъ была нѣкогда масонская ложа и подъ покровительствомъ бывшаго тамъ генералъ-губернатора, Алексѣя Петровича Мельгунова, котораго тогда и съ ложею уже нѣсколько лѣтъ на свѣтѣ не было. Я описываю подробности сіи для того, чтобы представить, какъ дѣйствовали. Можно прямо сказать, что съ тѣнью своею сражались. *Въ Петербургъ Новиковъ ни на часъ привезенъ не былъ*, а извѣстный Шишковскій ѣздилъ допрашивать его въ Шлюссельбургъ".

Вообще изъ записокъ Лопухина можно извлечь многое для объясненія

дѣятельности Новиковскаго общества, а главное, познакомиться съ направленіемъ и духомъ его членовъ, между которыми авторъ *Записокъ* занималъ видное мѣсто. Основательная біографія Ивана Владиміровича Лопухина была бы важнымъ пріобрѣтеніемъ для исторіи русской гражданственности.

Говоря объ основаніи Дружескаго ученаго общества, г. Лонгиновъ нѣсколько разъ упоминаетъ о Петрѣ Алексѣевичѣ Татищевѣ. Представимъ одно дополнительное свѣдѣніе. Въ 1785 въ Дессау вышла книга съ слѣдующемъ заглавіемъ: *Freymaurer — Bibliothek; drittes Stück, Dessau, 1785. Auf Kosten der Verlagskasse für Gelehrte und Künstler, und zu finden in der Buchhandlung der Gelehrten;* 256 нумеров. и 16 ненумер. страницъ. Она посвящена *Dem Hochwohlgebornen Herrn Peter Alexewitsch von Tatischtschev, Obermeister der Loge zu den drey Fahnen in Moskau.* Одно изъ безчисленныхъ произведеній тогдашней мистико-масонской литературы, книга эта мало можетъ интересовать насъ своимъ содержаніемъ. Замѣтимъ только, что въ II отдѣленіи ея помѣщено Beschreibung eines mystischen Gemäldes aus dem Sophienkloster in Kiew. S. 61—64. Для насъ важно только посвященіе ея Татищеву, открывающее его положеніе въ масонскомъ московскомъ обществѣ и нѣсколько строкъ отъ издателя въ этомъ посвященіи, написанныхъ въ Берлинѣ 1 декабря 1784 г. Эти строки касаются Новиковскаго общества и показываютъ его сношенія съ берлинскими масонами.

Приводимъ ихъ въ подлинникѣ: „Sie, hochgeschätzter *Ordensbruder,* haben mit ausgezeichneten Beeiferungen im November 1782 die Stiftung einer Gesellschaft gelehrter Freunde in Moskau befördert, deren edle Absicht auf Verfeinerung der Sitten und Ausbreitung der Wissenschaften gerichtet ist. Dies verkündiget das mir mitgetheilte damalige Einladungs-Programm. Müssige Stunden auf eine lehrreiche und angenehme Art anzuwenden, wovon Scipio der Afrikanische ein Muster darstellt; Männer und Freunde, verschieden an Alter, an Lebensart, an Geschäften und Glücksgütern, gemeinschaftlich zum allgemeinen Wohl zu verbinden; unentwickelte Naturtalente anzufeuern; Kenntnisse in der Gelehrtensprache, in den Alterthümern, in der Natur, die den klugen, nicht selbstsüchtigen Forschern so viele verborgene Schätze aufschliesst, zu erweitern; in besondern philologischen Pflanzschulen für den Unterhalt und Unterricht hülfloser Jünglinge zu sorgen; daraus künftige Nationallehrer zu ziehen; und zu solchem Zweck sie zur wirksamen Tugend und ihre gemüther zur Gottesfurcht und Nächstenliebe zeitig zu bilden, überhaupt aber den Geist des Vaterlandes nach und nach durch wohlgewählte Lehrbücher aufzuklären; wer kann hier die Vortrefflichkeit und Gemeinnützlichkeit solchen Instituts verkennen! Der fruchtbare Segen müsse dreyfach auf diesen Wohlthäten der Menschen ruhen, und mancher deutsche Staat, der weit mindere Hindernisse zu überwinden, und weit mehrere Vorbereitungsmitteln in Handen hat, möge daran ein Beyspiel zur Nachahmung nehmen.

„Aus Gesellschaften dieser Art, worin mit aufrichtiger, unverlarvter Theilnehmung die jüngern Mitglieder aus den Lehren und Erfahrungen der ältern ihren Lebenswandel formen können, und wo nicht bloss der Gelehrte, sondern auch der rechtschaffene Weltbürger spricht; aus solchen, sag'ich, können auch für den Orden thätige Menschenfreunde hervorkeimen. Diese Zöglinge der Weisheit schwören einst zu seiner Gesetzesfahne, und waffnen sich wider die Anfälle des Unglaubens" *).

Мы знаемъ, въ болѣе или менѣе общихъ чертахъ, предметы, на которые устремлялась внѣшняя дѣятельность Новиковскаго общества. Это была: частная благотворительность, устройство больницъ, аптекъ, заведеніе школъ и типографій, изданіе и распространеніе учебниковъ и книгъ духовнаго содержанія, покровительство литературнымъ трудамъ, образованіе наставниковъ и т. п. Гораздо труднѣе составить себѣ ясное понятіе о самой основѣ, изъ которой вытекла благотворительная дѣятельность общества, то-есть о сущности философскихъ и нравственно-религіозныхъ убѣжденій, во имя которыхъ соединялись и дѣйствовали его члены. Были

*) Высокоуважаемый братъ по ордену! Вы съ такою замѣчательною ревностію содѣйствовали въ ноябрѣ 1782 года основанію въ Москвѣ общества ученыхъ друзей, имѣющаго своею высокою цѣлію облагороженіе нравовъ и распространеніе знаній. Я узналъ объ этомъ изъ пригласительной программы, написанной по сему случаю, которая сообщена также мнѣ. Если (какъ говоритъ программа) цѣль общества состоитъ въ томъ, чтобы найти пріятное и поучительное занятіе для праздныхъ часовъ, по образцу, показанному Сципіономъ Африканскимъ; соединить ради общей пользы въ одинъ союзъ людей, обыкновенно раздѣленныхъ возрастами, образомъ жизни, различными занятіями и самыми средствами для жизни; не давать заглохнуть природнымъ дарованіямъ, но поощрять ихъ къ дѣятельности; содѣйствовать распространенію знаній въ латинскомъ языкѣ, также знакомству съ древностями, съ природою, хранящей въ нѣдрахъ своихъ такъ много сокровищъ для всякаго благоразумнаго изслѣдователя, который приступаетъ къ ней съ чистою мыслію; для безпріютныхъ молодыхъ людей завести особыя филологическія семинаріи, гдѣ бы они, сверхъ образованія, могли получить и самое содержаніе, и имѣя цѣлію приготовить изъ нихъ будущихъ воспитателей народа, заранѣе направить ихъ умы къ общеполезной дѣятельности и воспитывать въ сердцахъ ихъ любовь къ Богу и ближнему; наконецъ, вообще способствовать, посредствомъ хорошаго выбора книгъ для чтенія, просвѣщенію народнаго духа въ своемъ отечествѣ: кто въ такомъ случаѣ станетъ отрицать превосходство и общеполезность подобнаго учрежденія! Благословеніе небесъ да низойдетъ трижды на этихъ благодѣтелей человѣчества, и пусть они послужатъ примѣромъ для многихъ нѣмецкихъ государствъ, которымъ предстоитъ гораздо меньше препятствій для той же самой цѣли, между тѣмъ какъ они располагаютъ несравненно большимъ количествомъ приготовительныхъ средствъ для ея достиженія.—Подобныя общества, гдѣ молодые сочлены, отъ которыхъ требуется лишь добровольное, искреннее участіе въ нихъ, нечувствительно запасаются правилами на цѣлую жизнь, пользуясь только уроками и опытами старшихъ, и гдѣ не только ученый, но и всякій благонамѣренный человѣкъ имѣетъ право возвысить свой голосъ, такія общества, говорю я, могутъ образовать дѣятельныхъ сподвижниковъ, въ качествѣ друзей человѣчества, и для самаго ордена. Современемъ эти питомцы мудрости также присягнутъ знамени орденскихъ законовъ и съ оружіемъ въ рукахъ пойдутъ поборать невѣріе!

ли это тѣ же самыя убѣжденія и вѣрованія, какія мы находимъ у западно-европейскихъ, преимущественно германскихъ обществъ, съ которыми находилось въ частыхъ сношеніяхъ московское, или оно, заимствуя внѣшнюю оболочку мысли и часто самую мысль отъ западныхъ собратій, расходилось, однако же, въ нѣкоторыхъ пунктахъ? Рѣшить этотъ вопросъ при настоящемъ состояніи нашихъ свѣдѣній невозможно. Трудно даже въ общихъ чертахъ обозначить догму мистическихъ убѣжденій московскаго и другихъ русскихъ обществъ. Справедливо замѣчаетъ г. Лонгиновъ (стр. 570), что подозрѣніями правительство много способствовало „существованію какой-то тайны иносказаній, облекавшихъ, по самому ихъ основанію и существу, ученіе и труды мистиковъ и теософовъ. Кромѣ того, должно сказать, что далеко не всѣ масонскія ложи оставались вѣрны своему первоначальному направленію. Пустое любопытство и мода завлекли въ европейскія ложи множество людей, діаметрально противоположныхъ религіозному и нравственному направленію братства; когда число такихъ посвященныхъ увеличилось, то, конечно, направленіе многихъ ложъ было извращено, и хотя онѣ не признавались за истинныя людьми, которые остались вѣрны своимъ началамъ, хотя въ испорченныхъ ложахъ были члены, едва познакомившіеся съ ученіемъ, но члены эти возвѣщали себя безъ всякаго права истинными масонами, подавая собою примѣры, невыгодные для этого учрежденія въ глазахъ людей, незнакомыхъ близко съ дѣломъ“.

Этою оболочкой тайны и иносказаній объясняются странныя и несправедливыя обвиненія, сыпавшіяся на общество и въ Западной Европѣ, и у насъ. Насмѣшки, которыми преслѣдовала масоновъ Екатерина II и въ разговорахъ, и въ особо для этой цѣли написанныхъ сочиненіяхъ, весьма понятны. Ея по преимуществу разсудочному уму свойственнѣе было скорѣе увлечься ученіями энциклопедистовъ, нежели неопредѣленными, таинственными стремленіями мистиковъ. Но если и она не могла или не хотѣла отдѣлить высоко-нравственныхъ тенденцій Новикова съ товарищами отъ ихъ теософскихъ и мистическихъ мечтаній и отъ странныхъ обрядовыхъ формъ, то въ глазахъ полуобразованнаго или совершенно необразованнаго большинства внѣшняя обстановка и странные обряды масонскихъ ложъ получали нелѣпое и ненавистное толкованіе и подавали поводъ къ самымъ несправедливымъ обвиненіямъ. Самые дикіе слухи принимались иногда съ полною довѣрчивостію. Полный сводъ такихъ обвиненій представляется въ длинномъ стихотвореніи: *Изъясненіе нѣсколько извѣстнаго проклятаго сборища франкъ-масонскихъ дѣлъ*. Приведемъ нѣсколько отрывковъ:

Проявились недавно въ Руссіи франкъ-масоны
И творятъ почти явно демонски законы,
Нудятся коварно плесть различны манеры,
Чтобъ къ антихристу привесть отъ Христовы вѣры.

Вотъ обряды принятія въ общество:

Къ начальнику своего общества привозятъ,
    Потомъ въ темны отъ него покои завозятъ,
Гдѣ хотяй въ сей сектѣ быть терпитъ разны страсти,
    Отъ которыхъ, говорятъ, есть не безъ напасти.
Выбѣгаютъ отвсюду, рвутъ тѣло щипцами,
    Дробятъ его всѣ уды шпаги и ножами.
Встаютъ мертвы изъ гробовъ, зубами скрежещутъ,
    Мурины, видя сей ловъ, всѣ руками плещутъ.
А изъ сего собору въ яму весьма темну
    Приводятъ ихъ, въ камору ужъ подземну,
Гдѣ солнечнаго свѣта не видно ни мало,
    Вся трауромъ одѣта, какъ мертвымъ пристало.
Тамъ свѣчи зажженныя страха умножаютъ,
    Въ гробѣ положенныя кости представляютъ.
Встая изъ гроба, кости берутъ ножъ рукою
    И стаканъ полонъ злости пріемлютъ другою,
Проколовъ сердце, мертвецъ стаканъ представляетъ,
    Наполня кровью, какъ жрецъ до дна выпиваетъ,

и проч. въ этомъ же родѣ. Описавши испытанія, которымъ подвергался желавшій поступить въ общество, авторъ опредѣляетъ и самое значеніе франкъ-масона:

Что же значитъ такое масонъ по-французски?
    Не иное что другое, вольный каменьщикъ по-русски.
Каменьщикомъ зваться вамъ масоны прилично;
    Вы беззаконія храмъ мазали отлично,
Любодѣйства Вавилонъ, градъ всякія скверны,
    Въ коемъ антихристу тронъ, яко рабы вѣрны,
Устрояете и въ немъ берете надежду
    Всякія утѣхи въ немъ получить одежду.

Затѣмъ, описавъ собранія и пиры масоновъ, въ которыхъ участвуютъ мужчины и дамы, и которые оканчиваются гнусною оргіей, авторъ грозитъ беззаконникамъ казнью въ вѣчности:

Православныхъ христіянъ мнити всѣхъ прельстити,
    Чрезъ коварство поймавъ, къ бѣсу уловити,
Не возможетъ желанно обрѣстися вами,
    Идите, мѣсто пространно наполните сами.
Хорошее мѣсто тамъ, и первыя ложи
    Отведены будутъ вамъ, о масонскія рожи.
Играйте комедію теперь пока живы,
    Играть вамъ трагедію вѣчно несчастливы...

Въ заключеніе авторъ указываетъ на невозможность или крайнюю опасность выхода изъ масонства. Въ обществѣ остается портретъ

каждаго члена, и черезъ него отступникъ подвергается неизбѣжной гибели:

Многіе тому примѣры, говорятъ, бывали,
Которые отъ сея вѣры отстать пожелали,
Но изъ оныхъ никого въ живыхъ нѣтъ на свѣтѣ;
Вить стоитъ смерть въ его живомъ портретѣ,
Который лишь поранятъ пулей изъ пистолета,
Въ тотъ часъ увянетъ и лишится свѣта.

Это стихотвореніе относится къ самому первому появленію у насъ масонскихъ ложъ, точно такъ же, какъ и другое сатирическое, подъ заглавіемъ: *Псалма на обличеніе франкъ-масоновъ*, начинающееся такъ:

Полны лжи ваши законы
Оказались, франкъ-масоны;
Въ томъ тайность ваша есть
Счетъ шестьсотъ шестьдесятъ шесть; и т. д.

Въ сборникѣ, изъ котораго заимствованы эти оба стихотворенія, непосредственно за окончаніемъ второго, тою же рукой сдѣлана замѣтка, что они переписаны 12 ноября 1765 г. съ присланнаго отъ полковника Тобольскаго пѣхотнаго полка, Григорія Андр. Безпалова. Слѣдовательно, это было за 9 лѣтъ до принятія Н. Новикова въ Великую Провинціальную Ложу или въ Общество Елагинской системы.

Должно сознаться, что не только обрядовая внѣшность собраній, но и самая форма изложенія мистическихъ ученій подавали поводъ къ подозрѣніямъ и толкованіямъ всякаго рода. Во многихъ сочиненіяхъ, выходившихъ подъ покровительствомъ Новиковскаго общества, мистическія формулы совершенно почти скрываютъ мысль сочинителей, дѣлаютъ ее какою-то неразрѣшимою загадкой. Мы можемъ отчасти понимать нравственное направленіе, но самое ученіе догмы остается до сихъ поръ очень неопредѣленнымъ. Г. Лонгиновъ указываетъ на сочиненіе Лопухина: *Духовный рыцарь, или ищущій премудрости*. „Изъ него, — говоритъ онъ, — можно заключить, что ученіе Новикова и его друзей, хотя и сохранило многое изъ обрядовъ и основаній масонства и мартинизма, но отдѣлило отъ себя все то, что унижало и извращало это ученіе въ обыкновенныхъ ложахъ“ (стр. 582). Выводъ, можетъ быть, вѣренъ, но указаніе, смѣемъ думать, произвольно. Въ *Духовномъ Рыцарѣ* менѣе, чѣмъ во многихъ другихъ сочиненіяхъ, выходившихъ изъ типографій Новиковскаго общества, можно видѣть характеристическія особенности его ученія. Несравненно болѣе данныхъ для опредѣленія направленія и духа ученія представляютъ, напримѣръ, уже одни письма Новикова къ Карамзину. *Духовный Рыцарь* написанъ Лопухинымъ, по его словамъ, для того, чтобы представить главные пункты *герметической* науки, образъ ея святилища, ходъ внутренняго обновленія человѣка, и начала самопознанія и глубокой

морали. Должно сознаться, это изложеніе герметической науки немного прибавляетъ къ нашимъ о ней свѣдѣніямъ. Изъ него видно только, что общество, органомъ котораго былъ въ этомъ случаѣ Лопухинъ, вполнѣ раздѣляло теософическія и ѳеургическія мечтанія западныхъ мистиковъ. Несравненно важнѣе общія правила, которыя долженъ подписать и клятвенно обѣщаться исполнять каждый *духовный рыцарь* при своемъ поступленіи. Вотъ они:

„1) Примѣрное упражненіе въ страхѣ Божіемъ и тщательное исполненіе заповѣдей евангельскихъ.

„2) Непоколебимая вѣрность и покорность къ своему государю, съ особливою обязанностію охранять престолъ его, не только по долгу общей вѣрноподданнымъ присяги, но и всѣми силами стремясь изобрѣтать и употреблять всякія къ тому благія и разумныя средства; и такимъ же образомъ стараясь отвращать и предупреждать все оному противное тайно и явно, наипаче въ настоящія времена адскаго буйства и волненія противу властей державныхъ.

„3) Рачительное и вѣрное исполненіе уставовъ и обрядовъ своея религіи. NB. Изъ христіанскихъ токмо религій могутъ быть приняты въ *общество рыцарей, ищущихъ премудрости*.

„4) Совершенное повиновеніе учрежденнымъ въ правительствѣ начальствамъ и примѣрное наблюденіе законовъ государственныхъ.

„5) Совокупными силами и каждому особо, сколько можно, противоборствовать буйственной и пагубной системѣ мнимыя вольности равенства; и стараться искоренять ее всѣми искусными средствами дѣйствій разума и всякими возможными путями добрыми.

„6) Стараться вообще распространять благонравіе и дѣлами, и словами, и произведеніями разума, по силамъ и способностямъ своимъ.

„7) Еслибы при всей благонамѣренности учрежденія *рыцарей, ищущихъ премудрости,* верховной монаршей волѣ по какимъ-либо причинамъ заблагоразсудилось запретить ихъ собранія, то повиноваться оному повелѣнію безропотно и безъ малѣйшаго нарушенія его“ *(Дух. Рыц.,* стр. 3 и 4).

Извѣстенъ поводъ къ составленію катехизиса, приложеннаго къ *Духовному Рыцарю*. Желаніе защитить себя отъ различныхъ обвиненій, показать нравственную чистоту ученія и оградить отъ упрековъ въ совершенномъ согласіи со всѣми обществами, прикрывавшимися однимъ и тѣмъ же именемъ масоновъ, было постоянною заботой Новиковскаго общества. *Катихизисъ* былъ однимъ изъ средствъ, ведущихъ къ этой цѣли. Но онъ слишкомъ кратокъ, мораль его слишкомъ обща, и изъ него еще нельзя составить себѣ отчетливаго понятія о самой сущности убѣжденій друзей Новикова. Несравненно полнѣе раскрывается она въ другихъ переводныхъ или оригинальныхъ сочиненіяхъ, распространявшихся членами Типографической Компаніи. Изъ первыхъ укажемъ, какъ на особенно важныя, на *Пастырское посланіе къ истиннымъ и справедливымъ*

свободнымъ каменьщикамъ древней системы... Оно было, кажется, напечатано въ 90-хъ годахъ, хотя мы и не могли отыскать его у Сопикова. Въ рукописяхъ же появляется уже съ 1785 года. Изъ оригинальныхъ укажемъ на сочиненіе Лопухина: *Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, о единомъ пути истины и о различныхъ путяхъ заблужденія и гибели, съ присовокупленіемъ краткаго изображенія качествъ и должностей истиннаго христіанина. Спб. 1798* (второе изданіе: Спб., 1802, перев. на французскій, латинскій и нѣмецкій языки). Не имѣя подъ руками печатнаго изданія, приведемъ нѣкоторыя мѣста по рукописи, принадлежавшей одному изъ друзей Новикова.

Въ IV статьѣ: *О церкви антихристовой,* Лопухинъ указываетъ на ея главнѣйшихъ членовъ. Сюда принадлежатъ „духовные сластолюбцы, прилежащіе къ тайнымъ наукамъ не по любви къ истинѣ, но для удовлетворенія самолюбію своему, въ число которыхъ должно полагать любопытствомъ, корыстію и себялюбіемъ прилѣпленныхъ къ познаніямъ, къ златодѣланію и къ продолженію грѣховной своей жизни, къ упражненіямъ въ буквахъ теософіи, кабалы, алхиміи, тайной медицины, и въ магнетизмѣ ономъ, который можетъ учиниться лучшимъ разсадникомъ и приготовленіемъ для какомагіи. Изъ числа духовныхъ сихъ сластолюбцевъ также бываютъ учредители сектъ, основанныхъ на ложномъ свѣтѣ естественнаго разума и бродящихъ по буквамъ, имѣющимъ видъ таинственности, подобно явившейся недавно въ Англіи подъ именемъ новой церкви іерусалимской. Также отъ сего ядовитаго корня произошли многія вѣтви ложнаго масонства“. Вооружаясь противъ упражненій въ буквахъ теософіи, кабалы, алхиміи и т. п., Лопухинъ и его товарищи не думали, однако же, отказываться отъ занятія этими науками; они лишь воображали, что упражняются не въ буквахъ только, но въ самой сущности. Въ этомъ же сочиненіи Лопухинъ придаетъ огромное значеніе *истинной* химіи для высшаго просвѣтленія человѣка. Какъ мало, впрочемъ, могла эта химія имѣть притязаній на званіе *истинной,* это ясно для каждаго, прочитавшаго хотя одно изъ мистическихъ сочиненій, выходившихъ изъ типографій общества, или письма Новикова къ Карамзину. Химія и вообще познаніе природы у мистиковъ не имѣли ничего общаго съ современнымъ состояніемъ наукъ естественныхъ и были чужды всякимъ строго научнымъ основаніямъ.

Въ V статьѣ: *О знакахъ истиннаго ордена церкви Божіей и истинныхъ членовъ главы ихъ Іисуса Христа,* Лопухинъ, пересматривая одинъ за другимъ всѣ признаки, которые могли бы служить отличительною особенностію ордена, какъ-то: вѣру, силу молитвы, постъ и т. д., останавливается на одномъ, по его мнѣнію, исключительномъ источникѣ всей дѣятельности истинныхъ членовъ. Этотъ признакъ: любовь. „Николи же отпадающая любовь сія, не ищущая своихъ, есть вѣрный знакъ возрожденія... Любовь есть душа новаго возрождающагося внутренняго тѣла,

по мѣрѣ возраста его являющаяся. Тѣло же сіе можетъ соблюдаться и возрастать только въ совлекающемся ветхаго, наружнаго человѣка. Къ таинственному умерщвленію сего грѣховнаго человѣка коренное средство есть глубокое самоотверженіе, которому наконецъ пособіемъ духа любви долженствуетъ послѣдовать отверженіе, такъ сказать, самаго онаго самоотверженія... Собственность есть гнѣздо грѣха, магнитъ, привлекающій родившаго ее, и главное его орудіе". Послѣднія слова прямо указываютъ на вліяніе сочиненій Сенъ-Мартена. За любовью слѣдуютъ другіе отличительные признаки: „Познаніе свѣта тайныя философіи, открывающаго первое то вещество, нетлѣнную ту персть, изъ коея все сотворено, вѣдѣніе сокровеннѣйшаго дѣйствія вся сотворшія и творящія силы въ самомъ первомъ ея облаченіи семъ (вегикулѣ) и различныхъ его откровеній и рожденій въ твореніи, или обладаніе камнемъ мудрыхъ, составляетъ прямое качество истиннаго каменьщика и члена *сокровеннаго* училища мудрыхъ". Здѣсь то же ученіе Сенъ-Мартена и германскихъ мистиковъ, а въ письмѣ Новикова къ Карамзину мы встрѣчаемся съ восторженною похвалою Пордеджу, а слѣдовательно и Якову Бему, и такимъ образомъ опять теряемъ возможность опредѣлить отличіе вѣрованій Новиковскаго общества отъ общихъ вѣрованій всѣхъ мистическихъ обществъ Европы. Были ли, впрочемъ, приведены въ строгую систему мистическія убѣжденія общества?.. По самому свойству ихъ, едва ли было это возможно. Самая цѣль общества оставляла полный просторъ всѣмъ болѣе или менѣе спиритуалистическимъ стремленіямъ, не исключая ни одного изъ нихъ. Она сама могла быть понимаема и дѣйствительно была понимаема различно членами одного и того же общества. Извлекаемъ изъ рукописнаго сборника, принадлежавшаго одному изъ провинціальныхъ послѣдователей Новикова, слѣдующее разсужденіе о цѣляхъ ордена:

„Мнѣнія разныхъ братій о высшей цѣли ордена столь разнообразны, что описать оныя во всѣхъ оттѣнкахъ ихъ такъ же трудно, какъ многоразличную зелень полей, луговъ и лѣсовъ, когда весенній вѣтръ навѣваетъ на нихъ тѣни облаковъ, или какъ мнѣнія людей о высочайшемъ благѣ. Нѣкоторые думаютъ, что цѣль сія состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать людей добродѣтельнѣе, посредствомъ ожиданій, напрягающихъ и возвышающихъ душу, посредствомъ братской помощи и общественной радости, и мало-по-малу соединить добрыхъ людей болѣе и болѣе всеобщимъ союзомъ, который бы не только укрѣплялъ каждаго особенно, но служилъ бы и къ тому, чтобы соединенными силами, даже и тѣхъ, кои безъ энтузіастическихъ видовъ не взяли бы въ томъ участія, дѣлать въ мірѣ добра болѣе того, что̀ бы они могли сдѣлать порознь.

„Другіе думаютъ, что сіе конечно составляетъ одну цѣль, и ту, при которой большая часть братій остается; да сія же внутренняя работа есть и необходимое средство къ полученію бо̀льшаго; но сіе большее есть глубокое испытаніе натуры вещей и черезъ то пріобрѣтаемая сила

и власть къ исправленію людей, врачебная наука, обновленіе тѣла, превращеніе металловъ и правленіе невидимаго божественнаго царства. Что сіи идеи не недавно вошли въ голову братьямъ, показываетъ Локковъ фрагментъ...

„Нѣкоторые думаютъ, что сіе есть, конечно, то богатство, которое приходитъ къ намъ съ премудростію; но что цѣль есть собственно она сама, соединеніе съ божествомъ, которое само по себѣ есть вожделѣннѣйшее счастіе, и котораго слѣдствіемъ будетъ познаніе и власть въ тѣлесной натурѣ, сообщеніе съ духами, всеобщій языкъ и внутренній міръ добродѣтели.

„Другіе напротивъ того сильнѣе стоятъ въ томъ, что какъ сообщеніе съ вышнею натурою открываетъ нижнюю, такъ и ученія нижнія есть часть средствъ, доводящихъ насъ до сего собщенія съ вышнею.

„Иные почитаютъ всю высокую цѣль за мечту и невозможность и думаютъ, что распространеніе человѣколюбія, нравственности и общественности, радостное мудрое наслажденіе жизнію и спокойное ожиданіе смерти есть истинная, удобная къ достиженію цѣль. Мораль и религія стараются произвесть сіе средствами важными, а орденъ подъ завѣсою удовольственныхъ занятій.

„Но вообще мнѣнія братій различаются въ томъ, что одни почитаютъ сію цѣль *преданіемъ уже пріобрѣтенной мудрости*, и сообщеніе съ сими высокими, истинными главами ордена даромъ Провидѣнія, для пріятія коего конечно надлежитъ имъ работать. Другіе же принимаютъ цѣль ордена *за несовершившееся еще намѣреніе*, но къ совершенію коего ведетъ работа по предписанію ордена, и которое, можетъ быть, весьма рѣдко здѣсь на землѣ и познается, но нѣкогда, когда настанетъ время зрѣлости, возсіяетъ во всемъ своемъ блестящемъ пространствѣ.

„Хотя бы и не могло быть во всемъ томъ ничего истиннаго, мы между тѣмъ отличаемъ степень, къ которой Провидѣніе опредѣлило здѣсь каждаго брата особенно, отъ той высшей степени, до которой можетъ достигнуть истинный каменьщикъ, исполнившій образъ въ дѣлѣ и истинѣ. Отличаемъ отъ обѣихъ всеобщую цѣль ордена и отличаемъ цѣль ордена *въ разсужденіи нынѣшняго времени* отъ той цѣли, которую онъ имѣетъ, яко учрежденіе пребывающее. Отличаемъ наконецъ ограниченнѣйшую цѣль трехъ Іоанновскихъ степеней отъ цѣли цѣлаго ордена.

„Какая есть высочайшая цѣль, до которой человѣчество здѣсь достигнуть можетъ, сего, кажется, опредѣлить и нельзя и не нужно. Самое блистательнѣйшее не кажется невозможнымъ; но публично говорить о томъ не кстати. Кто не пойметъ меня, тому покажусь я смѣшнымъ.

„Довольно, что всѣ вообще признаютъ цѣлію приближеніе человѣка къ нѣкоторому образу совершенства, не говоря, есть ли то состояніе первозданной славы и невинности, или преобразованіе Христа, или тысящелѣтнее царство, или глубокая добромысленная, радостная мудрость;

въ семъ ли мірѣ то совершается, или уже по ту сторону гроба. Каждый стремись къ совершенству, какъ онъ только умѣетъ, ибо иначе быть сему не можно, по любезнѣйшему образцу своего воображенія. *Мудрѣйшій не смѣется ни надъ однимъ изъ нихъ, хотя иногда и всѣ заставляютъ его улыбаться;* ибо въ мозгу человѣческомъ ко всякому нѣчто примѣшалось". (*Матеріалы для каменьщиковъ.* Такъ взоръ мой ищетъ Аркана, дабы имъ нѣкогда достигнуть до чистѣйшаго злата. Востокъ. Часть 1-я. *Орденъ. Что́ онъ былъ, что́ есть, что́ быть можетъ?* Слова, напечатанныя курсивомъ, подчеркнуты въ подлинникѣ).

Странныя метафизическія положенія Сенъ-Мартена, книга котораго вышла въ русскомъ переводѣ въ 1785 году изъ типографіи Лопухина, вѣроятно подходившія близко своимъ содержаніемъ къ убѣжденіямъ Новиковскаго общества или, по крайней мѣрѣ, не противорѣчившія имъ, встрѣтили систематическое опровerженіе со стороны цѣлаго общества провинціальныхъ любителей наукъ. (См. *Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ. Сочинено особливымъ обществомъ одного губернскаго города.* Въ Тулѣ, 1790 г. Свѣдѣнія о ней въ статьѣ г. Лонгинова, *Современникъ*, 1857 г., № 4: *Библіографическія записки).* Появленіе книги Лопухина *о внутренней церкви*, по показанію его собственныхъ записокъ, было встрѣчено сильнымъ неудовольствіемъ. „Нѣкоторые изъ духовныхъ, говоритъ Лопухинъ, намѣревались было воздвигнуть на эту книгу гоненіе, но время не благопріятствовало имъ въ этомъ". Дѣйствительно, книга Лопухина появилась въ печати уже въ царствованіе Павла Петровича, который въ первый же день своего правленія повелѣлъ освободить Н. И. Новикова изъ заключенія въ Шлиссельбургской крѣпости. Самъ авторъ, хотя не пользовался уже прежнимъ расположеніемъ государя, но не былъ, однако же, въ явной немилости, а, напротивъ, получилъ при удаленіи отъ двора мѣсто сенатора въ Москвѣ. Но какъ просвѣщенные члены Тульскаго общества были правы, отстаивая истинную науку противъ фантастическихъ и произвольныхъ мечтаній Сенъ-Мартена и его послѣдователей, точно такъ же и духовенство должно было исполниться негодованіемъ противъ сочиненій, порожденныхъ тѣмъ направленіемъ, котораго органомъ явился И. В. Лопухинъ въ книгѣ *о внутренней церкви*, возбудившей такое горячее сочувствіе въ Эккартсгаузенѣ и Штилингѣ. Митрополитъ Платонъ громко высказалъ свое высокое мнѣніе о Новиковѣ. Извѣстно также расположеніе его къ И. В. Лопухину, и однако самъ Лопухинъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что митрополитъ Платонъ „очень въ разговорахъ возставалъ противъ ихъ общества". Нравственныя качества Новикова, Лопухина и другихъ членовъ Дружескаго общества и Типографической Компаніи, ихъ глубокое религіозное настроеніе были достаточными ручательствами въ томъ, что они не зайдутъ слишкомъ далеко въ своемъ направленіи; но тѣмъ не менѣе духовенство наше не могло не смотрѣть до нѣкоторой степени непріяз-

ненно на распространеніе мистическихъ сочиненій, хотя и не подвергало ихъ такому безусловному осужденію, какъ труды французскихъ энциклопедистовъ.

Воейковъ въ извѣстномъ стихотвореніи, *Домъ сумасшедшихъ*, говоря о Невзоровѣ, воспитанникѣ Лопухина, переводчикѣ на французскій языкъ сочиненія *О внутренней церкви* и ревностномъ послѣдователѣ Новиковской школы, съ нѣкоторымъ, хотя и преувеличеннымъ, основаніемъ могъ отозваться о немъ слѣдующимъ образомъ, при чемъ, разумѣется, имѣлся въ виду не столько самъ издатель *Друга Юношества*, сколько мистическая школа, къ которой принадлежалъ онъ:

Я взглянулъ: Максимъ Невзоровъ
Углемъ пишетъ на стѣнѣ:
„Еслибъ такъ, какъ на Вольтера,
„Былъ на мой журналъ расходъ,
„Пострадала бъ горько вѣра:
„Я вреднѣй, чѣмъ Дидеротъ.“

Мистическая наука (*истинная* химія, *высшая* мудрость, тайная философія и т. п.) была лишена духа дѣйствительной науки. Но нельзя не признать за мистическими обществами XVIII вѣка благотворнаго вліянія на современную имъ дѣйствительность. Было, безъ сомнѣнія, много злоупотребленій, какъ было много ложныхъ братій; но дѣятельность лучшихъ представителей этого направленія проникнута тѣмъ чувствомъ любви, которое ставитъ Лопухинъ исключительнымъ признакомъ каждаго истиннаго члена ордена. Въ наше время дѣятельной любви къ ближнему и къ человѣчеству не нужно скрываться и облекать себя въ странныя формы. Масонскія общества стали вопіющимъ анахронизмомъ или обратились въ пустую форму, лишенную всякаго внутренняго содержанія. Не совсѣмъ таково было ихъ значеніе въ прошломъ вѣкѣ.

XVIII столѣтіе, какъ бы ни велико было его значеніе въ исторіи европейскаго развитія, едва ли не было самою тяжелою порой для народовъ Европы. За немногими исключеніями, никогда, быть-можетъ, главныя массы народонаселенія не были въ такомъ полномъ униженіи и невѣжествѣ. Достаточно указать на позорную исторію германскихъ государствъ въ первой половинѣ этого столѣтія, на положеніе низшихъ классовъ во Франціи въ правленіе великолѣпнаго Людовика XIV, Регента и Лудовика XV, на упадокъ общественной нравственности, на прекращеніе того великаго религіознаго одушевленія, которое, проникая во всѣ слои общества въ XVI и частью въ XVII вѣкахъ, было живительнымъ и движущимъ началомъ европейской исторіи. Самые жизненные вопросы или смолкли, не находя отзыва, или измельчали и потеряли свое значеніе. Даже наука первой половины XVIII столѣтія не имѣетъ того величаваго характера, который отличалъ ее прежде. Только со второй половины этого вѣка начинаютъ появляться проблески свѣта, обѣщавшіе европей-

скимъ народамъ иное, болѣе утѣшительное, будущее. Два направленія, рѣзко противоположныя и враждебныя, дѣйствуютъ для одной и той же цѣли, дружно работаютъ для созданія новаго общества, которое, однако же, не оправдало вполнѣ ожиданій ни того, ни другого. Ученіе энциклопедистовъ и мистицизмъ дѣлятъ между собою, хотя далеко не въ равной степени, участіе въ возбужденіи нравственныхъ и умственныхъ силъ общества XVIII вѣка.

Въ русской литературѣ замѣтно также сильное вліяніе этихъ двухъ направленій, и мистическое едва ли не оставило болѣе глубокихъ слѣдовъ. Во всякомъ случаѣ оно благотворно дѣйствовало на общественную жизнь. Русское общество первой половины XVIII столѣтія меньше всего могло похвалиться развитіемъ нравственной стороны личности, мягкостію и человѣчностью отношеній, пониманіемъ и признаніемъ правъ человѣческаго достоинства. Да и откуда было взять ему все это? Ближайшее прошедшее было не таково, чтобы изъ него можно было вынести благотворныя преданія, внѣшнимъ же подражаніемъ Западу трудно было восполнить ихъ недостатокъ. Политическіе перевороты, со смерти Петра I до вступленія на престолъ Екатерины II, не могли воспитать въ немъ чувства законности. Эти перевороты открывали только широкій просторъ случайности и произволу, развивали въ общественныхъ дѣятеляхъ предпріимчивость, презрѣніе къ опасности и жажду грубыхъ, матеріальныхъ наслажденій. Лучшіе люди первой половины XVIII вѣка развиты преимущественно умомъ, и притомъ его практическою стороной. Въ своей тревожной жизни они закалили въ себѣ волю, изострили ловкую изворотливость, но едва ли успѣли выработать прочныя нравственныя убѣжденія. Въ жизни высшаго общества, рядомъ съ заимствованными, поверхностными формами европейской свѣтскости, сохранялась грубая основа прежняго быта. У писателей иностранцевъ, въ запискахъ русскихъ современниковъ, въ правительственныхъ актахъ встрѣчаются извѣстія о явленіяхъ, странно ладившихъ съ внѣшнимъ лоскомъ цивилизаціи. Варварство публичныхъ казней шло рука объ руку съ деспотизмомъ и грубостью семейной жизни. Общественныя удовольствія удовлетворяли прежде всего грубымъ наклонностямъ. Самая наука мало смягчала нравы. Припомнимъ, какая жестокость замѣтна въ характерѣ лучшаго ея представителя, Ломоносова. На первомъ планѣ повсюду стояла по преимуществу физическая, матеріальная сторона человѣческой природы, въ явный ущербъ духовному и нравственному развитію. Если высшее общество представляло такъ мало гуманныхъ началъ, чего же можно требовать отъ низшихъ классовъ? Бо́льшая часть народонаселенія мало почувствовала выгоду отъ сближенія съ образованнымъ міромъ. Европейски-устроенное управленіе давало себя чувствовать низшему классу развѣ лишнею тяжестью. Сельское населеніе, окончательно прикрѣпленное къ землѣ ревизіями, переставъ жить болѣе или менѣе общею жизнью съ остальными

сословіями, на время устранено было отъ всякаго участія въ развитіи, замкнулось и закоснѣло въ неподвижныхъ формахъ быта, куда не проникало европейское образованіе и гдѣ, однако же, мало было слѣдовъ образованія русскаго. Городского сословія не существовало. Въ бытѣ мелкаго и средняго дворянства встрѣчались всѣ степени перехода, отъ исключительнаго господства понятій и нравовъ *Домостроя* до безсмысленнаго соединенія тѣхъ же понятій, съ примѣсью подражанія французскимъ и нѣмецкимъ пріемамъ и модамъ.

Для такого общества, гдѣ самая наука принималась только въ ея служебномъ, практическомъ примѣненіи, вліяніе мистицизма должно было принести огромную пользу. Для мистиковъ въ полномъ смыслѣ предстояла работа *надъ дикимъ камнемъ*, какъ выражались масоны. Своею заманчивою таинственностью мистицизмъ скорѣе могъ привлечь къ себѣ, чѣмъ разсудочное скептическое направленіе или строгое воздержаніе науки. Обѣщая такъ много, давая просторъ самымъ исключительнымъ ожиданіямъ, мистицизмъ затрогивалъ всѣ струны человѣческаго сердца, давалъ удовлетвореніе самымъ разнообразнымъ и противоположнымъ требованіямъ, обѣщалъ отвѣты на всѣ вопросы, и въ то же время ставилъ высоко *внутренняго человѣка* надъ существомъ животнымъ. Сильно дѣйствуя на воображеніе, давая по возможности пищу пытливости ума, всѣ свои силы устремлялъ онъ, однако же, на развитіе сердца. Оттого-то у насъ и было велико его нравственное вліяніе.

„Мы работаемъ, — говорили мистики на своемъ фигурномъ языкѣ, — мы работаемъ въ трехъ преддворіяхъ и притворѣ.

Надпись перваго преддворія есть: *познай самого себя*.

Надпись второго: *убѣгай зла*.

Надпись третьяго: *стремись къ добру*.

Въ тѣнистомъ переходѣ притвора: *ищи въ самомъ себѣ истину*.“ (Матер. для Кам.).

Такія требованія едва ли предчувствовались русскимъ обществомъ половины XVIII столѣтія.

Исторія общественнаго развитія въ Россіи прошлаго вѣка еще едва тронута изслѣдователями. Болѣе полная разработка матеріаловъ одна можетъ опредѣлить, въ какой мѣрѣ мистическое направленіе могло способствовать смягченію нравовъ и распространенію просвѣщенія; но уже одна самоотверженная дѣятельность Н. И. Новикова служитъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ значительно было вліяніе этого направленія. Кто знаетъ, до какой степени вліяніемъ членовъ мистическихъ обществъ можетъ объясниться гуманный характеръ правленій Екатерины II и Александра I? Пока извѣстно лишь то, что многіе изъ государственныхъ дѣятелей, пользовавшихся значеніемъ въ царствованіе послѣдняго, образовались подъ сильнымъ вліяніемъ того направленія, котораго благороднѣйшимъ представителемъ былъ Н. И. Новиковъ.

Намъ случалось пересматривать довольно много печатныхъ сочиненій мистическаго содержанія, выходившихъ изъ русскихъ типографій во второй половинѣ XVIII столѣтія, и еще большее число рукописныхъ сборниковъ... Разъ пробужденная любознательность требовала тогда себѣ удовлетворенія, быть можетъ, съ большею настойчивостью, чѣмъ въ наше время, и жадно бросалась на всякую умственную пищу. Безчисленное множество иностранныхъ сочиненій всякаго рода переводилось, печаталось и переписывалось людьми всякаго званія. Все, что было сколько-нибудь замѣчательнаго въ числѣ произведеній современной французской или нѣмецкой литературы, можно смѣло искать въ русскомъ переводѣ. Болотовъ, переводящій какое-то нѣмецкое сочиненіе, въ лагерѣ, наканунѣ битвы, и притомъ безъ всякой мысли объ изданіи, можетъ служить лучшимъ образчикомъ этихъ любознательныхъ людей прошлаго столѣтія. Число мистическихъ сочиненій, бывшихъ тогда въ оборотѣ, было поэтому весьма значительно. Часто встрѣчались намъ переводы изъ германскихъ мистиковъ, напримѣръ Бёма, сдѣланные рукою еще весьма неопытною въ этомъ дѣлѣ. Бо̀льшая часть рукописей переписана чрезвычайно тщательно, многія съ особенною любовью. Признаемся, мы всегда смотрѣли на нихъ не безъ нѣкотораго сочувствія. Непонятныя формулы, странный образъ изложенія, злоупотребленіе мнимыми химическими и физическими свѣдѣніями, произвольныя толкованія текстовъ Св. Писанія и смѣшная формальность и вычурность масонскихъ выраженій не отталкивали отъ нихъ, напротивъ, сходили на второй планъ, несмотря на то, что занимали самое видное мѣсто. Вниманіе прежде всего останавливалось на нравственномъ смыслѣ и значеніи мистическихъ сочиненій; на томъ, что въ нихъ узкое и исключительное національное чувство теряется въ горячей любви, обнимающей все человѣчество; на то, что въ вѣкъ, гдѣ первое мѣсто занимали эгоистическія стремленія и давалось слишкомъ много простора случайному счастію и дерзкому произволу, двигателемъ всякой общественной и частной дѣятельности ставится любовь что источникомъ всякаго знанія почитается самопознаніе. Пѣсни, употреблявшіяся въ собраніяхъ русскихъ мистиковъ, въ большей чистотѣ представляютъ основу ихъ нравственнаго стремленія, потому что свободнѣе отъ странной примѣси обрядности и метафизическихъ толкованій. Намъ нѣтъ нужды различать, какія изъ нихъ были написаны самими членами общества и собственно для его потребностей, и какія взяты извнѣ и только приспособлены обществами для ихъ цѣлей. Вотъ пѣснь при открытіи ложи ученической:

Отъ насъ, злодѣи, удаляйтесь,
Которы ближняго тѣснятъ;
Во храмѣ нашемъ не являйтесь,
Которы правду не хранятъ;
Тѣснитъ кто бѣдныхъ завсегда,
Тому затворенъ входъ сюда!

Во двери, крѣпко заключенны,
Премудрые вступаютъ къ намъ,
Единой честью провожденны;
Невинность ихъ ведетъ въ нашъ храмъ;
Когда изъ храма вонъ грядутъ,
Съ собою скромность понесутъ.

Оставьте гордость и богатство,
Оставьте пышность и чины!
Они устроятъ вамъ препятство,
Имъ двери въ храмъ затворены;
Здѣсь то едино веселитъ,
Что добродѣтель намъ сулитъ.

Вотъ отрывокъ изъ пѣсни товарищества: *Ликуйте, братья, путь свершая:*

Строитель мудрый всей вселенной,
Во братски души впечатлѣнный,
Ведетъ насъ въ радостный эдемъ.
Чтобъ жизнь во благѣ провождати,
Онъ самъ благоволилъ намъ дати
Блистающу звѣзду вождемъ.

Сей блескъ для насъ не уменьшится,
Доколь весь путь нашъ не свершится
И правда тьмы не разженетъ.
По жизни нашей скоротечной,
Найдено благо будетъ вѣчно,
И свѣтъ умножится чрезъ свѣтъ.

Слѣдующая пѣсня, неизвѣстно, при какихъ случаяхъ употреблявшаяся въ собраніяхъ обществъ, весьма часто встрѣчается и въ рукописныхъ сборникахъ, и переписанная отдѣльно:

Премудрость въ даръ себя приноситъ
Не любопытству, но труду.
Кто вѣритъ, ищетъ, терпитъ, проситъ,
Труждается въ свою чреду,
Тотъ самъ найдетъ къ тому дорогу,
Получитъ втуне благодать,
Строптивымъ не угодно Богу
Своихъ сокровищъ подавать.

Кто скроменъ, искрененъ, послушенъ,
Обрящетъ свѣтъ на всѣхъ стезяхъ;
Но мужъ не можетъ двоедушенъ
Устроенъ быть въ своихъ путяхъ;
Премудрости онъ не обманетъ,
Лишь мракъ умножитъ предъ собой,
Въ пути споткнется и не встанетъ;
Всякъ долженъ свѣтъ принесть съ собой.

Самой премудрости угодно
Лишь только тѣхъ впускать въ свой храмъ,
Въ комъ сердце чисто и свободно
Отъ всякихъ узъ, безвѣстныхъ тамъ.
Невольникъ всякъ неблагороденъ,
Его отринетъ стражъ у вратъ;
Коль сердцемъ чистъ ты и свободенъ,
Спокоенъ будь, любезный братъ.

Нельзя не поблагодарить г-на Лонгинова за его прекрасную статью о Новиковѣ и Шварцѣ. Пусть только не останавливается онъ въ своихъ историко-литературныхъ поискахъ. Матеріала впереди остается еще очень много, и онъ ждетъ изслѣдователей. Ошибки и промахи неизбѣжны точно такъ же, какъ неизбѣжны повторенія уже извѣстнаго; но чѣмъ болѣе будутъ приводиться въ ясность общественные и литературные факты, тѣмъ легче будетъ исправлять ошибки и избѣгать повтореній. Выскажемъ одно желаніе. Благотворная дѣятельность Н. И. Новикова въ пользу русскаго просвѣщенія, вытекавшая изъ его мистически-религіознаго настроенія, находитъ людей, которые стараются раскрыть во всей полнотѣ ея значеніе. Желательно было бы, чтобы была раскрыта дѣятельность другихъ лицъ, которыя, прикрываясь тѣмъ же настроеніемъ, стремились однако же совершенно къ противоположнымъ цѣлямъ, оставили по себѣ иного рода воспоминаніе. За полною біографіей Н. И. Новикова, намъ хотѣлось бы имѣть біографію Магницкаго. Пора собирать о ней преданія, потому что они исчезаютъ, а безъ свидѣтельствъ очевидцевъ трудно многому повѣрить. Если не ошибаемся, г. Лонгиновъ, указавшій въ примѣчаніи источникъ, откуда почерпнулъ онъ неизданные документы для біографіи Новикова, могъ бы въ немъ же найти и указанія, необходимыя для оцѣнки дѣятельности Магницкаго.

МОСКОВСКІЕ МАСОНЫ

ВОСЬМИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ ПРОШЕДШАГО СТОЛѢТІЯ:

(1780—1789).

I.

Едва ли можно съ точностью опредѣлить время появленія въ Россіи первыхъ масонскихъ ложъ. Самое раннее указаніе на нихъ, въ русскихъ источникахъ, мы находимъ въ масонской пѣснѣ, о которой извѣстно, что она пѣлась въ ложахъ уже въ царствованіе Елисаветы, и которая помѣщена въ сборникѣ масонскихъ пѣсенъ, напечатанномъ безъ означенія года и мѣста печати въ первой четверти XIX вѣка.

По немъ (по Петрѣ Великомъ) свѣтомъ озаренный
Кейтъ къ Россіянамъ прибѣгъ;
И усердьемъ воспаленный
Огнь священный здѣсь возжегъ.
Храмъ премудрости поставилъ,
Мысли и сердца исправилъ
И насъ въ братствѣ утвердилъ.
Кейтъ былъ образъ той денницы,
Свѣтлый коея восходъ
Свѣтозарныя царицы
Возвѣщаетъ въ міръ приходъ, и т. д. *).

Кейтъ прямо называется основателемъ масонства въ Россіи въ одномъ изъ неизданныхъ документовъ русскаго масонства, который будетъ приведенъ ниже. Въ сочиненіи Георга Клосса *Geschichte der Freimaurerei in England, Irland und Schottland aus ächten Urkunden dargestellt* (1685—1784), *nebst einer Abhandlung über die Ancient Masons*. Leipzig. Otto Klemmo, — на стр. 145, находимъ, что въ 1741 въ торжественномъ собраніи англійскихъ ложъ James Keith, Excellenz, Russischer General, былъ назначенъ провинціальнымъ гроссмейстеромъ для всей Россіи.

Мы не должны, впрочемъ, въ нашихъ предположеніяхъ относительно начала масонства въ Россіи заходить слишкомъ далеко. Въ самой Гер-

*) Пѣсня LIII, стр. 66. Подъ нею сдѣлано примѣчаніе, что она пѣта въ Россіи въ ложахъ, въ царствованіе Елисаветы.

маніи масонство получило, если не начало, то особенно сильное развитіе не ранѣе 1739 года, сколько можно судить по нѣкоторымъ извѣстіямъ.

Въ запискахъ Державина есть указаніе на существованіе въ Москвѣ масоновъ въ 1762 году. Онъ говоритъ о своей теткѣ Блудовой, „считающей появившихся тогда въ Москвѣ масоновъ отступниками отъ вѣры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу, о которыхъ разглашали невѣроятныя басни, что они заочно, за нѣсколько тысячъ верстъ, непріятелей своихъ умерщвляютъ, и тому подобныя бредни, а Шувалова (Ивана Ивановича) признавали за ихъ главнаго начальника“ *). Подобныя обвиненія собраны въ длинномъ стихотвореніи *Изъясненіе нѣсколько извѣстнаго проклятаго сборища франкъ-масонскихъ дѣлъ*, относящемся къ тому же времени, какъ и *Псаломъ на обличеніе франкъ-масоновъ* (псаломъ этотъ былъ переписанъ, въ принадлежавшей мнѣ рукописи, 12 ноября 1765 и, должно думать, сочиненъ едва ли многими годами раньше) **).

Бóльшая часть масонскихъ ложъ въ Россіи была основана въ семидесятыхъ годахъ. Такъ, казанская ложа Восходящаго Солнца, по надписи на ея печати, основана была въ 1776 г. На серебряной медали московской ложи Озириса время ея основанія обозначено: 1776 года, марта 2. На такой же медали ложи Латона читаемъ: „учредилась 1775 года, декабря 2 дня“. Къ концу семидесятыхъ годовъ (въ 1779 году или немного раньше) основана въ Москвѣ ложа Трехъ Знаменъ. Къ этому же времени (и никакъ не позже 1780 года) относится основаніе ложи Горусъ въ Петербургѣ. Дошедшія до насъ рѣчи, говоренныя въ этой ложѣ мастеромъ стула, высокопочтеннымъ братомъ Панаевымъ, относятся къ 1780 году, и первая произнесена 15 августа 1780 г. ***). Ярославскую ложу, находившуюся, по словамъ Лопухина, подъ покровительствомъ губернатора Алексѣя Петровича Мельгунова, нужно отнести къ этому же времени; а немногими годами прежде основана великая провинціальная ложа или общество Елагинской системы, находившееся въ Петербургѣ. Въ упомянутомъ сочиненіи Георга Клосса мы находимъ указаніе, что въ собраніи 84 англійскихъ ложъ, происходившемъ 28 февраля 1772 года, великій секретарь извѣстилъ, что гроссмейстеру угодно было утвердить его превосходительство Ивана Елагина, сенатора, тайнаго совѣтника и

---

*) Записки Державина. *Русская Бесѣда* 1859 г. I.

**) См. выше „Нѣсколько замѣчаній о Новиковѣ“, стр. 173—175.

***) Мы имѣемъ четыре рѣчи брата Панаева. Въ рукописи онѣ озаглавлены: *Рѣчи, говоренныя въ почетной ложѣ Горусъ мастеромъ стула братомъ Панаевымъ въ 5780 и 5781 годахъ на востокѣ С. Н. К. I. П. Т. Р. Б. Р. Г.* 1-я *рѣчь о препятствіи, которое полагаютъ пороки къ достиженію истиннаго просвѣщенія*) произнесена 15 августа 1780). 2-я *рѣчь о согласіи* (произнесена 12 сент. 1780). 3-я *рѣчь о любви къ истинѣ* (21 ноября 1780). 4-я *рѣчь о познаніи себя черезъ разсматриваніе натуры* (произнесена въ мастерской ложѣ 14 дек. 1780 г.). Наша рукопись, очевидно, не содержитъ многихъ рѣчей.

члена кабинета ея величества императрицы россійской *). Тамъ же подъ 1771 годомъ находимъ мы извѣстіе о ложѣ La parfaite Union въ Петербургѣ, а подъ 1774 годомъ о ложахъ № 1 (zu den neun Musen), № 2 (Muse Urania), № 3 (Bellona) также въ Петербургѣ **). О многихъ ложахъ мы имѣемъ только самыя темныя извѣстія. Такъ, мы ничего не знаемъ объ обществѣ или ложѣ Салтыковской системы, основателемъ которой былъ гофратъ Нитшке и о которой единственное извѣстіе мы находимъ въ третьей части *Der Signatstern oder die enthüllten sämmtlichen sieben Grade der mistischen Freimaurerei nebst dem Orden der Ritter des Lichts*, Berlin, 1804, гдѣ, кажется, она причисляется къ самымъ раннимъ въ Россіи и гдѣ характеръ ея обозначается названіемъ теософско-герметической. Еще смутнѣе извѣстіе о Capitulum Canonicorum Regularium, основанномъ въ Петербургѣ, по извѣстію, помѣщенному въ той же книгѣ лордомъ Вильямсомъ, и потомъ перенесенномъ въ Висмаръ и Кенигсбергъ. Это общество было, кажется, исключительно для иностранцевъ въ Россіи, судя по фамиліямъ оставшихся въ Петербургѣ членовъ ***).

Существованіе въ Россіи іоанновскихъ и шотландскихъ ложъ въ семидесятыхъ годахъ не подвержено сомнѣнію, но ихъ связь одна съ другою, ихъ отношенія къ ложамъ другихъ странъ и вообще къ ордену намъ не совсѣмъ ясны. Что касается отношеній къ ордену, то, на основаніи вновь открытыхъ документовъ, можно заключить, что русскія ложи этого времени не пользовались самостоятельностью, а находились въ зависимости и подчиненіи отъ ложъ-матерей въ другихъ государствахъ, въ Англіи, Германіи и Швеціи. Что различныя ложи въ Россіи не составляли одного, сколько-нибудь стройнаго цѣлаго и дѣйствовали отдѣльно одна отъ другой, видно изъ того, что въ одно и то же время онѣ являются въ зависимости однѣ отъ англійскихъ, другія отъ германскихъ, третьи отъ шведскихъ ложъ. Мы увидимъ даже попытки нѣкоторыхъ братій войти въ офиціальныя зависимыя отношенія къ французскимъ ложамъ. Намъ извѣстенъ патентъ, выданный Фердинандомъ, герцогомъ Брауншвейгскимъ и Люнебургскимъ въ 1779 году Петру Алексѣевичу Татищеву на осно-

*) Georg Kloss. *Geschichte der Freimaurerei*, S. 197.

**) Ibidem, S. 208.

***) 20 марта 1770 г. оставались въ Петербургѣ только 4 члена этого общества: 1) Alexander i. e. Grien. 2) Eustachius a Scarabeo i. e. Schröter, 3) Sergius a Luna i. e. Schulze, 4) Alexius i. e. Hochmuth, sonst Missack genannt. *Der Signatstern*, III, 222. Въ *Freimaurer-Lexicon*, изданномъ въ Берлинѣ въ 1818 году извѣстнымъ масономъ Gädicke, встрѣчаемъ подъ словомъ *Russland* слѣдующее отрывочное указаніе: Bereits im Jahre 1731 ernannte der Grossmeister Lord Lovel in London den Capitan Ioh. Philips zum Provincialgrossmeister in Russland, S. 420. Но если и признать справедливость этого извѣстія, то необходимо предположить, что ложи, надъ которыми начальствовалъ этотъ провинціальный великій мастеръ, состояли исключительно изъ иностранцевъ. Русскія извѣстія основателемъ русскаго масонства признаютъ только Кейта.

ваніе въ Москвѣ ложи Трехъ Знаменъ (zu den drei Fahnen) и на званіе мастера этой ложи. Съ другой стороны, мы встрѣчаемъ иногда и русскихъ, играющихъ важную роль въ ложахъ другихъ государствъ Европы. Такъ, когда герцогъ Шартрскій сдѣлался великимъ магистромъ Великаго Востока Франціи и во французскихъ ложахъ начались тѣ перемѣны, которыя дали имъ впослѣдствіи такое важное значеніе, мы встрѣчаемъ въ числѣ трехъ членовъ коммиссіи, назначенной въ собраніи 27 декабря 1773 г. для ревизіи и новой редакціи постановленій о высшихъ степеняхъ,—графа Строгонова *). Въ концѣ семидесятыхъ годовъ бо́льшая часть русскихъ ложъ находилась въ зависимости отъ Швеціи.

Всѣ эти отношеніи были извѣстны до сихъ поръ только по отрывочнымъ указаніямъ и намекамъ. Открытіе офиціальной и полуофиціальной переписки московскихъ масоновъ доставляетъ возможность ближе познакомиться съ устройствомъ и дѣятельностью русскихъ ложъ, получившихъ скоро самостоятельное значеніе. Переписка эта находится въ числѣ рукописей, принадлежавшихъ одному изъ послѣднихъ начальниковъ масонскаго ордена въ Россіи, и списана его рукой съ оригиналовъ. Рукопись, заключающая въ себѣ эту переписку, in-4⁰, переплетена и имѣетъ 98 страницъ. Всѣхъ писемъ и офиціальныхъ сообщеній 31. Первое письмо помѣчено 25 февраля 1780 г., послѣднія относятся къ 1789 г. Въ числѣ писемъ мы находимъ 6 отъ Николая Ивановича Новикова, 12 отъ князя Николая Никитича Трубецкого, 6 отъ неизвѣстнаго намъ брата, подписывавшагося орденскимъ именемъ *Pinnatus* **), 2 офиціальныя сообщенія отъ директоріи, 3 копіи съ писемъ, поступившихъ въ директорію, и съ ея отвѣта, одно письмо, подписанное орденскимъ именемъ Петръ *Eques a Campana* (Вельяминовъ) и одно отъ неизвѣстнаго, не заключающее въ себѣ, впрочемъ, ничего, кромѣ темныхъ толкованій масонскихъ знаковъ и литеръ, напримѣръ, I. B. M. B. или C. Ѣ. T. Всѣ они, за исключеніемъ этого письма, относятся къ устройству ордена и дѣламъ его и, какъ видно изъ ихъ содержанія, были облечены величайшею тайной. Они неизвѣстны были и самимъ братьямъ, за исключеніемъ начальниковъ, и этимъ объясняется, почему до сихъ поръ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на эту переписку. Бо́льшая чисть писемъ подписана или начальными буквами фамилій, или же орденскими именами, напримѣръ *Eq. ab Ancora; Eq. ab Aquilla Boreale* и т. д., и мы не могли бы опредѣлить, кому принадлежатъ эти письма, если бы въ одномъ письмѣ Новикова (отъ 14

*) *Histoire de la fondation du Grand Orient en France*. Paris, 1812. Это изданіе чрезвычайно важно по множеству любопытныхъ документовъ. На оборотѣ надпись: „Cet ouvrage ne sera délivré qu'aux Loges et aux Membres de l'Association Maçonnique“.

**) Два изъ этихъ писемъ подписаны неполнымъ именемъ, а только буквою *P.*, но по тону и содержанію ихъ эти письма принадлежатъ, очевидно, тому же лицу, какъ и письма, подписанныя именемъ Pinnatus.

февраля 1783 года) не находили орденскихъ именъ главнѣйшихъ начальниковъ московскихъ ложъ и если бы лицо, переписывавшее эти письма, не надписало надъ многими фамилію писавшихъ. Тѣмъ не менѣе, остается неизвѣстнымъ, кому принадлежатъ нѣкоторыя изъ этихъ писемъ, какъ, напримѣръ, самое первое изъ нихъ. Трудно также догадаться, кто скрывался подъ орденскимъ именемъ *Pinnatus*. Точно также остается неизвѣстнымъ и то лицо, къ кому писаны почти всѣ эти письма. Знаемъ, что это лицо называлось Алексѣй Андреевичъ, знаемъ также и орденское его имя, *Eques a bona spe*, но этимъ пока и должны ограничиться.

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Письма, находящіяся въ нашей рукописи, переписаны съ оригиналовъ въ Петербургѣ. Кромѣ перваго письма отъ неизвѣстнаго (къ князю Николаю Никитичу Трубецкому, какъ видно изъ слѣдующаго за нимъ письма князя Трубецкаго, служащаго, очевидно, на него отвѣтомъ) и письма петербургскаго брата Митусова, всѣ принадлежатъ московскимъ братьямъ и идутъ изъ Москвы. Кромѣ того, самое письмо брата Митусова переписано въ рукописи не съ оригинала, а съ копіи, присланной въ петербургскую префектуру изъ московской директоріи. Въ рукописи письма расположены въ хронологической послѣдовательности. Можно думать, что эта переписка дошла до насъ не вполнѣ. Она обрывается 1781 годомъ, и въ ней, кромѣ того, есть пробѣлы. Не говоря уже о томъ, что при ней нѣтъ приложеній, о которыхъ говорится во многихъ письмахъ (что̀, впрочемъ, весьма понятно, ибо эти приложенія поступали въ архивъ петербургской префектуры, тогда какъ письма оставались у лица, къ которому они были адресованы), въ ней недостаетъ, очевидно, и нѣкоторыхъ писемъ. Такъ, въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ (1781 года, письмо 29, считая по порядку ихъ расположенія въ рукописи) находимъ списокъ членовъ московской провинціальной ложи и членовъ капитула, а орденскія имена большей части ихъ неизвѣстны. Очевидно, что утратились письма, сообщавшія эти имена. Что они были, это несомнѣнно. Въ письмахъ московскихъ чиновниковъ ордена къ петербургскимъ собратьямъ мы не разъ встрѣчаемъ требованіе выслать имена и девизы петербургскихъ членовъ, а Николай Ивановичъ Новиковъ при самомъ устройствѣ провинціальнаго капитула и директоріи въ Москвѣ спѣшитъ сообщить въ Петербургъ орденскія имена тогдашнихъ членовъ (письмо отъ 14 февраля 1783 года). Переписка московскихъ масоновъ, кромѣ того, что она весьма важна сама по себѣ, драгоцѣнна для насъ еще въ томъ отношеніи, что даетъ намъ возможность понять настоящее значеніе многихъ важныхъ документовъ, которые и прежде были у насъ подъ руками, но которыхъ смыслъ оставался для насъ не ясенъ. Пользуясь этою перепиской и нѣкоторыми другими документами, постараемся сгруппировать нѣсколько интересныхъ матеріаловъ для исторіи русскаго масонства, матеріаловъ, остававшихся до сихъ поръ совершенно неизвѣстными.

Но прежде, чѣмъ обратимся къ перепискѣ московскихъ масоновъ, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о предшествовавшихъ отношеніяхъ русскихъ ложъ къ Германіи и Швеціи. Предупреждаемъ читателя, что вопросъ объ этихъ отношеніяхъ представляетъ немало трудностей, и при рѣшеніи его весьма нерѣдко приходится довольствоваться одними предположеніями, что̀ ведетъ къ неизбѣжнымъ ошибкамъ. Эти отношенія, впрочемъ, значительно выясняются, какъ изъ самой тайной переписки, такъ особенно изъ тѣхъ документовъ, которые мы постараемся около нея сгруппировать.

Начнемъ съ Германіи. Состояніе масонскихъ ложъ въ Германіи описано въ изданной въ Москвѣ переводной книгѣ: *Должности братьевъ З.* (лато) *Р.* (озоваго) *К.* (реста) *древнія системы, говоренныя Хризофирономъ въ собраніяхъ юніоратскихъ съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ рѣчей другихъ братьевъ*. Москва. Въ типографіи И. Лопухина. Съ указнаго дозволенія. 1784. Нѣмецкій оригиналъ вышелъ въ 1782 году безъ означенія мѣста печати *). Сдѣлаемъ выписку изъ этого очень рѣдкаго изданія.

„Въ теченіе лѣтъ сорока Германія такъ наполнилась ложами и свободными каменщиками, что напечатана цѣлая уже книга, содержащая въ себѣ названія сихъ ложъ. Извѣстно, что онѣ раздѣляются на двѣ главныя отрасли, изъ которыхъ одна называлась донынѣ *Стриктъ Обсерванцъ,* начальникомъ же своимъ избрала достойнаго Герцога Фердинанда Брауншвейгскаго, а другая называется по имени учредителя своего, какого-то фонъ-Циннендорфъ, который есть врачъ въ Берлинѣ и бывшій, но за нѣсколько лѣтъ изверженный изъ *Стриктъ Обсерванцъ* тамошнею ложею *Трехъ Глобусовъ,* членъ.

„Еще третья, но гораздо малочисленная вѣтвь происходитъ отъ ложи *Royale York de l'Amitié,* въ Берлинѣ, получившая первоначальное бытіе отъ вышеупомянутой ложи *Трехъ Глобусовъ,* и которая потомъ отторгнулась отъ оной, испросивъ себѣ патентъ изъ Лондона. Достойно примѣчанія, что ложа *Трехъ Глобусовъ,* посредствомъ Циннендорфа и ложи *Royale York de l'Amitié*—учинилась, противу воли своей, плодоносным источникомъ многихъ каменщическихъ ложъ въ Германіи и внѣ оныя. Число прочихъ въ Германіи ложъ, не принадлежащихъ къ симъ тремъ отраслямъ, весьма не велико.

„Всѣ сіи три отрасли имѣютъ такъ называемыя три англійскія степени общія, съ тѣмъ токмо различіемъ, что въ каждой изъ системъ сихъ нѣкоторыя посторонnія обстоятельства самопроизвольно перемѣнены суть. Но такъ-именуемыя высшія степени ихъ, въ которыхъ всѣ онѣ *ищутъ*

---

*) *Die Pflichten der G. und R. C. alten Systems in Juniorats-Versammlungen,* abgehandelt von Chrisophiron nebst einigen beigefügten Reden anderer Brüder. 1782. in 8, 232 стр.

истинныхъ высшихъ познаній и истинныхъ таинствъ, однакожъ никогда и вѣчно безъ помощи нашей *отыскать* не могутъ, различаются существенно.

„Соединенныя подъ начальствомъ герцога Фердинанда ложи думали найти таинства въ истребленномъ орденѣ Т. Г. *), понеже онѣ знали изъ древнихъ извѣстій, что сей, такъ какъ и многіе другіе рыцарскіе ордены, учрежденъ былъ потаеннымъ вспоможеніемъ нашимъ и имѣлъ истинныя познанія нашего высокосвятаго ордена. И сего ради старѣйшихъ и способнѣйшихъ братьевъ дѣлали они по древнему и нынѣ еще существующему обряду Т. Г., но впослѣдствіи увидѣвъ, что надежда ихъ къ дальнему пріобрѣтенію путемъ симъ была напрасна, и что по причинѣ движеній, происшедшихъ за нѣсколько лѣтъ отъ сей игрушки тѣнями въ Швеціи, положеніе ихъ становилось во многихъ областяхъ нѣсколько опасно, многія изъ сихъ ложъ, въ особливости тѣ, въ которыхъ истинный орденъ пустилъ уже корень свой, отбросили сію игрушку и весьма благополучны отъ сего находятся. Однакожъ множество вышесказанныхъ ложъ продолжаетъ еще рыцарскую свою игру, не взирая, что и *достойный ихъ начальникъ* давно отъ ордена Т. Г. отрекся.

„Такъ-называемые *Цинпендорфцы,* въ высокихъ своихъ степеняхъ, которыя основатель ихъ скропалъ изъ подложныхъ извѣстій о нѣкоторыхъ нашихъ обрядахъ, сообщенныхъ ему однимъ шведомъ, примѣшавъ къ тому и собственныя свои прибавленія, пребываютъ всегда въ ожиданіи, не взирая, что шестнадцать или семнадцать уже лѣтъ обнадеживаютъ ихъ, что наконецъ достигнутъ они истиннаго свѣта.

„Малочисленнѣйшая вѣтвь ложи Royale York работаетъ во всемъ согласно съ изобрѣтенною во Франціи многостепенною системой, украшая братьевъ своихъ множествомъ титловъ, степеней, лентъ и игрушекъ, которыхъ пустыми именами не намѣренъ я наполнять бумагу.

„Толико то разноцвѣтное свободное каменщичество въ Германіи, сколь скоро преступаетъ оно за первыя три степени. Толико то безчисленное множество каменщиковъ въ преддверіи храма, которые, подобно созидавшимъ башню Вавилонскую, лѣтъ уже болѣе сорока работаютъ въ великомъ замѣшательствѣ, по неправильнымъ чертежамъ, которые сами они сдѣлали, и работаютъ напрасно; исключая изъ сего малое число ложъ, которыя съ нѣкотораго времени получили отъ насъ *истинный, справедливый чертежъ ордена*“ **).

Съ ложами, бывшими подъ начальствомъ герцога Фердинанда Брауншвейгскаго, и находились въ связи русскіе, по крайней мѣрѣ, московскіе масоны, что доказывается упомянутымъ нами дипломомъ, выданнымъ въ 1779 г. герцогомъ Петру Татищеву. Что ложа Трехъ Знаменъ суще-

*) Тампліеровъ.

**) *Должности братьевъ З. Р. К.*, стр. 45—50.

ствовала въ Москвѣ и послѣ того, какъ Россія сдѣлалась особою, самостоятельною провинціей, видно изъ тѣхъ неизданныхъ документовъ, которые мы приведемъ ниже. Здѣсь укажемъ только на посвященіе Петру Алексѣевичу Татищеву *Freymaurer Bibliotek*, вышедшей въ Дессау въ 1785 г. Въ посвященіи *), написанномъ въ Берлинѣ 1-го декабря 1784 г., Петръ Алексѣевичъ Татищевъ титулуется совершенно согласно съ дипломомъ: Obermeister der Loge zu den drey Fahnen zu Moscau.

Если есть основаніе думать, что московскіе масоны находились издавна въ сношеніяхъ съ германскими ложами и въ зависимости отъ нихъ, то положительно извѣстно, что петербургскіе стояли въ зависимости отъ Швеціи. Въ нашихъ рукахъ есть любопытный документъ, относящійся, правда, къ позднѣйшему времени, но заключающій въ себѣ нѣкоторыя указанія на отношенія русскихъ ложъ въ Швеціи. Въ первой четверти XIX вѣка братъ Wiebel, нѣмецкій масонъ, о которомъ, къ сожалѣнію, намъ не удалось отыскать свѣдѣній, долженъ былъ сопровождать короля въ Россію **). Германскіе масоны хотѣли воспользоваться поѣздкой въ Россію своего сочлена и поручили ему собрать свѣдѣнія о положеніи масонства въ этой странѣ. Съ этою цѣлью составлена была: *Instruction für den Hochw. Br. Wiebel auf seiner bevorstehender Reise nach Russland.* Въ этой инструкціи излагаются прежде всего тѣ извѣстія о русскомъ масонствѣ, которыя имѣлись въ Германіи за послѣднее время, и вслѣдъ за тѣмъ предлагаются вопросы, на которые нѣмецкому масонству хотѣлось бы получить отвѣты посредствомъ Вибеля. Мы имѣемъ какъ самую

*) Это посвященіе приведено нами въ статьѣ: „Нѣсколько замѣчаній о Новиковѣ“, см. выше, стр. 171—172.

**) Когда С. В. Ешевскій печаталъ вторую статью о масонахъ, онъ уже добылъ эти свѣдѣнія, которыя и приложилъ къ своимъ статьямъ въ видѣ дополненія. Вотъ они:

Вибель, придворный докторъ короля прусскаго, ревностный масонъ, членъ der Grossen Landes-Loge in Deutschland, былъ довѣреннымъ лицомъ у Фридриха-Вильгельма III. Когда въ 1822 году бывшій прусскій министръ графъ Гаугвицъ, нѣкогда одинъ изъ самыхъ ревностныхъ масоновъ, подалъ императорамъ Александру и Францу и королю прусскому, во время Веронскаго конгресса, свою записку объ опасностяхъ, грозившихъ государству со стороны масонскихъ ложъ и о необходимости ихъ уничтоженія,—записку, имѣвшую слѣдствіемъ закрытіе масонскихъ ложъ въ Россіи и Австріи, — прусскіе масоны, по словамъ Freiherr Glöden, находились въ ужасѣ, ожидая того же со стороны Пруссіи. Фридрихъ-Вильгельмъ III призвалъ къ себѣ Вибеля и поручилъ ему успокоить прусскихъ братій и увѣрить ихъ въ неизмѣнности своей защиты и покровительства до тѣхъ поръ, пока они останутся въ должныхъ границахъ. Глёденъ былъ свидѣтелемъ того страха, который овладѣлъ берлинскими братьями при извѣстіи о событіяхъ въ Веронѣ, и радости, когда они получили извѣстіе отъ Вибеля, что имъ нечего бояться. Любопытная записка графа Гаугвица, посвященная королевѣ прусской Августѣ, напечатана въ III выпускѣ того тайнаго изданія Freimaurer Denkschrift, которое начало выходить въ 1864 году и о которомъ говорится ниже, во второй статьѣ.

инструкцію, такъ и отвѣты на французскомъ языкѣ относительно каждаго вопроса Вибеля, Эти отвѣты помѣчены 4-го іюля 1818 года и писаны одним изъ верховныхъ начальниковъ русскаго масонства. Для насъ особенно важенъ отвѣтъ на первый вопросъ инструкціи: „Кѣмъ и когда основанъ петербургскій капитулъ Феникса (zum Phenix)?“ Вотъ что̀ читаемъ въ отвѣтѣ:

„Капитулъ Фениксъ первоначально былъ основанъ королемъ шведскимъ (Карломъ XIII), какъ это доказывается подлиннымъ патентомъ, имѣющимся у насъ въ архивахъ подъ слѣдующимъ титломъ: *Инструкція для директоріи, учрежденной въ Санктъ-Петербургѣ,* данномъ въ Стокгольмѣ 9-го мая 1780 года. Въ концѣ находятся подписи короля и графа Билке (Bielke). Акты и конституціи были привезены княземъ Александромъ Куракинымъ (посланникомъ русскимъ въ Вѣнѣ и Парижѣ). Покойный князь Гавріилъ Гагаринъ былъ назначенъ префектомъ и національнымъ великимъ мастеромъ (должности, *никогда не раздѣляемыя,* какъ это видно изъ 9-го артикула инструкціи), и самъ капитулъ былъ извѣстенъ братьямъ масонамъ подъ именемъ національной Великой Ложи (по 1-му артикулу той же инструкціи). Капитулъ былъ основанъ за два года до директоріи, т.-е. въ 1778 г., и былъ въ полной зависимости отъ Швеціи,—зависимости тѣмъ болѣе тягостной для русскихъ братій, что она не вознаграждалась *знаніями* (les lumières), которыхъ петербургскій капитулъ ожидалъ всегда *напрасно* и которыми, вѣроятно, Швеція не владѣла болѣе, потому что самъ ея глава былъ обманутъ однимъ мошенникомъ (frippon), котораго исторія слишкомъ извѣстна, чтобы болѣе о ней не распространяться. Когда на Вильгемсбадскомъ конгрессѣ Россія, въ уваженіе своего обширнаго пространства и большого числа ложъ, усердно въ ней работающихъ (по системѣ Stricte Observance), признана была 8-ю провинціей, Москва и въ особенности мать-ложа Трехъ Знаменъ сдѣлались центромъ провинціальной директоріи. Акты, принятые ими для трехъ степеней св. Іоанна, составляютъ среднее между системой Stricte Observance и системой шведскою. Вскорѣ потомъ князь Гагаринъ, не безъ нѣкоторыхъ затрудненій, покорился новому порядку вещей, присоединился въ 1783 году къ 8-й провинціи съ большею частью ложъ, отъ него зависѣвшихъ, и сдѣлался управляющимъ мастеромъ матери-ложи Феникса въ Москвѣ.

Одна изъ ложъ (Коронованнаго Пеликана), не хотѣвшихъ отдѣлиться отъ Швеціи, въ которой братъ Беберъ (Bëber) былъ членомъ, продолжала работать до тѣхъ поръ, пока всѣ масонскія работы въ Россіи не прекратились по приказу императрицы Екатерины. Эти самую ложу хотѣли возобновить въ 1809 г. нѣсколько братій и т. д.“.

Отношеніе русскаго масонства въ Швеціи выясняется нѣсколько изъ тайной переписки московскихъ масоновъ, съ которою мы желаемъ познакомить читателей.

Здѣсь мы позволимъ себѣ сдѣлать одно важное указаніе на событіе, принадлежащее къ тому же времени, какъ и переписка, но на которое мы въ ней не находимъ ни малѣйшаго указанія, хотя, какъ увидимъ, оно имѣло, повидимому, огромное значеніе для русскаго масонства и хотя переписка, бывшая тайной для самыхъ масоновъ, за исключеніемъ верховныхъ начальниковъ, конечно, могла бы говорить о немъ. Это молчаніе фактъ весьма замѣчательный, если только не предположить, что тѣ письма, гдѣ говорилось о немъ, или были уничтожены, или же не были переписаны.

Говоря объ арестѣ Новикова и о слѣдствіи надъ нимъ и московскими масонами, И. В. Лопухинъ прибавляетъ, что „подозрѣвали существовавшую будто бы связь съ обществомъ нашимъ у ближайшей къ престолу особы“, и потомъ, говоря о вопросахъ, предложенныхъ ему княземъ Прозоровскимъ, замѣчаетъ, что въ нихъ „все мѣтилось на подозрѣніе связей съ той ближайшею къ престолу особой“. Записка Карамзина императору Александру объясняетъ прямо, въ чемъ состояло это подозрѣніе. Вотъ что̀ говоритъ Карамзинъ: „Одинъ изъ мартинистовъ или теософистскихъ масоновъ, славный архитекторъ Баженовъ, писалъ изъ С.-Петербурга къ своимъ московскимъ друзьямъ, что онъ, говоря о масонахъ съ тогдашнимъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, удостовѣрился въ его добромъ о нихъ мнѣніи. Государынѣ вручили это письмо, Она могла думать, что масоны или мартинисты желаютъ преклонить къ себѣ великаго князя“.

Въ дѣлѣ о Новиковѣ и его товарищахъ, изданномъ недавно г. Тихонравовымъ въ V томѣ *Лѣтописей русской литературы и древности*, находимъ мы слѣдующій вопросный пунктъ, предложенный княземъ Прозоровскимъ захваченнымъ масонамъ: „4) Какимъ образомъ вы и товарищи сборища вашего заботились въ сѣти сборища вашего уловить *извѣстную особу,* о коей имѣли вы съ принцемъ Гессенъ-Кассельскимъ и переписку? То открыть вамъ, для чего вы такія вредныя предпріятія имѣли и чему изъ того быть надѣялись, гдѣ объяснить о всѣхъ товарищахъ, въ семъ дѣлѣ съ вами соучаствующихъ и помогающихъ“ (стр. 48)? На этотъ пунктъ князь Николай Трубецкой отвѣчалъ: „Покойный профессоръ Шварцъ предлагалъ намъ, чтобъ извѣстную особу сдѣлать великимъ мастеромъ въ масонствѣ, въ Россіи. А я передъ Богомъ скажу, что предполагая, что сія особа принята въ чужихъ краяхъ въ масоны, согласовался на оное изъ единаго того, чтобъ имѣть покровителя въ оной. Но чтобъ я старался уловить оную особу, то предъ престоломъ Божіимъ клянусь, что, не имѣвъ того въ намѣреніи и, слѣдовательно, ни соучастниковъ, ни помощниковъ, имѣть въ ономъ не могъ“ (стр. 49). И. В. Лопухинъ, сознаваясь, что по любви его къ упражненіямъ въ познаніяхъ „естественно было желать, чтобъ и другіе въ томъ же упражнялись“ и что „неестественно бы мнѣ было не желать того же столь важной и дра-

гоцѣнной особѣ“, прибавляетъ: „но я только что желалъ, подвига же къ тому и совѣщанія о семъ никакого не дѣлалъ; я очень мало и смутно о семъ и знаю. Новиковъ со мною мало о семъ говаривалъ“. Далѣе онъ говоритъ опредѣленнѣе. „Съ принцемъ Гессенъ-Кассельскимъ я никогда переписки не имѣлъ, а слышалъ я еще отъ Шварца, что онъ къ нему писалъ—когда заводилось здѣсь то благотворительное рыцарство,—что здѣсь не намѣрены учреждать великимъ мастеромъ никого изъ иностранныхъ, и изъ здѣшнихъ, развѣ ту особу, ежели когда-нибудь она то приметъ на себя. *Однакожe я знаю, что особѣ сей никогда то предлагаемо не было, и она никакъ не участвовала*“... „Въ объясненіе вышесказаннаго о великомъ мастерѣ еще прибавлю, что у насъ не было онаго учреждено, а управляла директорія, составленная изъ первыхъ чиновниковъ провинціальной ложи“ (стр. 62). Въ отвѣтъ на 16 вопросный пунктъ И. В. Лопухинъ еще разъ возвращается къ этимъ отношеніямъ къ извѣстной особѣ и показываетъ: „Также и посредства, кромѣ Баженова, никакого не зная, повторяю еще, что весьма темное и отрывистое имѣлъ свѣдѣніе объ отношеніяхъ ихъ къ извѣстной особѣ, а о началѣ оныхъ никакого. Немного разъ говоря съ Новиковымъ, почти каждый говорилъ о неудобностяхъ таковыхъ отношеній по крайнемъ разсмотрѣніи, чисты ли и безкорыстны они; въ семъ смыслѣ, относительно къ Новикову, говаривали мы и съ княземъ Трубецкимъ и съ Тургеневымъ, которые согласны всегда были съ выше объявленнымъ понятіемъ. Мы говаривали такъ, что стараніе сдѣлаться пріятными той особѣ, хотя въ томъ видѣ, чтобы когда-нибудь благоволеніе ея обращать на обогащеніе себя и прочее, уже мерзки и гнусны въ отношеніи къ чистой добродѣтели, а видъ сей, по свойственнымъ человѣчеству пристрастіямъ, можетъ тайно, иногда и самому себѣ несвѣдомымъ образомъ, сокрываться подъ личиною мнимаго доброжелательства. И ежели бы случилось привлечь благоволеніе той особы, то всегдашнее играніе собственнолюбія и страстей человѣческихъ могло бы породить въ насъ желаніе скорѣе той особѣ быть въ возможности, благоволеніемъ оныя, существенно пользовать насъ, а одна мысль таковаго желанія есть адская и ужасная для сердца христіанъ и вѣрноподданныхъ. Самъ Новиковъ, какъ онъ мнѣ говорилъ, и сколько мнѣ по крайней мѣрѣ казалось, уклонился отъ таковыхъ исканій, относительно къ извѣстной оной особѣ“ (стр. 77).

Бригадиръ Тургеневъ при допросѣ, относительно 4 вопроснаго пункта, показалъ: „4-е. Я, почитая масонство очень хорошимъ дѣломъ, желалъ бы, чтобы всѣ, а особливо великія особы, его защищали и утверждали; и моя забота о сей особѣ, здѣсь упоминаемой, состояла только въ мысляхъ, а отнюдь не на дѣлѣ. Слыша же отъ Баженова, что великая сія особа привязана къ масонству, говорилъ объ этомъ и съ нимъ, и съ Новиковымъ. Съ принцемъ Гессенъ-Кассельскимъ о перепискѣ по сему

я не вѣдалъ и не вѣдаю. Я уже объявилъ, что вреднаго въ семъ дѣлѣ предпріятія я въ душѣ моей не имѣлъ; и въ томъ, для чего мы о семъ и говорить, и думать осмѣливались, признаю себя виноватымъ. О томъ, что Баженовъ говорилъ съ важною тою особой, вѣдалъ я, Новиковъ, Гамалѣя, Трубецкіе, такъ равно и всѣ сіи мои товарищи. По сему съ Баженовымъ и говорить не хотѣли, и Новикову отсовѣтовали, и потомъ о семъ мы отъ Новикова и Баженова ничего не слыхали" (стр. 86).

Переговоры Баженова, а также пересылка къ *извѣстной особѣ* мистическихъ масонскихъ книгъ не подлежатъ сомнѣнію. Подробности объ этомъ предметѣ желающіе найдутъ въ изданіи г. Тихонравова. Въ огромномъ количествѣ масонскихъ бумагъ и сочиненій XVIII столѣтія, просмотрѣнныхъ нами, намъ не удалось найти указаній на эти отношенія масоновъ къ „ближайшей къ престолу особѣ". Единственнымъ намекомъ можетъ служить масонская пѣсня, помѣщенная въ указанномъ нами печатномъ сборникѣ. Въ ней поется слѣдующее о Панинѣ:

О, старецъ братьямъ всѣмъ почтенный,
Коль славно, Панинъ, ты успѣлъ!
Своимъ премудрымъ ты совѣтомъ
Въ храмъ дружбы сердце царско ввелъ.
Вѣнчанна, мира красотою
Плѣнивъ невинной простотою,
И что есть смертный вразумилъ.
Власть пышну съ службою святою
И съ человѣчествомъ смирилъ.
Не мни, что рабствомъ утѣсненный
Тебя ласкаетъ слабый льстецъ;
Масоновъ ревность то вѣщаетъ
И оныхъ искреннихъ сердецъ.
Въ порфирѣ, дружбы удаленный,
Союзовъ братскихъ отчужденный;
Послѣдуя стезѣ твоей
И въ нашъ вступивши храмъ священный
Колико пріобрѣвъ друзей *).

Весьма важное указаніе находимъ мы въ перепискѣ между собою нѣмецкихъ масоновъ. Въ третьей части упомянутаго выше сочиненія *Der Signatstern* (стр. 312) мы находимъ *Auszug aus des Prior Cl. Correspondance mit dem Minister Wurmb, O. d. fr. a Sepulcro*. Въ письмѣ изъ Гиммена (Gimmen), 2 января 1778 г., читаемъ слѣдующее: „Der König von Schweden hat bei seiner Anwesenheit zu Petersburg unternommen, den Grossfürst zu initiiren". Такимъ образомъ, видимъ, что мысль привлечь Павла Петровича въ орденъ принадлежала Густаву III во время его посѣщенія Петербурга въ 1777 г.

*) Пѣсня LIII, стр. 68.

Обратимся теперь къ перепискѣ московскихъ масоновъ. Первыя два письма 1780 г. не представляютъ никакого интереса, но третье, отъ князя Николая Никитича Трубецкаго, весьма важно, и съ него начинается переписка объ устройствѣ масонства въ Россіи. Къ сожалѣнію, и оно, и слѣдующее за нимъ письмо князя Трубецкаго къ Алексѣю Андреевичу безъ даты. Изъ слѣдующаго за нимъ письма Николая Ивановича Новикова къ тому же лицу мы можемъ, однако же, заключить, что письма князя Трубецкаго писаны раньше ноября 1782 г., потому что Новиковъ отвѣчаетъ на письмо Алексѣя Андреевича отъ 25 ноября 1782 г., письмо, вызванное, очевидно, предшествовавшими письмами князя Трубецкаго. Вотъ что̀ пишетъ князь Трубецкой въ первомъ своемъ письмѣ къ Алексѣю Андреевичу (3-е письмо рукописи). Выписываемъ то, что̀ считаемъ особенно важнымъ.

„Что касается до внѣшняго или іероглифическаго масонства, то мы, видя, что, несмотря на всѣ обѣщанія Швеціи и на всѣ старанія К. Г. Пет., она намъ ничего не сообщаетъ, и что письма, которыя оттуда пишутъ, наполнены политическихъ учтивствъ и больше ничѣмъ, при томъ зная, что самовластный поступокъ г. Зюдерманландскаго въ сооруженіи 9-й пров. и въ приписаніи къ ней Россіи и большей части Европы вооружилъ весь орденъ противъ него, притомъ стыдясь покоренія россійскаго братства братству шведскому, и зная, что самое сіе покореніе, а наипаче требованіе безумныхъ шведскихъ брр., когда-нибудь могутъ великій ударъ въ Россіи ордену сдѣлать; при томъ получа достовѣрное извѣстіе, что въ орденѣ собирается конвентъ, состоящій изъ депутатовъ всѣхъ разсѣянныхъ капитулій и провинцій, дабы неустройства, вкравшіяся въ орденѣ, истребить, несогласіе брр. прекратить, мы разсудили, что не можетъ быть удобнѣе случая освободить россійское братство отъ всякаго подчиненства, какъ оной. И съ симъ намѣреніемъ, соединя прежде воедино партіи, бывшія въ Москвѣ, мы послали депутацію въ орденъ, чтобы на конвентѣ намъ имѣть своихъ депутатовъ и дѣйствовать на ономъ, не яко подчиненному братству кому-либо то ни было; но яко корпусу брр.; притомъ изъяснялись, что Россія столь обширна, что имѣетъ право требовать и просить у ордена для самой себя провинціи; мы притомъ, зная, что въ орденѣ великое уваженіе имѣютъ къ герцогу Брауншвейгскому, интересовали и его въ наше требованіе; депутаты наши ѣздили и, отъ одного капителя переѣзжая до другого, наконецъ, столь счастливо успѣли, что позволено намъ было имѣть депутатовъ на конвентѣ и свои требованія на ономъ изъяснять; мы, получа это извѣстіе, уполномочили своими депутатами самого герцога Брауншвейгскаго и дѣйствительнаго статскаго совѣтника и тайнаго секретаря Шварца, и съ прописаніемъ всѣхъ нашихъ требованій послали письменное представленіе на конвентъ; между тѣмъ депутаты, посланные нами, не жалѣя ни трудовъ, ни денегъ, привезли къ намъ изо всѣхъ капите-

лей и архивъ ордена все то, что до внѣшняго и іероглифическаго ордена принадлежитъ, такъ что всѣхъ системъ работу мы теперь у себя имѣемъ, и еще, что̀ недостаетъ, то получаемъ почти на всякой почтѣ, такъ что, соединясь съ капителями всѣхъ системъ внѣшняго ордена, мы сдѣлались такъ какъ средоточіемъ, въ которое все то, что̀ капители всѣхъ партій имѣютъ, стекается; и наша архива богатѣе становится, нежели во всей Европѣ, ибо тамъ капители разныхъ системъ другъ отъ друга таятся и другъ другу ничего не даютъ, а мы, бывъ съ ними со всѣми въ связи, и не объявляясь ничьей партіи, но признавая всѣхъ ихъ за истинныхъ брр., токмо стремящихся разными путями къ той же и единственной цѣли ордена, все то отъ всѣхъ ихъ получили и получаемъ, что̀ они только имѣютъ, а, наконецъ, мы столько счастливы были, что на конвентѣ, который кончился въ прошедшемъ мѣсяцѣ, Россія прокламирована VIII провинціей и независящею ни отъ кого, вотъ люб. бр. успѣхи наши въ разсужденіи внѣшняго ордена. Мы провинція, мы независимы ни отъ кого, и мы все то у себя имѣемъ, что̀ только внѣшній орденъ когда-либо у себя имѣлъ или имѣетъ; и за то отвѣчать можно, что Швеція того у себя не имѣетъ, что̀ имѣетъ Россія; много трудовъ намъ стоило получить провинцію, ибо Голландія и Польша той же провинціи просили; но Богъ благословилъ наши работы, и мы, побѣдя всѣ препятствія, единогласно признаны и прокламированы VIII провинціей; окончивъ такимъ образомъ первое отдѣленіе моего письма, приступаю къ другому, наиважнѣйшему для меня, т.-е. касающемуся до внутренняго ордена....“

Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ, также безъ даты, князь Н. Трубецкой сообщаетъ новыя подробности объ устройствѣ въ Россіи VIII провинціи ордена. Это письмо приводимъ вполнѣ:

„Люб. и высокопоч. б. Ал. Ан.

„Благодарю васъ за дружеское ваше письмо и притомъ, зная всегдашнюю вашу привязанность къ истинному ордену, поздравляю васъ съ открытіемъ или, лучше сказать, съ утвержденіемъ Россіи въ восьмую провинцію, на что̀ мы уже и рѣшеніе автантическимъ образомъ получили; а чтобы вамъ дать извѣстіе, какъ расположенъ теперь орденъ, то скажу вамъ, что, во-первыхъ, намѣреніе возстановить орденъ Тем. совершенно уничтожено; но намѣреніе ихъ въ содѣйствіи блага исправленія человѣческаго оставлено; и принятіе въ кавалеры, яко въ число таковыхъ людей, которые рѣшились жертвовать всѣмъ своимъ временнымъ благомъ для пользы и просвѣщенія человѣковъ оставлено; также и правленіе ордена оставлено на томъ порядкѣ, какъ было прежде; почему и утверждены нижеслѣдующимъ образомъ провинціи:

„I. Нижняя Германія, которая прежде VII почиталась.

„II. Овернія.

„III. Окситанія.

„IV. Италія и къ ней префектура Шамбери.

„V. Бургонія.

„VI. Вышняя Германія.

„VII. Австрія. — Къ ней: ложи *) вѣнская, венгерская, трансильванская префектура, прагская, учрежденная въ Галиціи, Лодомиріи, Ломбардія Австрійская и Фландрія Австрійская.

„VIII. Вся Россія.

„IX. Осталась вакантною, дабы дать Швеціи средство раскаяться и присоединиться къ ордену.

„Сверхъ того, учрежденъ генеральнымъ мастеромъ всѣхъ провинцій его выс. бр. Фердинандъ герцогъ Брауншвейгскій и Люненбургскій.

„Три степени Св. Кам. утверждены по актамъ древнимъ; которыя суть тѣ, которыми мы работаемъ; токмо не полныя, послѣдующихъ три признаны, яко степени управляющія.

„Вотъ почт. бр. краткое начертаніе учиненнаго въ конвентѣ; мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы тѣхъ брр. петербургскихъ, которые преданы ордену, о положеніи ономъ предувѣдомили, дабы они были спокойны и не отдавались бы въ обманъ; ибо сказываютъ, что нѣкоторые изъ нихъ колеблются и не знаютъ, что̀ имъ дѣлать; мы же, получа для Россіи всѣ выгоды, которыя внѣшній орденъ дать ей можетъ, какъ скоро учредимъ все, что̀ ей нужно для твердаго основанія провинціи, то петербургскимъ брр. дадимъ знать овтантически о учрежденіи нашемъ; но какъ сего скоро исполнить нельзя, то желали бы мы, чтобы они до того времени были спокойны, работали бы въ тишинѣ и увѣрились бы, что тѣ, которымъ теперь поручилъ орденъ учрежденіе провинціи, бывъ русскіе и честные люди, обманывать ихъ не станутъ, и не для своей пользы или своихъ выгодъ трудятся, но для истинной пользы отечества, когда же они захотятъ еще и прежде присоединены быть къ истинному ордену, то стоитъ имъ только на имя національнаго комитета въ Москвѣ написать письмо и вступить въ связь съ онымъ, яко съ тѣмъ мѣстомъ, которое для открытія провинціальнаго капитела орденомъ въ Россіи управляетъ; а письмо сіе я берусь, ежели имъ угодно, въ комитетъ доставить.

„Что же до васъ принадлежитъ, то я именемъ начальствующихъ брр. и всѣхъ вообще соединенныхъ могу васъ увѣрить, что они васъ всѣ любятъ, почитаютъ, и все то, что̀ въ ихъ силѣ есть, то все для васъ сдѣ-

*) Мы замѣняемъ словами масонскіе знаки. Въ письмахъ слова: ложа, орденъ, директорія замѣняются знаками: продолговатый четвероугольникъ, кругъ съ точкой посрединѣ, андреевскій крестъ съ четырьмя точками между концами.

лаютъ, и уже считаютъ васъ отнынѣ соединеннымъ неразрывнымъ узломъ дружбы со всѣми ими и проч.

К. Н. Т.“

Въ письмѣ Николая Ивановича Новикова, отъ 14 февр. 1783 г. къ тому же петербургскому брату, въ отвѣтъ на письмо послѣдняго отъ 25 ноября 1782 г., мы находимъ нѣкоторыя новыя подробности о признанiи Россiи особою провинцiей ордена и о средствахъ, употребленныхъ московскими братьями для достиженiя этой цѣли. Письмо Новикова чрезвычайно интересно, но на этотъ разъ мы извлечемъ изъ него только то, чтò относится до признанiя Россiи самостоятельною провинцiей ордена. Говоря о внутреннемъ устройствѣ масонства въ Россiи, мы воспользуемся другою его частью.

„И такъ приступая къ исполненiю вашего желанiя, для лучшей точности въ отвѣтѣ и ясности, я извлекъ изъ письма вашего слѣдующiе три пункта:

„1) Вы желаете получить объясненiе о настоящемъ положенiи орденскихъ дѣлъ.

„2) Вы желаете имѣть свѣдѣнiе о именахъ брр., составляющихъ нацiональный комитетъ VIII провинцiи ордена, и

„3) Спрашиваете вы, какъ далеко и съ кѣмъ именно изъ Пе — брр. о. поручаетъ вамъ нацiональный комитетъ вступать въ содѣйствiя и кто особливо нуженъ изъ тамошнихъ брр. нацiональному комитету. На всѣ сiи требованiя, весьма справедливыя сами по себѣ, хотя бы я и усерднѣйше желалъ сообщить вамъ, высокоп. бр. о., достаточныя, ясныя и убѣдительныя объясненiя; но на сей разъ буду довольствоваться только тѣмъ, чтò можно ввѣрить обыкновенной почтѣ, и чтò позволятъ сообщить краткость времени и собственныя мои познанiя.

„На 1) извѣстныя вамъ, высокоп. бр. о., обязательства Пе — брр. со Шведскимъ капитулемъ, требованная онымъ строгая подчиненность, врученiе всей довѣренности иностранному брату (коего не весьма чистое поведенiе давно уже многимъ было подозрительно), и нѣкоторыя не искреннiя, но частiю хитрыя и неточныя обѣщанiя, частiю скрытный и свой особенный предметъ показующiя поступки, столь показались многимъ изъ Московъ. брр. несоразмѣрными тѣмъ понятiямъ, которыя имѣли объ о., что ревность ихъ къ о. не только была тѣмъ воспящена, но и устрашена: ибо видѣли они тѣсное соединенiе съ такимъ капитуломъ, который по честолюбивымъ своимъ замысламъ желалъ только на счетъ величества отечества нашего возвыситься въ достоинство провинцiи о., учиня въ награжденiе, да и то безъ согласiя цѣлаго о., вѣчно зависимымъ отъ себя прiоратумъ такое государство, которое справедливѣе бы себѣ сiе право на счетъ шведскаго капитула присвоить долженствовало.

Притомъ же щедро и вездѣ разсѣиваемыя понятія о малыхъ капитулахъ, о великихъ капитулахъ, о просвѣщенныхъ капитулахъ, о иллюминованныхъ капитулахъ, о брр. фіолетовой ленты, о магистрахъ храма, о клерикатѣ, о призываніи духовъ и проч. и проч., всѣ сіи великія познанія и высокія понятія большею частію только весьма забавны и подобны забавамъ дѣтей пугающихъ Геркулесовымъ вооруженіемъ, почему и показались они сказаннымъ М. братьямъ не только что странными, но и чуждыми истиннаго о.; а нѣкоторыя церемоніи и обряды, употребляемые въ сихъ блистательныхъ капитулахъ, несмотря на прекрасную и привлекательную личину, показались имъ совершенно ложными и поддѣльными (не взирая ни на благовонное куреніе, которое не заглушало, однакожъ, нечистаго запаха, и который имѣющіе тонкое обоняніе чувствовать могли; ни на священныя молитвы, которыми дерзали прикрывать пагубныя намѣренія), ибо думали они (какъ то и дѣйствительно послѣ того удостовѣрились самымъ дѣломъ), что о—скія обязательства, не взирая на долженствующую быть въ о. подчиненность въ разсужденіи познаній, всегда, однакожъ, долженствуетъ она оставаться братскою зависимостію, а не рабскою, что капитель малой или великой, иллюминованной или совсѣмъ просвѣщенной, долженствуетъ быть великимъ или просвѣщеннымъ, не по числу 81 бр., и не по великолѣпнымъ обрядамъ, но по архивѣ какую онъ имѣетъ, по искусству въ о—скихъ познаніяхъ членовъ, которые его составляютъ, и по связямъ съ кѣмъ оныя имѣютъ.

„Что фіолетовая лента можетъ служить только знакомъ отличныхъ познаній, а не существомъ оныхъ. Что магистеры храма, кажется, долженствовали бы лучше сидѣть при гробѣ І., нежели при М., что призываніе духовъ, не что̀ иное есть какъ мерзость Ваалова, или такъ называемая како-магія, проклинаемая на многихъ мѣстахъ Св. Писанія и пр. и пр.

„Всѣ сіи обстоятельства, а наипаче совѣты, объясненія, наставленія, откровенность и чистосердечіе, ревность и пламенное желаніе доставить благо нашему отечеству, чуждая всякаго корыстолюбія братская любовь нашего любезнѣйшаго бр. о. Ивана Григорьевича Шварца; и также подлинные о—скіе документы, въ рукахъ его находившіеся, дали имъ узрѣть о. въ истинномъ его красотою своею все превосходящемъ видѣ; а наконецъ, по не заслуженному ихъ счастію, удостоились они превышающаго и самыя величайшія награжденія о. объятія и благословенія, они обоняютъ уже небесный и чистый и натуру человѣческую оживляющій запахъ о., позволили уже имъ утолять жажду ихъ къ познаніямъ изъ источника Эдемскаго, изобильно и непрестанно протекающаго отъ начала вѣковъ во всѣ четыре конца вселенныя. При толикомъ счастіи, позавидуютъ ли они бѣднымъ и чернымъ познаніямъ шведскимъ? Да не будетъ сего во вѣки! До сего счастія достигли московскіе брр. слѣдующимъ

порядкомъ: 1) Они учредили въ Москвѣ сіентифическую тайную, такъ-называемую ложу Гармонію. Въ бытность въ Москвѣ В. П. Б. о. К. Г. П. Г. пригласили его къ себѣ въ члены; показали ему предметъ своихъ исканій, то-есть соединеніе съ о.; объявили ему свое сомнѣніе о Шведахъ: онъ на все согласился, сдѣлался почетнымъ членомъ ложи Гармоніи, одобрилъ предметъ исканій и съ тѣмъ разстался, отъѣзжая въ П., былъ основательными доказательствами убѣжденъ о честности намѣреній, какъ помянутаго бр. о. Шварца, такъ и всѣхъ соединившихся брр. Между тѣмъ, соединенные брр. рѣшились отправить бр. о. Шварца и съ нимъ бр. о. Петра Петровича Татищева для достиженія къ цѣли своихъ желаній. Они отправились и не токмо что исполнили, но и превзошли желаніе московскихъ соединившихся брр. По возвращеніи же ихъ, они отправили полномочіе на генеральный конвентъ. Между тѣмъ в. п. бр. о. Гагаринъ прибылъ въ Москву. Со стороны московскихъ бр. все употреблено было, но ни въ чемъ у него не успѣли. Наконецъ, конвентъ кончился, Россія возвышена въ достоинство VIII провинціи, и нынѣ уже учредился провинціальный капитель и директорія: изъ сего в. п. бр. о. изволите усмотрѣть, что московскіе брр. столько были успѣшны въ исканіяхъ своихъ на генеральномъ конвентѣ, что пріобрѣли въ о. мѣсто, котораго и самъ шведскій капитель законнымъ образомъ еще не имѣетъ; и столько учинилися блаженными, что въ отечествѣ нашемъ существуютъ уже спасительныя, истинныя и единственныя познанія древнѣйшаго, единаго и святѣйшаго о. Боже всемогущій! призри и посѣти виноградъ сей, его же насади десница Твоя!“

Таковы извѣстія, доставляемыя перепиской объ отдѣленіи русскаго масонства отъ шведскихъ ложъ и пріобрѣтеніи имъ самостоятельности. Мы постараемся дополнить эти свѣдѣнія другими матеріалами, частію идущими изъ того же источника, откуда и переписка, частію принадлежащими мнѣ. Смыслъ многихъ изъ нихъ открывается только теперь, благодаря переепискѣ, и мы можемъ почти шагъ за шагомъ прослѣдить первые шаги русскаго масонства, освободившагося отъ невыгодной зависимости.

Къ 1781—1784 годамъ относится самая блестящая пора московскаго масонства, и къ этому времени относится и бо́льшая часть находящихся у насъ матеріаловъ.

Профессоръ Московскаго университета Иванъ Григорьевичъ Шварцъ и Петръ Петровичъ Татищевъ, сынъ столь извѣстнаго Петра Алексѣевича Татищева, отправились за границу по порученію московскихъ братій въ 1781 году, 22 октября. Въ Брауншвейгѣ Шварцъ представилъ герцогу свою кредитивную грамоту отъ московскихъ братій и подалъ ему слѣдующее представленіе. Мы имѣемъ это представленіе, равно какъ и протоколъ созванной герцогомъ по его поводу конференціи, въ переводѣ съ нѣмецкаго въ офиціальной, подписью и печатью засвидѣтельствованой копіи.

„Свѣтлѣйшій герцогъ,
Милостивый государь,

Высокодостойнѣйшій в. мастеръ всѣхъ соединенныхъ шотландскихъ ложъ! Какъ московскіе братья высокаго ордена, вступившія въ тѣснѣйшую связь съ такъ-называемою ложею Гармоніи, которыхъ имена и свѣтскіе чины ваша свѣтлость всемилостивѣйше усмотрѣть изволите изъ данной мнѣ отъ нихъ кредитивной грамоты, особенно же предсѣдательствующіе въ оной главные мастера Петръ Алексѣевичъ Татищевъ и Николай Ивановичъ Новиковъ возложили на меня изустно донести вашей свѣтлости обстоятельно о положеніи масонства въ Россіи и узнать ваши мысли о томъ, дабы оныя впредь взять себѣ за правило въ своихъ поступкахъ относительно къ *масонству*, то осмѣлился я чрезъ настоящее представленіе всеподданнѣйше предложить вашей свѣтлости письменно главные пункты возложенной на меня коммиссіи.

1. Всеподданнѣйше донести вашей свѣтлости, что орденъ Тампліеровъ существуетъ уже въ Москвѣ съ 1776 года, куда онъ перенесенъ чрезъ извѣстнаго барона Беннинкса; что братья, кои скоро усумнились о законности Беннинксова основанія, посредствомъ ложи Трехъ Глобусовъ, взяли свое прибѣжище къ вашей свѣтлости, яко къ видимому великому мастеру всѣхъ старыхъ шотландскихъ ложъ съ просьбою о милостивѣйшемъ признаніи состоящихъ уже въ высокомъ орденѣ братій, которую просьбу черезъ сіе повторяю я преданнѣйше.

2. Что какъ помянутые братья знаютъ вашу свѣтлость, яко высочайшаго орденскаго начальника всѣхъ соединенныхъ старыхъ шотландскихъ ложъ; то они вступили въ союзъ съ митавскою старою шотландскою ложей, яко состоящею равнымъ образомъ подъ высочайшимъ вашимъ вѣдѣніемъ, который союзъ намѣрены они продолжать потому наипаче, что онъ, по положенію Курляндіи, много способствуетъ къ всеобщей связи и корреспонденціи.

3. Чтобы ваша свѣтлость всемилостивѣйше изволили русскимъ братьямъ высокаго ордена впредь содѣйствовать въ общихъ дѣлахъ орденскихъ. Помянутые братья осмѣливаются увѣрить, что высокій орденъ въ Россіи столько же полезенъ быть можетъ, сколько и гдѣ индѣ.

4. Въ случаѣ, что генеральный конвентъ ордена воспослѣдуетъ, чтобы Россіи всемилостивѣйше доставить одну или двѣ изъ неоткрытыхъ еще провинцій. Безъ сего м—ство въ Россіи никогда не можетъ сдѣлать всей той пользы, какую бы оно произвести могло отъ открытія въ ней провинціи. Курляндія могла бы тогда составить часть русскихъ провинцій.

Вашей свѣтлости и проч. преданнѣйше-послушнѣйшій

Въ Брауншвейгѣ
22-го окт. 1781 г.

І. Г. Шварцъ".

Въ тотъ же день у герцога была конференція по поводу представленія профессора Шварца, и вотъ протоколъ этой конференціи:

„Въ присутствіи его свѣтлости, высоко-достойн. в. мастера всѣхъ соединенныхъ шотландскихъ ложъ, Фердинанда, герцога Брауншвейгъ-Люнебургскаго и пр.,

Бр. профессора Шварца,

Бр. тайнаго совѣтника Кортума,

Бр. статскаго совѣтника Шварца,

Бр. совѣтника посольства Гилле *).

„Въ Брауншвейгѣ, въ герцогскомъ замкѣ 22-го окт. 1781 г. происходило слѣдующее:

„Въ назначенной отъ его высокодостоинства, свѣтлѣйшаго герцога Брауншвейгъ-Люнебургскаго, сегодняшней конференціи, высокодостойный брр. профессоръ Шварцъ, именемъ московскихъ въ тѣснѣйшую связь вступившихъ внутренняго ордена братій такъ-называемой ложи Гармоніи, которыхъ имена и свѣтскіе чины его высокодостойной свѣтлости поднесены уже въ кредитивной грамотѣ и въ особливости именемъ предсѣдательствующихъ въ оной главныхъ мастеровъ Петра Алексѣевича Татищева и Николая Ивановича Новикова, подалъ приложенное при семъ представленіе (промеморію, записку). Соотвѣтственно содержанію онаго его высокодостоинство свѣтлѣйшій герцогъ соизволилъ дать слѣдующія рѣшенія:

„На 1) что его свѣтлость находящихся въ Москвѣ братьевъ внутренняго ордена, какъ прежде, такъ и впредь признаетъ таковыми.

„На 2) его высокодостоинство, свѣтлѣйшій герцогъ, не только принялъ сіе столь лестное для него прошеніе, но купно обязался нынѣ московскимъ брр. внутренняго ордена всегда сообщать обо всемъ, чтó впредь въ орденѣ случится, по силѣ существующаго уже между ими и курляндскими братьями союза или прямо въ Москву или представляемымъ образомъ черезъ Митаву.

---

*) Мы имѣемъ печатный списокъ депутатовъ генеральнаго конвента франкъмасоновъ въ Вильгельмсбадѣ (отъ 16-го іюля по 1-е сентября 1782). Списокъ засвидѣтельствованъ печатью ордена и подписью начальника архива и хранителя печати: Бр. Fridericus Eq. ab urna. Въ этомъ спискѣ изъ членовъ конференціи находимъ двухъ: Шварца и Кортума.

Schwartz Conseiller d'Etat de S. M. le Roi de Danemarc etc. in. o. Fr. *Fridericus Eq. ab urna*, Secretaire Général, Garde de Sceaux et Archives de l'o. faisant les fonctions de Sécretaire Général du Convent pour la langue Allemande, muni des Pleinspouvoirs du Tresorier Général de la Province Fr. Fq. a mergite (de Rhetz), ainsi que des Prefectures de Brunswic, Hannovre, de Konigsberg, dans la I. de même que du Grand Prieuré de Bataves de la VI et de toute la VIII Province (Россія). Le Rev. Fr. *de Kortum,* Conseiller privé de S. M. le Roi de Pologne, in o. Fr. *Ernestus Eq. a Foute Irriquo,* muni des Pleins-pouvoirs du Très Rev. Fr. Doien de la province Eq. a Gladio ancipiti (Comte de Brühe). Оба были депутатами отъ первой провинціи, Нижней Германіи до Балтійскаго моря.

„На 3) сіе безъ всякаго прекословія пріемлется и допускается.

„На 4) какъ сіе принадлежащее до наступающаго генеральнаго конвента ордена: то его высокодостоинство, свѣтлѣйшій герцогъ обѣщаетъ высокою своею рекомендаціей поддержать въ ономъ требованіе московскихъ братьевъ внутренняго ордена, а между тѣмъ его свѣтлость предлагаетъ, не соблаговолятъ ли тамошніе высокодостойные братья внутренняго ордена въ особенности уполномочить двухъ братьевъ на генеральный конвентъ ордена для вящшаго споспѣшествованія въ исполненіи ихъ требованій.

„Чѣмъ и заключена была сія конференція.

„На подлинномъ подписано тако:

Фердинандъ, герцогъ Брауншвейгъ - Люнебургскій. Выбранный в. мастеръ всѣхъ ложъ.

„М. П.

„Внизу подписано: Во увѣреніе г. Гилле“.

Путешествіе профессора Шварца было важно для московскаго общества. Несмотря на короткость поѣздки, онъ завязалъ личныя связи съ главнѣйшими изъ нѣмецкихъ дѣятелей общества. Кромѣ тѣхъ лицъ, которыя упомянуты въ протоколѣ, онъ познакомился съ Іерузалемомъ, воспитателемъ герцога *). Въ Берлинѣ онъ сошелся съ главными лицами тамошнихъ ложъ.

Лучшимъ доказательствомъ того значенія и вліянія, которое пріобрѣлъ онъ у германскихъ начальниковъ масонскаго ордена, будетъ служить переписка по случаю учрежденія въ Москвѣ директора, которую мы приведемъ ниже.

Возвратясь въ Россію, Шварцъ привезъ своимъ довѣрителямъ, кромѣ приведенныхъ рѣшеній главы ордена, нѣсколько важныхъ бумагъ, разосланныхъ по ордену еще прежде вступленія московскихъ масоновъ въ прямыя сношенія съ герцогомъ Брауншвейгскимъ. Мы имѣемъ русскіе переводы: 1) предварительнаго циркуляра, касающагося до будущаго генеральнаго конвента ордена, отъ Фердинанда, герцога Брауншвейгъ-Люнебургскаго, отъ 19 сентября 1780 г., и 2) призывнаго циркуляра къ генеральному конвенту 15 октября во Франкфуртѣ на Майнѣ, подписаннаго въ замкѣ Готторпскомъ 18 іюля 1781 г. герцогомъ Фердинандомъ. Оба эти циркуляра не могли быть обращены къ русскимъ масонамъ раньше поѣздки Шварца, потому что въ нихъ ни разу не упомянута Россія, хотя нѣсколько разъ указываются страны, куда простирается власть великаго мастера. Они не могли быть переведены и въ

*) См. *Біографическій Словарь московскихъ профессоровъ,* статью г. Тихонравова о Шварцѣ.

позднѣйшее время русскими масонами ради историческаго ихъ значенія, потому что мы находимъ отвѣтъ на нихъ, посланный московскими братьями къ герцогу вскорѣ послѣ возвращенія Шварца въ Москву. Кромѣ того, указанія на нихъ есть и въ перепискѣ. Мы не будемъ приводить вполнѣ эти циркуляры, несмотря на ихъ важность для исторіи масонства: они слишкомъ обширны и не имѣютъ прямого отношенія къ русскимъ братьямъ, только еще вступившимъ въ прямое общеніе съ орденомъ. Ограничимся поэтому лишь важнѣйшими указаніями и приведемъ только одно посланіе московскихъ начальниковъ братства къ герцогу.

Генеральный конвентъ соединенныхъ шотландскихъ ложъ Германіи, Италіи, Франціи и Голландіи, который предполагалось собрать, вызванъ былъ внутренними безпорядками и разладомъ, которые господствовали въ братствѣ. Въ предварительномъ циркулярѣ герцогъ прямо говоритъ о печальномъ состояніи ордена. „Сдѣлать оный столько же полезнымъ для человѣчества, сколь и для его членовъ до тѣхъ поръ невозможно суть, доколѣ намѣренія и предметы различныхъ его частей и слѣдственно учрежденіе и расположеніе оныхъ будутъ другъ другу такъ противуборствовать, какъ то донынѣ происходило. Я не хочу, любезные братья, представить вамъ подробнѣйшаго изображенія печальныхъ дѣйствій отъ таковаго различія въ правилахъ нашихъ происходящихъ, ибо я ничего не могу вамъ сказать такого, чего бы вы давно сами болѣе или менѣе не испытали“. Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ братское собраніе всѣхъ древнихъ шотландскихъ ложъ средствомъ *спасти* орденъ. Для этого онъ объявляетъ, что рѣшенія, принятыя на конвентѣ, „долженствуютъ приняты быть, яко новое основательное законоданіе (novum pactum fundamentale)“ и что „отправляемые на сей случай депутаты должны имѣть *неограниченную власть и слѣдственно признаваемы быть судьями, а не простыми ходатаями*“. Но прежде, чѣмъ созывать генеральный конвентъ, объ ускореніи котораго „многократно просили французскіе, италіянскіе, голландскіе, швейцарскіе и бо̀льшая часть германскихъ братьевъ“, герцогъ Фердинандъ въ предварительномъ циркулярѣ обращается ко всѣмъ членамъ братства съ слѣдующими вопросами:

„1) Наружный видъ и порядокъ правленія, такъ какъ подчиненность и отношеніе разныхъ между собою частей ордена.

„Здѣсь спрашивается:

„a) Должны ли мы орденъ принимать за нѣчто условное, или можемъ мы производить оный отъ какого-нибудь древнѣйшаго общества или ордена, и какой есть сей орденъ?

„b) Имѣемъ ли мы въ послѣднемъ случаѣ дѣйствительно существующихъ начальниковъ, которые чрезъ достовѣрные знаки могутъ быть признаны таковыми? Что̀ мы разумѣемъ подъ оными начальниками? Изъ тѣхъ ли они, которые повелѣваютъ или которые наставляютъ и кто они таковы?

„c) Не находится ли другихъ особъ или обществъ, которыя хотя и

не могутъ доказать самаго того же происхожденія, однакоже, по крайней мѣрѣ, тѣ же самыя или подобныя имѣютъ качества? Ежели на сей или на первый вопросъ можно отвѣчать утвердительно и доказать сіе, то уже само-собой разумѣется, что они намъ и дальнѣйшіе вопросы и разсужденія наши могутъ рѣшить вѣрнѣйшимъ образомъ.

„d) Какія то способы или общества, которыя по причинѣ близкаго или дальняго сходства или по причинѣ единообразнаго происхожденія съ нами заслуживаютъ наше вниманіе и какія должны мы въ разсужденіи ихъ основать отношенія.

„e) Какія, напротивъ того, общества вольныхъ каменщиковъ, которыхъ намѣреніе и предметъ долженствуемъ мы признавать за противоположныя нашимъ, вредныя и опасныя?

„f) Какія суть наилучшія и политическому состоянію государствъ соразмѣрнѣйшія подчиненность и отношенія особенныхъ частей ордена?

„g) Какія суть надежнѣйшія средства къ предохраненію отъ нерадѣнія принятыхъ или впередъ принимаемыхъ законовъ какъ вообще, такъ и по частямъ оныхъ?

„2) Обряды и обычаи, равно какъ благоразумное и съ извѣстнымъ концомъ расположеніе оныхъ.

„3) Поведеніе наше противъ государства и публики вообще: —

„a) Чѣмъ можемъ мы достовѣрно доставить себѣ уваженіе отъ публики и покровительство отъ правленія? и какія суть упражненія вольнаго каменьщика, черезъ которыя онъ и публикѣ можетъ сдѣлаться наиболѣе полезнымъ?

„b) Въ случаѣ, если когда-нибудь худо понимаемое возстановленіе Т. О. (орденъ Тампліеровъ?) будетъ публично признано единственнымъ предметомъ союза нашего или на таковое возстановленіе совсѣмъ, либо отчасти въ какихъ-либо мѣстахъ дѣйствительно покушаться будутъ, то какія надлежитъ намъ взять мѣры, дабы нѣкоторыя государства, коимъ таковое предпріятіе по положенію ихъ не можетъ быть равнодушно, не почитали насъ съ ними въ одномъ сообществѣ?

„4) Неоходимое для каждаго общества и будущимъ обстоятельствамъ ордена соразмѣрное экономическое устройство.

„5) Одинъ или многіе всеобщіе предметы:

„a) Не можно ли принять предметъ ордена всенародный и тайный, или наружный и внутренній? и который изъ нихъ можетъ быть послѣднимъ?

„b) Благотвореніе, взаимная между братьями помощь и воспитаніе способнаго мужа для государства не суть ли три великіе, благородные и ордена достойные публичные предметы?

„c) Какимъ образомъ и въ каждомъ мѣстѣ надежнѣе предметовъ сихъ достигать можно?

„d) Когда въ орденѣ находится чтб ни есть къ наукамъ относящееся, то въ семъ случаѣ какъ можно выгоднѣйшимъ образомъ согласить оное

съ правленіемъ государства и поколику при обрядахъ нашихъ помышлять или не помышлять о семъ должно.

„6) Лучшій порядокъ въ разсужденіяхъ при таковомъ генеральномъ конвентѣ, елико возможно ограниченное число депутатовъ или судей, такожъ наблюденіе лучшаго и самонадежнѣйшаго средства, порядка и согласія между братьями и возможная бережливость при издержкахъ".

Мы не будемъ приводить призывнаго циркуляра на генеральный конвентъ, назначенный слишкомъ черезъ годъ послѣ разсылки предварительнаго циркуляра. Скажемъ только, что герцогъ въ этомъ призывномъ циркулярѣ сообщаетъ, что онъ уже получилъ отвѣты отъ большей части ложъ и что эти отвѣты въ существенномъ довольно единогласны. Для насъ важнѣе донесеніе московскихъ братій герцогу Брауншвейгскому, какъ относительно нѣкоторыхъ вопросовъ предварительнаго циркуляра, такъ особенно и относительно просьбъ московскаго братства. Оно безъ даты, но, какъ видно, написано скоро послѣ возвращенія Шварца изъ заграничнаго путешествія.

„Свѣтлѣйшій герцогъ!

„Всемилостивѣйшій государь!

„Давно уже имя вашей свѣтлости придавало величайшее сіяніе ордену вольныхъ каменьщиковъ, въ странахъ нашихъ се *Егида*, поставляемая нами противъ клеветъ, которыми старались замарать насъ невѣжество и ложь, да еще и съ нѣкоторымъ видомъ справедливости. Однакожъ, сіе имя, столь часто побѣдами увѣнчиваемое, имя всѣмъ добродѣтельнымъ толико драгоцѣнное, опровергнуло сопротивниковъ нашихъ и заставило молчать ихъ.

„Мы исполнены чувствованіями любви и высокопочитанія ко князю, толико драгому для человѣчества и для ордена, но, конечно бы, еще возрасли въ насъ чувствованія сіи, видя насъ отвѣтствующихъ на оныя нѣжнѣйшимъ образомъ, явивъ намъ новые опыты великодушныя ревности къ распространенію ордена въ странахъ нашихъ, еслибы не были они такъ уже сильны, что ничего болѣе присовокупить къ нимъ не можно, изливая токмо всѣ просьбы и надежды въ грудь нашу; желаемъ мы доказать вамъ нашу искренность и будучи исполнены совершенной довѣренности къ вашимъ милостямъ, осмѣливаемся мы прибѣгнуть единственно къ вашей свѣтлости съ отвѣтомъ нашимъ на предложенные вопросы: орденъ есть ли нѣчто совершенно условное или происходитъ онъ изъ общества гораздо древнѣйшаго?

„Мы различаемъ тутъ два предмета: 1) Внѣшній образъ, различныя внѣшнія степени, учрежденіе и подчиненность ложъ, кажутся намъ совершенно условными. Если желаютъ, чтобъ они дѣйствовали на мнѣнія и господствующія предразсужденія времени истребляли, то надлежитъ

перемѣнять ихъ, располагаясь по образу мыслей каждаго вѣка. 2) Мы увѣрены, что происхожденіе вольнаго каменщичества, а особливо первыхъ трехъ степеней, относится къ древности, гораздо отдаленнѣйшей, предпочтительно жъ къ первымъ вѣкамъ христіанства. Истина сія не могла скрыться отъ проницательныхъ умовъ нашихъ, коль скоро токмо они тамъ сообщены были фельдмаршаломъ Кейтомъ, принесшимъ ихъ въ страны наши. Сходствія ихъ съ церемоніями и обрядами церкви нашея, столь совершенно и есть очевидно, что неотмѣнно заключить должно, что и тѣ и другія проистекаютъ изъ единаго источника.

„Крайне сожалѣемъ, что циркулярное письмо вашей свѣтлости дошло къ намъ такъ поздно, а безъ сего могли бы мы предложить нѣкоторыя сочиненія, извлеченныя изъ обрядовъ церкви нашея. Эмблемы въ древнія времена, отъ Грековъ нами полученныя, и писанія отцовъ церкви славянскія, которыя бы могли быть въ состояніи оное первоначальное и древнее каменщичество учинить толико достойно почтеннымъ въ глазахъ каждаго человѣка, никакими личными побужденіями не предубѣжденнаго, что, конечно бы, не пожелалъ онъ составить новаго. Но въ разсужденіи сего предоставляемъ мы себѣ свободу откровеній, которыя мы сдѣлать можемъ, сообщить вашей свѣтлости и тѣмъ домамъ ордена, которые въ связи съ нами находятся.

„Мы, конечно, нашли бы уже разныя сочиненія о разрушенномъ и разсѣянномъ камнѣ, а можетъ-быть и дополнили бы часть онаго, еслибы мысль искать сего въ архивахъ монастырей нашихъ и въ нашихъ книгохранительницахъ пришла намъ гораздо прежде, и еслибы не обѣщали намъ открытія вышнихъ степеней, что̀ паки остановило исканіе въ надеждѣ нашей, что въ степеняхъ сихъ получимъ мы свѣтъ и познанія, гораздо совершеннѣйшія.

„Послѣ сего вели насъ изъ степени въ степень, изъ коихъ одинъ другаго былъ гораздо жалчѣе. Множество изъ нашихъ братьевъ, особливо изъ имѣющихъ первѣйшіе чины въ имперіи, получили отъ нихъ отвращеніе, или наскучивъ употреблять болѣе во зло святость присяги, отъ нихъ отказались. Наконецъ сообщили намъ О. Т. и тогда возвратилась надежда въ сердца наши, ибо орденъ сей существовалъ и ваша свѣтлость были членомъ, покровителемъ и главою онаго; довольно уже сего, чтобъ увѣрить насъ о дѣйствительномъ существованіи и важности онаго.

„Продолжался ли о. сей и былъ намъ сообщенъ истребленными Т. или возстановленъ согласіемъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ и достойныхъ братьевъ, все сіе для насъ едино. Ибо какъ можемъ помыслить, что все вольное каменщичество есть не что̀ иное, какъ собраніе эмблемъ, относящихся къ возстановленію ордена онаго, даже почли бъ химерою, еслибы кто хотѣлъ намъ сказать сіе, но вотъ понятія, которыя мы о семъ получили.

„Символы вольнаго каменщичества имѣютъ естественныя означенія свои, которыя находитъ каждый человѣкъ съ прилежностію къ изслѣдованію

его прилагающійся. Ибо оно основано въ природѣ и въ твореніи. Истина, изъясненная въ сіентефическомъ планѣ, который братъ *ab aquila* имѣлъ честь предложить почтенному брату *ab urna* *). Сіи означенія потеряны были или токмо для насъ, или можетъ-быть и для всѣхъ. И такъ открытіе означеній сихъ, потеряннаго слова, возстановленіе разрушеннаго и разсѣяннаго камня. Сіе-то есть цѣлью ордена Т.

„Разсматривая со стороны сей, все было для насъ равно, какое бы не дали названіе ордену, коего намѣреніе искать истины и сообщать ихъ братіямъ.

„Пышныя церемоніи рыцарства, кресты, кольца, эпанчи и родословныя поколѣнія должны были произвесть великое впечатлѣніе надъ націею военною, въ которой одно токмо знатное дворянство работами нашими занималось. Сверхъ того, богатое дворянство наше, такъ же какъ и вездѣ воспитано весьма чувственнымъ образомъ, и слѣдственно ничто такъ не способно показать ему отношенія умозрительныя, какъ такой языкъ, который дѣйствуетъ на всѣ органы его. Весьма справедливо, что церемоніи сіи дѣлаются очень смѣшными, коль скоро они не будутъ соразмѣрны особамъ, и мы думаемъ, что весьма страннымъ казаться должно членамъ нѣкоторыхъ домовъ ордена, не пріобыкшихъ къ оружію, или по состоянію своему удаляться отъ него долженствующихъ, видѣть себя вдругъ съ головы до ногъ вооруженнаго и обвѣшеннаго рыцарскими орденами. Напротивъ, между нами таковая воинская пышность не можетъ быть непріятною; ибо всѣ члены наши предводительствовали батальйонами или и цѣлыми арміями! Весьма приличествуютъ и кресты оные особамъ, которыя и въ общежитіи таковыми знаками чести украшены, или которыя ничего такъ жадно не желаютъ какъ полученіе оныхъ.

„Что касается до стороннихъ понятій, которыя дѣлаютъ въ другихъ земляхъ Европы, представляя орденъ Т., совокупленный съ командорствами и обладаніями нѣскольких земель, то они такъ намъ чужды, что даже историческимъ токмо образомъ представить ихъ себѣ намъ трудно. Они бы не имѣли ничего вреднаго, еслибы не было нѣчто противнаго въ учрежденіи и подчиненности ордена.

„Но сей послѣдній пунктъ весьма щекотливъ и одинъ изъ важнѣйшихъ, особливо съ того времени, какъ многіе изъ братіевъ нашихъ вступили въ обязательство и сдѣлали союзъ съ шведскими братіями, союзъ, произведшій наигорестнѣйшія слѣдствія, когда открытіе IX провинціи столь неосторожно въ вѣдомостяхъ обнародовано было. Ибо ея величе-

*) Подъ именемъ eques ab urna разумѣлся Schwarz, conseiller du Roi de Danemark, grand gardien des archives, одинъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ герцога Брауншвейгскаго по масонству. Кто былъ братъ eques ab aquila, мы не знаемъ. Быть можетъ, это былъ профессоръ Иванъ Егоровичъ Шварцъ, но въ такомъ случаѣ нужно предположить въ рукописи или сокращеніе, или ошибку. Орденское имя И. Е. Шварца было Eques ab aquila crescente.

ство почла весьма непристойнымъ столь тѣсный союзъ подданныхъ своихъ съ принцомъ крови шведскія. И надлежитъ признаться, что она имѣла весьма справедливыя причины безпокоиться о семъ. А какъ намъ кажется весьма важнымъ для воль. кам., чтобы не имѣть противу себя государей имперіи толико обширныя, то и почитаемъ весьма нужнымъ, чтобы на генеральномъ конвентѣ постарались принять мѣры, не токмо отдѣлить насъ отъ братьевъ шведскихъ, но и для будущихъ времень предупредить неудобства сему подобныя. Вотъ единая милость, которую и испрашиваемъ мы у вашей свѣтлости, яко у видимаго начальника ордена; ибо мы желаемъ соединиться со всѣмъ о., но сего быть не можетъ, какъ долго существуетъ подчиненіе, противное волѣ монархини нашей.

„Итакъ надѣемся, что ваша свѣтлость употребите всѣ милостивѣйшія стороны свои на генеральномъ конвентѣ, дабы склонить его къ открытію новой провинціи въ пользу нашу. Ваша свѣтлость удостоили увѣрить депутатовъ нашихъ, что вы употребите заступленіе ваше для доставленія намъ толико желаемаго предмета, но притомъ изволили замѣтить, что полезно бы намъ было послать депутатовъ на генеральный конвентъ для предложенія сего. Однакожъ, внутреннее положеніе дѣлъ нашихъ, такъ какъ и состояніе наше, не позволяютъ намъ въ столь краткое время отправить депутатовъ въ путь, толико дальній; впрочемъ, въ дѣлѣ такой важности не смѣемъ положиться на братьевъ, внѣ государства сущихъ, коихъ ни знанія, ни ревность довольно намъ неизвѣстны, а тѣмъ болѣе, что мы имѣли случай раскаяться, давъ такое полномочіе въ дѣлѣ, которое имѣли мы съ шведскими братіями.

„Извините, всемилостивѣйшій государь, если, находясь въ обстоятельствахъ сихъ, прибѣгаемъ единственно къ вашей свѣтлости; вы единый имѣете довѣренность братьевъ не только соединенныхъ съ нами, но и тѣхъ, которые теперь еще не соединились.

„Дозвольте же намъ полномочіе наше вручить въ руки ваши и чтобы мы исполненіе желаній нашихъ ожидали отъ васъ единаго, покоряясь всему, что токмо вашей свѣтлости угодно будетъ заключить о насъ; мы увѣрены, что все учиненное на генеральномъ конвентѣ, собранномъ подъ начальствомъ толь великаго князя, не можетъ имѣть иной цѣли, кромѣ общей пользы и благоденствія о.“

Намъ извѣстны изъ писемъ Новикова и князя Трубецкаго дальнѣйшія событія. Полномочными депутатами со стороны русскихъ были самъ герцогъ Брауншвейгскій и тайный секретарь Шварцъ. Россія была признана самостоятельною провинціей ордена, и московскіе братья могли заняться устройствомъ своего общества. Профессоръ Шварцъ получилъ отъ ордена порученіе и полномочіе на устройство въ Москвѣ директоріи теоретической степени.

При устройствѣ особой масонской провинціи въ Россіи, Шварцу дана была отъ ордена какъ бы диктатура. Любопытный документъ находится

въ офиціальной рукописи теоретической степени Соломонскихъ наукъ, скрѣпленной тайною печатью верховнаго мастера Россіи въ первой четверти XIX столѣтія. Мы приведемъ его вполнѣ.

„По высокобратскому соизволенію передаю я, нижеподписавшійся, брату Іогану Георгу Шварцу, профессору императорскаго Московскаго Россійскаго университета, теоретическую степень единаго, истиннаго ордена, въ силу данной имъ присяги, во имя всего, что̀ ни есть святаго, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Не давать сей степени никому иному, какъ только старошотландскимъ мастерамъ и то такимъ, которые, бывъ проникнуты истиннымъ благочестіемъ, Богобоязнію и человѣколюбіемъ, через то достойными признаны будутъ. 2) Никакому брату, какого бы онъ ни былъ званія, не должно давать въ руки сію степень и наставленіе оной для прочтенія, развѣ въ присутствіи бр. Шварца и еще менѣе давать ихъ для списыванія. 3) Онъ долженъ сообщать наставленія такимъ образомъ, чтобы въ 9 собраній оно одинъ разъ пройдено было. 4) Долженъ стараться, по мѣрѣ силъ своего ума, изъяснять оное братьямъ лучшимъ образомъ. 5) Степень сію сохранять въ глубочайшей тайнѣ, а потому быть весьма осторожнымъ въ выборѣ сочленовъ. Имѣя полную довѣренность къ честности и вѣрности бр. Шварца, силою данной мнѣ братской власти, симъ назначается онъ единственнымъ верховнымъ предстоятелемъ сей степени во всемъ Императорско-Россійскомъ государствѣ и его земляхъ съ тѣмъ, чтобъ онъ ежегодно присылалъ ко мнѣ именной списокъ принятыхъ, по удостоенію его, братьевъ, дабы они могли быть вносимы въ орденскую цѣпь теоретическихъ братьевъ. Также обязывается бр. Шварцъ за каждаго принятаго брата ежегодно переводить хорошими векселями въ пользу нашей кассы для бѣдныхъ, по одному червонцу. Каждый братъ платитъ, передъ принятіемъ, семь талеровъ, изъ которыхъ четыре талера остаются въ распоряженіи брата верховнаго предстоятеля Шварца, для пріобрѣтенія нужныхъ снарядовъ и пр., и онъ въ нихъ никому, кромѣ меня, отчетомъ не обязанъ. А такъ какъ бр. верховный предстоятель донесъ, что бр. Николай Ивановичъ Новиковъ, директоръ императорской университетской типографіи въ Москвѣ, имѣетъ истинныя добродѣтели и заслуги, а потому и желаемъ ему передать работы сей степени, то симъ и уполномочивается онъ передать ее брату сему подъ условіемъ наблюденія всѣхъ вышеописанныхъ пунктовъ и поставить его главнымъ предстоятелемъ сей степени, въ присутствіи по крайней мѣрѣ, трехъ братьевъ, имѣющихъ ее. Братъ Николай Ивановичъ Новиковъ въ присутствіи же сихъ братьевъ дастъ обѣщаніе въ томъ, что онъ брата Шварца признаетъ верховнымъ предстоятелемъ, будетъ ему оказывать вѣрность и повиновеніе, безъ позволенія его никого не приметъ и вообще все вышесказанное наиточнѣйше исполнитъ. Еслибы случилась нужда учиться теоретической степени и преподавать оную въ другихъ мѣстахъ императорскихъ Россійскихъ земель, кромѣ Москвы, тогда бр. Шварцъ

подчинить нужныхъ главныхъ предстоятелей брату Новикову, дабы онъ ими руководствовалъ; самъ же надъ всѣми будетъ имѣть бдительное око, чтобы братья приготовляемы были къ допущенію до тѣснѣйшаго соединенія.

„Для свѣдѣнія чего, съ высокобратскаго соизволенія написано и подписано сіе мною съ приложеніемъ моей печати.

„Въ палатѣ теоретической степени. Берлинъ, 1 октября (н. с.) 1781 г.

Подлинное подписано:

М. П.

„Johan Christian Eq. a Tarda.
„Franciscus Wilhelmus Eq. a Castore, Secretarius.“

Дѣятельность Шварца по возвращеніи его изъ-за границы истинно изумительна, особенно если принять въ соображеніе слабость его здоровья. Кромѣ исполненія обязанностей профессора въ университетѣ и учредителя филологической семинаріи, кромѣ дѣятельности въ гимназіи, кромѣ заботъ объ устройствѣ братства, онъ читаетъ публичный курсъ *О трехъ познаніяхъ любопытномъ, пріятномъ и полезномъ* *), дошедшій до насъ въ рукописи. Этимъ, впрочемъ, не ограничивалась его дѣятельность. До насъ дошла рукопись, содержащая конспектъ и замѣтки относительно другихъ его лекцій, читанныхъ въ то же время. На листѣ, въ который завернута эта рукопись, мы читаемъ слѣдующую надпись: „Сіи получены отъ Павла Ивановича Шварца на подержаніе“, и потомъ другими чернилами: „Подарены мнѣ сыномъ І. Е. Шв. П. Ив.“. Нѣкоторыя поправки на поляхъ наводятъ на мысль, не была ли рукопись поправлена или, по крайней мѣрѣ, просмотрѣна самимъ профессоромъ. Изъ этой рукописи видно, что Шварцъ въ 1782 — 1783 академ. годахъ, сверхъ публичнаго курса *О трехъ познаніяхъ*, читалъ еще публичный курсъ. Въ началѣ рукописи мы находимъ *Публичныя лекціи профессора Іоанна Георга Шварца, записанныя со словъ его*. Этихъ лекцій прочитано было 21 (съ 17 августа 1782 г. по 5 апрѣля 1783 г.). Вѣроятно, это тѣ лекціи, о которыхъ говоритъ г. Тихонравовъ слѣдующее: „Для семинаристовъ Шварцъ читалъ у себя на дому *приватныя* лекціи философской исторіи (по Бруккеру, какъ говоритъ онъ въ запискѣ). Случилось такъ, что нѣкоторые друзья застали одну изъ такихъ лекцій и захотѣли слушать ихъ; мало-по-малу число слушателей увеличивалось. Недоброжелатели Шварца увѣрили куратора (Мелиссино), что на этихъ бесѣдахъ проповѣдывалось масонство, и лекціи были прекращены. Въ самомъ же дѣлѣ, въ *чтеніяхъ* Шварца *не было ничего по-*

*) См. 2 т. *Біограф. Словаря* проф. М. Унив., біографію Шварца, написанную г. Тихонравовымъ.

добнаго." *). Это не совсѣмъ точно. Лекціи читались по одной въ недѣлю и послѣдняя была 5 апрѣля, слѣдовательно, онѣ продолжались почти до самаго конца университетскаго курса. Что касается до ихъ содержанія, то онѣ проникнуты отъ начала до конца тѣмъ направленіемъ, которымъ отличаются масонскія сочиненія. Лекціи Шварца могли служить лучшимъ приготовленіемъ къ масонству. Мы предоставляемъ себѣ въ другой разъ подробнѣе остановиться на этой дѣятельности Шварца. Въ той же рукописи, о которой мы говорили выше, находимъ и краткій конспектъ нѣсколькихъ университетскихъ лекцій Шварца, а также *Разсужденій, говоренныхъ въ собраніяхъ Дружескаго Общества и со словъ его записываемыхъ*. Этихъ разсужденій всего 8. Къ сожалѣнію, конспекты необыкновенно сжаты и кратки. Замѣтимъ, что при нѣкоторыхъ разсужденіяхъ есть и даты. Такъ, первое было въ собраніи 23-го августа 1782 г., второе 20-го сентября того же года. Изъ біографіи Шварца, представленной г. Тихонравовымъ, и въ особенности изъ изданной имъ же, въ пятомъ томѣ *Лѣтописей русской литературы и древности* (1863 г.), записки Шварца объ отношеніяхъ къ нему Мелиссино, мы видимъ, какія непріятности встрѣчалъ Шварцъ въ университетѣ по возвращеніи своемъ изъ-за границы, по случаю преслѣдованій со стороны куратора Мелиссино. Онъ принужденъ былъ оставить университетъ, а 17 февраля 1784 г. его не стало. Смерть его была сильнымъ ударомъ для масонскаго общества, котораго онъ былъ душою. Она могла бы затруднить или замедлить и самое устройство братства на новыхъ его основаніяхъ. Но начатое дѣло было, благодаря его усиліямъ, подвинуто такъ далеко впередъ, что не прервалось его смертью и продолжалось совершенно въ его духѣ и по его намѣреніямъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его смерти въ Москвѣ было получено слѣдующее письмо изъ Германіи, гдѣ находился глава ордена.

„Высокородный господинъ,
Высокопочтенный О. братъ и пріоръ!

„Благосклонное вашего пр-ва увѣдомленіе о смерти преизящнаго бр. Шварца (котораго я по гробъ оплакивать и въ радости исполненной вѣчности любить буду) растворило вновь кровію обливающіяся раны мои; несказанно пріятно мнѣ, что покойный мужъ по достоинству его отъ вашего пр-ва познанъ и почтенъ есть. Сколь ни люблю я ваше пр-во какъ брата, однакоже еще несказанно болѣе чту васъ за то, что вы отдаете справедливость праху его и что вы его любите.

„Не придетъ уже къ намъ усопшій другъ нашъ, но мы къ нему, а я можетъ-быть съ Божіею помощью скоро; и сего ради стараюся я быть

*) *Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго Университета*, т. II, ст. 91.

послѣдователемъ его правотворности и добродѣтели, и осмѣливаюсь всякому благородному брату въ образецъ его представить.

„Весьма вразумительно мнѣ смятеніе и безпокойство вашего пр-ва въ разсужденіи главн. надзир. для нѣмецкихъ братьевъ; ежели бы не постигла покойнаго болѣзнь, то бы по данному ему дозволенію учредилъ онъ директорію изъ трехъ достойнѣйшихъ братьевъ, которые суть: вы, кн. Трубецкой и выс. род. г. Новиковъ, или наоборотъ; ибо здѣсь никакихъ чиновъ совершенно нѣтъ: каждый изъ сихъ брр-въ можетъ себѣ выбрать по одному секретарю изъ брр. степени сія, и опредѣлить ихъ въ директорію, для работъ имъ прилучающихся; сіе назначено для васъ по той причинѣ, что вы, яко пріоръ рыцарей, не можете быть главнымъ надзирателемъ.

„Что бы бр. Шварцъ по инструкціи своей сдѣлалъ, но, по несчастію, смерть его исполнить не допустила, сіе намѣреніе я нынѣ исполнилъ за него по орденской должности; три вышереченные выс. дост. братья назначены были мнѣ отъ брата Шварца, и я долженъ былъ ихъ распредѣлить; великія услуги ордену дали бы вамъ первое мѣсто, но здѣсь нѣтъ чиновъ, се орденъ Христовъ, то смиреннѣйшій и униженнѣйшій имѣетъ преимущество въ собраніи семъ, сего ради и вы имѣете благость поставить себя въ положеніе сіе, душевнаго спасенія вашего ради, да и тѣмъ двумъ брр-мъ сіе изъясните.

„Въ силу даннаго мнѣ позволенія орденомъ, посылаю я вамъ, вложивъ здѣсь то, что для учрежденія директоріи сей нужно; и прошу ваше пр-во переговорить съ именованными двумя брр-ми и вопервыхъ учредить директорію, а потомъ выбрать главнаго надзирателя, какъ то въ прибавленіи упомянуто; по извѣстной мнѣ вашего пр-ва честности, по любви и почтеніи къ ордену, и ради той любви, которую имѣли къ усопшему брату нашему, могу я надѣяться, что вы купно съ рѣченными двумя высок. достойн. братьями, все учредите; чрезъ что побудите вы высокихъ начальниковъ ордена просвѣтить васъ еще болѣе; и тѣмъ болѣе ваш. пр-во усмотрите, что орденъ старается награждать любовь и вѣрность; для меня будетъ неизрѣченно пріятно ежели ваше пр-во по малому моему старанію увѣритесь, что одушевляютъ меня совершенно орденскія должности и братская къ вамъ любовь и почтеніе, и съ симъ мнѣніемъ пребываю я

Вашего превосходительства
покорный слуга и вѣрнѣйшій ор. братъ
Теденъ.

Берлинъ отъ 9-го апрѣля 1784“.

Письмо написано, какъ видно, къ Петру Алексѣевичу Татищеву. Оно, какъ и слѣдующее за тѣмъ офиціальное сообщеніе, списаны съ бумагъ кн. Трубецкаго, кажется, тѣмъ же лицомъ, которому принадлежитъ и

Directory
not constituted?

as prior of knights

разсматриваемая нами тайная переписка московскихъ масоновъ. Относительно Тедена, мы не могли, несмотря на наши старанія, найти указанія на то, какое мѣсто въ главномъ правленіи ордена занималъ онъ въ это время. Черезъ 2 года (въ 1786 г.) мы находимъ его имя въ *General- und Special-Listen aller Mitglieder der vereinigten Logen unter unmittelbarem Vorsitz des durchlauchtigsten, hochwürdigsten Provincial-Grossmeisters, Friedrich August, Herzog von Braunschsweig-Lüneburg, angefertiget.* (Berlin den October 1786 von ehemaligen B. Grossecretaire, jetzigen Vorsitzenden Meister der Loge Friedrich zu den drey Seraphinen. Gedruckt bey George Jacob Decker, Königlichen Hofbuchdrucker, in fol. s. 125). Мы находимъ его въ спискѣ членовъ берлинской матери-ложи Трехъ Глобусовъ. Онъ записанъ тамъ такъ: „Joh. Christian Anton Theden, Königl. Erster General-Chirurgus. Meister vom Stuhl der Mutterloge". Въ графѣ, гдѣ обозначались степени масонства каждаго члена, обозначено, что онъ былъ на 4-ой степени. Мѣсто его въ главномъ правленіи ордена намъ неизвѣстно. Въ официальномъ сообщеніи берлинскихъ ложъ московской ложѣ Трехъ Знаменъ отъ 4-го февр. 1784 г. Теденъ подписался мастеромъ ложи Эйнтрахтъ (zur Eintracht in Berlin). Въ *Freimaurer Lexicon,* изданномъ въ Берлинѣ въ 1818 г. (Joh. Ch. Gädicke), мы находимъ, что Теденъ родился 13-го сент. 1714 г. и умеръ 21-го окт. 1797 г., что въ 1787 году братья масоны торжественно праздновали 50-лѣтній юбилей его службы въ Пруссіи, что по этому случаю выбита была медаль и что изображеніе Тедена украшаетъ одну изъ ложъ залы. Этимъ и ограничиваются наши свѣдѣнія. Вмѣстѣ съ приведеннымъ письмомъ прислано было и слѣдующее.

„Повелѣніе для братьевъ въ Москвѣ.

„Высокодостойному брату Татищеву, для учрежденія директоріи въ теоретической степени, брату Новикову и Трубецкому предложить вполнѣ.

„Покойный высокодостойный братъ Шварцъ имѣлъ повелѣніе учредить директорію для теорет. степ. изъ достойнѣйшихъ братьевъ; онъ объявилъ, что избралъ для сего высокодост. брат. Татищева, Новикова и Трубецкаго, что ему совершенно позволено было, ибо знали его безкорыстіе, но болѣзнь его сіе остановила, а къ несчастію воспослѣдовавшая смерть его и совсѣмъ воспрепятствовала.

„Понеже в. д. бр. Татищевъ въ недоумѣніи кого ему въ главные надзиратели и путеводители теоретической степени избрать и *ложу* *) его предпоставить, то и почитаю должностію моею отчасти къ ордену, отчасти же къ усопшему брату нашему, чрезъ сіе исполнить намѣреніе его.

„В. д. бр. Татищевъ и вышеупомянутые брр. должны первый разъ

---

*) Здѣсь стоитъ неизвѣстный намъ знакъ, четыреугольникъ съ точкой посрединѣ. Ложа обозначается просто четыреугольникомъ.

собраться одни и, взявшись рука въ руку, учредить директорію, и другъ другу поклясться въ вѣрности къ ордену.

„По семъ могутъ быть впущены секретари в. д. братьевъ и прочее внесено въ протоколъ, дабы директорія сія имѣла основаніе, на которомъ бы стала она до скончанія міра, а сіе сдѣлается, ежели и впредь послѣдуютъ всегда такіе же достойные братья, каковые дѣлаютъ сему начало.

„Сія директорія должна всегда состоять изъ трехъ достойнѣйшихъ и лучшихъ брр., которые Богу и ордену вѣрны.

„Сіи в. д. брр. въ собраніяхъ своихъ въ директоріи не имѣютъ никакого между себя первенства. Се орденъ Христовъ, смиреннѣйшій есть величайшій, но чтобы былъ порядокъ, то на сей первый разъ бр. Татищевъ будетъ въ собраніи словоподатель, въ слѣдующее собраніе другой, въ послѣдующее же третій, и такъ безпрестанно по очереди.

„Каждый изъ сихъ 3-хъ в. д. брр-въ выбираетъ по одному секретарю изъ теоретическихъ братьевъ, о коихъ скромности они удостовѣрены, ихъ можно взять въ тѣснѣйшее собраніе; для в. д. брата Татищева, предлагаю я брата бар. Шредера предпочтительно прочимъ.

„Какъ скоро директорія придетъ въ дѣятельность, то надлежитъ выбрать главныхъ надзирателей одного для русскихъ брр., а другаго для нѣмецкихъ. Рыцари могутъ быть главными надзирателями, но не Пріоръ, ибо сей и безъ того имѣетъ высокія должности, а для теоретической степени имѣетъ должность въ директоріи; для нѣмецкихъ брр., по знанію моему, долженъ я директоріи паки рекомендовать бр. Шредера. Онъ можетъ быть главнымъ надзирателемъ и секретаремъ въ директоріи, ибо въ теорет. степени чины не имѣютъ мѣста, а какъ смиреніе есть высочайшая добродѣтель, то сего ради высокіе начальники и стараются вселить оную братьямъ, что̀ и директорія должна стараться вкоренить въ сердца глав. надз. равно какъ и наистрожайшую скромность.

„Сіи добродѣтели должны быть исполняемы какъ высшими, такъ и нижними, и сдѣлаться имъ собственными; кто имѣетъ и всѣ добродѣтели, но сихъ не имѣетъ, тотъ уже никакихъ не имѣетъ.

„По учрежденію глав. надз. отдается имъ въ руки по экземпляру теорет. степ. съ тѣмъ повелѣніемъ, чтобы не отдавать его ни одной душѣ въ руки, какъ токмо для прочтенія въ присутствіи ихъ; дабы не воспослѣдовало злоупотребленія и вреда.

„Квинтъ-эссенціальное сокращеніе находится въ рукахъ директоріи, оное сохранить должно наилучшимъ образомъ въ безопасности, въ мѣстѣ собранія своего; ни одинъ изъ членовъ не можетъ взять онаго къ себѣ. а еще менѣе списывать; въ семъ случаѣ директорія должна бдѣть сама надъ собою.

„Директорія для прочихъ теорет. брр. должна быть вещію сокровенною, сего ради и принятые въ оную секретари должны поклясться въ скромности и соблюдать оную; за бр. Шредера я отвѣчаю.

„Директорія должна наблюдать, чтобы гл. надз. дѣлали собранія, по малой мѣрѣ въ 3 недѣли одинъ разъ; и не позволять скоропостижныхъ принятій дѣлать; но глав. надз. долженъ прежде получить на оное соизволеніе директоріи.

„Сіе повелѣніе должно приложено и пришито быть къ актамъ, для всегдашняго свидѣтельства директоріи, и отъ всѣхъ профановъ также какъ и отъ теорет. брр. наибдительнѣйше въ тайнѣ сокрываться; сіе бо есть степень испытанія орденскаго, изъ которой познается, будутъ ли братья строгою скромностію своею, смиреніемъ и взаимною между собою любовію, достойны дальняго повышенія.

„Когда все сіе приведено будетъ въ порядокъ, о томъ въ свое время мнѣ сообщится.

„Главнѣйшій надзиратель. Иванъ Христіанъ Антонъ Теденъ“.

М. П.

Повелѣніе начальниковъ ордена было приведено въ Москвѣ немедлено въ исполненіе во всей точности. Въ тѣхъ же бумагахъ, списанныхъ съ подлинника, писаннаго рукой кн. Трубецкаго, мы находимъ слѣдующій актъ учрежденія директоріи.

„Во имя Спасителя нашего, по повелѣнію высокихъ начальниковъ, мы нижеподписавшіеся, собравшись вмѣстѣ и взявъ другъ друга въ руки, поклялись въ вѣрности къ ордену, и по приношеніи съ колѣнопреклоненіемъ молитвы Тріединому Богу, учредили директорію для теоретической степени. Лѣта отъ Рождества Спасителя 1784, апрѣля въ 30 день.“

Подлинное подписали:

Петръ Татищевъ.
Николай Новиковъ.
Князь Николай Трубецкой.

Послѣ этого длиннаго отступленія мы можемъ обратиться снова къ перепискѣ и прежде всего къ письму Н. И. Новикова, отъ 14 февраля 1783 г. (письмо 5-ое рукописи), изъ котораго мы уже сдѣлали большое извлеченіе и къ которому еще не разъ придется возвращаться. Новиковъ такъ отвѣчаетъ на второй предложенный ему вопросъ „о именахъ брр., составляющихъ національный комитетъ VIII провинціи ордена“.

„Какъ теперь уже учредился здѣсь провинціальный капитель и директорія *), то и сообщаю вамъ имена членовъ оныхъ, а не членовъ національнаго комитета.

„1) Провинціальнаго великаго мастера мѣсто еще вакантное.

*) Эту директорію не должно смѣшивать съ директоріей для теоретической степени, о которой шла рѣчь выше.

„2) Пріоръ VIII провинціи въ орденѣ, именуемый Петръ рыцарь a signo triumphante, Петръ Алексѣевичъ Татищевъ.

„3) Деканъ провинціи, Георгій рыцарь a fortitudine, кн. Юрій Никитичъ Трубецкой.

„4) Генеральный визитаторъ провинціи, кн. Николай рыцарь ab aquilla boreale, кн. Николай Никитичъ Трубецкой.

„5) Казначей провинціи имѣю честь быть я, въ орденѣ мое имя Николай рыцарь ab ancora.

„6) Канцлеръ провинціи, Георгій рыцарь ab aquilla crescente, Иванъ Егоровичъ Шварцъ.

„7) Генеральный прокураторъ, кн. Алексѣй рыцарь ab equitate князь Алексѣй Александровичъ Черкасовъ *).

„Члены провинціальнаго капителя:

„1) Михайло Матвѣевичъ Херасковъ.

„2) Петръ Петровичъ Татищевъ.

„3) Всеволодъ Алексѣевичъ Всеволожскій и др.

„Директорія VIII провинціи. Въ ней присутствуютъ провинціальные чиновники всегда, когда имъ угодно, и сверхъ того, по введеному порядку, назначены для исправленія текущихъ дѣлъ въ директоріи президентъ и члены, первымъ имѣю честь быть я, а члены: 1) Рыцарь Василій a pila, Василій Васильевичъ Чулковъ, 2) рыцарь Иванъ ab aurora boreale, Иванъ Петровичъ Тургеневъ, 3) Jacobus a concordia, господинъ профессоръ Шнейдеръ, 4) рыцарь Ѳеодоръ ab oliva tenera, Ѳедоръ Петровичъ Ключаревъ, 5) рыцарь Григорій a cuba Григорій Прохоровичъ Крупениковъ.

„Префектъ ложи Коронованнаго Знамени, Петръ Алексѣевичъ Татищевъ.

„Префектъ ложи Латона, князь Николай Никитичъ Трубецкой.

„Здѣсь я сообщилъ вамъ, высокопочтенный бр. ордена, имена всѣхъ бр., которые имѣютъ участіе въ правленіи VIII провинціи ордена; что же касается до членовъ Дружескаго Ученаго Общества, то я ихъ здѣсь не пишу для того, что пришлю вскорѣ къ вамъ списокъ"..

Такимъ образомъ организовалось московское масонское братство въ особую провинцію ордена, освободившись отъ тяжелой зависимости и подчиненія иностраннымъ ложамъ, особенно шведскимъ. Мы могли бы теперь обратиться къ разсмотрѣнію отношеній московскихъ масоновъ къ ихъ петербургскимъ собратіямъ, чему собственно и посвящена тайная переписка, но считаемъ не лишнимъ здѣсь же привести еще нѣсколько указаній на сношенія московскаго масонства съ орденомъ и германскими ложами, а также сдѣлать нѣсколько объясненій на нѣкоторые не совсѣмъ ясные намеки, находящіеся въ приведенныхъ уже нами письмахъ. Начнемъ съ послѣдняго, предупреждая, что и указанія и объясненія будутъ по необходимости не полны и отрывочны, какъ потому, что полное

*) Черкасскій.

ихъ разъясненіе увлекло бы насъ слишкомъ далеко, такъ и потому, что матеріалы до сихъ поръ крайне еще недостаточны и не разработаны.

Во второмъ изъ приведенныхъ нами писемъ князя Трубецкаго, которое относится къ началу 1783 года, онъ говоритъ, „Что намѣреніе возстановить орденъ Тампліеровъ совершенно уничтожено". Въ представленіи, поданномъ профессоромъ Шварцомъ герцогу Фердинанду Брауншвейгскому 22 октября 1781 года, заявлено, что „Орденъ Тампліеровъ существуетъ уже въ Москвѣ съ 1776 года". Дѣйствительно, къ этому времени относятся и попытки возстановить орденъ Тампліеровъ, и окончательное уничтоженіе этихъ попытокъ. Мы не можемъ останавливаться на исторіи мнимыхъ Тампліеровъ; скажемъ только, что они были и во Франціи и въ Германіи, но особенно въ Швеціи, откуда, вѣроятно, и перешли къ намъ въ Россію. Густавъ III и братъ его, герцогъ Зюдерманландскій, примкнули къ системѣ Stricte Observance, но особенно хлопотали о возстановленіи Тампліеровъ. Герцогъ Зюдерманландскій особенно заботился о торжественномъ возстановленіи ордена Тампліеровъ, имѣя въ виду сдѣлаться главою этого ордена. У насъ подъ руками есть любопытное письмо къ герцогу Зюдерманландскому Вёльнера (Woellner), о которомъ такъ часто упоминается въ слѣдственномъ дѣлѣ надъ Новиковымъ и его товарищами. Письмо это писано по-французски отъ 25 мая 1782 года и подписано: Woellner, Gr. Mre deputé de la Loge des Trois Globes (въ Берлинѣ), ci-devant In O. Temp. d. F. Ioannes, E. a Labo. Prepositus praefecturae Templinensis, Comendator in Altholm. Іоаннъ Христофъ Вёльнеръ родился въ Гавелландѣ въ 1732 году, умеръ 11 сентября 1800 *). Въ спискѣ членовъ ложъ, соединенныхъ подъ непосредственнымъ предсѣдательствомъ Фридриха-Августа, герцога Брауншвейгъ-Люнебургскаго, мы находимъ Вёльнера въ 1786 году въ берлинской ложѣ Трехъ Глобусовъ въ званіи старо-шотландскаго обермейстера. Изъ того же списка мы узнаемъ и его общественное положеніе: Königl. geheimer Finanz-, Krieges- und Domainen-Rath beym General-Directorio auch Canonicus des Oder-Collegiat-Stifts su Halberst.

Въ письмѣ къ герцогу Зюдерманландскому Вёльнеръ говоритъ, что онъ былъ усерднымъ Тампліеромъ въ теченіе болѣе 20 лѣтъ, но что переписка съ однимъ неизвѣстнымъ лицомъ убѣдила его въ несостоятельности ученія Тампліеровъ. Таинственный незнакомецъ, своимъ письмомъ поколебавшій его убѣжденія, требовалъ отъ него, чтобы въ ложѣ, зависѣвшей отъ Вёльнера, онъ убѣдилъ братьевъ: 1) бросить плащъ Тампліеровъ, 2) работать только въ первыхъ трехъ степеняхъ, 3) сдѣлаться добродѣтельными людьми и добрыми христіанами. „Я успѣлъ, пишетъ Вёльнеръ, да будетъ слава Вѣчному, во всѣхъ этихъ трехъ пунктахъ, такъ что я ласкаю себя надеждою, что мой досточтимый незнакомецъ

*) *Freimaurer Lexicon*, стр. 520.

въ послѣдствіи не оставитъ вознаградить мою ложу какимъ-нибудь лучомъ свѣта, о которомъ мы вздыхаемъ съ такого давняго времени".

Вопросъ о возстановленіи ордена Тампліеровъ былъ обсуженъ на собраніи масонскихъ депутатовъ изъ всѣхъ странъ въ Вильгельмсбадѣ, бывшемъ въ іюлѣ и августѣ 1782 года. На этомъ конгрессѣ или конвентѣ Россія была признана самостоятельною масонскою провинціей итакимъ образомъ освобождена отъ зависимости отъ иностранныхъ ложъ. Здѣсь были уже и представители Россіи, какъ особой провинціи, хотя, какъ мы видѣли, московскіе масоны не могли послать на конвентъ своихъ депутатовъ и отправили полномочіе къ герцогу Брауншвейгскому. Акты Вильгельмсбадскаго конвента были препровождены въ Россію, и до насъ дошелъ переводъ ихъ на русскій языкъ—переводъ, судя по рукописи, почти современный. Впрочемъ, какъ мы увидимъ, Вильгельмсбадскій конвентъ не долго имѣлъ значеніе для Россіи и потому впослѣдствіи не было интереса переводить и распространять его постановленія.

Дѣянія Вильгельмсбадскаго генеральнаго конвента, подписанныя 1-го сентября 1782 года, заключаются въ 12 „членахъ". Въ первомъ членѣ свѣтлѣйшій братъ, Фердинандъ а victoria, то-есть Фердинандъ, герцогъ Брауншвейгъ-Люнебургскій, утверждается „въ достоинствѣ верховнаго начальника всѣхъ исправленныхъ ложъ, которое ему уже было опредѣлено на конвентѣ Кольскомъ, 1772 г.". Вновь представители масонскихъ ложъ почти всей Европы признали Фердинанда „верховнымъ великимъ мастеромъ всѣхъ провинцій Ордена Рыцарей Благотворныхъ и Справедливыхъ Масоновъ". Отъ герцога Брауншвейгскаго члены конвента получили „капитуляцію, которая есть залогъ благоразумныхъ правилъ, на которыхъ онъ основываетъ ордена управленіе и свободу, которая долженствуетъ оживлять работы онаго". Члены второй и третій посвящены рѣшенію вопроса о возстановленіи ордена Тампліеровъ. Вторымъ членомъ признается неуспѣшность и невозможность возстановленія ордена Тампліеровъ, такъ какъ разысканія относительно предполагавшагося продолженія ордена Тампліеровъ „представляютъ токмо вѣроятность, не имѣя подлинныхъ доводовъ, которые могли бы насъ совершенно удостовѣрить". Доказываютъ, „что мы не имѣемъ надлежащаго права называться истинными и законными наслѣдователями Тампліеровъ". Кромѣ того, „благоразуміе совѣтовало оставить то имя, которое могло бы подать подозрѣніе, что мы желаемъ возстановить орденъ, уничтоженный согласіемъ двухъ властей, и отложить образъ правленія, несообразный правамъ и нуждамъ нынѣшняго вѣка".

Но, отказываясь отъ мысли торжественнаго возстановленія ордена Тампліеровъ, конвентъ не могъ забыть, что эта мысль имѣла горячихъ приверженцевъ во всѣхъ странахъ Европы, что повсюду были собранія и ложи Тампліеровъ. Конвентъ долженъ былъ сдѣлать уступку, и вотъ что мы читаемъ въ третьемъ членѣ *Дѣяній* Вильгельмсбадскаго кон-

вента. „Однакоже не можемъ умолчать, что нашъ орденъ имѣетъ истинныя и неоспоримыя сношенія съ Тампліерскимъ, доказанныя достовѣрнымъ преданіемъ подлинныхъ монументовъ и самыми іероглифами нашихъ ковровъ, и что есть великая вѣроятность, что масонское принятіе древнѣе сего ордена, которое было извѣстно многимъ его рыцарямъ и служило нѣкоторымъ рыцарямъ, во время ихъ уничтоженія, покровомъ для продолженія ихъ памяти. Въ сходственность сего, дабы слѣдовать за стопами ордена, который по мнѣнію многихъ братьевъ долженъ былъ имѣть драгоцѣнныя познанія и которому обязаны мы соблюденіемъ масонской науки, мы за долгъ почитаемъ оставить нѣкоторыя къ нему отношенія и въ историческомъ наставленіи оныя изъявлять. И какъ мы должны древней системѣ полезнымъ планомъ связи частей и раздѣленія оныхъ весьма удобнаго къ сохраненію добраго порядка и, сверхъ того, еслибы мы уничтожили наружный образъ нашего правленія, то мы бы тѣмъ, безъ всякой надобности, разорвали связи, совокупляющія разныя части, то мы опредѣлили сохранить сіи отношенія съ онымъ орденомъ, въ военномъ орденѣ подъ именемъ *благотворныхъ рыцарей,* которому поручено правленіе и распоряженіе символическихъ классовъ“.

Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что рѣшеніе отказаться отъ возстановленія ордена Тампліеровъ было принято не безъ сильныхъ колебаній. Первое засѣданіе Вильгельмсбадскаго конвента было 16 іюля. Шведскія ложи доказали, что у нихъ находятся древнѣйшія преданія и ученія, но онѣ соглашались открыть ихъ не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы великимъ мастеромъ былъ избранъ герцогъ Зюдерманландскій. Кажется, что герцогъ Фердинандъ нарочно ѣздилъ въ Упсалу для переговоровъ, и только послѣ ихъ неудачнаго исхода рѣшено было отказаться совершенно отъ мысли возстановить орденъ Тампліеровъ, и герцогъ Брауншвейгскій былъ признанъ верховнымъ начальникомъ всего масонства, какъ мы видѣли изъ перваго члена *Дѣяній.*

Седьмымъ членомъ *Дѣяній* Вильгельмсбадскаго конвента рѣшено было новое раздѣленіе на провинціи. Мы знаемъ уже изъ тайной переписки московскихъ масоновъ это раздѣленіе. Здѣсь приведемъ только постановленіе конвента относительно Россіи. „Наконецъ, желая доставить всѣ способы примиренія національному капителю Швеціи, коея учрежденіе IX провинціи, яко учиненное безъ содѣйствія прочихъ провинцій, не можемъ признать; равномѣрно, принявши въ разсужденіе, что Россія, которая по прежнимъ договорамъ должна была составлять часть подсудности шведской, есть государство пространное, управляемое сильною государыней, которой непріятно бы было видѣть подданныхъ въ зависимости отъ чужестранной области, и имѣетъ уже многія орденскія учрежденія, желающія приступить къ нашему правленію, которыя именно требовали быть отдѣльною провинціей,—провозглашаемъ Россію VIII провинціей ордена и оставляемъ праздно мѣсто IX-й для капителя шведскаго, который

кажется желаетъ сего достоинства и имени и съ которымъ мы будемъ стараться возобновить братскій союзъ, какъ скоро представятся намъ счастливыя къ тому удобности.“

По недостатку матеріаловъ намъ трудно себѣ составить ясное понятіе о дальнѣйшихъ отношеніяхъ Россіи, уже какъ самостоятельной масонской провинціи, къ герцогу Фердинанду Брауншвейгскому и къ постановленіямъ Вильгельмсбадскаго конвента. Нѣкоторый свѣтъ на эти отношенія бросаетъ слѣдующій любопытный документъ. Въ началѣ 1784 года московская ложа Трехъ Знаменъ получила изъ Берлина офиціальную бумагу, подписанную намѣстнымъ обермейстеромъ Петерсомъ, великимъ секретаремъ и мастерами пяти ложъ. При этой бумагѣ было объявленіе, отъ старой матери-ложи Трехъ Глобусовъ въ Берлинѣ, отъ 11 ноября 1783 года, разосланное по масонскимъ ложамъ, внутри и внѣ Германіи находящимся. Этимъ объявленіемъ ложа Трехъ Глобусовъ объявляетъ ложамъ, въ дружескомъ союзѣ съ ней находящимся, свое *твердое намѣреніе*, а именно:

„1) Объявляемъ себя совершенно свободными и независящими отъ всякой масонской зависимости, какого бы знанія ни была оная, напротивъ же сего,

„2) Предлагаемъ всѣмъ масонскимъ ложамъ, внутри и внѣ Германіи находящимся, какой бы онѣ системы ни были, масонское дружество наше и сердце искреннѣйшихъ братьевъ и просимъ ихъ о равномѣрномъ воздаяніи.“

Эти два рѣшенія объяснены далѣе въ 8 параграфахъ, изъ которыхъ для насъ особенно важны два первые, а именно:

„§ 1. Отрекаясь, какъ выше сказано, отъ всякой масонской зависимости, отнюдь не намѣрены мы отрекаться отъ того повиновенія и подобострастія, которымъ обязаны мы высокодостойнѣйшему, свѣтлѣйшему гросмейстеру всѣхъ *доселѣ* въ союзѣ находившихся германскихъ ложъ, касательно до его высокой особы. Напротивъ того, съ чувствомъ благоговѣнія объявляемъ мы передъ лицомъ цѣлаго масонскаго свѣта, что святѣйшимъ долгомъ почитаемъ повиноваться гросмейстерскому молоту его до тѣхъ поръ, пока сей кроткій государь захочетъ удостоить насъ таковой его милости и снисхожденія. Кто можетъ позабыть эту благодарность, которою германское масонство обязано великому Фердинанду? Онъ, вѣдая ложенное учрежденіе ристалища нашего, ни подъ какимъ видомъ и ни въ какихъ обстоятельствахъ не можетъ служить намъ препоною въ достиженіи предмета нашего.“

„§ 2. Но совсѣмъ другое дѣло съ рѣшеніями генеральнаго конвента Вильгельмсбадскаго, которыя снаружи хотя и кажутся хорошими. Сіи ни подъ какимъ видомъ ни съ нами, ни съ положеніями нашими несообразны, и сего-то ради мы черезъ сіе совершенно отъ оныхъ отказываемся и оставляемъ ихъ тѣмъ ложамъ, которыя изъ оныхъ могутъ учинить лучшее употребленіе, нежели мы.“

Мы не имѣемъ документовъ, чтобы точно опредѣлить отношеніе русскаго масонства къ герцогу Фердинанду Брауншвейгскому послѣ 1782 года, когда на Вильгельмсбадскомъ конвентѣ Россія объявлена была самостоятельною провинціей ордена. Слѣдствіе, произведенное княземъ Прозоровскимъ надъ Новиковымъ и его товарищами въ 1792 году, обнародованное недавно г. Тихонравовымъ, даетъ, однако же, нѣкоторыя указанія. Вотъ что̀ находимъ мы въ отвѣтахъ бригадира Тургенева на предложенные ему вопросные пункты. „Герцогу Брауншвейгскому неограниченнаго повиновенія я не обѣщевалъ никогда, и въ зависимости его были на *нѣкоторое время* и здѣшнія тоже нѣкоторыя ложи, а та ложа, къ которой я принадлежалъ, не была. Мы желали и просили герцога, чтобы здѣсь сдѣлана была провинція, дабы и русскіе масоны сами собою управляться могли. Сіе желаніе исполнено, здѣсь учреждена провинція. А такъ какъ въ сей связи не находилъ я ничего, до учености касающагося, *то вмѣстѣ и съ согласія прочихъ мы оставили сію связь* и вошли въ знакомство съ Вёльнеромъ черезъ покойнаго Шварца“ *). Въ другомъ мѣстѣ Тургеневъ пишетъ: „Герцогу мы, и я въ томъ числѣ, присяги не дѣлали, *да и связь сію мы не уважали*, и я тожъ; *а держались связи Вёльнеровской*, считая ее полезною и удаленною отъ всякихъ политическихъ видовъ **). Въ письмѣ къ императрицѣ князя Прозоровскаго, писанномъ во время этихъ вопросовъ, дѣло раскрывается еще удовлетворительнѣе: „Они (Лопухинъ и Трубецкой) показали такимъ образомъ: когда Шварцъ былъ посыланъ въ Берлинъ, то Вёльнеромъ принятъ въ Золото-Розовый Крестъ; тогда жь онъ былъ у герцога Брауншвейгскаго, искалъ и принятъ былъ въ протекцію его, и начальство принялъ надъ ними; на генеральной же конвенціи всѣхъ почти на свѣтѣ ложъ онъ предсѣдательствовалъ, и на оной, какъ ваше величество изъ бумаги замѣтить изволите, орденъ Тампліеровъ совсѣмъ отмѣненъ съ прописаніемъ исторіи его истребленія, и что ни одно правительство терпѣть ихъ не будетъ, а подобно сему и розенкрейцерство отмѣнено. А по просьбѣ Шварца учрежденъ былъ орденъ Chevalier bienfaisants или благотворительныхъ рыцарей. *Вёльнеровъ же кругъ или ложа въ Берлинѣ розенкрейцеровъ и разныхъ системъ съ кругомъ герцога Брауншвейгскаго и между собою не въ согласіи.* По возвратѣ Шварцъ привезъ обѣихъ ложъ институты; они разсматривая оные, какъ и прежній орденъ Тампліеровъ, переданный имъ изъ Швеціи, *оставили оный и благотворныхъ рыцарей*, избрали орденъ Золото-Розоваго Креста, предавшись подъ начальство Вёльнеру“ ***). Въ отвѣтахъ Лопухина находимъ слѣдующее поясненіе: „А связь съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, думаю,

---

*) *Лѣтописи русской литературы и древности,* томъ V, стр. 85.

**) Id., стр. 87.

***) Id., стр. 81.

многимъ такъ - называемымъ благотворнымъ рыцарямъ извѣстна тогда была: ибо печатано даже въ чужихъ краяхъ было о положеніи онаго Вильгельмскаго (sic) конвента масонскаго, на коемъ оный герцогъ поставленъ былъ правителемъ всѣхъ ложъ сей системы. *Но при вступленіи моемъ въ масонство не было уже съ симъ переписки и связи, а провинціальная здѣшняя ложа безотносительно къ оному учреждала сама собою*" *). Отвѣты князя Николая Трубецкаго не прибавляютъ ничего особеннаго. Изъ дѣла о Новиковѣ ясно одно, что сношенія съ герцогомъ Брауншвейгскимъ прекратились почти тотчасъ послѣ Вильгельмсбадскаго конвента и что съ этихъ поръ московскіе масоны находятся въ близкихъ сношеніяхъ только съ Вёльнеромъ, т.-е. съ тою берлинскою ложей Трехъ Глобусовъ, циркулярное посланіе которой по поводу полнаго отреченія отъ постановленій Вильгельмсбадскаго конвента мы привели выше. Для русскаго масонства главная цѣль была достигнута. Представители масонскихъ ложъ всей почти Европы, собравшись въ Вильгельмсбадѣ подъ предсѣдательствомъ герцога Брауншвейгскаго, признали Россію особою провинціей и освободили ее отъ зависимости отъ Швеціи. До личныхъ же стремленій герцога Брауншвейгскаго и его ближайшихъ совѣтниковъ русскимъ масонамъ было мало дѣла, и русская провинціальная ложа, говоря словами Лопухина, *безотносительно къ оному учреждала сама собою.*

Мы старались на основаніи тайной переписки московскихъ масоновъ и другихъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ документовъ, уяснить, сколько возможно, вопросъ о пріобрѣтеніи русскими масонами независимости и самостоятельности и объ отношеніяхъ московскаго братства къ иностраннымъ начальникамъ ордена. Теперь обратимся къ отношеніямъ внутреннимъ, домашнимъ.

II **).

Освобожденіе русскаго масонства отъ зависимости и подчиненія чужеземнымъ братствамъ, дѣйствовавшимъ, подобно шведскому, часто на основаніи только своекорыстныхъ и не совсѣмъ чистыхъ побужденій, возведеніе Россіи на степень отдѣльной, самостоятельной провинціи ордена

*) Id., стр. 60.

**) Эта статья составлена на основаніи новыхъ, до сихъ поръ бывшихъ совершенно неизвѣстными, матеріаловъ. Случай доставилъ мнѣ возможность близкаго знакомства съ полнѣйшимъ собраніемъ масонскихъ рукописей, принадлежащихъ въ настоящее время московскому публичному музею. Кромѣ того, мнѣ принадлежитъ тайный архивъ и большое число писемъ, рукописей, масонскихъ книгъ и знаковъ (всего болѣе 600 №№). Для исторіи русскаго масонства едва ли можно гдѣ-либо найти подобный запасъ матеріаловъ. Къ сожалѣнію, относительно нѣкоторыхъ вопросовъ, нѣкоторыхъ подробностей существуютъ значительные пробѣлы.

было дѣломъ московскихъ масоновъ, преимущественно Шварца, Новикова, Татищева и Трубецкаго. Имъ же принадлежало и внутреннее устройство общества на новыхъ основаніяхъ. Мы не видимъ, чтобы кто-нибудь изъ петербургскихъ братій принималъ дѣятельное участіе въ дѣлѣ освобожденія отъ Швеціи и пріобрѣтенія Россіей правъ самостоятельной провинціи, хотя нужно сказать, что невыгоды зависимости отъ Швеціи особенно тяжело чувствовались петербургскими братьями. Въ перепискѣ нѣтъ ни малѣйшихъ указаній даже на то, чтобы московскіе братья дѣйствовали съ согласія или съ вѣдома петербургскихъ. Только объ одномъ изъ петербургскихъ братій можно полагать, что онъ зналъ намѣреніе московскихъ братій, хотя, какъ кажется, и не совсѣмъ сходился съ ними въ убѣжденіяхъ. Роль этого лица довольно загадочна или кажется такою вслѣдствіе слишкомъ отрывочныхъ и неполныхъ указаній, которыя находимъ мы въ перепискѣ. Это лицо въ письмахъ князя Трубецкаго и Новикова обозначается начальными буквами: К. Г. П. Г. или К. Г. Пет. Мы не ошибемся, кажется, если прочитаемъ подъ этими буквами имя князя Гавріила Петровича Гагарина *). Такъ, по крайней мѣрѣ, кажется уже потому, что въ томъ же письмѣ Новикова имя Гагарина встрѣчается написаннымъ вполнѣ. Князь Трубецкой въ одномъ изъ писемъ говоритъ о К. Г. Пет., какъ бы о посредникѣ между шведскими и русскими масонами, и въ концѣ письма прибавляетъ: „Еще вы требовали извѣстія, что К. Г. П. съ нами въ союзѣ или нѣтъ, то на сіе скажу, что мы всѣ силы употребляли соединить его съ собою, но успѣть въ томъ не могли; однако мы съ нимъ не въ ссорѣ, но онъ ни во что̀ не входитъ и не мѣшается“. Новиковъ пишетъ нѣсколько подробнѣе. Еще до отправленія Шварца за границу, слѣдовательно до вступленія въ прямыя сношенія съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, московскіе братья учредили „сіентифическую, тайную, такъ-называемую ложу Гармоніи“. „Въ бытность въ Москвѣ, пишетъ Новиковъ (письмо V, 14 февраля 1783 г.), В. П. Б. О. К. Г. П. Г. пригласили его къ себѣ въ члены, показали ему предметъ своихъ исканій, то-есть соединеніе съ О., объявили ему свое мнѣніе о Шведахъ: онъ на все согласился, сдѣлался почетнымъ членомъ ложи Гармоніи, одобрилъ предметъ исканій, и съ тѣмъ разстался; отъѣзжая въ П., былъ основательными доказательствами убѣжденъ въ честности намѣреній, какъ упомянутаго бр. О. Шварца, такъ и всѣхъ соединившихся брр.“. Въ томъ же письмѣ, сказавъ объ отправленіи полномочія на генеральный конвентъ, Новиковъ прибавляетъ: „Между тѣмъ, В. П. бр. О. Гагаринъ прибылъ въ Москву; со стороны

*) Князь Гавріилъ Петровичъ Гагаринъ былъ съ 1781 г. оберъ-прокуроромъ сената, а съ 1786 г. сенаторомъ. Умеръ въ 1807 году. Долго путешествовалъ по Европѣ. Издалъ нѣсколько акаѳистовъ (1798), а послѣ смерти изданы его мелкія сочиненія назидательнаго содержанія: *Забавы моего уединенія въ с. Богословскомъ*. С. П. Б., 1813.

московскихъ брр. все употреблено было, но ни въ чемъ не успѣли". Въ письмѣ князя Н. Н. Трубецкаго, отъ 23 іюля 1783 г., читаемъ: „Мы думали, что должны будемъ доказывать (ордену), что Гагаринъ нами не исключенъ былъ, что̀ бы сдѣлало лишнюю переписку; но онъ (Беберъ) и того насъ избавилъ, ибо самъ объ увѣдомленіи нашемъ Гагарина и о призывѣ его братьевъ формально объявилъ (письмо XIV)".

Что подъ буквами К. Г. П. Г. или К. Г. Пет. нужно разумѣть князя Гавріила Петровича Гагарина, мы увѣрены. Но одно ли и то же лицо съ нимъ Гагаринъ, котораго имя прописано вполнѣ въ приведенныхъ письмахъ, мы не можемъ сказать положительно, хотя это и очень вѣроятно. Какъ бы то ни было, только К. Г. П. Г. или князь Гагаринъ зналъ о намѣреніяхъ московскихъ братій и хлопоталъ о лучшихъ отношеніяхъ къ Швеціи; въ дѣлѣ же съ герцогомъ Брауншвейгскимъ московскіе братья дѣйствовали одни, безъ содѣйствія и безъ участія петербургскихъ. Когда на генеральномъ конвентѣ ордена рѣшено было признаніе Россіи VIII провинціей, московскіе братья поспѣшили увѣдомить объ этомъ петербургскихъ масоновъ. Всѣ письма изъ Москвы адресованы къ бр. Алексѣю Андреевичу Ржевскому, котораго орденское имя было Eques a bona spe *). Когда московскіе братья получили официальное увѣдомленіе объ утвержденіи Россіи „въ восьмую провинцію", князь Николай Никитичъ Трубецкой писалъ къ Алексѣю Андреевичу, прося его увѣдомить объ этомъ петербургскихъ братій, которые преданы ордену, „дабы они были спокойны и не отдавались въ обманъ, ибо сказываютъ, что нѣкоторые изъ нихъ колеблются и не знаютъ, что̀ имъ дѣлать". Такъ какъ учрежденіе въ Россіи провинціи не можетъ быть сдѣлано вскорѣ, то князь Трубецкой изъявляетъ Алексѣю Андреевичу желаніе, чтобы петербургскіе братья до официальнаго извѣщенія объ учрежденіи провинціи „были спокойны, работали бы въ тишинѣ и увѣрились бы, что тѣ, которымъ теперь поручилъ орденъ учрежденіе провинціи, бывъ русскіе и честные люди, обманывать ихъ не станутъ, и не для своей пользы или своихъ выгодъ трудятся, но для истинной пользы отечества; когда же они захотятъ еще и прежде присоединены быть къ истинному ордену, то сто̀итъ имъ только на имя національнаго комитета въ Москвѣ написать письмо и вступить въ связь съ онымъ, яко съ тѣмъ мѣстомъ, которое до от-

*) Въ первой нашей статьѣ мы сказали, что не знаемъ, кто былъ Eques a bona spe, Алексѣй Андреевичъ. М. Н. Лонгиновъ, письмомъ изъ Тулы, сообщилъ намъ, что это былъ Ржевскій, правившій должность статсъ-секретаря при Екатеринѣ II, а впослѣдствіи пріятель Державина и сенаторъ. Онъ умеръ въ 1804 году дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и Александровскимъ кавалеромъ. Извѣстія о немъ есть въ *Запискахъ* Державина и въ 4 части Долгоруковской *Родословной книги*. Что М. Н. Лонгиновъ не ошибается, въ этомъ мы убѣждены, какъ по нѣкоторымъ указаніямъ, находящимся въ тѣхъ матеріалахъ, которые есть у насъ подъ руками, такъ и по извѣстію, сообщенному намъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ членовъ масонскаго общества, которые еще живы.

крытія провинціальнаго капителя орденомъ въ Россіи управляетъ; а письмо сіе я берусь, ежели имъ угодно, въ комитетъ доставить".

25 ноября 1782 г. бр. Алексѣй Андреевичъ заявилъ свое желаніе присоединиться къ ордену, какъ это видно изъ отвѣтнаго письма Н. И. Новикова, отъ 14 февраля 1783 г., изъ котораго мы уже привели столько выписокъ. Въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ бр. Алексѣемъ a bona spe Новикову, былъ вопросъ: „какъ далеко и съ кѣмъ именно изъ петербургскихъ братій ордена поручаетъ національный комитетъ вступать въ содѣйствіе, и кто особливо нуженъ изъ тамошнихъ братій національному комитету?" Ужъ изъ этого вопроса видно, что бр. Алексѣй Андреевичъ, немедленно по присоединеніи своемъ къ московскимъ братьямъ, сталъ посредникомъ между ними и петербургскими масонами. Алексѣй Андреевичъ былъ давно знакомъ и близокъ къ московскимъ братьямъ. Еще прежде письма Новикова князь Трубецкой писалъ ему: „Чтó же до васъ принадлежитъ, то я именемъ начальствующихъ брр. и всѣхъ вообще соединенныхъ могу васъ увѣрить, что они всѣ васъ любятъ, почитаютъ и все то, чтó въ ихъ силѣ есть, то все для васъ сдѣлаютъ, и уже считаютъ васъ отнынѣ соединеннымъ неразрывнымъ узломъ дружбы со всѣми ими". На запросъ Алексѣя Андреевича относительно петербургскихъ братій Новиковъ отвѣчалъ слѣдующее: „Касательно до 3-го вопроса, который в. п. бр. дѣлаете, я могу вамъ сказать, что всѣ достойные брр. О. въ Петербургѣ находящіеся, на коихъ твердость, ревность и усердіе вы положиться можете, всѣ такіе суть нужны и пріятны національному *капитулу,* а наипаче такіе, кои по связямъ своимъ, а болѣе по ревности своей къ О. имѣютъ нѣкоторое право быть пріобщенными къ содѣйствію. Итакъ, если вы, выс. п. б., соберете только числомъ 9, то можете написать письмо въ директорію и возстановить *капитель.* Еще лучше будетъ, если приступятъ къ вамъ въ зависимость и работающія въ П. Іоанновскія ложи, тогда можете вы присовокупить къ письму вашему и списки тѣхъ ложъ. По мнѣнію провинціальнаго капителя большее всѣхъ право имѣетъ в. п. б. о. Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, какъ первый „возстановитель на твердую степень" въ Россіи масонства. Равномѣрно в. просв. бр. О. К. Куракинъ *), в. п. бр. Перфильевъ и другіе; короче сказать: правит. бр. не берутъ на себя предписывать и означать именно кого, но вамъ все оное ввѣряютъ, и на сей случай, по полученіи вашего письма съ подпискою еще другихъ в. бр. О., вручитъ вамъ достоинство префекта до дальнѣйшаго расположенія, ибо въ П. долженствуетъ быть пріоратъ. В. б. Фрезъ, какъ ревнительный бр., заслуживаетъ совершенно мѣсто въ

*) Кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ. Онъ былъ замѣшанъ потомъ въ сношеніяхъ масоновъ съ Павломъ Петровичемъ. См. *Записки* Храповицкаго подъ 26 мая 1792 г.

числѣ правительствущихъ брр. Я рекомендую вамъ в. п. бр. Ивана Аѳанасьевича Дмитревскаго. Наконецъ я прошу васъ, в. п. бр. О., прислать имена орденскія и гербы всѣхъ П. О. брр.“.

Новикову поручилъ провинціальный капитель переписку съ петербургскими братьями, и оттого его письма имѣютъ какъ бы офиціальный характеръ, тогда какъ письма кн. Трубецкаго отличаются дружескимъ, свободнымъ тономъ, даже когда рѣчь идетъ объ орденскихъ дѣлахъ. Какъ префектъ ложи Латоны, онъ записалъ брата Алексѣя Андреевича въ число почетныхъ членовъ этой ложи и 16 янв. 1783 г. просилъ его предложить это же званіе Ѳедору Петровичу Фрезе и Александру Сергѣевичу Строганову *). Московскіе правительственные братья желали, чтобы братъ Алексѣй Андреевичъ принялъ па себя званіе петербургскаго префекта, и, получивъ его согласіе, Н. И. Новиковъ, 26 апрѣля 1783 г. (п. VII), сообщилъ ему копіи съ протокола директоріи VIII-ой провинціи, которымъ вручалось ему это званіе. Поздравляя его, Новиковъ просилъ его о назначеніи въ Москву *репрезентанта* для присутствія въ директоріи, рекомендуя, если онъ не имѣетъ кого-нибудь другого, брата Василія Васильевича Чулкова, „яко основательнаго, твердаго и прилежнаго брата“. Изъ письма отъ 18 мая (IX) того же года видно, что братъ Алексѣй Андреевичъ согласился на назначеніе своимъ репрезентантомъ Чулкова, потому что Новиковъ проситъ прислать на его имя полномочіе. Чулковъ въ это время былъ боленъ и, вѣроятно, это было причиною, что представителемъ петербургскихъ братій въ московской директоріи былъ назначенъ не онъ, а братъ Петръ Вельяминовъ, Eques a Campana, какъ это видно изъ акта московской директоріи 12 іюля 1783 г., который будетъ приведенъ ниже. Петербургскій префектъ служилъ посредникомъ для конфиденціальной переписки московскихъ правительствующихъ братій съ орденомъ. Это видно изъ писемъ Новикова отъ 1-го и 18 мая 1783 г.

Изъ Петербурга письма московскихъ братій отправлялись по почтѣ въ Ригу по слѣдующему адресу: à Mr. Bergmann Grand Fiscal du Gouvernement au Service de S. M. J. à Riga. Новиковъ совѣтуетъ пересылать письма по почтѣ, а не дожидаться оказіи, „лишь бы не были они подвержены распечатанію“. Изъ Москвы въ Петербургъ письма правительственныхъ братій пересылались обыкновенно не черезъ почту.

Въ томъ же письмѣ, отъ 18-го мая, Новиковъ одобряетъ рѣшеніе Алексѣя Андреевича не спѣшить открытіемъ капитула въ Петербургѣ. И дѣйствительно, въ то время, когда въ Москвѣ съ такимъ усердіемъ и единодушіемъ хлопотали о приведеніи въ порядокъ масонскаго общества на его новыхъ основаніяхъ, въ Петербургѣ дѣло не шло на ладъ.

*) Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, оберъ-камергеръ и президентъ Академіи Художествъ, род. 1734 г., умеръ 1811 г.

Между братьями шли раздоры и смуты. Въ началѣ іюля 1783 г. въ Москвѣ одинъ изъ братьевъ, князь Александръ Николаевичъ Засѣкинъ, получилъ слѣдующее письмо, отъ 22-го іюня, отъ Василья Петровича Митусова (п. X).

„М. Г. М. кн. Александръ Николаевичъ!

„Мы разсуждали здѣсь о состояніи своего общества, которое совсѣмъ почти къ паденію наклоненіе имѣетъ. Ибо имѣя очень много весьма достойныхъ брр. и не имѣя состоянія давать инымъ просвѣщенія, мы оныхъ лишаемся, равно и цѣлыя ложи почти закрываютъ свои священныя работы. Въ такомъ случаѣ, болѣзнуя объ ономъ сердечно, положили высокопросвѣщеннѣйшій бр. Андрей Андреевичъ Нартовъ, высокопр. брр. Александръ Петровичъ Митусовъ, Григорій Михайловичъ Лукашевичъ и другіе, хотя въ свѣтскомъ состояніи малоименитые, но душевными качествами и высокими степеньми по достоинству украшенные брр., пылая святѣйшимъ рвеніемъ къ ордену, приступить съ братскою просьбою къ вамъ, высокопр. братъ, къ самому наусерднѣйшему изъ знаемыхъ мною въ Москвѣ братьевъ, чтобы вы были въ московской префектурѣ представителемъ исходатайствовать учрежденіе оной и здѣсь, получая отъ вашего капитула изъ присылаемыхъ отъ вел. Брауншвейгской ложи бумагъ копіи за рукою московской префектуры, такъ какъ отъ начальствующей въ Россіи провинціи, а здѣшняя чтобы была по оной вторая капитулярная ложа. Вотъ просьба, высокопр. бр., которую на вашу благоразумную апробацію представляемъ, приступить намъ съ формальною просьбой къ вышней московской ложѣ, при вашемъ отвѣтѣ мы себя по оному расположимъ и пр.

Василій Митусовъ“.

„Съ подлиннымъ читалъ рег. VIII пров. М. Багрянскій“ *)

10 іюля бр. Александръ Eques ab apibus, кн. Засѣкинъ, представилъ письмо Митусова директоріи, а 12 іюля директорія дала слѣдующій офиціальный отзывъ:

„Высокопр. бр.!

„Директорія VIII О. Пров. съ удовольствіемъ приняла представленіе ваше и письмо, адресованное къ вамъ отъ почт. бр. Митус. именемъ нѣкоторыхъ брр., въ С.-П. Б. находящихся, отъ 27 іюня (?) 1783 г., въ которомъ они показываютъ свое желаніе, чтобы въ С.-П. Б. была учреждена префектура. Вслѣдствіе чего деректорія за долгъ себѣ по-

*) Михаилъ Ивановичъ Багрянскій, докторъ медицины, надворный совѣтникъ, ученый секретарь Медико-хирургической академіи московскаго отдѣленія, родился 1760 г., умеръ 1810 г. Былъ домашнимъ врачемъ Новикова и однимъ изъ самыхъ преданныхъ друзей его. Во время заключенія Новикова въ Шлиссельбургскую крѣпость онъ добровольно раздѣлилъ его участь.

ставляетъ увѣдомить ихъ чрезъ васъ, высокоп. бр., что провинція уже исполнила сіе, и что въ С.-П. Б. учреждена префектура, и префектомъ оной поставленъ уже высокоп. бр. Алексѣй a bona spe: чего ради, если имъ то угодно будетъ, могутъ адресоваться къ нему. Впрочемъ, съ братскою любовью и должнымъ уваженіемъ пребываемъ:

бр. Іоаннъ Eq. a Luce orta, Vice praes.

—Александръ Eq. a Luna crescenti, Propref. et Repres. *Capit*. Mosc.

—Петръ Eq. a Campana, Repres. *Capit*. Petropolit.

—Петръ Eq. a Speculatione, Rep. *Capit*. R—s.

1783 г. іюля 12-го Высокоп. бр. Александру ab apibus.

„Съ под. чит. регис. VIII пров: Мих. Багрянскій."

На другой день (13-го іюля) представитель петербургскаго капитула, Петръ Eq. a Campana (Вельяминовъ), отправилъ къ бр. Алексѣю Андреевичу копіи съ писемъ Митусова и Засѣкина и съ отвѣта директоріи (п. XIII).

Разгадку этого письма петербургскихъ братій мы находимъ въ письмѣ кн. Трубецкаго отъ 23 іюля 1783 г.

„Я уповаю, что вы уже теперь извѣстны отъ вашего репрезентанта, что есть еще партія въ Петербургѣ, въ которой и бр. Нартовъ, которая адресовалась было въ Ліонъ во 2 пров. и искала актовъ и пр.; но когда получили въ отвѣтъ, что въ Россіи кромѣ провинціальнаго капителя, который въ Москвѣ, никто ничего учреждать не можетъ, то адресовались къ намъ; но мы учредивъ уже васъ въ Петербургѣ префектомъ, препроводили ихъ къ вамъ, что̀ и впредь по должности нашей и обязательствъ съ вами исполнять со всѣми адресующимися къ намъ изъ вашей префектуры будемъ: сей поступокъ Петерб. брр., уповаю я, когда другимъ Россіянамъ извѣстенъ учинится, то отучитъ ихъ не въ законномъ для нихъ мѣстѣ чего-либо искать, а понудитъ ихъ законную и учрежденную власть провинціальнаго капителя VIII пров. признать, чѣмъ всѣ и безпокойства кончатся."

Этимъ не ограничивались смуты между петербургскими братьями. Въ томъ же письмѣ кн. Трубецкаго мы находимъ указаніе на другой поводъ къ волненіямъ и раздорамъ. „Что же касается до того, что петербургскіе брр. судятъ у кого имъ быть въ подчиненіи и кого имъ имѣть префект., то также указываетъ ясно ихъ невѣжество, ибо не бр., а законная власть назначаетъ префектовъ, законная же власть въ VIII пров. теперь въ рукахъ провинціальнаго капителя, который назначилъ васъ, и который учрежденъ въ Москвѣ; то ихъ о семъ разсужденіе не стоитъ и вниманія, а точно только показуетъ и невѣжество ихъ" (п. XIV).

Если между русскими братьями въ Петербургѣ были распри и споры, то еще болѣе вредны общему дѣлу были притязанія нѣмецкихъ членовъ

общества. Масонскія ложи въ Россіи основаны были иностранцами, преимущественно нѣмцами. Черезъ нихъ шли всѣ сношенія, и мы видимъ, напр., что московскіе братья долго не рѣшались обратиться прямо къ орденскимъ начальникамъ Германіи, а сносились черезъ Митавскую ложу. Главное управленіе ордена находилось въ Германіи. Нѣмецкіе члены русскаго масонства считали себя главными лицами, требовали себѣ виднаго мѣста и почета, хотѣли имѣть вліяніе. Для большинства петербургскихъ нѣмцевъ образованіе изъ Россіи самостоятельной провинціи ордена, освобожденіе изъ-подъ зависимости отъ Швеціи или Курляндіи и перенесеніе центра управленія въ Москву, среду чисто русскую, было едва ли желательно и пріятно. Оттого мы видимъ, что даже тѣ изъ петербургскихъ иностранныхъ масоновъ, на которыхъ сначала разсчитывали и надѣялись московскіе братья, скоро становятся въ какія-то двусмысленныя, чтобы не сказать враждебныя, отношенія къ русскимъ масонамъ. Ихъ надежда занять первое мѣсто въ обществѣ не исполнилась, и уже въ 1783 г. мы видимъ несогласіе между ними и русскими братьями. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересно письмо кн. Трубецкаго отъ 30 іюля, вѣроятно 1783-го же года, хотя годъ въ письмѣ и не обозначенъ. Вотъ что̀ писалъ Трубецкой къ Алексѣю Андреевичу:

„Когда мы искали ордена и провинціи въ Россію, то намѣреніе наше клонилось токмо къ тому, чтобы показать чужестраннымъ брр., что Россія, подобно имъ, есть корпусъ масонской, и что потому ею какъ трепицею посужаться (какъ до того времени было) невозможно, ибо намъ казалось и кажется стыдно, что Россія, занимающая бо̀льшую часть Европы пространствомъ своимъ, долженствуетъ зависѣть отъ другаго меньшаго ея государства. Сіе съ помощію Божіею удалось намъ, и Россія не только корпусомъ, но и провинціею, не однимъ человѣкомъ, но и цѣлымъ собраніемъ всѣхъ провинцій, признана. Итакъ, другъ мой, что̀ сдѣлали всѣ провинціи вообще, того ни герцогъ Брауншвейгскій, и никто въ мірѣ перемѣнить не можетъ: а поелику мы искали для однихъ Россіянъ, то и все стараніе твое должно быть о соединеніи токмо Русскихъ; а чужестранцевъ не намъ искать, но они искать насъ должны; ибо присоединеніе чужестранцевъ, живущихъ въ Россіи, къ намъ дѣлаетъ имъ честь; а ихъ къ намъ присоединеніе никакой пользы намъ не приноситъ. Сіе-то мнѣніе нужно, чтобы русскіе брр. впечатлѣли въ свое сердце и перестали бы волочиться за всякимъ побродягой, который, бывъ ничего въ орденѣ, выдаетъ себя здѣсь за велико; и чтобъ они получили эту амбицію, которая во всѣхъ народахъ царствуетъ, что корпусъ національный дѣлаетъ честь чужестранцу, когда его къ себѣ присоединяетъ, а не чужестранецъ дѣлаетъ честь корпусу. Сіе-то основаніе сдѣлало, что мы брата Шварца, который столь великія услуги намъ сдѣлалъ и былъ орудіе, чрезъ которое мы все получили, въ воздаяніе за его услуги присоединили къ себѣ и офицеромъ провинціи сдѣлали; но кромѣ его и

безъ подобныхъ его услугъ никакой чужестранецъ въ правленіе провинціи впущенъ не будетъ. Итакъ, другъ мой, презри всѣмъ тѣмъ, что̀ Рибасы, Розенберхи, Фрезы и подобные имъ дѣлаютъ; мы не для нихъ работаемъ, а для Русскихъ, и имъ честь дѣлаемъ присоединяя ихъ къ себѣ, а не они намъ честь дѣлаютъ: и притомъ будь увѣренъ, что ни герцогъ и никто въ мірѣ уже теперь не можетъ отнять у Россіянъ то право, которое имъ дано цѣлымъ конвентомъ всѣхъ провинцій; итакъ, желаю, чтобы ты, при Божьей помощи, открылъ капитель изъ Россіянъ и извѣстилъ-бы объ ономъ герцога и директорію".

О Рибасѣ мы будемъ еще имѣть случай привести мнѣніе московскихъ братій. Приведемъ теперь изъ того же письма князя Трубецкаго извѣстія объ устройствѣ петербургскаго масонства. „Что̀ же принадлежитъ до учрежденія препозитурнаго капителя для чужестранныхъ въ Кронштадтѣ, который не самъ бы собою дѣйствовалъ, но былъ бы подъ правленіемъ префектурнаго петербургскаго капителя, и коего право только бы было, чтобы по дозволенію префектурнаго капителя, давать всѣ градусы и имѣть въ префектурномъ капителѣ репрезентанта, то сіе точно отъ тебя зависитъ; и какъ обстоятельства велятъ, такъ ты и сдѣлать можешь; однако я бы совѣтовалъ этимъ не спѣшить, авось-либо со временемъ это можно будетъ въ Петербургѣ тебѣ учредить; а не худо было бы, ежели бы могли учрежденія масонскія сдѣлать въ Новгородѣ, такъ какъ въ мѣстѣ принадлежащемъ префектурѣ петербургской, а въ Кронштадтѣ можемъ до времени, по моему мнѣнію, учредить шотландскую ложу для тамошнихъ братій. Впрочемъ, это все только мнѣніе мое, а ты по обстоятельствамъ, благоразумію и нуждѣ такъ поступать долженъ какъ обстоятельства потребуютъ." Въ этомъ же письмѣ князь Трубецкой проситъ прислать въ Москву брата Зверягу, о присылкѣ котораго была рѣчь и прежде, съ тѣмъ, чтобы, живя въ Москвѣ у Шварца, списать нужныя для петербургскихъ масоновъ бумаги и „быть изучену и воспитану въ Орденѣ." Вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшитъ поправить свою забывчивость и сообщаетъ, что прежде высланная копія съ письма генеральнаго секретаря (ордена), только для свѣдѣнія бр. Алексѣя Андреевича и для его архива, а другіе братья знать о немъ „не имѣютъ нужды".

Въ предшествующемъ письмѣ, отъ 23-го іюля 1783 года (п. 14-ое), князь Трубецкой одобряетъ намѣреніе петербургскаго префекта разослать циркуляръ въ Ивановскія ложи: „это весьма полезно, и ты можешь въ ономъ циркулярѣ все то написать, что̀ благоразуміе твое за нужно̀ почтетъ открыть передъ братьями, и что̀ по обстоятельствамъ полезно и безопасно будетъ." Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какъ установились отношенія прежде уже существовавшихъ въ Петербургѣ Ивановскихъ ложъ ко вновь открытой префектурѣ въ этомъ городѣ и вообще къ учрежденной въ Россіи самостоятельной орденской провинціи. Въ перепискѣ нѣтъ на это указаній.

Въ іюлѣ или августѣ 1783 г., въ Петербургѣ приступлено было къ устройству такъ-называемаго теоретическаго градуса соломонскихъ наукъ, и 19-го августа князь Трубецкой далъ бр. Алексѣю Андреевичу инструкцію для устройства комнаты для засѣданій, формы свѣтильниковъ, жертвенника, столовъ, ковра (тапи) и пр. (п. 17-ое). Раздоры братій и трудность бороться съ различными притязаніями, вѣроятно, сильно прискучили брату Алексѣю Андреевичу. По крайней мѣрѣ, въ сентябрѣ того же года онъ уже получилъ по просьбѣ увольненіе отъ должности префекта. Ему предписано было внести въ капитель всѣ бумаги, относящіяся до рыцарства, и роспись имъ прислать въ Москву, а братьевъ заставить выбрать префекта, объ утвержденіи котораго представить черезъ директорію письмомъ въ викаріатъ. „Самому же тебѣ, мой другъ, пишетъ князь Трубецкой, совѣтую прилежно упражняться въ поученіи братій, въ теоретической степени, также совѣтую открыть для себя ложу изъ избранныхъ братій, подвергнуть ее въ правленіе одной изъ матерей-ложъ, объ усыновленіи которой напиши въ мать-ложу письмо, которая, ложу твою принявъ, дозволитъ ей работать въ четырехъ степеняхъ. И черезъ то ты совершенно отъ рыцарства уклонишься, ибо въ теоретическую степень чтобы войти, нѣтъ нужды быть рыцаремъ, но достойные входятъ въ оную прямо изъ *екоссовъ;* акты же 4-ой степени ты имѣешь, а три нижнія степени, какъ нынѣ во всѣхъ матеряхъ-ложахъ и во всей провинціи приняты, тѣ къ тебѣ сообщимъ весьма скоро, ибо они готовы; а какъ братъ посылаетъ человѣка на будущей недѣлѣ въ Петербургъ, то съ нимъ и они къ тебѣ отправятся.“ Это же письмо содержитъ, между прочимъ, любопытное указаніе на орденскія имена, которыя дѣлаютъ такъ труднымъ пониманіе тайной переписки масоновъ между собою. „Что̀ принадлежитъ до твоего извѣстнаго тайнаго герба, такъ имена на одномъ не вырѣзываются, но одинъ гербъ; имена же ты долженъ сохранить въ тайности, а ко мнѣ въ своихъ увѣдомленіяхъ подписываться тѣмъ изъ именъ только, которое подчеркнуто.“ Члены масонскаго общества, по крайней мѣрѣ главные, имѣли, слѣдовательно, по нѣскольку именъ для переписки съ разными мѣстами и лицами, и это наводитъ насъ на мысль, не есть ли имя Pinnatus также орденское имя князя Трубецкаго, который въ официіальной перепискѣ подписывался другимъ именемъ, именно: Eques ab aquila boreale. На это наводитъ особенно сходство въ тонѣ и содержаніи писемъ, подписанныхъ обоими именами. Въ этомъ особенно утверждаетъ письмо 21-ое, подписанное Pinnatus, которое будетъ приведено ниже. Въ немъ поручается брату Алексѣю Андреевичу, по случаю отпуска, сдать должность главнаго надзирателя брату Зверягѣ, съ тѣмъ, „что когда оный градусъ отъ него обратно потребуется, отъ васъ или *меня*, или Новикова, или Татищева, то онъ безпрекословно оный возвратитъ.“ Директорія состояла изъ Татищева, Новикова и князя Трубецкаго; слѣдовательно, писавшій былъ, очевидно, князь Трубецкой,

тѣмъ болѣе что и прежде и послѣ этого письма составъ директоріи не измѣнялся.

По письму князя Трубецкаго, отъ 10-го сентября (n. 20-ое), видно, что братъ Алексѣй Андреевичъ въ это время былъ уже главнымъ надзирателемъ въ теоретической степени. „Поелику ты, другъ мой, есть главный надзиратель въ теоретической степени, то посылаю къ тебѣ при семъ книгу, штудируй ее день и ночь, такъ чтобъ она въ тебѣ внутренно оживотворилась, и изъ нея поучай ввѣренныхъ тебѣ братій, не показывая однакожь имъ *до времени* источника, изъ котораго ты ихъ учишь; собирай ихъ, другъ мой, чаще, дабы они совершенно познали теоретическую степень, которая, по прочтеніи приложенной при семъ книги, тебѣ гораздо яснѣе будетъ, и притомъ пріуготовляй ихъ черезъ проповѣданіе словомъ и дѣломъ дѣятельнаго христіанства вступить въ св. *О*“.

Въ этомъ письмѣ не приведено заглавіе книги. Но, по всей вѣроятности, это та книга, которая дошла да насъ въ нѣсколькихъ рукописяхъ, подъ заглавіемъ: *Теоретическій градусъ соломонскихъ наукъ*, и которая служила главнымъ основаніемъ въ разсужденіяхъ теоретической степени даже до самаго конца существованія масонства въ Россіи, какъ это видно изъ дошедшихъ до насъ протоколовъ засѣданій теоретической степени, отъ 25-го августа 1819 г. по 20-ое апрѣля 1821 г. У насъ подъ руками два экземпляра *Теоретическаго градуса соломонскихъ наукъ*, одинъ—рукопись XVIII вѣка, другой—рукопись первой четверти нынѣшняго столѣтія. Обѣ рукописи (одна большая in-quarto, другая in-folio) особенно тщательно переписаны и переплетены. Для насъ особенно важна рукопись in-quarto, на первой бѣлой страницѣ которой внизу слѣдующая надпись, сдѣланная не рукою переписчика: „Т. Г. присланъ 1782 г., декабря 9-го.“ Въ перепискѣ московскихъ масоновъ есть истолкованіе буквъ, которыя три раза встрѣчаются въ этой рукописи. Въ письмѣ князя Трубецкаго, отъ 10-го сентября 1783 г., мы читаемъ: „Слова, на которыя ты требуешь изъясненія, суть: Б. Д. Н. С. М. и Е.,—Боже, даждь намъ согласіе, миръ и единство“ (n. 20-ое). Въ обѣихъ рукописяхъ *Теоретическаго градуса*, имѣющихся у насъ подъ руками, есть нѣкоторое разногласіе въ буквахъ: въ первой два раза вмѣсто четвертой буквы С. стоитъ Б.; во второй буквы встрѣчаются только два раза, и оба раза буква Б. замѣняетъ букву С. Мы не будемъ, впрочемъ, останавливаться теперь на этихъ рукописяхъ. Приведемъ изъ нихъ только присягу поступающаго въ теоретическій градусъ и наставленіе главному надзирателю. Присяга состояла въ слѣдующемъ:

„Я, N N, обѣщаюсь свободно и по добромъ размышленіи:

1) во всю жизнь мою поклонятися Вѣчному, Всемогущему Еговѣ духомъ и истиною;

2) по возможности моей стараться всемогущество Его и премудрость чрезъ натуру познавать;

3) суетъ міра отрещися;

4) сколько въ моей возможности состоитъ, споспѣшествовать пользѣ моихъ братьевъ, любить ихъ, совѣтомъ и дѣломъ во всѣхъ нуждахъ имъ вспомоществовать и, наконецъ,

5) непрерывное молчаніе соблюдать такъ истинно, какъ Богъ безсмертенъ есть".

„Наставленіе достойному настоятелю (главному надзирателю):

„Достойный надзиратель долженъ одинъ только имѣть у себя принятіе теоретическихъ братьевъ, и долженъ каждый мѣсяцъ одинъ разъ всѣхъ своихъ братьевъ собирать, наставленіе теоретическаго градуса по своему благоизволенію или по надобности учреждать, оное по параграфамъ читать (преподавать) и имъ содержаніе онаго, по своему разумѣнію и силамъ, наилучше понятнымъ дѣлать. Братъ-секретарь долженъ всегда дѣлать протоколъ о томъ, что̀ говорено или трактовано, и настоятель долженъ всякіе три мѣсяца дѣлать донесеніе объ успѣхѣ своихъ теоретическихъ работъ и о ревности своихъ братьевъ. Какъ скоро всѣ братья въ собраніи находятся и принятія не бываетъ, садятся всѣ около поучительнаго стола, покрытаго чернымъ ковромъ. Посреди онаго стоитъ свѣщникъ о седьми вѣтвяхъ. Достойный настоятель сидитъ къ востоку, братъ-секретарь и обрядоначальникъ по правую и по лѣвую сторону его, прочіе братья по произволенію. Каждый братъ имѣетъ бумагу и перо, чтобы записывать экстрактомъ нужное къ своему наставленію ученіе; или же братъ-секретарь сочиняетъ краткій экстрактъ, который всѣмъ братьямъ сообщается. Впрочемъ же непристойно, чтобы теоретическій градусъ каждый братъ списывалъ, ибо столь многіе списки не только иногда истинное направленіе ежели не потемняютъ, то малоуважаемымъ дѣлаютъ, или же вовсе нечаяннымъ образомъ ошибками наполняются и въ непросвѣщенныя руки достаться могутъ. Б. Д. Н. С. М. И. Е.".

Замѣчательны еще слѣдующіе два пункта изъ законовъ для высокаго собранія такъ-называемыхъ теоретическихъ философовъ:

„§ 2. *О религіи*. Каждый теоретическій братъ долженствуетъ придержаться одной извѣстной христіанской религіи и по оной тщательно и ревностно жить, какъ то съ должностію честнаго человѣка сходствуетъ. Впрочемъ, всякому свободно соглашаться на тѣ мнѣнія, которыя почитаетъ онъ за разумнѣйшія и спасительныя, сирѣчь такія мнѣнія, которыя дѣлаютъ человѣка праведнымъ, добронравнымъ, благотворнымъ, добросердечнымъ и готовымъ къ услугамъ ближнему своему, какого бы онъ ни былъ народа и вѣры христіанъ" *).

---

*) Вѣротерпимость была отличительною чертой масонства. Извѣстно, какъ чтилась русскими масонами память Іакова Бема. Мы приведемъ ниже, какимъ ореоломъ окружено было въ памяти масоновъ лицо Шварца въ 1820 г. Укажемъ на донесеніе Лопухина о преслѣдуемыхъ духоборцахъ. Въ высшей степени любопытно, что ду-

„§ 3. *О должномъ начальству покореніи.* Каждый сочленъ сего собранія долженъ быть вѣрнымъ подданнымъ своему государю, охотно покоряющимся своему начальству, миролюбивымъ гражданиномъ, или обывателемъ въ мѣстѣ пребыванія своего, миротворцемъ въ спорахъ и учредителемъ (основателемъ) спокойствія и единогласія; онъ долженъ крайне блюстися, дабы ни въ какія государству вредныя возмущенія вмѣшанъ не былъ, и сего ради, такъ какъ и вообще соблюдаемое, всегда безпорочное, поведеніе, сіе сообщество во всякое время отъ царей, князей и государствъ защиту получало“ *).

Изъ двухъ писемъ, отъ 3-го октября и 25-го ноября, подписанныхъ Pinnatus, подъ именемъ котораго нужно, по всей вѣроятности, разумѣть князя Н. Н. Трубецкаго, мы узнаемъ, что братъ Алексѣй Андреевичъ бралъ отпускъ на годъ. Въ письмахъ Pinnatus'а содержатся распоряженія о временной передачѣ должности главнаго надзирателя. Мы приведемъ вполнѣ первое письмо, отъ 3-го октября.

„Высокоп. и любезный братъ!

„Вчерашній день я свѣдалъ, что вы будете въ отпускъ на годъ, а поелику на васъ возложена должность главнаго надзирателя теорет. степ., и грѣхъ будетъ, чтобы за вашимъ отъѣздомъ братья лишились онаго, то я за долгъ почитаю вамъ *предписать,* чтобы во время вашего пребыванія въ Петербургѣ изготовили такъ брата Зверягу, чтобъ онъ могъ до вашего возвращенія онымъ градусомъ управлять, да и брр. бы привели на то, чтобъ они къ нему вниманіе получили, что учиня градусъ со всѣми бумагами, принадлежащими къ оному, при отъѣздѣ вашемъ оставленъ у брата Зверяги, а съ него возьмите подписку, что онъ въ точности по оному поступать будетъ и пунктуально обо всемъ станетъ увѣдомлять васъ, и что когда оный градусъ отъ него обратно потребуется отъ васъ или *меня,* или Новикова, или Татищева, то онъ без-

хоборцевъ простой народъ называлъ франкъ-масонами (т. XVII Плюшарова *Енцикл. Лекс.).* Въ этомъ нельзя не видѣть воспоминанія о защитѣ духоборцевъ масономъ Лопухинымъ.

*) Для интересующихся приведу оглавленіе рукописи *Теоретическаго градуса,* тѣмъ болѣе, что эти рукописи очень рѣдки: Предувѣдомленіе. — Принятіе. — Наставленіе гл. надз. — Законы для собранія Т. Ф. (теорет. философовъ). — Обряды столоваго собранія. — Вопросы и наставленія Т. брр. — Заключеніе. — Собранія. — Наставленіе для Т. брр. — О стихіяхъ вообще. — Объ огнѣ. — О воздухѣ. — О водѣ. — О землѣ. — О стихейныхъ вещахъ и духахъ. — О тѣлесныхъ вещахъ. — О соли. — О сѣрѣ. — О меркуріѣ. — О сѣмени всѣхъ вещей. — Рожденіе. — Соблюденіе. — Разрушеніе. — Дѣйствіе верхнихъ звѣздъ. — О метеорахъ. — О металлахъ. — Рожденіе металловъ. — Золото. — Серебро. — Меньшіе металлы. — Дорогіе камни. — Простые камни. — Минералы. — О растительныхъ. — О животномъ царствѣ. — Человѣкъ. — О болѣзняхъ человѣческаго тѣла. — О болѣзняхъ ума. — О болѣзняхъ души. — О совершенномъ согласіи всѣхъ вещей.

прекословно оный возвратитъ, также, что онъ его списывать не будетъ. О прочемъ обо всемъ переговорите съ Шредеромъ. Богъ да благословитъ васъ и пр.

Pinnatus".

Въ письмѣ, отъ 25-го ноября, Pinnatus извѣщаетъ объ утвержденіи префекта и сообщаетъ слѣдующую подробность о шотландскихъ степеняхъ въ Россіи. „Поелику шотландская степень прислана къ намъ изъ чужихъ краевъ, и мы ее въ практикѣ не видимъ, то о многомъ просили изъясненіе; а какъ братъ князь Г. П. Гагаринъ самъ зимою будетъ въ Петербургѣ, а до тѣхъ поръ изъясненія присланы будутъ, то онъ и изъясненіе привезетъ съ собою".

О передачѣ бумагъ теоретическаго градуса въ этомъ письмѣ мы находимъ болѣе точныя и подробныя распоряженія. „Бумаги теоретическія для работъ оставьте, какъ я прежде писалъ брату Зверягѣ, токмо къ тому еще присовокупляю, дабы не ему одному оныя отдать, но ему и брату Вукашевичу, дабы въ случаѣ смерти или неожидаемаго какого случая бумаги могли быть сохранены, почему и возьмите росписку объ оныхъ бумагахъ съ нихъ съ обоихъ; также оставьте у нихъ и книги *О семи дняхъ творенія,* дабы братъ имѣлъ откуда почерпать ученіе свое братьямъ".

Отпускъ брата Алексѣя Андреевича, кажется, не состоялся. Мы имѣемъ письмо къ нему Pinnatus'а, отъ 1-го февраля 1784 г. Въ немъ одобряется, что братья подъ его присмотромъ будутъ штудировать теоретическую степень, говорится, что братъ Гагаринъ не есть Р. К.: „потому, пишетъ Pinnatus, поступайте съ нимъ какъ съ теоретическимъ братомъ и наставляйте его, дабы онъ могъ содѣлаться достойнымъ того, чтобы, при окончаніи силанума, можно было взять съ него петитъ". Въ этомъ же письмѣ любопытныя указанія на то, какъ нужно сообщать братьямъ нѣкоторыя важныя сочиненія. Еще прежде Pinnatus послалъ къ брату Алексѣю Андреевичу сочиненія Іакова Бема. Теперь онъ пишетъ: „Что касается до того, что можете ли вы читать ради нѣкоторыхъ братьевъ сіи и другія сочиненія, то сіе въ волѣ вашей, вы можете ихъ читать съ ними или поручать читать ихъ для другихъ вѣрному и надежному брату. Но остерегитесь только, чтобы бисеръ не былъ поверженъ передъ свиньями, а въ противномъ случаѣ вы сами за оное отвѣчать будете нашему Спасителю и другу душъ нашихъ. Словомъ, сіе точно вашему благоразумію и гласу вашей совѣсти поручается. А въ примѣчаніе только скажу, что не выдавайте *другимъ* *) сего ученія за ученіе орденское, но предлагайте сего и другихъ ему подобныхъ авторовъ за такихъ, которые вамъ кажутся хороши". Относительно самого

*) Въ оригиналѣ трижды подчеркнуто.

Алексѣя Андреевича мы находимъ въ этомъ письмѣ слѣдующее: „Вы писали ко мнѣ прежде о томъ, чтобы доставить вамъ практическую степень, но на сіе скажу, что пока силанумъ въ орденѣ продолжается, то дотолѣ никому никакой степени даться не можетъ; а долго ли силанумъ продолжится, то сего кромѣ высочайшихъ начальниковъ никто не вѣдаетъ. Чего ради, будь, мой другъ, спокоенъ, молись Богу и вѣрь, что въ свое время вы достигнете цѣли, предлагаемой каждому достойному брату святаго нашего союза".

Слово *силанумъ* нѣсколько разъ встрѣчается въ перепискѣ, и, по счастію, въ концѣ рукописи мы находимъ объясняющее примѣчаніе. „Силанумъ въ орденѣ есть такое время, въ которое отцы и правители высокосвѣтскаго и святѣйшаго ордена занимаются разсмотрѣніемъ всей экономіи его, — есть то время, въ которое они сего благословеннаго и райскаго древа обрѣзываютъ и отсѣкаютъ увядающіе и засыхающіе отпрыски, а иногда и цѣлыя безплодныя вѣтви.

„Время сіе сколько для экономіи ордена вообще весьма важное, столько и для всѣхъ отцовъ и въ особенности для всякаго брата Р—ра *страшное,* или по крайней мѣрѣ такое, въ которое каждый сынъ ордена особенное на себя долженъ обращать вниманіе и наистрожайше самого въ себѣ испытывать въ вѣрности и дѣятельной приверженности *къ святости своего званія*".

Мы не знаемъ, сколько времени на этотъ разъ продолжался силанумъ въ орденѣ. Первое письмо, въ которомъ объ этомъ силанумѣ упоминается, отъ 1-го февраля 1784 г., послѣднее, въ которомъ говорится, что силанумъ еще продолжается, отъ 21-го іюля того же года. Слѣдовательно, силанумъ продолжался, по крайней мѣрѣ, шесть мѣсяцевъ.

Силанумъ не мѣшалъ, впрочемъ, обычному ходу дѣлъ въ орденѣ. Такъ ко времени его относится слѣдующая офиціальная бумага отъ московской директоріи къ петербургскому главному надзирателю теоретическаго градуса.

„Достойный главный надзиратель!

„По повелѣнію высокихъ начальниковъ учреждена здѣсь для теоретическаго градуса соломонскихъ наукъ директорія, отъ которой всѣ дѣла и учрежденія, касающіяся до онаго, впредь зависѣть долженствуютъ. Вслѣдствіе чего всѣ достойные главные надзиратели, до сего времени учрежденные, оною подтверждены, и положено о семъ ихъ извѣстить, дабы они впредь обо всемъ касающемся до сего градуса адресовались въ директорію, и притомъ знали и помнили, что оная, кромѣ главныхъ надзирателей, никому не должна быть извѣстна.

„Предложенные вами братья, Третьяковскій, князь Несвицкій, Сабуровъ, Бороздинъ и два брата Митусовы, директоріею къ принятію въ теоретической степени соломонскихъ наукъ назначены; почему вы имѣете,

по надлежащимъ ихъ пріуготовленіи, когда они по совѣсти вашей удобными къ принятію учинятся, приступить ко введенію ихъ надлежащимъ образомъ въ сію степень, въ чемъ вы предъ орденомъ отвѣтствовать имѣете, и въ чемъ директорія на вашу собственную совѣсть полагается и препоручаетъ ихъ вашему руководству. По принятіи же ихъ, благоволите объ ономъ извѣстить письменно директорію и прислать также списокъ вашихъ братьевъ.

„Брата Митусова, находящагося въ Москвѣ, опредѣлено на вашъ счетъ принять здѣсь, дабы онъ былъ здѣсь наученъ всему нужному, могъ быть полезенъ въ вашемъ собраніи, въ исправленіи таковой должности, каковую вы на него возложить заблагоразсудите.

„Ваши, достойный главный надзиратель,
вѣрные друзья и братья,
Николай Новиковъ.
Князь Николай Трубецкой.
Петръ Татищевъ“.

Москва 6 дня
1784 г.

Въ августѣ того же года директорія прислала петербургскому главному надзирателю слѣдующее распоряженіе:

„Достойный главный надзиратель!

„Предложенные вами къ принятію теоретической степени соломонскихъ наукъ братья, графъ и баронъ, Строгановы директоріею назначены. Сверхъ сего, въ разсужденіи затрудненія въ нерепискахъ, оною опредѣлено дозволить вамъ принять въ сію степень еще до десяти братьевъ, не требуя дозволенія отъ директоріи, увѣдомляя токмо, по по принятіи каждаго, съ тѣмъ притомъ условіемъ, что вы совѣстію своею отвѣтствовать за нихъ долженствуете передъ орденомъ.

„Ваши усердные братья,
Петръ Татищевъ.
Князь Николай Трубецкой.
Николай Новиковъ“.

Москва.
1784 года.
Августа дня.

Послѣ этого въ рукописи, заключающей въ себѣ переписку, оказывается перерывъ до самаго 1789 г. Чѣмъ объяснить этотъ перерывъ, мы не знаемъ. Лицо, списывавшее эту переписку съ оригиналовъ, было однимъ изъ высшихъ сановниковъ ордена и имѣло свободный доступъ къ тайнымъ бумагамъ. Если письма съ августа 1784 по январь 1789 г. не были имъ переписаны, значитъ ихъ не было уже въ тайномъ архивѣ петербургскаго масонства. Предполагать, что во все это время не было вовсе письменныхъ сношеній между высшими чиновниками VIII провинціи,

жившими въ Москвѣ, и петербургскими братьями, рѣшительно невозможно. Разрыва, разъединенія между московскими и петербургскими братьями не могло быть. Письма 1789 года (ихъ всего 4) не содержатъ въ себѣ ни малѣйшихъ намековъ на это. Они отличаются тѣмъ же дружескимъ характеромъ, какъ и письма прежнихъ годовъ. Кромѣ того, тѣ же самыя лица пишутъ къ тому же Алексѣю Андреевичу. Одно изъ нихъ подписано P. (Pinnatus), другое княземъ Трубецкимъ; два остальныхъ его орденскимъ именемъ Eques ab aquila boreali. Письма 1789 г. не такъ важны для исторіи отношеній петербургскихъ масоновъ къ ихъ московскимъ начальникамъ, какъ письма предшествующихъ годовъ. Въ первомъ (отъ 24 янв. 1789 г.) извѣщается о передачѣ письма брату Зверягѣ, который въ это время былъ въ Москвѣ, совѣтуется неутомимое штудированіе Іоанна Масона и пьесы *о четырехъ комплекціяхъ,* говорится о продолженіи силанума (по всей вѣроятности это тотъ силанумъ, который былъ въ 1784 году, иначе нужно бы предположить, что онъ продолжался болѣе четырехъ лѣтъ). „Скажу вамъ, что силанумъ еще не кончился, и что подлежитъ въ насъ самихъ вящше и вящше угнетать нашу плоть, похоть міра и гордость діавола, ежели хотимъ удобными сдѣлаться, воспріять то великое благо, которое изліется при окончаніи силанума на всѣхъ обрѣтенныхъ *вѣрными бдящими и непоколебимыми* братьями". Въ второмъ письмѣ (безъ даты) сообщается списокъ членовъ провинціальной ложи, провинціальнаго капитула и, вѣроятно, теоретическаго градуса, который мы приведемъ ниже, и вмѣстѣ съ тѣмъ просится о присылкѣ такого же списка петербургскихъ братьевъ. Третье письмо содержитъ въ себѣ интересныя подробности о братѣ Нартовѣ, которыя будутъ приведены ниже, извѣщеніе о дозволеніи сдѣлать брата Перфильева пропрефектомъ, причислить къ капителю всѣхъ назначенныхъ Алек. Андр. братій, а не принятыхъ въ рыцарство принять, дать всѣмъ имъ имена, девизъ и гербъ и потомъ сообщить ихъ въ директорію для внесенія въ матрикулы и сообщенія въ орденъ; далѣе, находится просьба о присылкѣ скорѣе въ Москву брата Зверяги и извѣстіе о посылкѣ вмѣстѣ съ этимъ письмомъ слѣпковъ печатей и пакета, запечатаннаго орденскими печатями. Наконецъ, послѣднее письмо, также безъ даты, — коротенькое увѣдомленіе о томъ, что письмо, которое Новиковъ долженъ былъ, по приказу начальствующихъ братьевъ, отослать въ Петербургъ, уже отправлено, и братъ Чулковъ, возвратясь въ Москву, сказывалъ, что отдалъ порученныя ему бумаги.

Вотъ все, чтó могли мы найти въ перепискѣ о сношеніяхъ и отношеніяхъ московскихъ начальниковъ VIII провинціи къ ихъ петербургскимъ собратіямъ. Теперь мы постараемся собрать отрывочныя, разсѣянныя извѣстія о петербургскихъ братьяхъ, которыя находимъ мы въ перепискѣ.

Изъ петербургскихъ братій, о которыхъ говоритъ переписка, на пер-

вомъ планѣ стоятъ Рибасъ и Нартовъ. По крайней мѣрѣ, на нихъ мы находимъ больше указаній, чѣмъ на другихъ членовъ. О Рибасѣ говорится въ трехъ письмахъ. 18 мая 1783 г. Новиковъ пишетъ къ брату Алексѣю Андреевичу: „Теперь прилагаю письмо в. п. брата Шварца къ Рибасу и копію съ онаго для васъ; постарайтесь отдать ему оное сами и потребуйте на оное отвѣта. Я надѣюсь, что вы будете имѣть передъ собою хорошее явленіе при чтеніи имъ сего письма.“ Мы не знаемъ навѣрное, принадлежалъ ли Рибасъ къ числу масоновъ, признававшихъ надъ собою власть VIII провинціи и принадлежавшихъ къ петербургской префектурѣ; но что онъ былъ въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ петербургскими масонами, это очевидно. Въ письмѣ отъ 23 іюля 1783 г. князь Н. Н. Трубецкой два раза говоритъ о Рибасѣ: „Я расхохотался, когда увидѣлъ, мой другъ, изъ твоего письма, что Рибасъ принимаетъ Р. К. за градусъ; дай Боже, чтобы вы впредь, когда начальникамъ нашимъ угодно будетъ, достовѣрнѣе увѣрили о его въ семъ случаѣ невѣжества“ и т. д. Второе замѣчаніе о Рибасѣ гораздо подробнѣе: „Я расхохотался, видя изъ письма вашего, что Рибасъ хвастаетъ, что онъ имѣетъ внутреннія *орденскія* познанія; видно, что для него природа скачокъ сдѣлала, и поступая вездѣ постепенно, его, яко избраннаго изъ всѣхъ смертныхъ, вдругъ учинила совершеннымъ; нѣтъ, другъ мой, словъ сихъ: „знаю внутреннія познанія ордена“, кромѣ невѣжды и шарлатана никто сказать не можетъ, а наипаче черезъ такое короткое время, какое Рибасъ на это имѣлъ, ибо и мы, несмотря на то, что подлинно къ истинному внутреннему ордену принадлежимъ, и несмотря на то, что нѣсколько лѣтъ денно и нощно въ томъ упражняемся, можемъ только то единое о себѣ сказать, что мы всѣ тѣ орудія въ рукахъ имѣемъ, по которымъ до оныхъ познаній непрестанными трудами и повиновеніемъ безмолвнымъ къ начальникамъ дойдти можемъ, ибо сіе дѣло не одного десятка лѣтъ, но нѣсколькихъ требуетъ; когда же онъ называетъ познаніемъ размышленія и толкованія іероглифовъ, подобно книгѣ: *Des Erreurs et de la Verité*, я вамъ скоро изобиліе такихъ толкованій доставлю; и кто подобно Рибасу думаетъ, что онъ по онымъ имѣетъ внутреннія познанія, тотъ уподобляется мальчику, начертившему изъ Вобана чертежъ и потому воображающему быть уже инженеромъ. Вотъ, другъ мой, мое разсужденіе о познаніяхъ Рибаса, которыя не дѣло, но пыль и мыльные пузыри; однакоже нужно, чтобы ты для посрамленія таковыхъ знахарей имѣлъ нѣкоторыя матеріалы, чѣмъ ихъ побѣждать, и для того необходимо нужно тебѣ не мѣшкавъ прислать въ Москву брата Звѣрягу“ и пр. (п. XIV).

Послѣднее упоминаніе о Рибасѣ находится въ приведенномъ уже нами письмѣ (XV), гдѣ говорится, чтобы петербургскіе братья не заискивали у иностранцевъ. „Итакъ, другъ мой, презри всѣмъ тѣмъ что Рибасы, Розенберхи, Фрезы и подобные имъ дѣлаютъ; мы не для нихъ работаемъ, а для русскихъ“.

Объ Андреѣ Андреевичѣ Нартовѣ мы имѣемъ два особенно любопытныя указанія. Онъ былъ масономъ еще ранѣе возведенія Россіи въ особую провинцію ордена.

Послѣ образованія въ Москвѣ главнаго провинціальнаго управленія, а въ Петербургѣ зависящей отъ него префектуры, многіе петербургскіе братья, какъ мы уже видѣли, обратились въ Москву съ просьбою принять ихъ въ соединеніе и образовать для нихъ въ Петербургѣ особую префектуру. Мы знаемъ уже письмо брата Митусова и возникшую по этому переписку. Изъ того же письма князя Трубецкаго, отъ 23 іюля 1783 г., мы узнаемъ, что однимъ изъ главныхъ двигателей въ этомъ дѣлѣ былъ Андрей Нартовъ. „Я уповаю, пишетъ князь Трубецкой, что вы уже теперь извѣстны отъ вашего репрезентанта, что есть еще партія въ Петербургѣ, въ которой и братъ Нартовъ, которая адресовалась было въ Ліонъ во II пров. и искала актовъ и проч., но когда получили въ отвѣтъ, что въ Россіи, кромѣ провинціальнаго капителя, который въ Москвѣ, никто ничего учреждать не можетъ, то адресовались къ намъ; но мы, учредивъ уже васъ въ Петербургѣ префектомъ, препроводили ихъ къ вамъ, что́ и впредь по должности нашей и обязательствъ съ вами исполнять со всѣми адресующимися къ намъ изъ вашей префектуры будемъ; сей поступокъ петербургскихъ братій, уповаю я, когда другимъ Россіянамъ извѣстенъ учинится, то отучитъ ихъ не въ законномъ для нихъ мѣстѣ чего-либо искать, а понудитъ ихъ законную и учрежденную власть провинціальнаго капителя VIII пров. признать, чѣмъ всѣ и безпокойства кончатся“.

Мы видимъ, потомъ, что товарищи Нартова по интригѣ о непризнаніи власти VIII провинціи, братья Митусовы, не только искренне примкнули къ петербургской префектурѣ, но и сдѣлались членами теоретическаго градуса, въ которомъ главнымъ надзирателемъ былъ братъ Алексѣй Андреевичъ Ржевскій, Eques a bona spe. Мало того, одинъ изъ братьевъ, бывшій въ то время въ Москвѣ, былъ принятъ тамъ, чтобы быть научену всему нужному.

Возвращаясь къ Нартову, мы находимъ новое о немъ упоминаніе уже въ 1789 г., въ письмѣ, подписанномъ Eques ab aquila boreali, то-есть княземъ Николаемъ Никитичемъ Трубецкимъ. Вотъ что́ онъ пишетъ: „Благодарю тебя за два дружескія письма твои; скажу, что я для того не отвѣчалъ къ тебѣ на прошедшей почтѣ, что не успѣлъ отвѣтъ заготовить на присланные отъ Нартова вопросы, но теперь, изготовя ихъ, при семъ посылаю, дабы ты, позвавъ къ себѣ Нартова, сказалъ, что ты препроводилъ вопросы его къ тѣмъ, которые тебѣ извѣстны, и что получилъ на оные отвѣты, которые и прочти ему. И ежели хочешь, то дай и списать. Только не сказывай чьи они, и отъ кого ихъ получилъ. Мы великое имѣемъ сомнѣніе, не принадлежитъ ли онъ къ тому тайному обществу, о которомъ въ отвѣтахъ упомянуто, и отъ котораго отцы наши

насъ весьма остерегаютъ и для познанія онаго прислали намъ ихъ акты всѣхъ степеней, которые какъ скоро перепишутъ и переведутъ, то къ тебѣ сообщимъ. А наипаче это сомнѣніе въ насъ родилось отъ его знака, который есть въ тѣхъ актахъ, и въ первой степени знаменуетъ *Moises, Messias, Christos*, почему совѣтую тебѣ быть съ нимъ осторожнымъ, въ рыцарствѣ можетъ быть онъ съ тобою въ связи, но о внутреннихъ познаніяхъ весьма остерегаться отъ него должно" (п. XXX). До насъ дошли вопросы Нартова и отвѣты на нихъ. Они сохранились въ альбомѣ одного изъ высшихъ сановниковъ ордена въ первой четверти XIX столѣтія. Только подъ ними подписано И. Е. Ш., и они такимъ образомъ ошибочно приписаны Шварцу, тогда какъ писаны шесть лѣтъ послѣ его смерти княземъ Трубецкимъ. Всѣхъ вопросовъ восемнадцать. Отвѣты на нихъ коротки и написаны съ непріязненнымъ, худо скрываемымъ чувствомъ къ вопрошателю. О тайномъ обществѣ упоминается въ отвѣтѣ на 11-й вопросъ: могутъ ли всѣ числа отъ одного до десяти истолковать, что есть число 1 и 10-е, что значитъ 5? Отвѣтъ. „Что же принадлежитъ до одиннадцатаго вопроса, то мы отъ искренней любви просили Бога, да не принадлежитъ дѣлающій его къ нѣкоторому тайному обществу, которое имѣетъ оный въ катихизмѣ перваго градуса своего, и которое происходитъ изъ ада, хотя великолѣпнымъ именемъ свѣта одѣваетъ себя. Трепещемъ мы о немъ и для него, и для любезнаго отечества нашего" *).

Къ числу петербургскихъ братій, не вполнѣ надежныхъ въ глазахъ московскихъ начальниковъ, нужно, кажется, наравнѣ съ Рибасомъ и Нартовымъ, отнести и Ѳедора Петровича Фреза. Въ началѣ мы видимъ, что на него возлагали большія надежды. Николай Ивановичъ Новиковъ, въ письмѣ своемъ отъ 14 февр. 1783 г., пишетъ въ Петербургъ, при самомъ открытіи тамъ префектуры: „В. б. Фрезъ, какъ

*) Рѣчь идетъ, по всей вѣроятности, объ орденѣ Иллюминатовъ, основанномъ въ Баваріи профессоромъ Вейсгауптомъ. Иллюминаты пользовались масонами для своихъ цѣлей и вступали въ ихъ ложи. На Вильгельмсбадскомъ конгрессѣ они впервые дѣйствовали въ званіи масоновъ и съ величайшею тайной, стараясь пріобрѣсти вліяніе и завязать связи съ замѣчательнѣйшими членами масонства. Замѣчательно, что на Вильгельмсбадскомъ конгрессѣ отказались принять ученіе Берлинской ложи Трехъ Глобусовъ, съ которою мы находимъ въ такихъ частыхъ сношеніяхъ московскихъ масоновъ. Ложа Трехъ Глобусовъ, подъ вліяніемъ брата Вёльнера, котораго имя часто встрѣчается въ исторіи русскаго масонства и его приверженцевъ розенкрейцеровъ, не отправила даже своихъ депутатовъ на Вильгемсбадскій конгрессъ, подъ предлогомъ, что приглашеніе сдѣлано было не въ надлежащей формѣ. Этимъ объясняется отстраненіе русскихъ масоновъ отъ герцога Брауншвейгскаго послѣ Вильгельмсбадскаго конгресса, на которомъ Россія была объявлена особою провинціей, — отстраненіе, бывшее слѣдствіемъ объявленія ложи Трехъ Глобусовъ, отъ 11 ноября 1782 года, которое мы привели къ первой статьѣ. Объ отношеніяхъ Иллюминатовъ къ масонству вообще и даже въ Россіи можно было бы собрать любопытныя свѣдѣнія изъ разбросанныхъ въ разныхъ изданіяхъ и частью также неиз-

ревнительный братъ, заслуживаетъ совершенное мѣсто въ числѣ правительствующихъ братій“ (п. V). Князь Н. Н. Трубецкой, въ письмѣ отъ 16 января того же года, проситъ согласія Фреза на принятіе званія почетнаго члена московской матери-ложи Латоны. И однако черезъ шесть мѣсяцевъ мы видимъ, что тотъ же Трубецкой совѣтуетъ брату Алексѣю Андреевичу презрѣть всѣмъ тѣмъ „чтò Рибасы, Розенберхи, Фрезы и подобные имъ дѣлаютъ“ (п. отъ 30 іюля 1783 г.). Больше мы не находимъ никакихъ свѣдѣній о Фрезѣ. Розенберхъ только разъ и упоминается.

Въ перепискѣ мы находимъ упоминаніе о слѣдующихъ петербургскихъ масонахъ, безъ особыхъ подробностей или указаній: 1) Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, „первый возстановитель на твердую степень въ Россіи масонства“; 2) князь Куракинъ; 3) графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, избранный почетнымъ членомъ матери-ложи Латоны; 4) Василій Петровичъ Митусовъ и 5) Александръ Петровичъ Митусовъ, о которыхъ всѣ извѣстія приведены уже нами; 6) баронъ Строгановъ; 7) Третьяковскій; 8) кн. Несвицкій; 9) Сабуровъ; 10) Бороздинъ; 11) Вукашевичъ. Почти всѣ они были членами теоретической степени соломонскихъ наукъ. Кромѣ того, есть нѣсколько лицъ, о которыхъ мы находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія, хотя и не можемъ прямо сказать, принадлежали ли они къ числу масоновъ петербургской префектуры. На первомъ мѣстѣ между такими стоитъ извѣстный Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій. Новиковъ въ письмѣ своемъ называетъ его высокопросвѣщеннымъ братомъ; но мы не знаемъ навѣрное, былъ ли Дмитревскій членомъ петербургскаго общества, состоявшаго въ зависимости отъ префектуры, или, можетъ-быть, онъ принадлежалъ къ которой-нибудь изъ Іоанновскихъ ложъ, на первое время состоявшихъ еще отдѣльно отъ петербургской префектуры. Новиковъ, въ февралѣ 1783 г., рекомендуетъ петербургскому префекту

вѣстныхъ матеріалахъ. Для ознакомленія съ цѣлью и сущностью ордена Иллюминатовъ лучшими источниками служатъ ихъ бумаги, изданныя по повелѣнію Баварскаго курфирста. „Einige Originalschriften des Illuminatenordens, welche bey dem gewesenen Regierungsrath Zwack durch vorgenommene Hausvisitation zu Landshut den 11 und 12 oct. 1786 vorgefunden worden. Auf höchsten Befehl Seiner Churfürstlichen Durchlaucht zum Druck befördert. München 1787“ и „Nachtrag von Originalschriften, welche die Illuminatensecte überhaupt, sonderbar aber ... Adam Weishaupt.... betrefen. München 1787“. Въ высшей степени замѣчателенъ также манифестъ, изданный къ членамъ масонскаго общества Фердинандомъ Брауншвейгскимъ, въ самый разгаръ французской революціи, въ 1792 году, въ которомъ указаны гибельныя слѣдствія постороннихъ вліяній на масонство. Этотъ манифестъ напечатанъ въ изданіи тайнаго сочиненія: „Freimaurer Denkschrift über die politische Wirksamkeit des Freimaurer Bundes als der ,.. Propaganda zum Sturz der legitimen Trone und des positiven Christenthums. Berlin. 1864“. Это изданіе будетъ въ 15 выпускахъ, изъ которыхъ каждый посвященъ какому-нибудь изъ германскихъ государей, принадлежащихъ къ масонскому ордену.

Дмитревскаго. Въ іюлѣ того же года князь Трубецкой спрашиваетъ брата Алексѣя Андреевича: „Дай мнѣ, братъ, знать, часто ли бываетъ у тебя Дмитревскій, и думаешь ли ты его къ себѣ присоединить“? О Державинѣ мы находимъ слѣдующее извѣстіе въ письмѣ князя Трубецкаго, отъ 10-го сентября 1783 г.: „Державинъ поѣхалъ въ П.; онъ, мнѣ кажется, готовъ быть въ орденѣ. Испытай его, а ежели онъ таковъ, какъ я думаю, то бы я тебѣ совѣтовалъ дать ему четыре степени рука на руку, а потомъ принять въ теоретическую степень; впрочемъ, предаю это твоему благоразумію и осторожности“ (п. XX). Это единственное упоминаніе въ перепискѣ о Державинѣ, и мы не знаемъ, поступилъ ли онъ въ теоретическую степень. Въ запискахъ Державина нѣтъ ни малѣйшаго на то намека. Мало того: изъ записокъ Державина мы не видимъ, чтобъ онъ былъ въ Москвѣ въ теченіе 1783 г. Съ исхода 1780 г. по 15-е февраля 1784 г. Державинъ служилъ въ Петербургѣ въ экспедиціи государственныхъ доходовъ.

О Репнинѣ мы находимъ слѣдующее единственное указаніе въ письмѣ князя Трубецкаго, отъ 5-го сентября 1783 г. (п. XIX): „Что принадлежитъ до Репнина, то мы о немъ имѣемъ извѣстіе, но онъ насъ еще знать до времени не долженъ; почему и ты будь осторожень, пока тебѣ дозволено будетъ съ нимъ говорить“.

Не совсѣмъ выгодный отзывъ читаемъ о Пушкинѣ въ письмѣ Pinnatus'а, отъ 1-го февраля 1784 г. (п. XXIV): „А что касается до Пушкина, то намъ о немъ сказать нечего, кромѣ того что, кажется, онъ болтливъ; но мы можемъ ошибиться, а вы его узнайте и потомъ каковымъ его найдете, такъ и учредите съ нимъ вашъ поступокъ“.

Укажемъ еще на рекомендацію Н. И. Новикова для принятія въ петербургскій капитулъ Игнатія Антоновича де-Тейльса черезъ Ст. Вас. Перфильева. „Онъ человѣкъ по всему заслуживающій наисправедливѣйшимъ образомъ эту честь, пишетъ Новиковъ; онъ же вамъ совершенно годится“, и т. д. (п. XVI). Мы не знаемъ, былъ ли онъ родственникомъ московскому прокурору Андрею Тейльсу, составившему въ 1785 г. опись книгамъ, продававшимся у Новикова.

Перейдемъ теперь къ должностнымъ лицамъ петербургской префектуры и теоретическаго градуса соломонскихъ наукъ. О петербургскомъ префектѣ и главномъ надзирателѣ теоретической степени, братѣ Алексѣѣ Александровичѣ Ржевскомъ, *Eques a bona spe*, мы уже привели все, что могли найти въ перепискѣ. Мы не знаемъ, кто послѣ него избранъ былъ префектомъ. Въ 1789 г. мы знаемъ, что братъ Перфильевъ былъ утвержденъ пропрефектомъ (п. XXX). Въ этомъ же письмѣ мы читаемъ слѣдующее: „О братѣ Перфильевѣ и о тебѣ самомъ мы забыли тебѣ сказать, что еще когда вы и не были съ нами въ связи, мы объ вашихъ именахъ уже писали на конвентъ, и вы тамъ извѣстны, яко усердные и старые и упражняющіеся братья“. Дѣйствительно, еще въ

февралѣ 1783 г. Новиковъ указывалъ петербургскому префекту на высокопросвященнаго брата Перфильева, тогда еще не присоединеннаго къ префектурѣ. Въ августѣ 1783 г. Степанъ Васильевичъ Перфильевъ былъ уже членомъ петербургскаго капитула, и Новиковъ черезъ него совѣтуетъ ввести въ капитулъ Игнатія Антоновича де-Тейльса.

Важную роль и въ капитулѣ, и въ петербургскомъ градусѣ игралъ братъ Зверяга. Очевидно, онъ былъ лицо близкое къ петербургскому префекту и пользовался полнымъ довѣріемъ московскихъ начальниковъ VIII провинціи. Его нѣсколько разъ вызываютъ въ Москву, пишутъ, чтобы пріѣзжалъ прямо къ Шварцу, и т. д. Изъ переписки видно, что, по крайней мѣрѣ, разъ Зверяга былъ въ Москвѣ. Когда братъ Алексѣй Андреевичъ хотѣлъ взять отпускъ на годъ, ему писали изъ Москвы, чтобы онъ подготовилъ Зверягу, такъ чтобы послѣдній могъ въ его отсутствіе управлять теоретическимъ градусомъ. Мы уже привели выше, какія предосторожности принимались при этой передачѣ. Товарищемъ Зверяги для храненія бумагъ назначенъ Вукашевичъ, о которомъ мы только это и знаемъ.

Изъ повѣренныхъ петербургской префектуры, жившихъ въ Москвѣ и присутствовавшихъ въ директоріи, мы укажемъ сначала на Василія Васильевича Чулкова, бывшаго, впрочемъ, самое короткое время репрезентантомъ петербургской префектуры, или только вступавшаго въ эту должность. Въ іюлѣ 1783 г. репрезентантомъ петербургскихъ братій въ Москвѣ былъ Петръ Вельяминовъ, Eques a campana.

Мы не знаемъ, къ сожалѣнію, названій и личнаго состава ложъ, подчиненныхъ петербургской префектурѣ. До насъ дошло нѣсколько рѣчей, произнесенныхъ братомъ Панаевымъ, въ 1780 и 1781 г., въ ложѣ Горусъ, гдѣ онъ былъ мастеромъ стула. Сохранилась ли эта ложа послѣ объявленія Россіи восьмою провинціей ордена, примкнула ли она къ петербургской префектурѣ, или осталась отдѣльною, намъ неизвѣстно. Имени Панаева мы ни разу не встрѣчаемъ въ перепискѣ. Мы догадываемся, что ложа Горусъ была въ Петербургѣ, потому что на рукописи рѣчей поставлено С. Н. К. Т. П. Т. Р. Б. Р. Г.

Мы указали на всѣ должностныя лица петербургскаго масонства, на всѣхъ братій и лица, входившія въ близкія отношенія къ масонству, о которыхъ мы нашли какія-нибудь указанія въ перепискѣ. Мы можемъ возвратиться въ Москву, чтобы собрать изъ той же переписки все, что относится къ внутреннему устройству масонскаго общества въ Москвѣ, къ его тайной и явной дѣятельности.

По объявленіи Россіи самостоятельною провинціей ордена, мы находили въ Москвѣ, въ февралѣ 1783 г., слѣдующія центральныя учрежденія для всего русскаго масонства: 1) семь главныхъ чиновниковъ провинціи; мѣсто провинціальнаго великаго мастера оставалось вакантнымъ; 2) провинціальный капитулъ изъ трехъ членовъ, и 3) директорію VIII про-

винціи изъ президента и пяти членовъ *). Имена всѣхъ этихъ членовъ провинціальнаго управленія мы уже привели выше.

Въ 1783 г. въ Москвѣ было двѣ матери-ложи: ложа *Коронованнаго Знамени*, гдѣ префектомъ былъ Петръ Алексѣевичъ Татищевъ, и ложа *Латоны* съ префектомъ княземъ Николаемъ Никитичемъ Трубецкимъ. Въ сентябрѣ того же года, князь Трубецкой пишетъ въ Петербургъ, что въ Россіи четыре матери-ложи: 1) *Трехъ Знаменъ*, подъ начальствомъ Татищева, 2) *Озирисъ,* подъ начальствомъ князя Н. Н. Трубецкаго, 3) *Латоны,* подъ начальствомъ Новикова и 4) *Сфинксъ*, съ Гагаринымъ во главѣ. Здѣсь для насъ не совсѣмъ ясно разнорѣчіе въ показаніяхъ. Была ли уничтожена ложа Коронованнаго Знамени, или слилась съ ложею Трехъ Знаменъ, неизвѣстно. О трехъ изъ перечисленныхъ княземъ Трубецкимъ матерей-ложъ мы знаемъ, что онѣ основаніемъ своимъ далеко предшествовали признанію Россіи самостоятельною провинціей. Дипломъ Петру Алексѣевичу Татищеву на званіе мастера ложи Трехъ Знаменъ подписанъ герцогомъ Брауншвейгскимъ въ 1779 г., и ложа существовала еще въ 1785 г., какъ увидимъ ниже. Ложа Озирисъ была основана, какъ видно по надписи на серебряной медали, 2-го марта 1776 г. Ложа Латоны, въ которой въ февралѣ 1783 г. префектомъ былъ Новиковъ, а въ сентябрѣ князь Трубецкой, основана была 2 декабря 1775 г., опять — по надписи на медали. О ложѣ *Сфинксъ* мы ничего не знаемъ. Начальникомъ ея былъ, по всей вѣроятности, князь *Иванъ Петровичъ* Гагаринъ. О ложѣ *Гармоніи,* основанной московскими братьями передъ началомъ переговоровъ съ герцогомъ Брауншвейгскимъ о признаніи Россіи самостоятельною провинціей, мы знаемъ только по одному упоминанію въ перепискѣ. Кромѣ этихъ ложъ въ Москвѣ мы находимъ и другія. Въ *Магазинѣ свободно-каменьщическомъ*, одной изъ рѣдчайшихъ книгъ, изданной въ 1784 г., въ московской типографіи Лопухина, указаны, кромѣ названныхъ, еще слѣдующія: *Блистательная звѣзда св. Моисея и Девкаліонъ*. Въ послѣдней, по словамъ М. Н. Лонгинова **), съ 1782 г. С. И. Гама-

*) Впослѣдствіи, и притомъ въ самомъ скоромъ времени, мы находимъ въ Москвѣ директорію изъ трехъ только членовъ, именно: Татищева, князя Трубецкаго и Новикова. Впрочемъ, весьма вѣроятно, это была директорія только для теоретическаго градуса соломонскихъ наукъ.

**) См. *Матеріалы для исторіи русскаго просвѣщенія и литературы въ концѣ XVIII вѣка. Русскій Вѣстникъ*. Намъ показалось страннымъ въ этой статьѣ слѣдующее мѣсто: „Намъ извѣстны слѣдующія тогдашнія московскія масонскія ложи: 1) Латоны, при *инстанціи* ложи Блистающей Звѣзды“ и т. д. Мы не могли понять этой *инстанціи.* Обратившись къ *Магазину свободно-каменьщическому,* мы тотчасъ нашли разгадку. Слово *инстанціи* поставлено ошибкой вмѣсто—*инсталаціи.* Во 2-й части 1-го тома, на стр. 31-й, помѣщена рѣчь, говоренная отъ имени матери-ложи Латоны при *инсталаціи* ложи Блистающей Звѣзды 1784 г., мая 31-го дня. Ни одна ложа не могла возникнуть вновь независимо отъ какой-нибудь матери-ложи, которыхъ въ Россіи было четыре, всѣ въ Москвѣ, и въ томъ числѣ Латона.

лѣя былъ великимъ мастеромъ стула, то есть предсѣдателемъ. Г. Лонгиновъ не указываетъ источника, откуда онъ заимствовалъ это свѣдѣніе, но что оно вѣрно, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Мы имѣемъ одну рѣчь С. И. Гамалѣя о платѣ за работу, говоренную имъ въ ложѣ *Девкаліона*, 21-го октября 1782 года, и другую, произнесенную имъ же, 3-го февраля 1783 г. Что особенно странно, въ перепискѣ московскихъ масоновъ ни разу не упоминается имя Гамалѣя, и мы не встрѣчаемъ его въ спискѣ должностныхъ членовъ московскаго масонства ни въ 1783 г., ни въ 1789 году. Послѣдній списокъ мы приведемъ ниже. Отъ московскихъ ложъ зависѣли ложи въ другихъ городахъ. Мы говоримъ не о раздѣленіи только на префектуры. Такъ, къ петербургской префектурѣ принадлежала Новгородская губернія (п. XV), къ московской—окрестныя губерніи и, вѣроятно, также восточная Россія. Казанская ложа *Восходящаго Солнца*, основанная въ 1776 г., вѣроятно, примыкала къ Москвѣ. Но кромѣ этого раздѣленія Россіи на префектуры, московскую и петербургскую (другихъ мы не знаемъ), московскія матери-ложи имѣли значеніе для всей Россіи. Это мы видимъ изъ письма князя Трубецкаго, отъ 5-го сентября 1783 г., къ его другу, Алексѣю Андреевичу, петербургскому префекту. Онъ совѣтуетъ ему открыть для себя ложу изъ избранныхъ братій, передать ее въ правленіе одной изъ матерей-ложъ и объ усыновленіи написать письмо въ мать-ложу. Въ этомъ же письмѣ Трубецкой сообщаетъ и имена четырехъ матерей-ложъ, которыя всѣ находятся въ Москвѣ (п. XIX). Мы имѣемъ и акты подобныхъ отношеній, именно учредительный актъ Рязанской ложи *Орфея* отъ матери-ложи *Трехъ Знаменъ*. Вотъ этотъ актъ (у насъ подъ руками черновой экземпляръ, гдѣ вписаны, по счастію, и фамиліи):

„Всемогущему Зиждителю вселенныя да будетъ слава.

„Мы, великій мастеръ, намѣстный мастеръ, великій надзиратель и всѣ великіе чиновники матери-ложи Трехъ Знаменъ, цѣлуемъ и поздравляемъ всѣхъ истинныхъ, свободныхъ каменьщиковъ, числомъ освященнымъ, и желаемъ имъ согласія, мира, любви и единства.

„Чрезъ сію учредительную грамоту извѣщаемъ мы всѣхъ и каждаго свободныхъ каменщиковъ, какого бы онъ ни былъ градуса, чего мы по прошенію почтенныхъ братій-мастеровъ свободныхъ каменьщиковъ, совокупленныхъ во единую ложу въ рязанск. полк. для вящаго приращенія ордена и блага и пользы братій, ввѣренныхъ нашему вожденію, опредѣлили по силѣ, власти и мощи, каковыя мы имѣемъ, основать и учредить сію святаго Іоанна ложу, подъ названіемъ дочери-ложи Орфея, давъ ей печать съ изображеніемъ двухъ горъ, на которыхъ на одной флейта, на другой книга, посреди кубической камень. Все же сіе въ гармоніи съ путешествующею звѣздою, купно съ орудіями. Мы избрали и утвердили высокопочтеннаго брата *Поздѣева* великимъ мастеромъ сея почтенныя ложи, снабдя его всѣми нужными актами, который, въ силу данной ему отъ насъ полной власти, можетъ дѣлать принятіе и производить работы

въ первыхъ трехъ степеняхъ свободнаго каменьщичества, слѣдуя даннымъ ему отъ насъ уставамъ, обыкновеніямъ и обрядамъ; такожъ мы назначили и надзирателями сея почтенныя дочери-ложи почтенныхъ братьевъ: *Дрешерна* первымъ, а *Бѣляева* вторымъ, оставляя себѣ власть и законное право назначать сихъ первыхъ трехъ чиновниковъ ложи, въ случаѣ востребовавшейся въ томъ нужды.

„Мы запрещаемъ всѣмъ нашимъ братьямъ возмущать какимъ бы то образомъ ни было работы сея почтенныя дочери-ложи, состоящей въ нашемъ покровительствѣ, подъ страхомъ исключенія изъ ордена; равномѣрно мы предписываемъ упомянутому великому мастеру и его надзирателямъ исполнять въ точности и безъ всякаго замедленія всѣ узаконенія и повелѣнія какъ нынѣ данныя, такъ и тѣ, которыя впредь отъ насъ и отъ нашихъ преемниковъ даны будутъ. Въ случаѣ же малѣйшаго нарушенія оныхъ, мы уничтожаемъ всѣ права и преимущества, данныя сею нашею учредительною грамотою. Однакожъ мы, будучи удостовѣрены, что почтенные братья, великій мастеръ и чиновники ложи никогда не отступятъ отъ ихъ обязательствъ и должностей къ ордену, но паче уповаемъ, что они, для вящей пользы и приращенія ордена, всегда будутъ наблюдать между братьями скромность, повиновеніе, благоустройство и порядокъ, будутъ стремиться къ водворенію между братьями мира, согласія, любви и единства, для снисканія существеннаго просвѣщенія изученіемъ гіероглифовъ сего посвященнаго премудрости ордена и чрезъ то мало-по-малу учиниться достойнымъ тѣхъ великихъ наградъ, которыя обѣщаетъ высокій орденъ свободнаго каменьщичества, и которыя у него готовы для всѣхъ покорныхъ, вѣрныхъ и испытанно дознанныхъ сыновъ его.

„Для вящаго удостовѣренія вручаемъ мы сію нашу учредительную грамоту, за подписаніемъ нашимъ и съ приложеніемъ печати матери-ложи. Дано въ Москвѣ, лѣта отъ Рождества Спасителя 1785 г.

Петръ Татищевъ,
Оберъ-мейстеръ.
Егоръ Гине, 1-й великій надзиратель.
Харитонъ Чеботаревъ, 2-й великій надзиратель.
Трительвидъ, великій секретарь“ *).

Вѣроятно, къ Москвѣ же примыкала и теоретическая степень соломонскихъ наукъ, основанная на *востокѣ Вологды*, отъ которой мы имѣемъ протоколы засѣданій за 1791 и 1792 годы: пять засѣданій въ 1791 и два въ 1792 году **).

*) Написано на листѣ синей бумаги. Имена вписаны другою рукой. Мы ихъ означали курсивомъ, равно какъ и слова, замѣняющія масонскіе знаки.

**) Рукопись in fol. Имени главнаго надзирателя мы не нашли въ протоколахъ. Быть можетъ, это Поздѣевъ; но это только предположеніе, основанное на томъ, что

Въ 1789 году князь Трубецкой сообщаетъ Алексѣю Андреевичу имена членовъ провинціальной ложи, теоретическаго градуса *) и капитула **), прося въ замѣнъ прислать списокъ петербургскихъ членовъ.

Офиціальныя сношенія чиновниковъ VIII провинціи съ орденомъ продолжались непрерывно. Письма адресовались или прямо Фердинанду герцогу Брауншвейгъ - Люнебургскому, или же статскому совѣтнику короля

послѣднее время жизни Поздѣевъ провелъ въ Вологдѣ. Въ протоколахъ находимъ слѣдующія имена: обрядоначальника, Сем. Степ. Сребдольскаго, секретаря, Василія Ферапонтовича Рудометова, и брата Гавріила Петровича Зотова.

*) Мы не можемъ сказать, навѣрное, былъ ли это теоретическій градусъ соломонскихъ наукъ, потому что въ рукописи масонскій знакъ — четыреугольникъ съ Андреевскимъ крестомъ наверху.

**) Вотъ этотъ списокъ:

Члены провинціальной ложи:

Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій, великій мастеръ.
Князь Николай Никитичъ Трубецкой, н. мастеръ.
Князь Николай Ивановичъ Одоевскій, 1-й надзиратель.
Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, 2-й надзиратель.
Алексѣй Яковлевичъ Клейнъ, секретарь.
Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ, риторъ.
Алексѣй Николаевичъ Щепотьевъ, казначей.
Борисъ Александровичъ Загряжскій, обрядоначальникъ.
Князь Николай Ивановичъ Трубецкой, 1-й собиратель милостыни.
Князь Григорій Алексѣевичъ Щербатовъ, 2-й собиратель милостыни.
Николай Семеновичъ Лаптевъ, великій придверникъ.

Члены теоретическаго градуса:

Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій, великій мастеръ.
Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, н. мастеръ.
Князь Николай Никитичъ Трубецкой, 1-й надзиратель.
Князь Николай Ивановичъ Одоевскій, 2-й надзиратель.
Алексѣй Николаевичъ Щепотьевъ, секретарь.
Николай Ивановичъ Новиковъ, риторъ.
Осипъ Алексѣевичъ Поздѣевъ, обрядоначальникъ.

Члены капитула:

Пред. князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій.
Кап. князь Василій Владиміровичъ Долгорукій.

Кап.

1. Князь Николай Никитичъ Трубецкой.
2. Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ.
3. Князь Николай Ивановичъ Трубецкой.
4. Николай Ивановичъ Новиковъ.
5. Князь Николай Ивановичъ Одоевскій.
6. Алексѣй Никитичъ Щепотьевъ.
7. Князь Григорій Алек. Щербатовъ.
8. Князь Иванъ Петровичъ Гагаринъ.
9. Осипъ Алексѣевичъ Поздѣевъ.

датскаго Шварцу, жившему въ Брауншвейгѣ. Иногда же сношенія были черезъ Ригу посредствомъ Бергмана, великаго фискала русской службы. Сношенія русскаго масонства съ орденомъ не были, впрочемъ, исключительно черезъ главное управленіе VIII провинціи. Каждая префектура имѣла не только право, но и обязанность сноситься прямо съ главнымъ правленіемъ ордена, получать оттуда акты и посылать списки членовъ. Это намъ положительно извѣстно относительно петербургской префектуры, которой московская директорія предписываетъ войти въ прямыя сношенія съ орденомъ и для образца посылаетъ формы писемъ. Это не мѣшало, впрочемъ, строгой подчиненности всѣхъ отдѣловъ русскаго масонства главному правленію VIII провинціи. Мы видимъ, напримѣръ, что петербургскій теоретическій градусъ соломоновскихъ наукъ не можетъ принять новаго члена, не испросивъ предварительно разрѣшенія отъ московской директоріи. Только потомъ, во избѣжаніе затруднительной переписки, директорія разрѣшила петербургскому теоретическому градусу принять, не испрашивая предварительно дозволенія, до десяти братьевъ, увѣдомивъ директорію объ ихъ принятіи. Матери-ложи находились только въ Москвѣ, и къ нимъ въ зависимость поступали вновь открывавшіяся ложи въ Петербургѣ, Рязани и другихъ городахъ.

Средствами для распространенія масонства были публичныя лекціи, рѣчи въ Дружескомъ обществѣ и въ засѣданіяхъ ложъ, переписки и, самое главное, типографскій станокъ. Мы упоминали уже о публичныхъ лекціяхъ Шварца. Вѣроятно, кромѣ двухъ извѣстныхъ уже намъ курсовъ, были и другіе. По крайней мѣрѣ на это наводятъ нѣкоторыя обстоятельства. До насъ дошли нѣкоторые трактаты Шварца, переписанные отдѣльно, и нѣкоторые могутъ быть отрывками или извлеченіями изъ лекцій. Точно такъ же мы указывали на его рѣчи или разсужденія, читанныя въ засѣданіяхъ Дружескаго общества. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, кромѣ Шварца, читали и другіе члены. Трудно представить себѣ, чтобы Гамалѣя или Лопухинъ не принимали участія въ бесѣдахъ. Что касается до рѣчей, говоренныхъ въ засѣданіяхъ ложъ, то ихъ дошло до насъ довольно много, сохранились даже рукописные сборники *). Къ сожалѣнію, большая часть безъ датъ и безъ означенія имени говорившаго. Эти рѣчи переписывались и разсылались изъ ложи въ ложу, изъ города въ городъ. Такъ, рѣчи московскаго брата Гамалѣи мы находимъ въ архивѣ петербургскаго капитула вмѣстѣ съ рѣчами петербургскихъ братій. Еще важнѣе было значеніе переписки между масонами. Собраніе писемъ нѣкоторыхъ масоновъ составляетъ цѣлые томы (3 тома писемъ Гамалѣи напечатаны; не изданы 2 тома писемъ Ос. Ал. Поздѣева и т. д.). Для переписки дѣловой, офиціальной существовали особенныя правила. Мало

*) Есть довольно рѣчей и напечатанныхъ. Такъ, семь рѣчей напечатаны въ первыхъ двухъ книгахъ „*Магазина свободно-каменьщическаго*“.

того, что переписывавшіеся подписывались не иначе, какъ орденскими именами и притомъ различными именами, смотря по лицу, къ которому писали, но относительно самой формы дѣловой переписки установлены были извѣстныя правила. Мы имѣемъ эти формы за подписью Tithonus a Terruca, Chariton Tschebotarew. Не останавливаясь на формахъ начала и заключенія писемъ, мы приведемъ только одно замѣчаніе, которое можетъ пригодиться лицамъ, которымъ попадется въ руки масонская переписка: „сверху получаемое писаніе называется отпускъ, а снизу вверхъ—увѣдомленіе. Писать должно по пунктамъ: 1, 2, 3, и такъ далѣе. Если отвѣтствуется, то не должно ничего упоминать что̀ содержится въ пунктѣ, но просто отвѣтствовать, напримѣръ на 1-й (то-то и то-то), на 2-й, на 3-й и т. д.". Мы уже имѣли случай нѣсколько разъ упоминать, какою тайной облекалась дѣловая переписка не только для лицъ постороннихъ, но и для самихъ братій. Для нихъ оставалась неизвѣстною переписка между начальствующими лицами. Если нужно было сообщить брату содержаніе письма, то скрывалось отъ него имя лица писавшаго. Если, впрочемъ, переписка между высшими оставалась тайной для низшихъ, то переписка между низшими должна была быть извѣстна высшимъ. Были засѣданія въ извѣстные сроки, куда братья приносили полученныя ими письма (разумѣю говорящія о мистицизмѣ или масонствѣ) и особенно интересныя сдавали въ архивъ *).

Самое могущественное средство для распространенія мартинизма и масонства, разумѣется, была печать. Московскіе масоны имѣли въ своихъ рукахъ нѣсколько типографій: Университетскую, находившуюся въ завѣдываніи Новикова, его собственную, типографію Ив. Вл. Лопухина и типографію Типографической компаніи. Но этого было еще недостаточно московскимъ масонамъ. Въ письмѣ отъ 10-го сентября 1783 г. кн. Трубецкой пишетъ въ Петербургъ къ Алексѣю Андреевичу: „Увѣдомляю тебя, мой другъ, что благодаря Спасителю нашему, мы открыли тайную орденскую типографію, въ которой нужныя переведенныя книги для брр. печататься будутъ. Бр. Новиковъ посылаетъ тебѣ при семъ начатыя въ оной печататься книги: *О молитвѣ* и *Духъ масонства*. Скрывай оныя отъ всѣхъ, а употребляй только самъ для своего чтенія и познанія. Приложенная мною къ тебѣ письменная книга есть *О семи дняхъ тво-*

---

*) Мы находимъ слѣдующее правило для квартальныхъ или четвертныхъ конвенцій братьевъ Злато-Розоваго Креста: „VI. Всѣ братья подъ присягою вѣрности обязаны всѣ оригинальныя письма, которыя они отъ братьевъ во время квартальнаго теченія получили, и всѣ другія писанія, сказующія о вещахъ до Ордена относящихся, имѣть при себѣ въ сей кварталъ-конвенціи и директору предъявить. Изъ сихъ и всѣхъ таковыхъ и къ самому директору вступившихъ бумагъ должно все то, что̀ не заслуживаетъ быть въ тайномъ сохраненіи, сожжено быть въ виду всѣхъ братій". См. *Перечень наставительныхъ ордена положеній З. Р. К. въ лѣто Господне 1777*. Съ согласія братьевъ. Рукопись, переводъ 80-хъ годовъ.

ренія. Мы и ее, поправя, будемъ современемъ въ орд. типографіи печатать" (п. XX). Нѣсколько подробностей находимъ мы въ небольшомъ сборникѣ писемъ, подъ заглавіемъ: *Три письма Коловіона къ начальнику.* Коловіонъ, какъ мы узнаемъ изъ дѣла о Новиковѣ, изданнаго г. Тихонравовымъ, было тайное имя Новикова, хотя въ перепискѣ съ петербургскими братьями онъ и носитъ другое имя—eques ab ancora. Мы не можемъ прочесть нѣкоторыхъ мѣстъ, писанныхъ шифромъ. Очевидно только то, что переписка была еще до смерти Шварца, и что Коловіонъ завѣдывалъ типографскими дѣлами въ Москвѣ. Письма написаны, строго сообразжаясь съ правилами офиціальной переписки, которой форма, подписанная Чеботаревымъ, приложена тутъ же. Въ первомъ письмѣ замѣтимъ § 2-й, гдѣ говорится, что „пишущій вмѣстѣ съ бр. Шварцомъ занятъ составленіемъ описи, въ какомъ положеніи дѣла типографическія находятся". Далѣе, въ § 3-мъ сказано: „Касательно до порученія дѣлъ в. п. бр. Шварцу, я тотчасъ исполнилъ и поручилъ ему весь магазинъ книжный, контору, лавку и всѣ счеты, какъ новые, такъ и старые, въ исполненіе чего онъ уже и вступилъ; но какъ повелѣніе ваше, в. п. Н., было чтобы поручить ему и типографическія дѣла, то на сіе съ покорностію моею представляю:

„a) Ежели поручить ему же дѣла типографическія, то онъ столь обременится, что невозможно будетъ ему всего исполнить, ибо и порученныя уже теперь ему дѣла столь обширны, что едва ли не все займутъ его время, хотя это часть только; къ тому же, кажется мнѣ, что по тихости его нрава и нѣжной чувствительности не можетъ онъ съ пользою исправить и сіе дѣло; да кажется мнѣ также, что и въ самомъ порядкѣ дѣлъ сихъ гораздо полезнѣе поручить сіе другому.

„b) Для сего кажется весьма способнымъ мнѣ бр. Іоанновской мастеръ Алексѣевъ, съ которымъ я о семъ говорилъ, и который охотно беретъ на себя сію должность, и хочетъ для сего взять увольненіе отъ службы. Въ смотрѣніи за типографическими дѣлами главнѣйшее и безпокойнѣйшее есть то, что безпрестанно имѣть смотрѣніе за рабочими людьми, чтобы они приходили на работу, чтобы исправно работали и чтобы не было кражи и напраснаго медленья и остановки въ дѣлѣ, также и разбирать безпрестанныя ихъ ссоры и пр. Ибо вамъ, в. д. Н., частію извѣстно, что большая часть рабочихъ людей, по прежнему за ними несмотрѣнію, избалованы и пьяницы, то и смотрѣніе за ними должно быть строгое, и сіе съ покорностію моею представляю на благоизволеніе ваше. Вообще же о будущемъ производствѣ дѣлъ типографическихъ, со всѣми частями оныхъ, по сочиненіи генеральной описи состоянія всѣхъ дѣлъ, будемъ мы обще съ в. п. бр. Шварцемъ трудиться сдѣлать планъ, который при увѣдомленіи моемъ представлю разсмотрѣнію вашему".

Въ § 8 замѣтимъ слѣдующее: „Какъ вамъ извѣстно, что безпрерывное помѣшательство въ дѣлахъ типографическихъ и сильныя разстройки

по симъ дѣламъ, со стороны университета происшедшія, такъ запутали всѣ сіи дѣла, что не могъ уже я ихъ обозрѣть, ни удержать въ рукахъ своихъ; и по неосторожности, больше же по умственности (?) желая поправить оныя, часто умножалъ только ихъ“ и т. д.

Во второмъ письмѣ особенно важенъ § 5: „Типографія для печатанія мистическихъ книгъ совсѣмъ уже утверждена и вступила дѣйствительно въ работу, и теперь печатаются двѣ книги: 1) W. *Простосердечное о молитвѣ наставленіе* *), 2) Гучинсона *Духъ каменьщичества* **). Впрочемъ, о подробностяхъ въ сихъ дѣлахъ по случающимся нуждамъ, по дозволенію вашему, в. п. Н., буду я изъясняться съ повелѣнія“.

Наконецъ, въ послѣднемъ письмѣ замѣтимъ § 4: „Прилагаю также по повелѣнію вашему, в. п. Н., росписи: 1) книгамъ, которыя есть у меня; 2) актамъ, кѣмъ которые переведены, и переводятся кѣмъ именно, 3) книгамъ, которыя въ публичной типографіи напечатаны на отечественномъ и иностранныхъ языкахъ; 4) *книгамъ, которыя въ тайной типографіи напечатаны и печатаются*“.

Неизвѣстно, имѣла ли какое-нибудь отношеніе къ тайной типографіи московскихъ масоновъ та типографія, которую, по разсказамъ старожиловъ, устроилъ Новиковъ въ Рязанской губерніи, Ряжскаго уѣзда, въ селѣ Пехлецѣ, не доѣзжая двадцати шести верстъ до Рязани ***).

Гдѣ бы ни была устроена тайная типографія масоновъ, въ Москвѣ или въ окрестностяхъ, но ея дѣятельность, по крайней мѣрѣ на первое время, должно думать, была довольно значительная.

Кромѣ книгъ, въ ней, вѣроятно, печатались бланки, списки, переводы актовъ и т. п. Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности составить хотя бы и не полный списокъ книгъ, напечатанныхъ тайно московскими масонами. Опись этимъ книгамъ, составленная Коловіономъ-Новиковымъ, затеряна, и, кажется, навсегда, потому что самые тщательные розыски въ секретныхъ бумагахъ архива не повели ни къ чему. Только какой-нибудь неожиданный случай поможетъ открыть ее. Сочиненія, которыя упомянуты въ письмахъ князя Трубецкаго и бр. Коловіона, то-есть: *О молитвѣ, Духъ масонства, Простосердечное о молитвѣ наставленіе* и Гучинсона *Духъ каменьщичества,* мы не находимъ въ описи книгъ, найденныхъ въ магазинахъ Новикова московскимъ прокуроромъ Тейльсомъ въ 1785 году.

*) У Сопикова № 9122. *Простосердечное наставленіе о молитвѣ:* во 1-хъ, какъ сердце въ усердной молитвѣ внутреннимъ предразмышленіемъ возбуждается и уготовляется; во 2-хъ, какъ Адамъ и Христосъ въ насъ суть, а не внѣ насъ, на сіе цѣлое Св. писаніе указуетъ; въ 3-хъ, чего ради Христомъ повелѣна молитва... Переводъ (Москва) въ 8. Безъ означенія года. Рѣдка.

**) У Сопикова № 3535. *Духъ масонства, нравоучительныя и истолковательныя рѣчи* г. Гучинсона, въ 14 рѣчахъ состоящій, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ вопросовъ и отвѣтовъ о масонскихъ таинствахъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва (около 1785) въ 8. Очень рѣдка.

***) Библіографическія записки, т. I, стр. 280.

Это въ высшей степени странно. Эти книги печатались или уже были напечатаны въ 1783 году. Одно изъ двухъ: или онѣ хранились въ особыхъ скрытыхъ мѣстахъ, или Тейльсъ не показалъ ихъ въ своей описи, будучи самъ масономъ или лицомъ, близкимъ къ нимъ. На послѣднее наводитъ рекомендація Новикова въ 1783 году другого Тейльса,—вѣроятно, родственника московскому прокурору,—петербургскому префекту.

Изъ числа печатныхъ книгъ, находящихся у насъ подъ руками, двѣ, кажется, вышли изъ тайной московской типографіи. Первая—*Вольнокаменьщическія рѣчи, говоренныя въ собраніяхъ братьевъ Златаго-Розоваго Креста древнія системы* (безъ означенія года и мѣста печати, 192 страницы) *). Щегольски переплетенный экземпляръ этой книги принадлежалъ одному изъ сановниковъ ордена. Книжка заключаетъ въ себѣ шесть рѣчей, изъ которыхъ каждая имѣетъ особый заглавный листъ. Бумага въ книгѣ неодинакова; кромѣ того, неодинаковъ и наборъ. Однѣ страницы имѣютъ по 27 строкъ, другія по 21, 22, 20, 25, 26 строкъ. То же должно сказать и о буквахъ. Притомъ перемѣна набора бываетъ не съ окончаніемъ рѣчей; напротивъ, рядомъ находящіяся страницы напечатаны различными шрифтами. Напримѣръ: на стр. 35 находится 27 строкъ, на стр. 36—26 строкъ, на стр. 37—20 строкъ и т. д.

Другая книга, идущая также изъ того же источника: *Шестидневныхъ дѣлъ сего міра тайное значеніе, открытое въ зерцалѣ предревней и Моисейской философіи: какое есть свойство верхнихъ и нижнихъ водъ, какъ оттуда все имѣетъ происхожденіе свое, какъ дѣйствіе верхняго въ нижнее совершается и отсюда въ семъ мірѣ все соблюдается и принасаждается и пр... изъ любви сообщено ищущимъ истины и не совсѣмъ еще отъ духа помѣшательства въ воспріятіи нѣкіихъ мнѣніяхъ ослѣпленнымъ* (396 стр., также безъ означенія года и мѣста печати) **). Вся книга, за исключеніемъ заглавнаго листа и оглавленія, напечатана курсивомъ. Не эту ли книгу разумѣетъ князь Трубецкой въ XX письмѣ переписки, говоря: „Приложенная мною къ тебѣ письменная книга есть *О семи дняхъ творенія*. Мы и ее исправя будемъ современемъ въ орденской типографіи печатать“. Въ письмѣ князя Трубецкаго, можетъ-быть, ошибочно написано заглавіе или имъ самимъ, или лицомъ, списывавшимъ съ оригиналовъ письма московскихъ масоновъ. Быть можетъ также, что такое заглавіе стояло въ первоначальной рукописи перевода и измѣнено впослѣдствіи. Что это возможно, доказываетъ значительное число переводныхъ мистическихъ рукописей,

---

*) Нѣтъ у Сопикова.

**) У Сопикова также нѣтъ этого изданія. Правда, подъ № 12616, т. V, стр. 114, у него помѣщено это сочиненіе, но изданіе позднѣйшее и при томъ явное. Заглавіе нѣсколько измѣнено и въ концѣ прибавлено: „Сочиненіе Аббатами Дюгетомъ и Дисфелетомъ; переводъ съ французскаго. М. Въ типографіи Лопухина, 1786 г., въ 8, весьма рѣдка“.

дошедшихъ до насъ съ несмѣтнымъ множествомъ передѣлокъ и исправленій. Первоначальные переводы были иногда такъ неисправны, что ихъ надобно было совершенно бросить. Доказательство мы можемъ найти въ той же перепискѣ. Такъ, въ письмѣ отъ 17 августа 1783 года князь Н. Н. Трубецкой пишетъ: „Что же принадлежитъ до Р. К. рѣчей, которыя я къ тебѣ пересылалъ, то я для того пересталъ пересылать ихъ, что онѣ дурно переведены, и ихъ вновь отдали одному бр. переводить“. Въ томъ же письмѣ упоминается объ *Annulus Platonis*, который пересылался изъ Петербурга въ Москву и, вѣроятно, принадлежалъ къ такому же роду переводовъ, какъ и рѣчи розенкрейцеровъ, потому что извѣстный намъ переводъ *Annulus Platonis* сдѣланъ не въ Петербургѣ, и не въ 1783 году, а въ Ярославлѣ, въ 1793 году, какъ видно изъ дошедшей до насъ рукописи этого перевода in folio: „*Платоново кольцо*, или физико-химическое изъясненіе природы, по ея рожденію, сохраненію, искусства естествоиспытателями, вновь исправленное и со многими важными примѣчаніями, изданное“. Это былъ переводъ съ *Annulus Platonis* oder physikalisch-chymische Erklärung der Natur...., изданнаго въ Берлинѣ въ 1781 году in gr. 8, о которомъ авторъ *Missiv an die Hocherleuchtete Bruderschaft des Ordens* говоритъ (стр. III.): „Dieser Annulus wird unter die Lehrbücher der itzigen Rosenkreutzer gezöhlet.“ Такое же значеніе имѣло это сочиненіе и между русскими масонами. Въ рукописи: „*Сильныя увѣщанія*, извлеченныя изъ истинныхъ писаній высокоосвященнаго ордена Злато-Розоваго Креста во утвержденіе истины, подвиговъ и вѣчной дѣятельности въ Бозѣ почивающихъ отцовъ сего ордена... изданы въ 1777 году“, дошедшей до насъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ и даже переводахъ, о *Кольцѣ Платона* говорится слѣдующее: „Орденъ предписалъ классическую книгу для употребленія низшихъ градусовъ, а именно новоизданную книгу *Annulus Platonis* нашего въ Бозѣ усопшаго бр. Гомера, которая хотя краткую, но славную систему въ себѣ содержитъ находящагося въ Орденѣ истиннаго ученія натуры. Сію важную книгу должны вы, любезные братья путеводители, познать во всей ея цѣнѣ и почитать ея изящность, да и о томъ пещися чтобы и всѣ братья оную несказанно почитали.... Сія книга есть основаніе всякаго ученія, на немъ и сооружать оное должно... И потому: a) книгу сію въ совѣтахъ вашихъ прилежно читать повелѣвайте, разсуждайте объ оной съ вашими братьями, внемлите ихъ на сіе возраженія и объясняйте или отвергайте оныя, поколику познанія ваши вамъ то позволятъ. b) Испытывайте прилежно братій вашихъ въ ихъ понятіяхъ о сей книгѣ, дабы ихъ непрестанно во вниманіи и раченіи содержать. c) О содержащихся въ сей книгѣ вещахъ и истинахъ заставляйте братій дѣлать небольшія сочиненія, работы, примѣчанія, размышленія, и прочитывайте оныя велегласно въ полномъ совѣтѣ“, и т. д. Берлинское изданіе 1781 года не было, впрочемъ, первоначальнымъ. Оригиналъ но-

силъ прежде другое заглавіе, именно: *Aurea Catena Homeri, oder eine Beschreibung von dem Ursprung der Natur und natürlichen Dinge,* и имѣлъ изданія: 1) во Франкфуртѣ и въ Лейпцигѣ 1723 г. in 8, 2) въ Лейпцигѣ 1738 г. in 8 и 3) въ Іенѣ 1757 г. in 8; кромѣ этого, латинскій переводъ въ 1762 г. Сочинителемъ былъ Геркенбруннъ, докторъ медицины въ Кромаѣ и ландфизикъ въ Мерѣ, членъ масонскаго братства, въ которомъ носилъ имя Гомера.

Изъ тайной же типографіи московскихъ масоновъ вышла, по всей вѣроятности, и книга, которую Сопиковъ называетъ *рѣдчайшею* (№ 6211), именно: *Божественная и истинная метафизика* Пордеча, вышедшая безъ означенія года и мѣста печати. Въ этой же типографіи печатались и тѣ крошечные сборники условныхъ знаковъ, ударовъ и т. д., которые дошли до насъ. Они большею частью на французскомъ языкѣ, но мы должны вспомнить разсказъ Ивана Владиміровича Лопухина о томъ, какъ онъ напечаталъ по-французски свой *Катихизисъ вольныхъ каменьщиковъ*, чтобы скрыть слѣды и отвратить подозрѣнія.

Переходя къ членамъ московскаго масонства, мы прежде всего перечислимъ лица, упоминающіяся въ перепискѣ. Это: 1) Петръ Алексѣевичъ Татищевъ, пріоръ VIII провинціи, префектъ ложи Коронованнаго Знамени, начальникъ (оберъ-мейстеръ) ложи Трехъ Знаменъ, членъ директоріи. 2) Николай Ивановичъ Новиковъ, казначей VIII провинціи, президентъ директоріи VIII провинціи, начальникъ матери-ложи Латоны, риторъ теоретическаго градуса, членъ пров. капитула. 3) Князь Николай Никитичъ Трубецкой, генеральный визитаторъ VIII провинціи, префектъ матери-ложи Латоны до Новикова, начальникъ матери-ложи Озирисъ, мастеръ провинціальной ложи, 1-й надзиратель теоретическаго градуса, членъ провинціальнаго капитула. 4) Иванъ Егоровичъ Шварцъ, канцлеръ VIII провинціи, главный начальникъ теоретической степени въ Россіи. 5) Юрій Никитичъ Трубецкой, деканъ VIII провинціи. 6) Князь Николай Ивановичъ Трубецкой, первый собиратель милостыни въ провинціальной ложѣ. 7) Петръ Петровичъ Татищевъ, членъ провинціальнаго капитула. 8) Князь Иванъ Петровичъ Гагаринъ, начальникъ матери-ложи Сфинксъ, членъ провинціальнаго капитула. 9) Князь Алексѣй Александровичъ Черкасскій, генеральный прокураторъ VIII провинціи. 10) Михаилъ Михайловичъ Херасковъ, членъ провинціальнаго капитула, риторъ провинціальной ложи. 11) Всеволодъ Алексѣевичъ Всеволожскій, членъ провинціальнаго капитула. 12) Василій Васильевичъ Чулковъ, членъ директоріи VIII провинціи, въ началѣ репрезентантъ петербургскаго капитула. 13) Иванъ Петровичъ Тургеневъ, членъ директоріи VIII провинціи. 14) Профессоръ Шнейдеръ, членъ директоріи VIII провинціи. 15) Ѳедоръ Петровичъ Ключаревъ, членъ директоріи VIII провинціи. 16) Григорій Прохоровичъ Крупениковъ, членъ директоріи VIII провинціи. 17) Михаилъ Багрянскій, регистраторъ VIII провинціи. 18) Князь Юрій Влади-

міровичъ Долгорукій, великій мастеръ провинціальной ложи, великій мастеръ теоретическаго градуса, президентъ провинціальнаго капитула. 19) Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, 2-й надзиратель провинціальной ложи, 2-й надзиратель теоретическаго градуса, членъ провинціальнаго капитула. 20) Князь Николай Ивановичъ Одоевскій, 1-й надзиратель провинціальной ложи, 2-й надзиратель теоретическаго градуса, членъ провинціальнаго капитула. 21) Алексѣй Ивановичъ Клейнъ, секретарь провинціальной ложи. 22) Алексѣй Николаевичъ Щепотьевъ, казначей провинціальной ложи, секретарь теоретическаго градуса, членъ капитула. 23) Борисъ Александровичъ Загряжскій, обрядоначальникъ провинціальной ложи. 24) Князь Григорій Алексѣевичъ Щербатовъ, второй собиратель милостыни въ провинціальной ложѣ. 25) Николай Симоновичъ Лаптевъ, великій придверникъ провинціальной ложи. 26) Осипъ Алексѣевичъ Поздѣевъ, обрядоначальникъ въ теоретическомъ градусѣ, членъ капитула.

О главныхъ изъ этихъ должностныхъ лицъ московскаго масонства въ нашей литературѣ уже были собраны свѣдѣнія; кромѣ того, мы уже выписали изъ переписки все, что̂ нашли въ ней. О другихъ въ перепискѣ мы не находимъ ничего, кромѣ именъ и означенія должности. Объ одномъ Осипѣ Алексѣевичѣ Поздѣевѣ мы можемъ сообщить нѣсколько новыхъ свѣдѣній, ограничиваясь существенно важными. Отъ О. А. Поздѣева дошла до насъ обширная переписка, но она относится уже къ XIX столѣтію, и потому ею для нашей цѣли пользоваться мы не можемъ *). Первый разъ встрѣчаемъ Поздѣева въ 1785 году, какъ великаго мастера Рязанской ложи Орфея. Въ 1789 г. онъ уже былъ въ Москвѣ и занималъ мѣсто обрядоначальника въ теоретическомъ градусѣ и былъ, кромѣ того, членомъ провинціальнаго капитула. Въ это время Поздѣевъ былъ великимъ мастеромъ Шотландской ложи, отъ которой мы имѣемъ обрядовыя книги, скрѣпленныя печатью и подписями: Поздѣева, великаго мастера, Алексѣя Щепотьева, перваго надзирателя, Николая Козловскаго, второго надзирателя, и князя Ивана Гагарина, секретаря. Въ 1791—92 гг. онъ былъ, если не ошибаемся, въ Вологдѣ и притомъ главнымъ надзирателемъ теоретическаго градуса. Въ XIX столѣтіи, мы знаемъ по его письмамъ, онъ жилъ въ Вологдѣ. Въ 1817 г. писалъ къ нему Невзоровъ свое замѣчательное письмо, напечатанное съ пропусками въ 1 т. *Библіографическихъ Записокъ* и чрезвычайно важное для исторіи масонства въ Россіи. Въ концѣ этого письма есть чрезвычайно любопытное указаніе на ходившіе въ Москвѣ слухи, будто Поздѣевъ — наставникъ новыхъ свободныхъ каменьщиковъ, съ которыми ни Лопухинъ, ни Невзоровъ, вѣрные хранители преданій стараго масонства, ни хотѣли быть

*) Первое письмо изъ этого собранія писано 4 іюня 1812 г., а послѣднее 27 апрѣля 1818 г. Всѣ они писаны къ графу С. С. А.

въ связи. Невзоровъ упрашиваетъ Поздѣева опровергнуть мнѣніе, будто онъ послѣдователь и защитникъ Плюменекова свободнаго каменьщичества. Поздѣевъ умеръ 1820 г., 24-го апрѣля, какъ видно изъ домашнихъ записокъ одного близкаго къ нему семейства.

Кромѣ этихъ лицъ, въ перепискѣ мы находимъ еще нѣсколько другихъ, которыхъ фамилій мы не знаемъ, а только одни орденскія имена. Таковы: Іоаннъ, Eq. a luce orta, вице-президентъ директоріи VIII провинціи; Александръ, Eques a luna crescente, пропрефектъ и репрезентантъ московской префектуры въ директоріи; Петръ, Eques a speculatione, Repres. Capit. R....s. Сюда же должно отнести представителя петербургской префектуры, Петра, Eques a Campana (Вельяминова, какъ видно изъ позднѣйшей приписки на письмѣ) и Eques ab apibus, князя Александра Николаевича Засѣкина, къ которому обращались петербургскіе братья, послѣ неудачной попытки добыть изъ Ліона нужные для нихъ акты.

Очень странно, что въ перепискѣ мы ни разу не встрѣчаемъ ни малѣйшаго упоминанія о двухъ весьма вліятельныхъ лицахъ московскаго масонства: о С. И. Гамалѣѣ, который былъ мастеромъ стула въ ложѣ Девкаліонъ, и объ И. Вл. Лопухинѣ, бывшемъ мастерѣ стула въ ложѣ Блистающей Звѣзды.

Изъ другихъ документовъ, имѣющихся у насъ подъ руками, мы можемъ привести имена нѣкоторыхъ другихъ членовъ московскаго масонства.

Подъ утвердительною грамотой, выданною въ 1785 г. великимъ оберъмейстеромъ матери-ложи Трехъ Знаменъ, Петромъ Алексѣевичемъ Татищевымъ, Рязанской дочери-ложѣ Орфея, подписались, кромѣ Татищева, еще слѣдующія должностныя лица: Трительвицъ, великій секретарь ложи Трехъ Знаменъ, Егоръ Гине, 1-й надзиратель, и Харитонъ Чеботаревъ, 2-й надзиратель. Мы знаемъ орденское имя Чеботарева — Tithonus a Terruca.

Изъ писемъ Коловіона, кромѣ того, мы узнаемъ слѣдующія имена: 1) Alexius Lodijensky, 18 авг. 1784 г.; 2) Peter Lopuchin, 4 іюля 1784 г.; 3) Andreas Werewkin, 17 сент. 1784 г.; 4) Basilius Kolokolnikow, 21 сент. 1784 г.; 5) Maximus Newzorow, 22 сент. 1784 г.; 6) Basilius Bajenow, 26 сент. 1784 г. Кромѣ того, бр. Алексѣевъ Іоанновскій мастеръ, которому Коловіонъ рекомендуетъ поручить управленіе типографіей, прибавляя, что Алексѣевъ согласенъ на это и хочетъ выйти въ отставку изъ службы, чтобы свободнѣе заняться этимъ дѣломъ. Въ 1-мъ письмѣ Коловіона мы находимъ указанія на братьевъ Филусъ и Вивансъ, которые позволяли себѣ насмѣшки надъ Татищевымъ. „Я не однократно бесѣдовалъ съ каждымъ изъ нихъ, пишетъ Коловіонъ.... Сильный Богъ даровалъ мнѣ на то время и силу; и кажется мнѣ, что въ братѣ Филусѣ открылъ предубѣжденіе противъ брата Тат., но онъ столь былъ тронутъ симъ, что съ того времени ни одного раза не примѣтилъ я въ

немъ сего проступка. Что же принадлежитъ до брата Виванса, признался онъ чистосердечно, что онъ проступался въ семъ по неосторожности и неосмотрительности, приставая только къ рѣчамъ другихъ, или, лучше сказать, отъ пустой болтливости, но благодаря Спасителя нашего, что и онъ живо ощутилъ мерзость сего порока, и не примѣтилъ я, чтобъ онъ въ разсужденiи брата Тат. послѣ сего когда-нибудь проступился. Вообще же оба они съ того времени примѣтно стараются оказывать противное прежнему ихъ поступку". Кто такіе были брр. Филусъ и Вивансъ, намъ рѣшительно неизвѣстно. Мы встрѣчаемъ еще имена: Еліомасъ, Vegetus, Porrectus, Репертусъ и Велоксъ или Сацердосъ.

Мы привели, кажется, всѣ матеріалы для исторіи масонства въ Россіи въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, какіе нашли въ тайной перепискѣ московскихъ масоновъ и въ другихъ имѣвшихся у насъ подъ руками документахъ. Не надо забывать, что мы пишемъ не исторію масонства въ Россіи, а собираемъ для нея только матеріалы, не болѣе. У насъ найдутся поэтому не только недомолвки и даже ошибки, но у насъ нѣтъ многаго уже извѣстнаго въ нашей литературѣ. Мы старались собрать преимущественно то, чтò не было еще извѣстно, и, надѣемся, намъ отдадутъ справедливость въ томъ, что мы дѣлаемъ впервые извѣстнымъ значительное число новыхъ матеріаловъ, не лишенныхъ значенія для внутренней исторіи русскаго общества во второй половинѣ XVIII столѣтія. Только при постоянномъ собираніи и обнародованіи матеріаловъ станетъ возможна со временемъ сколько-нибудь полная исторія мартинизма и масонства въ Россіи, имѣвшаго такое огромное вліяніе на развитіе русскаго общества. Масонство XVIII столѣтія во многомъ непохоже на масонство XIX вѣка, и мы не даромъ видимъ, что старые масоны Екатерининскаго времени отстраняются отъ связей съ новыми масонами. Лучшимъ примѣромъ можетъ служить Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ.

Мы не можемъ не привести въ заключеніе одного весьма любопытнаго документа. Масонство XIX столѣтія во многомъ отличалось отъ масонства XVIII, но первые основатели или важнѣйшіе дѣятели масонства всегда оставались въ памяти позднѣйшихъ послѣдователей, окруженные какимъ-то ореоломъ. Лучшимъ примѣромъ этого можетъ служить Шварцъ. 17-го февраля 1820 года исполнилось ровно 36 лѣтъ со смерти московскаго профессора, и засѣданіе петербургскаго теоретическаго градуса въ этотъ день было посвящено воспоминанію о немъ. Главный надзиратель произнесъ слѣдующую рѣчь, „дабы братья помнили своего благодѣтеля" *):

„Ходъ масонства не всѣми видимъ. Начнемъ мы эпоху нашу съ кон-

*) Заимствуемъ изъ протоколовъ засѣданія теоретическаго градуса 1819—21 года, кажется, въ Петербургѣ. Всѣхъ протоколовъ 20. Первое засѣданіе было 25-го апрѣля 1809 г., а послѣднее 20-го апрѣля 1821 г. Мы выписываемъ изъ протокола 13-го засѣданія. Рукопись въ большую четвертку, въ черномъ переплетѣ.

вента, куда братъ Ш. отправленъ былъ. Работы на конвентѣ были долгое время безуспѣшны; нѣкоторые скрывшіеся для прочихъ брр. сыскали брата И. Е. и открыли ему, что пришло время благословенія Россіи, снабдивъ его всѣмъ нужнымъ; наружное соединеніе съ герцогомъ Брауншвейгскимъ содѣлалось закрышкою, а внутреннее было весьма скрыто. Незабвенное благодареніе наше состоитъ въ томъ, что онъ за насъ поручился. Обѣты ордена никогда не исчезнутъ. Труды его были столь велики, что братъ С. И. Гам. въ собраніи Т. въ 1785 году сказалъ о семъ, говоря о важности сего градуса: „чего искаженныя понятія брр. насъ окружающихъ и понимать не могутъ чрезъ доставленное не только въ параболическомъ масонствѣ, онъ бдѣніемъ и трудами достигъ, что намъ даны великія познанія, ручался за насъ, должны мы и потомство возблагодарить за его труды и освобожденіе насъ отъ тьмы и приносить моленіе за обрадованіе души его“.

„Сказавъ о семъ, какимъ образомъ вступилъ О. въ дѣйствіе въ Россію, я самъ очевидцемъ былъ трудовъ благодѣтеля нашего: въ немъ открытъ былъ источникъ, онъ всегда говорилъ новое, читалъ только Св. Писаніе. Сіе научаетъ, что избранные О. никогда не имѣютъ нужды въ тѣхъ вещахъ, кои мы уважаемъ; они имѣютъ въ себѣ источникъ воды живой. Я, бывъ записывателемъ словъ его въ тайныхъ собраніяхъ, удивлялся, не находя никогда повтореній въ рѣчахъ его; всѣ дѣйствія его были исполнены силы и любви. Работа его была бороться со всѣми! Кто правитъ ложею, знаетъ, сколь трудно обрабатываніе бр., чтобы привести ихъ къ царствію небесному. Сіе должно быть соединено съ великою пламенностью къ Спасителю нашему. Наканунѣ кончины своей, И. Е. еще давалъ ученіе одному любимому студенту. Минуло сему 36 лѣтъ и не было никакихъ воспоминаній въ нашихъ обществахъ памяти его, но въ теченіе сего времени многіе его видали и получали отъ него наставленія. Слѣдственно, мы соединяемся на вѣчность; если проживемъ въ порядкѣ, примутъ насъ въ вѣчные кровы. Да наградитъ Богъ пріуготовлявшаго васъ, содѣйствовавшаго къ соединенію нашему; сіе да послужитъ намъ указаніемъ любви и попеченія о насъ начальниковъ нашихъ; возлюбимъ и мы ихъ, какъ сказуетъ Пс.: *мнѣ же зѣло блази быша, друзи твоя Господи*. Кто же суть сіи какъ не начальники наши? Послѣдуя сказанному ап. Павломъ: *яко же и прочіи, не имущіи упованія, не скорбите о умершихъ*, мы не сомнѣваемся, что братъ нашъ И. Е. близь насъ. Да возрадуется душа его! Онъ можетъ сказать: *не вотще текъ, да наслѣдуетъ славѣ небесной*.

„По кончинѣ брата И. Е. постигли братство въ Россіи величайшіе опыты. Сдѣлали насъ цѣлью насмѣшекъ, нѣкоторые были изгнаны, дошло и до нижнихъ степеней, разсказывали анекдоты ложные. Милосердіе Божіе не обвиняетъ братьевъ, ибо они были новы, не могли располагать по о. правиламъ. Сіи опыты при началѣ всегда бываютъ; хотя были нѣ-

которые удалившіеся съ пути истиннаго: И съ самими апостолами случилось, кои, не видя еще Спасителя по Воскресеніи Его, принялись за свое ремесло. Древніе христіане встрѣчали также терзанія и муки. И мы нынѣ отъ брр. своихъ должны укрываться, уповая на благословеніе О., который подастъ намъ силы дѣйствовать иначе. Мы имѣемъ Пастырское Посланіе; послѣ Св. Писанія оно первое намъ открыло нашихъ внутреннихъ начальниковъ; но суть нѣкіи, кои испровергаютъ сіе вѣрованіе, и посланіи со всѣмъ духомъ и любовію сообщенные, какъ и всѣ ученіи, не произведутъ никакихъ дѣйствій на невѣрующаго. Богъ да сохранитъ насъ отъ лжебратій, кои масонство употребляютъ къ своимъ прихотямъ. Наружность потеряла изъ виду Спасителя, выдумываютъ новые пути, а симъ гнушаются, не внемля сказанному: *Азъ есмь путь, истина и животъ*. Всѣ прочіе суть покрывала опасныя, знанія должны быть чисты, О. хочетъ намъ доставить тѣсный путь въ царствіе Божіе: самая святыня есть соблюденіе присяги нашей; познавъ ее, познаемъ и тайну. Работа наша въ отложеніи воли! Сіе кажется тягостнымъ, но Господь даруетъ силы къ оному: *блажени людіе, вѣдущіе воскликновеніе: во свѣтѣ лица Твоего пойдутъ*".

О ПОВРЕЖДЕНІИ НРАВОВЪ

ВЪ РОССІИ.

(СОЧИНЕНІЕ КН. М. М. ЩЕРБАТОВА).

Въ ряду русскихъ историковъ XVIII столѣтія кн. М. М. Щербатовъ занимаетъ довольно почетное мѣсто: пятнадцать томовъ *Россійской Исторіи,* доведенной до царствованія Михаила Θеодоровича, свидѣтельствуютъ о рѣдкомъ трудолюбіи автора и уже одними многочисленными и пространными примѣчаніями, заключающими въ себѣ множество въ первый разъ обнародованныхъ документовъ, даютъ ему право на признательность. Блестящія литературныя достоинства исторіи Карамзина заслонили въ глазахъ русской публики и заставили позабыть этотъ почтенный, но тяжелый по изложенію, трудъ кн. Щербатова; а мнѣніе знаменитаго исторіографа о сочиненіи его предшественника, къ сожалѣнію, столь же мало отличается добросовѣстною осмотрительностью, какъ и приговоръ надъ дѣятельностью Татищева. С. М. Соловьевъ достаточно указалъ на заслуги Щербатова, какъ историка, а, сличивъ почти изъ страницы въ страницу Исторію Государства Россійскаго Карамзина съ Россійской Исторіей Щербатова, онъ вполнѣ объяснилъ и отношеніе перваго труда ко второму. Если нельзя отказать Щербатову въ добросовѣстномъ трудолюбіи, то нельзя также не замѣтить въ немъ и желанія вдуматься въ причины событій, объяснить ихъ, насколько позволяли его силы и образованіе свѣтскаго человѣка. Еще виднѣе польза, принесенная русской наукѣ тѣми изданіями историческихъ памятниковъ, которыя сдѣланы были кн. Щербатовымъ. Царственная Книга, Царственный Лѣтописецъ, Лѣтопись о многихъ мятежахъ, Журналъ Петра Великаго, его же Записныя тетрадки и т. п. до сихъ поръ необходимыя книги для лицъ, занимающихся русской исторіей, и до сихъ поръ не замѣнены другими изданіями, болѣе соотвѣтствующими требованіямъ современной науки. Какъ историкъ и издатель историческихъ памятниковъ, кн. Щербатовъ извѣстенъ довольно хорошо: едва ли многіе знаютъ о немъ, какъ о публицистѣ и авторѣ мемуаровъ. Недавно открытое сочиненіе кн. Щербатова *О поврежденіи нравовъ въ Россіи* даетъ возможность взглянуть на него съ этой стороны *). Оно вполнѣ выражаетъ своеобразный взглядъ

---

*) Въ 1855 году случайно найдены были бумаги князя Михаила Михайловича Щербатова, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшія отъ пропажи и отъ сырости, частью уже

автора на весь ходъ историческаго развитія Россіи въ XVIII столѣтіи и въ то же время имѣетъ характеръ записокъ или мемуаровъ, и въ особенности мемуаровъ такого рода, каковы, напримѣръ, записки Порошина или Грибовскаго. Уже какъ выраженіе извѣстнаго, систематическаго воззрѣнія на современность, и при томъ воззрѣнія очень несходнаго съ господствовавшими тогда взглядами, сочиненіе Щербатова въ высшей степени любопытно; тѣмъ болѣе придаютъ ему цѣны многочисленныя подробности о нравахъ эпохи, о характерѣ главнѣйшихъ историческихъ дѣятелей и встрѣчающееся иногда объясненіе скрытыхъ причинъ того или другого явленія. Кто не знаетъ, до какой степени важно все это для исторіи Россіи XVIII вѣка? Каждая эпоха имѣетъ свои отличительныя особенности, требующія и особыхъ пріемовъ для ея изученія. Исторія Россіи прошлаго вѣка, по смерти Петра Великаго, всего менѣе можетъ похвалиться единствомъ направленія, исключительнымъ господствомъ одной какой-нибудь идеи или одного стремленія, которымъ бы подчинялись всѣ остальныя, правильнымъ, послѣдовательнымъ ходомъ общестевеннаго развитія. Приверженцамъ такъ-называемой философской исторіи всего труднѣе пришлось бы сладить съ частыми противорѣчіями, съ измѣнчивостью и случайностью, которыми рѣзко отличается это время; всего труднѣе было бы объяснить разумность и необходимость многихъ явленій. Разумѣется, и въ XVIII вѣкѣ было извѣстное историческое положеніе, которое отмѣнить безсильна была всякая частная воля. Перево-

повредившей ихъ. Сочиненіе, заглавіе котораго здѣсь приведено, находилось въ числѣ этихъ бумагъ и написано, какъ говорятъ, отъ начала до конца рукою самого автора. Къ сожалѣнію, я не могъ пользоваться самимъ оригиналомъ, переданнымъ на время въ другія руки. У меня былъ списокъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недовольно разборчиво написанный. Съ дозволенія внуки историка, княжны Елизаветы Дмитріевны Щербатовой, извлекаю теперь тѣ мѣста изъ сочиненія кн. Щербатова, которыя могутъ объяснить личный взглядъ автора на ходъ общественной исторіи Россіи XVIII вѣка. Со временемъ можно будетъ воспользоваться богатыми матеріалами, какіе представляетъ это сочиненіе для исторіи нашей администраціи, для опредѣленія характера нѣкоторыхъ государственныхъ дѣятелей и въ особенности для ознакомленія съ жизнью высшаго общества. Сочиненіе кн. Щербатова является однимъ изъ весьма важныхъ историческихъ источниковъ, частію дополняя уже извѣстныя свидѣтельства, частью доставляя совершенно новыя и интересныя свѣдѣнія. Личный взглядъ кн. Щербатова весьма своеобразенъ, и потому я счелъ нужнымъ прежде всего на него обратить вниманіе. Даже тѣ сужденія кн. Щербатова, которыя не могутъ быть признаны справедливыми, важны то какъ выраженія образа мыслей извѣстной партіи, то какъ личное воззрѣніе человѣка, очень замѣчательнаго по образованію и по нравственнымъ достоинствамъ. Я могъ только упомянуть о неблагопріятномъ отзывѣ автора касательно Екатерины II, котораго односторонность и частью несправедливость ясны для каждаго: своею рѣзкою противоположностью съ общепринятымъ мнѣніемъ онъ заслуживаетъ однакожъ вниманія историка, и, можетъ быть, со временемъ объяснятся обстоятельства, доведшія кн. Щербатова до такого безусловнаго осужденія всей дѣятельности знаменитой составительницы Наказа.

ротъ, произведенный Петромъ Великимъ, самъ носилъ на себѣ во многомъ характеръ случайности и произвола, но, тѣмъ не менѣе, своими основаніями онъ глубоко коренился во всемъ прошедшемъ развитіи Россіи, отвѣчалъ историческимъ потребностямъ русскаго государства и общества, и потому-то онъ имѣлъ столько внутренней крѣпости. Уничтожить его, поворотить назадъ государственную и общественную жизнь не приходило въ голову даже тѣмъ, кто враждебно смотрѣлъ на дѣйствія великаго преобразователя. Реформа Петра была фактомъ, признаннымъ даже ея противниками, и, однако же, какую безурядицу, сколько противоположныхъ стремленій видимъ мы послѣ смерти основателя европейскаго значенія Россіи! Едва закрылъ глаза государь, до того самодержавный, что не задумался наложить руку на самую основу самодержавія, — разумѣемъ порядокъ престолонаслѣдія, — какъ между ближайшими его сподвижниками слышатся голоса о введеніи шведскаго образа правленія. 3830 указовъ находимъ мы въ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи въ періодъ времени отъ смерти Петра Великаго до вступленія на престолъ Елизаветы, и, однако же, въ этой громадной массѣ правительственныхъ распоряженій напрасно стали бы мы искать какого-нибудь господствующаго направленія, а тѣмъ болѣе вѣрности планамъ преобразователя. Елизавета Петровна желала быть продолжательницею начинаній своего отца; но одного желанія было слишкомъ недостаточно, и въ ея правленіе случайности было едва ли меньше мѣста, чѣмъ въ предшествовавшія царствованія. Только съ Екатериною II является единство направленія, и только ее можно считать законною по духу преемницей Петра Великаго. Промежуточный же періодъ кажется какимъ-то долгимъ междуцарствіемъ. И при Екатеринѣ II не исключалась, впрочемъ, совершенно случайность и возможность постороннихъ вліяній, болѣе или менѣе сильныхъ. Однимъ словомъ, для личности былъ столь же огромный просторъ въ XVIII столѣтіи, сколько и для слѣпого случая. Не даромъ XVIII столѣтіе создало особое выраженіе, не имѣвшее смысла прежде, точно такъ же, какъ оно не имѣетъ его теперь. *Быть въ случаѣ* весьма хорошо обозначаетъ характеристическую особенность общественной жизни того времени. Каждая подробность о склонностяхъ, убѣжденіяхъ, частной жизни и характерѣ того или другого *случайнаго* человѣка получаетъ важное историческое значеніе, а этими подробностями богато сочиненіе кн. Щербатова. Мы оставимъ ихъ, впрочемъ, до другого случая и познакомимъ читателей преимущественно съ личнымъ взглядомъ автора на современное ему общество и причины паденія нравовъ. Здѣсь замѣтимъ только, что, по своему положенію, кн. Щербатовъ могъ хорошо знать всѣ закулисныя тайны высшаго общества и потому могъ приводить много интересныхъ, другимъ неизвѣстныхъ подробностей.

Съ четырнадцати-лѣтняго возраста онъ началъ свою службу въ

гвардіи, въ 1746 году. Послѣ непродолжительной отставки, съ 1762 по 1767 г., онъ вновь является на службѣ въ званіи депутата отъ ярославскаго дворянства въ Коммиссіи для составленія новаго уложенія, и съ этихъ поръ уже не покидаетъ ея. Въ должности камеръ-юнкера и потомъ камергера онъ былъ близкимъ свидѣтелемъ всѣхъ придворныхъ событій, а званія присутствующаго въ Коммиссіи о Коммерціи и въ Экспедиціи о винокуренныхъ заводахъ, президента Камеръ-Коллегіи и, наконецъ, сенатора давали ему возможность основательно познакомиться съ тогдашнею администраціей, и при томъ не только въ ея высшихъ сферахъ, но и въ мѣстномъ управленіи. Какъ сенаторъ, кн. Щербатовъ въ 1784 г. ревизовалъ губерніи: Владимірскую, Костромскую и Ярославскую. Придворные и административные нравы не могли быть для него тайной. Требовалось только наблюдательности и желанья знать, а въ томъ и другомъ у кн. Щербатова не было недостатка. Былъ у него и особенный случай повѣрять устные разсказы о временахъ предшествовавшихъ свидѣтельствомъ положительныхъ источниковъ. Онъ приводилъ въ порядокъ кабинетный архивъ Петра Великаго и, съ разрѣшенія императрицы, имѣлъ свободный доступъ во всѣ государственныя библіотеки и архивы. Изъ его Россійской Исторіи можно видѣть, какъ добросовѣстно пользовался онъ имѣвшимися у него матеріалами. Однимъ словомъ, мы можемъ не соглашаться съ взглядомъ кн. Щербатова, опровергать его односторонніе выводы и сужденія, но заподозривать достовѣрность приводимыхъ имъ фактовъ, сомнѣваться въ томъ, могъ ли онъ знать то, что̀ разсказываетъ, мы не имѣемъ права, тѣмъ болѣе, что авторъ почти всегда приводитъ указаніе, откуда онъ заимствовалъ то или другое свѣдѣніе. Посмотримъ теперь на цѣль сочиненія и на воззрѣніе автора.

„Взирая, такъ начинаетъ кн. Щербатовъ свое сочиненіе, на нынѣшнее состояніе отечества моего окомъ, каковое можетъ имѣть человѣкъ, воспитанный по строгимъ древнимъ правиламъ, у коего страсти уже лѣтами въ ослабленіе пришли, а довольное испытаніе подало потребное просвѣщеніе, дабы судить о вещахъ, не могу я не удивляться, въ коль краткое время повредилися повсюду нравы въ Россіи. Во истину могу я сказать, что если, вступя позже другихъ народовъ въ путь просвѣщенія, намъ ничего не осталось болѣе, какъ благоразумно послѣдовать стезямъ прежде просвѣщенныхъ народовъ, мы подлинно въ людкости и въ нѣкоторыхъ другихъ вещахъ, можно сказать, удивительные имѣли успѣхи и исполинскими шагами шествовали къ поправленію нашихъ внѣшностей. Но тогда же гораздо съ вящей скоростію бѣжали къ поврежденію нашихъ нравовъ.“ Затѣмъ, въ общихъ чертахъ обозначивъ упадокъ общественной и семейной нравственности и ослабленіе религіознаго чувства, кн. Щербатовъ продолжаетъ: „Толь совершенное истребленіе всѣхъ благихъ нравовъ, грозящее паденіемъ государству, конечно должно какія основательныя причины имѣть, которыя, во-первыхъ, я

потщуся открыть и потомъ показать и самую исторію, какъ нравы часъ отъ часу повреждались, даже какъ дошли до настоящія развратности." Въ приведенныхъ словахъ уже можно отчасти замѣтить, куда обращены симпатіи автора, но его воззрѣніе яснѣе раскрывается въ дальнѣйшемъ изложеніи. „Стеченіе многихъ страстей можетъ произвести такое поврежденіе нравовъ, и, однако, главнѣе изъ сихъ я почитаю сластолюбіе". Сластолюбію придаетъ, впрочемъ, кн. Щербатовъ самое обширное значеніе, разумѣя подъ нимъ все то, что удовлетворяетъ чувственной сторонѣ человѣческой природы. Оттого онъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдитъ за постепеннымъ увеличеніемъ роскоши въ убранствѣ домовъ, въ одеждѣ, экипажахъ, столѣ. Но ставя сластолюбіе, въ этомъ обширномъ смыслѣ, главнѣйшею причиною совершившагося переворота въ общественной и частной жизни XVIII вѣка, кн. Щербатовъ, очевидно, съ особенною любовью долженъ былъ обращаться мыслью къ тому времени, когда матеріальныя удобства далеко не играли такой важной роли, когда жизнь общества, если не была нравственнѣе, то была несравненно проще и грубѣе. Своей исторіи поврежденія нравовъ онъ предпосылаетъ довольно пространный очеркъ придворнаго быта и образа жизни высшаго сословія прежде сближенія съ Европою и вторженія иноземныхъ обычаевъ. Самъ по себѣ этотъ очеркъ представляетъ теперь мало интереса, послѣ статей г. Забѣлина, раскрывшихъ всѣ мелочныя подробности быта русскихъ царей XVII столѣтія: онъ важенъ только потому, что показываетъ, куда клонились симпатіи автора. До-петровская Русь не одною только простотою и внѣшнею немногосложностью жизни влекла къ себѣ автора. Послѣдователи современной намъ славянской школы напрасно хотѣли бы зачислить кн. Щербатова въ число славянофиловъ до появленія славянофильства. Въ жизни до-петровской Россіи для кн. Щербатова особенно дорога была одна особенность общественнаго строя, которой отдавалъ онъ свое полное сочувствіе. Это было государственное значеніе и особая постановка знатныхъ родовъ боярскихъ. „Почтеніе къ родамъ умножало твердость въ сердцахъ нашихъ предковъ; безпрестанные суды мѣстничества питали ихъ гордость; пребываніе въ совокупленіи умножало связь между родовъ и содѣлывало ихъ безопасность что̀ твердое предпріять, и тогда же и налагало узду кому что́ недостойное имени своего сдѣлать, ибо безчестіе одного весь родъ того имени себѣ считалъ. А сіе не токмо молодыхъ людей, но и самыхъ престарѣлыхъ въ ихъ должности удерживало." Истинное значеніе мѣстничества, очевидно, не было извѣстно кн. Щербатову, и онъ смѣшиваетъ понятіе о родословной чести съ понятіемъ о чести вообще, едва ли сильно вкорененнымъ въ родовитыхъ людяхъ XVII столѣтія. Аристократическому чувству автора льстило въ прошедшемъ, по преимуществу, признаніе правъ, даваемыхъ знатнымъ происхожденіемъ; онъ всячески старается отстоять выгоды этихъ правъ. „Преимущество сіе, говоритъ онъ о замѣщеніи высшихъ должностей

исключительно людьми родовитыми, часто и молодымъ людямъ учиненное, могло бы подать причину подумать, что оное обращалось въ обиду другимъ, *но сего не было,* ибо не по однимъ чинамъ тогда благородныхъ почитали, но и по рожденіямъ ихъ, и тако чины давали токмо должности, а рожденіе пріобрѣтало почтеніе." При такомъ взглядѣ кн. Щербатовъ, очевидно, не могъ сочувствовать многимъ изъ нововведеній Петра Великаго и въ особенноси враждебно смотрѣлъ на признаніе личныхъ заслугъ и способностей единственнымъ правомъ на большее или меньшее участіе въ государственной дѣятельности. Отмѣну прежняго начала онъ считаетъ почти столь же важною причиною всеобщаго поврежденія нравовъ, какъ и сластолюбіе. „Разрушенное мѣстничество (вредное, впрочемъ, службѣ и государству) и не замѣненное никакимъ правомъ знатнымъ родамъ, истребили мысли благородной гордости въ дворянахъ, ибо стали не роды почтены, но чины и заслуги, и тако каждый сталъ добиваться чиновъ, а не всякому удается прямыя услуги учинить, то за недостаткомъ заслугъ стали стараться выслуживаться, всякими образами льстя и угождая государю и вельможамъ."

Сильно не нравилась кн. Щербатову и введенная Петромъ Великимъ система регулярнаго войска, съ обязательствомъ для дворянъ служить съ самыхъ низшихъ чиновъ. Въ ней также онъ видитъ причину уничтоженія добродѣтели и мужества. „Вмѣстѣ съ холопями ихъ писали на одной степени ихъ господъ въ солдаты, и сіи первые, по выслугамъ, пристойнымъ ихъ роду, доходя до офицерскихъ чиновъ, учинилися начальниками господамъ своимъ и бивали ихъ палками. *Роды дворянскіе стали раздѣлены по службѣ такъ, что иной однородцевъ своихъ и вѣкъ не увидитъ,* то могла ли остаться добродѣтель и твердость въ тѣхъ, которые съ юности своей отъ палки своихъ начальниковъ дрожали, которые инако какъ подслугами почтенія не могли пріобрѣсти и бывъ каждый безъ всякой опоры отъ своихъ однородцевъ, безъ соединенія и защиты оставался одинъ, могущій преданъ быть въ руки сильнаго".

Аристократъ по убѣжденіямъ, кн. Щербатовъ оскорбился и возвышеніемъ Меншикова, *изъ подлости происшедшаго мужа.* Разсказавъ, что Меншиковъ послѣ вступленія на престолъ Петра II, хотя и не назывался регентомъ, но въ сущности былъ имъ, кн. Щербатовъ съ негодованіемъ указываетъ на невозможность подобнаго явленія въ предшествовавшія столѣтія, и видитъ въ немъ лучшее доказательство того, какъ низко упалъ духъ людей родовитыхъ. „При младенчествѣ царя Іоанна Васильевича, восклицаетъ онъ, законной властію утвержденному совѣту для управленія во время малолѣтства государева, боярамъ выбраннымъ изъ среди самихъ ихъ, изъ среди знатнѣйшихъ родовъ государства повиноваться не хотѣли. И когда въ болѣзни своей царь Іоаннъ Васильевичъ хотѣлъ утвердить престолъ малолѣтнему сыну своему, то не хотя быть управляемы боярами, сыну государя своего присягать не хотѣли. Во время мла-

денчества самого Петра Великаго, на случай Нарышкиныхъ негодовали, и се нынѣ изъ подлости происшедшему мужу, безъ всякаго законнаго утвержденія его власти, безспорно повиновались. Да разсудятъ посему, вѣрность ли сіе было къ Государю или паденіе духу благороднаго".

Кн. Щербатовъ не принадлежалъ къ числу безусловныхъ защитниковъ старины и нисколько не желалъ бы уничтожить преобразованій Петра Великаго, въ необходимости которыхъ онъ былъ глубоко убѣжденъ. Въ способѣ произведенія реформы онъ хотѣлъ бы видѣть только меньше крутыхъ мѣръ, менѣе стремительности и болѣе снисходительности и вниманія къ преданіямъ прошедшаго времени. Главнѣйшимъ же его желаніемъ было отстоять аристократическій принципъ, вызвать его вновь къ жизни, не останавливаясь, впрочемъ, предъ формами, въ какихъ бы совершилось его возрожденіе. Если нельзя было воскресить значеніе древнихъ боярскихъ родовъ въ томъ видѣ, какъ рисовало его воображеніе автора въ до-петровской жизни Россіи, кн. Щербатовъ не прочь былъ бы и отъ шведскаго образа правленія, и отъ аристократіи въ томъ видѣ, какъ она являлась, напримѣръ, въ Англіи. Онъ не былъ единственнымъ представителемъ подобнаго направленія. Число лицъ, желавшихъ устроить правленіе по образцу Швеціи, было, можетъ быть, значительнѣе между высшими сановниками, чѣмъ число тѣхъ, которые желали бы вызвать къ жизни до-петровскую старину. И это понятно. Люди, принадлежавшіе къ государственному управленію и высшей администраціи, волею или неволею, но уже были увлечены направленіемъ реформы, болѣе или менѣе прониклись имъ. Не знаемъ, думали ли они о возможности возвратить жизнь къ прежнимъ формамъ быта, но увѣрены, что для нихъ лично этотъ возвратъ едва ли казался возможнымъ, а, главное, желательнымъ. Не говоря уже о лицахъ, воспитавшихся послѣ или во время переворота, произведеннаго Петромъ Великимъ, но даже и тѣ, кто помнили еще *древнія строгія правила*, уже невольно подчинились многимъ совершенно новымъ условіямъ и привычкамъ, отъ которыхъ отречься они были не въ состояніи. Даже для людей, помнившихъ значеніе прежняго боярства, боярская дума едва ли являлась лучшимъ выраженіемъ этого значенія, чѣмъ шведская олигархія. Знакомство съ Западомъ и присутствіе множества иностранцевъ въ русской службѣ не могли остаться безъ вліянія. Послѣ смерти Петра Великаго мелькнула мысль о введеніи шведскаго образа правленія, и не было высказано желанія возврата къ государственнымъ учрежденіямъ царя Алексѣя Михайловича. По смерти Петра II еще яснѣе вскрылось подобное же стремленіе. Въ числѣ предложенныхъ по этому случаю мнѣній, князь Щербатовъ приводитъ одно, весьма замѣчательное и которое, по его мнѣнію, кажется, было самое основательное. „Были многіе, *и дальновиднѣйшіе*, которые желали возвести царицу Евдокію Ѳеодоровну на россійскій престолъ, говоря, что какъ она весьма слабымъ разумомъ одарена, то симъ учрежденному Совѣтомъ сопротивляться не

можетъ, а черезъ сіе дастъ время утвердиться постановляемымъ узаконеніямъ въ предосужденіе власти монаршей. Но на сіе чинимы были слѣдующія возраженія, что законъ препятствуетъ санъ монашескій, хотя и поневолѣ возложенный, съ нее снять и что она, имѣвши множество родни Лопухиныхъ, къ коимъ весьма была привязана, родъ сей усилится и можетъ для счастія своего склонить ее разрушить предполагаемыя постановленія". Извѣстно, что избраніе царицы Евдокіи Ѳеодоровны предложено было кн. Василіемъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ, фельдмаршаломъ, ревностнымъ защитникомъ старины и приверженцемъ царевича Алексѣя Петровича; поэтому можно бы думать, что, указывая на первую супругу Петра Великаго, кн. Долгоруковъ желалъ доставить побѣду старому порядку вещей. Слова кн. Щербатова придаютъ этому предложенію совершенно противное значеніе, несогласное съ тѣми извѣстіями, по которымъ фельдмаршалъ Долгоруковъ, въ засѣданіяхъ *верховниковъ*, противился ограниченію монархической власти въ Россіи. Оставляя въ сторонѣ, справедливо или нѣтъ показаніе кн. Щербатова, и думая даже, что оно неосновательно, мы приводимъ его какъ выраженіе его личнаго мнѣнія. Онъ называетъ *дальновиднѣйшими* тѣхъ, которые предлагали Евдокію Ѳеодоровну, и, очевидно, сочувствуетъ мысли ограниченія, которое подняло бы значеніе древнихъ знатныхъ родовъ, доставивъ имъ огромное участіе и рѣшительный почти голосъ въ дѣлахъ государственныхъ. Кн. Щербатовъ негодуетъ на *верховниковъ;* но его негодованіе исходитъ не изъ того источника, откуда ведетъ начало негодованіе, напримѣръ, Ѳеофана Прокоповича, говорившаго, что „сколько ихъ есть человѣкъ, чуть ли не столько явится атамановъ междуусобныхъ браней, и Россія возымѣетъ скаредное оное лицо, каковое имѣла прежде, когда на многія княженія расторгнена бѣдствовала". Приговоръ кн. Щербатова осмиличному совѣту сходенъ нѣсколько въ выраженіи съ сужденіемъ Ѳ. Прокоповича, но его основа совершенно другая. „Они, говоритъ нашъ авторъ, уменьшая излишнюю власть монарха, передавали ее вельможамъ *съ огорченіемъ множества знатныхъ родовъ,* и вмѣсто одного, толпу государей сочиняли". Огорченіе множества знатныхъ родовъ и возмущало кн. Щербатова противъ партіи верховниковъ и мѣшало ему вполнѣ сочувствовать ихъ намѣреніямъ. Въ этомъ отношеніи побужденія его были одинаковы съ мыслями тѣхъ лицъ изъ высшаго сословія, которыя, по свидѣтельству Ѳ. Прокоповича, замышляли противъ членовъ Верховнаго Совѣта, ставя имъ въ вину не столько самое намѣреніе, сколько то, что они одни, въ числѣ 7 или 8 человѣкъ, или, лучше сказать, только двѣ фамиліи Долгоруковыхъ и Голицыныхъ, задумали это предпріятіе, и одни хотѣли имъ воспользоваться. „Не малая вина, говорили оскорбленные, однимъ и немногимъ государства составъ передѣлывать. И хотя бы они преполезное нѣчто усмотрѣли, однакоже скрывать то передъ другими, а наипаче и правительствующимъ особамъ не сообщить, непріятно то и смрадно пахнетъ".

Мы достаточно, кажется, показали, кàкъ силенъ былъ аристократическій духъ въ кн. Щербатовѣ, заставлявшій его съ любовью обращаться ко временамъ мѣстническихъ споровъ. Эта вѣрность аристократическому началу господствуетъ во всѣхъ сужденіяхъ автора и даетъ имъ извѣстное направленіе, иногда заставляя его видѣть истинную причину зла—разумѣемъ упадокъ нравовъ—не тамъ, гдѣ она дѣйствительно крылась. При каждомъ удобномъ случаѣ, при каждой новой фазѣ развитія общественной безнравственности, онъ не забываетъ указывать, что раздача мѣстъ и чиновъ не по рожденію, а по личнымъ заслугамъ, была главною причиной все бо́льшаго и бо́льшаго развращенія. Такъ, напримѣръ, приступая къ описанію того, какъ усилилась роскошь и ея неизбѣжные спутники, послѣ вступленія на престолъ Елизаветы Петровны, онъ замѣчаетъ: „Какъ не одно рожденіе и по долголѣтнимъ службамъ полученные чины стали давать преимущества у двора, то и состоянія смѣшались, и что̀ изъ подлости или изъ незнатныхъ дворянъ произшедшій обогащенный по пышности дѣлалъ, того знатный благородный или заслуженный, но не награжденный человѣкъ за стыдъ почиталъ не дѣлать.“

Перейдемъ теперь къ тому, какія ступени, по мнѣнію кн. Щербатова, перешло поврежденіе нравовъ, и какія были обстоятельства, его усилившія. Здѣсь мы встрѣтимся съ взглядомъ автора на характеръ того или другого царствованія; а эти взгляды очень любопытны. Сдѣлаемъ прежде, впрочемъ, нѣсколько замѣчаній. Какъ въ Россійской Исторіи кн. Щербатова, такъ и въ новомъ его сочиненіи постоянно видно желаніе автора осмыслить для себя то или другое явленіе, вдуматься въ него, найти ближайшія причины и связь съ другими событіями. Князь Щербатовъ иногда нѣсколько разъ возвращается къ одному и тому же историческому явленію, съ цѣлью выяснить его, и очень часто его объясненія довольно удачны. Во всякомъ случаѣ, это—почтенная сторона историческаго таланта князя Щербатова, ставящая его далеко выше большей части современныхъ ему историковъ. Для полнаго успѣха ему недоставало ученой подготовки, систематическаго образованія. Подобно Карамзину, кн. Щербатовъ былъ диллетантомъ-историкомъ, хотя точно такъ же, какъ и знаменитый исторіографъ, онъ положилъ на свой трудъ всѣ свои силы и въ исполненіи отличался такою же добросовѣстностью. Съ матеріальной стороны сочиненія кн. Щербатова вполнѣ удовлетворительны: отовсюду собралъ онъ документы и извѣстія и употребилъ ихъ въ дѣло. Недостатокъ систематической подготовки, строго научнаго образованія вредилъ, главнымъ образомъ, способности автора понимать настоящій смыслъ историческихъ явленій, отличать существенную причину отъ причинъ второстепенныхъ и побочныхъ обстоятельствъ. Мы видѣли образецъ односторонняго пониманія кн. Щербатова въ его взглядѣ на мѣстничество и на *безчестье* древней Россіи. Подобныхъ примѣровъ можно привести много, и уже то, что онъ считаетъ ослабленіе аристократическаго начала,

а въ особенности усиленіе сластолюбія главнѣйшими причинами всеобщаго паденія нравовъ, служитъ лучшимъ тому доказательствомъ. Несмотря на свое знакомство съ историческими источниками и на свое стремленіе къ уясненію внутренняго смысла событій, авторъ не смогъ выработать себѣ цѣльнаго взгляда на ходъ историческаго развитія Россіи, и оттого его объясненія большею частью отрывочны и иногда поверхностны и односторонни. Говоря объ упадкѣ общественной и частной нравственности въ XVIII столѣтіи, кн. Щербатовъ, очевидно, противополагаетъ нравственность старой до-петровской Руси—безнравственности Россіи Петра Великаго; но онъ не изслѣдовалъ, даже не чувствовалъ потребности изслѣдовать, чѣмъ была выше нравственность XVII вѣка, и была ли она въ самомъ дѣлѣ выше нравственности современнаго ему общества, и довольствуется только внѣшнимъ сравненіемъ грубой немногосложности частнаго быта XVII столѣтія съ роскошными затѣями своего времени. Болѣе внимательное разсмотрѣніе показало бы ему, что корень безнравственности XVIII вѣка лежитъ глубоко въ общественномъ строѣ и нравахъ предшествовавшаго времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ воспрепятствовало бы ему принимать слѣдствіе за причину или искать разгадки тамъ, гдѣ она никакимъ образомъ не можетъ быть найдена. Самое боярство предшествовавшаго столѣтія утратило бы въ его глазахъ многое изъ своей привлекательности, а, главное, не казалось бы такою могущественною политическою силой, какою является она въ воображеніи автора. Отсутствіемъ цѣльнаго пониманія объясняются недостатки взглядовъ кн. Щербатова на разсматриваемыя имъ явленія. Мы скажемъ еще нѣсколько словъ объ этомъ впослѣдствіи. Теперь о личномъ характерѣ кн. Щербатова, какъ онъ намъ представляется.

Мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній о служебной и гражданской дѣятельности кн. Щербатова, за исключеніемъ показаній послужного списка; поэтому трудно судить, до какой степени уберегся онъ отъ той общественной безнравственности, которую онъ клеймитъ въ своемъ трудѣ, и насколько имѣлъ право произносить надъ нею строгій приговоръ. Одинъ только случай изъ его службы свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ чуждъ былъ, по крайней мѣрѣ, одного изъ господствующихъ общественныхъ пороковъ,—любостяжанія и казнокрадства. Болѣе мы ничего не знаемъ, и судить о нравственныхъ достоинствахъ кн. Щербатова, какъ общественнаго дѣятеля, можемъ только по его же сочиненіямъ. Въ исторіи поврежденія нравовъ онъ только очень рѣдко говоритъ о себѣ, и то большею частью въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится привести разсказъ, слышанный имъ отъ извѣстнаго лица, или обратиться къ своимъ личнымъ воспоминаніямъ. Во всемъ, впрочемъ, тонѣ сочиненія, въ способѣ изложенія, въ сужденіяхъ о томъ или другомъ лицѣ или поступкѣ слышится голосъ человѣка благороднаго, съ негодованіемъ смотрящаго на печальныя и позорныя явленія общественной жизни, его окружавшей. Ставя на второй

планъ служебныя выгоды и отдавая всего себя историческимъ занятіямъ, кн. Щербатовъ уже этимъ заставляетъ предполагать въ себѣ болѣе чистыя и безкорыстныя стремленія, чѣмъ тѣ, которыми двигалось большинство его современниковъ. Пока не будутъ представлены положительныя доказательства противнаго, мы сохраняемъ убѣжденіе, вынесенное изъ чтенія труда Щербатова, что его личный характеръ былъ въ уровень съ тою ролью цензора, которую принялъ на себя авторъ. Строгій приверженецъ аристократическаго начала, онъ спасъ отъ пятна свое имя, и въ его сочиненіи о поврежденіи нравовъ мы можемъ не всегда найти глубокаго и проницательнаго историка, но постоянно встрѣчаемся лицомъ къ лицу съ честнымъ человѣкомъ *).

Исторія нравовъ въ сочиненіи кн. Щербатова неразрывно связана съ исторіей правленія. „Можно сказать, замѣчаетъ онъ совершенно основательно, что бываемыя перемѣны въ государствахъ всегда суть соединены съ нравами и умоначертаніемъ народнымъ“. Исторію нравовъ кн. Щербатовъ начинаетъ съ реформы Петра Великаго. Какъ уже было замѣчено выше, онъ вполнѣ признаетъ необходимость преобразованія. Кромѣ того, онъ преисполненъ глубочайшаго уваженія къ Петру. Онъ не можетъ только признать законною рѣзкость принятыхъ мѣръ, и въ одномъ мѣстѣ дѣлаетъ слѣдующее сравненіе по поводу искорененія суевѣрій. „Сіе дѣйствіе Петра Великаго можно примѣнить къ дѣйствію неискуснаго садовника, который у слабаго дерева отрѣзываетъ водяныя, пожирающія его сокъ вѣтви. Если бы оно корнемъ было сильно, то сіе обрѣзываніе учинило ему произвести хорошія и плодовитыя вѣтви; но какъ оное слабо и больно то урѣзаніе сихъ вѣтвей, которыя черезъ способъ листьевъ своихъ, получающихъ внѣшнюю влагу, питали слабое дерево, отнявъ ее новыхъ плодовитыхъ вѣтвей не произвело, ниже сокомъ раны затянула и тутъ сдѣлались дупла, грозящія погибелью дереву. Такъ, урѣзаніе суевѣрій и на самыя основательныя части вѣры вредъ произвело; уменьшились суевѣрія, но уменьшилась и вѣра“, и т. д. Сравненіе, замѣтимъ мимоходомъ, если клонится къ невыгодѣ Петра Великаго, то, можетъ

*) Нельзя не поблагодарить г. М. Заблоцкаго, имѣвшаго въ рукахъ всѣ найденныя бумаги князя М. М. Щербатова, за напечатанные имъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* матеріалы для біографіи нашего историка. Несмотря на незначительность приведенныхъ имъ отрывковъ, они даютъ, однако же, нѣкоторое понятіе о характерѣ кн. Щербатова и служатъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія. Будемъ надѣяться, что болѣе полная разработка найденныхъ бумагъ кн. Щербатова и, если возможно, ихъ обнародованіе дадутъ средства ближе всмотрѣться въ личность этого замѣчательнаго человѣка. Жаль, что г. Заблоцкій, приводя отрывокъ изъ *„Разсужденія о нынѣшнемъ, въ 1787 году почти повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи, о способахъ оному помочь и впредь предупредить подобное же несчастіе“*, ничего не говоритъ о характерѣ самаго сочиненія. Взглядъ кн. Щербатова на экономическое положеніе Россіи долженъ быть весьма любопытенъ, тѣмъ болѣе, что, судя по заглавію, авторъ предлагаетъ и средства къ его измѣненію.

быть, еще болѣе невыгодно для древней Россіи, которой сочувствуетъ авторъ. Со времени Петра, по мнѣнію кн. Щербатова, начинается поврежденіе нравовъ, но Петръ лично не виновенъ въ этомъ. Авторъ постоянно старается поставить на видъ, какъ великій преобразователь старался утвердить добрые нравы, подавая примѣръ простоты въ жизни, запрещая излишнія траты и угощенія при ассамблеяхъ, требуя правды и безкорыстія въ общественной дѣятельности, вызывая и поощряя прямое выраженіе мнѣній, противныхъ его собственному. Зло, по мыслямъ автора, явилось помимо воли Петра Великаго, хотя и было слѣдствіемъ его преобразованій. Замѣчательно сужденіе кн. Щербатова, высказанное по поводу разсказовъ о благородной смѣлости кн. Якова Θедоровича Долгорукова, не разъ противившагося распоряженіямъ Петра и говорившаго ему правду въ глаза. „Чего же ради, говоритъ авторъ, никто другой ни въ бесѣдахъ, ни въ сенатѣ и нигдѣ таковой правды не говорилъ, какъ сей безсмертія достойный кн. Долгоруковъ? Того ради, что они болѣе желали пріобрѣсти милость государскую, нежели, говоря правду, его почитаніе, желали чиновъ и имѣній, ибо въ самомъ дѣлѣ не видно, чтобы любимецъ его кн. Меншиковъ когда ему строгую правду представлялъ, чтобы Гаврило Ивановичъ Головкинъ, государственный канцлеръ, отвратилъ его отъ переписки съ Гиленбурхомъ, съ Герцомъ и съ англійскими и шотландскими сообщниками претендента... (слѣдуетъ еще нѣсколько примѣровъ), чтобъ адмиралъ Апраксинъ, имѣющій толикую повѣренность, что̀ вопреки сказалъ государю. Но всѣ токмо согласіе свое изъявляли и впускали вкореняться лести и рабству для собственныхъ своихъ прибытковъ, чему и самъ государь и кн. Яковъ Θедоровичъ Долгоруковъ противоборствовали“. Причиной ставитъ кн. Щербатовъ усиленіе сластолюбія и роскоши и паденіе значенія знатныхъ родовъ: но изъ этихъ причинъ, если даже и признать ихъ дѣйствительно причинами, могла оказать свое дѣйствіе только вторая. А сластолюбіе и роскошь, по словамъ самого кн. Щербатова, недавно еще начали водворяться въ русскомъ обществѣ; притомъ лица, окружавшія Петра Великаго, и ближайшіе исполнители его воли, за исключеніемъ людей, происшедшихъ изъ *подлости*, какъ Меншиковъ, или иностранцы, были воспитаны въ *древнихъ строгихъ правилахъ;* многіе, какъ напр. Апраксинъ и нѣкоторые другіе, даже отличались любовью къ старинѣ. Подозрѣніе въ томъ, не были ли несостоятельны или, по крайней мѣрѣ, не довольно крѣпки самыя эти древнія строгія правила, эти нравственныя убѣжденія XVII столѣтія, что̀ такъ скоро и безъ борьбы уступили вліянію сластолюбія и роскоши,— такое подозрѣніе не приходитъ въ голову кн. Щербатова, и оттого у него отъ нравственности до-петровской Руси къ безнравственности Россіи Петра Великаго переходъ такъ рѣзокъ и быстръ.

Большое вліяніе, какъ и слѣдуетъ ожидать, приписываетъ кн. Щербатовъ освобожденію женщины изъ тюремнаго заключенія. Женщина, вы-

пущенная на свободу, почувствовала силу своей красоты и, не находя въ древнихъ строгихъ правилахъ никакой нравственной опоры, предавалась порывамъ страстей, не сдерживаемымъ болѣе внѣшними препятствіями. Сближеніе съ Европой, возможность получать изъ-за границы предметы роскоши сильно дѣйствовали на возбужденіе пышности, несмотря на то, что государь старался ей противодѣйствовать и запрещеніями, и своимъ собственнымъ примѣромъ. Кн. Щербатовъ приводитъ примѣръ лицъ, уже въ его царствованіе разорявшихся отъ неумѣренной роскоши. Одинъ изъ этихъ примѣровъ — знаменитый фельдмаршалъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ. Другой очень замѣчателенъ. Кн. Иванъ Васильевичъ Одоевскій, котораго дядя жилъ въ Москвѣ, на Тверской, въ приходѣ у Спаса, „неумѣреннымъ своимъ сластолюбіемъ такъ разорился, что продавъ всѣ деревни, оставилъ токмо себѣ нѣкоторое число служителей, которые были музыканты, и сіи, ходя въ разныя мѣста играть и получая плату, тѣмъ остальное время жизни его содержали“. Кн. Щербатовъ придаетъ огромную важность вліянію личнаго примѣра правительственныхъ лицъ на нравственное состояніе всего общества, и въ этомъ отношеніи одинъ Петръ Великій составляетъ какъ бы исключеніе, потому что его примѣръ былъ безсиленъ остановить общее стремленіе. Авторъ упрекаетъ его въ одномъ только вредномъ примѣрѣ, поданномъ обществу, именно въ разводѣ съ первою супругой, Лопухиной. По его мнѣнію, этотъ примѣръ нашелъ себѣ подражателей не только между лицами близкими ко двору, каковъ, напр., былъ П. И. Ягужинскій, но даже и между тѣми, которые были, повидимому, въ сторонѣ отъ его прямого вліянія, какъ кн. Борисъ Сонцевъ-Засѣкинъ. Изъ общаго хода изложенія какъ-будто замѣтно, что кн. Щербатовъ считалъ разводъ почти новостью, внесенною Петромъ Великимъ въ общественную жизнь. Прямо онъ этого не высказываетъ и не можетъ, потому что примѣры разводовъ царей и великихъ князей русскихъ встрѣчаются же и до Петра Великаго, но, кажется, онъ не предполагалъ развода дѣломъ такимъ обыкновеннымъ въ Россіи XVII столѣтія, какимъ показываетъ его, напр., Котошихинъ.

Свое разсмотрѣніе царствованія Петра Великаго кн. Щербатовъ заключаетъ слѣдующимъ общимъ сужденіемъ:

„И тако, хотя Россія, чрезъ труды и попеченія сего государя, пріобрѣла знаемость въ Европѣ и вѣсъ въ дѣлахъ; войска ея стали порядочнымъ образомъ учреждены и флоты Бѣлое и Балтійское моря покрыли, коими силами побѣдила давнихъ своихъ непріятелей и прежнихъ побѣдителей, Поляковъ и Шведовъ, пріобрѣла знатныя области и морскія пристаница. Науки, художества и ремесла стали въ ней процвѣтать, торговля начала ее обогащать, и преобразовались Россіяне изъ бородатыхъ въ гладкіе, изъ долгополыхъ въ короткополые, стали сообщительнѣе, и позорища благонравныя извѣстны имъ учинились. *Но тогда*

же искренняя привязанность къ вѣрѣ стала исчезать..., твердость уменьшилась, уступая мѣсто нагло стремящейся лести, роскошь и сластолюбіе положили основаніе своей власти, а симъ побужденіемъ и корыстолюбіе къ разрушенію законовъ и ко вреду граждан начало проникать въ судебныя мѣста. Таково есть состояніе, въ которомъ (не взирая на всѣ преграды, которыя собственно своею особою и своимъ примѣромъ полагалъ Петръ Великій для отвращенія отъ пороковъ), въ разсужденіи нравовъ, осталася Россія, по смерти сего великаго государя". Кто сколько-нибудь знакомъ съ памятниками XVII вѣка, тотъ сильно усомнится, чтобы корыстолюбіе и взяточничество только со временъ Петра начали вкрадываться въ чистую до тѣхъ поръ душу русскихъ судей и администраторовъ, тому невольно придутъ на память слова Посошкова: „Намъ сіе весьма зазорно: не точію у иноземцевъ, свойственныхъ христіанству, но и бусурманы судъ чинятъ праведенъ; а у насъ вѣра святая, благочестивая и на весь свѣтъ славная, а судная расправа никуда не годится... А прямо рещи—и невозможно правому суду установится, аще сто другое судей не падетъ: *понеже у насъ на Руси неправда вельми застарѣла*"., (Пос., стр. 86).

Кн. Щербатовъ не долго останавливается на исторіи нравовъ въ кратковременныя царствованія Екатерины І-й и Петра ІІ-го. Онъ припоминаетъ только, что женщина въ это время пошла быстрыми шагами къ своему нравственному паденію. Роскошь двора Екатерины I и, въ особенности, наглое и безнаказанное поведеніе Ив. Ал. Долгорукова, всемощнаго любимца Петра II, преимущественно содѣйствовали этому печальному явленію. „Привычка есть и къ преступленію,—замѣчаетъ историкъ, говоря о поступкахъ Долгорукова и его товарищей,—а сей былъ первый шагъ, которымъ жены выступили изъ скромности и тихаго житія, которое отъ древнихъ нравовъ онѣ еще сохраняли". Особенно указываетъ кн. Щербатовъ на гибельныя слѣдствія неопредѣленности въ порядкѣ престолонаслѣдія. „Петръ Великій еще не охладѣлъ мертвый, говоритъ онъ, а уже не воля его, не право наслѣдственное и привязанность къ крови, но самовольное желаніе вельможъ рѣшало важнѣйшую вещь въ свѣтѣ, т.-е. наслѣдство его престола". Извѣстны обстоятельства, вызвавшія и сопровождавшія возведеніе на престолъ Екатерины I. Кн. Щербатовъ представляетъ любопытное объясненіе обстоятельствъ и причинъ, рѣшившихъ объявленіе Петра II наслѣдникомъ престола.

Правленію Анны Ивановны посвящаетъ кн. Щербатовъ болѣе мѣста въ своемъ сочиненіи. Его взглядъ на характеръ и нравственное вліяніе правленія этой государыни не совсѣмъ согласенъ съ общепринятымъ мнѣніемъ. Мы знаемъ уже мнѣніе кн. Щербатова о мысли ограничить права верховной власти. Можно бы подумать съ перваго раза, что онъ нѣсколько предубѣжденнымъ взоромъ взглянетъ на дѣйствія Анны Ивановны, изорвавшей утвержденныя ею ограниченія, что власть Бирона,

котораго курляндское дворянство съ презрѣніемъ отказалось внести въ свои списки, оскорбитъ его аристократическій духъ несравненно чувствительнѣе, чѣмъ самоуправство Меншикова, что, наконецъ, его поразятъ жестокости этого правленія. Кн. Щербатовъ очень хорошо знаетъ всѣ обстоятельства того времени и не ослѣпленъ личнымъ характеромъ самой государыни. Напротивъ, его сужденіе о немъ весьма основательно и, въ общихъ чертахъ, не противорѣчитъ тѣмъ извѣстіямъ, которыя мы имѣемъ изъ другихъ источниковъ. „Императрица Анна, говоритъ онъ, не имѣла блистательнаго разума, но имѣла сей здравый разсудокъ, который тщетной блистательности въ разумѣ предпочтителенъ. Съ природы нраву грубаго, отчего и съ родительницею своей въ ссорѣ находилася. (Слѣдуетъ извѣстіе объ отношеніяхъ Анны Ивановны къ ея матери, извлеченное изъ письма, находящагося въ архивѣ Петра Великаго). Природный обычай не смягченъ былъ ни воспитаніемъ, ни обычаями того вѣка, ибо родилась во время грубости Россіи и жила тогда, какъ многіе строгости были оказуемы, и сіе учинило, что она не щадила кровь своихъ подданныхъ и смертную мучительную казнь безъ содраганія подписывала... не имѣла жадности къ славѣ и потому новыхъ узаконеній и установленій мало вымышляла, но старалась старое учрежденіе въ порядкѣ содержать. Довольно для женщины прилежна къ дѣламъ и любительница была порядка и благоустройства, ничего спѣшно и безъ совѣту искреннѣйшихъ людей государства не начинала, отчего всѣ ея узаконенія суть ясны и основательны. Любила приличное великолѣпіе императорскому сану, но только если оно сходственно было съ благоустройствомъ государства“. Хорошо извѣстенъ кн. Щербатову образъ дѣйствій Бирона; возмущаетъ его и появленіе членовъ знатнѣйшихъ русскихъ фамилій, кн. Голицыныхъ и Волконскихъ, графа Апраксина, въ числѣ придворныхъ шутовъ *), и однако же, тѣмъ не менѣе, правленіе Анны Ивановны въ его глазахъ кажется почти отраднымъ явленіемъ, болѣе выгоднымъ, по своему вліянію на общественную нравственность, чѣмъ царствованіе Елизаветы Петровны и, въ нѣкотой степени, даже Екатерины II, не говоря уже о двухъ правленіяхъ, предшествовавшихъ вступленію на престолъ императрицы Анны... Вотъ оцѣнка кн. Щербатова. Сказавъ о жестокихъ казняхъ въ ея правленіи, онъ продолжаетъ: „Хотя трепеталъ весь дворъ, хотя не было ни единаго вельможи, который бы отъ злобы Бирона не ждалъ себѣ несчастія, но народъ былъ порядочно управляемъ, не былъ отягощенъ налогами. Законы издавались ясны и исполнялись въ точности. Страшились вельможи подать какую причину къ несчастію своему и, не бывъ ими защищаемы, страшились и судьи что̀ неправое сдѣ-

*) Сочиненіе кн. Щербатова, замѣтимъ кстати, окончательно рѣшаетъ возникшій въ послѣднее время споръ о личности одного изъ шутовъ Анны Ивановны. Изъ Голицыныхъ шутомъ былъ кн. Михайло.

лать или мздоимству коснуться; былъ управленъ кабинетъ, гдѣ безъ подчиненія и безъ робости одинъ другому каждый мысли свои изъяснялъ и осмѣливался самой государынѣ при докладахъ противорѣчить; ибо она не имѣла почти никогда пристрастія то или другое сдѣлать, но искала правды; и такъ, по крайней мѣрѣ, лесть въ таковыхъ случаяхъ отогнана была; да можно сказать и не имѣла она льстецовъ изъ вельможей, ибо просто послѣдуя законамъ, дѣла надлежащимъ порядкомъ шли. Лѣта же ея и болѣзни ей не оставляли время что другое предпринимать". Мы не будемъ разсуждать, въ какой степени выгодно было въ нравственномъ отношеніи уничтоженіе лести передъ Анной Ивановной и возможность говорить ей правду, когда, по словамъ самого же автора, „вмѣсто ея всѣ вельможи дрожали и трепетали передъ Бирономъ, единый взглядъ его благороднѣйшихъ и имянитѣйшихъ людей въ трепетъ приводилъ, но толь былъ грубъ и неприступенъ, что ниже и лести мѣсто давалъ".

Не будемъ опровергать мнѣнія кн. Щербатова, замѣтимъ только, что странна и печальна покажется участь Россіи, если повѣрить ему на слово. Всѣ усилія Петра Великаго, вся его неслыханная дѣятельность и способность вникать во всѣ мелочныя подробности были безсильны остановить корыстолюбіе и неправоту судей, и достаточно было страха предъ курляндскимъ проходимцемъ, въ добавокъ и не обращавшимъ вниманія на отправленіе правосудія, чтобы судьи не смѣли *что не правое сдѣлать или мздоимству коснуться*. Нѣсколько далѣе самъ кн. Шербатовъ произноситъ, впрочемъ, приговоръ, не совсѣмъ согласный съ предшествовавшимъ разсужденіемъ. „А все вышеписанное, говоритъ онъ, и *показуетъ,* какіе шаги обстоятельствами правленія и примѣрами двора злые нравы учинили. Жестокость правленія отняла всю смѣлость подданныхъ изъяснять свои мысли." „Вельможи, по его же словамъ, перестали быть совѣтниками государевыми, любовь къ отечеству убавилась, а самство и желаніе награжденія возрасло."

Со временъ Елизаветы Петровны кн. Щербатовъ былъ уже очевидцемъ совершавшагося паденія нравственности, могъ разсказывать уже видѣнное и слышанное имъ самимъ, а не довольствоваться разсказами другихъ лицъ. Поэтому правленію Елизаветы, Петра III и Екатерины II посвящена самая значительная часть его сочиненія. Здѣсь же, при томъ, его трудъ получаетъ значеніе мемуаровъ. Вѣрные нашему плану, мы не будемъ останавливаться на множествѣ новыхъ и интересныхъ подробностей и разсказовъ, представляемыхъ авторомъ, и ограничимся только общимъ изложеніемъ его взгляда на характеръ того или другого правленія. Вотъ сужденіе кн. Щербатова о личномъ характерѣ и *умоначертаніи* Елизаветы Петровны: „Сія государыня изъ женскаго полу въ младости своей была отмѣнной красоты, набожна, милосерда, сострадательна и щедра; отъ природы одарена довольнымъ разумомъ, но никакого просвѣщенія не имѣла, такъ что меня увѣрялъ Дмитрій Васильевичъ Вол-

ковъ, бывшій конференцъ-секретарь, что она не знала, что Великобританія есть островъ; съ природы веселаго нрава и жадно ищущая веселій, чувствовала свою красоту и страстна умножать ее разными украшеніями, лѣнива и надокучлива ко всякому требующему нѣкоего прилежанія дѣлу, такъ что за лѣностію ея не токмо внутреннія дѣла государственныя многія иногда лѣты безъ подписанія ея лежали, но даже и внѣшнія государственныя дѣла, яко трактаты, по нѣскольку мѣсяцевъ за лѣностію ея подписать ея имя у нее лежали; роскошна и... страстна, дающая иногда повѣренность своимъ любимцамъ, но, однако, такова, что всегда надъ нами власть монаршу сохраняла". Показавъ вліяніе придворной роскоши на общественную нравственность, кн. Щербатовъ особенно выставляетъ на видъ одну новую ступень, на которую низошла русская женщина въ своемъ паденіи въ это время. „Мы можемъ положить сіе время, разсказываетъ историкъ, началомъ, въ которое жены начали покидать своихъ мужей". Въ то же время сильно увеличилось число незаконнорожденныхъ среди высшаго сословія. „Толико сихъ... дворянъ умножилось, что повсюдува толпами ихъ видно. Лицыны, Ранцовы и прочіе, которые или дворянство получаютъ, либо по случаю или за деньги до знатныхъ чиновъ доходятъ, что, кажется, хотятъ истребить часть законнаго рожденія, и незакрытно содержа метресъ, являются знатные люди насмѣхаться и святости закона, и моральнымъ правиламъ, и благопристойности. И тако можно сказать, что и сіи злы, толь обыкновенныя въ нынѣшнее время, отрыгнули корень свой въ сіе царствованіе." Чрезвычайно много подробностей всякаго рода сообщаетъ кн. Щербатовъ о графѣ Петрѣ Ивановичѣ Шуваловѣ, на котораго смотритъ не только какъ на корыстнаго администратора, но особенно какъ на одного изъ главныхъ виновниковъ усиленія общественной безнравственности.

Кратковременное правленіе Петра III не могло противодѣйствовать общему направленію, если бы въ немъ и заключались условія возможности подобнаго противодѣйствія, чего, къ сожалѣнію, не было. Напротивъ, къ прежнимъ причинамъ, которыми объяснялось печальное состояніе общественной нравственности, присоединились еще новыя. У кн. Щербатова мы находимъ нѣсколько весьма характеристическихъ разсказовъ о придворной жизни этого времени, и одного изъ нихъ, хотя, напримѣръ, разсказа объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ появленіе знаменитой грамоты о дворянствѣ, вполнѣ достаточно для того, чтобы понять, чего можно было ожидать отъ правленія Петра III, если бы оно продолжалось. Разсказы кн. Щербатова служатъ полнымъ подтвержденіемъ и дополненіемъ разсказовъ другого близкаго свидѣтеля придворныхъ событій, друга Екатерины II, княгини Дашковой. Въ личныхъ сужденіяхъ автора мы не находимъ ничего, что противорѣчило бы общему голосу современниковъ.

Совершенно противоположнымъ характеромъ отличаются его разсуж-

денія о царствованіи Екатерины II. Мнѣніе кн. Щербатова о личныхъ свойствахъ этой государыни не только не похоже на отзывы почти всѣхъ лицъ, болѣе или менѣе коротко ее знавшихъ, не только рѣзко противорѣчитъ тѣмъ описаніямъ ея характера, которыя оставлены намъ принцемъ де-Линемъ или Грибовскимъ, но отличается явною враждебностью, имѣетъ почти характеръ памфлета. Надобно знать отношенія кн. Щербатова къ Екатеринѣ II ближе, чѣмъ мы ихъ знаемъ, чтобы понять, откуда именно идетъ такое непріязненное воззрѣніе...

Свое сочиненіе кн. Щербатовъ заключаетъ мыслью о необходимости появленія государя, который своими нравственными достоинствами могъ бы противодѣйствовать общему развращенію. Кн. Щербатовъ не дожилъ, впрочемъ, до того времени, когда Александръ I осуществилъ бо́льшую часть его желаній.

Мы старались изложить взглядъ кн. Щербатова на весь ходъ исторіи русскаго общества въ XVIII столѣтіи. Взгляду этому недостаетъ глубины и цѣльности, но это недостатокъ, общій всѣмъ историческимъ воззрѣніямъ автора, и его причина заключается столько же въ самомъ свойствѣ ума историка, сколько и въ отсутствіи предварительнаго, систематическаго изученія. Взглядъ кн. Щербатова своеобразенъ и несходенъ съ господствовавшими понятіями, но онъ не былъ исключительно только ему принадлежавшимъ. Во многомъ онъ совпадаетъ съ мнѣніями другихъ его современниковъ, выражая мысли извѣстной партіи. Самая непріязненность къ Екатеринѣ и ея учрежденіямъ встрѣчается не у одного кн. Щербатова, хотя ни въ комъ она не высказывалась такъ систематически и не простиралась такъ далеко въ безусловномъ порицаніи всего, что́ сдѣлано было этой государыней. Многія установленія Екатерины II встрѣчались осужденіемъ со стороны лицъ, не понимавшихъ или не раздѣлявшихъ ея убѣжденій. Извѣстно, какъ смотрѣло общество на основаніе воспитательныхъ домовъ, считая зазорною службу при нихъ. Учрежденіе намѣстничествъ, перемѣны въ губернскомъ управленіи встрѣчены были также не безъ порицанія многими. Въ бумагахъ Сиверса, дѣлившаго труды Екатерины въ составленіи губернскихъ учрежденій, находимъ мы любопытныя подтвержденія этому. Не одинъ кн. Щербатовъ съ негодованіемъ говорилъ о „надѣланныхъ“ намѣстничествахъ и о правахъ дворянскихъ и городовыхъ, *испеченныхъ*, по его выраженію. Его осужденіе исходило только, быть-можетъ, изъ другихъ, болѣе чистыхъ, если и столь же несправедливыхъ побужденій, чѣмъ осужденіе большинства лицъ, раздѣлявшихъ его мнѣніе.

Не единственнымъ защитникомъ является кн. Щербатовъ и аристократическаго начала. Голоса въ пользу аристократіи и противъ смѣшенія сословій раздавались не только въ рядахъ потомковъ Рюрика или Гедимина,—они слышались также и отъ иностранцевъ, которымъ едва ли были извѣстны, а тѣмъ менѣе понятны мѣстническіе споры древней Рос-

сіи. Любопытный примѣръ представляетъ графъ Сиверсъ, которому такъ много обязана Россія.

Сиверса всего менѣе можно заподозрить въ презрѣніи къ низшимъ сословіямъ, въ аристократической исключительности и недоступности. Онъ былъ горячій противникъ помѣщичьихъ злоупотребленій, настойчиво требовалъ отмѣны неестественныхъ отношеній между благородными землевладѣльцамя и земледѣльческимъ населеніемъ. Прежде всего Сиверсъ желалъ бы видѣть въ Россіи среднее сословіе, отсутствіе котораго онъ считалъ преградою для развитія народнаго благосостоянія, для силы и могущества государства, и, тѣмъ не менѣе, тотъ же Сиверсъ совѣтуетъ императрицѣ поднять значеніе высшаго дворянства. „Великая монархія не можетъ существовать безъ сильнаго дворянства, имѣющаго почетные титулы, пишетъ онъ къ Екатеринѣ II. Равенство дворянства пагубно; мы видимъ это въ Польшѣ и другихъ мѣстахъ. Почему Ваше Величество не можете раздавать званія герцоговъ, князей, графовъ, еще чаще маркизовъ, виконтовъ, бароновъ и даже баронетовъ?“

Аристократическій принципъ сроднился со всѣми политическими убѣжденіями кн. Щербатова, составляя одно изъ главнѣйшихъ ихъ основаній. Въ соединеніи съ негодованіемъ, возбуждаемымъ въ авторѣ современною безнравственностью и общимъ преклоненіемъ передъ золотымъ тельцомъ и матеріальными наслажденіями, онъ заставлялъ его съ любовью обращаться къ доброму старому времени. Но не забудемъ, въ старинѣ прельщала кн. Щербатова прежде всего извѣстная постановка знатныхъ родовъ, завѣтная фраза: „бояре приговорили“, повторявшаяся въ каждомъ важномъ правительственномъ распоряженіи. Свое сочувствіе отдавалъ онъ, по преимуществу, только той особенности государственнаго быта XVI и XVII столѣтій, вслѣдствіе которой ни геніальныя способности, ни искусство и трудолюбіе не могли дать средствъ худороднымъ людямъ перешагнуть завѣтную ступень, отдѣляющую ихъ отъ *дѣтей отецкихъ*. Ошибутся тѣ, которые будутъ объяснять въ кн. Щербатовѣ эту склонность къ старинѣ нелюбовью или непониманіемъ плановъ Петра Великаго. Эта склонность шла исключительно изъ аристократическаго начала, такъ часто оскорбляемаго въ Россіи XVIII столѣтія. Въ олигархическомъ совѣтѣ шведскаго дворянства кн. Щербатовъ почувствовалъ бы себя болѣе въ своей сферѣ, чѣмъ въ боярской думѣ царя Алексѣя Михайловича.

РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦІЯ

СѢВЕРО-ВОСТОЧНАГО КРАЯ.

I.

Едва ли возможенъ въ настоящее время споръ о важности этнографическихъ вопросовъ для исторіи. Чѣмъ глубже проникала мысль историковъ въ изученіи минувшихъ судебъ человѣчества, чѣмъ полнѣе и многостороннѣе было это изученіе, тѣмъ ощутительнѣе становилась необходимость воспользоваться богатыми свѣдѣніями, которыя даются современнымъ состояніемъ наукъ естественныхъ. Пока на первомъ планѣ стояли событія внѣшней, политической жизни народовъ, сознаніе этой необходимости не могло возникнуть. Войны, дипломатическія сношенія, измѣненія въ сферѣ законодательной легко изучить безъ пособія естествовѣдѣнія. Даже вопросы о происхожденіи народовъ, о родствѣ ихъ между собою, такъ сильно занимавшіе умы ученыхъ прошедшихъ столѣтій, не наводили ихъ на мысль искать разрѣшенія не въ однихъ болѣе или менѣе произвольныхъ филологическихъ сличеніяхъ, не въ одномъ собраніи и сводѣ цитатъ изъ древнихъ писателей. Путемъ сравнительнаго языкознанія можно было дойти до многихъ важныхъ выводовъ, но въ то время, когда лучшіе умы мучительно напрягались надъ вопросами о происхожденіи, сравнительная филологія, какъ наука, еще не существовала. Она возникла только въ настоящее время и была результатомъ развитія тѣхъ же требованій, которыя привели къ вопросу о значеніи породъ человѣческихъ. Сравнительная филологія ведетъ въ тотъ же таинственный міръ до-исторической древности, гдѣ одновременно совершался процессъ обособленія народностей и обособленія языковъ. Писанная исторія, лѣтописи даютъ только самыя темныя отрывочныя извѣстія объ этомъ до-историческомъ періодѣ, и, ограничиваясь изученіемъ одной, такъ сказать, лѣтописной исторіи, невозможно составить себѣ какое-нибудь, по возможности, вѣрное понятіе. Писанная исторія является въ народѣ только тогда, когда уже кончился этотъ образовательный процессъ, когда народъ созналъ уже себя, какъ конкретное цѣлое, отличное отъ всѣхъ другихъ народностей, когда выработались въ главныхъ своихъ основаніяхъ языкъ и неразрывно связанный

съ языкомъ кругъ воззрѣнія на окружающую природу и человѣка,—когда, однимъ словомъ, сложилась и отвердѣла та форма, тотъ физическій и нравственный типъ, который до конца его существованія будетъ составлять его исключительную особенность, и когда ослабѣла, если не вполнѣ уничтожилась, память о пути, о тѣхъ измѣненіяхъ, которыми достигнутъ былъ этотъ результатъ. Отголоски, воспоминанія періода обособленій до-исторической жизни заносятся въ лѣтопись какъ миѳъ, какъ сага или народное преданіе, внутренній смыслъ которыхъ затерянъ, быть можетъ, навсегда, хотя внѣшнія черты саги сохраняются съ религіознымъ уваженіемъ.

Однимъ изученіемъ писанной лѣтописи нельзя глубоко проникнуть въ ту темную пору исторіи; а между тѣмъ вопросъ о народахъ стоитъ на очереди, обойти его нѣтъ средствъ. Геніальный Нибуръ высказалъ мысль о необходимости этнографіи. Изслѣдованія другихъ ученыхъ надъ исторіей новыхъ европейскихъ народовъ показали всю важность племенныхъ отношеній. Скрыто отъ поверхностнаго наблюденія, но тѣмъ не менѣе глубоко-существенно значеніе борьбы разныхъ народностей, поставляемыхъ историческими обстоятельствами рядомъ одна съ другою. Вымираніе цѣлыхъ племенъ, слѣдующее за столкновеніемъ ихъ съ другою расой, за принятіемъ ими чуждой цивилизаціи, подымаетъ страшный вопросъ: не таится ли въ самой организаціи извѣстныхъ племенъ ихъ способность къ той или другой формѣ образованія? Не обозначены ли природою заранѣе предѣлы, до которыхъ можетъ достигать умственное и нравственное развитіе извѣстной породы, способность ея воспринимать только извѣстныя идеи? Не очерченъ ли заранѣе кругъ понятій, изъ котораго нѣтъ выхода тому или другому племени? Со всѣхъ сторонъ слышны голоса о необходимости глубокаго изученія природныхъ условій для возможности пониманія историческихъ судебъ какого-нибудь народа. „Природа, говоритъ одинъ изъ датскихъ ученыхъ *), не есть только предшественница исторіи и театръ, на которомъ совершаются судьбы человѣчества; она постоянная спутница духа, съ которымъ дѣйствуетъ въ гармоническомъ союзѣ. Человѣкъ, какъ естественное конечное существо, и человѣчество, какъ конечный организмъ, подчинены съ начала вѣковъ ея великимъ неизмѣннымъ законамъ. Она дѣйствовала до начала исторіи и можетъ пережить ее.“ Изслѣдованія извѣстнаго Эдварса доказали живучесть народныхъ типовъ, много столѣтій послѣ того, какъ исчезло изъ исторіи и изъ памяти ихъ имя. Предъ пытливымъ взглядомъ опытнаго физіолога, въ обликѣ жителей нѣкоторыхъ мѣстностей Франціи, Швейцаріи и верхней Италіи открылись черты кимврской и галльской физіономій. Нужны исключительныя, едва ли попадающіяся въ дѣйствительности, условія совершен-

*) Гинрихсенъ, въ его сочиненіи: Die Germanisten und die Wege der Geschichte. 1848.

наго истребленія извѣстнаго племени для того, чтобы совершенно уничтожился, въ занимаемой имъ странѣ, его племенной типъ, чтобы въ далекихъ, отдѣленныхъ столѣтіями, потомкахъ нельзя было узнать фамильнаго сходства съ давно забытыми предками, сходства не въ цвѣтѣ волосъ и кожи, но въ болѣе существенныхъ признакахъ, въ формѣ черепа, въ лицевомъ очертаніи. Черепъ съ кимврскаго кладбища I-го вѣка до Р. Х. совершенно одинаковъ съ господствующею формой черепа населеній извѣстныхъ частей Франціи. Въ чертахъ польскаго еврея вы узнаете его родственное сходство съ тѣми плѣнниками, которыхъ влекутъ за собою фараоны на барельефахъ луксорскихъ. Живучесть физическаго типа предполагаетъ и живучесть, хотя, быть можетъ, и не въ такой степени, типа нравственнаго. Соединеніе различныхъ народностей въ одинъ народъ, помѣсь различныхъ племенныхъ особей, видоизмѣненія народнаго типа и характера подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій—вопросы первой важности для историка. Чистыхъ породъ мы мало найдемъ на сценѣ исторіи. Племена, сохранившіяся отъ историческихъ примѣсей, какъ-то слабѣютъ и вымираютъ, какъ вырождаются тѣ аристократическія фамиліи, которыя допускаютъ браки, соединяясь только въ извѣстномъ ограниченномъ кругѣ. Изслѣдованіе и сколь возможно точное опредѣленіе тѣхъ этнографическихъ элементовъ, изъ которыхъ сложился извѣстный народный типъ, разложеніе этого типа на его составныя части дастъ ключъ къ уразумѣнію многихъ темныхъ сторонъ его исторіи, объяснитъ многое, что было до сихъ поръ скрыто отъ самой настойчивой пытливости. Характеръ современнаго француза рѣзко отличается отъ каждой народности, изъ соединенія которыхъ образовалась французская нація. Французъ не кельтъ, не иберъ, не германецъ и не римлянинъ, но у него въ образованіи его типа можно различить, такъ сказать, количественное вліяніе того или другого образовательнаго элемента. Быть можетъ, не одно вліяніе изъ сферы умственной и нравственной жизни народа объяснится только помощью этнографическихъ соображеній. Народы романскаго племени упорно держатся за католицизмъ. Протестантство особенно крѣпко привилось къ племенамъ германо-скандинавскаго происхожденія. Однимъ вліяніемъ болѣе или менѣе случайныхъ обстоятельствъ трудно объяснить этотъ фактъ, точно также какъ трудно объяснить, почему краснокожія племена Сѣверной Америки вымираютъ черезъ извѣстное число поколѣній, послѣ принятія ими европейской цивилизаціи, неразлучной съ христіанствомъ. Одни племена отличаются упорствомъ въ храненіи своего народнаго типа, другія легко перерождаются и принимаютъ на себя характеристическія черты другой народности.

Особую важность пріобрѣтаютъ этнографическія изысканія примѣнительно къ исторіи русскаго народа. На громадной равнинѣ сѣверо-восточной Европы сталкивались и перемѣшивались представители самыхъ различныхъ вѣтвей человѣческаго рода. Здѣсь не было физическихъ преградъ

къ ихъ смѣшенію, не было условій для замкнутаго, изолированнаго существованія, тѣхъ условій, которыми, напримѣръ, объясняется на Кавказѣ вѣковое сожительство на весьма тѣсномъ пространствѣ нѣсколькихъ различныхъ по происхожденію племенъ въ ихъ первобытной чистотѣ, со всѣми особенностями языка и быта. Равнинность способствовала здѣсь слитію, объединенію. Вопросъ былъ только въ томъ, подъ вліяніемъ какой народности совершится это объединеніе. Племя славянское встрѣчалось здѣсь и съ огромнымъ племенемъ финскимъ, почти сплошною массой занимавшимъ весь сѣверъ и сѣверо-востокъ этой равнины, и съ племенемъ монгольскаго и тюркскаго происхожденія. Ясныя историческія свидѣтельства говорятъ о временномъ пребываніи на равнинѣ европейской Россіи племенъ кельтическихъ и германо-скандинавскихъ; но если бы и не было этихъ свидѣтельствъ, изслѣдованіе языка русскаго заявило бы неопровержимыя доказательства въ пользу тѣснаго когда-то сближенія съ ними, въ пользу обмѣна словъ и понятій. Можно прослѣдить исторически распространеніе славяно-русской народности на сѣверо-востокѣ европейской Россіи, поглощеніе этою народностью другихъ народностей; а это распространеніе русскаго племени насчетъ другихъ народностей имѣетъ всемірное историческое значеніе. Въ немъ заключается не одно количественное увеличеніе русскаго племени, не одно приращеніе его матеріальной силы, а побѣда европейской цивилизаціи надъ Востокомъ. Каждое финское или монгольское племя, распустившееся, такъ сказать, въ русской народности, поглощенное ею, представляетъ пріобрѣтеніе для всей великой семьи народовъ европейскихъ, которымъ ввѣренъ Провидѣніемъ двойной свѣточъ христіанства и образованія и которымъ предназначено итти во главѣ развитія человѣчества. Принимая въ себя чуждыя племена, претворяя ихъ въ свою плоть и кровь, русское племя клало на нихъ неизгладимую печать европеизма, открывало для нихъ возможность участія въ историческомъ движеніи народовъ европейскихъ. Въ этомъ отношеніи, Русь была тѣмъ же передовымъ бойцомъ за Европу противъ Азіи, какимъ была она, принявъ на себя первые удары страшнаго монгольскаго нашествія, грозившаго снести съ лица земли только-что образовавшіяся и еще неокрѣпшія начала европейской гражданственности. Русское племя сдержало волны азіатскихъ кочевниковъ, заставило ихъ отхлынуть назадъ и пошло вслѣдъ за отливомъ, намѣчая мечемъ и плугомъ границы Европы отъ Азіи, распространяя предѣлы европейской территоріи насчетъ Востока. Важное значеніе *вооруженной* борьбы Руси съ Азіей оцѣнено и признано всѣми; но великіе результаты *мирнаго* завоеванія менѣе ясны, хотя ихъ слѣдствія несравненно многозначительнѣе. Русское племя не отличалось исключительностью и нетерпимостью. Его распространеніе не уничтожало тѣхъ племенъ, которыя встрѣчались ему на пути. Племена финскія, насчетъ которыхъ особенно распространялась русская народность, не исчезали съ лица земли, не вымирали, приходя съ нею въ соприкосновеніе, какъ гиб-

нутъ племена Сѣверной Америки при столкновенiи съ англо-саксонскою расой, какъ вымираютъ туземцы Океанiи вслѣдствiе поселенiй между ними европейцевъ. Чужеродцы не обращались въ рабовъ, не причислялись къ существамъ низшей породы, не истреблялись огнемъ и мечемъ; на памяти исторiи нѣтъ истребительныхъ стремленiй русскаго племени. Процессъ слiянiя совершался путемъ мирнымъ, естественнымъ. На чисто-славянской основѣ ложатся обрусѣвшiя племена финскаго и азiатскаго происхожденiя, принявшiя съ христiанствомъ и русскiй языкъ и русскiе нравы. Тамъ, гдѣ русская народность соприкасалась съ народностью, уже рѣзко обозначенною, крѣпкою, съ племенемъ, въ религiозныхъ вѣрованiяхъ сознававшимъ основу своей особенности, она и тамъ не пыталась насильственно сломать это упорное сопротивленiе. Лучшимъ доказательствомъ служатъ татарскiя поселенiя въ губернiяхъ: Рязанской, Костромской, Виленской, Гродненской, Минской и т. д., сохранившiя до сихъ поръ и свою вѣру и свои обычаи, несмотря на то, что со всѣхъ сторонъ облегаютъ ихъ сплошныя массы русскаго населенiя. Чѣмъ дальше идемъ мы мыслью въ древнюю исторiю русскаго племени, тѣмъ менѣе встрѣчаемъ слѣдовъ замкнутости, непрiязненнаго воззрѣнiя на племена чуждыя. Исключительность, недовѣрчивость къ иноземцамъ, сознанiе своей рѣзкой противоположности выработались уже путемъ историческимъ, вслѣдствiе особенныхъ обстоятельствъ. Притомъ же это недовѣрчивое воззрѣнiе на чужеземцевъ и теперь обращено болѣе къ Западу, нежели къ Востоку, болѣе вслѣдствiе религiозной, чѣмъ племенной нетерпимости. И теперь нѣмецъ, принявшiй православiе, становится въ глазахъ народа русскимъ. Припоминая русскiя фамилiи, принадлежащiя или желающiя принадлежать къ аристократiи, легко убѣдиться, что нѣмцамъ, татарамъ и грузинамъ одолжены мы большею частью знатнѣйшаго русскаго дворянства. Этою легкостью воспринимания въ себя чуждыхъ элементовъ, способностью вбирать ихъ въ себя, перерабатывая все это въ свою собственную народность, какъ нельзя лучше объясняется быстрое размноженiе русскаго племени, легкое его распространенiе по необъятному пространству отъ Балтiйскаго моря до Восточнаго Океана; объясняется также и то, что русское племя не есть чистое племя, а слѣдствiе соединенiя различныхъ народностей, подъ условiемъ преобладанiя народности славянской: что въ племени русскомъ преобладающая стихiя есть стихiя славянская, въ этомъ также нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнiя. Съ самаго начала русской исторiи, среди постоянной борьбы съ Востокомъ, наши предки неизмѣнно сохраняли всѣ основные признаки европейскаго происхожденiя, не утратили ни одной его существенной черты. Въ этой-то крѣпости храненiя европейскаго типа, среди безпрерывнаго смѣшенiя съ племенами азiатскаго происхожденiя, и состоитъ величайшая заслуга русскаго народа; поэтому-то каждый шагъ русскаго племени въ глубину Азiи и становился несомнѣнной побѣдой европейской гражданственности. Чуждыя племена вливались въ народ-

ность русскую подъ условіемъ принятія ими главныхъ условій народности славянской и европейской.

Другой вопросъ, видоизмѣнился ли первоначальный славянскій типъ русскаго народа отъ воспринятія имъ чуждыхъ элементовъ или остался во всей чистотѣ? Налагая свою славяно-европейскую народность на племена чуждыя, претворяя ихъ въ себя, не подверглось ли русское племя нѣкоторому воздѣйствію со стороны подчинившихся ему низшихъ народностей? Русскій народный типъ есть ли повтореніе общеславянскаго типа, или это есть нѣчто новое, какъ, напримѣръ, типъ француза или англичанина, въ которыхъ легко отличить преобладаніе одной изъ первичныхъ основныхъ образовательныхъ стихій, но легко также замѣтить и вліяніе остальныхъ элементовъ, а также слѣдуетъ признать и много такого, чего не отыщемъ ни въ одномъ образовательномъ элементѣ, и что было слѣдствіемъ ихъ соединенія? Едва ли можетъ быть, впрочемъ, сомнѣніе въ последнемъ. Приведемъ нѣкоторыя соображенія. Населенія губерній Московской, Владимірской, Ярославской, Костромской считаются безспорно лучшими представителями чисто-великорусскаго типа. Въ губерніи Владимірской инородцы составляютъ $^1/_{5419}$ часть всего населенія; въ Московской менѣе $^1/_{146}$, но и это незначительное количество чуждой примѣси состоитъ изъ пришельцевъ цыганъ и нѣмцевъ, которыхъ можно встрѣтить по всему пространству обширной Россіи, туземцевъ же не сохранилось ни малѣйшаго слѣда. Въ Ярославской губерніи инородцы составляютъ менѣе $^1/_{338}$; въ Костромской менѣе $^1/_{268}$ всего населенія; исключивъ изъ счета въ обѣихъ губерніяхъ тѣхъ же нѣмцевъ и цыганъ, а въ Костромской, сверхъ того, и татаръ, какъ поселенцевъ позднѣйшихъ, мы найдемъ въ восточной части Костромской губерніи, на границахъ съ Вятскою, небольшое число черемисъ, еще уберегшихся, благодаря своему положенію, отъ русскаго вліянія, а въ западной части Ярославской еще незначительнѣйшій остатокъ карелы, въ половину уже обрусѣвшей; все же остальное пространство 4-хъ губерній занято русскимъ населеніемъ, и при томъ такимъ, въ которомъ по преимуществу полагаютъ чистѣйшій типъ великорусскаго племени. Между тѣмъ на этой мѣстности, по единогласному свидѣтельству древнѣйшихъ русскихъ же источниковъ, сидѣли нѣкогда племена финскія, оставившія слѣды своего пребыванія въ мѣстныхъ названіяхъ урочищъ, рѣкъ и селеній. Въ русскихъ лѣтописяхъ, въ народныхъ преданіяхъ нѣтъ и слѣдовъ воспоминаній о нѣкогда бывшей борьбѣ финскихъ туземцевъ съ славянскими насельниками, а еще менѣе о вытѣсненіи туземцевъ далѣе къ сѣверу и востоку или объ ихъ истребленіи. При томъ, вытѣсненіе могло совершиться только въ такомъ случаѣ, если бы славянскіе насельники двинулись большою, сплошною массой въ это пространство, гоня передъ собою туземныхъ обитателей края. Такое движеніе не могло пройти незамѣченнымъ, остаться безъ рѣзкаго слѣда въ народной памяти, если не въ лѣтописяхъ. Дви-

женія сплошною массой мы не находимъ и въ позднѣйшей колонизаціи русскаго племени, совершившейся на свѣжей памяти исторіи. Итакъ, туземное населеніе этихъ 4-хъ губерній не могло быть вытѣснено, еще менѣе истреблено. Чѣмъ же объяснить это исчезновеніе? Очевидно, не чѣмъ другимъ, какъ обрусѣніемъ туземцевъ, слитіемъ ихъ съ славянскими поселенцами въ одинъ народъ, а въ этомъ случаѣ нельзя не предполагать ихъ участія въ образованіи народнаго типа, существующаго теперь въ этихъ губерніяхъ.

Ни одно племя, какъ бы оно ни стояло низко относительно образованія, не можетъ вполнѣ отречься отъ своихъ естественныхъ, природныхъ свойствъ; сливаясь съ другою народностію, принимая на себя ея характеристическія особенности, оно должно въ свою очередь передать нѣкоторыя черты своего типа. Болѣе внимательное этнографическое изученіе населенія вышеприведенныхъ 4-хъ губерній должно открыть ясные слѣды воздѣйствія финскаго элемента, его участіе въ образованіи народнаго типа. Что славянская народность, поглощая въ себѣ другія народности, способна въ свою очередь принимать на себя довольно сильное ихъ вліяніе, это доказываетъ наблюденіе надъ населеніемъ Архангельской губерніи. За исключеніемъ крайняго сѣвера, занятаго съ одной стороны лопарями, съ другой — самоѣдами, до западной стороны, гдѣ живутъ карелы, уже частью подвергшіеся вліянію русской народности, все пространство Архангельской губерніи занято чисто-русскимъ населеніемъ. Извѣстный финологъ Кастренъ въ путевыхъ воспоминаніяхъ 1838—1844 годовъ, изданныхъ по смерти его г. Шифнеромъ, представляетъ намъ различныя степени обрусѣнія лопарей и финовъ. „Въ кругу русскихъ — говоритъ онъ о лопаряхъ, живущихъ около большой Мурманской дороги — тотчасъ узнаешь молчаливаго, угрюмаго лопаря; но, въ отношеніи къ другимъ лопарямъ, онъ уже почти русскій и владѣетъ русскимъ языкомъ, какъ своимъ роднымъ; за отсутствіемъ своихъ пѣсенъ, онъ поетъ русскія; русскія игры, обычаи и нравы, нарядъ уже приняты имъ. Русское вліяніе оказалось въ хлопотливости, веселости, торговомъ духѣ этихъ лопарей, качествахъ не свойственныхъ тѣмъ изъ родичей, которые удалены отъ частыхъ сношеній съ русскими“. Тотъ же Кастренъ опровергалъ мнѣніе о насильственномъ оттѣсненіи финскихъ поселенцевъ съ береговъ Бѣлаго моря русскими пришельцами. Въ числѣ прочихъ доказательствъ онъ приводитъ слѣдующее: „Что русскіе поселились мирно, приняли въ себя народность финскую, а не искореняли ея, то доказывается нечистотою русскаго языка архангелогородцевъ, наполненнаго финицизмомъ, и финскимъ обликомъ, безпрерывно попадающимся подъ русскою шляпой“. Любопытный примѣръ этой смѣси русскихъ съ туземцами представляютъ ижемскіе поселенцы, на притѣсненія которыхъ такъ горько жалуются большеземельскіе самоѣды. Къ смѣси зырянъ и русскихъ, изъ которой образовались ижемцы, присоединились

еще потомки нѣсколькихъ самоѣдскихъ семействъ, давно уже промѣнявшихъ кочевую жизнь на осѣдлую и породнившихся съ зырянами и русскими. Въ самомъ обликѣ отразилось вліяніе туземной примѣси, значительная степень уклоненія отъ великорусскаго племени. Еще съ большею ясностью видно вліяніе смѣшенія на юго-востокѣ. Кто не знаетъ, изъ какихъ разнородныхъ этнографическихъ элементовъ образовалось казачество на низовьяхъ Днѣпра по Дону и по Уралу? Самое имя Торковъ, Берендеевъ, Ковуевъ и другихъ племенъ тюркскаго происхожденія, жившихъ въ Кіевской губерніи, исчезло изъ памяти народной, хотя въ лѣтописи нѣтъ слѣдовъ ихъ ухода или истребленія, и многія лица малороссійскаго казачества сильно напоминаютъ собою азіатскій обликъ этихъ исчезнувшихъ народцевъ. Довольно рѣзкое отличіе великорусскаго племени отъ малорусскаго, можетъ быть, объясняется развитіемъ постороннихъ примѣсей на общей обоимъ славянской основѣ. Не даромъ же сѣверо-восточная часть славянъ русскихъ рано уже начинаетъ отличаться по характеру отъ юго-западной. Не даромъ въ лѣтописяхъ давно уже замѣчены особенности въ характерѣ жителей разныхъ областей, особенности, отличающія, напримѣръ, рязанца отъ жителя области Суздальской, отъ москвича, а еще болѣе отъ смолянина или кіевлянина. Но, допуская воздѣйствіе племенъ чуждыхъ на образованіе народнаго русскаго типа, мы считаемъ дѣломъ первой важности каждое племя, частію уже поглощенное русскою народностью, изучить по возможности въ его чистотѣ, чтобы знать, что могло оно внести въ совокупность физическихъ и нравственныхъ признаковъ, составляющихъ теперь русскую народность. Этнографія инородцевъ, живущихъ въ предѣлахъ Россіи или нѣкогда существовавшихъ тамъ, должна обратить на себя полное вниманіе русскаго историка, точно такъ же, какъ становится важно прослѣдить исторію разселенія русскаго племени среди племенъ чуждыхъ, ихъ первое знакомство и постепенное сближеніе. Отъ количественныхъ отношеній зависитъ сила того или другаго племеннаго вліянія, равно какъ и отъ размѣщенія разноплеменныхъ поселенцевъ относительно другъ друга.

На этотъ разъ позвольте мнѣ обратить ваше вниманіе читателей на разселеніе русскаго племени въ восточной Россіи, преимущественно по Волгѣ и Камѣ. На этомъ обширномъ пространствѣ поселеніе русскихъ совершилось уже на памяти исторіи. Его можно слѣдить частью по извѣстіямъ лѣтописей, частью по памятникамъ юридическимъ и по преданіямъ и воспоминаніямъ самого народа. Здѣсь, кромѣ того, до сихъ поръ еще сохранились въ большей или меньшей чистотѣ остатки туземнаго населенія, и при томъ на разныхъ степеняхъ сближенія ихъ съ русскимъ племенемъ, Въ то время, какъ одни инородческія племена живутъ еще густыми массами, въ которыя мало проникла русская колонизація, и оттого яснѣе хранятъ на себѣ физіологическія особенности своего типа, свой бытъ и память о прежнихъ вѣрованіяхъ, — другія, уже подвергшись растворяющему дѣй-

ствію русской народности, со всѣхъ сторонъ охваченныя русскими поселеніями, являются въ отдѣльныхъ небольшихъ группахъ, раздѣленныхъ одна отъ другой широкими полосами русскихъ колонистовъ; третьи, наконецъ, представляютъ собою малочисленные осколки нѣкогда сильныхъ племенъ, остающіеся только какъ бы за тѣмъ, чтобы служить доказательствомъ ихъ существованія, обозначать предѣлы ихъ древняго распространенія.

Сѣверо-восточная часть Россіи занята преимущественно племенами финскаго, монгольскаго и татарскаго происхожденія. На крайнемъ сѣверо-востокѣ тянутся, простираясь далеко за предѣлы европейской Россіи, племена самоѣдскія и народы югорскіе, къ которымъ причисляютъ вогуловъ и остяковъ; въ судьбѣ этихъ народовъ, въ ихъ происхожденіи много загадочнаго. Тамъ и здѣсь являются племена, о которыхъ спорятъ изслѣдователи, не зная, къ которой изъ великихъ вѣтвей отнести ихъ. По древности обитанія, по сравнительной важности, первое мѣсто принадлежитъ племени чудскому или финскому. Самое общее названіе чрезвычайно неопредѣленно; еще неопредѣленнѣе его подраздѣленіе. Раздѣлять на племена собственно финскія, пермскія и волжскія принято извѣстнѣйшими нашими этнографами; этимъ удовлетворяется только первая потребность систематизировать, намѣтить, хотя внѣшнимъ поверхностнымъ образомъ, раздѣльныя линіи между племенами, родственными по языку и происхожденію, какъ-нибудь сгруппировать многочисленныя вѣтви, идущія, очевидно, отъ одного корня, но разошедшіяся уже весьма далеко другъ отъ друга, принадлежащія къ одной семьѣ, но во многомъ уже различныя. Даже и въ этой внѣшней группировкѣ согласны далеко не всѣ этнографы. Болѣе точнаго опредѣленія можно ждать развѣ только отъ дальнѣйшихъ изысканій, отъ болѣе полнаго и всесторонняго изученія этого племени и занимаемой нѣкогда имъ мѣстности. Тогда, быть можетъ, нѣсколько прояснятся, хотя въ общихъ чертахъ, историческія судьбы его.

Финское или чудское племя — будемъ называть его этимъ общимъ, болѣе прочихъ принятымъ именемъ — мало чѣмъ заявило свое право на имя народа историческаго. Въ лѣтописяхъ другихъ народовъ встрѣчаются рѣдкія о немъ упоминанія. Хотя Тацитъ уже знаетъ финскія племена, и у Іорнанда находимъ даже перечисленіе главныхъ племенъ, изъ которыхъ всѣ встрѣчаются въ нашихъ лѣтописяхъ и многія существуютъ до сихъ поръ, но изъ народныхъ преданій трудно извлечь что-нибудь опредѣленное. Два пункта болѣе другихъ обозначаются въ таинственномъ сумракѣ, скрывающемъ судьбу финскаго племени. Съ одной стороны — племена нынѣшней Финляндіи, съ замѣчательнымъ развитіемъ народной поэзіи, съ религіознымъ эпосомъ Калевалы, съ ясными остатками поэтически выработанной миѳологіи. Тонкое пониманіе сущности поэзіи слышно во всѣхъ пѣсняхъ финляндцевъ. Трудно въ болѣе граці-

озномъ образѣ высказать мысль объ истинномъ источникѣ поэтическаго вдохновенія, какъ высказалась она въ пѣсни о мальчикѣ и Маналайнетѣ, которую приводитъ Кастренъ въ своихъ „Reiseerinnerungen". Но какой-то глубокой, неисходною скорбью отмѣчена каждая дума фина; грусть, снѣдающая сердце, составляетъ отличительную черту его характера. Эта грусть возвышаетъ его иногда до высокаго героизма, но въ самомъ героизмѣ проглядываетъ безвѣріе въ будущность. Внутренняя созерцательность, сосредоточеніе въ самомъ себѣ — вотъ существенное отличіе фина отъ племенъ, его окружающихъ; но кто скажетъ, гдѣ таится причина этой всегдашней пасмурности, въ самой ли природѣ племени, въ историческихъ ли его обстоятельствахъ? Съ другой стороны—не менѣе загадочная страна Біармія, игравшая такую важную роль въ разсказахъ о похожденіяхъ скандинавскихъ викинговъ. Великая Пермь, украина финскаго міра, тянувшаяся отъ Бѣлаго моря до Уральскихъ горъ, не даромъ славилась въ скандинавскихъ сагахъ. Арабскіе писатели знаютъ ее также, правда, кажется, только по имени. Въ русскихъ лѣтописяхъ записаны походы туда новгородскихъ удальцовъ и мирныя торговыя сношенія съ нею великаго Новгорода. Если ничѣмъ положительно нельзя доказать дѣйствительнаго существованія сильныхъ, самостоятельныхъ князей біармійскихъ, о которыхъ говорятъ сѣверныя саги, если разсказы о богатствахъ храмовъ Біарміи, расхищенныхъ викингами, и преувеличены, тѣмъ не менѣе трудно отвергать довольно высокую степень матеріальнаго развитія, которымъ пользовалась эта страна, ея обширныя торговыя сношенія. Съ исхода IX вѣка, когда Отеръ разсказывалъ Альфреду Великому о своемъ знакомствѣ съ біармійцами на сѣверной Двинѣ, до начала XIII столѣтія идутъ положительныя извѣстія о торговлѣ скандинавовъ съ Біарміею. Св. Стефанъ Пермскій нашелъ въ Перміи богатые храмы и множество идоловъ, обвитыхъ тонкими пеленами. Извѣстіе саги о храмѣ Іомалы въ нѣкоторой степени подтверждено неоспоримымъ свидѣтельствомъ русскаго святителя. Самая форма идола, какъ описываютъ ее баснословные разсказы сагъ, сходна съ тѣми безобразными каменными изваяніями, которыя во множествѣ встрѣчаются подъ именемъ каменныхъ бабъ въ Сибири и по юго-востоку Россіи. Чаша, которую видѣли викинги на его колѣняхъ, виднѣется почти на каждой каменной бабѣ. Металлическими находками, во множествѣ отрываемыми въ предѣлахъ Пермской губерніи, доказывается обширная торговля и богатство жителей. Если драгоцѣнныя вещи не носятъ на себѣ ясныхъ указаній на мѣсто и время своего происхожденія, то монеты являются на помощь изслѣдователю. Пермской губерніи принадлежитъ находка древнѣйшихъ магометанскихъ монетъ, встрѣчающихся въ Россіи. Кладъ, вырытый въ 1846 г., въ имѣніи гр. Строганова, состоялъ изъ сосудовъ и монетъ, двумя съ половиною столѣтіями старше древнѣйшихъ монетъ, находимыхъ въ Россіи. Въ 1851 г. въ министерство

внутреннихъ дѣлъ доставленъ былъ другой кладъ изъ южной части Пермской губерніи, состоявшій изъ драгоцѣнныхъ вещей и монетъ скандинавскихъ, византійскихъ и индобактрійскихъ, начиная съ половины V вѣка и оканчивая началомъ VII столѣтія. Какимъ же путемъ образовалось это промышленное, торговое племя, это богатое государство Финское? Отвѣта на это нѣтъ въ исторіи; не узнаете объ этомъ и отъ прямыхъ потомковъ древнихъ біармійцевъ, отъ зырянъ и пермяковъ, живущихъ въ числѣ 123,000 въ предѣлахъ губерній: Архангельской, Вологодской, Пермской и Вятской. Въ бѣдной жизни выродившихся потомковъ ничто не напоминаетъ прежняго матеріальнаго благосостоянія, и, кромѣ немногихъ разсказовъ о мѣстныхъ богатыряхъ, едва ли найдемъ что-нибудь въ ихъ преданіяхъ. Остаются однѣ могилы, въ которыхъ долженъ искать отвѣта на свои вопросы пытливый изслѣдователь. Если такъ мало положительныхъ свѣдѣній объ исторіи двухъ болѣе другихъ извѣстныхъ финскихъ племенъ, что же сказать объ остальныхъ!?

Трудно опредѣлить крайніе предѣлы, до которыхъ простиралось нѣкогда финское племя. Недостатокъ прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ можно дополнять только болѣе или менѣе вѣроятными соображеніями. Сѣверная полоса европейской Россіи, безъ всякаго сомнѣнія, была занята финскимъ племенемъ, которое отдѣлялось отъ береговъ Ледовитаго океана скитальческими родами лопарей и самоѣдовъ. На югъ она простиралась несравненно далѣе, чѣмъ можно судить по существующимъ теперь остаткамъ. Ока принадлежала, уже по лѣтописнымъ извѣстіямъ, къ міру финскому, но она едва ли была крайнимъ предѣломъ финскаго племени по направленію къ юго-западу. По крайней мѣрѣ финскія названія мѣстностей встрѣчаются даже на правомъ берегу Днѣпра. Еще дальше шло финское племя по направленію къ юго-востоку; но здѣсь еще труднѣе обозначить даже приблизительные его предѣлы. Не говоримъ о финскомъ элементѣ въ древней Скиѳіи; не говоримъ о неразгаданномъ до сихъ поръ государствѣ Хазарскомъ, въ которомъ Френъ хочетъ доказать чудское происхожденіе жителей, и гдѣ, по крайней мѣрѣ, можно предположить и часть финовъ въ числѣ другихъ племенъ, составлявшихъ, подъ верховною властью турецкаго племени и Хакана еврейской вѣры, довольно странное политическое цѣлое. Новыя изысканія неожиданно представляютъ нѣкоторыя данныя замѣчательной важности. Въ 1807 г. въ двухъ селеніяхъ Нуринскаго уѣзда въ Закавказьѣ оказалось малочисленное племя, называющее себя удины, по языку не имѣющее никакого сходства съ извѣстными племенами Кавказа. Географическое Общество, такъ неутомимо собирающее этнографическія свѣдѣнія, обратило вниманіе на это забытое племя. Послѣ напрасныхъ попытокъ объяснить языкъ удиновъ языкомъ другихъ кавказскихъ и закавказскихъ племенъ, Общество разослало словарь удинскій по губерніямъ восточной Россіи, и тогда оказалось сходство удинскихъ словъ съ словами языковъ мордвы

и вотяковъ. Фактъ необыкновенно замѣчательный. Мордва—одно изъ самыхъ южныхъ племенъ чисто финскихъ, сохранившихся отъ глубокой древности до нашего времени. Вотяки называютъ себя *уды, удъ-муртъ;* послѣднее слово сложное: *муртъ* значитъ человѣкъ. Племенное названіе „удъ" оказывается общимъ и для финскаго племени Вятской и Казанской губерніи, и для заброшеннаго въ Закавказьѣ неизвѣстнаго народца; но названіе удовъ встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ. Оно напоминаетъ собою древнее племя, упоминаемое Страбономъ, около рѣки Кумы, впадающей въ Каспійское море, и названіе многихъ мѣстностей въ Сибири: рѣку Уду, Удинское, Удскій округъ и т. д. Сходство же языка закавказскихъ удиновъ съ вотяками-удами уже и теперь можетъ быть признано и можетъ быть подтверждено дальнѣйшимъ изученіемъ и сличеніемъ обоихъ нарѣчій. Этимъ и, кромѣ того, наблюденіями надъ физическими свойствами и бытомъ удиновъ вполнѣ можетъ быть доказано ихъ финское происхожденіе, но тѣмъ и должно ограничиться. Рѣшить вопросъ, составляютъ ли удины осколокъ нѣкогда бывшаго на Кавказѣ исконнаго поселенія финовъ, или, оторванные отъ главной массы финскаго племени, они были увлечены за предѣлы Кавказа какимъ-нибудь великимъ народнымъ движеніемъ и составляютъ остатокъ пришельцевъ среди чуждаго туземнаго населенія?—этотъ вопросъ можетъ рѣшить только какая-нибудь счастливая случайность. Та и другая гипотеза можетъ одинаково оправдаться. Шли же фины подъ знаменами Атиллы, переселились же совершенно мадьяры отъ Урала въ древнюю Паннонію. Мы должны признать нѣкогда бывшее движеніе въ мірѣ финскомъ: переходы и выселенія предшествовали тому состоянію, въ которомъ находимъ мы въ настоящее время представителей этого племени. Отъ настоящаго ихъ быта далеко нельзя еще дѣлать посылокъ къ быту древнѣйшему. Современное состояніе — слѣдствіе исторіи, а памятники говорятъ о нѣкогда бывшей, сравнительно высшей степени развитія, съ которой сошли или были сведены племена восточныхъ финовъ. Далеко на юго-востокъ азіатской Россіи тянулись слѣды ихъ пребыванія. Чудскія могилы, по Уралу и Алтаю, доказываютъ существованіе тамъ племени промышленнаго; чеканныя вещи изъ драгоцѣнныхъ металловъ, остатки древнихъ копей говорятъ о работахъ, къ которымъ неспособны племена, живущія теперь въ этихъ мѣстахъ. Въ Саянскихъ горахъ, по замѣчанію Кастрена, до сихъ поръ живутъ малыя финскія племена, окруженныя племенами монгольскими и турецкими. Въ настоящее время, въ мѣстахъ, нѣкогда несомнѣнно занятыхъ племенами финскими, мы находимъ народы или совершенно чуждаго или смѣшаннаго происхожденія. Названіе остяковъ, которое заимствовали мы отъ татаръ - монголовъ для обозначенія народовъ Западной Сибири, точно такое же неопредѣленное названіе, какъ и названіе скиѳовъ. Какъ скиѳъ, остякъ значитъ человѣкъ чуждаго, варварскаго происхожденія. Подъ этимъ общимъ неопредѣленнымъ име-

немъ скрываются племена совершенно различныя. Сургутскіе остяки не понимаютъ рѣчи остяковъ обдорскихъ и березовскихъ. Многіе уже приняли на себя черты и языкъ монгольскаго племени: здѣсь, по многимъ указаніямъ, должно искать нѣкоторыхъ племенъ, уже исчезнувшихъ изъ исторіи.

За движеніемъ финскихъ племенъ отъ востока къ западу, изъ древней ихъ родины, должно признать частыя обратныя движенія нѣкоторыхъ племенъ отъ запада на востокъ. Югра исчезла изъ исторіи, ея остатковъ нѣтъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должно, по согласнымъ историческимъ свидѣтельствамъ, помѣстить ея пребываніе. Югру знали новгородцы въ XI вѣкѣ. Смѣлые промышленники заходили съ товарами въ ущелья Урала и выносили оттуда полубаснословныя преданія о народахъ, заключенныхъ въ каменныхъ твердыняхъ. Народное воображеніе признало въ нихъ тѣ нечистые народы, которыхъ загналъ въ горы Александръ Македонскій и до конца міра замкнулъ ихъ неразрушимыми стѣнами. Арабы также много чудныхъ разсказовъ слышали объ этомъ народѣ, когда проѣзжали къ камскимъ болгарамъ. Но рядомъ съ этими баснословными преданіями идутъ положительныя свѣдѣнія. И русскіе, и болгары вели мѣновую торговлю съ Югрой: русскій лѣтописецъ и арабскіе путешественники почти въ однихъ словахъ описываютъ ее. Въ XII вѣкѣ мы видимъ Югру уже данницею новгородцевъ. Но югорщина или югорская дань не даромъ доставалась Новгороду; она получалась однюю только вооруженною силой послѣ упорной борьбы съ югорскими князьями, въ которой не разъ гибли дружины новгородскія съ XII до XIV столѣтія. Въ XV вѣкѣ Югра еще не была покорена окончательно. Только овладѣвъ Новгородомъ и его владѣніями, удалось московскому государю записать въ свой титулъ имя государя югорскія земли. Въ 1485 году былъ еще большой походъ воеводъ московскихъ на Югру. Но съ тѣхъ поръ начинаетъ исчезать родовое названіе Югры. Уже въ „Большомъ Чертежѣ“ XVI столѣтія, гдѣ перечислены города югорскіе, это названіе прилагалось весьма къ ограниченному пространству. Въ XVII столѣтіи Югра исчезаетъ совершенно. По сю сторону Урала и на Уралѣ нѣтъ и слѣдовъ ея. Осталось имя въ титулѣ русскаго императора, да память о происхожденіи отсюда воинственныхъ венгровъ. Самоѣды на сѣверѣ, вогулы на югѣ занимаютъ мѣсто, гдѣ нѣкогда обитала Югра, но то и другое племя положительно отличается отъ нея русскими, знавшими близко и тѣхъ и другихъ. У самихъ вогуловъ сохранились преданія объ ихъ переселеніи съ запада къ Уралу и далѣе за Уралъ. Они могли занять мѣста, оставленныя035Юграми, и слились съ остатками этого племени, тогда какъ его главная масса отодвинулась далѣе, и дѣйствительно нѣкоторые изслѣдователи въ разсѣянныхъ остяцкихъ племенахъ по Оби, Иртышу, Кондѣ видятъ потомковъ вытѣсненной съ Урала Югры.

Слѣдствіемъ всѣхъ такихъ народныхъ движеній и было появленіе тѣхъ

смѣшанныхъ племенъ, которыхъ не знаютъ, къ какой вѣтви отнести. Но здѣсь также трудно сказать что-нибудь достовѣрно. Оставляя въ сторонѣ племена сибирскія и древнихъ болгаръ волжскихъ и камскихъ, укажемъ на ближайшіе примѣры. Въ XVI столѣтіи является въ первый разъ имя чувашъ въ русскихъ лѣтописяхъ; оно неизвѣстно также и восточнымъ историкамъ, хотя русскіе давно и хорошо знали Поволжье, еще болѣе извѣстное мусульманскимъ писателямъ. Первое этнографическое обслѣдованіе этого племени привело къ заключенію о финскомъ происхожденіи чувашъ, изученіе языка показало въ немъ напротивъ тюркскую стихію. Какое древнее племя скрывается подъ очевидно новымъ именемъ чувашъ, объ этомъ идетъ споръ, рѣшенія котораго трудно ожидать скоро. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, можно утѣшиться тѣмъ, что есть возможность рѣшенія. 429,000 чувашъ живутъ въ восточной Россіи, и и какъ ни сильно подчинились они уже вліянію христіанства и русской народности, какъ ни затеряны воспоминанія объ ихъ языческомъ бытѣ, простымъ изученіемъ можно до нѣкоторой степени возстановить первоначальный типъ. Другому загадочному племени, вѣроятно, суждено исчезнуть, не давъ отвѣта на поздніе запросы: 4,500 бесермянъ обоего пола живутъ среди вотяковъ, татаръ Вятской губерніи. Они размѣщены небольшими группами на далекомъ разстояніи другъ отъ друга, какъ бы затерявшись среди вотяко-татарскихъ поселеній. До сихъ поръ они не обратили на себя вниманія этнографовъ и уже успѣли утратить одинъ изъ вѣрнѣйшихъ признаковъ происхожденія — языкъ. Бесермяне уже приняли христіанство или исламъ, говорятъ по-вотяцки или по-татарски, тогда какъ еще въ 1770 г. между ними было довольно шаманскихъ идолопоклонниковъ. Полтора милліона вотяковъ еще живутъ въ предѣлахъ европейской Россіи, говоря своимъ нарѣчіемъ, храня еще много въ своей памяти изъ древняго быта, а уже и теперь трудно прочесть что-нибудь въ ихъ воспоминаніяхъ, сдѣлать изъ изслѣдованія современнаго быта какіе-нибудь положительные выводы объ историческихъ судьбахъ этого таинственнаго племени.

II.

Густыми массами занимали племена финскія сѣверо-востокъ европейской Россіи. Сколько можно судить по отрывочнымъ извѣстіямъ русскихъ лѣтописей, они никогда не могли составить прочнаго государственнаго организма. Множество князей финскихъ мы знаемъ по именамъ; но это были, по всей вѣроятности, или племенные старѣйшины, или предводители отдѣльныхъ дружинъ, образовавшихся вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ. Единственное племя, которое положительно опередило другихъ въ политическомъ развитіи, въ которомъ замѣтны болѣе живые слѣды устройства гражданскаго—это волжскіе булгары и буртасы. Здѣсь были

города съ болѣе или менѣе осѣдлымъ населеніемъ, здѣсь была центральная власть, по крайней мѣрѣ у булгаръ, торговля и т. д. Принятіе этими племенами исламизма еще болѣе сплотило эти начала гражданственности, приведя въ частыя сношенія съ калифатомъ Багдадскимъ. Къ сожалѣнію, этнографическіе элементы земли волжскихъ булгаръ и буртасовъ далеко еще не изслѣдованы. Развалины городовъ булгарскихъ большею частью уже исчезли съ лица земли. Сосѣдніе помѣщики и крестьяне разнесли камни для своихъ строеній. Вещи изъ драгоцѣнныхъ металловъ пошли въ плавильный горшокъ, желѣзныя и мѣдныя пропали совершенно безъ всякаго слѣда. Лѣтъ 80 тому назадъ Рычковъ еще видѣлъ въ Билярскѣ каменный столбъ, полуразрушенный жителями, но еще имѣвшій слишкомъ 5 аршинъ высоты, и остатки другихъ зданій. Теперь не найдется ничего. Самые болгары, болѣе другихъ извѣстные, изслѣдованы поверхностно, и археологическихъ раскопокъ еще не было произведено. Буртасы оставили память только въ мѣстныхъ названіяхъ рѣки *Буртасъ* и многихъ селеній того же имени. Была ли это мордва племени мокши, какъ думаетъ Савельевъ, нужно ли искать въ новыхъ чувашахъ древнихъ буртасовъ, какъ хотѣлъ бы доказать покойный Сбоевъ, или это какое-нибудь неизвѣстное племя, не рѣшено. Принятію исламизма и сравнительно высшей степени гражданскаго развитія должно приписать бо́льшую крѣпость въ защитѣ своей самостоятельности, какую мы видимъ въ булгарахъ; и во всякомъ случаѣ ихъ нельзя сравнивать съ другими финскими племенами, хотя безспорно, что бо́льшая часть финовъ-инородцевъ Казанской губерніи утратила подъ чуждымъ владычествомъ многое изъ своихъ народныхъ особенностей. Въ нынѣшней мордвѣ и черемисахъ трудно узнать тѣхъ своевольныхъ необузданныхъ язычниковъ, которые такими опустошительными набѣгами мстили князьямъ русскимъ за попытку покорить ихъ, которые безпрерывными возстаніями принуждали государство Московское держать здѣсь въ сборѣ постоянное войско, долго спустя послѣ ихъ номинальнаго покоренія. Только администрація конца XVII и XVIII столѣтій придавила ихъ окончательно къ землѣ и заставила ихъ признать свою ничтожность. „Богъ не писарь, — говорилъ чебоксарскій чувашъ, — чтобъ его бояться."

Юго-восточная часть европейской Россіи была занята кочевыми племенами монгольскаго и турецкаго происхожденія. Съ тѣхъ поръ какъ запомнитъ исторія, на обширномъ степномъ пространствѣ отъ Каспійскаго до Чернаго морей, по нижнимъ частямъ Волги, Дона, Днѣпра и Днѣстра смѣнялась одна орда кочевниковъ другою. Уже изъ миѳическихъ преданій грековъ о скиѳахъ можно заключать, что даже эти древнѣйшія племена степей были пришлыми. Съ тѣхъ отдаленныхъ временъ Азія не переставала высылать скитальческихъ сыновъ своихъ. Слѣдить смѣну однѣхъ ордъ другими такъ же трудно, какъ и объяснить себѣ причины исчезновенія однихъ племенъ и появленіе другихъ. Новыя народ-

ныя имена безпрестанно встрѣчаются въ лѣтописяхъ; но не всегда появленіе новаго имени служитъ признакомъ появленія и новаго племени. Очень часто, подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ, племенами, издавна кочевавшими на необозримыхъ равнинахъ, овладѣвали порывъ, жажда дѣятельности; они соединялись, образовывали новую народность, или, по крайней мѣрѣ, подъ новымъ именемъ кровью и опустошеніями оставляли надолго въ памяти осѣдлыхъ народовъ слѣды своего существованія. Столь же случайно исчезали, какъ и возникали, эти не имѣющія историческаго оправданія азіатскія государства. Составившись изъ разнородныхъ элементовъ, ничѣмъ не связанныхъ въ крѣпкій политическій организмъ, они распадались потомъ на свои составныя части, готовыя при новомъ возбужденіи образовать подъ инымъ уже именемъ новыя соединенія. Видимъ постоянное движеніе въ мірѣ азіатскихъ варваровъ; но это движеніе не влечетъ за собою возникновенія новыхъ формъ быта, не есть движеніе поступательное: смѣняются имена, характеръ дѣятелей остается тотъ же. За гуннами слѣдовали авары, ихъ смѣнили хазары, печенѣги, половцы, татары. Одни изъ нихъ проходили черезъ юго-восточную равнину Россіи, слѣдуя въ своемъ опустошительномъ шествіи далѣе къ западу и пытаясь основать прочныя поселенія среди народовъ германскаго происхожденія; другіе до конца своего историческаго существованія оставались въ приволжскихъ степяхъ южной Россіи, распространяя предѣлы степи на счетъ осѣдлаго славянскаго населенія. Ни одинъ изъ этихъ народовъ не создалъ для себя сколько-нибудь правильнаго государственнаго устройства, за исключеніемъ хазаръ, остающихся загадкою для исторіи. Всѣ до конца остались вѣрными основному характеру азіатскихъ кочевниковъ. Даже безсильные, мелкіе остатки кочевыхъ племенъ, вдавшіеся слишкомъ среди осѣдлаго населенія, и тѣ не отреклись отъ прежняго быта; таковы степные народцы, кочевавшіе въ южной части Кіевской губерніи, признававшіе надъ собою власть князей русскихъ. Въ памяти осѣдлаго европейскаго населенія всѣ они являются съ одинаковыми чертами. Для осѣдлаго населенія одинаково тяжело ихъ владычество. Воображеніе народное всѣмъ имъ приписывало одинаковое происхожденіе, всѣхъ ихъ олицетворяло въ созданіяхъ народной фантазіи въ томъ же образѣ враждебной, темной и губительной силы. Названіе новыхъ кочевниковъ въ былинахъ, пѣсняхъ народа безразлично замѣняло всѣ имена прежнихъ ордъ. Змій, съ которымъ бьются богатыри Владиміра, точно также сближался въ народной фантазіи съ татарами, какъ и съ другими выходцами азіатскаго Востока. Даже въ лѣтописяхъ появленіе татаръ описано тѣми же чертами, какъ и первое нашествіе половцевъ. Борьба осѣдлаго славянскаго населенія съ кочевниками подала поводъ къ образованію многихъ народныхъ преданій; но нигдѣ, быть можетъ, смыслъ и ходъ борьбы не высказался въ такомъ поэтическомъ образѣ, какъ въ преданіяхъ польской Украйны. Св. Борисъ и

Глѣбъ, любимыя дѣти Владиміра, рожденные уже отъ христіанскаго брака кіевскаго князя съ болгарскою царевной, спасаютъ осѣдлое населеніе отъ власти страшнаго змія. Мало того, покоряютъ эту страшную темную силу. Впрягши чудовище въ первый плугъ, скованный ими для земли русской, они проводятъ по степи ту исполинскую борозду, которая тянется отъ Прута до Акермана и слыветъ въ народѣ подъ именемъ то Траянова, то Змѣинаго Вала. Дѣйствительно, только христіанскіе потомки любимѣйшаго вождя дружины могли спасти осѣдлое населеніе отъ вѣчной зависимости, отъ кочевыхъ варваровъ и покорить ихъ.

Только съ появленіемъ варяжской дружины и вслѣдъ за нею христіанства начинается первое освобожденіе славянскаго населенія, его распространеніе на сѣверъ и востокъ. До той поры разрозненныя племена славянскія, жившія подъ условіемъ патріархальнаго быта, были легкою добычей для каждой новой орды, явившейся изъ средней Азіи или возникшей въ степяхъ южной Россіи. Поставленныя рядомъ съ племенами финскими, стоявшими съ ними на одинаковой степени развитія, довольно близкими съ ними по формамъ быта, славянскія племена могли подвигаться нѣсколько къ сѣверу, селясь на незаселенныхъ пространствахъ, но имѣть рѣшительное вліяніе даже на племена финскія они не были въ состояніи; предъ воинственными же выходцами Азіи они оставались совершенно беззащитны, покорно принимая налагаемыя на нихъ условія подчиненности. Съ племенами финскими находимъ ихъ рядомъ на первыхъ же страницахъ лѣтописи, и притомъ на правахъ совершенно равныхъ. Перевѣсъ данъ былъ славянскимъ племенамъ появленіемъ среди нихъ дружины варяжской. Правда, въ призваніи этой дружины одинаково участвуютъ и племена финскія; но скоро видимъ ее уже среди племенъ чисто-славянскихъ, въ Кіевѣ. Дружина даетъ племенамъ славянскимъ первое условіе преобладанія, силу, происходящую изъ соединенія. Смѣшно видѣть въ Рюрикѣ, Олегѣ, Игорѣ, Святославѣ государей въ современномъ смыслѣ этого слова, видѣть въ ихъ дѣятельности дѣятельность государственную. Самое понятіе о государствѣ было чуждо этимъ вождямъ сбродной дружины; тѣмъ болѣе чужды были имъ понятія объ администраціи. Но нельзя не признать ихъ великой заслуги предъ будущимъ государствомъ. Своею безпокойною дѣятельностью они расплодили русскую землю, по лѣтописному выраженію; силою оружія впервые соединили племена, жившія до сихъ поръ особо, каждый *родомъ своимъ;* сдержали степныхъ варваровъ, и мечемъ намѣтили границу государственной территоріи. Скоро является и другое условіе, давшее еще большій перевѣсъ племенамъ славянскимъ—христіанство. Оно давно уже извѣстно было на черноморскомъ прибрежьѣ, но быстрое его распространеніе въ глубь сѣвера было слѣдствіемъ появленія этой же дружины. Первые христіанскіе мученики въ Кіевѣ были варяги. Знаменитая Ольга была варяжскаго рода. И здѣсь, какъ въ великомъ дѣлѣ объединенія

племенъ славянскихъ, на первомъ планѣ дружина. И немудрено: дружинникъ скорѣе другихъ могъ отрѣшиться отъ языческихъ заблужденій. Оторванный отъ семьи, отъ племени, даже отъ извѣстной опредѣленной народности, онъ не могъ сохранить крѣпости языческаго вѣроученія, такъ тѣсно связаннаго съ патріархальнымъ бытомъ. Въ сбродной дружинѣ точно такъ же не могло быть опредѣленной религіи, какъ не было опредѣленной національности. Оттого-то нѣтъ слѣдовъ скандинавской миѳологіи на Руси, хотя варяжская дружина пришла безспорно съ скандинавскаго сѣвера и господствующій элементъ въ ней, по крайней мѣрѣ, при ея первомъ появленіи, былъ скандинаво-германскій. Оттого-то Владиміру такъ легко было понять несостоятельность языческаго вѣроученія и отречься отъ него. Въ сагѣ Олава святого находится любопытное доказательство утраты вѣры Владиміромъ въ то еще время, когда онъ еще точно исполнялъ всѣ обряды языческаго богослуженія, впрочемъ свойственные не одной только варяжской дружинѣ въ Россіи. Всѣмъ извѣстно, съ какою легкостью принимали христіанство германскія дружины и съ какимъ трудомъ проникло оно въ племена, остававшіяся на мѣстахъ прежняго жительства, подъ условіями древняго быта. Недаромъ въ народѣ русскомъ еще въ XII вѣкѣ ходило убѣжденіе, что вѣнчаться по христіанскимъ обрядамъ нужно только боярамъ, т.-е. старшимъ членамъ дружины, а что простой народъ можетъ довольствоваться прежними языческими обрядами, обливаніемъ и т. п.

Одновременное почти появленіе на берегахъ Днѣпра варяжской дружины, пришедшей съ сѣвера, и христіанства вывело племена славянъ восточныхъ на новый путь. Обладая двойною силою матеріальнаго и духовнаго соединенія начали они наступательное движеніе въ глубь племенъ чуждыхъ, и чѣмъ крѣпче становилось это внутреннее единство, чѣмъ болѣе уступали формы древняго патріархальнаго быта новымъ формамъ государственнымъ, чѣмъ глубже проникало христіанство въ народное сознаніе, тѣмъ успѣшнѣе было это распространеніе славянскаго племени и тѣмъ многозначительнѣе становились его результаты. Послѣднее изверженіе азіатскихъ кочевниковъ изъ глубины Востока, на время сдержавъ его, не могло, однако же, остановить его навсегда. Внутреннее развитіе государственныхъ стремленій и христіанство не были сокрушены монголами, а, одолѣвъ это послѣднее напряженіе азіатскаго міра, Русь, представительница христіанской Европы, тѣмъ быстрѣе пошла къ окончательной побѣдѣ. По самому свойству своему, дружина не могла оставаться въ бездѣйствіи. Уже первый ея предводитель, Рюрикъ, не остался въ Новгородѣ. По народнымъ преданіямъ, онъ погибъ въ Карелѣ. При Владимірѣ всѣ племена славянъ восточныхъ признали уже власть князя кіевскаго, служили одной волѣ, которая могла двинуть ихъ силы по извѣстному направленію. Но въ какую же сторону могли быть они направлены, куда обратится наступательное движеніе соединенныхъ племенъ?

Первое движенiе дружины варяжской, располагавшей судьбой славянъ восточныхъ, было къ той же завѣтной цѣли, которая такъ неодолимо влекла къ себѣ всѣ дружины, къ Римской имперiи, т.-е. къ восточной ея половинѣ, еще уцѣлѣвшей отъ варварскаго погрома. Олегъ, Игорь, Святославъ, Владимiръ рвутся къ Византiи. Но Византiйская имперiя располагала еще огромными средствами. Примѣръ Святослава лучше всего доказалъ это. Отъ Византiи, кромѣ того, отдѣляли Русь степныя низовья Днѣпра и береговъ Чернаго моря — вѣковой притонъ азiатскихъ кочевниковъ. Не было возможности ни покорить эти скитающiяся орды и очистить свободное сообщенiе съ Грецiей, ни сорвать съ почвы всѣ осѣдлыя земледѣльческiя племена русскихъ славянъ, чтобы всею массой двинуть ихъ на Византiю. Переселенiя осѣдлыхъ племенъ цѣлыми массами совершаются только подъ условiемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, а этихъ обстоятельствъ не было. Отдѣльнымъ же дружинамъ не сломить было Восточной имперiи, хотя бы въ челѣ дружины стоялъ Святославъ. Дружины князей кiевскихъ изъ своихъ походовъ въ Грецiю вынесли одно сокровище — христiанство. На юго-западѣ также было сильное препятствiе наступательному движенiю славянъ русскихъ. Тамъ были государства Польское и Венгерское, уже болѣе крѣпкiя въ своемъ политическомъ составѣ и при томъ опиравшiяся на католическую Германiю. Оставался просторъ и свобода дѣйствiя по направленiю къ сѣверу и сѣверовостоку, потому что открытыя безлѣсныя степи юго-востока Россiи не могли манить къ себѣ земледѣльческое населенiе: тамъ никогда не было полной безопасности отъ кочевниковъ. Области Черниговская, Переяславская, Курская всегда были подвержены частымъ набѣгамъ степныхъ варваровъ. Совсѣмъ иное было на сѣверо-востокѣ: въ области верхней Волги, въ области Ростова и Суздаля финскiя племена, жившiя тутъ давно, были въ тѣсной связи съ славянами. По всей вѣроятности, ростовская меря, вмѣстѣ съ новгородскими славянами, призвала князей варяжскихъ, по крайней мѣрѣ, тамъ мы находимъ уже посадника Рюрикова. При обширности области, при ея малонаселенности, здѣсь было мѣсто для русскихъ поселенцевъ. Сюда обратился первый притокъ русскаго населенiя. Заселенiе областей, строенiе городовъ было одною изъ первыхъ заботъ князей русскихъ. Всѣ они чувствовали, что это одно изъ первыхъ условiй силы и безопасности. Всѣми силами поэтому старались князья русскiе привлекать населенiе въ свои волости. Василько Ростиславичъ мечталъ даже силою переселить въ свою область болгаръ дунайскихъ. Знаменитый Даниилъ Романовичъ привилегiями привлекалъ въ Галицкое княжество переселенцевъ изъ сосѣднихъ западныхъ государствъ, даже евреевъ, армянъ и т. д. Тѣмъ болѣе должны были заботиться о привлеченiи переселенцевъ князья, которымъ доставалось владѣть землей Ростовскою. Юрiй Долгорукiй, Андрей Боголюбскiй преимущественно отличались этимъ стремленiемъ. Извѣстна привязанность Андрея Боголюбскаго къ бѣдной

области Ростовской. Для новаго Владиміра Клязьменскаго онъ пренебрегъ старѣйшимъ городомъ, матерью городовъ русскихъ, Кіевомъ. Охотно шли сюда жители другихъ княжествъ. Правда, природа верхняго Поволжья, средняго и нижняго теченія Оки бѣднѣе природы Малороссіи; но другія выгоды уравнивали положеніе земли Ростовской: сюда не достигали набѣги половцевъ или литовцевъ. Въ теченіе 173 лѣтъ, протекшихъ послѣ смерти Ярослава Владиміровича, однихъ большихъ половецкихъ набѣговъ было 37, а они были часты на югѣ. За далекую волость шло мало усобицъ. Князья тѣснились быстро къ Кіеву, бились за право владѣть Переяславлемъ, Туровомъ, Владиміромъ-Волынскимъ, и съ презрѣніемъ смотрѣли на одинъ изъ младшихъ столовъ на Руси. Умная распорядительность князей суздальскихъ довершила остальное. Въ первой четверти XIII вѣка въ княжествѣ Суздальскомъ считалось уже 20 городовъ. Здѣсь сбиралось русское населеніе, мѣшалось съ финскими туземцами, подчинившимися съ принятіемъ христіанства сильному вліянію русской народности. Когда Кіевъ окончательно утратилъ свое значеніе послѣ татарскаго разгрома, княжество Владимірское сдѣлалось главнымъ среди другихъ княженій. Перенесеніе митрополіи еще болѣе придало значенія, перенеся съ юго-запада на сѣверо-востокъ центръ духовнаго управленія; и когда около Москвы начали сосредоточиваться всѣ области сѣверо-восточной Руси, то отсюда началось дальнѣйшее распространеніе русской колонизаціи. Поселеніе русскаго населенія въ Ростовской землѣ среди мери и другихъ финскихъ племенъ шло путемъ мирнымъ. По крайней мѣрѣ въ лѣтописяхъ мы не находимъ извѣстій о насильственномъ покореніи туземцевъ. Оружіемъ открывалась дорога русской колонизаціи внизъ по теченію Волги, и то, впрочемъ, строеніе Костромы, Юрьевца-Поволжскаго и даже Нижняго, городовъ, поставленныхъ на главныхъ изгибахъ рѣки и при впаденіи въ нее значительныхъ притоковъ, обошлось безъ особенныхъ усилій. Здѣсь при дальнѣйшемъ распространеніи грозило сильное сопротивленіе въ мусульманскомъ царствѣ волжскихъ булгаръ. По всей вѣроятности, это сопротивленіе было бы сломлено, но татары, предъ которыми пали и булгары и Владиміръ-Клязьменскій, остановили дальнѣйшее распространеніе русскихъ племенъ къ востоку внизъ по Волгѣ.

Еще прежде, чѣмъ путемъ мирнаго населенія заняли русскіе колонисты землю Ростовскую, открывались оружіемъ другіе пути по сѣверовостоку для русскихъ поселеній. Въ землю Ростовскую шли поселенцы изъ южныхъ княжествъ, на Сѣверную Двину, на Вятку, на Каму и ихъ притоки шли промышленники изъ Новгорода Великаго, и мы должны обратить вниманіе на разселеніе изъ этой мѣстности, потому что оно носитъ нѣсколько иной характеръ. Страна, простирающаяся по ту сторону уваловъ, въ Заволочьѣ, область Сѣверной Двины, Камы и ея притоковъ, очевидно, не могла представлять тѣхъ удобствъ для земледѣльческихъ

поселеній, какія представляла область верхней Волги, Ростова Великаго. Необозримые лѣса тянутся и теперь еще отъ сѣверныхъ частей Костромской губерніи къ Бѣлому морю, по тундрамъ береговъ Сѣвернаго океана съ одной стороны; на востокъ—къ Уралу, съ другой. Въ земледѣліи не могъ найти поселенецъ обезпеченія своихъ потребностей. Звѣроловныя финскія племена вели бродячую жизнь въ дремучихъ лѣсахъ или жили небольшими поселеніями по берегамъ рѣкъ. Въ ихъ характерѣ было болѣе дикости, чѣмъ въ тѣхъ народцахъ, которые жили въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ славянами. Пермяки, вогулы, югра не отличались уступчивостью. Безнаказанно они не допускали селиться между собою чужеродцамъ; мѣсто между ними должно было добыть съ оружіемъ въ рукахъ. Сюда, впрочемъ, шли и русскіе изъ иной мѣстности и не съ тѣми цѣлями, съ какими стекалось русское населеніе въ области верхней Волги. Сюда манило богатство пушныхъ товаровъ, которые дорогою цѣной сбывались иностраннымъ торговцамъ; отсюда шло серебро закамское. Мѣха сѣверной Россіи одинаково славились и на Западѣ и на Востокѣ, за ними пріѣзжали арабскіе купцы въ Итиль и Булгары на Волгѣ. Ихъ требовали отъ новгородцевъ ганзейцы. Немудрено, что рано уже установились сношенія съ страной, доставлявшею такой цѣнный и сильно требующійся предметъ торговли. Съ X вѣка вели мѣновую торговлю съ югрой булгары. Въ XI вѣкѣ имѣемъ разсказъ о югрѣ новгородца, посылавшаго своего отрока на Уралъ для мѣновой торговли съ нею. Рано находимъ мы Заволочье и заволочскую чудь подъ властью Новгорода, рано находимъ и прочныя поселенія новгородцевъ далеко по сѣверо-востоку. Въ характерѣ новгородцевъ были всѣ условія для отважныхъ, рисковыхъ предпріятій. Мѣстное положеніе способствовало развитію духа предпріимчивости въ новгородскомъ населеніи и указало на торговлю, какъ на главное занятіе. Вслѣдствіе особыхъ историческихъ обстоятельствъ, которыя извѣстны каждому, въ Новгородѣ выработалось политическое устройство, развивавшее личную самостоятельность гражданъ. Подлѣ власти князя, безпрестанно смѣнявшагося и потому ничѣмъ особенно не привязаннаго къ Новгороду, кромѣ временныхъ и личныхъ выгодъ, подлѣ этой власти стояла другая власть, ее ограничивавшая, именно власть вѣча и народнаго сановника—посадника. Неопредѣленное отношеніе двухъ властей, очевидно, враждебныхъ другъ другу, отсутствіе правильныхъ всѣми признанныхъ формъ правленія, полная возможность для вскрытія самыхъ противоположныхъ явленій, произволъ, которому давалось широкое мѣсто въ отправленіи общественныхъ дѣлъ, все это подавало безпрестанные поводы къ столкновеніямъ въ городѣ. Конецъ вооружался на другой, одна улица шла грабить другую. Противъ одного вѣча собиралось такъ же законно другое. Въ этихъ смутахъ, если воспитывалось своеволіе, то воспитывалась также и энергія. Неробкое сердце долженъ былъ имѣть тотъ, кто осмѣливался противорѣчить большинству на вѣчѣ, потому что голосъ меньшинства часто смол-

калъ на днѣ Волхова. Промышленныя и торговыя предпріятія новгородцевъ должны были отличаться смѣлостью, если не правильностью и обдуманностью. Колонистъ новгородскій шелъ съ оружіемъ, а не съ плугомъ, готовъ былъ тотчасъ обратиться въ завоевателя, а подчасъ—грабителя. Вѣче и исполнительная власть не могли руководить предпріятіями. Толпы новгородской молодежи шли часто „безъ новгородскаго слова“ искать приключеній и истратить на чужой сторонѣ избытокъ силъ. Каковы были эти искатели приключеній, лучше всего видно изъ лѣтописныхъ разсказовъ объ „ушкуйникахъ“ XIV столѣтія. Ушкуями назывались лодки, на которыхъ разбойничали новгородцы по рѣкамъ. Ушкуйники отправлялись обыкновенно внизъ по Волгѣ грабить города болгарскіе, перехватывать купеческіе караваны, шедшіе изъ Каспійскаго моря къ Сараю или Булгарамъ. Мусульмане подвергались обыкновенно смерти, но при случаѣ ушкуйники мало щадили и купцовъ христіанскихъ. Города русскіе также не всегда бывали безопасны отъ ихъ нападеній. Такъ, въ 1371 году ушкуйники разграбили Кострому и Ярославль. Въ 1375 году они явились на 70 ушкуяхъ снова подъ Костромой подъ начальствомъ какого-то Прокопа. Воевода костромской вышелъ противъ разбойниковъ съ 5,000 человѣкъ, но 1,500 ушкуйниковъ разбили на-голову воеводу, ворвались въ городъ и грабили его цѣлую недѣлю; потомъ поплыли къ Нижнему-Новгороду, ограбили и сожгли его; въ Булгарахъ продали мусульманскимъ купцамъ женщинъ, захваченныхъ въ Костромѣ и Нижнемъ, спустились къ Сараю и дошли до самой Астрахани, грабя все, что попадалось имъ на пути. Только владѣльцу Астрахани удалось обманомъ перебить ихъ. И все это дѣлалось безъ „новгородскаго слова“.

Понятно, какой характеръ должно было носить появленіе такихъ поселенцевъ среди полудикихъ зырянъ, вотяковъ и вогуловъ. Какъ образовались новгородскія поселенія, всего лучше даетъ понятіе разсказъ хлыновской лѣтописи объ основаніи Хлынова или Вятки. Въ 1170 году новгородская вольница спустилась по Волгѣ и утвердилась городкомъ на устьѣ Камы. Отсюда высматривали они, куда отправиться. Услыхавъ о поселеніи чуди на Вяткѣ, они раздѣлились на двѣ партіи. Одна половина пошла по Камѣ и доходила до Чусовскихъ мѣстъ; другая осталась въ городкѣ, перебралась потомъ въ Ченцу и по ней спустилась въ Вятку. Здѣсь на высокой горѣ завидѣла она чудскій городокъ, окруженный глубокимъ рвомъ и валомъ; приготовившись постомъ и молитвою и давъ обѣтъ, въ случаѣ побѣды, выстроить церковь во имя Бориса и Глѣба, удальцы взяли приступомъ чудскій городокъ, переименовали въ градъ Никулицынъ, поставили по обѣщанію церковь и поселились тамъ. Скоро объ ихъ удачѣ дошло и до товарищей ихъ, оставшихся на устьѣ Камы. Тѣ рѣшились, въ свою очередь, попробовать счастья. Поднявшись по Камѣ, они вошли въ устье Вятки и плыли вверхъ по ней до черемисскихъ жилищъ и до городка Кокшарова, которымъ владѣли черемисы. Молитва

Бориса и Глѣба помогла и имъ. На другой день приступа черемисы выбѣжали изъ городка и покорились. Новгородцы прочно утвердились среди вотяковъ и черемисовъ. Но постоянная опасность заставила обѣ части поселенцевъ подумать о выгодахъ общаго поселенія. Посланцы изъ Никулицына и Кокшарова сошлись и общимъ совѣтомъ выбрали мѣсто на высокой горѣ, близъ впаденія въ Вятку рѣки Хлыновицы. Здѣсь рѣшено было срубить городъ, но чудо указало другое мѣсто, ниже перваго, на самой Вяткѣ. Здѣсь и былъ основанъ Хлыновъ. Такъ образовалось первое поселеніе русскихъ на великой рѣкѣ вотяцкой. Буйство и своеволіе новгородской вольницы надолго остались въ характерѣ вятчанъ. Не признавая зависимости отъ митрополіи, только по имени признавая власть и сильныхъ государей московскихъ, Вятка управлялась своимъ ватаманомъ и выборнымъ, служила постояннымъ притономъ для бѣглецовъ со всей Руси: „servorum fugitivorum velut asylum quoddam", какъ говоритъ Герберштейнъ. Чѣмъ была Тмутаракань для князей старой южной Руси, тѣмъ становилась Вятка для князей сѣверной Руси. Вятская вольница отзывалась на призывъ каждаго, кто сулилъ ей добычу и деньги. Извѣстно участіе вятчанъ въ борьбѣ Шемяки съ Василіемъ Темнымъ. Какъ совершилось заселеніе Хлынова, такъ совершалось и поселеніе на другихъ мѣстахъ. Безпрестанно Новгородъ высылалъ свою молодежь къ Уральскому хребту для сбора дани съ инородцевъ, для приведенія подъ руку Великаго Новгорода новыхъ данниковъ. Къ сѣверо-востоку же стремились водными путями, или пробираясь черезъ лѣса, промышленныя ватаги; сюда же шли ватаги вольницы. Тѣ и другія одинаково распространяли предѣлы русскаго племени и одинаково открывали новые пути для болѣе мирнаго, осѣдлаго населенія, для христіанства и тѣсно связанныхъ съ христіанствомъ высшихъ формъ быта. Одновременно съ появленіемъ русскихъ на рѣкѣ вотяцкой или даже нѣсколько ранѣе видимъ вооруженныя экспедиціи новгородцевъ на самомъ Уралѣ. Въ 1193 году оружіемъ усмиряетъ Новгородъ своихъ пермскихъ и югорскихъ данниковъ. Шесть лѣтъ спустя, мы читаемъ въ лѣтописи новгородской извѣстіе о новомъ несчастномъ походѣ. Воевода Ядрей повелъ войско съ цѣлью овладѣть пермскими и югорскими городками. Измѣнникъ Савко подалъ мысль югорскимъ князьямъ обманомъ заманить къ себѣ лучшихъ мужей новгородскихъ и перебить ихъ. Только 6 недѣль были новгородцы въ Югрѣ, и два года продолжалась экспедиція. Большая часть ихъ была перебита югорцами, только 80 человѣкъ воротились въ Новгородъ, перенеся не даромъ неслыханныя бѣдствія, „и не бяше вѣсти черезъ всю зиму въ Новѣгородѣ на нé, ни на живы ни на мьртвы, и печаловахуся въ Новѣгородѣ князь и владыки и вьсь Новгородъ". Такой же характеръ имѣютъ и другія экспедиціи; и изъ этого видно, что разсказы о покореніи Перми Новгородомъ должно принимать съ большою осторожностью. Имена пермскихъ князей хорошо извѣстны. Они сохранили свою самостоятельность

даже и по принятіи христіанства. До самаго XV столѣтія мы видимъ частые походы новгородцевъ для усмиренія иноплеменниковъ. Рѣдкія наши поселенія не должны были въ своихъ острожкахъ безпрерывно отбиваться отъ набѣговъ полудикихъ звѣролововъ. Новгородъ дорожилъ своимъ моментальнымъ владѣніемъ только для торговыхъ цѣлей, только какъ средствомъ получать оттуда закамское серебро и дорогіе мѣха. Въ послѣднее время самостоятельности Новгорода князь Иванъ московскій отправилъ въ 1472 году Ѳедора Пестраго съ войскомъ для приведенія Перміи подъ свою высокую руку. Рать московская пришла къ рѣкѣ Черной, спустилась на плотахъ до Айфаловскаго города; тамъ сѣли на коней и пошли къ Искору. Здѣсь встрѣтило ее пермское ополченіе. Имена воеводъ пермскихъ достаточно показываютъ, изъ кого состояло это ополченіе. Ихъ звали Качъ, Бурматъ, Мичкинъ и Зынаръ. Уросъ и Чердынь были взяты московскимъ воеводой. Христіанскій князь пермскій Михайла былъ отосланъ въ Москву. Но потомъ мы все-таки находимъ въ лѣтописяхъ вотчича Великія Перміи князя Матѳія Михайловича, къ которому сохранилось посланіе Симона митрополита. Только въ 1505 г. сведенъ былъ этотъ послѣдній туземный владѣлецъ Перміи, и посланъ туда великокняжескій намѣстникъ князь Василій Андреевичъ Коверъ „первый отъ русскихъ князей", по замѣчанію лѣтописи.

Очевидно, заселенію Перміи должно было предшествовать болѣе сплошное населеніе земель ближайшихъ по рѣкамъ Югу, верховьямъ Сѣверной Двины, Вычегдѣ и Вяткѣ. Татарское нашествіе, остановивъ распространіе русскаго племени на востокъ, внизъ по теченію Волги изъ области Ростовской, содѣйствовало заселенію сѣверо-восточныхъ лѣсовъ, куда не достигали татарскіе набѣги. Спасаясь отъ татарскихъ опустошеній, отъ ханскихъ баскаковъ и численниковъ, отъ поголовной переписи, земледѣльческое населеніе Средней Руси стремилось по путямъ, проложеннымъ промышленными и разбойничьими ватагами новгородцевъ. Въ лѣсахъ сѣверо-восточной части европейской Россіи искали убѣжища и люди благочестивые, глубоко пораженные униженіемъ христіанской Руси предъ языческими выходцами Азіи. Замѣтимъ особенность русскихъ поселеній: какимъ бы путемъ ни возникали поселенія, первымъ дѣломъ было строеніе церквей и монастырей. Такъ было при взятіи Новгородскою вольницею Чудьболванскаго и Кокшарскаго городковъ, такъ было повсюду. Распространеніе христіанства всегда шло руку-объ-руку съ распространеніемъ русскаго племени. Монастырь и острожекъ — вотъ два постоянные центра, около которыхъ начинаетъ собираться мирное, осѣдлое населеніе на сѣверо-востокѣ. Если въ большей части случаевъ оружіе прокладывало христіанству путь въ глубину неизвѣстнаго еще Востока, то часто случалось и обратное явленіе: проповѣдь Евангелія приготовляла побѣду русскаго владычества, христіанскій подвижникъ являлся прежде самыхъ первыхъ поселенцевъ. Значеніе монастырей въ великомъ дѣлѣ

распространенія русской народности и гражданственности должно быть оцѣнено по заслугамъ. Къ благочестивому пустыннику, поселившемуся гдѣ-нибудь въ пещерѣ или даже, какъ знаемъ о св. Павлѣ Комельскомъ, въ дуплѣ большого дерева, начинала сходиться братія; являлась потребность храма для отправленія богослуженія, потребность обезпечить пустынно-жителей, и старцы слали къ великому князю просьбу о разрѣшеніи имъ строить монастырь на пустомъ мѣстѣ, въ дикомъ лѣсу, пашни пахать и созывать братію. Монастырь становился центромъ небольшого земледѣльческаго поселенія. Въ стѣнахъ его находили защиту и отдыхъ торговцы и промышленники; въ посадѣ, пріютившемся подъ его стѣнами, открывался торгъ. Вклады *по душѣ* увеличивали земельное владѣніе иноковъ. Монастырь становился вотчинникомъ и сзывалъ со всей Руси охотниковъ селиться на его земляхъ. Какъ понимали и тогда естественныя слѣдствія основанія монастырей, видно изъ того, какъ вооружались иногда буйные сосѣди противъ ихъ построенія. Терпя между собой отдѣльныхъ христіанскихъ подвижниковъ, они разрушали вновь возникавшія обители. Въ житіяхъ св. Димитрія Прилуцкаго, св. Стефана Махрищскаго находимъ ясные примѣры этого. Если бы кто потрудился собрать изъ рукописныхъ сборниковъ житій и чудесъ русскихъ угодниковъ многочисленныя, разсѣянныя тамъ указанія на это вліяніе монастырей русскихъ, на распространеніе первыхъ началъ гражданственности, тотъ оказалъ бы большую услугу русской исторіи, не говоря уже о томъ, что новое раскрытіе этой стороны русскаго подвижничества необыкновенно важно для исторіи русской церкви. Въ житіяхъ же русскихъ святыхъ можно найти и лучшія указанія на первыя трудности поселенія среди чуждыхъ племенъ, на борьбу съ природой, на исторію первыхъ колонистовъ, на состояніе страны въ эпоху ихъ поселеній. Припомню разсказы о дѣятельности иноковъ Соловецкой обители, объ ихъ плаваніяхъ по Бѣлому морю, которые такъ часто встрѣчаются въ житіяхъ и похвалахъ Зосимы и Савватія. Проповѣдь св. Стефана Пермскаго, распространеніе имъ евангельскаго ученія между зырянами и пермяками, быть можетъ, не менѣе новгородскихъ походовъ, содѣйствовали легкому поселенію здѣсь русскаго племени. Мы знаемъ, что присоединеніе великой Перміи къ міру христіанскому совершилось задолго до окончательнаго ея присоединенія къ областямъ русскимъ. Правительство мало имѣло участія въ заселеніи столь далекихъ странъ. Своевольныя поселенія новгородской вольницы, появленіе христіанскихъ обителей предшествовали заселенію правительства. Правительство часто было не въ силахъ дать защиту поселенцамъ, которые, по господствующимъ понятіямъ, занимая пустопорожнія земли, или отнимая ихъ у инородцевъ, тѣмъ не менѣе нуждались въ подтвержденіи правъ на владѣніе со стороны правительства, потому что незаселенныя земли считались собственностью государства. Дѣйствіе правительства ограничивалось признаніемъ правъ поселен-

цевъ на владѣніе занятыми ими землями, подъ условіемъ отправленія извѣстнымъ повинностей, уступкою имъ земель, въ пустѣ лежащихъ, и дачею нѣкоторыхъ льготъ поселенцамъ. Заботиться о населеніи, о защитѣ этихъ земель, было уже дѣломъ самихъ владѣльцевъ. Самыя права на владѣніе не были опредѣлены, потому что не выработались еще сословныя различія. Подъ 1371 годомъ читаемъ въ Нижегородскомъ лѣтописцѣ: „Въ то же время въ Нижнемъ-Новгородѣ былъ гость Тарасъ Петровъ сынъ; больше сего изъ гостей не было; откупилъ онъ полону множество всякихъ чиновъ людей своею казною и купилъ онъ себѣ вотчины у великаго князя за Кудьмою рѣкою, на рѣчкѣ Сундовакѣ, шесть селъ“. Уступка земель, считавшихся государственными, производилась на неопредѣленныхъ показаніяхъ объ ея протяженіи, сдѣланныхъ желавшимъ получить ее. Въ первой грамотѣ, данной Григорію Строганову, въ 1588 г., читаемъ: „Сказывалъ (Григорій), что-де въ нашей вотчинѣ, ниже Великія Перми за 88 верстъ по Камѣ рѣкѣ, по правую сторону Камы съ устья Лысвы рѣчки, а по лѣвую-де сторону Камы, противъ Пускорскіе Курьи, по обѣ стороны Камы, до Чусовыя рѣчки мѣста пустыя, лѣса черные, рѣчки и озера дикія, острова и наволоки пустые, а всего-де того пустого мѣста 146 верстъ“, — и, на основаніи этого „сказывалъ“ уступалось Строгановымъ огромное пространство, съ правомъ суда и съ обязанностью самимъ населять и защищать его. Домашними средствами сдерживали именитые люди возстаніе сосѣднихъ племенъ и прокладывали торговые пути въ глубину Сибири. Зная, въ какомъ невѣдѣніи находилось правительство, даже въ половинѣ XVIII вѣка, относительно положенія отдаленныхъ мѣстностей, относительно числа и состава народонаселенія, мы не будемъ удивляться этому безсилію центральной власти, ея малому участію въ дѣлѣ заселенія русскими выходцами земель инородческихъ. Болѣе прямое вмѣшательство правительства началось съ уничтоженія самостоятельности татарскихъ царствъ на берегахъ Волги. Здѣсь это вмѣшательство вынуждено было необходимостью обезопасить владычество новыми пріобрѣтеніями. Считаю излишнимъ припоминать главные моменты борьбы государей московскихъ съ татарами. Они хорошо извѣстны жителямъ Казани. Укажу только на слѣдствія и на особый характеръ русскихъ поселеній. По Сѣверной Двинѣ, Вяткѣ, верховьямъ Камы, по Чусовой и т. д., русское племя встрѣчалось съ бродячими, звѣроловными племенами финскими, поклонниками грубаго язычества. Только немногіе городки останавливали наступательныя движенія русскихъ поселенцевъ. Разрозненные роды легко уступали мѣсто новымъ пришельцамъ. Вотяки были отодвинуты хлыновцами далѣе къ востоку, къ самымъ верховьямъ Вятки. Пермяки, разрѣзанные поселеніями по Камѣ, также удалились далѣе къ востоку, за Уралъ, или должны были признать зависимость отъ русскихъ. Вогулы постепенно шли къ востоку, уступая мѣсто русскимъ промышленникамъ, и главныя массы

ихъ племени перебрались за Уралъ, куда еще прежде ихъ перешло племя югорское. Подвижность племенъ финскихъ значительно облегчала дѣло колонизаціи. Съ другой стороны, язычество этихъ племенъ не могло оказывать сильнаго сопротивленія христіанству. Смутныя понятія о божествѣ и природѣ, отсутствіе выработаннаго культа условливали легкую побѣду христіанской религіи надъ дѣтскими вѣрованіями туземцевъ. Зыряне и пермяки скоро узнаютъ евангельскую истину и тѣмъ самымъ дѣлаютъ огромный шагъ къ слитію съ племенемъ русскимъ. Область Вятки и верхней Камы покрывается сплошнымъ русскимъ и значительно обрусѣвшимъ христіанскимъ населеніемъ. Болѣе густыя массы вотяковъ упорнѣе другихъ отстаиваютъ свою народность и вѣрованія, потому что уже примыкаютъ къ областямъ Казанскаго царства. Съ инымъ характеромъ являются племена, признававшія надъ собою верховную власть казанскаго царя, племена по среднему теченію Волги, до ея крутого поворота на югъ у Самарской луки. Правда, Волга давала могущественное орудіе для покоренія всего Приволжья. Оттого быстрымъ и неминуемымъ слѣдствіемъ паденія Казани было покореніе Астрахани. Но трудность состояла преимущественно въ подчиненіи племенъ средней Волги вліянію русской народности и русской гражданственности. Вглядываясь въ этнографическую карту Россіи, мы видимъ, что тамъ, гдѣ Волга поворачиваетъ въ степи, въ старыхъ кочевьяхъ Золотой Орды, русское населеніе лежитъ болѣе сплошными массами, оттѣснивъ подвижныя орды кочевниковъ далеко къ востоку и юго-востоку. По среднему же ея теченію, въ губерніяхъ Казанской, южной части Вятской, Пензенской, Симбирской и къ востоку, въ Оренбургской, живутъ въ большей или меньшей чистотѣ отъ русской примѣси племена финскаго и монгольскаго происхожденій: черемисы, чуваши, мордва, татары, башкиры, мещеряки. Причины этому должно искать въ особенномъ положеніи этихъ племенъ. Прежде всего, это уже племена или вполнѣ земледѣльческія, или, по крайней мѣрѣ, вполовину уже осѣдлыя. За исключеніемъ мещеряковъ, отодвинутыхъ къ востоку, въ Оренбургскую губернію отъ нижнихъ частей Оки, гдѣ жили они еще въ XV столѣтіи, между черемисою и мордвою, — всѣ финскія племена остаются на мѣстахъ, гдѣ запомнила ихъ впервые исторія. Сохраняя ясные слѣды своего древняго быта и вѣрованій, эти племена подчинялись, однако же, верховной власти Казанскаго хана. Зависимость отъ Казани тѣснѣе сплотила ихъ, дала имъ возможность дѣйствовать соединенными силами. Съ другой стороны, могущественно дѣйствовало вліяніе исламизма. Принимая ученіе Магомета, туземцы финской расы подчинялись вліянію татарскаго племени, теряли свои народныя особенности, сливались съ нимъ въ одинъ народъ, или образовывали смѣшанныя племена подъ преобладаніемъ, однако же, татарскаго типа, языка и нравовъ. Я имѣлъ случай замѣтить, что относительно чувашъ не рѣшенъ еще окончательно вопросъ: есть ли это

турецкое племя, принявшее на себя черты финскаго племени, вслѣдствіе смѣшенія съ нимъ, или это фины, еще хранящіе финскіе обряды и часть общихъ вѣрованій, но принявшіе языкъ турецкаго племени? Финское происхожденіе отатарившихся башкировъ, кажется, не подвержено сомнѣнію. Эти двѣ причины, т.-е. бо́льшая крѣпость въ соединеніи племенъ Казанскаго царства и могущественное вліяніе исламизма, условливаютъ упорное сопротивленіе этихъ племенъ русской народности. И теперь еще русское населеніе идетъ по берегу средняго теченія Волги, мало проникая въ глубь земли, да и то больше въ Симбирской и Пензенской губерніяхъ, среди мордвы, которая легче другихъ племенъ уступаетъ дѣйствію на себя чуждой народности и отличается бо́льшею способностью сливаться въ одинъ народъ съ русскимъ, принимая русскій языкъ, вмѣстѣ съ христіанствомъ. Крещеніе черемисы и чувашъ совершалось насильственными мѣрами только въ прошломъ столѣтіи. Сама мордва не безъ сильнаго сопротивленія приняла христіанство, и русская церковь хранитъ память о Михаилѣ, архіепископѣ Рязанскомъ, мученическою смертью погибшемъ въ 1655 г. среди темниковской мордвы, которую желалъ обратить ревностный святитель. Казанская мордва обращена также преимущественно въ XVII вѣкѣ трудами иноковъ Селижарова монастыря, какъ темниковская въ то же время иноками Пурдышевскаго монастыря на Мокшѣ, за которымъ были мордовскія селенія. Русскія лѣтописи исполнены извѣстій о набѣгахъ мордвы на Нижегородскія владѣнія, о сильныхъ возстаніяхъ луговой и горной черемисы, уже признавшей власть русскихъ царей. Правительству нужно было рядомъ укрѣпленій обезопасить свои владѣнія и сдерживать непокорныхъ бунтовщиковъ; нужно было содержать постоянно военную силу въ предѣлахъ и на границахъ Казанскаго царства и въ то же время защищать новообращенныхъ инородцевъ отъ фанатическаго мщенія со стороны ихъ иновѣрныхъ единоплеменниковъ, оберегая ихъ въ то же время отъ соблазна отступничества. Отсюда необходимость правительственныхъ мѣръ для укрѣпленія и заселенія русскими завоеваннаго края. Являются укрѣпленныя черты, прочныя военныя поселенія, испомѣщаемыя людьми служилыми, и отдѣленіе новокрещенцевъ въ особыя селенія отъ некрещеныхъ инородцевъ. Въ ожиданіи, пока религіозныя смуты XVII столѣтія и прикрѣпленіе къ землѣ подвижного крестьянскаго сословія выгонятъ въ Приволжье огромныя толпы добровольныхъ сходцевъ изъ всѣхъ областей Руси, мы видимъ рядъ правительственныхъ мѣръ о поселеніи людей служилыхъ въ областяхъ Казанскаго царства, чтобы въ этихъ военныхъ поселеніяхъ найти надежный оплотъ противъ возстаній финско-татарскихъ племенъ средняго Поволжья. Уже при Ѳедорѣ Ивановичѣ къ ряду укрѣпленныхъ городовъ, которыми еще прежде обозначалось наступательное движеніе племени русскаго по теченію Волги, присоединились новыя крѣпости, построенныя съ особенною цѣлью сдерживать черемису. Это были: Цивильскъ, Уржумъ, Ца-

ревгородъ на Кокшагѣ, Санчурекъ и др. Какъ сильна была постоянная опасность возстанія инородческаго населенія, видно изъ указа, относящагося уже къ концу XVII столѣтія, именно къ 1697 г., которымъ запрещалось продавать чувашамъ и черемисамъ Казанской губерніи не только оружіе, но даже кузнечные инструменты.

III.

Вторая половина XVII и все XVIII столѣтіе особенно замѣчательны въ исторіи поселенія русскихъ колонистовъ въ восточной Россіи, въ разныхъ областяхъ Волги и Камы. Съ одной стороны, мы видимъ огромный приливъ такъ-называемыхъ сходцевъ или бѣглецовъ, что будетъ точнѣе, изъ внутреннихъ областей; съ другой, дѣятельныя мѣры правительства для заселенія и обезопасенія края. Много было причинъ, условливавшихъ большое количество добровольныхъ выходцевъ; главнѣйшихъ было двѣ: великій расколъ, обнаружившійся въ русской церкви, и прикрѣпленіе къ землѣ до тѣхъ поръ подвижнаго крестьянскаго сословія. Извѣстна исторія раскола: привязанность къ мертвой буквѣ, къ одной обрядовой внѣшности, такъ рѣзко обозначившаяся еще въ первой четверти XV вѣка, привела къ окончательному отторженію отъ православной церкви значительной части сельскаго и городского населенія, привела къ тѣмъ религіознымъ смутамъ, которыхъ самыми рѣзкими проявленіями было открытое возмущеніе Соловецкаго монастыря, взятаго царскими войсками только послѣ почти десятилѣтняго обложенія, и стрѣлецкіе бунты, стоившіе столько крови Россіи. Чѣмъ болѣе проходило времени послѣ первыхъ замѣшательствъ, бывшихъ слѣдствіемъ исправленія богослужебныхъ книгъ, тѣмъ въ болѣе странныя, дикія формы облекался расколъ, распавшійся на множество враждебныхъ, но одинаковымъ фанатизмомъ одушевленныхъ сектъ. Въ первой половинѣ XVIII столѣтія цѣлыми сотнями сожигались или замаривались голодомъ изувѣрные послѣдователи разныхъ толковъ. Преслѣдуемые правительствомъ, они уходили въ Польшу, въ Турцію, въ шведскія владѣнія, но еще болѣе въ лѣса сѣверо-восточной Россіи. Въ однихъ лѣсныхъ уѣздахъ Нижегородской губерніи, въ Черноименьѣ на Керженцѣ, передъ началомъ благотворной дѣятельности преосвященнаго Питирима считалось до 40,000 раскольниковъ. Во второй половинѣ XVIII вѣка одинъ изъ главныхъ притоновъ поповщины завелся въ Саратовской губерніи на Иргизѣ. Въ Сибири такъ много набралось раскольниковъ, что уже въ 1722 г. правительство сочло нужнымъ не отправлять туда ссыльныхъ раскольниковъ, чтобы не увеличивать и безъ того уже огромнаго числа ихъ. Въ черниговскихъ и стародубскихъ слободахъ организовалось привольное товарищество для перевода бѣглыхъ изъ Россіи въ Польшу и для вывода ихъ оттуда обратно на заселеніе крѣпости св. Елисаветы, въ слободско-украинскія поселенія и въ Новую

Сербію. Бѣгство раскольниковъ должно было значительно увеличивать число русскихъ поселенцевъ въ восточной Россіи, но еще болѣе росло это число вслѣдствіе притока бѣглецовъ иного рода. Подвижность была издавна въ характерѣ русскаго населенія, *разбрестись розно* ничего не значило даже для земледѣльческаго населенія. На украинахъ Россіи издавна скоплялись толпы бѣглецовъ всякаго рода. Изъ нихъ образовалось донское и запорожское казачество, но казачество не было исключительною принадлежностью южной Руси. Казаки, гулящіе люди, встрѣчались почти повсемѣстно. Въ концѣ первой половины XV вѣка мы находимъ уже въ лѣтописяхъ казаковъ рязанскихъ. Позднѣе мы видимъ тоже во многихъ мѣстностяхъ сѣверной и восточной Россіи. Когда правительство почувствовало необходимость ограничить крестьянскіе переходы, безпрерывныя кочеванія земледѣльческаго населенія, это стремленіе на украины Россіи сдѣлалось еще сильнѣе. Въ смутахъ самозванцевъ и междуцарствія выразился протестъ противъ стѣсненія вольнаго перехода. Ополченіе Болотникова во многомъ напоминаетъ сбродныя толпы, шедшія за Пугачевымъ. Первая ревизія окончательно сгладила еще существовавшее различіе между разноправными обработывателями помѣщичьихъ и другихъ земель: всѣ они были признаны крѣпкими землѣ; институтъ крѣпостного права получилъ послѣднее опредѣленіе. Подобное же стремленіе объединить подъ именемъ и правами крѣпостныхъ и тѣ немногія лица, которыя еще жили на чужихъ земляхъ, не подходя подъ этотъ общій уровень, замѣтно и въ многочисленныхъ распоряженіяхъ относительно второй общей ревизіи, т.-е. при Елизаветѣ Петровнѣ. Прикрѣпленіе къ землѣ вытекало изъ государственныхъ потребностей того времени, было историческою необходимостію; но оно естественно вызывало протестъ со стороны прикрѣпляемаго сословія, протестъ, выражавшійся въ уходѣ съ земель, которымъ становилось оно крѣпкимъ, бѣгствомъ туда, гдѣ не могла ихъ преслѣдовать власть землевладѣльцевъ. Прикрѣпленіе къ землѣ условливало увеличеніе числа сходцевъ, а если прибавимъ сюда наборы, бывшіе естественнымъ слѣдствіемъ учрежденія постояннаго войска, самоуправство большихъ и малыхъ временщиковъ, бироновщину, слабость центральной власти въ безурядное время отъ смерти Петра Великаго до Елизаветы Петровны, а также слабое правленіе и этой кроткой государыни, то мы не удивимся громадному числу бѣглецовъ, являвшихся въ областяхъ сѣверо-восточной Россіи, какъ и на всѣхъ украинахъ русскаго государства. Въ самыхъ правительственныхъ актахъ мы находимъ драгоцѣнныя числовыя показанія, которыхъ напрасно стали бы искать въ другихъ источникахъ. Числовыя показанія правительства даже въ XVIII столѣтіи, особенно въ первой его половинѣ, при несовершенныхъ способахъ собиранія свѣдѣній, при безсиліи центральнаго контроля, а часто даже и мѣстнаго, очевидно, не могутъ отличаться точностію; но эта неточность можетъ быть лишь въ одну сторону: число сходцевъ, показанное правительствомъ,

можетъ быть ниже дѣйствительности, но не выше ея. Мы должны принимать ихъ за minimum, но и этого минимума слишкомъ достаточно, чтобы показать огромное количество людей, уходившихъ съ мѣста ихъ стараго поселенія. Изъ доклада сената 1742 г. видно, какъ много было совершенно запустѣлыхъ имѣній. Въ одномъ уѣздѣ Переяславля-Залѣсскаго оказалось 68 опустѣлыхъ помѣщичьихъ имѣній. Бывали деревни, въ которыхъ и самые помѣщики исчезли неизвѣстно куда со своими крестьянами. Сборъ податей, на которыя содержалось войско, останавливался за пустотою и за незнаніемъ, куда дѣвались тѣ, которые подлежатъ податямъ. Прежде всего замѣтно, что уходъ крестьянъ съ дворцовыхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и помѣщичьихъ земель былъ явленіемъ общимъ, а не мѣстнымъ. Одна сѣверная полоса составляетъ исключеніе, потому что только тамъ, подъ именемъ черносошныхъ крестьянъ, сохранились послѣдніе остатки свободныхъ земледѣльческихъ общинъ. Приводя данныя, мы ограничимся первыми 50 годами, слѣдовавшими за первою ревизіей, потому что къ этому времени относится самое сильное стремленіе сходцевъ освободиться отъ прикрѣпленія. Эти данныя мы будемъ выбирать изъ Полнаго Собранія Законовъ, гдѣ собраны въ хронологическомъ порядкѣ всѣ распоряженія, исходящія отъ верховной власти, начиная съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича. Болѣе достовѣрный источникъ едва ли можно найти гдѣ-либо. Въ актахъ нѣтъ общаго числа бѣглецовъ, но по показаніямъ, относящимся къ разнымъ мѣстностямъ, можно составить приблизительное понятіе. Эти показанія знаменательны. Въ инструкціи посланнымъ для учиненія новой ревизіи, отъ 16 декабря 1748 г., сказано, что только въ двухъ губерніяхъ, Бѣлогородской и Воронежской, однихъ однодворцевъ и другихъ поселенныхъ людей, изъ которыхъ содержится ландмилиція, въ бѣгахъ показано 10,423 человѣка. По показанію военной коллегіи, въ 1729 г. податныхъ людей, приписанныхъ къ флоту и арміи, въ теченіе времени отъ 1719 по 1727 г., т.-е. въ теченіе 8 лѣтъ, въ бѣгахъ оказалось 198,876 душъ мужского пола. Число громадное, особенно если подумать, что неточность могла быть въ его уменьшеніи, а не въ увеличеніи.

Во всѣ стороны шли толпы русскихъ бѣглецовъ. Передъ страшною жаждой воли смолкала даже антипатія русскаго народа къ нѣмецкому племени: нужно было въ статьяхъ мирнаго договора съ Швеціей помѣстить условіе о взаимной выдачѣ бѣглыхъ, хотя взаимности тутъ быть не могло. Въ Швецію бѣгали наши раскольники и крестьяне, а не изъ Швеціи выходили къ намъ. Въ 1740 г. учреждена была особая коммиссія для отыскиванія и разбора русскихъ бѣглецовъ въ Лифляндіи и Эстляндіи. Она была закрыта послѣ 13-лѣтней безполезной дѣятельности. Немного русскихъ бѣглецовъ было выдано. Лифляндскія и эстляндскія мѣстныя власти говорили, что если ихъ выдать всѣхъ, то тамошнимъ публичнымъ и приватнымъ мызамъ учинится великое разореніе.

Еще большій притокъ былъ на границу польскую. Тамъ мы встрѣчаемъ любопытные факты. Въ февралѣ 1725 г. донесъ смоленскому губернатору полковникъ Челищевъ, что крестьяне два раза многолюдствомъ бѣжали за польскій рубежъ съ бердышами и съ рогатинами и съ дубьемъ *сильно*. Рубежные заставные драгуны не могли удержать ихъ; крестьяне пробились послѣ битвы. Докладъ сената, въ сентябрѣ 1742 г., говоритъ, что крестьяне Смоленской и сосѣднихъ съ нею губерній бѣжали въ Польшу цѣлыми деревнями. Въ черниговскихъ раскольничьихъ слободахъ было сборное мѣсто для одиночныхъ бѣглецовъ, не могшихъ собственными силами пробраться сквозь заставы. Бывшій управитель двухъ черниговскихъ слободъ, нѣкто Халкидонскій, въ своемъ донесеніи представилъ любопытныя данныя объ этомъ притонѣ бѣглыхъ. Въ слободахъ не требовалось, какъ непремѣннаго условія, отпаденія отъ православной церкви. „Бѣглые, пишетъ Халкидонскій, для единой вольности, укрываясь отъ помѣщиковъ, въ раскольническія слободы записываются, не будучи, впрочемъ, раскольниками.“ Все Запорожье, по своему характеру, могло держаться только бѣглецами и выходцами, искавшими прежде всего личной свободы. Здѣсь правительство ничего не могло предпринять для остановки бѣглыхъ. Когда рядомъ военныхъ поселеній правительство стѣснило запорожцевъ съ сѣвера, эти военныя поселенія составились также, кромѣ славянъ заграничныхъ, изъ значительной части русскихъ выходцевъ. Чтобы остановить переходъ крестьянъ въ Польшу, правительство должно было обѣщать прощеніе тѣмъ, кто возвратится оттуда, и селить ихъ въ слободскихъ поселеніяхъ и около крѣпости св. Елисаветы. Если такъ велико было стремленіе сходцевъ къ западу, въ Польшу и Остзейскія провинціи, то, естественно, еще въ большемъ количествѣ должны были направляться они къ востоку Россіи. Много ихъ находимъ на Дону, но еще болѣе въ степяхъ Астраханской и Оренбургской губерніи, въ Перми, и далѣе къ сѣверовостоку, въ Сибири.

На этихъ поселенцевъ въ восточномъ краѣ, по Волгѣ и Камѣ, мы должны обратить особенное вниманіе. Почти все русское населеніе Астраханской губерніи, за исключеніемъ купечества, привлекаемаго торговлей, состояло изъ сходцевъ, бѣжавшихъ изъ внутренней Россіи. До сихъ поръ Разбалуй-городокъ влечетъ къ себѣ бѣглецовъ всякаго рода. „Увѣдомились мы, сказано въ именномъ указѣ Сенату отъ 19 марта 1745 г., что, при ревизіи въ Астрахани, явились многіе изъ подлыхъ, объявляющіе о себѣ, что не знаютъ своихъ помѣщиковъ, ни того, гдѣ родились, которыхъ по указамъ о ревизіи высылать отъ толь велѣно въ Петербургъ на поселеніе; а оные подлые люди, по привычкѣ жить кругомъ Астрахани, отъ той высылки бѣгутъ въ Персію и бусурманятся, также въ степи, на Кубанскую сторону, на рѣку Куму и на Бухарскую сторону за Яикъ, и тамъ, промысломъ звѣринымъ питаясь, звѣрски въ отчаяніи живутъ.“ Ничто не можетъ быть знаменательнѣе словъ этихъ. Русскій человѣкъ

крѣпко преданъ православію. Бѣглецы русскіе въ Остзейскихъ провинціяхъ, въ Польшѣ, въ Пруссіи, въ Турціи, оставались неизмѣнно вѣрны религіи отцовъ. Небольшая русская колонія въ Малой Азіи, недалеко отъ Бруссы, со всѣхъ сторонъ охваченная магометанскимъ населеніемъ, оставленная безъ церкви и священника, тѣмъ не менѣе не отреклась отъ вѣры, вынесенной ею съ родины. Надобно было, чтобы мучила неутолимая жажда воли, чтобы положеніе было слишкомъ тягостное, чтобы русскій бѣглецъ рѣшился лучше обасурманиться, чѣмъ воротиться къ помѣщикамъ. Правительство должно было отступить отъ своихъ прежнихъ распоряженій, и въ томъ же именномъ указѣ императрица предлагаетъ: „Не лучше ли будетъ записать ихъ въ перепись и поселить по рѣкѣ Волгѣ на пустыхъ мѣстахъ, которыя никакой пользы, будучи пустыми, не приносятъ, а поселенныя во всякомъ случаѣ потребны?" Слѣдствія этой отмѣны высылки бѣглыхъ въ Петербургъ видны изъ одного акта, относящагося къ управленію Пермскими заводами. По одному объявленію въ Астрахани, что бѣглые могутъ селиться на отведенныхъ имъ мѣстахъ, тотчасъ объявилось 3000 бѣглецовъ, и всѣ самохотно обязались платить 40-алтынный подушный окладъ. Астрахань была обѣтованною землей для искавшихъ вольности, о ней ходили въ народѣ самые странные слухи. Въ 1757 г., въ Тамбовскомъ и Козловскомъ уѣздахъ, между крестьянами обнаружилось сильное волненіе. Они бѣжали открыто, забирая лошадей и пожитки, уводя за собою семьи. За Волгой устроены были землянки, и поселившіеся тамъ бѣглые объявили, что будутъ принимать къ себѣ всякихъ прихожихъ людей. Здѣсь, слѣдовательно, начинало образовываться такое же правильное общество для облегченія бѣгства, какъ и въ слободахъ Черниговскихъ. Между крестьянами пущенъ былъ слухъ, что въ Царицынѣ и Камышинѣ велѣно принимать всѣхъ бѣглыхъ для приписки къ казенному шелковому заводу, что для принятія бѣглыхъ опредѣленъ правительствомъ майоръ Парубучъ. Правительство вынуждено было разосланнымъ повсюду сенатскимъ указомъ, отъ 13 января 1758 г., объявить ложность этихъ слуховъ и приказать ловить и подвергать строгому наказанію ихъ разгласителей, „которые ласкаютъ вольностію простой народъ."

Огромное количество всякаго рода сходцевъ было въ Оренбургскомъ краѣ. Въ докладѣ Ивана Ивановича Неплюева, одного изъ самыхъ умныхъ и дѣятельныхъ организаторовъ этого края, мы находимъ для этого подробныя указанія. Вотъ что писалъ онъ въ 1744 г.: „За пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ въ Исетской провинціи ни единой души не было изъ русскихъ: всѣ тѣ слободы гулящими людьми и, какъ чаятельно, не безъизвѣстно по большей части, едвали не всѣ помѣщичьими населены." Въ вѣдомости 1741 г. показано, въ Оренбургскихъ крѣпостяхъ, сходцевъ, записанныхъ въ регулярныя и нерегулярныя службы, дворцовыхъ, синодальныхъ, монастырскихъ, помѣщиковыхъ и разночинцевъ пять тысячъ сто пятьдесятъ четыре души муж. пола. По осмотру, произведенному въ

1747 г. вновь только присланнымъ, оказалось разомъ однихъ непомнящихъ родства и помѣщиковъ, за исключеніемъ малолѣтнихъ и дряхлыхъ, семьсотъ одиннадцать человѣкъ, а это даетъ понятіе о ежегодной прибыли сходцевъ, уже извѣстныхъ правительству. Сколько же безызвѣстно скрывалось среди башкировъ и мещеряковъ, по заводамъ Оренбургской губерніи! Когда возникъ вопросъ о выводѣ этихъ сходцевъ обратно къ ихъ прежнимъ владѣльцамъ, правительство и здѣсь, какъ въ Астрахани, должно было отступить отъ своего распоряженія. Въ докладѣ сенату Неплюевъ доказывалъ, что въ случаѣ вывода слободы запустѣютъ, „также и казенныхъ, для Оренбургской губерніи столь нужныхъ, исправленій исполнить будетъ некѣмъ, ибо въ нихъ, какъ вышеупомянуто, большая часть бѣглыхъ наберется". Вслѣдствіе требованій Неплюева, сенатъ, Высочайше утвержденнымъ 27 іюля 1744 г. докладомъ, положилъ: „Во-первыхъ, бѣжавшихъ до ревизіи 1719 г. оставить въ Оренбургской губерніи и прежнимъ владѣльцамъ не отдавать. Во-вторыхъ, бѣглыхъ крестьянъ, записанныхъ въ подушный окладъ, по ревизіи 1719 г., въ другихъ мѣстахъ и поселившихся въ Оренбургскомъ краѣ, уже послѣ ревизіи, вывести на прежнее жилище. Въ-третьихъ, которые же бѣглые записаны въ новопостроенныхъ по линіи къ Оренбургскимъ крѣпостямъ въ казаки, и тамо уже обселились и службы дѣйствительно служатъ, тѣхъ всѣхъ, для представленныхъ отъ тайнаго совѣтника Неплюева резоновъ, отнюдь не высылать, а быть имъ, какъ оные нынѣ есть, въ казакахъ. Владѣльцамъ же зачесть ихъ въ рекруты въ будущіе наборы". Третьимъ пунктомъ значительно ослаблялся, если не совершенно уничтожался, второй пунктъ.

Замѣчательны также данныя, относящіяся къ сходцамъ въ губерніи Пермской, на горныхъ заводахъ. Приведемъ и здѣсь офиціальное показаніе. Постановленіемъ Анны Ивановны было опредѣлено, сколько могли приписывать горные заводчики крестьянъ къ своимъ заводамъ. Именно, на каждую доменную печь полагалось по сту дворовъ, да къ двумъ молотамъ по тридцати; итого сто шестьдесятъ дворовъ, полагая по четыре души мужского пола на дворъ. Въ мѣдныхъ заводахъ на каждую тысячу пудовъ выплавляемой мѣди по пятидесяти дворовъ, или по двѣсти душъ мужского пола. Въ 1753 г. оказалось, что по этому разсчету при заводахъ Симбирской и Казанской губерній, между которыми дѣлилась нынѣшняя Пермская губернія, должно быть только 8,362 души, между тѣмъ какъ въ наличности ихъ было 25,627 душъ, слѣдовательно 17,265 излишнихъ. На однихъ семи заводахъ Акинѳія Демидова пришлыхъ и непомнящихъ совершенно ни родства ни помѣщиковъ оказалось 4,124 души сверхъ 2,604 душъ таковыхъ же, приписанныхъ вѣчно къ этимъ заводамъ еще въ 1736 г. Бергъ-коллегія, донося о томъ сенату, требовала приписанія излишнихъ противъ пропорціи крестьянъ къ казеннымъ заводамъ, которые, по дурной администраціи, — чего, впрочемъ, не высказала бергъ-коллегія,—терпѣли недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. Еще

замѣчательнѣе сенатскій докладъ 30 декабря 1755 г. Тамъ сказано, что на заводахъ Акинѳія Демидова пришлыхъ съ разныхъ губерній, послѣ ревизіи 1724 года, показано 6,852 души. Сенатъ опредѣлилъ: съ казенныхъ заводовъ пришлыхъ, которыхъ послѣ той же ревизіи 1724 г. показано по вѣдомостямъ 2,357 душъ, не высылать обратно на прежнія мѣста ихъ жительства. Съ партикулярныхъ заводовъ Демидовыхъ, барона Строганова, Петра и Гаврилы Осокиныхъ бѣглыхъ, въ числѣ 4,493 душъ, также не высылать. Причины оставленія выставлены правительствомъ слѣдующія: такое число бѣглецовъ трудно выслать безъ огромныхъ конвоевъ; они разойдутся по лѣсамъ или за границу; заселеніе пустыхъ мѣстъ необходимо, и высылкой пришлыхъ людей „распространенные только заводы въ опустошеніе приведены быть могутъ"; наконецъ, и то обстоятельство, что бѣглецы, жившіе на заводахъ, отстали уже отъ пашни и не уживутся и уйдутъ опять отъ своихъ владѣльцевъ, да еще подговорятъ съ собою и другихъ. Итакъ, всѣхъ бѣглецовъ рѣшено было навсегда при заводахъ оставить, строго только запретивъ впередъ принимать бѣглыхъ изъ внутреннихъ губерній. Но это строгое запрещеніе было не первое и далеко не послѣднее.

Не всѣ бѣглые заходили такъ далеко. Не разъ они образовывали сильныя поселенія ближе къ западу. Вотъ что сообщилъ въ 1724 г. пензенскій воевода Скобельцынъ о поселившихся на рѣчкѣ Карамышѣ бѣглыхъ крестьянахъ: „Принималъ и селилъ ихъ Серудобинской слободы солдатъ Осипъ Клоповъ, называясь атаманомъ, да сходецъ подьячій Иванъ Петровъ; а по переписи же оныхъ, сказываютъ, съ 600 человѣкъ; на конѣхъ садятся оружейныхъ людей, и сдѣланъ у нихъ городокъ и огороженъ заметомъ, и выходятъ они къ станичной избѣ въ праздничные дни съ ружьемъ и стрѣляютъ; да сверхъ переписи есть еще съ 400 человѣкъ, которые называются казаками, а другіе отставными драгуны и солдаты". Правительствомъ приказано двинуть туда военную силу и уничтожить это поселеніе, захвативъ по возможности главныхъ заводчиковъ и жестоко наказавъ ихъ. Какія были послѣдствія, неизвѣстно; но сказаннаго достаточно, чтобы показать, какимъ духомъ исполнены были эти самовольные поселенцы, эти сходцы изъ областей внутренней Россіи. Рядомъ съ офиціальными указаніями на постоянный огромный притокъ бѣглецовъ въ Поволжье и въ Прикамье, въ первой половинѣ XVIII вѣка, идутъ столь же офиціальныя указанія на усиленіе разбойничества. Очевидно, что, когда часть гулящихъ людей, сходцевъ, въ промыслахъ, въ припискѣ къ заводамъ и новопостроеннымъ крѣпостямъ искала убѣжища и, въ то же время, обезпеченія своего существованія, другая часть разгуливала съ кистенемъ по дорогамъ или разъѣзжала по Волгѣ, взимая съ промышленниковъ насильственную подать и вмѣстѣ съ тѣмъ мстя правительству и обществу за лишеніе воли. Свѣдѣнія о разбояхъ въ здѣшнемъ (казанскомъ) краѣ поражаютъ своею значительностію; приведемъ только

немногія. Въ 1744 г. доносилъ директоръ китайскаго каравана Лобратовскій, плывшій водой въ Сибирь, что на него до самой Казани чинимы были нападенія отъ разбойниковъ, что онъ едва могъ отбиться отъ нихъ пушками, что на одной Окѣ повстрѣчалъ онъ болѣе 50 ограбленныхъ судовъ, на которыхъ народу находилось человѣкъ по 60, что многое число наѣзжалъ онъ раненыхъ. Въ 1744 г. разосланы были военныя команды и составлены инструкціи для сыщиковъ, а въ 1756 г. вотъ что доносилъ одинъ изъ такихъ сыщиковъ, майоръ Бражниковъ, съ Волги: имѣлъ онъ бой съ разбойниками, въ которомъ убито изъ его команды 27 человѣкъ, а ранено 5, а изъ разбойниковъ убито до смерти эсаулъ да еще до 5 человѣкъ, а живыхъ получить не могъ, ибо при нихъ находились пушки и весьма вооружены; да Казанскій сыщикъ майоръ Ермолаевъ поймалъ въ Чебоксарахъ одного разбойника, который показалъ съ пытки, что одна разбойничья партія ниже Чобоксаръ на Волгѣ, на 2 лодкахъ съ 5 пушками и 50 человѣкъ, должна была въ ночь на 28 мая сухимъ путемъ и водою явиться въ Чебоксары, а онъ съ 2 товарищами ,посланъ былъ зажечь городъ, что другая также вооруженная партія стоитъ на 2 лодкахъ въ Окѣ выше Нижняго, что всѣ партіи должны были соединиться въ Нижнемъ Услонѣ и идти къ Астрахани, дѣйствуя общими силами. Разбойники находили поддержку въ крестьянахъ, остававшихся у помѣщиковъ. Въ 1744 г. они являлись въ многолюдныя селенія князя Хованскаго и Шереметева, избили тѣхъ, кто защищался, и забрали оброчныя деньги и крѣпости на крестьянъ. Изъ примѣра Чебоксаръ видно, что и города не были вполнѣ безопасны отъ ихъ нападеній. Въ 1756 г. доносила Алатырская провинціальная канцелярія, при которой находилось 97 человѣкъ солдатъ съ копьями и рогатинами, что въ ночь на 3 марта вошли въ Алатырь разбойники, разбили провинціальный магистратъ и взяли соляного сбора денежной казны 949 р.; что на рѣкѣ Сурѣ весной они разбиваютъ и грабятъ казенныя и частныя суда, чиня многія мятежныя убійства; что необходимо прислать въ Алатырь, по крайней мѣрѣ, сто ружей и пороху, потому что онъ ждетъ новаго нападенія.

Таковы были неминуемыя слѣдствія огромнаго притока къ востоку людей гулящихъ, сходцевъ съ земель, на которыхъ укрѣпило ихъ правительство. Разсматривая современные правительственные акты, нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ выгодъ, проистекавшихъ отъ этихъ побѣговъ. Бѣглецами населялись украины Россіи, чрезъ нихъ колонизація русскаго племени проникала далеко въ глубь инородческаго населенія и должна была могущественно содѣйствовать распространенію между ними промысловъ и хлѣбопашества. Бѣглецами только и держались наши заводы въ сѣверо-восточномъ углу европейской Россіи и крѣпости Оренбургской линіи, необходимыя для сдержанія степныхъ кочевниковъ. Не забудемъ, что эти колонисты составляли самую предпріимчивую, самую энергическую

часть сельскаго населенія. Малодушный и робкій духомъ покорно склонялся подъ условія крѣпостного права, смѣлый уходилъ въ Астраханскія степи, на заводы Пермскіе, въ Оренбургъ. Но не менѣе ясно также, что правительство должно было употреблять всѣ мѣры для сдержанія этого буйнаго населенія, для ограниченія числа сходцевъ, прекращенія побѣговъ. Страшные разбои должны были вызывать охранительныя мѣры, и безъ нихъ мирнымъ жителямъ городовъ и селеній грозила почти постоянная опасность со стороны инородческаго населенія. Одно страшное возстаніе башкирцевъ, вслѣдствіе проповѣди Батырши, грозило уничтожить первыя прочныя заселенія. Горные заводы частныхъ владѣльцевъ и безъ того должны были ограждаться стѣнами. О заводѣ Троицкомъ на рѣчкѣ Кидашѣ, принадлежавшемъ Осокину, капитанъ Рычковъ, объѣзжавшій Казанскую и Оренбургскую губерніи въ 1769 и 1770 гг., говоритъ, что онъ укрѣпленіями превосходилъ многіе уѣздные города; сверхъ стѣны съ башнями, внѣ заводскаго строенія, были подѣланы батареи. Иначе и быть не могло въ краѣ, еще несовершенно подчиненномъ, населенномъ племенами, хорошо помнившими свою независимость. Даже въ настоящее время старожилы Инсарскаго уѣзда, Пензенской губерніи, разсказываютъ о постоянномъ страхѣ, въ какомъ держали ихъ кубанцы, — такъ называли они разбойническія шайки инородцевъ. Что же было далѣе къ юго-востоку?! Давнею заботой правительства было поэтому: съ одной стороны, сколь возможное усиленіе прочныхъ земледѣльческихъ поселеній; съ другой—обезопасеніе ихъ рядомъ военныхъ укрѣпленій. Мѣры относительно того и другого идутъ параллельно. Усилить земледѣльческое населеніе можно было или водвореніемъ русско-славянскихъ колонистовъ, или обращеніемъ къ христіанству и земледѣлію инородцевъ. Заботы о томъ и другомъ мы видимъ со времени покоренія Казани. Поселеніе ново-крещеныхъ отдѣльными селеніями, заботливыя отдѣленія ихъ отъ магометанъ и язычниковъ начались еще при Иванѣ Грозномъ. Чѣмъ слабѣе были начатки христіанско-земледѣльческаго инородческаго населенія, тѣмъ заботливѣе старались объ его охраненіи. Особенную ревность показала въ этомъ случаѣ Елизавета Петровна; но изъ всѣхъ мѣръ, принятыхъ для водворенія крещеныхъ колонистовъ, ни одна не была такъ умѣстна, какъ поселеніе крещеныхъ калмыковъ, по плану того же просвѣщеннаго Неплюева, которому такъ много обязанъ своимъ устройствомъ Оренбургскій край. Читая его докладъ по этому случаю, занимающій 12 огромныхъ страницъ Полнаго Собранія Законовъ, жалѣемъ только объ одномъ, что позднѣйшіе администраторы такъ скоро забыли умныя соображенія ученика Петра Великаго, соображенія, оправданныя блестящими успѣхами. Калмыковъ поселили въ Ставрополѣ, тамъ, гдѣ Волга начинаетъ, передъ своимъ рѣшительнымъ поворотомъ къ югу, образовывать Самарскую луку. Съ необыкновенною занимательностью обсуждено настоящее положеніе новыхъ поселенцевъ и указаны мѣры къ лучшему достиженію главной цѣли ихъ

поселенія. Воспротивившись своду русскихъ селеній изъ среды земель, отведенныхъ крещенымъ калмыкамъ, Неплюевъ доказалъ возможность сильнаго вліянія этихъ селеній на распространеніе между калмыками хлѣбопашества и утвержденія чистоты христіанскаго ученія.

Я не имѣю времени подробнѣе остановиться на мѣрахъ правительства, относительно новокрещеныхъ, и долженъ ограничиться сказаннымъ. Населеніе края русскимъ племенемъ производилось чрезъ раздачу земель церквамъ и монастырямъ, которыя населяли на нихъ поселенцевъ изъ внутренней Россіи; но преимущественно черезъ испомѣщеніе землями людей служилыхъ. Послѣднимъ достигалась двойная цѣль: и заселялся край русскими, и защищался отъ племенъ инородческихъ. Извѣстно, что главная обязанность служилыхъ людей состояла въ томъ, что, по первому призыву правительства, они должны были являться *людны, конны и оружны*. По положенію Ивана Грознаго, владѣльцы земель съ каждыхъ 100 четвертей, т.-е. 50 десятинъ, должны были выставить одного коннаго воина въ доспѣхѣ. Большая часть дворянскихъ фамилій казанскаго края происходитъ отъ этихъ служилыхъ людей. Къ сожалѣнію, зная многое о бѣглыхъ крестьянахъ, мы мало знаемъ о поселенныхъ здѣсь дворянахъ. Грамоты царей на владѣніе землями или утрачены ими, или валяются гдѣ-нибудь, забытыя потомками служилыхъ людей XVI и XVII столѣтій. Въ огромномъ собраніи актовъ, изданныхъ Археографическими Экспедиціей и Коммиссіей, самая малая часть, безспорно, приходится на долю Казанской губерніи. Что большинство актовъ не погибло, это доказывается большимъ собраніемъ чистопольскаго мѣщанина Мельникова. Что жалованныя грамоты царей, въ парчѣ и съ печатями, валяются на чердакахъ барскихъ домовъ здѣшняго края, на это, къ сожалѣнію, я самъ имѣю доказательства. Оттого такіе пробѣлы въ нашей исторіи колонизаціи.

Особеннымъ усердіемъ въ заселеніи здѣшняго (казанскаго) края отличались первые государи изъ дома Романовыхъ. Они не ограничивались испомѣщеніемъ землями русскихъ служилыхъ людей, а селили переводимыхъ дворянъ изъ отнятыхъ у Польши земель, переводили сюда литовскій и польскій полонъ. Такъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ пригороды Мензелинскъ и Заинскъ были заселены плѣнными поляками; Старый-Шешминскъ, Новый-Шешминскъ, Билярскъ, Тимскъ и Ерыклинскъ—смоленскою шляхтою. Въ концѣ царствованія Петра Великаго ни въ одномъ изъ нихъ не было менѣе 500 служилыхъ людей, въ большей части число ихъ приближалось къ тысячѣ. Все это были *породные* люди, имѣвшіе нѣкогда, какъ доносилъ въ 1750 г. полковникъ Мельгуновъ, на сторонѣ его королевскаго величества польскаго маетности и земли. Ихъ верстали землями въ приказѣ Казанскаго дворца и обязывали службой наравнѣ съ русскими служилыми людьми. Актовъ относительно ихъ поселенія также издано мало, но они уже собраны частью и въ скоромъ времени могутъ быть сдѣланы извѣстными публикѣ.

Несравненно болѣе свѣдѣній мы имѣемъ относительно устройства раз-

ныхъ охранительныхъ линій и укрѣпленій. Охраненіе южныхъ границъ государства рядомъ засѣкъ, валовъ, земляныхъ укрѣпленій, преимущественно со стороны крымскихъ татаръ, началось издавна. Уставы о станичной и сторожевой службѣ окончательно были выработаны при Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Изъ поселенныхъ по чертамъ и линіямъ служилыхъ людей образовались всѣ однодворцы русской Имперіи и значительная часть мелкаго дворянства. Съ царствованія первыхъ Романовыхъ ведутъ, вѣроятно, свое начало и черты восточной Россіи. Изъ нихъ Симбирская черта, для обороны границъ между Дономъ и Волгой, шла отъ Симбирска въ нынѣшнюю Пензенскую губернію до существующаго понынѣ пригорода Атемсара и города Инсара. Для постройки ея въ 1649—1654 гг. ежегодно употреблялось отъ 3,500 до 5,000 человѣкъ. Она тянулась отъ Уреня на Тагай и далѣе до впаденія рѣчки Юшанки въ Сельдь, впадающую въ Свіягу, потомъ по Сельди, по правому ея берегу. Къ тому же времени относится и укрѣпленіе Закамскихъ линій. Въ инструкціи тайному совѣтнику Наумову, 19 февраля 1731 г., сказано, что пригороды Казанской и Симбирской губерній населены были предками ея величества, государыни Анны Ивановны, и что дѣды и прадѣды переселенцевъ, будучи служилыми людьми, драгунами, солдатами, копейщиками, рейторами и прежнихъ службъ городовыми дворянами, имѣя помѣстныя земли по окладамъ и будучи избавлены отъ податей, обязаны были конную и пѣшую службу исполнять и пограничныя мѣста, какъ свои жилища, отъ непріятельскихъ набѣговъ охранять и защищать. Закамскихъ линій было двѣ, старая и новая. Цѣль ихъ была защищать заволжскихъ и закамскихъ жителей отъ набѣговъ калмыковъ, башкировъ, киргизовъ и каракалпаковъ. Старая линія начиналась у Волги, у пригорода Бѣлаго-Яра, шла вдоль Черемшана, мимо пригородовъ Ерыклинска, Тимска, Билярска, на слободу Екатерининскую и пригороды Заинскъ, Мензелинскъ; а оканчивалась у рѣки Ика, близъ села Троицкаго или Матвѣева. Устройство ея было сходно съ общимъ устройствомъ нашихъ сторожевыхъ линій. Открытыя долины рѣкъ, пересѣкающія линіи, были перекопаны рвомъ и валомъ; на этихъ валахъ въ разныхъ мѣстахъ основывались окопы, подъ защитой которыхъ поселялись служилые люди; по лѣсамъ дѣлались засѣки; линія укрѣплялась городками, острожками, надолбами, проѣзжими воротами, башнями и лѣсными завалами, для поддержанія которыхъ въ цѣлости налагалась обязанность на сосѣднія населенія. Подробности сторожевой службы опредѣлены уставомъ и инструкціями воеводамъ. Первая мысль объ устройствѣ новой Закамской линіи принадлежитъ, кажется, Петру Великому, который основалъ пригороды Алексѣевскъ, Сергѣевскъ. Вслѣдствіе указа 1727 года о поселеніи въ Россіи драгунскихъ и пѣхотныхъ полковъ, преимущественно по границамъ, назначено было въ тогдашней Казанской губерніи поселить десять полковъ, по одному въ Пензѣ, Саратовѣ, Самарѣ и Царицынѣ, а остальные по расписанію военной колле-

гіи. Земли для нихъ предписано отводить изъ государевыхъ оброчныхъ, также изъ дворцовыхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ дачъ. Мысль о поселеніи полковъ принадлежитъ Петру Великому. Въ 1728 г. предписано было дѣлать укрѣпленія, палисады и маяки въ провинціяхъ Уфимской и Соликамской и подтверждено объ укрѣпленіи тамъ городовъ и остроговъ для защиты отъ нападеній кочевыхъ народовъ, башкирцевъ и т. д. Въ 1731 г. сенатъ далъ указъ тайному совѣтнику Наумову и полковнику Оболдуеву о построеніи новой Закамской линіи. Казанскому губернатору было предписано выслать немедленно 3,000 человѣкъ рабочихъ изъ закамскихъ уѣздныхъ жителей, на которыхъ положено 30 алтынъ въ мѣсяцъ на человѣка изъ сбора Казанской губерніи. Въ 1733 г. потребовано было со всей Казанской губерніи 15,000 человѣкъ рабочихъ въ двѣ смѣны: первая должна была собраться къ 1 мая и работать до половины іюля, вторая съ половины іюля—по 1 октября. Взамѣнъ бѣжавшихъ требовали новыхъ рабочихъ съ тѣхъ деревень, откуда были послѣдніе. Плату назначено было производить по плакату; провіантъ имѣть свой. Новая линія начиналась отъ рѣки Самары, у пригородка Алексѣевскаго, шла черезъ слободу Красный Яръ, потомъ вдоль рѣки Сока на пригородъ Сергіевскій, фельдшанецъ Кондурчинскій, Черемшанскій, Шешминскій и Кичуевскій, у котораго она оканчивалась на рѣкѣ Кичуѣ. Петръ Рычковъ, въ топографіи Оренбургскаго края, говоритъ, что ее предположено было довести до рѣки Ика, но что эта мысль оставлена въ 1734 г., по случаю открытія оренбургской экспедиціи. Всего протяженія эта линія имѣетъ 222 вер.; вала же, прикрывавшаго открытыя мѣстности, 165 вер. Въ лѣсныхъ же мѣстахъ она защищалась засѣками. Линія проведена такъ, чтобы доставить валу хорошую ружейную оборону. По всей длинѣ, разстояніемъ другъ отъ друга на 100 или 120 саженъ, устроены редуты. Редуты и фельдшанцы служили главными опорными пунктами и были правильно укрѣплены. Ихъ остатки виднѣются до сихъ поръ; они доказываютъ, что укрѣпленія были снабжены орудіями; два чугунныя орудія валяются въ Сергіевскѣ. Военныя поселенія, которыми оберегалась эта линія, составляли ландъ-милицію, учрежденную въ 1731 г. По указу 7 мая 1733 г., положено было 3 конныхъ и 1 пѣхотный ландъ-милицкихъ закамскихъ полковъ назвать по мѣстамъ ихъ поселенія. Это были шешминскій, билярскій и сергіевскій конные и алексѣевскій пѣхотный полки; солдатамъ и офицерамъ нарѣзывались земли: рядовому пѣхотному полагалось по 20 десятинъ, конному около 55 десятинъ. Устройство Закамской линіи прекратилось вслѣдствіе открытія оренбургской экспедиціи и переселенія ландъ-милицкихъ полковъ въ степныя мѣста по Самарѣ, Ульвѣ и Яику. Но не прекратилось поселеніе тамъ и людей служилыхъ. Съ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія мы имѣемъ многочисленный рядъ указовъ о поселеніи въ Казанской губерніи отставныхъ солдатъ...

МИССІОНЕРСТВО ВЪ РОССІИ.

Распространеніе русскаго племени на сѣверъ и сѣверо-востокъ Европы и далѣе за предѣлы Каменнаго пояса по необозримымъ пространствамъ сѣверной Азіи и частью въ Америкѣ, безспорно, одно изъ великихъ событій исторіи. На первомъ планѣ, очевидно, не простое расширеніе предѣловъ господства извѣстнаго племени, не одно собираніе разноязычныхъ и разновѣрныхъ народностей подъ политическую власть одной изъ нихъ. Ограниченное этимъ смысломъ, такое явленіе, конечно, было бы такъ же замѣчено исторіею, какъ замѣчено ею образованіе и вслѣдъ за тѣмъ паденіе огромныхъ государствъ, возникавшихъ преимущественно на почвѣ Востока; но въ такомъ случаѣ, оно было бы отмѣчено печатью недолговѣчности, носило бы на себѣ въ большей или меньшей степени характеръ случайности. Не то мы видимъ въ фактѣ распространенія русской народности. Не одно внѣшнее подчиненіе ею другихъ племенъ останавливаетъ на себя вниманіе историка. Передъ нимъ процессъ сліянія племенъ подъ условіемъ рѣшительнаго преобладанія одного изъ нихъ, процессъ образованія и развитія могучей народности, въ которой поглощаются другія, пришедшія съ нею въ соприкосновеніе, органическій ростъ ея. Не успѣвшія или не бывшія въ состояніи развить свой общественный бытъ, съ вѣрованіями еще не сложившимися въ болѣе или менѣе стройную систему, разнородныя племена, сталкивавшіяся съ русской народностью, не могли надолго отстаивать свое самобытное существованіе, утрачивали мало-по-малу отличительные свои признаки, такъ-сказать, распускались въ ней, увеличивая собою ея количественное превосходство. Исчезновеніе нѣкоторыхъ племенъ съ занимаемой ими мѣстности объясняется не ихъ истребленіемъ, не переходомъ ихъ въ другія мѣста, а только перерожденіемъ. Путемъ мирнаго распространенія насчетъ другихъ племенъ, русская народность пріобрѣла болѣе, чѣмъ силою оружія. Что русскіе не вытѣсняли, не стирали съ лица земли племенъ инородческихъ, это фактъ, не подверженный сомнѣнію. Повторявшееся иногда мнѣніе о вытѣсненіи финовъ съ бѣломорскаго побережья опровергнуто однимъ изъ лучшихъ знатоковъ финской народности, покойнымъ Кастре-

номъ, который внимательнымъ изученіемъ современнаго населенія Архангелогородской губерніи дошелъ до убѣжденія, что русскіе поселенцы приняли въ себя финскую народность, а не искоренили ея.

Опытный взглядъ знатока отличилъ финское обличье, безпрерывно попадающееся подъ русскою шляпою. А изслѣдованіе современнаго быта финскихъ туземцевъ той же губерніи показало ему и всѣ степени обрусѣнія. Можно указать и еще разительнѣйшіе примѣры этого претворенія чуждыхъ племенъ въ русскую народность. Населеніе губерній Московской, Владимірской, Ярославской, Костромской безспорно считается лучшимъ представителемъ великорусскаго типа.....*). Исчезновеніе туземцевъ въ этихъ 4-хъ губерніяхъ можетъ объясниться только слитіемъ ихъ въ одинъ народъ съ русскими поселенцами.

Такое слитіе совершается и теперь на нашихъ глазахъ на разныхъ концахъ Россіи. Могли бы возникнуть вопросы такого рода: племена, сливавшіяся съ русскими поселенцами, имѣли ли вліяніе на образованіе новаго народнаго типа, возникавшаго изъ соединенія такихъ разнородныхъ элементовъ? Въ какой степени сильно было воздѣйствіе инородческаго элемента на русскую народность, его поглотившую? Какой слѣдъ на нравственномъ и физическомъ обликѣ теперешняго великорусса оставило финское или другое происхожденіе его праотцевъ? Эти вопросы должны рѣшаться этнографическими изслѣдованіями; для насъ же пока существуетъ несомнѣнный фактъ, что племена инородческія поглощались русскою народностью, принимая на себя всѣ главнѣйшія ея отличительныя особенности: языкъ, вѣру, образъ жизни и т. д., что въ народномъ типѣ, возникшемъ и возникающемъ изъ слитія разнородныхъ племенъ, населяющихъ Россію, преобладающая стихія русско-славянская, то-есть, европейская. Потому-то каждый шагъ впередъ русской народности насчетъ другихъ племенъ есть побѣда Европы, есть приращеніе великой семьи европейскихъ народовъ, которой Провидѣніе предназначило итти до сихъ поръ во главѣ развитія человѣчества и ввѣрило двойной свѣточъ христіанства и просвѣщенія; каждый шагъ впередъ въ глубину сѣвера и востока принадлежитъ всемірной исторіи.

Прослѣдить это постепенное распространеніе русской народности насчетъ другихъ племенъ, разсмотрѣть послѣдовательныя перемѣны во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ — въ высшей степени важно не для одной исторіи Россіи. Фактъ, какъ уже замѣчено, имѣетъ всемірно-историческое значеніе побѣды европейской гражданственности надъ темнымъ Востокомъ.

Отношенія русскаго племени къ племенамъ сосѣднимъ, очевидно, не всегда были одни и тѣ же. Въ началѣ исторіи мы видимъ не только

---

*) Здѣсь въ статьѣ приводятся тѣ же данныя о населеніи названныхъ четырехъ губерній, которыя помѣщены также въ лекціяхъ о колонизаціи, см. выше, стр. 298.

внѣшнее численное превосходство финскаго племени, сплошною массой простиравшагося далеко на югъ европейской Россіи, быть можетъ, до самой области Днѣпра и его притоковъ, но и равенство его съ племенами славянскими относительно бытовыхъ формъ и религіозныхъ вѣрованій. Въ послѣднемъ отношеніи финскій сѣверъ пользовался громкою извѣстностью и между славянами, и между скандинавами. Не безъ вліянія оставался онъ, по всей вѣроятности, на вѣрованія сосѣднихъ народовъ. Русская исторія открывается союзомъ племенъ славянскихъ и финскихъ, союзомъ, въ которомъ трудно замѣтить какое-нибудь превосходство первыхъ надъ послѣдними. Не говоримъ уже о томъ невыгодномъ отношеніи, въ какомъ первоначально стояли племена славянскія къ азіатскимъ выходцамъ относительно политической зависимости и даже относительно степени самаго развитія. Камскіе болгары, хозары стояли во многомъ выше разъединенныхъ племенъ славянъ восточныхъ. Если возможность и легкость слiянія объясняются природными свойствами соединявшихся племенъ: съ одной стороны, уступчивостью финскихъ туземцевъ, отсутствіемъ въ большей части изъ нихъ крѣпости храненія племенныхъ особенностей; съ другой стороны, мягкостью славянской натуры, не бывшей исключительною, не смотрѣвшей враждебно на чужеродцевъ,— то рѣшительное преобладаніе славянской стихіи въ образованіи русской народности, какъ результата слiянія многихъ племенъ, можетъ объясниться только тѣмъ, что племена славянъ восточныхъ явились вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ представителями высшей цивилизаціи, предъ которою оказались безсильными и несостоятельными племена финскаго и азіатскаго происхожденія.

Подъ вліяніемъ той же высшей формы цивилизаціи слились въ одно крѣпкое цѣлое до тѣхъ поръ разобщенныя, жившія отдѣльно племена славянскія, освободились отъ своего полузависимаго положенія относительно азіатскихъ выходцевъ и начали свое поступательное движеніе на сѣверъ и сѣверо-востокъ. Если внѣшнее объединеніе племенъ славянскихъ совершилось мечемъ варяжской дружины, то внутреннюю связь, которая одна только и можетъ быть крѣпкою, могло дать только христіанство. Христіанство — это цѣлая цивилизація. Религіозное вѣрованіе неразрывно связано съ цѣлымъ кругомъ общественныхъ понятій. Проповѣдникъ евангельскаго ученія невольно является проповѣдникомъ новой гражданственности.

Принятіемъ христіанства въ Кіевѣ варяжская дружина вѣрнѣе положила основаніе государству, чѣмъ всею своею предыдущею безпокойною дѣятельностью. Съ этого времени начинается быстрый ростъ его. Въ поэтическомъ преданіи юго-западной Украйны свв. Борисъ и Глѣбъ, первые прирожденные христіанскіе вожди дружины, сковали первый плугъ для Земли Русской и впрягли въ него страшнаго змѣя, до тѣхъ поръ губившаго беззащитное населеніе, провели исполинскую борозду, которая подъ

именемъ Змѣйнаго вала отдѣлила христіанское населеніе отъ бездомныхъ кочевниковъ *). И чѣмъ глубже проникало христіанство въ юное общество, его принявшее, уничтожая остатки прежнихъ вѣрованій, ставя начатки государства вмѣсто прежнихъ природныхъ опредѣленій, тѣмъ рѣшительнѣе становилось вліяніе христіанскаго народа на племена, съ ними сосѣднія. Инородецъ быстро принималъ русскій языкъ, образъ жизни и нравы, какъ скоро касалась его проповѣдь. Христіанство заставляло его отречься отъ языческаго прошедшаго, а новую жизнь онъ могъ начать, только болѣе или менѣе приближаясь къ формамъ русской жизни.

Распространеніе христіанства неразрывно связано съ распространеніемъ русской народности. Какъ инородецъ, принимая православіе, отрекался отъ своего прошедшаго, точно такъ же съ этой минуты въ глазахъ русскаго населенія онъ становился русскимъ, а черезъ два, три поколѣнія на его потомкахъ дѣйствительно оставались развѣ только физіологическіе признаки его происхожденія. Борьба христіанства съ язычествомъ и его побѣды должны составлять одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ русской исторіи. Кромѣ побѣды высшаго религіознаго ученія надъ заблужденіями язычества, является побѣда высшей гражданственности и болѣе крѣпкой, болѣе способной къ развитію народности.

Обращеніе язычниковъ и ознакомленіе ихъ съ начатками высшей цивилизаціи, со времени великаго раздѣленія церквей на восточную и западную, исходило изъ двухъ главныхъ пунктовъ. Если и прежде Римъ и Константинополь дѣлили между собою необъятныя пространства, открывавшіяся для евангельской проповѣди, то послѣ окончательнаго отпаденія западной церкви это раздѣленіе стало еще рѣзче. Церкви греко-россійской выпало на долю обращеніе сѣверо-востока Европы, части запада и всего сѣвера Азіи. Проповѣдники, выходившіе изъ стараго Рима или дѣйствовавшіе подъ его верховнымъ наблюденіемъ, кромѣ запада Европы, шли во всѣ части новаго міра, въ Африку, Азію, гдѣ на крайнемъ востокѣ могли встрѣчаться съ миссіонерами православной церкви. Миссіонеры обѣихъ церквей оказали незабвенную услугу человѣчеству, покоривъ ученію Искупителя значительную часть земного шара, приготовивъ въ будущемъ возможность слитія всѣхъ, до того времени безчисленными преградами раздѣленныхъ, племенъ въ одну великую семью народовъ христіански-образованныхъ. Передъ ревностью исповѣдниковъ исчезало пространство и рушились препятствія, неодолимыя для самыхъ смѣлыхъ замысловъ. Не одинакова возможность слѣдить за ихъ великимъ дѣломъ, дѣлить съ ними мыслію ихъ подвиги и оцѣнить по заслугамъ труды, понесенные благовѣстниками слова Божія.

Исторія распространенія христіанства въ областяхъ западной церкви владѣетъ громаднымъ количествомъ матеріаловъ. Много было, безъ со-

*) См. выше, стр. 309.

мнѣнія, безвѣстныхъ тружениковъ, выходившихъ изъ монастырей Ирландіи и Англіи на проповѣдь въ лѣса Германіи и Швейцаріи и не оставившихъ имени; мы не знаемъ всѣхъ, приготовившихъ обращеніе скандинавскаго сѣвера; но число лицъ, извѣстныхъ своею проповѣдью на этомъ пространствѣ, то, что мы знаемъ о трудахъ этихъ извѣстныхъ намъ проповѣдниковъ, вполнѣ достаточно, чтобы въ умѣ нашемъ сложилась цѣльная картина совершавшихся событій, чтобы наше воображеніе могло представить и самыя побужденія, влекшія къ одной и той же великой цѣли этихъ передовыхъ бойцовъ христіанства, и встрѣчавшіяся имъ препятствія, и переноситься съ ними къ тѣмъ народамъ и въ ту природу, среди которыхъ проходила ихъ труженическая жизнь, чтобы мы могли почти изъ года въ годъ вести лѣтопись распространенія предѣловъ западно-христіанскаго міра. Труды миссіонеровъ находили повсюду сочувствіе; извѣстія о ихъ подвигахъ записывались и читались съ жадностью, замѣняя для средневѣковаго общества почти всю литературу. Нѣтъ сомнѣнія, много людей, подобно неизвѣстному составителю житія епископа Марцеллина (VI стол.), посвящали свою жизнь собиранію и записыванію изустныхъ разсказовъ о лицахъ, прославившихся благочестивою жизнью или трудами проповѣдничества. Въ 9-ти мѣсяцахъ знаменитаго собранія житій болландистовъ (Acta Sanctorum) помѣщено около 25,000 житій, и притомъ многія въ нѣсколькихъ редакціяхъ, съ критическими примѣчаніями. Такая масса матеріаловъ, находящихся подъ руками у каждаго изслѣдователя, дѣлаетъ возможнымъ самое изслѣдованіе, а собраніемъ болландистовъ далеко не ограничиваются источники для исторіи распространенія христіанства западными миссіонерами. Основаніе и исторія главнѣйшихъ монастырей, бывшихъ разсадниками христіанскаго просвѣщенія, разсказаны въ монастырскихъ хроникахъ; въ письмахъ и буллахъ папъ, въ постановленіяхъ мѣстныхъ соборовъ, всюду найдутся дополнительныя извѣстія. Съ распространеніемъ проповѣди за предѣлы Европы и по мѣрѣ приближенія къ нашему времени, извѣстія о подвигахъ западныхъ миссіонеровъ становятся еще полнѣе. Мало того, что они позволяютъ имѣть болѣе подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о трудахъ различныхъ миссій, о средствахъ, какими онѣ дѣйствуютъ для достиженія своей цѣли, о положеніи миссіонеровъ среди народовъ, ими обращенныхъ; но эти извѣстія дѣлаются драгоцѣннѣйшимъ источникомъ для этнографіи и исторіи тѣхъ странъ, куда проникла католическая пропаганда. Достаточно указать на труды іезуитовъ и доминиканъ, относящіеся къ Китаю. Они легли въ основу изученія своеобразнаго устройства Небесной имперіи, ея языка и исторіи, и до сихъ поръ составляютъ необходимое пособіе для синологовъ. Какова бы ни была дѣятельность слишкомъ извѣстнаго ордена внутри Европы, нельзя не оцѣнить упорной настойчивости и самоотверженія іезуитскихъ проповѣдникокъ въ другихъ частяхъ свѣта, въ Америкѣ, Японіи, Китаѣ. Укажемъ на дѣятельность

католическихъ и протестантскихъ миссій нашего времени. Едва ли есть одно изъ племенъ, открытыхъ европейцами, къ которому не проникало бы ихъ прямое или косвенное вліяніе. Донесенія и отчеты миссій, дѣйствующихъ, напримѣръ, на островахъ Тихаго океана, исполнены высокаго интереса. Въ мелочныхъ подробностяхъ раскрываютъ они передъ любопытнымъ читателемъ положеніе проповѣдниковъ, начиная отъ самыхъ первыхъ попытокъ къ водворенію и обращенію до болѣе или менѣе полнаго господства надъ умами обращенныхъ язычниковъ. Природа страны, образъ жизни, нравы жителей описываются во всей полнотѣ, собираются свѣдѣнія объ устныхъ преданіяхъ, производятся изслѣдованія объ языкѣ и религіозныхъ вѣрованіяхъ туземцевъ. А между тѣмъ нельзя не сознаться, труды западныхъ миссіонеровъ въ значительной части случаевъ оказываются несостоятельными, несмотря на то, что успѣхъ, повидимому, покупается цѣною полнаго самоотверженія. Извѣстны судьбы христіанства въ Китаѣ. Сколько премени работаютъ тамъ проповѣдники, пробираясь всѣми путями, пользуясь всѣми благопріятными обстоятельствами, и однако же какъ малы успѣхи, а главное, какъ слабы задатки ихъ прочности. Очень часто успѣхъ оказывается только видимымъ, внѣшнимъ. Въ самой натурѣ жителей Срединнаго государства, въ тѣхъ условіяхъ, подъ которыми сложилась не только ихъ общественная жизнь, но и самое мышленіе, самыя пониманія предметовъ, заключается одно изъ главнѣйшихъ препятствій къ успѣшному насажденію христіанства. Въ Америкѣ, въ Океаніи—другія преграды, еще болѣе неодолимыя, какъ бы роковыя. Едва успѣютъ одолѣть миссіонеры немногосложныя вѣрованія туземцевъ, покорить ихъ новому ученію и положить основаніе на иныхъ началахъ построенному быту общества, какъ начинается постепенное, но неминуемое исчезновеніе этого общества, вымираніе туземцевъ, какъ бы вслѣдствіе ихъ столкновенія съ людьми иного племени, съ новою цивилизаціей, несвойственною ихъ природѣ. Часто миссіонерамъ остается быть свидѣтелями печальнаго разрушенія основаннаго ими христіанскаго общества, быть историками племени, на ихъ глазахъ исчезающаго. Факты медленнаго вымиранія туземцевъ Океаніи и Америки при столкновеніи ихъ съ европейцами слишкомъ извѣстны, чтобы повторять ихъ. Тѣмъ большій интересъ имѣютъ извѣстія миссіонеровъ, еще заставшихъ туземцевъ во всей чистотѣ ихъ первоначальнаго быта, и для многихъ мѣстностей они будутъ составлять едва ли не главный, если не единственный, источникъ, изъ котораго можно получить свѣдѣнія о характерѣ и бытѣ выродившагося или вымершаго племени.

Оставляя въ сторонѣ проповѣдь Евангелія, шедшую изъ Византіи, и останавливаясь только на распространеніи христіанства въ предѣлахъ Россійской имперіи и притомъ трудами духовенства и правительства русскаго, нельзя не остановиться на нѣкоторыхъ особенностяхъ. Христіанство въ этихъ предѣлахъ не встрѣчаетъ тѣхъ внутреннихъ препятствій,

которыя бы вытекали изъ самой природы племенъ, между которыми оно распространяется. Не говоримъ уже о племенахъ славянскихъ. Подобно кельтамъ и германцамъ, они цѣльно приняли проповѣдь евангельскую и сдѣлались орудіями ея дальнѣйшихъ успѣховъ. Но и тѣ племена, къ которымъ приносили эту проповѣдь русскіе благовѣстники, никакъ не могутъ быть сравниваемы съ туземцами Америки или Океаніи. Ихъ отношенія къ племенамъ славянскимъ, явившимся проводниками христіанскихъ вѣрованій, совсѣмъ не тѣ, какія мы встрѣчаемъ у туземцевъ Сѣверной Америки и острововъ Тихаго океана при столкновеніяхъ съ европейцами. Быть можетъ, многое зависитъ отъ природныхъ условій славянской расы, служащей посредницею. Не имѣя той упругости, которою въ высшей степени отличается, напримѣръ, раса англо-саксонская, славянская раса не имѣетъ и ея исключительности, не оказываетъ того гибельнаго, разъѣдающаго вліянія, какое является почти неизбѣжнымъ слѣдствіемъ столкновенія людей англиканскаго происхожденія съ племенами низшей цивилизаціи. Она болѣе способна примѣняться къ тому племени, съ которымъ сводитъ ее судьба, болѣе уступчива и податлива къ воспринятію въ себя чуждыхъ элементовъ, къ претворенію ихъ въ свою плоть и кровь. Результатомъ ея столкновеній съ инородцами бываетъ сліяніе съ нею, а не уничтоженіе послѣднихъ. Посмотрите на русскихъ въ Восточной Сибири. Съ какою легкостью прилаживаются они къ племенамъ совершенно чуждаго происхожденія и какъ скоро, сохраняя вполнѣ основы своей народной особенности, принимаютъ на себя многое изъ образа жизни инородцевъ. Въ Якутскомъ краѣ рѣдкій изъ русскихъ не говоритъ бѣгло по-якутски, употребляя этотъ языкъ часто безъ нужды въ разговорахъ между собою. То же самое видимъ у русскихъ поселенцевъ, живущихъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ тунгузами и бурятами. Цѣной внѣшнихъ и временныхъ уступокъ пріобрѣтается болѣе прочное и существенное вліяніе. Можетъ быть, эта способность къ принятію чуждой народности и иной цивилизаціи таится и въ природѣ племенъ, населяющихъ пространство имперіи. Какъ бы то ни было, но въ предѣлахъ Россіи сліяніе разныхъ племенъ, принятіе ими высшей гражданственности не встрѣчаютъ тѣхъ препятствій, какія находятъ они въ другихъ странахъ свѣта. Христіанство должно было распространяться здѣсь съ большею легкостью, чѣмъ гдѣ-либо, потому что находимо болѣе выгодныя условія; и фактъ быстраго распространенія русской народности и внѣшняго расширенія предѣловъ восточно-христіанскаго міра служитъ лучшимъ тому доказательствомъ.

Распространеніе христіанства между каждымъ племенемъ иновѣрческимъ имѣетъ два необходимые періода. Первый періодъ это — начальное ознакомленіе иновѣрцевъ съ истинами христіанской религіи, признаніе ея превосходства надъ прежними вѣрованіями, побѣда, такъ сказать, еще внѣшняя, поверхностная, и второй, это — постепенное проникновеніе

христіанства въ глубину сознанія новообращенныхъ, коренное измѣненіе понятій, нравственности и самаго быта подъ благотворнымъ вліяніемъ Божественнаго ученія. Очевидно, что на внѣшнемъ принятіи христіанской вѣры язычниками нельзя еще успокоиться, и едва ли кто-нибудь можетъ удовлетвориться такимъ описаніемъ религіознаго состоянія новообращенныхъ, какое, напримѣръ, дѣлаетъ о. П. Хитровъ, говоря о крещеныхъ якутахъ и тунгузахъ Жиганскаго улуса: „Несмотря на скудость въ средствахъ къ духовному образованію и на то, что въ цѣломъ улусѣ нѣтъ ни одного грамотнаго человѣка, чистота нравовъ, христіанская любовь къ ближнему и безпредѣльная вѣра въ святое Провидѣніе едва ли достигаютъ въ нѣкоторомъ отношеніи такого совершенства между людьми образованными, какое можно найти у здѣшнихъ инородцевъ. *Правда,* по неимѣнію на ихъ языкѣ грамоты, *они не знаютъ молитвъ и слабое имѣютъ понятіе о догматахъ православной вѣры, но за то въ нихъ преобладаетъ во всемъ вѣра.* Нельзя сказать, чтобъ они были совершенно свободны отъ тѣхъ суевѣрій и предразсудковъ, которые вмѣстѣ съ бытіемъ своимъ наслѣдовали отъ своихъ предковъ язычниковъ. Кое-гдѣ встрѣчаются донынѣ остатки древняго шаманства“ и т. д. (Записки С.-Пб. Отд. Имп. Геогр. Общ., кн. I, отд. I, стр. 83). Какъ ни высоко цѣнитъ почтенный о. Хитровъ вѣру жиганскихъ якутовъ, какъ ни хочетъ онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ поставить ихъ даже выше людей образованныхъ, но, мы думаемъ, онъ и самъ согласится съ нами, что, прежде чѣмъ назвать ихъ христіанами, необходимо, чтобъ они умѣли молиться христіанскому Богу и имѣли понятіе хотя о важнѣйшихъ догматахъ православія: иначе у насъ произойдетъ странное смѣшеніе понятій и мы признаемъ за христіанъ тѣхъ чувашъ, которые въ молитвахъ ко злой Кереметн, имѣющей власть надъ плодородьемъ земли, призываютъ, между прочимъ, Николу-Тора. Внѣшнее признаніе превосходства христіанской религіи надъ языческими заблужденіями есть, конечно, первый и труднѣйшій шагъ, но за нимъ должно слѣдовать дальнѣйшее христіанское воспитаніе обращаемыхъ. Въ исторіи распространенія христіанства въ Россіи нельзя останавливаться только на внѣшнемъ расширеніи его предѣловъ, но столько же интересно и поучительно слѣдить за его укорененіемъ въ сознаніи и въ жизни покорившихся ему народовъ.

Въ настоящее время огромное большинство населенія Имперіи — христіане православной церкви. Какими путями совершилось ихъ обращеніе, какими средствами приведены были разновѣрныя племена къ убѣжденію въ несостоятельности прежнихъ вѣрованій, что̀ противопоставляли они проповѣди Евангелія и чѣмъ разрушены были ихъ предубѣжденія? Какія были мѣры православной церкви къ обращенію язычниковъ, что̀ дѣлается для обращенія тѣхъ племенъ, которыя до сихъ поръ еще остаются во тьмѣ заблужденія? Вотъ вопросы, интересные не только для каждаго вѣ-

рующаго, но и для каждаго любознательнаго человѣка. Отвѣта на нихъ должно искать или въ источникахъ церковныхъ, или въ распоряженіяхъ правительства, помогавшаго церкви въ великомъ дѣлѣ обращенія иновѣрцевъ. Взглянемъ, насколько тѣ и другія даютъ матеріалы для обстоятельнаго и яснаго изложенія исторіи обращенія иновѣрцевъ къ православному ученію греко-россійской церкви.

Въ исторіи русской церкви нѣтъ недостатка въ мученикахъ, своею кровью запечатлѣвшихъ подвигъ благовѣстія. Отъ свв. Леонтія и Исаіи, епископовъ ростовскихъ, такъ много потрудившихся для утвержденія вѣры въ суровой области, близкой къ таинственному міру финскаго сѣвера, до Мисаила, архіепископа рязанскаго, мученически погибшаго въ 1655 г. среди шацкой мордвы, и до о. Ювеналія, убитаго на проповѣди дикарями Аляски въ 1796 г., можно привести довольно именъ, память которыхъ хранится потомствомъ. Что не было недостатка въ дѣятеляхъ, это лучше всего доказывается громадностью совершившагося обращенія. Къ сожалѣнію, нелегко сказать, при какихъ обстоятельствахъ были достигнуты эти результаты. Всего проще и естественнѣе было бы обратиться за свѣдѣніями къ того же рода источникамъ, откуда, напримѣръ, почерпаются обильныя указанія для распространенія церкви западной, то-есть, къ житіямъ самихъ подвижниковъ, къ разсказамъ объ ихъ дѣятельности, составленнымъ если не ими самими, то ихъ современниками или ближайшими по времени потомками. Но для этого необходимо, чтобы житія святыхъ были собраны, сличены по различнымъ редакціямъ, сохранившимся отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, очищены отъ искаженій и позднѣйшихъ вставокъ переписчиковъ и, наконецъ, изданы. Трудъ огромный, котораго еще ждетъ въ будущемъ русская наука. Въ общественныхъ и частныхъ книгохранилищахъ находится безчисленное множество списковъ отдѣльныхъ житій, похвалъ, чудесъ и т. д. Почти столько же записано въ сборникахъ духовнаго и смѣшаннаго содержанія, которыхъ составленіе и чтеніе было почти главною пищей для умственной дѣятельности нашихъ предковъ. Не говоря о богатствахъ Патріаршей библіотеки, сравнительно бѣдная библіотека Соловецкой обители, кромѣ отдѣльлыхъ житій, десятками считаетъ сборники, въ которыхъ они встрѣчаются. Весь этотъ матеріалъ далеко не приведенъ въ извѣстность и даже въ ясность. Мы до сихъ поръ не вполнѣ знаемъ, какими сокровищами владѣемъ. При такомъ положеніи, объ изданіи, о критическомъ сводѣ и очищеніи рукописей, очевидно, нечего и думать. Только весьма съ недавняго времени начали пользоваться житіями, какъ историческимъ источникомъ; а между тѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ уже утрачены или, по крайней мѣрѣ, считаются потерянными. Давно ли подвергли критическому разсмотрѣнію столь важныя для русской исторіи житія свв. Авраамія Ростовскаго, Константина Муромскаго? Изданныя же житія въ прологахъ, четіи-минеяхъ и т. д., вполнѣ удовлетворяя благочестивой любо-

знательности читателей, не могутъ замѣнить критическаго изданія по рукописямъ. Сдѣлаемъ, впрочемъ, одну оговорку. Какъ ни прискорбно отсутствіе полнаго собранія житій святыхъ русскихъ, но нельзя думать, чтобъ изданіемъ рукописныхъ житій давался очень обильный матеріалъ для исторіи христіанской проповѣди въ предѣлахъ Россіи. Недоступныя въ настоящее время для большинства любителей русской исторіи рукописныя сокровища духовной литературы обращали, однако, на себя вниманіе тѣхъ изслѣдователей, положеніе и занятіе которыхъ позволяли имъ пользоваться ими. Прежде всего къ нимъ должны были прибѣгать по необходимости историки Греко-Россійской церкви, и они умѣли извлечь изъ нихъ много новыхъ и интересныхъ данныхъ для своего предмета. Послѣдній по времени трудъ по нашей церковной исторіи, сочиненіе пр. Макарія, епископа Винницкаго (Исторія Русской церкви, т. III, С.-Петерб., 1857 г.), представляетъ превосходныя изслѣдованія на основаніи первоначальныхъ источниковъ.

Чѣмъ служили примѣчанія къ „Исторіи государства Россійскаго“ для людей, занимавшихся русскою исторіей, до появленія изданій Археографической Коммиссіи, тѣмъ могутъ служить теперь примѣчанія къ „Исторіи Русской церкви“ пр. Макарія. Въ нихъ не только вошло множество извлеченій изъ неизданныхъ источниковъ, но помѣщено въ первый разъ нѣсколько памятниковъ вполнѣ, такъ что трудъ пр. Макарія до нѣкоторой степени можетъ замѣнить самыя рукописи. Преосвященныхъ Макарія и Филарета, очевидно, нельзя упрекнуть въ недостаточномъ вниманіи къ этимъ важнымъ источникамъ для русской исторіи. По тому, что̀ извлекли изъ рукописныхъ житій эти историки церкви, можно судить о характерѣ историческаго матеріала, которымъ они пользовались. Прежде всего видно, что въ нихъ нечего искать много подробностей для изложенія исторіи проповѣди христіанства въ Россіи. Составители жизнеописаній довольствовались краткимъ и сжатымъ указаніемъ на результаты дѣятельности благовѣстниковъ, не останавливаясь на описаніи всѣхъ обстоятельствъ борьбы съ язычниками, проходя большею частью молчаніемъ подробности ихъ первыхъ встрѣчъ и отношеній и очень рѣдко упоминая о тѣхъ заблужденіяхъ, съ которыми приходилось бороться проповѣдникамъ истины.

Не всегда встрѣчаемъ мы достаточно данныхъ для опредѣленія личнаго характера описываемыхъ подвижниковъ. Мало житій останавливаются на обозначеніи тѣхъ побужденій, которыя влекли избранныхъ изъ тихаго убѣжища монастырскаго на тревожную и опасную дѣятельность обращенія полудикихъ язычниковъ. Житія Трифона Печенѣгскаго и Трифона Вятскаго составляютъ рѣдкое исключеніе по представляемымъ ими живымъ подробностямъ. Итакъ, одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ оказывается недостаточнымъ и скудно вознаграждаетъ изслѣдователя. Достаточно посмотрѣть въ трехъ вышедшихъ томахъ „Исторія Русской

церкви" пр. Макарія отдѣлъ о распространеніи христіанства, чтобъ убѣдиться, какъ мало можно извлечь положительныхъ данныхъ при самомъ неутомимомъ трудолюбіи и при всей возможности пользоваться первоначальными источниками. Отъ св. Владиміра до татарскаго нашествія не болѣе 20-ти страницъ заняты въ трехъ томахъ этимъ отдѣломъ, включая тутъ же и критическія изслѣдованія *). Не болѣе найдемъ мы и въ исторіи преосвященнаго Филарета. Сколько мы можемъ судить, основываясь на разысканіяхъ этихъ всѣми достойно признанныхъ авторитетовъ, нужно отказаться отъ надежды получить большой запасъ свѣдѣній даже подъ условіемъ собранія и изданія рукописныхъ памятниковъ. Житія русскихъ святыхъ также немного даютъ и для той важной стороны, которою распространеніе христіанства совпадаетъ съ распространеніемъ гражданственности. Подробности объ устройствѣ обителей, о расчищеніи пашней, которымъ оно обыкновенно сопровождалось, о проложеніи путей, о первыхъ начаткахъ земледѣлія и торговли, о первыхъ осѣдлыхъ земледѣльческихъ поселеніяхъ, основывавшихся подъ сѣнью монастырей, о сношеніяхъ русскихъ иноковъ и поселенцевъ съ обращенными или упорствовавшими язычниками, о вліяніи первыхъ на измѣненіе быта и нравовъ послѣднихъ—всѣ эти подробности, въ высшей степени интересныя для историка, едва ли найдутся въ достаточномъ количествѣ для составленія по возможности полной картины распространенія образованности подъ покровомъ религіи. Въ этомъ отношеніи нѣтъ разницы между древнѣйшими житіями и тѣми изъ нихъ, составленіе которыхъ относится къ болѣе позднему времени. Нѣсколько болѣе могутъ дать пастырскія посланія нашего духовенства. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, встрѣчаемъ мы болѣе полное указаніе на тѣ заблужденія, которыя упорно хранились обращенными уже въ христіанство, видимъ заботу объ искорененіи этихъ остатковъ язычества и борьбу съ ними. Таковы посланія новгородскихъ архіепископовъ Макарія и Ѳеодосія въ Воцкую Пятину, митрополита Симона въ Пермь и др.; въ XVIII столѣтіи начинаются болѣе удовлетворительныя указанія объ обращеніи иновѣрцевъ. По временамъ правительство принимало дѣятельныя мѣры для достиженія этой цѣли. Снаряжались особыя миссіи, посылались проповѣдники и т. д. Но свѣдѣнія имѣютъ по преимуществу характеръ офиціальный, ограничиваются сообщеніемъ достигнутыхъ результатовъ, по крайней мѣрѣ, сколько можно судить по изданнымъ источникамъ. Обстоятельнаго разсказа о дѣйствіяхъ проповѣдниковъ, о томъ, какъ дѣйствовали они на умы язычниковъ, какое вліяніе оказывало новое ученіе на измѣненіе нравовъ и понятій, какъ глубоко проникали истины христіанской религіи, мы не встрѣчаемъ въ тѣхъ документахъ, которыми можетъ пользоваться изслѣдователь, и только по нѣкоторымъ отрывочнымъ фактамъ можемъ иногда

*) Т. I, стр. 4—12. Т. II, стр. 17—28. Т. III, стр. 26 (1-ое издан.).

дѣлать соображенія. Мы знаемъ, напримѣръ, изъ Полн. Собр. Зак., что преосв. Питиримъ Нижегородскій обратилъ нѣсколько тысячъ иновѣрцевъ магометанскаго закона и идолопоклонниковъ по увѣщанію Св. писанія. Знаемъ, что по указу Анны Ивановны отъ 11-го сентября 1740 г. назначена была цѣлая миссія для обращенія инородцевъ Казанской губерніи, что ей дана была особенная иструкція, что начальникомъ ея назначенъ былъ архим. Димитрій Сѣченовъ, продолжавшій свою дѣятельность и послѣ посвященія его въ санъ епископа Нижегородскаго. Знаемъ и общій результатъ этой дѣятельности: въ 1746 г. въ Нижегородской епархіи новокрещенныхъ было 50,430 человѣкъ въ 132 деревняхъ (Истор. Нижегор. іерарх., 118). Но этимъ общимъ выводамъ мы и должны удовлетворяться. Между тѣмъ волненіе, обнаружившееся въ 1808 году у Терюшевской мордвы, гдѣ мордовскій прорицатель Кузька увлекъ было къ прежнимъ языческимъ вѣрованіямъ своихъ соплеменниковъ, еще около 1743 года обращенныхъ Димитріемъ Сѣченовымъ, показываетъ, что сѣмена просвѣщенія еще не успѣли достаточно укрѣпиться на этой невоздѣланной и, можетъ быть, нѣсколько пренебреженной почвѣ. Точно такъ же мало подробностей и о миссіонерской дѣятельности Веніамина Пуцека Григоровича, бывшаго впослѣдствіи митрополитомъ Казанскимъ и обратившаго большое число татаръ, черемисъ, чувашъ, мордвы и вотяковъ Казанской губерніи. По мѣстному преданію, цѣлыми толпами крестилъ онъ чувашъ, давая имъ свое мірское имя Василія, при чемъ воспріемникомъ былъ діаконъ Иванъ Аѳанасьевъ, и русское населеніе Казанской губерніи зоветъ каждаго чувашенина Василіемъ Ивановичемъ (Изслѣд. объ инородц. Казан. губ., *Сбоева*, 13, прим.). Но лѣтъ 30, 40 тому назадъ большая часть Василіевъ Ивановичей еще твердо вѣрила въ своихъ прежнихъ добрыхъ и злыхъ боговъ и приносила жертвы въ завѣтныхъ Кереметяхъ. Какимъ путемъ искоренялись эти заблужденія, объ этомъ свѣдѣній чрезвычайно мало. Болѣе подробныя извѣстія желательно было бы имѣть о дѣятельности преосв. Дамаскина въ концѣ прошлаго столѣтія, о проповѣди Филарета, митрополита Кіевскаго, въ 1830 г. въ Казанской губерніи, о тобольскихъ архіереяхъ, много содѣйствовавшихъ обращенію сибирскихъ инородцевъ, о трудахъ миссій, отправленныхъ изъ Московской академіи въ Камчатку въ 1742 г., и о многихъ другихъ подвигахъ русскихъ благовѣстниковъ. Результаты извѣстны, но понятно желаніе присутствовать мыслью при самыхъ трудахъ, которыми они были достигнуты. Искать дополненій въ правительственныхъ актахъ,—но они, очевидно, не могутъ представить ихъ очень много. Въ правительственныхъ актахъ найдемъ мы общія распоряженія, иногда упоминаніе о какомъ-нибудь частномъ случаѣ, наконецъ, признаніе неудовлетворительности прежнихъ мѣръ—не болѣе. Ввести насъ въ самый кругъ миссіонерской дѣятельности, поставить лицомъ къ лицу съ живыми дѣятелями они, очевидно, не въ силахъ. Они даютъ только понятіе о правительствен-

ныхъ мѣрахъ, благопріятствовавшихъ дѣлу обращенія или чѣмъ-нибудь его замедлявшихъ, да сообщаютъ статистическую цифру, болѣе или менѣе соотвѣтствующую дѣйствительности. Изъ грамоты Ивана Грознаго святителю Гурію узнаемъ мы, что правительство заботливо вникло въ положеніе ново-устрояемой церкви посреди враждебнаго населенія, только что покореннаго оружіемъ, что оно указало на лучшій способъ дѣйствія къ распространенію христіанства и къ охраненію новообращенныхъ отъ соблазна и отступничества. Въ превосходныхъ донесеніяхъ губернатора Неплюева предложены лучшія средства для поселенія ставропольскихъ калмыковъ, для утвержденія въ кочевыхъ пришельцахъ христіанской гражданственности. Но всѣмъ этимъ не вполнѣ еще удовлетворяется любознательность. Намъ хотѣлось бы прислушаться къ словамъ перваго святителя покоренной Казани, бесѣдующаго тихо, *съ умиленіемъ* съ татарами, приходящими къ нему ударить челомъ; намъ интересно было бы посмотрѣть на калмыка, впервые узнавшаго вѣрованія того народа, среди котораго нашелъ онъ убѣжище; а для всего этого необходимъ разсказъ близкаго свидѣтеля-очевидца, а не наказная память, не офиціальное распоряженіе. Извѣстно распоряженіе XVII стол., по которому духовное лицо могло принять иновѣрца и инородца въ лоно православной церкви только по государеву указу, и можно представить себѣ, какъ замедлялось этимъ обращеніе въ отдаленныхъ мѣстахъ государства; но только частные случаи, извлеченные г. Райскимъ изъ дѣлъ областного якутскаго архива, показываютъ, чѣмъ становилось такое неловкое распоряженіе въ рукахъ самовольнаго и своекорыстнаго воеводы (Записки С.-Пб. Отд. Импер. Геогр. Общ., кн. I, отд. III, стр. 18). Правительственные акты, безспорно, весьма важный и необходимый источникъ, безъ котораго нельзя обойтись, но они не въ состояніи замѣнить недостатокъ показаній, идущихъ отъ самихъ дѣятелей или отъ лицъ, къ нимъ близкихъ. Замѣтимъ еще и то, что распоряженія XVII и XVIII стол. не всегда отличались послѣдовательностью и выдержанностью направленія, а это должно было неблагопріятно дѣйствовать на ихъ исполненіе.

При всѣхъ этихъ обстоятельствахъ не удивительно, что наша научная литература такъ не богата изслѣдованіями относительно распространенія христіанства между иновѣрцами, и что и эти немногія изслѣдованія, которыя всѣ легко могутъ быть перечислены, не вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ. Возьмемъ для примѣра одинъ изъ лучшихъ трудовъ въ этомъ родѣ, прекрасную статью архимандрита Макарія: „Распространеніе христіанской вѣры въ предѣлахъ Пермской епархіи" (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1857 г., февраль, отд. II, стр. 225—285). Авторъ не ограничился тѣми матеріалами, какіе доставлялись ему житіями и актами правительства, не только выбралъ все, что могло быть для него интереснымъ изъ 3 томовъ „Хозяйственнаго описанія Пермской губерніи", изданнаго въ 1811 году Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Об-

ществомъ и заключающаго большой запасъ всякаго рода свѣдѣній, но онъ собралъ всѣ извѣстія, какія можно было получить только на мѣстѣ, объ основаніи церквей, монастырей, часовенъ, воспользовался надписями, старался опредѣлить вліяніе русскихъ поселеній на обращеніе туземцевъ,— однимъ словомъ, не упустилъ изъ виду ни одного источника, и однако-жъ его изложеніе не вполнѣ соотвѣтствуетъ труду, употребленному на него изслѣдователемъ. Причина заключается, очевидно, въ свойствѣ и числѣ самыхъ источниковъ, и до неожиданнаго открытія какихъ-нибудь новыхъ матеріаловъ статья архимандрита Макарія будетъ служить полнѣйшимъ сводомъ всего, чѣмъ владѣетъ наука относительно избраннаго имъ вопроса. То же самое можно сказать о тѣхъ страницахъ другого сочиненія того же автора: „Исторія Нижегородской іерархіи“ (С.-Петербургъ, 1857 г.), которыя посвящаетъ онъ обращенію иновѣрцевъ. И здѣсь самое добросовѣстное изслѣдованіе дало, однако, очень немного. Дѣла Нижегородской консисторіи и Полное Собраніе Законовъ представили цифру крещеныхъ иновѣрцевъ, указали мѣры для приготовленія духовныхъ лицъ и самихъ же инородцевъ, приведены два или три частные случая, и только. Главное препятствіе къ составленію обстоятельнаго изложенія исторіи христіанской проповѣди въ Россіи заключается, повторяемъ, въ отсутствіи показаній самихъ дѣятелей, въ неимѣніи подробныхъ разсказовъ о ходѣ ихъ проповѣди со всѣми случайностями, съ благопріятными или неблагопріятными условіями, ее сопровождавшими. Пока сами благовѣстники будутъ хранить упорное молчаніе, трудно по заслугамъ оцѣнить ихъ дѣятельность. Понятно, какою радостью привѣтствуемъ мы первое изданіе, полагающее начало болѣе близкому знакомству съ этою главнѣйшею стороной исторіи просвѣщенія въ Россіи. Мы говоримъ о явившемся въ нынѣшнемъ году сборникѣ: „Памятникъ трудовъ православныхъ благовѣстниковъ русскихъ съ 1793 до 1853 г. Москва. 1857 г.“.

Цѣль сборника достаточно объяснена въ предисловіи. „Забвеніе и даже неполное знаніе о трудахъ благочестивой ревности русскихъ благовѣстниковъ можетъ подать поводъ къ несправедливымъ толкамъ. И дѣйствительно, встрѣчаются между Русскими христіанами православные по вѣрѣ, которые, начитавшись красноглаголивыхъ разсказовъ о дѣятельности иностранныхъ миссіонеровъ, приписываютъ матери своей, святой православной церкви, мнимое бездѣйствіе, вмѣсто того, чтобы сознаться въ невѣдѣніи о ея подвигахъ.“ Мы старались выше указать на нѣкоторыя причины, объясняющія невольное невѣдѣніе и заключающіяся преимущественно въ отсутствіи достаточнаго числа данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы слѣдить за распространеніемъ православія въ предѣлахъ Имперіи. Противодѣйствовать этому невольному невѣдѣнію можно только собираніемъ и обнародованіемъ всѣхъ свѣдѣній объ апостольскихъ трудахъ русскихъ проповѣдниковъ, и составитель сборника, покойный Ал.

Ск. Стурдза, краткая біографія котораго помѣщена въ началѣ приготовленной имъ къ изданію книги, очень хорошо понималъ это. Ограничась послѣдними 60 годами до 1853 г., онъ перепечаталъ тѣ свѣдѣнія, которыя были помѣщены въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ о распространеніи христіанской вѣры въ Россіи. Этимъ онъ надѣялся положить „какъ бы начало и основу историческому памятнику вѣры, воздвигаемому въ нашемъ отечествѣ православно-каѳолическою церковью“ (заключительныя слова предисловія). Взглянемъ на исполненіе благого намѣренія и изложимъ главные результаты, представляемые обнародованными данными для исторіи проповѣди въ Россіи въ послѣднее время. Въ сборникѣ вошли статьи, уже напечатанныя въ *Христіанскомъ Чтеніи*, въ *Твореніяхъ Св. Отцовъ* и въ литературномъ отдѣлѣ *Московскихъ Вѣдомостей*. Кромѣ того, сюда же вошло сочиненіе протоіерея Веніамина, изданное въ 1840 г., и извлеченіе изъ отчета оберъ-прокурора святѣйшаго синода за 1852 годъ. Перепечаткой этихъ статей, разсѣянныхъ по періодическимъ изданіямъ, безспорно оказана услуга для тѣхъ, кто желалъ бы воспользоваться уже обнародованными свѣдѣніями; но крайне прискорбно, что почтенный составитель сборника ограничился одною перепечаткой, не прибавивъ вновь собранныхъ извѣстій, не сдѣлавъ даже примѣчаній и дополненій, во многихъ мѣстахъ совершенно необходимыхъ. Слѣдствіемъ этого является отрывочность, раздробленность представляемыхъ матеріаловъ, еще больше бросающаяся въ глаза съ тѣхъ поръ, какъ они собраны въ одну книгу. Свѣдѣнія, представляемыя сборникомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ только раздражаютъ любознательность, не удовлетворяя ея. Таковы въ особенности 1-я и 3-я статьи, о которыхъ мы скажемъ нѣсколько словъ прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію полныхъ отчетовъ нашихъ миссій. Первая статья, которою открывается „Памятникъ трудовъ русскихъ благовѣстниковъ“, есть „Обращеніе Осетинцевъ и Удовъ Кавказскихъ въ вѣру христіанскую до 1820 г.“. Въ ней на трехъ съ половиной страницахъ сообщены слѣдующія свѣдѣнія. Обращеніе осетинъ въ христіанство началось въ 1745 г. По 1767 годъ крещено 2,142 человѣка. Съ 1772 по 1792 г. — 6,057 душъ. Въ 1814 году осетины Нарскаго ущелья отнеслись къ главному начальству Грузіи съ просьбой опредѣлить къ нимъ священника, который въ теченіе семи мѣсяцевъ и крестилъ до 150 осетинъ. Съ этого времени осетинская коммиссія получила въ руководство правила, исполненіемъ которыхъ всего легче могла достигнуться цѣль обращенія. Въ вѣдомости, представленной въ 1820 году святѣйшему синоду отъ экзарха Грузіи Ѳеофилакта, всѣхъ обращенныхъ къ православію показано 40,335. Сверхъ того, крещено Удовъ 130 человѣкъ. Церквей, уже сооруженныхъ, было 13 каменныхъ и 4 деревянныхъ. Сооружалось 20 каменныхъ, 4 деревянныхъ; предположено соорудить 2 каменныхъ и 1 деревянную. Богослужебныя книги для обращенныхъ печатаются на осетинскомъ языкѣ гру-

зинскими церковными буквами. Этимъ ограничиваются всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя сборникомъ о распространеніи христіанства на Кавказѣ. Затѣмъ слѣдуютъ благочестивыя пожеланія, произвольная догадка, что „пламенникъ разрушительнаго ученія Магометова заимствовалъ ложный свѣтъ отъ мнимаго просвѣщенія аріанскаго“ (стр. 4), и замѣчаніе, что обращеніе магометанъ представляетъ болѣе затрудненій, нежели обращеніе язычниковъ. Послѣднее чрезвычайно вѣрно, и потому-то мы съ сожалѣніемъ смотримъ на каждую мѣру, благопріятствующую распространенію мусульманства на счетъ грубаго язычества въ Киргизской степи, точно также какъ и на усиленіе буддизма въ Восточной Сибири. Тѣмъ и другимъ, очевидно, затрудняется дѣло христіанскихъ проповѣдниковъ. Возвращаясь къ представленнымъ сборникомъ свѣдѣніямъ объ успѣхахъ проповѣди на Кавказѣ, съ невольнымъ изумленіемъ спрашиваешь себя, неужели это все, чѣмъ долженъ удовлетвориться заинтересованный читатель. Если у него нѣтъ ничего болѣе, то его невѣдѣніе и неизбѣжныя слѣдствія невѣдѣнія становятся извинительными. Въ 33 года, протекшіе со времени донесенія преосвященнаго экзарха Грузіи, до 1853 года, положеннаго предѣломъ сборнику, русское оружіе далеко проникло въ ущелья Кавказа и упрочило власть надъ закавказскими областями. Побѣдами русскихъ войскъ открывались новые пути для проповѣдниковъ. По мѣрѣ того, какъ въ умахъ горцевъ росла увѣренность въ могуществѣ Россіи, должно было облегчаться и дѣло благовѣстія. Не забудемъ, что для племенъ Кавказа христіанство не было новою религіей. Въ ущельяхъ, населенныхъ теперь мусульманскими или языческими жителями, разсѣяны остатки христіанскихъ храмовъ, и магометанство проникло во многія мѣстности не такъ давно. Многія племена, совратившіяся къ безсмысленнымъ заблужденіямъ язычества, еще хранятъ въ памяти смутныя преданія христіанской религіи, нѣкогда ими исповѣданной. Въ почти неприступной Сванетіи жители окружаютъ благоговѣйнымъ уваженіемъ запустѣвшія церкви, хранятъ, какъ святыню, оставшіяся тамъ иконы, и если преданы грубымъ суевѣріямъ, то единственно потому, что давно уже предоставлены самимъ себѣ и вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ утратили своихъ пастырей. Точно также въ другихъ мѣстностяхъ, нынѣ уже покоренныхъ русскимъ оружіемъ, хранятся остатки христіанскихъ преданій и еще не коснулась пропаганда корана. Возобновить въ памяти племенъ полузабытыя воспоминанія христіанства и огласить православнымъ богослуженіемъ безмолвныя стѣны уцѣлѣвшихъ храмовъ, по всей вѣроятности, легче, чѣмъ полагать вновь первыя начала благовѣстія, и не можетъ быть, чтобы въ теченіе 33-хъ лѣтъ не сдѣлано было никакихъ попытокъ къ водворенію христіанства въ странахъ, гдѣ оно нѣкогда исповѣдывалось. Вѣроятно, и осетинская коммиссія не оставалась бездѣятельною въ виду быстраго распространенія русскаго господства на Кавказѣ, и тѣмъ болѣе жаль, что составитель сборника не могъ пред-

ставить никакихъ данныхъ о проповѣди на Кавказѣ послѣ 1820 года, не сдѣлалъ, по крайней мѣрѣ, оговорки и указанія, гдѣ можно найти дополнительныя свѣдѣнія.

Третья статья сборника: „Выписка изъ дневника миссіонера, священника Александра Покровскаго, отправленнаго изъ Москвы, по Высочайшему повелѣнію, для наставленія въ христіанской вѣрѣ Черемисъ, зараженныхъ языческими суевѣріями“, заключаетъ не болѣе 6 страницъ (81 — 86) и представляетъ разсказъ о двухдневной дѣятельности проповѣдника въ августѣ 1829 года. Здѣсь даже нѣтъ тѣхъ краткихъ историко-статистическихъ указаній, какія были въ предыдущей статьѣ. Но зато есть разсказъ о дѣйствіяхъ проповѣдника, заставляющій сожалѣть, что помѣщена только выписка, а не самый дневникъ въ его полномъ видѣ. Миссіонеръ Покровскій разсказываетъ, что онъ выѣхалъ изъ Уржума въ Сернурскую волость, въ село Макарово, гдѣ за годъ передъ тѣмъ трое черемисъ разсказомъ сновидѣнія обратили къ язычеству своихъ соплеменниковъ, и нѣсколько тысячъ крещеныхъ черемисъ совершали жертвоприношенія. Отсюда, какъ изъ главнаго пункта, хотѣлъ онъ начать свои дѣйствія. На дорогѣ, въ селѣ Лоньялъ, Беляморской волости, миссіонеръ увидѣлъ толпы черемисъ, собранныхъ исправникомъ для произведенія повальнаго обыска; онъ не захотѣлъ пропустить благопріятнаго обстоятельства и, успѣвъ при помощи магометанина, князя Дивлетъ-Кильдеева, склонить Черемисъ, чтобъ они выслушали его, началъ свою проповѣдь. Увѣщанія о. Покровскаго увѣнчались успѣхомъ, и его слушатели на другой день объявили, что они вѣруютъ въ Іисуса Христа, и присутствовали при Божественной литургіи. Чрезвычайно интересенъ разсказъ о дѣйствіи проповѣди, о впечатлѣніи, произведенномъ картиной страшнаго суда, и т. д. Чѣмъ кончилась вообще миссія о. Покровскаго, мы не знаемъ. По отрывку можемъ судить, какое пріобрѣтеніе сдѣлала бы наша духовная литература, если бы напечатанъ былъ весь дневникъ. Въ „Памятникѣ трудовъ русскихъ благовѣстниковъ“ нѣтъ ничего болѣе объ обращеніи и утвержденіи въ вѣрѣ инородцевъ Приволжья и Прикамья, а между тѣмъ извѣстно, что то и другое вызывалось необходимостью и дѣйствительно происходило въ теченіе времени, обозначеннаго предѣлами сборника. Обращеніе мордвы, чувашъ, черемисъ и вотяковъ большими массами началось еще нѣсколько ранѣе половины прошлаго столѣтія. Много сдѣлано было коммиссіей новокрещенныхъ дѣлъ, образованною вслѣдствіе указа императрицы Анны Ивановны и дѣйствовавшей подъ начальствомъ архимандрита Димитрія Сѣченова въ предѣлахъ Казанской, Астраханской, Нижегородской и Воронежской губерній. Уже въ 1741 году Димитрій Сѣченовъ доносилъ, что въ Казанской и Нижегородской губерніяхъ „иновѣрцы цѣлыми деревнями и всѣми уѣздами, какъ мужескъ такъ и женскъ полъ, всѣ до единаго человѣка святымъ крещеніемъ просвѣтились“. Крестились, дѣйствительно, цѣлыми деревнями; но

дѣйствовалъ больше страхъ русской администраціи, денежное вознагражденіе и льготы, чѣмъ самая проповѣдь. Самыми дѣйствительными мѣрами для обращенія было освобожденіе крестившихся отъ власти мурзъ, зачетъ службы съ оцѣнкою по 5 рублей въ годъ въ уплату долга тѣмъ изъ нихъ, которые жили по заемнымъ крѣпостямъ у заимодавцевъ, свобода отъ податей и единовременная денежная награда. Изъ-за послѣдней многіе инородцы крестились по нѣскольку разъ. Много дѣйствовалъ также и дополнительный указъ о производствѣ ревизіи, изданный въ 1748 г., по которому велѣно было освободить крестившихся иновѣрцевъ Казанской, Нижегородской и Воронежской губерній отъ приписки къ адмиралтейству, которой подвергались остальные. Водворенное такимъ образомъ христіанство, очевидно, могло быть принимаемо только внѣшнимъ образомъ. Не разъ являлись обманщики, увлекавшіе новокрещеныхъ къ полному возстановленію прежняго языческаго богослуженія. Ѳеофанъ, епископъ Нижегородскій, долженъ былъ письменно обращаться къ чувашамъ, чтобъ опровергнуть нелѣпую выдумку какой-то Матрены, которая разглашала, что была взята на небо и тамъ получила приказаніе, чтобы новокрещеные побросали съ себя кресты и возвратились къ идолопоклонству. Въ 1808 году, какъ мы уже упоминали, сновидецъ Кузька увлекъ Терюшевскую мордву къ отпаденію отъ христіанства. Такой же случай въ 1828 году между черемисами былъ причиной отправленія о. Покровскаго. Такихъ случаевъ отпаденія было весьма много, да и не отпадавшіе только по имени считались христіанами. Древнія заблужденія, только нѣсколько видоизмѣненныя отъ поверхностнаго знакомства съ христіанствомъ, сохраняли свою силу надъ умами. Церковь посѣщалась только въ случаѣ необходимости, и крещеные инородцы жили одною жизнью съ некрещеными. У тѣхъ и другихъ образовалась дикая смѣсь языческихъ и христіанскихъ понятій. На чувашскомъ чукленьи (моленіи о хлѣбѣ) Іомса, перебравъ всѣхъ языческихъ богинь и боговъ, обращался въ заключеніе съ молитвой къ русскому Богу и къ Богу Николѣ, а это было уже у крещенныхъ чувашъ. „Въ нынѣшнее время, — говоритъ о. Вишневскій, извѣстный знатокъ чувашъ и черемисъ, и самъ бывшій среди нихъ миссіонеромъ, — некрещеные черемисы во время болѣзней своихъ еще прибѣгаютъ съ молитвами своими къ св. Николаю, Варсонофію и Казанской Божіей Матери, для чего они въ честь ихъ колютъ жеребятъ.“ По примѣру боговъ черемисскихъ, въ понятіяхъ язычниковъ и у этихъ христіанскихъ святыхъ есть свои сакчи (докладчики), которымъ приносятся въ жертву зайцы (*Казанскія Губ. Вѣд.* 1856 г., № 9). Такое печальное состояніе вѣрованій у инородцевъ давно обращало на себя вниманіе просвѣщенныхъ пастырей церкви. Лучшимъ средствомъ для водворенія христіанства было, безъ сомнѣнія, поставленіе священниковъ изъ людей, умѣвшихъ говорить съ новообращенными на ихъ языкѣ и могшихъ входить съ ними въ близкія сношенія. Уже

Димитрій Сѣченовъ началъ воспитывать въ Нижегородской семинаріи дѣтей изъ инородцевъ, чтобы приготовить ихъ къ занятію священно-и церковно-служительскихъ мѣстъ между ихъ соплеменниками. Дамаскинъ усилилъ въ Нижегородской семинаріи преподаваніе татарскаго, мордовскаго и чувашскаго языковъ. Это поддерживалось и его преемниками. То же самое было и въ епархіи Казанской, и Сбоевъ, съ дѣтства хорошо знавшій чувашъ, свидѣтельствуетъ о благотворномъ вліяніи духовенства, знавшаго языкъ и понятія своей паствы и, кромѣ того, обезпеченнаго въ матеріальныхъ средствахъ правительствомъ и потому избавленнаго отъ необходимости потакать заблужденіямъ (Изслѣд. объ инор. Каз. губ.).

Кромѣ заботъ о религіозномъ воспитаніи уже крещеныхъ инородцевъ, были заботы о крещеніи остававшихся въ язычествѣ. Преосв. Филаретъ, архіепископъ Казанскій, въ одномъ 1830 году обратилъ въ христіанство 2,268 чувашъ. Миссіонеры часто назначались для проповѣди, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, о. Вишневскій, составили себѣ извѣстность основательнымъ знакомствомъ съ языкомъ и бытомъ инородцевъ Поволжья. Свѣдѣнія о дѣятельности проповѣдниковъ, безъ всякаго сомнѣнія, имѣются гдѣ-нибудь, и тѣмъ болѣе жаль, что Ал. Ск. Стурдза осудилъ себя на роль простого перепечатывателя уже напечатанныхъ статей, а не постарался собрать эти свѣдѣнія, въ высшей степени интересныя. Одно изданіе полнаго дневника миссіонера Покровскаго, изъ котораго отрывокъ былъ напечатанъ въ *Христіанскомъ Чтеніи* и оттуда перепечатанъ въ сборникѣ, дало бы чрезвычайно много матеріаловъ, если судить по части о цѣломъ. Перепечатка же отрывка, безъ всякихъ предварительныхъ объясненій о причинахъ, вызвавшихъ отправленіе миссіонера, о дальнѣйшемъ ходѣ его проповѣди и окончательныхъ ея результатахъ, имѣетъ чрезвычайно мало значенія, точно такъ же, какъ и краткое извѣстіе объ обращеніи въ 1820 году осетинъ и удовъ, и не можетъ много помочь уничтоженію того невѣдѣнія, противъ котораго желалъ дѣйствовать составитель сборника. Мало того, 3-я статья можетъ ввести неприготовленнаго читателя въ невольное заблужденіе и подать поводъ къ ложнымъ заключеніямъ. Читатель, имѣющій только тѣ свѣдѣнія, которыя представляетъ ему „Памятникъ трудовъ православныхъ благовѣстниковъ русскихъ", имѣетъ нѣкоторое право считать миссію о. Покровскаго явленіемъ исключительнымъ, вызваннымъ случайными, временными обстоятельствами, между тѣмъ какъ въ этой мѣстности необходимость обращенія инородцевъ-язычниковъ и утвержденія христіанскаго ученія между крещеными, но еще не вполнѣ укрѣпившимися въ вѣрѣ и живущими почти такъ же, какъ и ихъ языческіе соплеменники,—эта необходимость существовала и существуетъ до сихъ поръ, равно какъ не перестаетъ существовать и дѣятельность просвѣщенныхъ пастырей церкви, вызываемая ею. Тѣ, которыхъ невѣдѣнію желалъ помочь составитель сборника, помѣщая небольшой отрывокъ изъ дневника миссіонера Покровскаго, можетъ быть, не

знаютъ и о существованіи миссіонерскаго отдѣленія въ Казанской духовной академіи и семинаріи, и для нихъ было бы очень важно получить хотя краткія свѣдѣнія объ успѣхахъ проповѣди между инородцами Казанской и сосѣднихъ съ нею губерній. Для нихъ много значили бы даже краткія перечневыя указанія въ родѣ тѣхъ, которыя представлены были относительно обращенія осетинъ, съ условіемъ, чтобъ эти указанія обнимали весь избранный составителемъ періодъ времени, а не одной его части и притомъ не самой важной. Этому можно бы удовлетворить однимъ примѣчаніемъ, хотя, разумѣется, лучше всего было бы собрать и обнародовать самые отчеты миссій и дневники миссіонеровъ. Къ счастью, о проповѣди у другихъ племенъ мы находимъ въ „Памятникѣ" подобные полные отчеты, и къ нимъ теперь и обратимся.

За статьею объ обращеніи осетинъ и удовъ слѣдуетъ полный дневникъ миссіи, дѣйствовавшей въ 1825 — 1830 годахъ между мезенскими самоѣдами. На огромномъ пространствѣ такъ называемой Мезенской тундры, которая тянется отъ р. Мезени до Уральскаго хребта и отъ границъ Вологодской губерніи до Сѣвернаго океана, съ давняго времени кочуютъ тундряные и лѣсовые роды самоѣдовъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ Иславинымъ („Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту", стр. 109), въ 1847 году на всѣхъ трехъ тундрахъ, на которыя дѣлится Мезенская тундра, то-есть, на Канинской, Тиманской и Больше земельской, самоѣдовъ считалось 2,545 мужского и 2,359 душъ женскаго пола, всего 4,904 человѣка. Олени, рыбные и звѣриные промыслы обезпечивали ихъ скудныя потребности до тѣхъ поръ, пока позднѣйшіе поселенцы не стѣснили первоначальныхъ владѣтелей тундры. Съ XVI столѣтія начали селиться въ Мезенской сторонѣ русскіе, число которыхъ увеличилось особенно во время смутъ XVII столѣтія и послѣ реформъ, произведенныхъ Петромъ Великимъ. Упорные приверженцы старыхъ обычаевъ, фанатическіе защитники обрядовой внѣшности и богослужебныхъ книгъ, не очищенныхъ отъ искаженій, толпами стремились къ берегамъ Сѣвернаго океана. Пустозерскъ и Усть-Цылемская волость были главными пунктами, гдѣ собрались русскіе поселенцы. Въ разныхъ мѣстахъ образовались отдѣльные, иногда одиночные выселки. Къ юго-востоку отъ Усть-Цылемской волости образовалось изъ смѣси русскихъ, зырянъ и 7-ми самоѣдскихъ семействъ поселеніе Ижемской волости, въ которомъ вполнѣ преобладаетъ элементъ зырянскій. И русскіе, и зыряне отличались предпріимчивою дѣятельностью, которой недоставало самоѣдамъ. Они овладѣли всѣми промыслами, завели оленеводство и мало-по-малу совершенно стѣснили бродячихъ сосѣдей до такой степени, что теперь не болѣе $^1/_7$ оленей всей тундры осталось за самоѣдами, остальные же перешли въ руки Пустозерскихъ, Ижемскихъ и Усть-Цылемскихъ поселенцевъ. Самоѣды стали въ зависимое положеніе отъ зырянъ и русскихъ и терпѣли отъ нихъ всякаго рода притѣсненія. Первоначальные обитатели тундры мало

пріобрѣли въ нравственномъ отношеніи отъ своихъ столкновеній болѣе съ развитыми пришельцами. По прежнему, Вайгачъ былъ священнымъ мѣстомъ, гдѣ находился древнѣйшій ихъ идолъ, седмиличный Весако (старикъ), окруженный множествомъ другихъ деревянныхъ и каменныхъ истукановъ. Въ разныхъ мѣстахъ тундры стояли другія грубыя изваянія, и у каждаго самоѣда въ особыхъ саняхъ хранились домашніе пенаты. По прежнему тадибеи неограниченно владѣли ихъ умами, кудесами призывая тадебціевъ, посредниковъ между человѣкомъ и верховнымъ божествомъ Илеумбарте—жизнедателемъ. Русскіе и зыряне мало обращали вниманія на просвѣщеніе дикарей. Ихъ дѣло было извлечь всевозможныя матеріальныя выгоды изъ своего превосходства.

Ижемская волость росла и богатѣла по мѣрѣ того, какъ истощались самыя необходимыя средства къ существованію самоѣдовъ. Въ Ижемѣ красовалось 5 богатыхъ церквей, въ домахъ у жителей было довольство, неизвѣстное крестьянамъ многихъ губерній внутренней Россіи. Зеркала, картины, мебель встрѣчались въ комнатахъ у ижемцевъ, которые 50 лѣтъ тому назадъ принуждены были жить въ работникахъ у пустозерцевъ. Этимъ благосостояніемъ зыряне Ижемской волости одолжены своему предпріимчивому духу, трудолюбію, умѣнью пользоваться всѣми средствами, которыя представляла занимаемая ими мѣстность; но многое досталось имъ также и грубою силой, наглыми притѣсненіями, которыя позволяли они себѣ относительно самоѣдовъ. Умственное и нравственное состояніе послѣднихъ нисколько не улучшилось, а между тѣмъ ихъ матеріальное благосостояніе было совершенно подорвано предпріимчивыми сосѣдями. Прежде у многихъ были стада въ 5,000 — 10,000 оленей; теперь богатымъ считается тотъ, у кого до 1,000 оленей, а такихъ уже очень мало. Половина самоѣдовъ Большеземельской тундры не имѣютъ вовсе стадъ, а живутъ, или нанимаясь въ работники у ижемцевъ, или кормясь милостыней около русскихъ поселеній. Мохъ, составляющій единственную пищу оленей, вытоптанъ многочисленными стадами ижемцевъ, которые все далѣе и далѣе втѣсняются въ глубину тундры, гоня передъ собою беззащитныхъ самоѣдовъ. Лучшіе промыслы захвачены также русскими и зырянами, на сторонѣ которыхъ тройное преимущество — силы, знанія и капитала. Бѣдственное положеніе самоѣдовъ обратило, наконецъ, на себя вниманіе правительства. Съ одной стороны, нужно было извлечь ихъ изъ того жалкаго положенія, въ которомъ они находились относительно религіозныхъ вѣрованій; съ другой стороны, оградить ихъ отъ тѣхъ притѣсненій, которыя грозили въ конецъ уничтожить и безъ того уже слабые остатки самоѣдскаго племени. Для первой цѣли 27-го декабря 1824 года снаряжена была миссія для обращенія самоѣдовъ въ христіанство. Начальникомъ миссіи былъ назначенъ архимандритъ Сійскаго монастыря, префектъ Архангельской семинаріи, о. Веніаминъ. Изъ его дневника и изъ разсказовъ знавшихъ его лично видно, что о. Веніаминъ вполнѣ по-

нималъ обязанности благовѣстника и былъ способенъ исполнить ихъ. Во время пятилѣтней миссіонерской дѣятельности онъ хорошо изучилъ всѣ подробности быта тѣхъ, къ кому обращалась его проповѣдь. Когда время препятствовало его разъѣздамъ по Мезенской тундрѣ, онъ переводилъ для новообращенныхъ Новый Завѣтъ на самоѣдскій языкъ, которымъ онъ владѣлъ вполнѣ. Послѣ его смерти остались въ рукописи самоѣдская грамматика и словарь, переводы катихизиса, разныхъ молитвъ и правилъ. Сочиненіе о. Веніамина о мезенскихъ самоѣдахъ, помѣщенное также уже послѣ его смерти въ *Вѣстникѣ Географическаго Общества* (1855, кн. III, отд. II, стр. 77), служитъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ руководствъ для знакомства съ бытомъ и религіозными вѣрованіями этого племени. Ввѣренная такому надежному руководителю, миссія должна была дѣйствовать съ успѣхомъ, и, дѣйствительно, пятилѣтніе труды ея прочно утвердили православіе до самаго Каменнаго пояса. 29-го января 1825 года отправилась изъ Архангельска миссія, напутствованная молитвами мѣстнаго духовенства. Главнымъ пунктомъ, откуда начались ея дѣйствія, былъ городъ Мезень, и весь 1825 годъ проведенъ былъ въ разъѣздахъ по Канинской и Тиманской, или Тіунской, тундрамъ. Проповѣдь Евангелія встрѣтила неожиданныя затрудненія, и притомъ со стороны самихъ русскихъ. Мезенскіе мѣщане и крестьяне распустили нарочно слухъ между самоѣдами, что, въ случаѣ крещенія послѣднихъ, у нихъ отнимутъ кочевья, припишутъ къ русскимъ селеніямъ, будутъ брать въ рекруты и дѣтей заберутъ въ солдатскія школы (стр. 13). Передъ отправленіемъ миссіонеровъ въ самоѣдскія кочевья, мезенцы бросились туда же, чтобъ отклонить самоѣдовъ отъ обращенія (стр. 17). Миссія должна была принимать предосторожности, чтобы противодѣйствовать такимъ внушеніямъ. Причины такого, повидимому, непонятнаго и неестественнаго образа дѣйствій мезенскихъ мѣщанъ и крестьянъ весьма просты. Часть жителей города Мезени, деревень на южной части Канина полуострова (Семжа, Мгла, Несь) и другихъ къ югу и востоку отъ Мезени занимаются или содержаніемъ оленьихъ стадъ, или рыбными и звѣриными промыслами. Въ томъ и другомъ случаяхъ самоѣды для нихъ необходимы. Безъ самоѣда мезенскій или пустозерскій промышленникъ не рискнетъ пуститься въ море на моржовый промыселъ. На Вайгачѣ и Новой Землѣ почти исключительно промышляютъ самоѣды (см. указанное выше сочиненіе Иславина). То же самое на о. Колгуевѣ, гдѣ самоѣдскіе работники живутъ по 10 лѣтъ безвыѣздно, тогда какъ ихъ русскіе хозяева наѣзжаютъ только временно и рѣдко рѣшаются зимовать тамъ *). На промыслахъ самоѣдъ ловокъ, отваженъ и смѣтливъ. Въ дальнихъ переѣздахъ по необозримой тундрѣ онъ какимъ-то чутьемъ угадываетъ дорогу. Необхо-

*) См. Островъ Колгуевъ, А. С. Савельева, *Ж. М. В. Д.*, ч. XXIX, кн. 2, 1850 года.

димъ самоѣдъ и русскимъ владѣльцамъ оленьихъ стадъ, какъ пастухъ и работникъ. Содержаніе самоѣдскаго работника почти ничего не стоитъ хозяевамъ. Обѣднѣвшіе самоѣды идутъ за ничтожную плату, требуя только пищи и одежды для себя и семейства, но и этой платы они почти никогда не получаютъ, потому что забираютъ въ долгъ у хозяевъ за непомѣрную цѣну табакъ и разныя вещи. Въ обыкновенномъ быту самоѣды почти не употребляютъ хлѣба, питаясь оленьимъ мясомъ и рыбой. Хозяинъ даетъ ему палыхъ или зарѣзанныхъ волкомъ оленей, гнилую и мелкую рыбу, на одежду бросая оставшіеся лоскутки оленьихъ шкуръ или старое платье.

Принятіе христіанства самоѣдами грозило подорвать экономическіе разсчеты русскихъ хозяевъ. Оно неминуемо возвышало содержаніе работниковъ, потому что первое дѣло духовенства было запретить новообращеннымъ употребленіе въ пищу падали. Кромѣ того, принятіе христіанства ставило самоѣдовъ подъ покровительство духовныхъ и свѣтскихъ властей, и, по крайней мѣрѣ, до нѣкоторой степени полагало предѣлы возмутительному произволу, которымъ отличались сношенія русскихъ съ жалкими дикарями. Потому они открыто стращали самоѣдовъ, объявляя, что они оставятъ ихъ и не будутъ давать пищи въ случаѣ принятія крещенія. Въ этомъ сознались миссіонерамъ самоѣды Канинскаго полуострова, отказываясь слушать проповѣдь. Миссія должна была уничтожить самую причину упорства. Въ декабрѣ 1825 г., при большомъ собраніи въ Мезени самоѣдовъ и ихъ хозяевъ, обнаружены были происки послѣднихъ и опровергнуты лживые слухи, ими пущенные. Въ присутствіи хозяевъ оленьихъ стадъ самоѣдамъ было доказано, что у нихъ не отнимутъ кочевьевъ и не заберутъ дѣтей въ школы. Кромѣ увѣреній миссіонеровъ, они получили удостовѣреніе отъ мѣстной градской и земской полиціи. Самые владѣльцы стадъ, обличаемые о. Веніаминомъ, тронутые его увѣщаніями, а, можетъ-быть, также и страхомъ отвѣтственности передъ закономъ за воспрепятствованіе намѣреніямъ правительства, отказались отъ своихъ происковъ.

По крайней мѣрѣ, о нихъ мы не находимъ уже извѣстій въ дневникѣ о. Веніамина. Въ слѣдующіе годы миссіи оставалось бороться только съ препятствіями, полагаемыми природой, и съ возраженіями, возникавшими отъ самихъ самоѣдовъ. Нѣсколько разъ приходилось проповѣдникамъ состязаться съ защитниками языческихъ суевѣрій. Главные аргументы, представляемые самоѣдскими возражателями, были слѣдующіе:

Ихъ вѣра превосходитъ христіанство, потому что по ней они легко узнаютъ будущее счастіе и несчастіе, удачу и неудачу въ промыслѣ, или могутъ узнать, гдѣ находятся похищенныя вещи, что по ней имъ жить очень легко и привольно, а въ христіанской очень тягостно. Легко было опровергать подобныя доказательства, но гораздо труднѣе было

одолѣть простое упорство, съ которымъ многіе заранѣе отказывались отъ всякихъ споровъ и не хотѣли слушать предлагаемыхъ имъ объясненій. Вотъ какъ описываетъ о. Веніаминъ свое знакомство съ самоѣдами Большеземельской тундры, прибывшими къ Пустозерску для взноса ясака: „Прежде всего старались мы войти съ ними въ знакомство и снискать ихъ пріязнь. Для этого имѣли съ ними многократные разговоры о разныхъ житейскихъ предметахъ, съ намѣреніемъ сблизиться съ ними, не упоминая о крещеніи; но въ поступкахъ самоѣдовъ увидѣли мы нѣчто странное. О чемъ бы мы ни спрашивали того или другого изъ самоѣдовъ, каждый давалъ намъ почти одинъ и тотъ же отвѣтъ: „Не хочу креститься“. При этомъ каждый изъ нихъ, одинъ передъ другимъ, спѣшилъ выступить изъ средины толпы впередъ, чтобы сказать за себя, что онъ не хочетъ креститься, и каждый, проговоривъ эти слова, немедленно отходилъ назадъ, уступая мѣсто другому, который дѣлалъ то же самое. Когда каждый порознь высказывалъ такимъ образомъ отказъ свой, они всѣ вмѣстѣ спѣшили удалиться, объявивъ, что имъ болѣе говорить нечего, ибо они отреклись отъ крещенія“ (стр. 42). Когда черезъ 2 дня самоѣдамъ рѣшились предложить проповѣдь прямо изъ слова Божія и объявили, что имъ теперь возвѣщены будутъ не человѣческія слова, а глаголы самого Бога, они закричали: „Мы ничего не поймемъ, мы не знаемъ по-русски, для чего и читать намъ“. Такое голословное упорство часто приходилось встрѣчать нашимъ миссіонерамъ, и иногда въ теченіе пяти лѣтъ они нѣсколько разъ обращались безуспѣшно съ проповѣдью къ однимъ и тѣмъ же самоѣдамъ, постоянно отказывавшимся выслушивать ихъ убѣжденія. Здѣсь уже нельзя объяснять происками русскихъ промышленниковъ; по крайней мѣрѣ, о. Веніаминъ не обвиняетъ ихъ въ этомъ. Напротивъ, о зырянахъ Ижемской волости онъ говоритъ съ благодарностью. Хозяева стадъ сами склонили совѣтами самоѣдовъ оставить идолопоклонство ради истинной вѣры. И дѣйствительно, у зырянъ составилось даже убѣжденіе въ томъ, что Богъ употребляетъ ихъ орудіемъ для образованія самоѣдовъ. Этимъ призваніемъ для высшей цѣли старались они оправдать свое незаконное вторженіе въ глубину тундры. „Для того Богъ, — говорили они Кастрену, — и послалъ зырянъ и русскихъ на тундру, чтобъ они научили самоѣдовъ жить по Божескому, по людскому. Ему угодно было предать оленей самоѣдскихъ въ наши руки, чтобы самоѣды переходили въ нашу вѣру. Теперь они наши слуги, работники, и если хорошо прослужатъ время ученья и станутъ истинными православными христіанами, то, конечно, Богъ ихъ не оставитъ безъ милости, ибо Онъ принимаетъ всякаго, кто Ему ввѣряется“ (*Вѣстн. Геогр. Общ.* 1856 г., кн. V).

Мы не будемъ входить въ подробности дѣйствій миссіи; скажемъ только, что съ 29-го января 1825 г. по 7-е іюля 1830 года она посѣтила всѣ кочевья Канинской, Тиманской и Большеземельской тундръ, а нѣко-

торыя даже по нѣскольку разъ. Лишенія, неразлучныя съ переѣздомъ по морю или по необозримымъ пространствамъ тундры, не останавливали проповѣдниковъ слова Божія. Огромное число каменныхъ или деревянныхъ истукановъ, почитаемыхъ самоѣдами, было истреблено миссіей на Вайгачѣ (421 деревян. и 20 камен.), въ рощѣ Косминъ Перелѣсокъ (700), около озера Харвея (23 к. и 30 д.), на морскомъ берегу противъ Вайгача (14 к. и 256 д.), на рѣкѣ Рыбной (90 д.), на Микулкинѣ Носѣ (200 д.) и во многихъ другихъ мѣстахъ. Съ особенною ревностью старались миссіонеры уничтожать идоловъ, потому что видѣли, какъ часто новообращенные увлекались къ своимъ грубымъ изваяніямъ чувствами невольнаго почитанія, укоренившимися еще съ дѣтства (стр. 47). Для обращенія миссія дѣйствовала исключительно силой одного убѣжденія. Важною помощью было знаніе самоѣдскаго языка и возможность передавать родными для дикарей звуками высокія истины Евангелія. Съ помощью крещенаго самоѣда, Василія Двойникова, выученнаго русской грамотѣ и грамматикѣ при миссіи, о. Веніаминъ письменно перевелъ на самоѣдскій языкъ почти всѣ книги Новаго Завѣта. „Многократные опыты показали, говоритъ о. Веніаминъ (стр. 41), что не менѣе надобно заботиться и объ обращенныхъ самоѣдахъ, какъ и о необращенныхъ. Я, вслѣдствіе этого, часто посѣщалъ чумы новокрещенныхъ.“

Въ теченіе пяти лѣтъ обращено было миссіей 1,676 самоѣдовъ мужского пола и 1,657 женскаго, всего 3,333 чел. Оставалось некрещеными, по вычисленію о. Веніамина, 680 душъ обоего пола.

По Высочайшему повелѣнію, ассигнована была сумма (21,428 руб. 50 коп. сер.) на устройство трехъ деревянныхъ церквей для самоѣдовъ и положены при нихъ причты. Особенное существованіе миссіи становилось не необходимымъ, и 7-го іюня 1830 года она возвратилась въ Архангельскъ. Этимъ оканчивается дневникъ о. Веніамина. Ни составитель сборника, ни издатели не потрудились присоединить дополнительныя свѣдѣнія о состояніи церквей, устроенныхъ для самоѣдовъ, и о вліяніи христіанства на нравы новообращенныхъ, хотя нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній были напечатаны ровно 10 лѣтъ до появленія „Памятника трудовъ русскихъ благовѣстниковъ“. Заимствуемъ ихъ вкратцѣ изъ сочиненія Иславина. Устроенныя церкви распредѣлены по одной въ каждой тундрѣ: въ Канинской при рѣкѣ Неси, въ Тиманской при рѣкѣ Пешѣ, а въ Большеземельской при рѣкѣ Колвѣ. Мимо первой и второй идетъ дорога изъ Мезени въ Пустоозерскъ. Колвинская выстроена вдали отъ главнаго пути сообщенія. При ней два священника: одинъ остается при церкви, другой находится въ безпрестанныхъ разъѣздахъ. Діаконъ занимается обученіемъ самоѣдскихъ дѣтей русской грамотѣ. Причтъ обезпеченъ денежнымъ жалованьемъ. При каждой церкви есть стадо оленей. На священникѣ лежитъ обязанность окончательнаго обращенія самоѣдовъ, но дѣло проповѣди идетъ медленно. Церковные причты не имѣютъ тѣхъ средствъ, ко-

торыми владѣла миссія, и имъ, кромѣ того, приходится имѣть дѣло съ тѣми, которые уже нѣсколько разъ отвергали проповѣдь Евангелія и стараются избѣгать сношеній съ миссіонерами. Прочнѣе всего утвердилось христіанство въ сосѣдствѣ ижемскихъ зырянъ. Здѣсь самоѣды приняли частью зырянскій языкъ и зырянскіе обычаи. Не безъ вліянія осталось также и сосѣдство русскихъ, за исключеніемъ Пустозерскаго вѣдомства, гдѣ самоѣды довольно твердо держатся племенного характера и на половину еще не просвѣщены крещеніемъ. Иславинъ былъ въ тундрахъ лѣтъ черезъ 13 послѣ окончанія миссіи о. Веніамина, и слѣдовательно, могъ уже замѣтить результаты обращенія самоѣдовъ въ христіанство. Самыя утѣшительныя свѣдѣнія о Колвинской церкви: 18 самоѣдскихъ мальчиковъ выучились при церкви читать и писать по-русски. Одни изъ нихъ поступили въ причетники или писаря къ самоѣдскимъ старшинамъ. Нѣкоторые женились на зырянкахъ и самоѣдкахъ и поселились при Колвинской церкви, такъ что образовали осѣдлое поселеніе изъ 12-ти избъ. Вліяніе христіанства отразилось и на положеніи женщины у самоѣдовъ, нѣсколько поднявъ ее изъ несчастнаго униженія. Правда, она и до сихъ поръ считается нечистою, но не до такой степени, какъ у самоѣдовъ, оставшихся въ язычествѣ. Крещеные мало-по-малу отвыкаютъ ужѐ отъ окуриванія верескомъ или оленьимъ саломъ вещей, черезъ которыя нечаянно переступила женщина, тѣмъ самымъ сдѣлавшая ихъ нечистыми. Уничтожалась и неприступная для женщины святыня *синикуя* (мѣсто въ чумѣ прямо противъ входа). Тамъ теперь стоитъ образъ, дѣлающій всякое мѣсто святымъ, какъ говорятъ самоѣды. Многіе, чтобы не сказать всѣ, сулятъ самоѣдамъ будущность сѣверо-американскихъ дикарей, исчезнувшихъ или исчезающихъ при столкновеніи съ племенами высшей цивилизаціи. „Свѣтъ долженъ изгнать тьму, вотъ причина уменьшенія остяцкихъ, самоѣдскихъ и даже вогульскихъ племенъ.“ Таково мнѣніе полковника Гофмана, начальника Уральской экспедиціи. Иславинъ, внимательно изслѣдовавшій на мѣстѣ отношенія мезенскихъ самоѣдовъ къ русскимъ и зырянскимъ поселенцамъ и видѣвшій всѣ притѣсненія, терпимыя первыми, также не думаетъ, чтобы сохранились самоѣды. „Даже при новомъ, лучшемъ порядкѣ вещей, — говоритъ онъ, — нельзя предсказать самоѣдамъ счастливой будущности: племя это должно въ непродолжительномъ времени слиться съ народомъ сильнѣйшимъ.“ Но утратить свои племенныя особенности, потерявъ языкъ, вѣру, бытъ, принявъ все это отъ народа болѣе образованнаго, — это не значитъ еще уничтожиться. Въ самоѣдахъ можно предполагать болѣе живучести, чѣмъ въ племенахъ Сѣверной Америки. Въ сочиненіи Иславина приведены примѣры самоѣдовъ, или окончательно почти обрусѣвшихъ, или сдѣлавшихся почти зырянами. Самое населеніе Ижмы, въ числѣ первыхъ основателей волости, почти рядомъ съ яренскими зырянами и новгородскими русскими, считаетъ 7 самоѣдскихъ семействъ, сдѣлавшихся осѣдлыми.

Начало самоѣдскаго поселенія видѣли мы у Колвинской церкви. Какъ особое племя, нѣтъ сомнѣнія, самоѣды должны уничтожиться; но будемъ надѣяться, что подъ кровомъ христіанства они мало-по-малу переродятся въ русскихъ или зырянъ, имѣющихъ надъ ними огромное нравственное превосходство. Русское племя не дѣйствуетъ разрушительно на другія народности; оно принимаетъ ихъ въ себя, если въ нихъ самихъ нѣтъ условій самостоятельнаго развитія существованія.

Слѣдующія статьи „Памятника трудовъ благовѣстниковъ русскихъ" относятся къ распространенію христіанства между инородцами Сибири и и сѣверо - американскихъ владѣній. Проповѣди въ Западной Сибири посвящены двѣ статьи: „Извлеченія изъ путевыхъ записокъ миссіонера А. Макарія" и „Извлеченія изъ писемъ миссіонера, протоіерея Стефана Ландышева". Оба миссіонера дѣйствовали въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, хотя и въ разное время, именно между алтайскими калмыками, Черновыми татарами, кумандинцами и т. д. Такимъ образомъ, свѣдѣнія, предлагаемыя сборникомъ, относятся къ одной только мѣстности Западной Сибири, къ Алтаю; распространеніе же христіанства въ другихъ ея частяхъ пройдено молчаніемъ. По крайней мѣрѣ, читатель имѣетъ довольно полныя извѣстія о трудахъ миссіи на Алтаѣ. Отъ 1830 до 1833 года идутъ записки А. Макарія, съ 1846 по 1853 г. — письма о. п. Ландышева. Остается тринадцатилѣтній промежутокъ съ 1833 по 1846 годъ, относительно котораго составитель сборника не сообщилъ свѣдѣній объ успѣхахъ проповѣди на Алтаѣ, оставивъ читателю собственными соображеніями восполнять недостатокъ положительныхъ данныхъ. Точно такъ же не показаны и причины, вызвавшія необходимость миссіи, не обозначены ея составъ и средства. По всей вѣроятности, всѣ указанія, недостатокъ которыхъ такъ чувствителенъ для читателя „Памятника", могли бы быть извлечены изъ отчетовъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода, которыми воспользовался разъ составитель сборника (говоря о распространеніи православной вѣры въ Иркутской и Камчатской епархіяхъ) и къ которымъ въ этомъ случаѣ, по совершенно непонятнымъ для насъ соображеніямъ, онъ не захотѣлъ обратиться. Вообще, чѣмъ ближе присматриваемся мы къ изданному сборнику, тѣмъ яснѣе становится для насъ случайность выбора помѣщенныхъ въ немъ статей, отсутствіе всякаго общаго плана при его составленіи. Весь трудъ издателя сводится къ просмотру корректуры при перепечаткѣ уже разъ напечатанныхъ извѣстій. Совершенно непонятными становятся тѣ строки предисловія, которыми А. С. Стурдза объясняетъ причину, вызвавшую это изданіе: „Правда, въ повременныхъ изданіяхъ нашихъ, преимущественно духовныхъ, — говоритъ онъ, — сообщаются свѣдѣнія о распространеніи благодатнаго царства Христова, но свѣдѣнія отрывочныя, раздробленныя, съ большими промежутками во времени появленія ихъ, такъ что не могутъ производить въ читателяхъ полнаго впечатлѣнія и легко могутъ быть забы-

ваемы.“ Раздробленность и отрывочность свѣдѣній естественны и неизбѣжны въ повременныхъ изданіяхъ, но едва ли могутъ быть оправданы въ сборникѣ, которымъ, по надеждѣ издателя, полагается начало и основа историческому памятнику вѣры. Чтобы положить начало и основу такого великаго памятника, необходимо было личному труду составителя „Памятника“ по возможности сгладить характеръ отрывочности и раздробленности, который естественно лежитъ на свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ повременными изданіями, а этого-то личнаго труда издателя, къ сожалѣнію, совершенно не видно даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, повидимому, его требовалось очень немного. Въ примѣчаніи къ краткому свѣдѣнію о жизни и трудахъ А. С. Стурдзы мы находимъ извѣстіе, что, по случаю изданія „Памятника“, была у него переписка, но изъ того же примѣчанія видно, что эта переписка относилась къ нѣкоторымъ измѣненіямъ въ предисловіи и заглавіи. Издателя, очевидно, болѣе занимала возможность замѣнить иностранное слово *миссіонеръ* роднымъ словомъ *благовѣстникъ*, чѣмъ собираніе и дополненіе свѣдѣній о трудахъ самихъ благовѣстниковъ. Не будемъ поэтому вспоминать о томъ, что̀ хотѣлъ сдѣлать издатель; ограничимся тѣмъ, что̀ онъ сдѣлалъ. Вопросъ, почему въ сборникѣ, обнимающемъ періодъ въ 60 лѣтъ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній о проповѣди Евангелія между инородцами сѣверной части Западной Сибири, а помѣщены нѣкоторыя извѣстія о дѣйствіяхъ миссій въ южной ея части, становится совершенно излишнимъ, точно такъ же, какъ и вопросъ о томъ, отчего есть извѣстіе о трудахъ Алтайской миссіи въ 1830 — 33 и въ 1846 — 56 годахъ, а нѣтъ ихъ съ 1833 по 1846 годъ, и что̀ заставило нарушить *время-послѣдовательный* порядокъ изложенія, о которомъ заботился издатель. Будемъ благодарны и за то, что издатель перепечаталъ въ одну книгу то, что разсѣяно было во многихъ нумерахъ различныхъ періодическихъ изданій, и тѣмъ далъ возможность желающимъ окинуть однимъ взглядомъ все, что̀ въ теченіе 60-ти лѣтъ давалось въ удовлетвореніе законной любознательности русскаго образованнаго общества.

П. Н. КУДРЯВЦЕВЪ

(НЕКРОЛОГЪ).

† 18 января 1858 г.

Прошло съ небольшимъ два года съ тѣхъ поръ, какъ Московскій университетъ оплакалъ дорогого Т. Н. Грановскаго; еще живо чувствуется вся тяжесть утраты, а уже смерть избрала себѣ новую жертву. Еще одинъ изъ благороднѣйшихъ дѣятелей преждевременно сошелъ въ могилу; еще одного бойца не досчитываемся въ многочисленныхъ рядахъ того войска, которому, по словамъ Т. Н. Грановскаго, Россія ввѣрила знамя своей образованности.

18-го января, около 4-хъ часовъ утра, скончался профессоръ всеобщей исторіи Петръ Николаевичъ Кудрявцевъ, на 42-мъ году жизни, вскорѣ послѣ возвращенія изъ-за границы. Тяжелая болѣзнь застала его среди усиленныхъ занятій, которыми старался онъ заглушить глубокую скорбь, причиненную ему внезапной кончиной любимой супруги. Еще въ Италіи обнаружилось гибельное вліяніе страшнаго нравственнаго потрясенія на слабый и безъ того организмъ покойнаго. Дальнѣйшее пребываніе въ тепломъ климатѣ могло бы укрѣпить его силы, но П. Н. спѣшилъ въ Россію. Каѳедра всеобщей исторіи слишкомъ долго оставалась безмолвною въ Московскомъ университетѣ, и онъ не считалъ себя въ правѣ продолжить свое отсутствіе. Была и другая причина: въ Москвѣ онъ надѣялся скорѣе исполнить то, что называлъ онъ своимъ святымъ долгомъ: окончить біографію своего незабвеннаго наставника Т. Н. Грановскаго. Немедленно по возвращеніи, П. Н. Кудрявцевъ началъ свои чтенія въ университетѣ. Сверхъ 6-ти часовъ обязательныхъ лекцій, онъ готовился открыть курсъ итальянской исторіи для желающихъ. Въ то же время онъ писалъ біографію и взялъ на себя работу по журналу. Всего этого было слишкомъ много для изнуреннаго здоровья П. Н., а онъ не хотѣлъ дать себѣ отдыха. Возвратясь однажды съ лекціи, онъ почувствовалъ себя дурно. Кровь хлынула горломъ. Съ тѣхъ поръ болѣзнь одолѣвала его все болѣе и болѣе. Съ тревожнымъ опасеніемъ слѣдили друзья и почитатели П. Н. Кудрявцева за ея развитіемъ и все, однако же, не хотѣли вѣрить своему несчастію. Уже ясно обнаружились зловѣщіе признаки, а они еще все надѣялись, что дорогой больной про-

держится до весны, что весна и поѣздка на югъ возстановятъ его здоровье. Ихъ ожиданіямъ не суждено было оправдаться.

Университетъ Московскій лишился своего любимаго профессора въ то время, когда всего болѣе нуждался въ немъ. Только П. Н. Кудрявцевъ могъ поддержать каѳедру всеобщей исторіи на той высотѣ общественнаго значенія, на которую впервые поднялъ ее Т. Н. Грановскій. Т. Н. Грановскому обязанъ П. Н. тѣмъ, что созналъ свое историческое призваніе, что отъ занятій чисто литературныхъ обратился къ занятіямъ историческимъ. Ученикъ Т. Н. Грановскаго, онъ былъ и достойнымъ его товарищемъ. Привязанность и уваженіе молодого поколѣнія, обращаясь къ нимъ обоимъ, привыкли соединять ихъ вмѣстѣ. И дѣйствительно, одинъ былъ какъ бы необходимымъ дополненіемъ другому. Послѣ блестящаго картиннаго изложенія Т. Н. Грановскаго, послѣ лекцій, въ которыхъ рукою великаго мастера въ немногихъ словахъ обрисовывался характеръ цѣлой эпохи, указывалось значеніе того или другого историческаго явленія или общественнаго дѣятеля, естественъ и необходимъ былъ переходъ къ спеціальнымъ курсамъ покойнаго П. Н. Кудрявцева. Здѣсь передъ слушателями являлась извѣстная эпоха во всѣхъ подробностяхъ, со всѣмъ многообразіемъ общественной жизни, со всѣми интересами, со всѣми страданіями. Тонкій анализъ изслѣдователя проникалъ въ самую глубь общественнаго сознанія разсматриваемаго времени, слѣдилъ каждое историческое явленіе въ самыхъ первыхъ, почти незамѣтныхъ его началахъ, въ тѣсной связи со всѣми сторонами общественной жизни. Передъ пытливымъ умомъ историка раскрывались самыя сокровенныя побужденія того или другого историческаго лица, потому что разгадка его дѣятельности достигалась цѣльнымъ изученіемъ всей его жизни и характера. Съ упорствомъ иногда привязывалась мысль П. Н. къ рѣшенію какого-нибудь темнаго вопроса, со всѣхъ сторонъ подходила она къ нему, настойчиво требуя уясненія, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, по возможности получалось удовлетворительное рѣшеніе. Курсы П. Н. Кудрявцева имѣли поэтому чрезвычайно важное значеніе. Его слушатели не только знакомились съ современнымъ состояніемъ науки во всей его полнотѣ: они присутствовали при самомъ процессѣ ея развитія. Каждый курсъ былъ не однимъ сводомъ уже добытыхъ результатовъ науки: онъ былъ всегда дальнѣйшимъ шагомъ науки впередъ, ея новымъ пріобрѣтеніемъ. Для слушателей становилось яснымъ, на какіе вопросы еще не получила отвѣтовъ современная наука, имъ указывался и путь, какимъ можно было допроситься отвѣта изъ могилъ прошедшаго. Не холоднымъ изслѣдователемъ, не безучастнымъ зрителемъ являлся среди этихъ могилъ Петръ Николаевичъ. Неутомимо отыскивая разгадку современности въ минувшихъ судьбахъ человѣчества, онъ далекъ былъ отъ мысли разсматривать прошлое только какъ необходимый матеріалъ, изъ котораго строится наше настоящее. Переносясь мыслію въ извѣст-

ную эпоху, онъ какъ будто самъ переживалъ ее, принимая горячо къ сердцу страданія отжившихъ поколѣній. Оттого его лекціи были проникнуты такою задушевностію, такимъ теплымъ участіемъ; оттого его характеристика историческихъ дѣятелей такъ полно и цѣльно воспроизводила ихъ нравственный обликъ. Слушатели Петра Николаевича помнятъ, напр., его чтенія о Блаженномъ Августинѣ, о Лютерѣ. Эта способность понимать прошедшее не только умомъ, но и сердцемъ, всего сильнѣе поражала въ покойномъ П. Н. Кудрявцевѣ. Вслѣдствіе этой способности онъ надолго не могъ оторваться отъ предмета, которому разъ посвятилъ свои занятія. Вспомнимъ, какъ навсегда приковали къ себѣ его вниманіе историческія судьбы многострадальной Италіи. Исторіи Италіи отдалъ онъ первый свой напечатанный трудъ: къ ней же возвратился онъ и въ самое послѣднее время. Скорбное чувство, съ которымъ слѣдилъ онъ трудную исторію общественнаго развитія, вѣковую борьбу человѣчества, не смягчилось въ П. Н. Кудрявцевѣ даже самою художественностью изложенія. На его лекціяхъ слушатель не разъ невольно отрывалъ свое вниманіе отъ изложенія историческихъ событій, чтобы всмотрѣться въ задумчивое, грустное лицо самого историка. Въ этомъ, по моему мнѣнію, существенное отличіе его историческаго таланта отъ таланта Т. Н. Грановскаго. Какъ античная статуя временъ процвѣтанія искусства, было художественно закончено каждое чтеніе Т. Н. Грановскаго. Даже касаясь самыхъ безотрадныхъ эпохъ исторіи, оно производило на душу слушателей примиряющее успокоительное впечатлѣніе. Этого художественнаго совершенства не было столько въ трудахъ П. Н. Кудрявцева. Онъ слишкомъ близко подходилъ къ историческимъ дѣятелямъ; онъ весь проникался интересами разсматриваемой эпохи, на себѣ выносилъ весь трудъ и всѣ страданія того времени. Всегда вѣрный исторической истинѣ, чуждый всякихъ предубѣжденій и заранѣе составленныхъ взглядовъ, П. Н. не всегда могъ сохранить спокойствіе созерцанія настолько, сколько необходимо его для полной художественной оконченности. Онъ скорѣе походилъ на тѣхъ вдохновенныхъ художниковъ среднихъ вѣковъ, которые прежде всего поражаютъ богатствомъ внутренняго содержанія, силою стремленія, и которые, однако-жъ, сходятъ въ могилу, оставляя недоконченными свои громадныя созиданія. Много сдѣлано П. Н. Кудрявцевымъ, но еще болѣе осталось неисполненнаго, хотя давно и частью подготовленнаго. Нѣсколько лѣтъ работалъ онъ для исторіи Екатерины Медичи, давно думалъ онъ о критическомъ трудѣ по поводу исторіи Ѳукидида. Лучшимъ памятникомъ почившему было бы полное изданіе его сочиненій и въ особенности лекцій. Тогда еще яснѣе обнаружилась бы вся важность невознаградимой потери, понесенной наукой и университетомъ въ лицѣ покойнаго.

Кто имѣлъ счастіе сколько-нибудь близко знать Петра Николаевича, тотъ на вѣки сохранитъ о немъ самое свѣтлое воспоминаніе. Всегда па-

мятными останутся нравственная чистота его помысловъ и убѣжденій, его увлекательное слово, поэтическая свѣжесть его души и то несокрушимое благодушіе, которое было одною изъ отличительныхъ особенностей его характера. Немногіе избранные владѣютъ такимъ тонкимъ пониманіемъ красоты и добра, такою способностью находить въ душѣ отзывъ на все, что̀ только достойно сочувствія. Онъ исполненъ былъ любви, и любовью окружали его всѣ, кто только зналъ его. Его симпатическая натура благотворно дѣйствовала на каждаго, кто подходилъ къ нему. Легко и отрадно становилось на душѣ, когда вслушивался въ его тихую рѣчь, проникнутую теплымъ чувствомъ, когда всматривался въ его черты, исполненныя нравственной прелести. Взыскательно-строгій къ самому себѣ, весь исполненный сознанія нравственнаго долга, въ сужденіяхъ о другихъ онъ отличался неизмѣнною снисходительностью. Скорѣе готовъ онъ былъ оцѣнить слишкомъ высоко добрую сторону каждаго, чѣмъ произнести строгое, хотя бы и справедливое, слово осужденія надъ его нравственными несовершенствами. Всегда радъ онъ былъ дѣлиться своими многосторонними и глубокими свѣдѣніями, результатами долгаго, упорнаго труда, всегда готовъ былъ и совѣтомъ, и словомъ ободренія поддержать начинающаго. И чѣмъ болѣе дѣлалъ онъ добра, тѣмъ сильнѣе привязывался къ тому, кому приносилъ помощь или утѣшеніе.

Искренними слезами оплакана будетъ его кончина. Добрымъ словомъ помянутъ покойнаго и тѣ, кто не раздѣлялъ его научныхъ убѣжденій. Университетъ Московскій нескоро оправится послѣ двухъ ударовъ судьбы, его поразившихъ. До конца жизни сохранятъ слушатели П. Н. Кудрявцева благодарную память о благодушномъ профессорѣ, котораго увлекательныя чтенія привыкли встрѣчать они восторженнымъ сочувствіемъ. Для тѣхъ, кто зналъ Петра Николаевича, онъ навсегда останется идеаломъ нравственной красоты, образцомъ рѣдкаго соединенія твердыхъ непреклонныхъ убѣжденій, глубокаго знанія съ дѣтскою простотою души, съ неистощимымъ богатствомъ чувства, съ горячимъ, любящимъ сердцемъ.

ПЕТРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ КУДРЯВЦЕВЪ

КАКЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ.

Мм. Гг. Два года тому назадъ, когда смерть такъ внезапно вырвала изъ среды нашей благороднаго Т. Н. Грановскаго, я избранъ былъ университетомъ въ помощь осиротѣвшему Петру Николаевичу. И вотъ я только теперь всхожу на эту каѳедру и всхожу на другой день послѣ того, какъ предано было землѣ тѣло незабвеннаго наставника, какъ горячими слезами была оплакана эта вторая, столь же невознаградимая утрата. Пусть же будетъ мое первое слово, обращенное къ вамъ, посвящено памяти того, кто такъ дорогъ всѣмъ намъ. Знаю, что въ настоящую минуту вы ждете отъ меня именно этого, что вы были бы оскорблены, если бы я вздумалъ обратить ваше вниманіе на что-нибудь другое. И вы были бы правы. Будемъ же говорить о покойномъ. Въ университетской семьѣ всего замѣтнѣе чувствуется его отсутствіе, здѣсь сильнѣе говоритъ скорбное чувство, когда вспомнишь, кого она потеряла. Общество не можетъ вполнѣ дѣлить съ нами горе, хотя всѣ общественные интересы горячо принималъ онъ къ сердцу, хотя жизнь его не прошла безъ слѣда, безъ вліянія на общество, хотя много потрудился онъ для общества. Онъ не любилъ выступать на общественную арену. Помню, не разъ говорили ему о публичныхъ лекціяхъ. Каждый разъ отвѣчалъ онъ, что мало чувствуетъ себя способнымъ для нихъ. Только въ кругу людей близкихъ чувствовалъ онъ себя совершенно свободнымъ, только передъ ними во всей полнотѣ раскрывались сокровища его знаній, его глубокое пониманіе предмета, поэтическая свѣжесть чувства, теплое сочувствіе ко всему благородному и прекрасному. А что̀ же ближе было къ нему университета? И университету отдавалъ всего себя Петръ Николаевичъ. Но позвольте привести одинъ примѣръ того, какъ понималъ онъ свои обязанности относительно общества. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ болѣзнь окончательно лишила его возможности являться въ своей любимой аудиторіи, но когда уже тяжело дала она почувствовать свое присутствіе въ слабомъ организмѣ покойнаго, я спрашивалъ, не откажется ли онъ отъ политическаго обозрѣнія въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, я опасался, что это срочное занятіе, хотя и служившее ему спасительнымъ развлеченіемъ, отвлекая мысль отъ горькихъ воспоминаній, все-таки могло утомлять его, я убѣждалъ его беречь силы для

ученыхъ трудовъ, изъ которыхъ каждый былъ такимъ существеннымъ пріобрѣтеніемъ для нашей науки. Онъ отвѣчалъ, что дѣло политическаго воспитанія общества въ настоящее время онъ считаетъ столь же важнымъ, какъ и чисто-научную дѣятельность, что, пока есть еще силы, онъ не въ правѣ устраниться отъ участія въ этомъ дѣлѣ. И, дѣйствительно, даже послѣ того, какъ ясно обнаружились симптомы страшнаго недуга, истомленный, едва говоря, онъ читалъ еще иностранныя газеты, отмѣчая въ нихъ то, на что̀, по его мнѣнію, слѣдовало обратить вниманіе публики. Такъ сознавалъ онъ общественное значеніе писателя, и если къ утратѣ своего благороднѣйшаго дѣятеля останется равнодушнымъ общество, вина будетъ, конечно, только въ его неразвитости; и даже упрекъ въ неблагодарности не будетъ неумѣстенъ.

Каковъ же Петръ Николаевичъ былъ тамъ, гдѣ понимали его стремленія, гдѣ встрѣчали его восторженнымъ сочувствіемъ, гдѣ окружали его любовью и уваженіемъ, въ университетѣ? Одной учености еще мало для профессора. Чтобы слово его живительно дѣйствовало на молодые умы, чтобы, раскрывая передъ слушателями богатое содержаніе науки, онъ могъ успѣшно возбуждать самодѣятельность, необходимо, чтобы между профессоромъ и его аудиторіей установились извѣстныя нравственныя отношенія. Всегда талантливому, добросовѣстному наставнику отдана будетъ полная справедливость: онъ заслужитъ себѣ уваженіе, какъ ученый; но молодыя поколѣнія, окружающія профессорскую каѳедру, быть-можетъ, безсознательно, но тѣмъ не менѣе поразительно вѣрно умѣютъ отдавать свое сочувствіе только тому, кто самъ является къ нимъ, исполненный симпатіи. Инстинктивно они всегда умѣютъ отгадывать внутренніе мотивы преподавателя, отличить добросовѣстное, но офиціальное, холодное исполненіе обязанности, желаніе составить или поддержать свою репутацію, отъ настоящей любви къ наукѣ и къ нимъ. И никакою діалектическою изворотливостью мысли, никакимъ внѣшнимъ краснорѣчіемъ нельзя обмануть этого чутья. Петръ Николаевичъ являлся всегда въ аудиторію, исполненъ любви и сочувствія: за то аудиторія и понимала его. Между нимъ и слушателями была полная симпатія. Равнодушное, невнимательное лицо слушателя парализовало профессора; но оно встрѣчалось лишь какъ рѣдкое исключеніе, если только встрѣчалось. Еще лучше были отношенія Петра Николаевича къ тѣмъ, кто, возбужденный его же чтеніями, хотѣлъ сблизиться съ нимъ, чтобы пользоваться его указаніями. Не отталкивалъ онъ отъ себя холодною вѣжливостью, не озадачивалъ трудностями, не выставлялся, не рисовался онъ передъ начинающими самостоятельное занятіе. Простъ и радушенъ былъ его пріемъ, и кто изъ студентовъ разъ побывалъ у него, для того, навѣрно, это было только началомъ частыхъ посѣщеній, тотъ смѣло входилъ къ нему, часто безъ особенной надобности, только за тѣмъ, чтобы посмотрѣть на него, послушать его разговоръ. Немногіе умѣли внушать такую любовь

къ своему предмету, немногіе умѣли такъ поддерживать и руководить первые шаги начинавшихъ ближайшее знакомство съ наукой. Въ комъ возбудилъ онъ любовь къ наукѣ, кому передалъ часть своего огромнаго знанія, тотъ переставалъ быть для него чужимъ. Довѣрчиво раскрывались передъ нимъ первые, еще робкіе продукты самодѣятельной мысли, часто односторонніе выводы—понятное увлеченіе молодости. Съ неизмѣнною снисходительностью выслушивалъ онъ мнѣніе каждаго. Слѣдя за умственною дѣятельностью молодого поколѣнія, онъ какъ будто вновь переживалъ исторію своего собственнаго развитія. Да, былъ онъ наставникъ въ полномъ смыслѣ этого слова. До конца жизни сохранятъ въ душѣ слушатели Петра Николаевича свѣтлый, поэтическій его образъ. Воспоминаніе о немъ будетъ освѣжительно дѣйствовать на души, возбуждать усталыя силы, извлекая изъ нравственной апатіи.

Исторія не была для него умственнымъ гробокопательствомъ; не систематизировалъ онъ, не подводилъ равнодушно историческія событія подъ извѣстныя рубрики, подъ заранѣе составленные взгляды, какъ ботаникъ раскладываетъ засушенныя растенія въ своемъ гербаріумѣ. И въ жизни онъ любилъ только живые цвѣты. Мысль его отвращалась отъ всего безжизненнаго, отъ всего неестественнаго; зато всему живому отдавалъ онъ свое полное сочувствіе, зато все благородное и прекрасное находило отзывъ въ созвучной душѣ его. Едва ли кому-нибудь былъ такъ доступенъ внутренній смыслъ поэтическихъ произведеній. Историческое прошедшее понималъ онъ прежде всего сердцемъ. Каждая эпоха имѣла для него значеніе сама въ себѣ, не только какъ логическая посылка, изъ которой необходимое заключеніе выводится нашею современностью. Никогда не упускалъ онъ изъ виду отдаленнаго будущаго, точно такъ же, какъ, говоря о настоящемъ, всегда обращался къ прошедшему, чтобы въ немъ искать его объясненій. На первомъ планѣ было, однако же, не прошедшее и даже не будущее, а сама жизнь тѣхъ поколѣній, судьбамъ которыхъ посвящалъ онъ свое вниманіе. Во всѣ духовные и общественные интересы этихъ поколѣній проникалъ онъ мыслію, весь проникался ими; но съ особенною любовью слѣдилъ онъ за титаническою работой человѣческой мысли, ее преслѣдовалъ онъ во всѣхъ проявленіяхъ; въ сферѣ политической, въ области искусства, въ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Всегда неизмѣнно вѣрный своимъ жизненнымъ убѣжденіямъ, результатамъ всего своего развитія, онъ владѣлъ даромъ вѣрно воспроизводить въ своемъ умѣ понятія извѣстнаго времени во всей ихъ чистотѣ, не примѣшивая къ нимъ ничего чуждаго, но въ то же время сохраняя вполнѣ свободу сужденія. Глубоко проникалъ онъ въ общественное сознаніе извѣстной эпохи, въ убѣжденія историческихъ дѣятелей. Зато жизнію вѣяло отъ его изображеній. Съ глубокою скорбію разсказывалъ онъ страданія отжившихъ поколѣній, и на симпатическій вызовъ историка выдавали историческія могилы свои завѣтныя тайны,

свои глубокія думы, свои сбывшіяся и несбывшіяся ожиданія. Ясенъ становился смыслъ дѣятельности того или другого лица. Петръ Николаевичъ могъ читать только спеціальные курсы. Онъ надолго не могъ оторваться отъ предмета своихъ занятій, не могъ довольствоваться однимъ общимъ очеркомъ, какъ бы хорошъ ни былъ этотъ очеркъ. Слишкомъ близко знакомился онъ со всею полнотою жизни извѣстной эпохи и во всей полнотѣ передавалъ ее слушателямъ. То поколѣніе студентовъ Московскаго университета, къ которому принадлежу я, слышало самые первые курсы Петра Николаевича, только что возвратившагося тогда изъ заграничнаго путешествія. На нашихъ глазахъ росъ и мужалъ его талантъ историческаго изложенія. Первый курсъ его былъ посвященъ послѣднимъ временамъ языческаго міра, первымъ начаткамъ христіанско-европейскаго общества. Особенно поразительны были его лекціи для меня, пришедшаго въ эту аудиторію изъ другого университета. Превосходно изложены были послѣднія попытки вдохнуть духъ жизни въ мертвыя формы древняго язычества, безплодная дѣятельность Юліана, эти силы, истраченныя въ безполезной борьбѣ, но достойныя лучшей цѣли. Съ особеннымъ сочувствіемъ остановился онъ на дѣятельности Блаженнаго Августина. Ему въ высшей степени понятны были эти порывы пытливаго ума, это тревожное исканіе вѣчной истины. Онъ самъ пережилъ подобныя минуты, самъ, только уже довольно поздно, созналъ свое настоящее призваніе, только послѣ тяжелой борьбы съ самимъ собою онъ вышелъ на настоящій путь, по которому и пошелъ такими быстрыми шагами. Еще сильнѣе произвелъ на насъ впечатлѣніе второй его курсъ, посвященный исторіи реформаціи. Уже горячо полюбивъ его, уже признавъ вполнѣ его ученыя достоинства, мы съ изумленіемъ, однако же, смотрѣли, какъ поднялся онъ въ этомъ курсѣ. Въ это время онъ окончательно свыкся съ каѳедрой и аудиторіей, покоривъ себѣ ту и другую. Послѣ онъ самъ говорилъ, что опытомъ перваго года онъ убѣдился въ сочувствіи слушателей, а это сочувствіе производило на него могущественное, возбудительное дѣйствіе. Самый предметъ чтеній въ высшей степени былъ близокъ ему. Исторіи освобожденія человѣческой мысли отъ двойныхъ оковъ мертвой схоластики, обрядовой внѣшности и бездушнаго формализма не могъ не отдать онъ своего сочувствія. Зато спросите у тогдашнихъ студентовъ, что̀ чувствовали они, когда, какъ бы вызванная изъ могилы вдохновеннымъ историкомъ, передъ ними являлась трагическая личность Лютера; когда разсказывалъ онъ повѣсть его долгихъ душевныхъ страданій, исторію мучительнаго перехода отъ полной вѣры къ отрицанію того, передъ чѣмъ еще такъ недавно падалъ онъ ницъ съ восторженнымъ благоговѣніемъ; когда раскрывалъ то невыносимое состояніе духа, когда глубокое религіозное чувство, нисколько не утратившее своей энергіи, настойчиво требуетъ себѣ удовлетворенія; когда безъ возврата исчезли прежнія вѣрованія, оставивъ по себѣ только

ѣдкую горечь утратъ, и когда, однако же, для него нѣтъ еще успокоенія на новыхъ началахъ.

Такъ поразительно вѣрно изображать нравственныя страданія извѣстной эпохи можетъ только тотъ, кто въ самомъ себѣ пережилъ ихъ, кто въ своемъ развитіи перешелъ тѣ ступени, по которымъ восходило человѣчество. Еще одно воспоминаніе объ этомъ курсѣ. Западная Европа въ ту пору переживала одинъ изъ политическихъ кризисовъ. Въ напряженномъ усиліи вставала Германія, чтобы разомъ покончить съ своимъ прошедшимъ, чтобы порвать вѣковую цѣпь, сковывавшую ея силы. Въ лицѣ представителей науки она вступила въ отчаянную борьбу съ самой собою и изнемогла въ этой борьбѣ. Въ судьбахъ Германіи временъ реформаціи искалъ профессоръ разгадку бурь, разыгравшихся на политическомъ горизонтѣ Европы, причину, вызывавшую къ жизни и самое стремленіе, и его временную безуспѣшность,—и мы слушали его съ жаднымъ вниманіемъ. Германіи, на ряду съ Италіей, посвящалъ онъ свой трудъ предпочтительно предъ другими странами Европы. Ихъ тяжелая исторія, ихъ вѣковыя страданія имѣли для него неодолимую силу притяженія. Не буду говорить о другихъ курсахъ, потому что не могъ слѣдить за ними. Знаю только, что онъ читалъ исторію XIV и XV столѣтій, исторію новой Европы, исторію древнихъ памятниковъ. Не любилъ повторяться Петръ Николаевичъ. Если ему необходимо было возвратиться еще разъ къ тому, что̀ уже однажды высказалъ онъ передъ слушателями, онъ старался остановиться на другой сторонѣ предмета. Строго понималъ онъ обязанности профессора. Владѣя увлекательнымъ даромъ изложенія, огромною памятью, онъ только въ послѣднее время началъ читать безъ записокъ. Прежнія лекціи онъ писалъ почти сполна, считая это необходимымъ, и это большое для насъ счастіе. Этимъ дается возможность со временемъ издать ихъ, возобновить въ душѣ бывшихъ слушателей Петра Николаевича прежнее впечатлѣніе, дать возможность обществу, знавшему его только какъ даровитаго и добросовѣстнаго писателя, взглянуть на него и съ этой стороны: оцѣнить вполнѣ ту потерю, какую понесъ университетъ. Не скоро найдетъ послѣдній ученаго, который бы могъ замѣнить его, какъ профессора. Съ чувствомъ глубокой скорби смотримъ мы во всѣ концы Россіи, чтобы найти ему преемника, и, Богъ знаетъ, удастся ли намъ достойно замѣнить покойнаго. Кто же замѣнитъ намъ человѣка? Никто, вы это знаете. На рукахъ донесли вы до послѣдняго жилища тѣло любимаго наставника, вы напутствовали его горячимъ словомъ любви и благодарности. Сохранимъ же навсегда въ нашей памяти его свѣтлый образъ. Во имя той беззавѣтной преданности къ наукѣ, которой оставался онъ вѣренъ до конца своей жизни, я призываю васъ къ общему намъ труду. Этимъ мы всего достойнѣе почтимъ покойнаго и останемся вѣрны его завѣту.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРЕБЫВАНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ВЪ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ.

Мм. Гг. Каждый народъ имѣетъ свои воспоминанія, которыя тѣмъ драгоцѣннѣе и священнѣе для него, чѣмъ важнѣе событіе и богаче благодѣтельными послѣдствіями, чѣмъ замѣчательнѣе лицо, игравшее въ немъ главную роль. Память о нихъ передается отдаленнѣйшему потомству.—Наша исторія богата такими преданіями, обильна событіями, лицами, на которыя отрадно указать для каждаго русскаго. Скажу въ частности: мы, нижегородцы, имѣемъ много славныхъ воспоминаній изъ жизни нашихъ предковъ. Считаю излишнимъ, мм. гг., оживлять въ вашей памяти рядъ лицъ, составляющихъ украшеніе нашей исторіи, рядъ событій, въ коихъ проявлялись и благородное стремленіе нашихъ праотцевъ къ славѣ отечества, и готовность ихъ жертвовать всѣмъ для его спасенія. Но въ настоящемъ случаѣ, когда мы представляемъ на судъ просвѣщенныхъ цѣнителей наши успѣхи на поприщѣ науки, мнѣ кажется, всего достойнѣе обратить ваше вниманіе на того, кто первый вдохнулъ въ русскихъ любовь къ образованію, указалъ имъ путь, по которому они теперь стремятся. Я говорю о Петрѣ. Память о Великомъ священна для насъ, не только какъ Русскихъ, но вмѣстѣ и жителей Нижняго-Новгорода, потому что нѣкогда и нашъ городъ имѣлъ счастіе видѣть въ стѣнахъ своихъ Великаго преобразователя Россіи. Это было въ 1722 году. Причиною посѣщенія Петра была война съ Персіею, гдѣ въ то время царствовалъ шахъ Гуссейнъ, послѣдній изъ фамиліи Софіевъ. Въ слабое его правленіе вельможи чрезвычайно усилились, и произошли возмущенія. Одинъ изъ бунтовщиковъ Дзудъ-Бегъ, взявъ Шамаху, умертвилъ, по свидѣтельству Кошифора, до 300 русскихъ купцовъ, находившихся въ этомъ городѣ. Скоро вѣсть объ убійствѣ достигла Петербурга. Петръ I, по заключеніи славнаго Ништадтскаго мира, обратилъ свое вниманіе на южныя границы имперіи. Кровь русскихъ купцовъ и оскорбленіе народ-

наго права требовали мщенія. Бѣдственное состояніе шаха, союзника Россіи, неоднократно просившаго о помощи, и мысль о развитіи торговли присоединеніемъ къ Россіи богатыхъ областей кавказскихъ, также побуждали Петра начать войну противъ бунтовщиковъ. Рѣшившись на это важное предпріятіе, онъ съ обыкновенною своею дѣятельностью началъ готовиться къ походу. Немедленно приказано было интенданту Потемкину заготовить суда въ Нижнемъ-Новгородѣ для переправы войскъ, а генералъ-майору Матюшкину отправиться туда для принятія надъ ними начальства. 15 мая 1722 года государь отслушалъ литургію и молебенъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Потомъ, сопровождаемый духовенствомъ и несмѣтными толпами народа до пристани, онъ отправился на москворѣцкихъ стругахъ изъ столицы съ императрицею Екатериною и множествомъ вельможъ. Послѣ одиннадцати - дневнаго плаванія императоръ 26 мая въ субботу прибылъ въ Нижній. Здѣсь въ первый разъ открылась ему величественная картина Волги. Съ какими чувствами взиралъ Петръ на эту жизненную артерію Россіи, постоянный предметъ его заботливости. Здѣсь живѣе представлялась ему выгода соединенія Каспійскаго моря съ Балтійскимъ; здѣсь онъ думалъ о неисчислимыхъ слѣдствіяхъ улучшенія судоходства и торговли по Волгѣ. Питиримъ, епископъ нижегородскій и алатырскій, вмѣстѣ съ вице - губернаторомъ, интендантомъ и другими чиновниками встрѣтилъ государя на лодкѣ. Прибывъ въ городъ, Петръ остановился въ домѣ именитаго человѣка Строганова, который пользовался особеннымъ благоволеніемъ государя и даже удостоился переписки съ нимъ и его супругой. Тотчасъ по пріѣздѣ, Петръ послалъ осмотрѣть флотилію, назначенную для похода въ Персію. Такъ было сильно нетерпѣніе великаго человѣка, не любившаго откладывать до завтра то, что можно было сдѣлать сегодня. Во всѣхъ своихъ поступкахъ Петръ какъ будто опасался, что смерть не дастъ ему кончить великаго дѣла преобразованія Россіи и потому никогда не терялъ ни минуты. Въ остальное время перваго дня Петръ осматривалъ Нижній, разбросанный по горамъ, построенный чрезвычайно неправильно, но живописно. Государь обратилъ особенное вниманіе на древній кремль, бывшую защиту Россіи противъ казанскихъ татаръ и на памятники древности. Можетъ быть въ душѣ великаго преобразователя Россіи рождались думы о возстановленіи цвѣтущаго состоянія города. Нижній уже не былъ важенъ въ военномъ отношеніи, но могъ по своему положенію сдѣлаться со временемъ прекраснымъ складочнымъ мѣстомъ для мѣны. Такимъ явился онъ теперь, когда во время ярмарки со всѣхъ сторонъ Россіи стекаются купцы для обмѣна произведеній. Здѣсь можно встрѣтить представителей почти всѣхъ народовъ Европы и большей части Азіи. Такъ провелъ Петръ первый день своего пребыванія въ Нижнемъ. На слѣдующій, государь былъ въ соборной церкви Преображенія Господня. Послѣ литургіи удостоилъ посѣщенія епископа Питирима, пастыря, зна-

менитаго ревностью въ обращеніи раскольниковъ къ православной вѣрѣ. Петръ долго бесѣдовалъ съ епископомъ о его паствѣ. Намъ сохранились письма монарха къ Питириму, въ которыхъ онъ подвиги епископа называетъ равноапостольными. Отъ Питирима государь поѣхалъ осматривать губернскую канцелярію и приказалъ подать себѣ вѣдомости о дѣлахъ рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ, и кушалъ въ этотъ день у Строганова. На слѣдующій день онъ удостоилъ этой чести нижегородскаго вице-губернатора Ржевскаго. Во время стола государь обратилъ разговоръ на гражданина Минина, распрашивалъ преданія о немъ и сожалѣлъ, что прекратилось потомство этого спасителя отечества. Послѣ обѣда Петръ отправился взглянуть на пристань, гдѣ находились торговыя суда, построенныя по-старинному и неудобныя для морской навигаціи. Недовольный этимъ, государь сдѣлалъ строгій выговоръ вице-губернатору и указомъ повелѣлъ черезъ два года строить только такія суда, которыя могли бы ходить въ море. Государь приказалъ также учредить въ Нижнемъ-Новгородѣ верфь для дѣланія мачтъ, парусовъ и вообще всего такелажа, а мастеровъ прислать изъ Петербурга. Главный надзоръ за верфью порученъ былъ вице-губернатору вмѣстѣ съ интендантомъ. Этотъ указъ служитъ доказательствомъ заботливости и предусмотрительности великаго хозяина. Въ его умѣ уже было рѣшено присоединеніе къ Россіи богатыхъ шелкомъ областей Кубы и Баку. Государь видѣлъ выгодное положеніе Нижняго, зналъ, какъ много этотъ городъ соединяетъ въ себѣ мѣстныхъ удобствъ, и потому хотѣлъ возвысить его торговлю. При ея усовершенствованіи Россія могла бы снабжать шелкомъ Европу. Улучшеніе судоходства было однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ для достиженія сей цѣли. Въ такихъ заботахъ проводилъ Петръ время въ Нижнемъ-Новгородѣ. 29 мая государь императоръ по обыкновенію весь день занимался дѣлами и былъ у всенощной въ церкви Рождества Богородицы. 30 мая въ среду насталъ день рожденія Петра, особенно замѣчательный для него по тогдашнимъ обстоятельствамъ. Государю минуло 50 лѣтъ, исполненныхъ безпрерывными заботами и трудами, борьбою съ врагами внѣшними и внутренними. Но за-то онъ съ гордостью могъ показать Европѣ свое твореніе, уже не полудикую Московію, но государство, кипящее силами, огражденное арміей и флотомъ, которые побѣдили перваго воителя того времени. Петръ Великій могъ съ увѣренностью сказать, что его дивные труды и пожертвованія не остались безъ успѣха. Юбилей Петра Великаго былъ юбилеемъ и Нижнему, которому минуло ровно 500 лѣтъ со времени его основанія. Государь былъ въ этотъ день на литургіи въ Нижегородскомъ соборѣ, самъ пѣлъ на клиросѣ съ пѣвчими и читалъ апостолъ. Послѣ литургіи онъ спросилъ, гдѣ могила Минина и, увидѣвъ ее, поклонился до земли и сказалъ: *„вотъ истинный спаситель отечества!“* Потомъ государь вмѣстѣ съ супругою посѣтилъ Питирима въ его келіяхъ и пригласилъ его къ обѣденному столу, за ко-

торымъ праздновалъ свой юбилей. Послѣ обѣда онъ былъ въ ратушѣ и въ домѣ бургомистра Якова Путникова. Въ два часа ночи Петръ простился съ Питиримомъ и вице-губернаторомъ и отправился изъ Нижняго на тѣхъ же москворѣцкихъ судахъ, на которыхъ прибылъ изъ Москвы. Еще во время литургіи въ соборѣ Филаретъ, архимандритъ Желтоводскаго Макаріева монастыря, просилъ его удостоить посѣщеніемъ свою обитель, основанную на берегу Волги преподобнымъ Макаріемъ, въ началѣ XV-го столѣтія. Прибывъ въ монастырь, государь замѣтилъ доску, которая была поставлена Филаретомъ во время самаго большого разлитія воды для ежегодной отмѣтки прибыли воды, и спросилъ объ ея назначеніи. Ему отвѣчали, что сдѣсь отмѣчается высота воды. „*Умно*, — сказалъ Петръ, — *и впередъ прошу то же дѣлать*". Къ сожалѣнію, приказаніе императора было забыто впослѣдствіи. Теперь уже нѣтъ этой доски; вмѣстѣ съ нею потеряны и драгоцѣнныя свѣдѣнія о сравнительной прибыли воды во время разлива Волги. Потомъ Петръ осмотрѣлъ обитель, спросилъ объ ярмаркѣ близъ монастыря, числѣ ярмарочныхъ сборовъ и ходѣ торговли, обошелъ церкви, кельи и ограду, выкушалъ водки у архимандрита и отправился въ Астрахань, чтобы самому лично предводительствовать арміею. Пребываніе Петра надолго осталось въ сердцахъ благодарныхъ нижегородцевъ. Часто послѣ того они разсказывали, какъ государь ходилъ одинъ по городскимъ улицамъ, какъ училъ своею дубинкою судовщиковъ, закоренѣлыхъ въ предразсудкахъ, не понимавшихъ его намѣреній. Слѣдствія посѣщенія великаго императора были благотворны. До него Нижній, лишившійся съ покореніемъ Казани въ 1522 году значенія восточнаго оплота Россіи, падалъ болѣе и болѣе, его могущество и блескъ исчезли; торговля развивалась слабо. Но благодѣтельное вниманіе Петра снова оживило угасшія силы нашего города. Счастливое мѣстоположеніе, дѣлающее Нижній какъ бы центромъ всей Россіи, чрезвычайно способствуетъ его торговлѣ. Ярмарка, знаменитая повсюду, привлекаетъ многочисленное стеченіе народа. Такимъ образомъ геніальная прозорливость великаго отца отечества, назвавшаго Нижній внутреннимъ портомъ Россіи, вполнѣ оправдалась.

О ШУТАХЪ ВЪ XVIII ВѢКѢ

(БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА).

Наконецъ, кажется, кончился длинный споръ между кн. Н. Голицынымъ и г. Лонгиновымъ о томъ, кто именно изъ князей Голицыныхъ былъ шутомъ при дворѣ Императрицы Анны Ивановны. По крайней мѣрѣ, г. Лонгиновъ въ № 130 „Моск. Вѣдомостей" подаетъ надежду публикѣ, если не на окончательное рѣшеніе этого вопроса, такъ на то, что споръ не возобновится съ его стороны. Приведя нѣсколько новыхъ соображеній въ пользу своего мнѣнія, что шутомъ былъ не князь Василій Петровичъ, а князь Михайло Алексѣевичъ, онъ заключаетъ слѣдующими словами: „Я увѣренъ, что читатели согласятся съ моимъ мнѣніемъ, пока не будутъ представлены документы для ниспроверженія очевидныхъ моихъ доказательствъ. Затѣмъ кладу перо и не скажу болѣе ни слова объ этомъ ясномъ для всякаго дѣлѣ." Рѣшимость, достойная полнѣйшей похвалы. Не только вообще для русской образованной публики, но даже и для лицъ, особенно занимающихся исторіей и литературой Россіи XVIII вѣка, вопросъ, кто былъ шутомъ изъ князей Голицыныхъ, князь ли Василій Петровичъ или князь Михайло Алексѣевичъ, не имѣетъ никакой важности тѣмъ болѣе, что ни тотъ, ни другой изъ претендентовъ на эту придворную должность не имѣетъ никакихъ другихъ правъ на память о нихъ потомства. Для историка важенъ только фактъ, что при Аннѣ Ивановнѣ членъ знатнѣйшей русской фамиліи былъ осужденъ на товарищество съ Лакостой и Педриллой. Остальное имѣетъ интересъ развѣ только фамильный, не болѣе. Поэтому, признаемся, мы хотя и успокоены г. Лонгиновымъ относительно прекращенія спора, но боимся, что его противникъ не положитъ оружія, будетъ *ниспровергать* очевидныя доказательства г. Лонгинова. Въ жару спора легко придать чрезвычайную важность предмету спора, какъ бы ничтоженъ онъ ни былъ въ сущности. Лучшій примѣръ — самъ г. Лонгиновъ. Не довольствуясь окончательнымъ признаніемъ за кн. Михайлою Алексѣевичемъ права на званіе шута, онъ продолжаетъ свои поиски от-

носительно опредѣленія личности другихъ шутовъ двора Анны Ивановны. Въ № 132 „Московскихъ Вѣдомостей" онъ печатаетъ новые результаты этихъ поисковъ. „Я сдѣлалъ *новое* для меня *открытіе*, говоритъ онъ, о которомъ неизлишнимъ считаю сообщить читателямъ, полагая, что оно будетъ новость" и т. д. Въ русскомъ переводѣ записокъ Манштейна, сдѣланномъ Мальгинымъ и изданномъ въ Москвѣ въ 1823 году, г. Лонгиновъ прочелъ слѣдующее: „Императрица Анна имѣла ихъ (шутовъ) шестерыхъ, а именно Касту, Педрилло, К. Г..., К. В..., А... и Балакирева". Желая открыть смыслъ таинственныхъ иниціаловъ и основываясь на словахъ Манштейна, что В... родной шуринъ канцлера графа Бестужева-Рюмина, г. Лонгиновъ *открылъ*, что К. В... значитъ князь Волконскій и именно князь Никита Ѳедоровичъ, потому, что въ родословной книгѣ кн. Долгорукова онъ показанъ женатымъ на Аграфенѣ Петровнѣ Бестужевой-Рюминой; о князѣ Никитѣ Ѳедоровичѣ г. Лонгиновъ, по собственному признанію, не имѣетъ ровно никакихъ подробныхъ свѣдѣній. Онъ не знаетъ даже слѣдующаго, весьма характеристическаго для нравовъ того времени, мѣста изъ записокъ графа Миниха-сына, несмотря на то, что это мѣсто прямо относится къ кн. Волконскому и могло бы служить указаніемъ для поисковъ г. М. Лонгинова. Говоря о торжествахъ и наградахъ, бывшихъ въ 1740 г. по случаю заключенія мира съ Портою, гр. Минихъ прибавляетъ: „Даже тотъ самый, который за любимою сучкой Императрицы присмотръ имѣлъ и по природѣ былъ князь, получилъ за ревностную свою службу 3000 рублей въ подарокъ." (Зап. гр. Миниха, сына фельдмаршала, писанныя имъ для дѣтей своихъ. Спб. 1817 г., стр. 159). Но онъ радъ уже тому, что открылъ, что К. В... значитъ кн. Волконскій, и ограничивается нѣкоторыми замѣчаніями о другихъ членахъ той угасшей вѣтви князей Волконскихъ, къ которой принадлежалъ кн. Никита Ѳедоровичъ. „Остается, заключаетъ г. Лонгиновъ, неизвѣстнымъ только одинъ (изъ шутовъ), котораго фамилія, по выраженію Манштейна, начинается съ буквы А.; можетъ быть, *случай* откроетъ, кто именно былъ этотъ неизвѣстный." Зачѣмъ же предоставлять такъ много слѣпому случаю? Если желаніе г. Лонгинова такъ скромно, что удовольствуется такими открытіями, каково, напримѣръ, открытіе, что К. В... Мальгинскаго перевода Манштейновыхъ записокъ значитъ кн. Волконскій, то весьма легко удовлетворить его и относительно значенія буквы А. того же перевода. Впрочемъ, прежде, чѣмъ удовлетворить любопытству г. Лонгинова, замѣтимъ, что ему, какъ библіографу, непростительно ссылаться при своихъ розыскахъ на русскій переводъ Мальгина, когда есть возможность сослаться на самый подлинникъ записокъ Манштейна: Memoires historiques, politiques et militaires sur la Russie. Leipzig. 1771. Неужели ему неизвѣстно, что на русскіе переводы иностранныхъ сочиненій нельзя вполнѣ полагаться по весьма многимъ и различнымъ причинамъ. Русскіе переводчики не всегда могутъ похвалиться точностью и,

кромѣ того, не всегда могутъ удовлетворять ея требованіямъ. Время, когда, съ дозволенія московскаго гражданскаго губернатора, переводились такія сочиненія, какъ, напр., „Кумъ Матвѣй, или превратности человѣческаго ума“ давно уже миновало. Надобно быть очень увѣреннымъ въ полнотѣ и точности перевода, чтобы предпочитать его подлиннику, и во всякомъ случаѣ всегда безопаснѣе ссылаться на послѣдній. Не имѣя въ настоящую минуту подъ руками подлинника записокъ Манштейна, но только полный и свѣренный нами рукописный переводъ ихъ, сдѣланный въ Петербургѣ въ 1773 году, приведемъ изъ послѣдняго то мѣсто о шутахъ двора Анны Ивановны, надъ разгадкой котораго трудился г. Лонгиновъ. „Императрица Анна Ивановна имѣла ихъ (шутовъ) 6 и именно: Лакосту, Педриллу, кн. Голицына, *кн. Волконскаго*, *Апраксина* и Балакирева. Сія государыня оными шутами забавлялась весьма странно, иногда приказывала имъ стоять всѣмъ у стѣны въ комнатѣ и по одному изъ нихъ бить ихъ по ногамъ, чтобы сѣли на полъ, часто стравливала ихъ драться за волосы и биться иногда до крови“ и т. д.. Если г. Лонгиновъ отыщетъ какія-нибудь любопытныя подробности объ Апраксинѣ, мы будемъ чрезвычайно довольны, но во всякомъ случаѣ рады уже тому, что избавляемъ его отъ соображеній относительно значенія иниціала А. въ Мальгинскомъ переводѣ и безъ головоломнаго труда дѣлаемъ для него *новое открытіе*.

ПЕРМСКІЙ СБОРНИКЪ

(ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ).

Пермскій Сборникъ, повременное изданіе. Книжка I. М. 1859 г.

Только что вышедшею книжкой *Пермскаго Сборника* открывается изданіе, которому нельзя не пожелать полнаго успѣха. Несмотря на довольно значительное число отдѣльныхъ монографій и статей, посвященныхъ Пермскому краю, несмотря на нѣсколько систематическихъ описаній Пермской губерніи, начиная отъ „Хозяйственнаго описанія Пермской губерніи по гражданскому и естественному ея состоянію“, составленнаго г. Поповымъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и оканчивая непущеннымъ въ публику статистическимъ описаніемъ, составленнымъ въ генеральномъ штабѣ, нельзя не сознаться, что Пермскій край далеко еще не такъ извѣстенъ, какъ заслуживаетъ онъ по своей важности. Оттого нельзя не порадоваться появленію особаго изданія, котораго цѣль—знакомить читателя съ прошедшимъ и настоящимъ состояніемъ Пермской губерніи. Какъ видно изъ программы, приложенной къ концу вышедшей первой книжки, *Пермскій Сборникъ* будетъ выходить въ неопредѣленные сроки отдѣльными книгами, изъ которыхъ каждая будетъ состоять изъ слѣдующихъ четырехъ отдѣловъ: 1) исторія и древности Пермскаго края, 2) этнографія, 3) географія, статистика, естественныя науки, 4) смѣсь и приложенія. Вотъ содержаніе первой книжки: Отдѣлъ I. 1) Краткій историческій очеркъ заселенія и цивилизаціи Пермскаго края, А. Крупенина. 2) Пугачевскій бунтъ въ Шадринскомъ уѣздѣ и его окрестностяхъ, А. Зырянова. 3) О мѣрахъ предосторожности, которыя принимаемы были пермскими заводами во время пугачевскаго бунта въ 1774 г., Д. Планера. 4) Преданіе объ Улугушской крѣпости, Зырянова (съ планомъ). 5) Деревня Соликамскаго края въ XVI вѣкѣ, св. П. Словцова. 6) Сапца и позмогъ, его же. 7) Замѣтка о курганахъ въ Шадринскомъ уѣздѣ, Зырянова. 8) Замѣтка о пермскихъ древностяхъ, С. Ешевскаго (съ 4-мя

таблицами рисунковъ). 9) Открытіе народныхъ зрѣлищъ въ Пермской губерніи, Н. Фирсова. Отдѣлъ II. 1) О свадебныхъ обрядахъ г. Чердыни, Я. Предтеченскаго. 2) Пѣсни. 3) Сказки. 4) Загадки. Отдѣлъ III. 1) Историко-статистическое описаніе Пермскихъ казенныхъ мѣдиплавиленныхъ заводовъ, г. Планера. 2) Краткое описаніе лѣсохозяйства въ Пермскомъ маіоратѣ графовъ Строгановыхъ, А. Теплоухова. Отдѣлъ IV. Смѣсь. 1) Очеркъ юго-западной половины Шадринскаго уѣзда, св. Т. Успенскаго. 2) Воспоминанія: о докторѣ Гралѣ, М. Киттары. Нѣчто о Ѳеоновѣ, Е. Мухачева. Прибавленія: 1) Предписаніе Акинфія Ник. Демидова Нижнетагильской заводской конторѣ. 2) Письмо Никиты Демидова.

Самый богатый по числу статей—отдѣлъ историческій. Особенно замѣчательны матеріалы для исторіи пугачевскаго бунта, сильно волновавшаго населеніе края. Свѣдѣній объ этихъ волненіяхъ въ предѣлахъ нынѣшней Пермской губерніи до сихъ поръ почти не было подъ руками у изслѣдователей. Только въ послѣднее время, именно въ 1-й книгѣ *Чтеній* за 1859 г., помѣщена была довольно большая и обстоятельная статья протоіерея Плотникова объ осадѣ мятежниками Далматовскаго монастыря. Въ статьѣ г. Зырянова, помѣщенной въ *Пермскомъ Сборникѣ*, описаніе осады Далматовскаго монастыря вмѣстѣ съ осадою Челябинска стоитъ также на первомъ планѣ. Потому обѣ статьи служатъ прекраснымъ дополненіемъ одна другой. Замѣтимъ, впрочемъ, нѣкоторое различіе. О. Плотниковъ, какъ видно изъ его ссылокъ, пользовался преимущественно, если не исключительно, тѣми документами, которые сохранились въ монастырскомъ архивѣ, между тѣмъ какъ подъ руками г. Зырянова были самыя дѣла присутственныхъ мѣстъ, донесенія, допросы и т. д. Г. Зыряновъ могъ привести не только возмутительные листы мятежниковъ, но и всю переписку, которая была между осажденными въ Далматовскомъ монастырѣ и предводителемъ мятежныхъ шаекъ. Свойствомъ источниковъ, которыми пользовались авторы, объясняется и встрѣчающееся противорѣчіе въ ихъ взглядахъ. Такъ, въ статьѣ о. Плотникова нельзя не замѣтить непріязненнаго взгляда на дѣйствія экономическаго казначея премьеръ-майора Завороткова, распоряжавшагося защитой монастыря, тогда какъ г. Зыряновъ на основаніи документовъ доказываетъ, что ему главнымъ образомъ принадлежитъ честь успѣшной защиты. Что для монастырскихъ властей экономическій казначей не былъ лицомъ вполнѣ пріятнымъ, это не требуетъ объясненій, особенно если вспомнимъ, что въ 1764 году вотчины Далматовскаго монастыря, занимавшія болѣе половины юго-западной части Шадринскаго уѣзда, были отобраны отъ монастыря въ казенное экономическое управленіе, что отобранію вотчинъ предшествовала такъ называемая дубинщина, и возмутившіеся монастырскіе крестьяне хотѣли взять монастырь и убить архимандрита Іакинѳа, того самого, который былъ въ Далматовскомъ монастырѣ и во время пугачевщины и уѣхалъ въ Тобольскъ, не дожидаясь осады. Любопытная переписка съ

мятежниками, приведенная г. Зыряновымъ, достаточно обнаруживаетъ степень развитія и образованія монастырскихъ защитниковъ. Въ статьѣ г. Зырянова приведено множество характеристическихъ подробностей, извлеченныхъ изъ современныхъ документовъ и очень важныхъ для знакомства съ тѣмъ обществомъ, среди котораго имѣлъ успѣхъ дерзкій замыселъ бѣглаго казака. Вторая статья *Пермскаго Сборника*, относящаяся къ пугачевщинѣ, именно статья г. Планера, представляетъ подробное извлеченіе изъ дѣлъ заводскихъ архивовъ и отчетъ о происшествіяхъ на Юговскомъ и Аннинскомъ заводахъ и о мѣрахъ, принятыхъ для противодѣйствія распространенію мятежа между заводскими крестьянами. И здѣсь сообщено нѣсколько довольно любопытныхъ фактовъ и документовъ, бывшихъ до сихъ поръ неизвѣстными. Изъ примѣчанія къ статьѣ г. Зырянова видно, что редакція *Пермскаго Сборника* располагаетъ достаточнымъ числомъ статей, относящихся къ исторіи пугачевскаго бунта въ предѣлахъ Пермской губерніи. Изданіе этихъ матеріаловъ восполнитъ значительный пробѣлъ, который существуетъ до сихъ поръ въ извѣстіяхъ о волненіяхъ въ восточной Россіи, для усмиренія которыхъ потребовались такія напряженныя усилія со стороны Правительства и которыя не вдругъ стихли даже и послѣ гибели Пугачева.

Интересная статья г. Ѳирсова объ открытіи народныхъ училищъ въ Пермской губерніи составлена также на основаніи подлинныхъ документовъ, хранящихся въ архивѣ Пермскаго приказа общественнаго призрѣнія. Исполненіе плана Великой Екатерины объ основаніи повсюду училищъ не встрѣтило, какъ видно, большого сочувствія въ Пермскомъ народонаселеніи. Правда, въ рѣчахъ, произнесенныхъ при открытіи Пермскаго училища, много говорилось о процвѣтаніи наукъ въ Россіи, о храмѣ, наукамъ посвященномъ, воздвигнутомъ на *развалинахъ* древнѣйшаго въ великой Перміи града; о погруженномъ въ мрачное невѣжество Вогуличѣ, который восприметъ участіе въ славѣ просвѣщенныхъ сыновъ Россіи и т. п., но неумолимые факты показываютъ, что не только Вогуличи, но и чисто-русское населеніе не слишкомъ увлекается ревностью къ просвѣщенію. Несмотря на нѣкоторыя пожертвованія, сдѣланныя въ пользу училища частными лицами, содержаніе его было самое скудное. Учителя, присланные изъ Петербурга и одушевленные самыми лучшими намѣреніями, не могутъ иногда получить даже казеннаго жалованья, пишутъ просьбы съ жалобами на свое бѣдственное положеніе, на то, что они износились и стыдно показаться въ рубищахъ на свѣтъ Божій. Родители, отдавая дѣтей въ училище, думали не столько о храмѣ наукамъ посвященномъ, сколько о томъ, что тамъ содержатъ дѣтей на казенный счетъ и снимаютъ съ родителей заботу объ ихъ прокомленіи. „Понеже я имѣю двухъ или трехъ сыновей и не могу пропитать ихъ и самъ умираю съ голоду, того ради прошу принять въ школу“; таковы были просьбы о помѣщеніи. Всѣхъ воспитанниковъ было только 29 человѣкъ, несмотря на то,

что большинство содержалось на счетъ казны. Отсылаемъ читателя къ самой статьѣ г. Ѳирсова, изъ которой видно, какую тяжелую борьбу должны были выдерживать съ невѣжествомъ общества и съ безурядицей управленія первые труженики въ дѣлѣ народнаго образованія.

Въ этнографическомъ отдѣлѣ первое мѣсто занимаетъ по праву большая и чрезвычайно дѣльная статья г. Предтеченскаго о свадебныхъ обрядахъ г. Чердыни. Съ полнымъ знаніемъ дѣла останавливается авторъ на каждомъ намекѣ на отдаленную старину, который встрѣчаетъ онъ въ томъ или другомъ свадебномъ обрядѣ. Въ описаніе обрядовъ вошло 67 пѣсенъ, изъ которыхъ многія являются въ первый разъ въ печати. Сдѣлаемъ только одно замѣчаніе. Намъ показалось, читая любопытную статью г. Предтеченскаго, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какая-то ложная стыдливость какъ бы останавливала перо автора. Такъ, на стр. 93 онъ пропускаетъ описаніе вакханаліи, которой предаются свадебные гости, проводивъ молодыхъ на подклѣтъ. Онъ извиняется въ этомъ словами одной рукописи XVII вѣка, что о нихъ „странно не токмо рещи, но и помыслити“, но подобная сдержанность едва ли вполнѣ на своемъ мѣстѣ въ научномъ этнографическомъ трудѣ. Статья предназначена, очевидно, не для прекраснаго и стыдливаго пола, а для этнографа многіе обряды, какъ бы много цинизма ни было въ нихъ, имѣютъ важное значеніе, да и самый цинизмъ является характеристическимъ и важнымъ признакомъ въ нравахъ и бытѣ общества.

Пѣсни и сказки, помѣщенныя въ первой книжкѣ *Пермскаго Сборника* вслѣдъ за статьею г. Предтеченскаго, взяты изъ большого собранія, доставленнаго въ редакцію г. Зыряновымъ. Къ сожалѣнію, какъ видно изъ примѣчанія редакціи, размѣры первой книжки (размѣры, замѣтимъ отъ себя, весьма почтенные, ибо книжка вышла въ 30 листовъ) не позволили помѣстить вполнѣ весь сборникъ. Изданныя пѣсни касаются преимущественно мѣстныхъ интересовъ. Въ одной изъ нихъ, которая поется въ единовѣрческихъ селеніяхъ Шадринскаго уѣзда, описывается поимка бѣглаго попа у раскольниковъ; въ другой выразительными и иногда мѣткими эпитетами характеризуются нравы женскаго населенія въ различныхъ селеніяхъ.—Изъ сказокъ укажемъ особенно на сказку о крестьянинѣ и о незнакомомъ человѣкѣ и на повѣсть о пѣтухѣ красномъ и лисицѣ прекрасной. Первая, если не ошибаемся, впервые является въ печати, вторая является вполнѣ и представляетъ варіанты противъ извѣстныхъ редакцій этой же сказки.

Въ статистическомъ отдѣлѣ *Пермскаго Сборника* г. Планеръ представилъ весьма обстоятельную исторію казенныхъ заводовъ Пермскаго округа, отъ времени ихъ основанія до 1858 года, воспользовавшись архивомъ заводскаго управленія. Приведены цифровыя показанія за всѣ года относительно количества и цѣны выплавляемой мѣди и сравнительная таблица главныхъ годовыхъ окладовъ и платъ, производимыхъ въ

разное время, какъ жалованье служащимъ и за трудъ различнымъ рабочимъ. Трудъ г. Планера весьма полная монографія о прошедшемъ и настоящемъ состояніи пермскихъ казенныхъ заводовъ. Нельзя не пожелать появленія подобныхъ же монографій и относительно частныхъ заводовъ.

Главный лѣсничій въ маіоратѣ графовъ Строгановыхъ, г. Теплоуховъ, представилъ подобную монографію о лѣсномъ хозяйствѣ этого маіората, приведя для объясненія и вообще статистическія свѣдѣнія о владѣніяхъ графовъ Строгановыхъ въ Пермской губерніи; систематическое описаніе лѣсовъ и введеніе раціональнаго лѣсоводства началось въ маіоратѣ съ 1841 года, когда воспитанники г. Теплоухова, изучавшаго лѣсо-хозяйство въ Тарандской Королевской академіи, приступили къ устройству лѣсовъ въ маіоратѣ. Съ 1847 г., окончивъ воспитаніе послѣднихъ 25 воспитанниковъ, г. Теплоуховъ самъ переѣхалъ въ Пермскую губернію и принялъ на себя главное завѣдываніе лѣсами маіората, и теперь, послѣ 17 лѣтъ управленія, изложилъ исторію постепеннаго введенія раціональнаго лѣсоводства и настоящее состояніе лѣсного управленія въ маіоратѣ.

Въ отдѣлѣ Смѣси, кромѣ воспоминаній о докторѣ Гралѣ, котораго память до сихъ поръ свято чтится въ Пермской губерніи, и объ учителѣ Ѳеоновѣ, котораго сатиры на пермское общество 20 годовъ и въ особенности на Тюфяева, памятнаго своимъ управленіемъ Пермскому краю, долго жили и частью еще живутъ въ мѣстныхъ воспоминаніяхъ, укажемъ на два письма заводчиковъ Демидовыхъ. Въ особенности интересно огромное письмо Никиты Демидова отъ 17 января 1788 года къ караваннымъ и заводскимъ приказчикамъ. Для насъ оно любопытно не потому, что въ немъ есть подробности о заводскомъ управленіи, но особенно какъ образчикъ нравовъ того чуднаго времени, когда самыя идеальныя стремленія жили рядомъ съ самою возмутительною дѣйствительностью. Вотъ какого рода посланія получали отъ своего патрона заводскіе управляющіе: „Вы, архибестіи, смѣло-отчаянные, двуголовые и сущіе клятвопреступники, Блиновъ и Серебряковъ... за всѣ генерально дурности и неправды, на меня, уже тогда, архибестіи, не пеняйте, Блиновъ и Серебряковъ и не такіе уже вамъ плети достанутся, какъ писалъ подтверждалъ съ караванными, но гораздо не въ примѣръ, божусь вамъ Богомъ, болѣе, да и денежнаго превеликаго штрафу, сверхъ крѣпкихъ плетей, не минуете, вѣрно и перевѣрно, двуголовые архибестіи и смѣлоотчаянные, наглые, хищные волки, да и сверхъ того, божусь вамъ самимъ Богомъ, будете вы, какъ канальи, Блиновъ и Серебряковъ, въ золѣ валяться". — „А чтобъ по куренямъ и всюду нельзя для прочихъ дѣлъ еженедѣльно вамъ яко бы ѣздить, то цыцъ и перецыцъ не токмо думать, но и мыслить вамъ архибестіямъ, страшиться; ибо нечего, хотя бабку свою пойте, въ резонъ не мало не приму, и чинить въ самой точности, какъ я и подтверждалъ неоднократно и ѣздить точно и переточно вамъ, архибестіямъ, по куренямъ и всюду еженедѣльно, а то какъ лягушекъ раздавлю и на сіе писать ко мнѣ".

Мы могли указать въ бѣгломъ отчетѣ только на самыя замѣчательныя статьи *Пермскаго Сборника.* Желающіе познакомиться поближе съ содержаніемъ первой книги пускай обратятся къ ней самой *). Замѣтимъ одно весьма утѣшительное явленіе. За исключеніемъ гг. Ешевскаго и Киттары, всѣ остальные сотрудники принадлежатъ самой Пермской губерніи, и, очевидно, по преимуществу ихъ труды могутъ придать *Сборнику* особую цѣну.

Только разработка на мѣстѣ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, хранящихся въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ, по заводамъ и монастырямъ, или близкое изученіе современнаго положенія края могуть сдѣлать *Пермскій Сборникъ* надежнымъ руководителемъ въ знакомствѣ съ богатою и своеобразною Пермью. Только сосредоточась на мѣстныхъ интересахъ и употребляя въ дѣло мѣстныя средства, *Пермскій Сборникъ* можетъ достигнуть своей цѣли и принести несомнѣнную пользу. Совершенно справедливо замѣтилъ издатель, что онъ не всегда можетъ дать обработанныя статьи, что онѣ даже не болѣе какъ роскошь провинціальнаго изданія и не составляютъ прямой его цѣли. Статьи общаго содержанія могутъ имѣть только тогда дѣйствительную цѣну, когда основаны на всестороннемъ и полномъ изученіи всѣхъ источниковъ, но обнародованіе каждаго новаго матеріала, хотя бы и не совсѣмъ разработаннаго, а помѣщеннаго въ сыромъ видѣ, есть уже заслуга, тѣмъ болѣе заслуга, если матеріалъ предлагается уже обработанный и очищенный. Скажемъ откровенно, по нашему мнѣнію публика и спеціалисты не много потеряютъ, если въ слѣдующихъ книжкахъ *Пермскаго Сборника* и не будетъ такихъ статей, какова статья г. Крупенина „Очеркъ цивилизаціи Пермскаго края“, что только такими трудами, каковы статьи гг. Зырянова, Фирсова, Предтеченскаго, Планера и Теплоухова, *Пермскій Сборникъ* можетъ пріобрѣсти себѣ почетное мѣсто въ нашей серьезной литературѣ. Редакція можетъ пріобрѣсти себѣ надежныхъ сотрудниковъ въ числѣ преподавателей, чиновниковъ горнаго вѣдомства и служащихъ на частныхъ заводахъ, и въ числѣ священниковъ. Она не разсчитываетъ на даровой трудъ и предлагаетъ вознагражденіе, и мы надѣемся, что въ дѣятеляхъ недостатка не будетъ. Лучшимъ доказательствомъ этого первая книжка, содержаніе которой мы привели выше. *Пермскій Сборникъ,* кромѣ общаго своего интереса, прежде всего долженъ имѣть интересъ мѣстный. Мы увѣрены, что больше всего сочувствія вызоветъ появленіе этого изданія въ преподавателяхъ Пермскаго края, которымъ оно открываетъ просторное поле для дѣятельности; мы увѣрены также, что дирекція пермскихъ училищъ всѣми силами будетъ содѣйствовать такому полезному предпріятію. По-

*) Пермскій Сборникъ продается въ СПБ., въ книжномъ магазинѣ Давыдова, въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Ѳ. О. Свѣшникова и Щепкина; въ Перми, въ конторѣ *Пермскаго Сборника.* Ц. 3 р. безъ пересылки.

думать о возможности не только непріязненнаго отношенія къ изданію со стороны дирекціи, но даже о возможности равнодушнаго безучастія значило бы допустить мысль, что для нея главное дѣло состоитъ только въ очисткѣ бумагъ и официальной перепискѣ, въ блюденіи чистоты стѣнъ и половъ въ *храмѣ, наукамъ посвященномъ,* да въ заявленіи своего начальственнаго авторитета передъ подчиненными, но такая мысль далека отъ насъ. Въ числѣ именъ, которыя мы желали бы какъ можно чаще встрѣчать на страницахъ *Пермскаго Сборника,* мы видимъ имена преподавателей Пермской гимназіи. Повторяемъ, редакція *Пермскаго Сборника,* по нашему мнѣнію, не можетъ встрѣтить недостатка ни въ дѣятеляхъ, ни въ матеріалахъ, сочувствіе же публики и спеціалистовъ будетъ пріобрѣтено ею, если послѣдующія книжки *Сборника* будутъ составлены съ тою же тщательностью и умѣньемъ, какъ составлена вышедшая въ свѣтъ первая книга.

Библіографическія примѣчанія.

I. Степанъ Васильевичъ Ешевскій, біографическій очеркъ, соч. К. Н. Бестужева-Рюмина (стр. I — LV).

Біографія эта была составлена авторомъ для изданія „Сочиненій С. В. Ешевскаго“ 1870 г., гдѣ и напечатана въ первомъ томѣ, стр. I—LXXXVII. Эта же статья, съ мелкими исправленіями текста, повторена въ сборникѣ К. Н. Бестужева - Рюмина „Біографіи и характеристики“, Спб. 1882, стр. 273—350. Въ настоящемъ изданіи статья перепечатана по тексту сборника. Въ числѣ немногихъ рукописей Ешевскаго, бывшихъ теперь въ распоряженіи издателей, находилась и тетрадь, содержащая дневникъ заграничной поѣздки, о которомъ говорится въ статьѣ Бестужева-Рюмина на стр. XXXIX — LII. Дневникъ этотъ не напечатанъ нами цѣликомъ какъ потому, что біографъ приводитъ изъ него обширныя выдержки, такъ и потому, что главное содержаніе дневника—наблюденія заграничной жизни, занятія по всеобщей исторіи, а эта сторона не входила въ задачу настоящаго изданія,—въ немъ не перепечатано и заграничное письмо, помѣщенное Ешевскимъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1860 г.

Замѣтку К. Н. Бестужева-Рюмина объ Ешевскомъ см. еще въ примѣчаніи къ статьѣ о „Русской колонизаціи сѣверо-восточнаго края“.

II. Московскій университетъ въ 1861 году. Изъ записокъ С. В. Ешевскаго (стр. LVI — LXXXI).

Вслѣдъ за біографіей помѣщаются воспоминанія Ешевскаго о происшествіяхъ въ Московскомъ университетѣ 1861 г. Воспоминанія эти подъ заглавіемъ, которое сохранено здѣсь, напечатаны въ Русской Старинѣ 1898 г., № 6, стр. 577—603, съ нѣкоторыми измѣненіями противъ подлинной рукописи; рукопись эта была въ распоряженіи издателей, но текстъ воспоминаній перепечатанъ въ томъ видѣ, какъ онъ данъ въ журналѣ. Этотъ разсказъ Ешевскаго, вмѣстѣ со статьями его о Кудрявцевѣ, стр. 363—375, выясняетъ отношеніе Ешевскаго къ университету и къ университетскому преподаванію и служатъ дополненіемъ къ статьѣ Бестужева-Рюмина.

III. Очеркъ царствованія Елизаветы Петровны (стр. 3 — 160).

Курсъ, читанный Ешевскимъ въ 1856 г. въ Казанскомъ университетѣ, см. въ статьѣ Бестужева-Рюмина, стр. XXXII. Впервые курсъ этотъ напечатанъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1868 г., № 5, стр. 17—58, № 6, стр. 337—419, № 7, стр. 9—62. „Царствованіе Елизаветы Петровны“ было перепечатано во II томѣ „Сочиненій“, стр. 363—613. Въ обоихъ случаяхъ курсъ печатался по черновой рукописи, которая дошла до издателей безъ окончанія, прерванная въ срединѣ фразы. Редакторъ изданія „Сочиненій“ 1870 г., проф. А. С. Трачевскій, въ примѣчаніи на стр. 613, указалъ, что въ журналѣ курсъ этотъ напечатанъ былъ „поразительно небрежно“; этотъ упрекъ слишкомъ силенъ, такъ какъ въ дѣйствительности журналъ, воспроизводя, повидимому, съ точностью черновую собственноручную рукопись автора, оставилъ безъ измѣненія въ текстѣ нѣкоторыя неловкія въ печати, недописанныя мѣста ея, а немногія допущенныя ошибки не особенно важны. Проф. Трачевскій внесъ въ текстъ нѣкоторыя исправленія, но при этомъ были допущены новыя ошибки, а нѣкоторыя изъ его поправокъ текста представляются лишними. Въ настоящемъ изданіи, не располагавшимъ уже подлинною рукописью автора, курсъ напечатанъ по тексту „Отечественныхъ Записокъ“ съ частью поправокъ, сдѣланныхъ въ изданіи „Сочиненій“. Надо замѣтить еще, что въ упомянутомъ примѣчаніи на стр. 613 редакторъ изданія „Сочиненій“ неточно указываетъ, будто третья глава „Очерка царствованія Елизаветы Петровны“ не была помѣщена въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и напечатана впервые въ „Сочиненіяхъ“: въ журналѣ эта глава составила третью статью, помѣщенную въ № 7, стр. 9—62.

Курсъ по исторіи царствованія Елизаветы Петровны основанъ на изученіи обширнаго матеріала, заключающагося въ Полномъ Собраніи Законовъ; къ этому авторъ присоединилъ разсказы русскихъ и иностранныхъ мемуаровъ. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ своемъ очеркѣ (стр. XXXII) оправдываетъ Ешевскаго въ томъ, что онъ не пользовался архивнымъ матеріаломъ, и указываетъ на то значеніе, какое имѣлъ его курсъ до появленія томовъ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ Соловьева, которые посвящены царствованію Елизаветы Петровны (томы XXI—XXIV). Но и послѣ этой четырехтомной исторіи и рядомъ съ нею курсъ Ешевскаго, даже въ томъ неконченномъ видѣ, въ какомъ онъ до насъ дошелъ, не теряетъ своего интереса и до сихъ поръ имѣетъ то значеніе, какое авторъ желалъ придать ему, согласно его характеру и задачамъ: краткій, общедоступный очеркъ эпохи, взятой съ разныхъ сторонъ, съ особеннымъ вниманіемъ къ условіямъ внутренняго быта. Какъ по характеру матеріаловъ, такъ и по характеру изложенія курсъ этотъ вовсе не является устарѣлымъ *).

На стр. 118 слѣдуетъ исправить два слова, напечатанныхъ курсивомъ: въ строкѣ 18-ой снизу вмѣсто *Горда* должно быть *Гарда*; тутъ же въ примѣчаніи вмѣсто *Горда—Гардъ*.

На страницѣ 119, 16 строка снизу, вмѣсто 14-го октября слѣдуетъ читать 19-го октября.

---

*) Одну поправку дѣлаетъ Бестужевъ-Рюминъ; слѣдуетъ отмѣтить еще, что въ настоящее время, конечно, нельзя И. И. Шувалова выставлять такою идеальною личностью, какъ это дѣлаетъ Ешевскій, но все же покровитель Ломоносова и основатель Московскаго университета несомнѣнно принадлежитъ къ наиболѣе замѣчательнымъ дѣятелямъ прошлаго вѣка.

Матеріалы для исторіи русскаго общества XVIII вѣка. IV. Нѣсколько замѣчаній о Н. И. Новиковѣ (стр. 161 — 186).

„Матеріалы для исторіи русскаго общества XVIII вѣка", это—подзаглавіе, которое дано Ешевскимъ его статьямъ о „Московскихъ масонахъ". Въ изданіи „Сочиненій" 1870 г. это заглавіе поставлено, какъ общее для статей Ешевскаго о Новиковѣ, о масонахъ и о кн. Щербатовѣ. То же повторено и въ настоящемъ изданіи.

Статья о Новиковѣ, которая открываетъ собою „матеріалы для исторіи русскаго просвѣщенія", при своемъ первомъ появленіи въ „Русскомъ Вѣстникѣ" (1857 г., № 21, стр. 174—201) названа была: „Нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній къ статьѣ „Новиковъ и Шварцъ" („Русскій Вѣстникъ", № 19)".

Въ изданіи „Сочиненій" 1870 г. статья о Новиковѣ, съ тѣмъ измѣненнымъ заглавіемъ, какое сохранено и теперь, напечатана въ III томѣ, стр. 403—441.

V. Московскіе масоны восьмидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія (1780 — 1789) (стр. 187 — 268).

О подзаголовкѣ этой статьи см. примѣчанія къ предыдущей статьѣ о Новиковѣ.

„Московскіе масоны" напечатаны въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1864 г., № 8, стр. 361—406, и 1865 г., № 3, стр. 5—52.

Въ изданіи „Сочиненій" 1870 г. статьи эти напечатаны въ III томѣ, стр. 442—568.

Подъ первою статьею въ журналѣ помѣта: „23-го мая 1864 года". Въ концѣ второй статьи дано было „дополненіе" къ первой, которое въ настоящемъ изданіи, по примѣру „Сочиненій" 1870 г., помѣщено въ видѣ примѣчанія на стр. 196. Кромѣ того, вторая статья дала въ примѣчаніи еще одну поправку къ первой; именно, въ первой статьѣ авторъ не могъ опредѣлить, кто изъ масоновъ носилъ названіе Eques a bona spe, а когда печаталась вторая статья, Ешевскій уже зналъ, что этотъ масонъ—А. А. Ржевскій, о чемъ и помѣстилъ примѣчаніе, которое какъ въ „Сочиненіяхъ" 1870 г., такъ и въ настоящемъ изданіи оставлено на своемъ мѣстѣ во второй статьѣ: дѣлать исправленія на основаніи этого примѣчанія въ первой статьѣ потребовало бы значительныхъ измѣненій въ ея текстѣ, такъ какъ объ Eques a bona spe упоминается въ статьѣ часто.

Въ началѣ второй статьи помѣщено примѣчаніе объ источникахъ, которое въ журналѣ кончалось воззваніемъ автора, именно послѣ словъ „значительные пробѣлы" (см. стр. 229) дальше шло: „и я позволю себѣ обратиться съ покорнѣйшею просьбой къ лицамъ, у которыхъ находятся какія-нибудь масонскія бумаги, записки, письма, рукописи и дипломы, сообщить мнѣ или ихъ, или извѣстія о нихъ. Только при собраніи или извѣстности этихъ разрозненныхъ матеріаловъ возможна сколько - нибудь полная исторія русскаго масонства. Письма можно адресовать: Степану Васильевичу Ешевскому, профессору Московскаго Университета, въ Университетъ. *Примѣчаніе автора*".

Обширная масонская коллекція была собрана Ешевскимъ, состояла она изъ нѣсколькихъ сотъ нумеровъ и поступила въ Румянцовскій музей. Заниматься масонствомъ и собирать свою коллекцію Ешевскій началъ еще въ Казани (см. Біографическій очеркъ, стр. XXXIV).

Съ того времени, какъ писаны статьи Ешевскаго о Новиковѣ и масонахъ,

напечатано немало разнообразныхъ матеріаловъ, которые ихъ касаются, появилось нѣсколько обширныхъ изслѣдованій, посвященныхъ имъ (труды А. Н. Пыпина, М. Н. Лонгинова и др.), и все-таки статьи Ешевскаго сохранили свое значеніе какъ по матеріаламъ, которыми пользовался авторъ, такъ и по соображеніямъ и взглядамъ, высказаннымъ въ этихъ статьяхъ.

На стр. 190 Ешевскій, приводя выписку изъ записокъ Державина, ссылается на „Русскую Бесѣду“ 1859 г., гдѣ записки эти появились впервые; они вышли въ 1860 г. отдѣльною книгой. Въ академическомъ изданіи сочиненій Державина записки помѣщены въ VIII томѣ.

На стр. 209 и послѣд. есть ссылки на біографію Шварца, напечатанную Тихонравовымъ въ „Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Московскаго университета“. Статья эта перепечатана теперь въ „Сочиненіяхъ Н. С. Тихонравова“, 1-я часть III тома, стр. 60—81.

VI. О поврежденіи нравовъ въ Россіи (сочиненіе кн. М. М. Щербатова) (стр. 269 — 289).

Статья напечатана авторомъ въ „Атенеѣ“ 1858 г., I, стр. 135—159, и озаглавлена: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи (Неизданное сочиненіе кн. М. М. Щербатова).“ Въ изданіи „Сочиненій“ 1870 г. она помѣщена въ III томѣ, стр. 569—600; здѣсь она носитъ заглавіе: „По поводу неизданнаго сочиненія кн. М. М. Щербатова: О поврежденіи нравовъ въ Россіи“.

Сочиненія кн. М. М. Щербатова „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“ впервые было напечатано Герценомъ вмѣстѣ съ „Путешествіемъ изъ Петербурга въ Москву“ Радищева въ Лондонѣ, въ 1858 г. Затѣмъ оно, съ значительными пропусками, было помѣщено въ „Русской Старинѣ“ 1870 г., № 7, стр. 13 — 56, № 8, стр. 100—116, 1871 г., № 6, стр. 673—688. Въ выходящемъ теперь собраніи сочиненій кн. М. М. Щербатова „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“ помѣщено во II томѣ, стр. 133—226.

На стр. 275 Ешевскій ссылается на статьи И. Е. Забѣлина о бытѣ русскихъ царей. Статьи печатались тогда въ „Отечественныхъ Запискахъ“, а затѣмъ это извѣстное изслѣдованіе выходило нѣсколько разъ отдѣльно, послѣднее изданіе въ 1895 г.

На стр. 285 въ примѣчаніи упоминается про споръ о личности одного изъ шутовъ императрицы Анны Ивановны. Объ этомъ спорѣ см. замѣтку Ешевскаго о шутахъ, напечатанную въ приложеніяхъ къ настоящему изданію, стр. 383—385.

VII. Русская колонизація сѣверо-восточнаго края (стр. 291—332).

Очеркъ этотъ былъ составленъ для публичныхъ лекцій въ Казани; свѣдѣнія объ этомъ см. въ біографіи, стр. XXXIII. Въ текстѣ статьи въ разныхъ мѣстахъ сохранились слѣды того, что очеркъ представлялъ изъ себя лекціи для казанскаго общества.

Впервые „Русская колонизація“ была напечатана уже по смерти автора въ „Вѣстникѣ Европы“ 1866 г., томъ I, стр. 211—258. Въ „Сочиненіяхъ“ 1870 г. статья перепечатана въ III томѣ, стр. 601—666.

Въ „Вѣстникѣ Европы“ статью сопровождало слѣдующее примѣчаніе:

„Эта статья доставлена въ нашъ журналъ при слѣдующемъ письмѣ профессора К. Н. Бестужева-Рюмина:

„М. г., препровождая въ вашъ журналъ статью покойнаго профессора Московскаго университета Степана Васильевича Ешевскаго, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ какъ о статьѣ, такъ и объ авторѣ ея.

„Въ 1857 г. Ешевскій былъ профессоромъ русской исторіи въ Казанскомъ университетѣ. Весною этого года онъ прочелъ три публичныя лекціи, выбравъ предметъ, который наиболѣе могъ заинтересовать мѣстное общество, а именно колонизацію русскаго сѣверо-восточнаго края имперіи. Этнографическіе вопросы постоянно интересовали Ешевскаго: въ Казани онъ основывалъ этнографическій музей; одною изъ послѣднихъ заботъ его жизни было устройство этнографическаго отдѣленія Московскаго Музея; у него самого была недурная коллекція древнихъ вещей, преимущественно изъ Біармія (описаны въ *Перм. Сборникѣ*, кн. I) и Булгаръ; одинъ изъ московскихъ курсовъ (общій курсъ древней исторіи 1861—62 гг.) онъ началъ этнографическимъ введеніемъ (которое и напечатано въ „Отеч. Зап.“ 1862 г., подъ заглавіемъ: „Этнографическіе этюды“ *); посвященные общимъ вопросамъ, эти этюды заключаютъ, однако, въ себѣ, въ видѣ примѣра, кое-что заимствованное изъ предлагаемыхъ лекцій), другой московскій курсъ онъ посвятилъ этнографіи римскаго міра (курсъ 1858 г.). Это сознаніе важности этнографіи и желаніе показать все значеніе вопросовъ, входящихъ въ ея составъ, было второю причиною, по которой выборъ его остановился на этомъ предметѣ. Краткость срока (онъ прочелъ всего три лекціи), недостаточность обработки предмета у насъ, и до сихъ поръ еще не вполнѣ укоренившагося, побудили его ограничиться общимъ очеркомъ. Очеркъ этотъ, несмотря на то, что послѣ его прочтенія прошло почти десять лѣтъ, до сихъ поръ, по моему мнѣнію, не утратилъ своего интереса: онъ можетъ служить какъ бы программою для будущихъ изслѣдованій этого въ высшей степени интереснаго края. Конечно, новый изслѣдователь можетъ прибавить нѣкоторыя новыя черты: хоть бы объ отношеніи московскаго правительства къ мѣстному дворянству, на что есть указанія въ сборникѣ Актовъ г. Мельникова **), который изданъ послѣ, но едва ли, судя по упоминанію имени Мельникова въ одномъ мѣстѣ статьи, не былъ извѣстенъ Ешевскому до изданія, или о понизовской вольницѣ, на что есть указаніе въ статьяхъ г. Мордовцева, превосходномъ опытѣ обработки мѣстныхъ матеріаловъ ***). Во всякомъ случаѣ, общія черты чрезвычайно мѣтко и вѣрно указаны въ очеркѣ Ешевскаго. Объединяющая сила великорусской отрасли великаго русскаго племени, которой — если позволительно такъ выразиться—суждено было первой стать оплотомъ и центромъ тяжести славянства, ярко выступаетъ на страницахъ этого очерка: да, великорусское племя есть племя смѣшанное—готовъ сказать каждый—но потому оно и великое племя: само собою, безъ помощи (иногда даже съ противодѣйствіемъ администраціи) оно успѣло ославянить населеніе такого огромнаго пространства. Побѣда христіанскаго и европейскаго начала надъ степными кочевниками — вотъ самая любопытная сторона русской исторіи; а главное поле битвы—сѣверо-восточный край и Сибирь; уже съ опытомъ, вынесеннымъ изъ этой мѣстности, и оградивъ себя отъ востока, русское государство и русскій народъ обратился къ югу, на Новороссію. Кромѣ этого общаго вывода о колонизаторскихъ способностяхъ великорусскаго племени и значеніи этой струи въ его исторіи, можно сдѣлать еще много другихъ выводовъ изъ

---

*) См. сочиненія Ешевскаго, 1870 г., т. I, стр. 123—280.

**) Акты историческіе и юридическіе, древнія царскія грамоты Казанской и другихъ сосѣдственныхъ губерній, Собран. С. Мельниковымъ. Казань, 1859.

***) Д. А. Мордовцевъ. Самозванцы и Понизовская вольница.

краткаго очерка, представленнаго Ешевскимъ, напр., о томъ инстинктѣ, который руководилъ въ этомъ вопросѣ московскимъ правительствомъ, о его чисто великорусскомъ умѣніи обезпечить свое владычество въ покоренныхъ странахъ, о томъ вредѣ, какое принесло намъ крѣпостное право, заимствованіе отъ Польши, и о томъ, какъ умѣлъ русскій человѣкъ найти выходъ и изъ него; на многое другое можно бы еще указать, но все это легко увидитъ самъ читатель.

„Въ заключеніе, позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о самомъ Ешевскомъ; болѣе же подробныя библіографическія свѣдѣнія о немъ надѣюсь сообщить вамъ для одной изъ слѣдующихъ книжекъ. Мы слишкомъ скоро забываемъ своихъ дѣятелей и рѣдко-рѣдко рѣшимся помянуть ихъ добрымъ словомъ; а стоитъ помянуть такого человѣка, какъ Ешевскій, который страстно и глубоко былъ преданъ дѣлу науки въ Россіи, который по своей живой, впечатлительной природѣ всѣмъ интересовался, обо всемъ хотѣлъ имѣть точныя свѣдѣнія и составить самостоятельное понятіе, который умѣлъ, наконецъ, возбудить къ себѣ сочувствіе учащейся молодежи вездѣ, гдѣ онъ ни былъ, и быть ей истинно полезнымъ и совѣтомъ, и книгами, далеко не ограничивая своей дѣятельности профессора однѣми лекціями. Если бы только тѣ изъ ученыхъ, которые внесли новое начало въ науку, заслуживали бы признательной памяти, тогда бы пришлось говорить весьма о немногихъ, и, мало того, пришлось бы быть крайне несправедливымъ ко многимъ честнымъ, умнымъ и энергичнымъ дѣятелямъ, которые всю жизнь свою положили „въ бутъ“, подъ зданіе образованія своей страны, какъ часто говаривалъ покойный; этимъ его словомъ всего лучше можно охарактеризовать его дѣятельность...“

Свое письмо К. Н. Бестужевъ-Рюминъ заканчиваетъ перечисленіемъ краткихъ хронологическихъ данныхъ изъ біографіи Ешевскаго, обѣщаніемъ представить полную картину его учено-литературной дѣятельности и сообщеніемъ о приготовлявшемся тогда собраніи „Сочиненій С. В. Ешевскаго“.

„Подробныя библіографическія свѣдѣнія“ объ Ешевскомъ были составлены Бестужевымъ-Рюминымъ для изданія сочиненій Ешевскаго (въ предисловіи редактора); тамъ же появился и очеркъ, посвященный біографіи и характеристикѣ московскаго профессора.

Редакція „Вѣстника Европы“, печатая „Русскую колонизацію сѣверо-восточнаго края“, снабдила статью примѣчаніемъ, которое приводится здѣсь:

„Къ сожалѣнію, рукопись покойнаго осталась неоконченною; но и то немногое, что дошло до насъ, весьма ясно и опредѣлительно ставитъ новый и важный вопросъ въ исторіи нашего народа о его колонизаторской дѣятельности въ прошедшемъ, которую, въ древній ея періодъ, можно сравнить только съ трудами сѣверо-американцевъ. Авторъ успѣлъ даже намѣтить тѣ стороны этого вопроса, которыя подлежатъ дальнѣйшей научной разработкѣ, и потому его трудъ, несмотря на свою незаконченность, сохранитъ тѣмъ не менѣе свое значеніе, какъ починъ въ весьма интересномъ отдѣлѣ его исторіи и какъ будущая его программа. Впрочемъ, изученіе этого вопроса въ прошедшемъ имѣетъ и жизненное значеніе“... И далѣе указывается на то положеніе, въ какое вопросъ о дальнѣйшей колонизаціи сталъ у насъ послѣ освобожденія крестьянъ (В. Е. 1866, I, стр. 258).

Редакція журнала добавила къ статьѣ Ешевскаго „приложеніе“, въ которомъ приведено донесеніе Неплюева отъ 17 апрѣля 1746 г. Приложеніе опять заканчивается замѣчаніемъ редакціи о современномъ значеніи вопроса о колонизаціи.

Статья Ешевскаго печаталась съ подлинной черновой рукописи автора; хотя эта рукопись не вездѣ разборчива, мѣстами съ помарками и вставками,

она была точно передана въ „Вѣстникѣ Европы“, и при печатаніи были устранены двѣ-три неточности и допущены лишь нѣкоторыя слоговыя измѣненія, корректурное устраненіе нѣкоторыхъ неловкостей. Настоящее изданіе имѣло въ своемъ распоряженіи подлинную рукопись статьи, но оставило текстъ въ томъ видѣ, какъ онъ данъ въ журналѣ: отказаться отъ всѣхъ поправокъ, сдѣланныхъ при первомъ печатаніи, нельзя, а устранять лишь нѣкоторыя изъ нихъ не представлялось нужнымъ. Надо оговориться, что всѣхъ этихъ поправокъ едва наберется десятка полтора, и всѣ онѣ мелки, незначительны.

Въ рукописи Ешевскаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сдѣланы на поляхъ вставки, которыя при печатаніи въ журналѣ всѣ внесены въ текстъ на свое мѣсто. Только одной такой вставкой журналъ не воспользовался. Вотъ эта вставка:

„Развѣдка о новыхъ земляхъ производилась только въ видахъ увеличенія ясачныхъ инородцевъ“. Эта фраза написана въ рукописи противъ извѣстія объ уступкѣ земли Строгановымъ въ 1588 году (стр. 318); мѣсто вставки въ текстѣ не отмѣчено, но по смыслу она могла бы быть помѣщена нѣсколько ниже, черезъ одну фразу послѣ сообщенія объ отдачѣ земли Строгановымъ.

На стр. 330, строка 10 снизу, и стр. 331, строка 17 снизу, напечатано Тимскъ, Тимска, слѣдуетъ читать Тіинскъ, Тіинска.

Со времени составленія Ешевскимъ его очерка напечатано было не мало матеріаловъ, касающихся вопроса колонизаціи сѣверо-восточнаго края: въ различныхъ мѣстныхъ изданіяхъ, появившихся въ Казанской, Пермской, Вятской губ., въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, въ различныхъ сборникахъ напечатано много документовъ по исторіи края и его колонизаціи; между прочимъ обнародованы и матеріалы изъ дворянскихъ частныхъ архивовъ, на важность чего было указано въ лекціяхъ Ешевскаго. Вопросъ о колонизаціи собственно Поволжья, впервые поставленный и выясненный въ общихъ чертахъ въ лекціяхъ Ешевскаго, послужилъ темой для двухъ обширныхъ изслѣдованій проф. Г. И. Перетятковича: 1) Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ (очерки изъ исторіи края и его колонизаціи). Изслѣдованіе Г. Перетятковича. М. 1877. и 2) Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вѣка (очерки изъ исторіи колонизаціи края). Изслѣдованіе Г. Перетятковича. Одесса. 1882 г.

VIII. Миссіонерство въ Россіи (стр. 333 — 362).

Статья эта была впервые напечатана послѣ смерти автора, въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1867 г., іюль, стр. 58—90. Въ „Сочиненіяхъ“ 1870 г. статья помѣщена въ III томѣ, стр. 667—710.

Въ журналѣ прямо послѣ заглавія статьи указано въ скобкахъ то сочиненіе, которымъ она была вызвана (Памятникъ трудовъ православныхъ благовѣстниковъ русскихъ, съ 1793 по 1853 годъ. Москва. 1857 года); тутъ же помѣта: „Статья I“. Редакція сопроводила статью такимъ примѣчаніемъ:

„Предлагаемая статья, найденная въ бумагахъ покойнаго С. В. Ешевскаго и писанная имъ за 10 лѣтъ предъ симъ, и теперь еще не утратила своего значенія для современнаго общества, какъ по основнымъ своимъ воззрѣніямъ на дѣло христіанскаго просвѣщенія и обрусѣнія нашихъ инородцевъ и на способы и средства къ изученію русскаго миссіонерства, такъ и по указаніямъ на пробѣлы въ изученіи этого важнаго предмета, которые до сихъ поръ оста-

ются невыполненными; поэтому читатели, мы увѣрены, будутъ пенять не на то, что мы печатаемъ эту статью, написанную 10 лѣтъ назадъ, а на то, что, къ сожалѣнію, статья эта явилась недоконченною".

Съ своей стороны проф. Трачевскій замѣтилъ по поводу этой статьи, при перепечаткѣ ея въ „Сочиненіяхъ" Ешевскаго:

„Эта статья найдена въ бумагахъ С. В. Ешевскаго въ томъ неоконченномъ видѣ, въ которомъ она предлагается здѣсь читателямъ. Она написана покойнымъ профессоромъ въ 1857 году, по поводу появившагося тогда сборника: „Памятникъ трудовъ православныхъ благовѣстниковъ русскихъ, съ 1793 до 1853 г. М. 1857 г.". Какъ видно (въ рукописи статья названа „первою"), авторъ намѣревался сдѣлать этотъ вопросъ предметомъ серьезнаго изученія, цѣлаго ряда статей. Въ послѣднее время въ разговорахъ со мной онъ нерѣдко обращался къ этому дѣлу, собираясь снова приступить къ нему на досугѣ".

Статья о миссіонерствѣ близка по своей темѣ къ лекціямъ о колонизаціи: выше, въ примѣчаніи къ нимъ, было уже указано, что изъ нихъ Ешевскій сдѣлалъ нѣкоторыя заимствованія для этнографическаго введенія въ другой курсъ. Не предполагая печатать этихъ лекцій, Ешевскій сдѣлалъ изъ нихъ нѣкоторыя прямыя заимствованія въ статью о миссіонерствѣ; въ виду этого при перепечаткѣ „колонизаціи" и „миссіонерства" рядомъ въ „Сочиненіяхъ" 1870 г. редакторъ изданія сдѣлалъ во второй статьѣ нѣкоторые пропуски. Въ настоящемъ изданіи такой пропускъ сдѣланъ только въ одномъ мѣстѣ, что и отмѣчено въ примѣчаніи на стр. 336; въ другомъ мѣстѣ (стр. 338) пропуска не сдѣлано, но дана ссылка на лекціи о колонизаціи.

Какъ выше уже сказано, статья о миссіонерствѣ осталась неконченной. Въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" и въ „Сочиненіяхъ" статья кончается фразой: „Архимандритъ Макарій дѣйствовалъ въ предѣлахъ Томской губерніи, около Бійска. Инородцы, къ которымъ обращалась его проповѣдь, были язычники..." Въ настоящемъ изданіи въ текстѣ статьи эта недописанная фраза опущена. По своему содержанію она относится къ замѣчаніямъ о запискахъ архимандрита Макарія, на стр. 361.

Въ статьѣ о миссіонерствѣ Ешевскій, между прочимъ, ссылается на первые три тома Исторіи русской церкви преосвященнаго Макарія. Въ 1868 г. томы эти вышли вторымъ, исправленнымъ изданіемъ, а въ 1866 — 74 гг. появились томы IV—VII.

Въ лекціяхъ о колонизаціи сѣверо-восточнаго края Ешевскій говоритъ: „Если бы кто потрудился собрать въ рукописныхъ сборникахъ житій и чудесъ русскихъ святыхъ многочисленныя разсѣянныя тамъ указанія на это вліяніе монастырей русскихъ на распространеніе первыхъ началъ гражданственности, тотъ оказалъ бы большую услугу русской исторіи"... (стр. 317). Въ статьѣ о миссіонерствѣ авторъ говоритъ: „... необходимо, чтобы житія святыхъ были собраны, сличены по различнымъ редакціямъ, сохранившимся отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, очищены отъ искаженій и позднѣйшихъ вставокъ переписчиковъ и, наконецъ, изданы" (стр. 343). Указанная здѣсь Ешевскимъ задача, кромѣ ея послѣдней части, была исполнена въ извѣстной диссертаціи проф. В. О. Ключевскаго: „Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ" (М. 1871 г.). Подробное изученіе житій привело ученаго изслѣдователя къ выводу, что житія эти не такъ богаты историческимъ матеріаломъ, какъ можно было думать. Въ предисловіи къ диссертаціи авторъ говоритъ про себя: „Онъ обратился къ древнерусскимъ житіямъ, какъ къ самому обильному и свѣжему источнику для изученія одного факта древнерусской исторіи, участія монастырей въ колонизаціи сѣверо-восточной Руси. Чѣмъ болѣе входилъ онъ въ изучаемый ма-

теріалъ, тѣмъ яснѣе становились для него два вывода: во-первыхъ, этотъ источникъ далеко не такъ свѣжъ и обиленъ, какъ о немъ думаютъ; во-вторыхъ, его небогатымъ историческимъ содержаніемъ нельзя воспользоваться безъ особаго предварительнаго изученія его въ полномъ объемѣ". Этому изученію и посвящена книга В. О. Ключевскаго.

Ешевскій говорилъ не только объ изученіи житій, но и объ ихъ изданіи: съ того времени, какъ написана была его статья о миссіонерствѣ, напечатано немало житій въ различныхъ изданіяхъ, по различнымъ спискамъ; здѣсь незачѣмъ перечислять эти изданія. Надо указать еще, что въ духовныхъ журналахъ появилось нѣсколько изслѣдованій по исторіи миссіонерства, какъ вообще въ Россіи, такъ въ частности въ Казанскомъ краѣ.

IX. П. Н. Кудрявцевъ (стр. 363 — 368).

Некрологъ этотъ, подъ заглавіемъ: „По поводу кончины П. Н. Кудрявцева", былъ напечатанъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", 1858, № 9; тогда же онъ перепечатанъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1858 г., № 2, хроника, стр. 66—68, и въ „Журналѣ М. Н. Пр." 1858 г., № 2, отд. VII, стр. 104 — 108. Въ изданіе „Сочиненій С. В. Ешевскаго" 1870 г. статья эта не была внесена.

X. Петръ Николаевичъ Кудрявцевъ какъ преподаватель (страница 369 — 375).

Лекція эта напечатана была въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1858 г., № 2, „Современная лѣтопись", стр. 107 — 112; въ „Сочиненіяхъ" 1870 г., она помѣщена въ I томѣ, стр. 1—11.

Въ журналѣ редакція снабдила лекцію такимъ примѣчаніемъ:

„Помѣщаемая здѣсь характеристика есть вступительное чтеніе профессора С. В. Ешевскаго, открывшаго свой курсъ всеобщей исторіи 22 января, на другой день послѣ похоронъ П. Н. Кудрявцева, описаніе которыхъ читатели найдутъ ниже. Эта лекція, имѣвшая значеніе надгробнаго слова, была произнесена при огромномъ стеченіи студентовъ всѣхъ факультетовъ". За лекціею Ешевскаго въ журналѣ помѣщено описаніе похоронъ Кудрявцева, гдѣ приведена рѣчь, сказанная на его могилѣ С. М. Соловьевымъ (стр. 112—113).

XI. Приложенія.

Въ приложеніяхъ помѣщены три мелкихъ статьи, не внесенныхъ въ изданіе „Сочиненій" 1870 г.

1. Пребываніе Петра Великаго въ Нижнемъ-Новгородѣ (страница 379 — 382).

Статья эта была напечатана въ „Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" 1845 г., отдѣлъ второй, часть неоффиціальная, №№ 42 и 43, суббота

27 октября. Статья представляетъ рѣчь, прочитанную Ешевскимъ-гимназистомъ на гимназическомъ актѣ. См. объ этомъ въ біографическомъ очеркѣ, стр. VI.

Въ первомъ отдѣлѣ того же № Губернскихъ Вѣдомостей находится описаніе акта. Вотъ оно:

„22 октября дирекція нижегородской гимназіи, въ присутствіи гг. преосвященнаго Іоанна, епископа Нижегородскаго и Арзамасскаго, исправляющаго должность военнаго губернатора, князя Урусова, и другихъ почетныхъ лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ, давала торжественный актъ въ собственномъ домѣ. Актъ открытъ былъ при входѣ преосвященнаго Іоанна духовнымъ концертомъ, по окончаніи котораго г. учитель Кротковъ прочелъ сочиненіе. Предметомъ этого сочиненія былъ разборъ поэмы Шиллера: *Орлеанская Дѣва*. За симъ слѣдовало сочиненіе воспитанника VII класса гимназіи Ешевскаго: *О пребываніи Петра Великаго въ Нижнемъ-Новгородѣ*. Избранное имъ событіе, достойное интересовать каждаго русскаго, было принято общимъ вниманіемъ гг. посѣтителей.

Послѣ рѣчей, произнесенныхъ воспитанниками гимназіи на латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, г. секретарь Совѣта прочелъ отчетъ за прошедшій академическій годъ по части учебной и хозяйственной, и розданы были награды ученикамъ гимназіи — книгами и похвальными листами за успѣхи и поведеніе. Актъ заключенъ былъ пѣснію: *Боже, Царя храни*".

Къ тому мѣсту отчета, гдѣ говорится о вниманіи, съ какимъ посѣтители приняли рѣчь гимназиста Ешевскаго, сдѣлано примѣчаніе: „По желанію г. исправляющаго должность военнаго губернатора ознакомить съ этимъ событіемъ всѣхъ жителей Нижняго-Новгорода, сочиненіе Ешевскаго помѣщается въ отдѣлѣ исторіи настоящаго №".

---

2. О шутахъ въ XVIII вѣкѣ (стр. 382—385).

Напечатано въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1857 г., № 135, въ отдѣлѣ „Библіографическія Замѣтки", безъ особаго заглавія, за подписью „Любитель библіографіи" и съ такимъ предварительнымъ объясненіемъ редакціи: „По поводу послѣдняго „библіографическаго замѣчанія" г. Лонгинова, М. Вѣд. 1857, № 132, мы получили четыре замѣтки, окончательно и при томъ одинаково рѣшающія недоумѣніе почтеннаго библіографа. На этотъ разъ, какъ нерѣдко случается въ подобныхъ случаяхъ, оказалось, что „ларчикъ просто открывался". Сообщаемъ эти замѣтки для тѣхъ читателей, которые слѣдили за споромъ и, не имѣя полнаго изданія *Записокъ* Манштейна, не могли сами разрѣшить недоумѣніе г. Лонгинова".

Въ статьѣ о кн. Щербатовѣ Ешевскій сдѣлалъ примѣчаніе, относящееся до вопроса о шутѣ кн. Голицынѣ (стр. 285).

Принадлежность Ешевскому замѣтки о шутахъ указана въ библіографическомъ спискѣ, составленномъ для изданія 1870 г. кн. Бестужевымъ-Рюминымъ.

---

3. Пермскій Сборникъ (стр. 386 — 392).

Рецензія была напечатана въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1859 г., № 148, за подписью N. Принадлежность ея Ешевскому указана въ спискѣ Бестужева-Рюмина.

Ешевскій самъ участвовалъ въ обоихъ томахъ „Пермскаго Сборника" замѣтками о пермскихъ древностяхъ. Въ первой изъ нихъ (т. I, стр. 132 — 142, „Замѣтка о пермскихъ древностяхъ". Изъ письма къ издателю „Пермскаго Сборника"; съ четырьмя таблицами рисунковъ) дается описаніе собранія древностей, принадлежавшее самому Ешевскому; вторая замѣтка говоритъ о древностяхъ, хранящихся въ Лазаревскомъ институтѣ (т. II, стр. 35—40, „Пермскія древности, находящіяся въ Москвѣ, въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ. Изъ письма къ издателю Пермскаго Сборника"). Обѣ замѣтки спеціальнаго характера и потому не внесены въ настоящее изданіе.

Цѣна 2 руб.